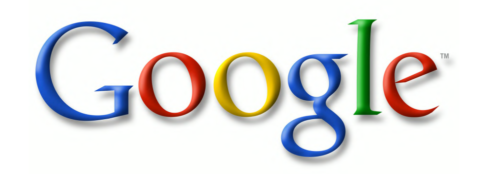

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

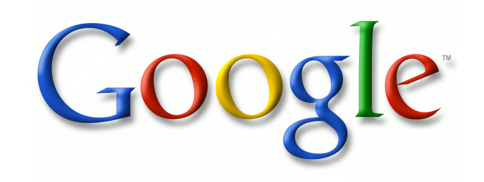
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

7-50.
за 3 т.
К 1/32
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

СОЧИНЕНІЯ

С. В. ЕШЕВСКАГО.

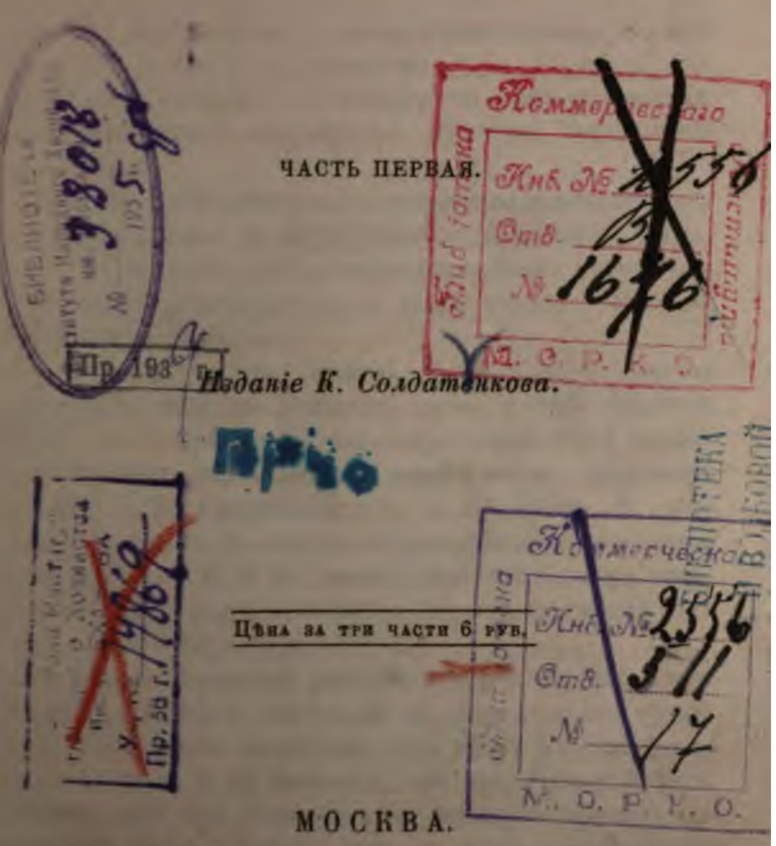

Eshevskiĭ, S. V.
9
Е-99

СОЧИНЕНІЯ

С. В. ЕШЕВСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

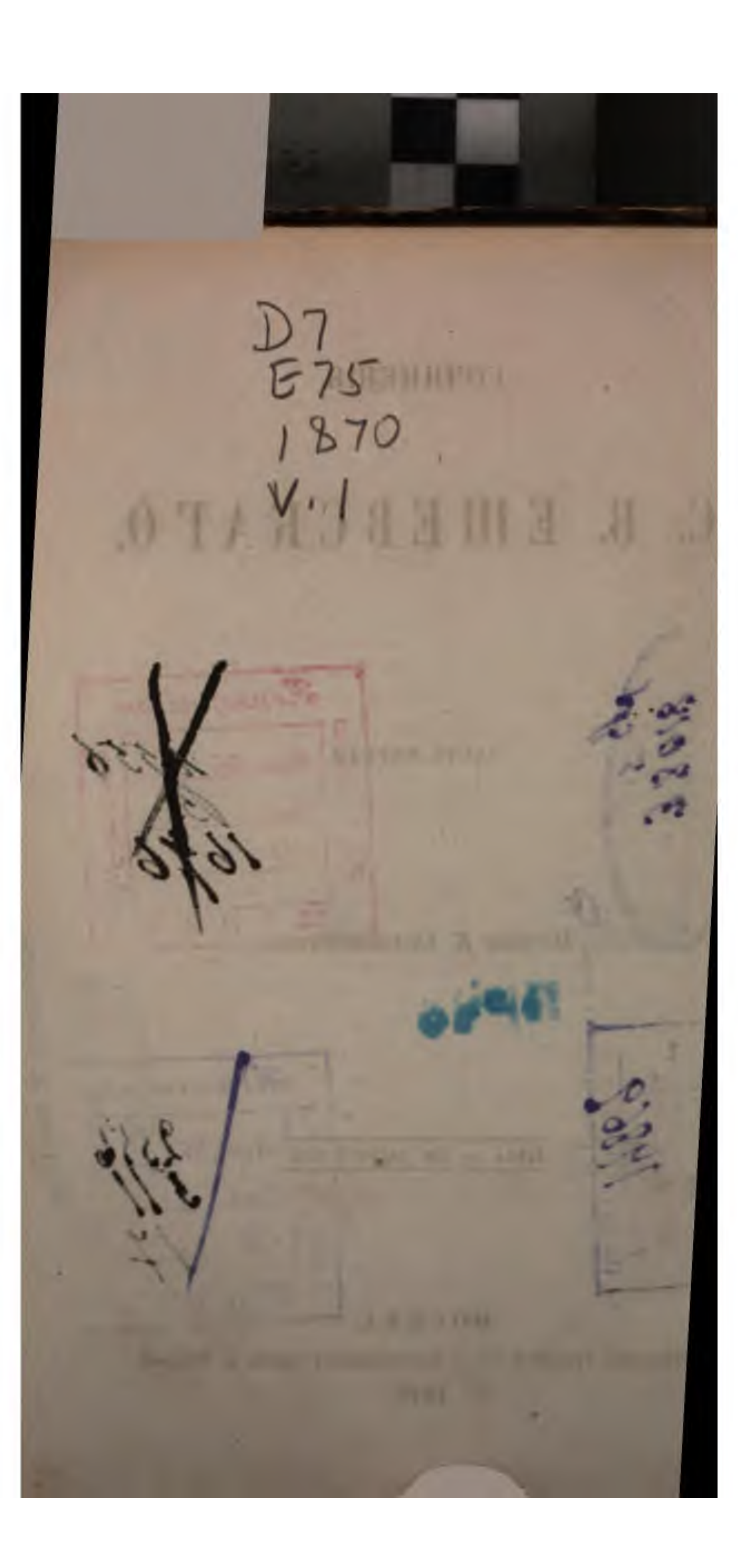

Изданіе К. Солдатенкова.

Цѣна за три части 6 руб.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К°, у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.
1870.

D7
E75
1870
V.1

[redacted]

Память безкорыстныхъ поборниковъ правды и добра не должна умирать въ потомствѣ.

Освѣжать ее лежитъ на обязанности тѣхъ, кто пользовался совѣтами и созерцаніемъ мужества этихъ честныхъ людей.

Сознаніе этого двойнаго, гражданскаго и личнаго, долга понудило меня, по мѣрѣ моихъ силъ и досуга, сохранить отъ забвенія главные труды покойнаго профессора Московскаго университета и моего учителя, Степана Васильевича Ешевскаго.

Не скрою, что меня ласкала, быть можетъ еще не запоздалая, надежда побудить тѣхъ, у кого хранятся бумаги П. Н. *Кудрявцева* изданіемъ его сочиненій пополнить пробѣлъ, образующійся теперь между собраніями трудовъ Т. Н. *Грановскаго* и С. В. *Ешевскаго*. Я убѣжденъ, что полныя фактическаго содержанія сочиненія и особенно лекціи П. Н. Кудрявцева были бы и теперь своевременнымъ и давно желаннымъ гостемъ въ нашей бѣдной ученой литературѣ.

Съ цѣлью удешевить изданіе, я внесъ въ него лишь главные и отчасти еще нигдѣ не напечатанные труды С. В. Ешевскаго, исключивъ, при всемъ ихъ интересѣ, мелкія статьи. Я не опасался, что эти статьи будутъ забыты: всѣ онѣ были въ свое время напечатаны, и читателю легко отыскать ихъ по ниже прилагаемому списку, составленному К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.

За исключеніемъ «Аполлинарія Сидонія,» всѣ статьи настоящаго изданія составляютъ лекціи, которымъ вообще посвящена была жизнь покойнаго профессора. Статья «П. Н. Кудрявцевъ» (1858 г.) была его вступительною лекціей въ Московскомъ университетѣ. «Центръ римскаго міра и его провинціи» и «Очерки язычества и христіанства» (1858—1859 г.) служили введеніемъ къ обширному спеціальному курсу средней исторіи, на который онъ хотѣлъ убить почти всю свою жизнь. «Эпоха переселенія народовъ. Меровинги и Каролинги» (1863—1864 г.) составляетъ часть этого курса. Все это лекціи, отдѣланныя самимъ покойнымъ профессоромъ. Курсъ о Германцахъ, читанный въ 1861—1862 академическомъ году, сохранился лишь въ ничтожныхъ отрывкахъ: къ сожалѣнію, то же должно сказать и о нѣсколькихъ лекціяхъ объ эпохѣ феодализма, писанныхъ уже разбитою рукой въ концѣ 1864 года. Статья «О значеніи расъ въ исторіи» относится къ этому же роковому времени въ жизни С. В. Ешевскаго; она служила введеніемъ къ курсу древней исторіи, который профессоръ читалъ по краткимъ конспектамъ.

Свѣдѣнія касательно курсовъ о Елизаветѣ Петровн[illegible] и о русской исторіографіи, которые напечатаны мно[illegible] отчасти по конспектамъ, отчасти по студентскимъ з[illegible] пискамъ, читатель найдетъ въ прилагаемомъ здѣсь біогр[illegible] фическомъ очеркѣ, написанномъ профессоромъ русск[illegible] исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, К. Н. Бес[illegible] жевымъ-Рюминымъ, бывшимъ въ близкихъ товари[illegible] скихъ и родственныхъ отношеніяхъ съ покойным[illegible] В. Ешевскимъ.

Примѣчанія, означенныя буквами *А. Т.*, принадле[illegible] мнѣ; остальныя—самому автору.

Вотъ списокъ напечатанныхъ сочиненій С. В. [illegible]скаго:

[redacted]

Въ 1845 году: 1) Пребываніе Петра Великаго въ Нижнемъ (Нижегор. Губ. Вѣд.)

Въ 1851 году: 2) Рецензія (безъ подписи) о «Судьбахъ Италіи» *Кудрявцева* (Моск. Вѣд. №№ 40 и 41).—3) Рецензія объ «Обозѣрніи исторіи древняго міра» *Рославскаго*, (тамъ же № 125).

Въ 1852 году: 4) Обозрѣніе книгъ по всеобщей исторіи за 1851 годъ («Отеч. Зап.» № 2).—5) Рецензія о «Четырехъ историческихъ характеристикахъ» *Грановскаго* (тамъ же № 7).

Въ 1855 году: 6) «К. Аполлинарій Сидоній» (отрывокъ изъ этой книги въ «Моск. Вѣд.» 1855 г. №№ 26 и 27).

Въ 1856 году: 7) Рецензія о книгѣ «Македонская игемонія и ея приверженцы» *Астафьева* («Моск. Вѣд». №№ 97, 99)

Въ 1857 году: 8) Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній на статью «Новиковъ и Шварцъ», («Русск. Вѣстн.» № 21).—9) Замѣтка по вопросу о шутахъ (подъ псевдонимомъ *любителя библіографіи*) («Моск. Вѣд. № 135).

Въ 1858 году: 10) По поводу кончины Кудрявцева («Моск. Вѣд». № 9).—11) Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ, какъ преподаватель («Русс. Вѣст.» № 2)—12) Нѣсколько объясненій по поводу отчета о диспутѣ Бѣляева («Моск. Вѣд.» № 75).—13) Въ «Чтеніяхъ въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей» рецензія за подписью *Е. Е—нъ.*)—14) Рецензія на книгу г. Бѣляева «Наслѣдство безъ завѣщанія» съ подписью *Л.* («Отеч. Зап.» № 7). — 15) Изложеніе неизданнаго

[redacted]

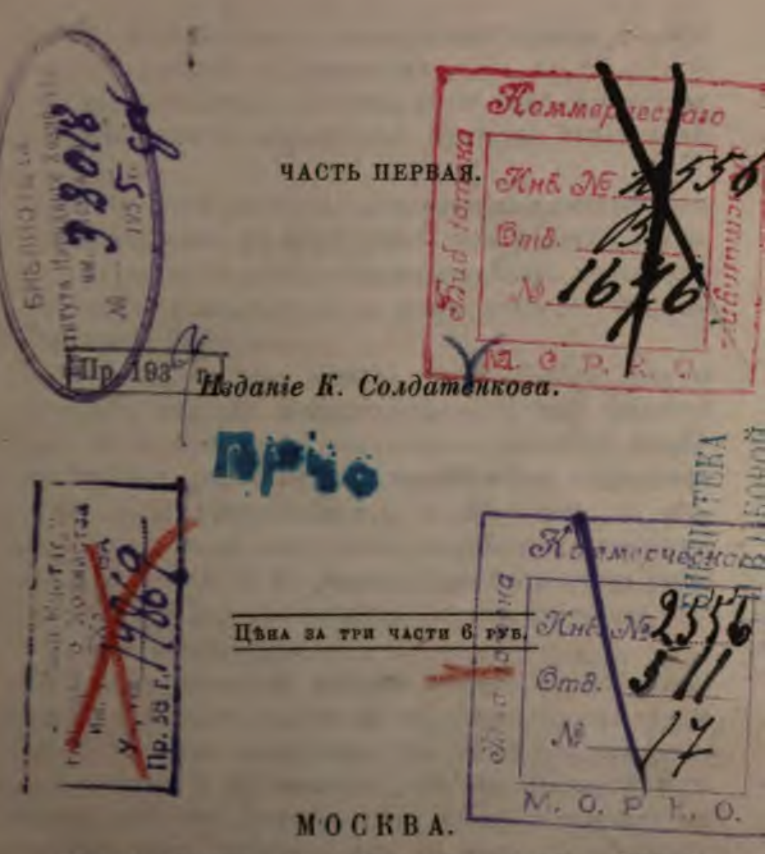
СОЧИНЕНІЯ

С. В. ЕШЕВСКАГО.

Eshevskii, S. V.
9
E-9

СОЧИНЕНІЯ

С. В. ЕШЕВСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе К. Солдатенкова.

ЦѢНА ЗА ТРИ ЧАСТИ 6 РУБ.

МОСКВА.
Типографія Грачева и К°, у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.
1870.

D7
E75
1870
V.1

[redacted]

Память безкорыстныхъ поборниковъ правды и добра не должна умирать въ потомствѣ

Освѣжать ее лежитъ на обязанности тѣхъ, кто пользовался совѣтами и созерцаніемъ мужества этихъ честныхъ людей.

Сознаніе этого двойнаго, гражданскаго и личнаго, долга понудило меня, по мѣрѣ моихъ силъ и досуга, сохранить отъ забвенія главные труды покойнаго профессора Московскаго университета и моего учителя, Степана Васильевича Ешевскаго.

Не скрою, что меня ласкала, быть можетъ еще не запоздалая, надежда побудить тѣхъ, у кого хранятся бумаги П. Н. *Кудрявцева* изданіемъ его сочиненій пополнить пробѣлъ, образующійся теперь между собраніями трудовъ Т. Н. *Грановскаго* и С. В. *Ешевскаго*. Я убѣжденъ, что полныя фактическаго содержанія сочиненія и особенно лекціи П. Н. Кудрявцева былибы и теперь своевременнымъ и давно желаннымъ гостемъ въ нашей бѣдной ученой литературѣ.

Съ цѣлью удешевить изданіе, я внесъ въ него лишь главные и отчасти еще нигдѣ не напечатанные труды С. В. Ешевскаго, исключивъ, при всемъ ихъ интересѣ, мелкія статьи. Я не опасался, что эти статьи будутъ забыты: всѣ онѣ были въ свое время напечатаны, и читателю легко отыскать ихъ по ниже прилагаемому списку, составленному К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.

За исключеніемъ «Аполлинарія Сидонія,» всѣ статьи настоящаго изданія составляютъ лекціи, которымъ вообще посвящена была жизнь покойнаго профессора. Статья «П. Н. Кудрявцевъ» (1858 г.) была его вступительною лекціей въ Московскомъ университетѣ. «Центръ римскаго міра и его провинціи» и «Очерки язычества и христіанства» (1858—1859 г.) служили введеніемъ къ обширному спеціальному курсу средней исторіи, на который онъ хотѣлъ убить почти всю свою жизнь. «Эпоха переселенія народовъ. Меровинги и Каролинги» (1863—1864 г.) составляетъ часть этого курса. Все это лекціи, отдѣланныя самимъ покойнымъ профессоромъ. Курсъ о Германцахъ, читанный въ 1861—1862 академическомъ году, сохранился лишь въ ничтожныхъ отрывкахъ: къ сожалѣнію, то же должно сказать и о нѣсколькихъ лекціяхъ объ эпохѣ феодализма, писанныхъ уже разбитою рукой въ концѣ 1864 года. Статья «О значеніи расъ въ исторіи» относится къ этому же роковому времени въ жизни С. В. Ешевскаго; она служила введеніемъ къ курсу древней исторіи, который профессоръ читалъ по краткимъ конспектамъ.

Свѣдѣнія касательно курсовъ о Елизаветѣ Петровн' и о русской исторіографіи, которые напечатаны мно отчасти по конспектамъ, отчасти по студентскимъ з писокамъ, читатель найдетъ въ прилагаемомъ здѣсь біогр фическомъ очеркѣ, написанномъ профессоромъ русск исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, К. Н. Бес жевымъ-Рюминымъ, бывшимъ въ близкихъ товарі скихъ и родственныхъ отношеніяхъ съ покойным В. Ешевскимъ.

Примѣчанія, означенныя буквами *А. Т.*, принадл мнѣ; остальныя—самому автору.

Вотъ списокъ напечатанныхъ сочиненій С. В. скаго:

[redacted]

Въ 1845 году: 1) Пребываніе Петра Великаго въ Нижнемъ (Нижегор. Губ. Вѣд.)

Въ 1851 году: 2) Рецензія (безъ подписи) о «Судьбахъ Италія» *Кудрявцева* (Моск. Вѣд. №№ 40 и 41).—3) Рецензія объ «Обозѣрніи исторіи древняго міра» *Рославскаго*, (тамъ же № 125).

Въ 1852 году: 4) Обозрѣніе книгъ по всеобщей исторіи за 1851 годъ («Отеч. Зап.» № 2).—5) Рецензія о «Четырехъ историческихъ характеристикахъ» *Грановскаго* (тамъ же № 7).

Въ 1855 году: 6) «К. Аполлинарій Сидоній» (отрывокъ изъ этой книги въ «Моск. Вѣд.» 1855 г. №№ 26 и 27).

Въ 1856 году: 7) Рецензія о книгѣ «Македонская игемонія и ея приверженцы» *Астафьева* («Моск. Вѣд». №№ 97, 99)

Въ 1857 году: 8) Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній на статью «Новиковъ и Шварцъ», («Русск. Вѣстн.» № 21).—9) Замѣтка по вопросу о шутахъ (подъ псевдонимомъ *любителя библіографіи*) («Моск. Вѣд. № 135).

Въ 1858 году: 10) По поводу кончины Кудрявцева («Моск. Вѣд». № 9).—11) Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ, какъ преподаватель («Русс. Вѣст.» № 2)—12) Нѣсколько объясненій по поводу отчета о диспутѣ Бѣляева («Моск. Вѣд.» № 75).—13) Въ «Чтеніяхъ въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей» рецензія за подписью *Е. Е—нв.*)—14) Рецензія на книгу г. Бѣляева «Наслѣдство безъ завѣщанія» съ подписью *Л.* («Отеч. Зап.» № 7). — 15) Изложеніе неизданнаго

сочиненія кн. М. М. Щербатова «О повреждевіи нравовъ въ Россіи» («Атеней», т. I).—16) Рецензія о «Курсѣ всеобщей исторіи», составленномъ *В. Шульгинымъ* (тамъ же т. V).

Въ 1859 году: 17) Замѣтка о пермскихъ древностяхъ («Пермск. сборникъ» кн. 1).—18) Пермскаго Сборника кн. 1. Рецензія (подъ буквою N.) по поводу кн. 1. («Моск Вѣд.» №. 148).

Въ 1860 году: 19) Письма изъ-за границы. 1. Дрезденъ. («Отеч. Зап.» т. CXXX).

Въ 1861 году: 20) Одно изъ нашихъ руководствъ по всеобщей исторіи: «Курсъ всеобщей исторіи для средняго возраста учащихся» *Ив. Кулжинскаго.* («Моск. Вѣд.» № 176).

Въ 1862 году: 21) Замѣчанія на проектъ общаго устава университетовъ. («Моск. Вѣд.» и въ книгахъ подъ тѣмъ же заглавіемъ, т. 1, стр. 267 — 279).—22) Этнографическіе этюды. («Отеч. Зап.» №№ 6 и 7).

Въ 1864 году: 23) Женщина въ средніе вѣка въ западной Европѣ. («Русс. Вѣст.» № 4).—24) Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго вѣка (1780—89). I (тамъ же № 8).

Въ 1865 году: 25) Московскіе масоны. II («Русс. Вѣст. № 3.).- 26) О свайныхъ постройк («Древности. Труды Моск. арх. об ства». т. 1.).

А. Трачевскій.

25 ноября 1869 года.

[redacted]

СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЕШЕВСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

[redacted]

Степанъ Васильевичъ Ешевскій родился 2-го февраля 1829 г. Онъ былъ сынъ кологривскаго (Костромской губерніи) помѣщика Василія Ивановича и жены его Александры Васильевны, урожденной Перфильевой. Первое дѣтство его прошло частью въ деревнѣ, частью въ уѣздномъ городѣ. Росъ онъ больнымъ; по его собственному свидѣтельству, въ одномъ изъ писемъ изъ-за границы, онъ былъ до пяти лѣтъ безъ ногъ и безъ языка. Проѣзжій медикъ, остановившійся въ Кологривѣ по дорогѣ въ Сибирь, помогъ ему. Съ болѣзненною нервичностью мальчикъ соединялъ живость характера и способность къ ученію. Въ 1838 (скорѣе въ 1839 г.) онъ поступилъ въ костромскую гимназію, гдѣ былъ всегда изъ лучшихъ учениковъ. По его разсказу я знаю, что еще въ Костромѣ онъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ (дѣло было въ VI классѣ), задумалъ составить на основаніи учебника и читаемыхъ книгъ (читать онъ любилъ всегда, и въ эту пору читалъ по большей части путешествія) историческій словарь; въ основаніе этого словаря они клали азбучный указатель къ книгѣ Кайданова. Строгое наказаніе мальчика за дѣтскую шалость и намѣреніе Василія Ивановича перейти на службу въ Нижній побудили этого послѣдняго взять сына изъ костромской гимназіи. Чтобы не терять времени, мальчикъ ходилъ въ кологривское училище,

гдѣ его помнитъ С. М. Максимовъ. Въ 1842 г. В. И. Ешевскій перешелъ на службу въ Нижній. Степанъ Васильевичъ послѣ приготовленія у одного изъ учителей въ началѣ учебнаго 1842—43 г. поступилъ въ нижегородскую гимназію. Живо помню, какъ осенью 1842 г. къ намъ въ III классъ въ урокъ латинскаго языка привели тщедушнаго, худаго мальчика, котораго тутъ же и проэкзаменовалъ учитель. Мальчикъ этотъ былъ Ешевскій, и тогда уже поражавшій болѣзненнымъ видомъ. Онъ отвѣчалъ хорошо и поступилъ въ IV классъ, гдѣ хорошо учился и скоро сталъ первымъ въ своемъ классѣ. Съ этихъ поръ начинаются мои личныя воспоминанія, хотя впрочемъ мы сблизились болѣе въ то время, когда Ешевскій былъ уже въ V классѣ. Первымъ поводомъ къ нашему знакомству были приватные уроки греческаго языка, которые мы втроемъ (Ешевскій, я и М. И. Ч. одноклассные съ Ешевскимъ) брали у нашего директора, бывшаго когда-то профессоромъ греческаго языка. Добрый, теперь уже покойный М. Ф. Гр. былъ охотникъ учить по гречески, училъ даромъ; но, къ сожалѣнію, весьма неакуратно и по своей грамматикѣ, безтолковой и скучной. Никто изъ учениковъ не выучился по гречески ни у насъ въ гимназіи, ни въ университетѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ. Ешевскій не составлялъ исключенія въ этомъ случаѣ.

Гимназія нижегородская съ пансіономъ, при ней открытымъ (пансіонъ этотъ преобразованъ былъ въ институтъ только въ 1844—45 г.), считалась, если не лучшимъ, то однимъ изъ лучшихъ заведеній въ казанскомъ округѣ. То время, о которомъ мы теперь говоримъ, было завершеніемъ стараго періода его существованія, послѣднимъ временемъ полнаго господства старой педагогіи: съ открытіемъ института потребовался для двухъ заведеній двойной комплектъ учителей и потому пріѣхало много новыхъ лицъ изъ Казани и изъ

[redacted]

петербургскаго Педагогическаго института; эти пріѣзжіе привезли съ собою новое обращеніе и новые педагогическіе пріемы. Эту перемѣну ощутило на себѣ наше поколѣніе. Когда мы поступили въ гимназію, господствовала полная патріархальность. Каждую субботу сѣкли лѣнивыхъ, для чего директоръ являлся съ особою торжественностію въ классъ и вызывалъ по списку своихъ жертвъ; учителя дрались въ классѣ, одинъ учитель математики (умершій лѣтъ около 30 тому назадъ) бралъ ученика за волосы и тащилъ его черезъ классъ отъ доски къ скамейкамъ и отъ скамеекъ къ доскѣ; другой учитель географіи и русскаго языка въ первомъ классѣ, замѣтивъ, что мальчикъ грызетъ ногти, велѣлъ ему взять въ ротъ кусокъ мѣлу; онъ же заставлялъ двухъ виновныхъ учениковъ таскать другъ друга за волосы. Въ преподаваніи были тоже курьезы. Урокъ неизмѣнно задавался слѣдующимъ образомъ: учитель читалъ по книгѣ то, что надо выучить, а ученики, слѣдя по своимъ книгамъ, зачеркивали то, что учитель пропускалъ въ чтеніи; если въ программѣ (составленной въ Казани) было что-нибудь не входившее въ учебникъ, тогда учитель доставалъ, откуда Богъ послалъ, недостающее. Самымъ блистательнымъ образчикомъ того, что бывало въ гимназіяхъ, служитъ одинъ изъ нашихъ учителей математики (тоже умершій теперь), который ни разу — я учился у него года четыре — ни самъ не говорилъ въ классѣ, ни учениковъ не спрашивалъ. Легко представить каковы были успѣхи въ математикѣ! Ломоносовское раздѣленіе слога на высокій, средній и низкій, источники изобрѣтенія и хріи господствовали въ той теоріи словесности, которая преподавалась намъ по Кошанскому. Между учителями той эпохи были впрочемъ и очень порядочные. Такимъ былъ учитель латинскаго языка Е. Т. Лѣтницкій (у котораго впрочемъ Ешевскій учился мало), доводившій учениковъ до V-го класса. Постоянное вниманіе, постоянное повтореніе

стараго, педантическое требованіе точности въ отвѣтахъ и упражненіяхъ были очень полезны для учениковъ; полное знаніе того круга предметовъ, въ которыхъ вращалось преподаваніе, умѣніе отвѣтить на всѣ вопросы учениковъ, тактъ, съ которымъ держалъ себя учитель, все внушало къ нему уваженіе и ставило его выше насмѣшекъ. Самымъ лучшимъ учителемъ того времени былъ П. И. Мельниковъ, у котораго Ешевскій учился съ IV класса до окончанія курса. П. И. Мельниковъ мало занимался самымъ преподаваніемъ: рѣдко говорилъ въ классѣ, никогда не слушалъ отвѣтовъ учениковъ, не исполнялъ самыхъ основныхъ началъ педагогіи. Говорятъ, что въ началѣ своей педагогической дѣятельности онъ усиленно работалъ для классовъ; но по неопытности требовалъ слишкомъ многаго съ учениковъ. Египетскія династіи по Шамполіону, философскія взгляды на паденіе Западной Римской имперіи (составленныя для этого свои записки онъ напечаталъ тогда же въ «Литературной Газетѣ»), персидская исторія въ эпоху Сассанидовъ входили въ его преподаваніе. Неудача этихъ требованій охладила его: онъ впалъ въ рутину; но, если случалось ему замѣчать, что кто-нибудь изъ учениковъ интересуется историческими вопросами, онъ говорилъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ, звалъ его къ себѣ на домъ, давалъ книги, спрашивалъ о прочитанномъ, толковалъ и, такимъ образомъ, поддерживалъ интересъ. Говорилъ онъ всегда превосходно, книги выбиралъ интересныя. Оттого многіе ему чрезвычайно обязаны, а между этими многими въ особенности Ешевскій и я.

Въ 1844 г. открылся институтъ. Я, бывшій пансіонеромъ, перешелъ въ это новое заведеніе и на годъ мы разстались съ Ешевскимъ; но въ этотъ годъ мы часто видались по праздникамъ и въ вакаціи; то онъ заходилъ ко мнѣ, то я къ нему. Тогда мы показывали другъ другу свои первые литературные

[redacted]

опыты: Ешевскій писалъ стихи, я больше прозу. Ешевскій былъ строгимъ критикомъ этихъ опытовъ и по правдѣ очень справедливымъ. Стихи Ешевскаго были очень гладки, хотя и не показывали особаго поэтическаго дарованія. Черезъ годъ на одной изъ тѣхъ литературныхъ бесѣдъ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, Ешевскій читалъ свои стихи, между прочимъ одно стихотвореніе «Къ звѣздѣ». Директоръ гимназіи (не тотъ, о которомъ говорилось выше, а другой) замѣтилъ: «Надѣюсь, что ваша звѣзда не съ волосами» (т. е. что стихотвореніе писано не къ женщинѣ): такъ ревниво охраняли тогда насъ даже отъ свѣжаго юношескаго чувства, которое придаетъ полную прелесть воспоминанію молодыхъ лѣтъ. Тогда же Ешевскій познакомилъ меня съ ихъ новымъ учителемъ словесности. Этотъ учитель былъ человѣкъ безспорно даровитый, и намъ послѣ стараго преподаванія словесности казался чѣмъ-то особеннымъ. Какъ учитель, онъ былъ хорошъ тѣмъ, что требовалъ тщательной обработки слога и изученія образцовыхъ писателей; въ его воззрѣніяхъ на литературу было много своеобразнаго и далеко не всегда правильнаго; къ тому же, кромѣ знанія словесности русской и отчасти французской, онъ не обладалъ никакими знаніями; даже Байрона, которому онъ поклонялся, можетъ быть, иногда и чрезмѣрно, онъ зналъ по французскому переводу. Ешевскій имѣлъ съ нимъ въ послѣдствіи столкновеніе, которое показываетъ, какъ рано развились въ немъ требованія, гораздо болѣе серьезныя, чѣмъ требованія самого учителя: онъ писалъ сочиненіе о Фритіофѣ и занялся отыскиваніемъ въ доступныхъ ему книгахъ свѣдѣній о Норманахъ и ихъ жизни, а учитель желалъ опредѣленія отношеній Тегнеровой поэмы къ теоріи и гладкаго изложенія. Ешевскій кинулъ тетрадь, учитель разсердился; едва уладили дѣло.

Въ 1845 г. Ешевскій перешелъ въ VII классъ; а я, оставивъ институтъ, былъ переведенъ отцемъ въ гимназію. Здѣсь

мы были почти неразлучны: вмѣстѣ ходили по корридору гимназіи; сходились по вечерамъ то у него, то у меня, то въ знакомыхъ семействахъ и преимущественно въ одномъ, гдѣ радушно принимали гимназистовъ потому, что дѣти были тоже въ гимназіи. Много мы толковали въ это время и много спорили; я былъ въ обаяніи отъ Бѣлинскаго и отъ Григорьева (странное сопоставленіе, возможное только въ молодые года) и бредилъ Жоржъ Зандомъ. Ешевскій мало вѣрилъ первому, никогда не читалъ втораго; впрочемъ начиналъ сдаваться третьей; въ университетскіе годы онъ много читалъ ея романовъ и горячо заступался за нихъ. Его занятія были серьезнѣе моихъ: я весь предался чтенію литературному почти исключительно, перечитывалъ старыхъ и новыхъ русскихъ писателей, читалъ Жоржъ Занда, Гюго, Гёте; а онъ предпочиталъ чтеніе историческое: такъ я знаю, что въ эту пору онъ прочелъ Баранта: «Histoire des ducs de Bourgogne» и готовилъ къ акту свое сочиненіе: «О пребываніи Петра Великаго въ Нижнемъ», которое сначала прочитано было на литературной бесѣдѣ, потомъ на актѣ и наконецъ напечатано въ «Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ». Сочиненіе это, написанное подъ руководствомъ П. И. Мельникова, показало направленіе молодаго автора: простота изложенія посреди господствующей въ гимназіяхъ и даже въ литературѣ — дѣло было въ 40-хъ годахъ—витіеватости, добросовѣстное пользованіе всѣмъ, что было указано, ясно говорили, что авторъ не остановится на полпути. Литературныя бесѣды, на одной изъ которыхъ прочитано это сочиненіе, введены были переведеннымъ незадолго передъ тѣмъ въ С.-Петербургъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ. Каждый мѣсяц[ъ] назначалась такая бесѣда и для нея одинъ изъ учениковъ VI VII классовъ долженъ былъ приготовить сочиненіе; сочине[ніе] это читалось въ присутствіи другихъ учениковъ и все

[redacted]

гимназическаго начальства; кто изъ учениковъ хотѣлъ, тотъ могъ возражать; завязывался споръ. Этотъ диспутъ, записанный учителемъ вмѣстѣ съ сочиненіемъ, посылался въ Казань на разсмотрѣніе профессора словесности; отчеты профессора о достоинствахъ присылаемыхъ отовсюду сочиненій печатались въ «Правительственныхъ распоряженіяхъ» (тогдашній журналъ округа). Съ трепетомъ ждалъ каждый изъ нихъ, что-то скажетъ К. К. Фойхтъ объ его сочиненіи. При такомъ порядкѣ бесѣды эти — что ясно само собою — должны были имѣть въ себѣ много театральнаго, подготовленнаго: дѣйствительно, для нѣкоторыхъ учениковъ возраженія приготовлялъ учитель; сказанное негладко выглаживалось въ письменномъ изложеніи: бывало, послѣ бесѣды приготовляешь сочиненіе для отсылки въ Казань и сочиняешь на досугѣ отвѣты на возраженія, иногда даже послѣ придуманные учителемъ; все это потомъ еще чиститъ и выглаживаетъ учитель. Въ 1846 г. наше начальство, желая доказать, что гимназія не пала послѣ отдѣленія института, на что намекали въ актовой рѣчи этого послѣдняго заведенія, затѣяло пригласить на бесѣду губернскаго предводителя и губернатора. Сочиненіе было мое: «Борисъ Петровичъ Шереметевъ». Сочиненіе понравилось и тогда сдѣлали второй опытъ: Ешевскій читалъ свое сочиненіе. «О Мѣстничествѣ». Эти-то бесѣды описалъ П. И. Мельниковъ въ «Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ», которыя онъ тогда редактировалъ. Описаніе это перепечатано въ «Москвитянинѣ» 1846 г., а потомъ А. С. Гацискимъ въ «Ниж. Вѣд.» 1865 г. (№ 23, статья: «Воспоминаніе о С. В. Ешевскомъ»). Это описаніе не совсѣмъ безпристрастно уже и потому, что авторъ статьи былъ главнымъ руководителемъ бесѣды, такъ какъ темы были историческія; тѣмъ не менѣе дѣло передается довольно близко къ правдѣ. Дѣйствительно, мы серьезно готовились къ своимъ сочиненіямъ; прочитывали всѣ доступные

намъ источники; готовились оба, какъ авторъ сочиненія, такъ и опонентъ, и скрывали другъ отъ друга возраженія, что впрочемъ не мѣшало всей остальной обстановкѣ быть подготовленною. При такой подготовкѣ понятно, что сочинитель могъ отвѣчать и на стороннія возраженія. Помню я, на бесѣдѣ Ешевскаго одинъ изъ присутствовавшихъ (теперь уже покойный П. П. Григорьевъ) сдѣлалъ возраженіе, на которое Ешевскій могъ отвѣчать цитатою изъ «Полнаго Собранія Законовъ». Готовился онъ для своего сочиненія много: прочелъ два тома мѣстническихъ дѣлъ, изданныхъ Н. И. Ивановымъ (въ «Русскомъ Сборникѣ» Московскаго историческаго общества), пересмотрѣлъ въ «Полномъ собраніи законовъ» акты царствованія Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, Акты Археогр. Экспедиціи и т. п. «Симбирскаго Сборника» тогда еще, кажется, не выходило или по крайней мѣрѣ не было въ Нижнемъ. Ешевскій писалъ мнѣ изъ Казани, что онъ тамъ прочелъ эту книгу. Въ этомъ же году Ешевскій и я впервые попробовали преподавательской дѣятельности: П. И. Мельниковъ получилъ на мѣсяцъ отпускъ и въ продолженіе этого мѣсяца его уроки въ старшихъ классахъ были заняты учителями, а въ меньшихъ (III и IV) отданы мнѣ и Ешевскому; Ешевскій велъ свой классъ, сколько помню, и дѣльно и строго. Такъ проходила наша гимназическая жизнь. Ешевскій много читалъ; но онъ не зарывался въ книги; по своему веселому, подвижному характеру, онъ и не могъ этого сдѣлать; у него иногда прорывались чисто дѣтскіе порывы шалости, которые придавали ему много привлекательности. Онъ былъ молодъ въ полномъ смыслѣ слова и не корчилъ изъ себя солиднаго человѣка: любилъ потанцовать, поболтать, а иногда и пошалить; но какъ шалятъ дѣти. Зато знаніями своими онъ стоялъ далеко выше уровня лучшихъ даже гимназистовъ, думаю, и теперешняго времени: выходя изъ

[redacted]

гимназіи онъ былъ хорошо знакомъ съ русскою литературой, читалъ кое-что по французски (по нѣмецки онъ выучился уже послѣ университета; еще на III-мъ курсѣ онъ говорилъ мнѣ: «Начну читать, а передо мной встаетъ Андрей Андреевичъ, ну и кинешь книгу». Андрей Андреевичъ Г. теперь покойный, былъ нашъ нѣмецкій учитель, который во всѣхъ оставилъ такое же благодарное воспоминаніе), читалъ много историческихъ книгъ и порядочно зналъ по латыни. Твердая и вѣрная память, быстрота и живость соображенія отличали его и тогда уже. Когда онъ писалъ, онъ не выдѣлывалъ своихъ фразъ, оттого я шутя называлъ слогъ его *лапидарнымъ*; но тѣмъ не менѣе его изложеніе всегда было дѣльно и толково. Оглядываясь назадъ на это давноминувшее время, конечно можно быть недовольнымъ многимъ въ нашемъ первоначальномъ образованіи; можно сказать, что въ занятіяхъ нашихъ не было методы, что, узнавая много, мы узнавали какъ-то случайно и безсвязно: мы были всѣ — какъ часто любилъ говорить Ешевскій — самоучки. Тѣмъ не менѣе мы многое знали, хотя отъ случайности пріобрѣтенія между нужнымъ много было и ненужнаго; а, главное, мы получили любовь къ знанію, стремленіе къ труду и уваженіе къ наукѣ, то въ началѣ смутное благоговѣніе къ его высшему вмѣстилищу, университету, которое сопровождало насъ во всю жизнь. Думаю, что этимъ благомъ съ избыткомъ выкупается безпорядочность нашего образованія, бывшая естественнымъ слѣдствіемъ того состоянія науки и общества, при которомъ совершалось наше развитіе. За эти блага можно поблагодарить руководителей нашей молодости и литературу, которая насъ воспитывала.

Въ іюнѣ 1846 г. Ешевскій кончилъ гимназическій курсъ. Ему хотѣлось ѣхать въ Москву; но воля отца, кажется, не безъ вліянія бывшаго тогда въ Нижнемъ профессора Н. А.

Иванова, побудила его ѣхать въ Казань. Казанскій университетъ переживалъ въ то время лучшую пору своего существованія: въ I отдѣленіи философскаго факультета (по нынѣшнему историко-филологическій факультетъ) и въ факультетѣ юридическомъ было нѣсколько хорошихъ профессоровъ; но выше всѣхъ ихъ стоялъ Н. А. Ивановъ. Недавняя могила приняла въ себя этого замѣчательнаго человѣка и я не могу удержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ. Обширный и многосторонній умъ, громадная память и необыкновенный даръ слова отличалъ его, какъ профессора. Онъ мало сдѣлалъ для науки; но въ этомъ виновата была преимущественно та обстановка, которую онъ нашелъ въ Казани: буйные, дикіе нравы господствовали въ студенчествѣ этого полувосточнаго города; и почти то же можно сказать и о нравахъ профессоровъ, а отчасти и всего общества казанскаго той эпохи, когда Ивановъ началъ свою дѣятельность. Но этого мало: университетъ былъ бѣденъ профессорами. Иванову пришлось занять нѣсколько каѳедръ: онъ читалъ въ одно время русскую исторію и древности (едвали это не единственный профессоръ, за исключеніемъ харьковскаго Успенскаго, который читалъ русскія древности), всеобщую исторію (да еще съ особымъ курсомъ для юристовъ) и исторію философіи. Во всѣхъ этихъ предметахъ Ивановъ старался приносить съ собою самостоятельное знаніе, и оттого ему не доставало времени выработать что-нибудь до той степени, чтобы выработанное могло быть напечатано. Печатно Ивановъ извѣстенъ мало, отчасти и оттого, что лучшее его сочиненіе: «Россія» появилось подъ чужимъ именемъ, да еще подъ именемъ непользовавшимся въ литературѣ почетною извѣстностію. Тѣмъ не менѣе по замыслу, да частію и по исполненію, это книга замѣчательная. Молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ въ Казани, гдѣ исторію слушалъ у Булыгина, большаго чуда

[redacted]

отчасти скептика, человѣка, судя по нѣкоторымъ статьямъ и по разсказамъ, весьма не глупаго, но мало образованнаго и мало даровитаго, этотъ-то молодой человѣкъ, побывъ немного въ Дерптѣ, почитавъ кое-что, задумалъ перестроить русскую исторію: онъ первый поставилъ ее въ среду исторіи другихъ славянскихъ народовъ и связалъ съ общею исторіей Европы. Къ сожалѣнію, книга оканчивается на смерти Ярослава Владимiровича; но самый планъ долженъ когда-нибудь пробудить даровитаго человѣка, заставить его поработать и осуществить то, что бродило въ головѣ молодаго дерптскаго студента, и что онъ покусился осуществить со всею дерзостію молодости, не подозрѣвающей ни обширности предмета, ни слабости еще неопытныхъ силъ. Эта книга, встрѣченная привѣтомъ Шафарика, была погребена для русской публики громовою рецензіей О. М. Бодянскаго въ «Москов. Наблюдателѣ». Въ послѣдствіи въ одномъ изъ примѣчаній къ своей докторской диссертаціи О. М. воздалъ должное этой книгѣ; но уже поздно: его рѣзкую статью въ журналѣ прочли всѣ, а диссертацію читали весьма немногіе. Отъ того или отъ другаго все равно, но этотъ замѣчательно-даровитый человѣкъ не оставилъ по себѣ замѣтнаго слѣда. Позднѣйшія поколѣнія строго осудили Иванова: отголосокъ этихъ сужденій можно видѣть вь «Воспоминаніяхъ о С. В. Ешевскомъ» А. С. Гацискаго. Дѣйствительно, Ивановъ послѣднихъ годовъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть. Грустное чувство овладѣваетъ невольно, когда подумаешь о томъ, что разныя обстоятельства, вольныя и невольныя вины отнимали у русской мысли и русской науки не менѣе дѣятелей, чѣмъ и самая смерть. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, Ивановъ былъ въ полной славѣ.

Ешевскій, пріѣхавъ въ Казань и выдержавъ съ честію вступительный экзаменъ, отъ котораго ученики нашей гимназіи

не были избавлены и въ Казани, сдѣлался студентомъ 1-го курса 1-го отдѣленія философскаго факультета и слушалъ между прочимъ профессора Иванова, читавшаго всѣмъ курсамъ всеобщую исторію. По недостатку времени Ивановъ принялъ такую систему: онъ собралъ всѣ четыре курса въ одну аудиторію и читалъ имъ то пропедевтику исторіи (обозрѣніе литературы исторической и вспомогательныхъ наукъ), то древнюю, то среднюю, то новую исторію. Такимъ образомъ каждый студентъ выслушивалъ полный курсъ исторіи, хотя и не всегда въ систематическомъ порядкѣ. Когда Ешевскій былъ на первомъ курсѣ, Ивановъ читалъ пропедевтику. Въ предшествующій разъ онъ читалъ пропедевтику блистательно: въ живыхъ очеркахъ, характеризуя тотъ или другой родъ источниковъ, ту или другую вспомогательную науку, онъ приводилъ въ восторгъ слушателей. Студенты старшихъ курсовъ передавали Ешевскому (это я слышалъ отъ него самого) о той лекціи, которую Ивановъ посвятилъ пѣснямъ и которую заключилъ словами Шиллера: «Der böse Mensch kann keine Lieder haben». Къ сожалѣнію на этотъ разъ пропедевтика имѣла совсѣмъ другой характеръ: Ивановъ вздумалъ прочесть каталогъ историческихъ сочиненій. Ешевскій нѣсколько разъ въ своихъ письмахъ возвращается къ этимъ лекціямъ: «вообрази, что въ одной его лекціи было 260 собственныхъ именъ. Суди же какова память», писалъ онъ мнѣ въ первое полугодіе. «Пропедевтика быстро идетъ къ совершенству, писалъ онъ передъ переходнымъ экзаменомъ: теперь ея 78 лекцій, и если положить круглымъ числомъ по 5 собственныхъ именъ на каждую лекцію (впрочемъ это minimum), то можешь представить, какой громадный итогъ проклятыхъ именъ, которыми надо набить голову къ наступающему торжеству экзаменовъ. Vanitas vanitatum et omnia vanitas». Не довольствуясь собственными именами и названіями

[redacted]

сочиненій, Ивановъ вносилъ еще иногда и оглавленія сочиненій; такъ, напримѣръ, знаменитыя сочиненія Вассія De scriptoribus graecis и De scriptoribus latinis, удостоены были этой чести; а такъ какъ ихъ оглавленія состоятъ тоже изъ именъ писателей, то запасъ именъ еще умножился. Прибавлю впрочемъ, что были и характеристики: я помню превосходную лекцію о Гиббонѣ, которую читалъ въ тетрадяхъ Ешевскаго. Всю эту мудрость надо было прочитывать не только къ экзамену, но еще къ репетиціи, которая бывала послѣ Рождества. Ешевскій съ честію сдалъ репетицію. Возвратясь изъ Нижняго послѣ Святой, писалъ онъ мнѣ: «Пріѣхалъ въ Казань, комната пуста: все вынесено точно послѣ нашествія непріятельскаго. Первый день былъ посвященъ приведенію въ порядокъ комнаты и отчасти головы, впрочемъ преимущественно первой. На другой день Нижній изъ головы вонъ, лекціи въ руки; двѣ ночи напролетъ не спалъ. За этотъ безпримѣрный подвигъ на репетиціи Ивановъ сказалъ sic (въ юношескихъ письмахъ Ешевскій часто вставлялъ не только слова, но и фразы по латыни): «весьма благодаренъ г. Ешевскій», и поставилъ 5 + одному изъ всего факультета. Сицевую викторію я отпраздновалъ, пройдя галопомъ отъ университета до дому». Послѣднія слова вовсе не фраза: Ешевскій въ ту пору готовъ былъ дѣйствительно пробѣжать галопомъ; ходилъ же онъ цѣлую ночь по Казани, отыскивая будочника, который заснулъ, чтобы забросить его аллебарду на будку съ цѣлію привести въ затрудненіе этого стража «съ сѣкирою, въ бронѣ сермяжной»; выворачивалъ же онъ другою ночью маленькія деревца на Черномъ Озерѣ (казанское гулянье) вверхъ кореньями, такія шалости были совершенно въ его духѣ. Шутка, мистификація чрезвычайно нравились ему въ тѣ далекіе годы. Впрочемъ неистощимый запасъ веселости и юмора, къ сожалѣнію омраченный болѣзненностью, сохранилъ

онъ и въ послѣдніе страдальческіе дни свои. Ивановъ благоволилъ къ Ешевскому съ самаго его пріѣзда: даже первое время онъ, пока Ивановъ не пріѣзжалъ, останавливался на его квартирѣ и здѣсь прочелъ большую рѣдкость, докторскую диссертацію Иванова: De Cultus popularis in Russia Ortu et progressu. Послѣ удачной репетиціи благоволеніе усилилось, и Ивановъ указалъ ему для дополненія къ тому, что онъ уже читалъ о происхожденіи Варяговъ, на сочиненія Байера и Memoriae Populorum. Самъ Ешевскій въ то время приходилъ въ восторгъ отъ славянской теоріи Венелина и, когда былъ въ Нижнемъ, давалъ мнѣ читать Скандинавоманію. На лѣтней вакаціи онъ предполагалъ заняться сводомъ мнѣній о Варягахъ и писалъ мнѣ: «Мнѣ хочется сначала собрать всѣ извѣстія восточныхъ, византійскихъ и западныхъ писателей о Варягахъ, а потомъ представить всѣ мнѣнія о нихъ, расположивъ эти мнѣнія по сектамъ». Мысль эта впрочемъ не была осуществлена, быть можетъ, по той причинѣ, о которой говоритъ онъ въ концѣ письма: «Ради Аллаха, не говори объ этомъ Павлу Ивановичу (Мельникову), а то, я предчувствую, что онъ скажетъ, что прежде, нежели браться за такое предпріятіе надо лучше моего знать исторію». Для насъ это не выполненное предпріятіе важно потому, что показываетъ, какъ добросовѣстно хотѣлъ все знать Ешевскій еще въ такой ранней молодости (тогда ему было только 18 лѣтъ). Другимъ занятіемъ Ешевскаго въ Казани была нумизматика: онъ вывезъ оттуда небольшое собраніе монетъ и нѣсколько старинныхъ французскихъ книгъ объ этомъ предметѣ. Это было началомъ его археологическихъ занятій, получившихъ въ послѣдствіи такое видное мѣсто въ ряду его трудовъ. У Ешевскаго страсть къ собиранію предметовъ древности была не только результатомъ пониманія ихъ важности, но и просто страстію антикварія: онъ любовался каждымъ предметомъ,

[redacted]

который пріобрѣталъ. Отличительною чертой его было то, что никогда и ничего онъ не дѣлалъ хладнокровно, только для отбыванія обязанности; но во все вносилъ страстность своей природы, клалъ часть своей души; оттого, быть можетъ, онъ и сгорѣлъ такъ рано... Изъ другихъ профессоровъ перваго курса могъ бы принести пользу Ешевскому Тхаржевскій, учившій по гречески (въ Казань поступали совершенно не знающіе этого языка, ибо изъ гимназій округа преподаваніе его было введено только въ одну, 1-ю казанскую); но, къ сожалѣнію, онъ учился у Тхаржевскаго только годъ, да и то по болѣзни не всегда бывалъ на лекціи. «Къ несчастію, писалъ мнѣ Ешевскій, я не слыхалъ его объясненія глаголовъ и вызубрилъ τύπτω наизусть». Ни И. М. Благовѣщенскаго, ни В. И. Григоровича, читавшихъ на старшихъ курсахъ, не слушалъ Ешевскій и, разумѣется, не слушалъ юристовъ, между которыми блисталъ тогда Д. И. Мейеръ.

Лѣтнюю вакацію Ешевскій провелъ въ Нижнемъ, гдѣ былъ тогда Ивановъ, ревизовавшій нашу гимназію, и эллинистъ Фишеръ. Ивановъ, узнавъ о томъ, что Ешевскій собирается перейти въ Москву, началъ уговаривать его остаться въ Казани, выставлялъ на видъ то, что по выходѣ онъ можетъ остаться при университетѣ, и что онъ, Ивановъ, надѣется имѣть его своимъ адъюнктомъ. Ешевскій не поддался однако этимъ убѣжденіямъ и твердо рѣшился ѣхать въ Москву. Фишеръ, говорившій только по нѣмецки и по латыни, скучалъ въ Нижнемъ; Ивановъ познакомилъ съ нимъ Ешевскаго, который сопровождалъ его въ прогулкахъ и, не зная по нѣмецки, долженъ былъ говорить по латыни, что и было для него самого чрезвычайно полезно.

Въ іюлѣ я уѣхалъ въ Москву; Ешевскій пріѣхалъ вскорѣ послѣ меня. Когда кончились мои вступительные экзамены, а лекціи еще не начинались, мы съ Ешевскимъ собрались къ

Троицѣ; наняли телегу въ одну лошадь и двое сутокъ тащились до Троицы; здѣсь пробыли день. Поклонились святынѣ и въ ризницѣ лавры впервые познакомились съ памятниками церковной древности. Назадъ ѣхали также двое сутокъ, ѣхали, разумѣется, шагомъ и часто шли пѣшкомъ. Всю эту дорогу Ешевскій былъ необыкновенно веселъ: длинная перспектива будущаго развивалась передъ нами радужная и заманчивая; сколько смѣху, шутокъ, остротъ! Всѣ дорожныя неудобства только усиливали нашу веселость: помню, что разъ пришлось намъ спать поочередно на узкой лавочкѣ, и какъ мы были довольны этимъ обстоятельствомъ! Такъ молоды мы были, такъ намъ было весело! Въ Москвѣ мы шатались по Кремлю, смотрѣли, что было доступно нашимъ средствамъ, и проводили въ прогулкахъ лѣтніе вечера. Москва и кремль повѣяли на насъ своею старою историческою жизнью. Какое-то чувство восторга и благоговѣнія къ старинѣ пробивалось въ нашихъ разговорахъ. Съ юношескимъ негодованіемъ смотрѣли мы на перестройки старыхъ зданій и пристройки къ нимъ: намъ больно было видѣть, что новая жизнь коснулась исторической святыни. Я поселился у своихъ родныхъ на Прѣснѣ, Ешевскій у своей тетки въ Хамовникахъ. Мы видѣлись каждый день, иногда оставались ночевать другъ у друга; а иногда тотъ, у котораго другой былъ въ гостяхъ, шелъ провожать почти что всю дорогу и возвращался домой одинъ. О чемъ тутъ не было переговорено! Но главный вопросъ, который занималъ насъ, былъ: что-то скажетъ намъ университетъ, тогда гремѣвшій по всей Россіи? Съ нѣкоторыми изъ профессоровъ мы были знакомы по сочиненіямъ: оба мы прочли «Волинъ, Іомбургъ и Винету» *Грановскаго* (еще изъ Казани Ешевскій писалъ мнѣ съ восторгомъ объ этой статьѣ), *С. М. Соловьева* «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великому князю» и тогдашнюю новинку, на которую мы съ жадностію кинулись

[redacted]

по пріѣздѣ въ Москву, «Исторію родовыхъ отношеній между князьями Рюрикова дома». Помню, какъ по дорогѣ во Владиміръ попался мнѣ листокъ газеты съ извѣстіемъ о диспутѣ Соловьева и съ краткимъ изложеніемъ книги: новый міръ, казалось, откроется передо мною, когда прочту книгу. Въ Москвѣ я прочелъ полемику между Соловьевымъ и Погодинымъ; я немедленно сталъ на сторонѣ Соловьева и тогда же досталъ себѣ его лекціи. Слѣдя за журналами, мы читали и статьи профессоровъ: оба мы чуть не наизусть знали статью *К. Д. Кавелина*: «Юридическій бытъ древней Россіи», которою открывался «Современникъ» 1847. Ешевскаго познакомилъ съ нею профессоръ Казанской Духовной Академіи Морошкинъ, котораго онъ очень полюбилъ въ Казани и о которомъ съ жаромъ говорилъ мнѣ въ это первое время. *С. П. Шевырева* и *Ѳ. И. Буслаева* мы тоже знали: перваго и по журнальнымъ статьямъ, и по «Теоріи поэзіи», съ которою я былъ близко знакомъ, и по только что появившейся «Исторіи русской словесности», а послѣдняго по его книгѣ «О преподаваніи отечественнаго языка», которая для меня тогда была мало понятна. *М. Н. Каткова* оба мы знали, какъ переводчика «Ромео и Юліи» и автора нѣсколькихъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ съ особымъ наслажденіемъ читалась статья о Саррѣ Толстой. «Элементы и формы» не дошли ни до Нижняго, ни до Казани, да едвали мы были въ состояніи тогда понять эту книгу, какъ слѣдуетъ. Все это были имена извѣстныя намъ; но рядомъ съ ними произносились два другіе имени, какъ надежда будущаго: изъ-за границы пріѣхали *П. Н. Кудрявцевъ* и *П. М. Леонтьевъ*. Мы и не подозрѣвали тогда, что Кудрявцевъ былъ авторомъ тѣхъ изящно-грустныхъ и поэтически-задушевныхъ повѣстей, которыя подъ подписью А. Н. и А. Нестроевъ плѣняли насъ въ современныхъ журналахъ, мы не знали тогда, что граціозная

статья «О Венерѣ Милоской» (въ Отеч. Зап., а послѣ въ Пропилеяхъ) принадлежала тому же перу.

Но вотъ лекціи открыты: мы выслушали щегольски-обточенную и тщательно приготовленную лекцію Шевырева, слышали лекціи новыхъ профессоровъ, присутствовали при открытіи филологической семинаріи, при чемъ Шевыревъ произнесъ цицероновскою латынью привѣтственную рѣчь и закончилъ ее словами: floreant, floreant apud nos studia philologica! Здѣсь позволю себѣ остановиться и сказать нѣсколько словъ о Московскомъ университетѣ въ ту эпоху, когда наша alma mater была общимъ чаяніемъ почти всего, что было мыслящаго въ Россіи, верховнымъ ареопагомъ въ дѣлѣ науки. Московскій университетъ, когда мы вступили въ него, блисталъ плеядою талантовъ въ разныхъ родахъ и разныхъ направленіяхъ: Соловьевъ и Шевыревъ, Катковъ и Рѣдкинъ, Грановскій и Крыловъ, Кавелинъ и Морошкинъ, Кудрявцевъ и Чивилевъ — что можетъ быть противоположнѣе по таланту и направленію, по складу ума и характера? Но надъ всѣмъ этимъ разнообразіемъ умовъ, характеровъ и даже направленій, подымалось одно общее свойство. Если въ Московскомъ университетѣ возникла распря, то причину надо было искать не въ томъ, что профессора добивались какихъ-нибудь матеріальныхъ выгодъ и ставили другъ другу западни, а въ разницѣ направленій: одинъ считалъ вреднымъ то, что другой признавалъ полезнымъ; тогда вся Россія это знала и вѣрила Московскому университету. Если одна тяжелая исторія разнеслась въ это время по лицу земли русской, то въ той же исторіи сказалось со стороны университета столько высоко-благороднаго, горячаго, молодаго чувства, что не Московскій университетъ обвинило на этотъ разъ русское мыслящее общество, узнавшее исторію; даже въ то время, когда сѣкира положена была у корня дерева, когда закрыты были

[redacted]

нѣкоторыя каѳедры, а другія съужены и число студентовъ уменьшено до нормы 300 человѣкъ (кромѣ медиковъ), и тогда къ московскому университету можно было вполнѣ отнести слова поэта:

Ты твердо свѣточь свой держалъ.

Вотъ отчего такъ дорогъ намъ всѣмъ день 12 го января, день нашего общаго духовнаго рожденія: всѣ мы повиты и взлелѣяны духомъ этого высоко-нравственнаго времени въ жизни Московскаго университета! Мнѣ скажутъ, можетъ быть: отчего Московскій университетъ выпустилъ мало людей ученыхъ, да и тѣмъ приходилось многому доучиваться собственными средствами и навсегда страдать недостаткомъ тѣхъ или другихъ знаній? Не стану спорить, зная все это горькимъ опытомъ не только на себѣ, но и на многихъ близкихъ людяхъ, но все-таки отвѣчу, что Московскій университетъ выпустилъ много просвѣщенныхъ людей и что между дѣятелями настоящаго времени, начиная отъ высшихъ ступеней и до самыхъ скромныхъ, немало воспитанниковъ этого университета, или учениковъ его бывшихъ воспитанниковъ, или по крайней мѣрѣ людей въ юности читавшихъ и перечитывавшихъ то, что писано его членами. Едвали много найдется людей нашего поколѣнія, которые были бы свободны отъ прямаго или косвеннаго вліянія Московскаго университета. На Московскій университетъ нашего времени есть и еще одно обвиненіе: въ немъ, говорятъ, преобладало западное направленіе, онъ не былъ чисто-русскимъ. Въ этомъ обвиненіи есть своя доля правды: дѣйствительно въ университетѣ число даровитыхъ представителей европейскаго направленія было больше, чѣмъ славянофиловъ, дѣйствительно, сочувствіе, было болѣе на ихъ сторонѣ уже и потому, что самымъ своимъ существованіемъ они представляли протестъ несочувственному для многихъ

настроенію, господствовавшему тогда въ офиціальныхъ сферахъ. Нельзя не видѣть въ этомъ слабой стороны тогдашняго общества, а не одного университета, но нельзя однако не признать, что, западный или русскій, этотъ университетъ того времени принесъ значительную пользу, воспитывая нравственно цѣлое поколѣніе. Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что нѣкоторые изъ видныхъ представителей славянофильства вышли изъ того же университета, и что многіе обратились къ этому ученію въ послѣдствіи; но и тѣ и другіе не помянутъ, мы убѣждены въ томъ, лихомъ своихъ студентскихъ лѣтъ.

Перейдемъ теперь къ преподаванію исторіи, которое ближе интересуетъ насъ по отношенію къ Ешевскому. Четыре профессора преподавали исторію въ то время, когда мы пріѣхали въ Москву: Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевъ и Кавелинъ. Съ изящною личностію Грановскаго въ недавнее время поэтически-ярко познакомилъ публику А. В. Станкевичъ. Сочиненіе это, имѣющее всю прелесть современныхъ записокъ, живо переноситъ читателя въ ту эпоху, въ кабинетъ Грановскаго и въ кружокъ людей, связанныхъ съ нимъ тѣсною дружбой. Но для пониманія Грановскаго въ университетѣ, для оцѣнки его вліянія на студентовъ книга г. Станкевича даетъ гораздо менѣе, чѣмъ для оцѣнки его личности. Быть можетъ, не оттого ли произошла неясность въ этомъ отношеніи, что въ превосходной книгѣ г. Станкевича между лицами, окружавшими Грановскаго, слишкомъ мало мѣста дали П. Н. Кудрявцеву? Эти два лица дополняютъ другъ друга, ихъ единодушіе, взаимное уваженіе и вѣрное пониманіе другъ друга должны бы служить благотворнымъ примѣромъ и новому поколѣнію профессоровъ: «Грановскій даровитѣе меня», вполнѣ искренно говорилъ Кудрявцевъ. «Кудрявцевъ ученѣе меня», говорилъ Грановскій. Такая оцѣнка совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности: точно, Грановскій былъ даровитѣе,

[redacted]

точно, Кудрявцевъ былъ ученѣе. Различіе характеровъ соотвѣтствовало различію талантовъ: открытый, веселый характеръ Грановскаго также мало похожъ былъ на задумчивый, сосредоточенный характеръ Кудрявцева, какъ ясное, образное, античноизящное изложеніе Грановскаго, поражающее умѣньемъ при сжатости сказать все, что нужно для полноты образа, и ничего не оставляющее въ туманѣ, непохоже было на обширное, полное самыхъ дробныхъ психологическихъ соображеній изложеніе Кудрявцева. Если на лекціяхъ Грановскаго увлекалъ насъ быстрый, художественный очеркъ цѣлыхъ эпохъ и народовъ, то у Кудрявцева мы слѣдили внимательно за тонкимъ разборомъ характеровъ: торжествомъ его были лекціи о блаженномъ Августинѣ и Лютерѣ; помню, что очерку внутренняго развитія Лютера посвящено было пять лекцій. Передъ нами во всей полнотѣ прошла борьба, совершавшаяся въ душѣ этихъ двухъ великихъ личностей, завершившаяся для одного переходомъ въ христіанство, для другаго отторженіемъ отъ Рима. Переходя къ изображенію внѣшнихъ дѣйствій и отношеній, къ явленіямъ, совершающимся въ человѣческомъ обществѣ, а не въ душѣ человѣка, Кудрявцевъ уже не былъ такъ счастливъ, хотя и съ этой стороны можно указать превосходные страницы въ «Судьбахъ Италіи», гдѣ опять-таки лучше всего выходитъ характеристика папы Григорія Великаго. Типическимъ выраженіемъ особенностей таланта Кудрявцева можетъ служить его книга: «Римскія женщины по Тациту» и въ особенности разборъ «Эдипа царя». Эта статья, небольшая по объему, невольно останавливаетъ вниманіе стройнымъ раскрытіемъ психологическихъ мотивовъ, лежащихъ въ глубинѣ Софокловой драмы. Я думаю, что нигдѣ съ такою яркостью не вышли всѣ достоинства, и, можетъ быть, и недостатки Кудрявцева: любя вдумываться во всѣ оттѣнки, онъ слишкомъ долго останавливалъ читателя

на разъясненіи этихъ оттѣнковъ. Эта особенность придавала его изложенію значительную долю неопредѣленности; съ другой стороны мѣсто первоначальнаго образованія сообщило ему нѣкоторую долю реторики, отъ которой онъ не могъ до конца вполнѣ освободиться; онъ даже говорилъ довольно цвѣтисто, чего никогда не замѣчали въ Грановскомъ.

Въ продолженіи нашего университетскаго курса Грановскій постоянно читалъ древнюю исторію, а среднюю и новую они читали поочередно. Въ чтеніи ихъ была замѣтна большая разница: курсъ Грановскаго (среднюю исторію мнѣ удалось слушать и у того, и у другаго) былъ всегда законченнымъ, равнымъ во всѣхъ частяхъ; у Кудрявцева были любимыя лица и любимыя эпохи, на которыхъ онъ останавливался съ большею подробностію и внося свое сочувствіе: иногда при такомъ изложеніи слишкомъ односторонне представлялись историческія лица, они какъ-то обращались въ представителей идеи. Такъ, слѣдя за борьбой, совершавшеюся въ душѣ Лютера-монаха, профессоръ совершенно оставилъ въ сторонѣ веселаго, женатаго Лютера-реформатора и, насколько помню, недостаточно ясно указалъ на причины, почему лютеранство получило характеръ религіи образованнаго меньшинства. Съ понятнымъ неодобреніемъ представляя иконоборческія и анабаптистскія движенія въ Германіи XVI в., профессоръ не объяснилъ ихъ появленія. Вообще за очерками лицъ и развитіемъ мысли терялись у него политическія и общественныя отношенія; знакомя насъ съ характерами гуманистовъ и мистиковъ, съ подробностями ученія послѣднихъ, съ упадкомъ римской куріи подъ вліяніемъ гуманизма, съ ея вопіющими злоупотребленіями, П. Н. не указывалъ ни устройства Священной Римской имперіи, ни взаимнаго отношенія сословій. Словомъ, реформація представлялась исключительно религіознымъ и умственнымъ переворотомъ, а не общественнымъ явленіемъ, являлась торжествомъ

[redacted]

просвѣщенія надъ невѣжествомъ. Можетъ быть, такая культурная точка зрѣнія объясняется отчасти и обстоятельствами того времени; позднѣе П. Н. обратилъ свою мысль и на политическую сторону исторіи: всѣмъ извѣстно, что одно время онъ велъ политическое обозрѣніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Но во всякомъ случаѣ эта стихія умственнаго движенія постоянно была у него преобладающею. Европейская цивилизація неизмѣнно казалась ему верхомъ развитія. Отсюда происходятъ и его непониманіе русской исторіи, и противодѣйствіе славянофильской партіи, и наконецъ нерасположеніе къ комедіи Островскаго, такъ ярко высказавшееся въ его статьяхъ въ «От. Зап.» На русскую жизнь онъ смотрѣлъ съ отрицательной стороны, видѣлъ въ ея особенности одну только дикость. «Изученіе русской исторіи совращаетъ людей съ прямаго пути», сказалъ онъ разъ мнѣ лично въ одномъ памятномъ для меня разговорѣ. Любя Россію отвлеченно, желая ей добра по своему, непоколебимо благодушный, Кудрявцевъ, романтикъ и мистикъ по натурѣ, относился даже съ нѣкоторымъ, какъ бы несвойственнымъ ему, ожесточеніемъ ко всему, что не напоминало Европы. Знающіе его повѣсти вспомнятъ, что главная ихъ тема — гибель симпатическаго лица въ удушающей, невѣжественной и грубой обстановкѣ. Такимъ образомъ, повѣсти его были отрицательнаго направленія, хотя отрицаніе ихъ выражалось въ иной формѣ, чѣмъ позднѣйшее отрицаніе: грубо грязныхъ картинъ не любилъ изящный Кудрявцевъ. По поводу одной повѣсти онъ сказалъ въ рецензіи: «когда публика наша лакомится такимъ неопрятнымъ блюдомъ, какъ Адамъ Адамовичъ», и т. д. Его повѣсти были грустными элегіями, нѣсколько однообразными вслѣдствіе постоянно мрачнаго колорита. Къ нимъ превосходно идетъ названіе одной изъ нихъ: «Безъ разсвѣта». Характеристично слѣдующее обстоятельство: въ Италіи, потерявъ жену, что

было для него смертельнымъ ударомъ, Кудрявцевъ писалъ повѣсть. Въ этой поэтической формѣ выражались вообще его грустныя минуты. Грановскій былъ болѣе его русскимъ человѣкомъ: чуткая, художественная природа подсказывала ему, что въ русской жизни есть свои особенности, что будущность русскаго народа велика, что русскій историкъ на многое долженъ взглянуть иначе, чѣмъ европейскій и что взглядъ его будетъ правильнѣе. Не Грановскій ли первый (не изъ славянофиловъ) высказалъ то мнѣніе, что намъ нужно перестроить исторію Византіи (это сказано въ его статьѣ о книгѣ Медовникова)? Въ послѣдніе годы онъ сталъ собирать книги по русской исторіи и читалъ все новое и кое-что старое: быть можетъ, многое перестроилось бы въ его воззрѣніяхъ, если бы онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ. Г. Станкевичъ указалъ уже, какъ онъ относился къ Крымской кампаніи; я, съ своей стороны, имѣлъ случай слышать отъ Грановскаго многое, что записано въ книгѣ г. Станкевича. Такимъ образомъ, эти два профессора взаимно дополняли другъ друга и сходились между собой въ томъ, что для обоихъ исторія имѣла воспитательный характеръ; оба въ своемъ изложеніи старались дѣйствовать преимущественно на нравственное чувство, и за это имена обоихъ будутъ навѣки памятны.

Далѣе мы будемъ имѣть случай разсказать, какъ Кудрявцевъ способствовалъ личнымъ занятіямъ студентовъ; а теперь замѣчу только, что, при доступности обоихъ, мы охотнѣе ходили къ Кудрявцеву и откровеннѣе говорили съ нимъ: добродушный, снисходительный, задумчивый Кудрявцевъ не такъ пугалъ, какъ остроумный, блестящій Грановскій, котораго остроты, при всей его мягкости, страшили робкихъ юношей. Я остановился оттого такъ долго на Кудрявцевѣ, что онъ былъ прямымъ, непосредственнымъ учителемъ Ешевскаго. Русскую исторію преподавалъ тогда только что начинавшій

[redacted]

С. М. Соловьевъ, и рядомъ съ нимъ исторію русскаго права читалъ К. Д. Кавелинъ, въ изложеніи котораго исторія права обращалась въ исторію общественнаго быта съ преобладаніемъ юридическаго элемента: онъ даже начиналъ свою исторію (въ курсѣ 1847—48 г., послѣднемъ изъ читанныхъ въ Москвѣ) изложеніемъ общественнаго, юридическаго и религіознаго быта древнихъ Славянъ. Подъ вліяніемъ его чтеній у многихъ молодыхъ людей сложилось убѣжденіе, что исторія права есть самая важная часть исторіи, что смѣна институтовъ и понятій юридическихъ вполнѣ выражаетъ собою все историческое движеніе. Впрочемъ мнѣніе это тогда высказывалось и за университетскими стѣнами. Подъ вліяніемъ подобнаго мнѣнія зашелъ я разъ (въ 1847 г.) къ М. П. Погодину и началъ развивать ему эту мысль. Выслушалъ меня М. П. и отвѣтилъ мнѣ одной фразой, вѣрность и глубину которой я понялъ только гораздо послѣ: «А св. Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ характеромъ?» Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣть св. Сергія, т. е. всю нравственную, всю религіозную сторону общественнаго сознанія? Но тогда мы не поняли этого слова и увлекались одностороннимъ, но стройнымъ развитіемъ, которое представлялось намъ въ лекціяхъ К. Д. До сихъ поръ еще свѣжо для меня то впечатлѣніе, которое я выносилъ изъ этихъ лекцій, полныхъ юношескаго пыла, свѣжихъ и яркихъ. Профессоръ былъ тогда почти также молодъ, какъ и его студенты, и оттого его воодушевленіе электрическою искрой сообщалось студентамъ. Общій смыслъ всей русской исторической жизни, еще до сихъ поръ запечатанный семью печатями, казался намъ уже постигнутымъ: мы вѣрили тому, что этотъ смыслъ, выраженный завѣтною смѣной трехъ началъ, родоваго, вотчиннаго и государственнаго, вполнѣ передавался намъ изящною рѣчью одного изъ самыхъ изящныхъ профессоровъ, котораго мнѣ случалось слышать.

Ешевскій не былъ обязанъ слушать Кавелина, но иногда заходилъ въ его аудиторію и зачитывался его статьями. Обаяніе на всѣхъ было полное. Преподаваніе С. М. Соловьева, и тогда уже болѣе строгое и точное, менѣе сильно дѣйствовало на насъ, хотя мы оба акуратно посѣщали и тщательно записывали его лекціи. Преподаваніе это, приноровленное къ уровню большинства, и чисто фактическое, давало мало новаго намъ, порядочно уже знакомымъ съ историческою литературой, отчасти знавшимъ и источники. Только спеціальные курсы, читанные профессоромъ на IV курсѣ историко-филологическаго факультета, сообщили много новаго: такъ въ одинъ годъ было прочитано время первыхъ Романовыхъ, въ другой Петръ, въ третій время послѣ Петра, кажется до Екатерины. Это былъ послѣдній годъ Ешевскаго въ университетѣ.

Изъ предметовъ, близко связанныхъ съ исторіей, Ешевскій выслушалъ два курса П. М. Леонтьева, о греческой миѳологіи въ связи съ искусствомъ (впослѣдствіи П. М. читалъ другой курсъ, сравнительной миѳологіи) и о римскихъ древностяхъ, курсъ О. М. Бодянскаго, курсъ исторіи философіи М. П. Каткова и два курса С. П. Шевырева исторіи Всеобщей и Русской литературы. Сколько я помню, изъ этихъ курсовъ особенное впечатлѣніе оставили курсъ римскихъ древностей и исторіи философіи. Римскія древности (преимущественно общественныя и государственныя) приносили, кромѣ богатства фактовъ и легкости систематическаго изложенія, одну чрезвычайно плодотворную мысль: они наглядно представляли существенную важность такъ называемой внутренней исторіи, преимущественно экономической, на которую тогда у насъ обращали еще такъ мало вниманія. Думаю, что въ позднѣйшей дѣятельности Ешевскаго это впечатлѣніе ранней молодости далеко не осталось безплоднымъ *). Для меня, выслушавшаго уже курсъ

*) Я, слушавшій лекціи С. В. Ешевскаго въ Московскомъ университетѣ

[redacted]

римскаго права, было въ лекціяхъ г. Леонтьева чрезвычайно много новаго и свѣжаго именно потому, что онъ выдвинулъ на первый планъ экономическій вопросъ. Эти лекціи легли въ послѣдствіи въ основаніе рѣчи, произнесенной профессоромъ въ одномъ изъ торжественныхъ собраній Московскаго университета. Лекціи М. Н. Каткова имѣли въ ту эпоху особое обаяніе: онъ излагалъ намъ стройно и изящно Шеллингову систему миѳологіи; всѣ дивились необыкновенному умѣнью сжатыми и рѣзкими чертами наглядно передавать самыя отвлеченныя представленія; съ этой стороны особенно ярко помнится лекція, въ которой передано было ученіе Шеллинга о первой порѣ религіознаго сознанія, о поклоненіи богу ходячаго неба (Урану, Сварогу). Изъ этихъ лекцій вынесли мы сознаніе историческаго значенія религіознаго процесса, его вліянія на судьбу и развитіе человѣчества, его первостепенной важности исторической. Здѣсь преимущественно научились мы понимать, какъ стройно всё связано въ поступательномъ движеніи; отъ системы можно отказаться, можно понимать такъ или иначе это движеніе; но отрицать его уже нельзя. Таковы были наши учители и таково было ученіе, которое мы выносили изъ нашихъ студенческихъ лѣтъ. Многое было отвлеченно въ ту эпоху, многое неприложимо къ жизни, многое не годилось для русскаго общества; но мысль привыкала къ работѣ, смотрѣла съ разныхъ сторонъ на одно и то же явленіе и вырабатывалось убѣжденіе въ томъ, что только разностороннее воззрѣніе можетъ привести къ истинѣ. Нельзя остановиться только на одной ступени развитія; но

въ первые два года по его пріѣздѣ въ Москву, могу засвидѣтельствовать справедливость этого предположенія. Въ этомъ читатель можетъ и самъ убѣдиться: слышанные мною курсы помѣщены въ I части этого изданія, подъ названіями: «Центръ римскаго міра и его провинціи» и «Очерки язычества и христіанства». А. Т.

нельзя же не сказать, что та ступень, которую мы тогда переживали, была въ высшей степени плодотворна для насъ, и святыя впечатлѣнія молодости никогда не изгладятся изъ памяти.

Студенчество въ наше время не представляло той корпораціи, которая существовала раньше и которую стремились, но безплодно, возсоздать позднѣе. Ешевскій, пріѣхавшій изъ Казани, гдѣ въ то время студенты были тѣсно связаны между собою, гдѣ существовала между студентами взаимная помощь и студенчество составляло своего рода масонство, гдѣ были у студентовъ общія пѣсни, сборникъ которыхъ былъ и у Ешевскаго, не могъ надивиться разрозненности московскихъ студентовъ, главною причиною которой была, разумѣется, ихъ многочисленность, но на которую сильное вліяніе имѣла обширность столицы и разобщеніе ея кружковъ. Въ наше время только студенты одного курса (и то не на всѣхъ факультетахъ: юристовъ перваго курса въ 1847—48 г. было 200 человѣкъ) сходились между собою. Первымъ звеномъ соединенія было обыкновенно добываніе лекцій къ экзамену: при множествѣ предметовъ каждый записывалъ только одинъ, много два, остальное доставалось; общихъ студентскихъ пирушекъ не бывало и повеселиться сходились люди только знакомые. Оттого скоро образовывались небольшіе кружки, которые иногда знакомились между собою частью на вечеринкахъ у случайныхъ товарищей по гимназіи, по родству и т. п., частію въ пріемные дни у нѣкоторыхъ профессоровъ. Студенты тогда были вообще двухъ родовъ: одни занимались, другіе кутили и рѣдко бывали на лекціяхъ, хотя между этими послѣдними были часто очень даровитые, на экзаменахъ опережавшіе другихъ. Мы оба был знакомы болѣе съ людьми перваго рода, и студенческіе веч рники были не часты между нами. Когда мы сходилис

[redacted]

разговоръ принималъ болѣе или менѣе серьезный оборотъ: толковали о томъ, что кому случилось прочитать, спорили. Часто разговоръ переходилъ на тогдашнее волненіе умовъ, котораго, особенно въ качествѣ запретнаго плода, никто изъ насъ хорошенько не понималъ, и оттого многое дѣйствовало обаятельно, а спросить у старшихъ не всегда было возможно, или получишь уклончивый отвѣтъ, или никакого не получишь. Впрочемъ сколько я теперь помню, Ешевскій тогда мало интересовался современными вопросами.

Здѣсь однако я забѣжалъ впередъ, къ 1849 г., а когда мы начали нашу московскую жизнь былъ 1847 г. Самое начало 1848 г. только ошеломило насъ, и мы ровно ничего не понимали: въ эту эпоху мы даже газетъ не читали постоянно. Ешевскій тогда занимался преимущественно русскою исторіей: курсовымъ его сочиненіемъ для С. П. Шевырева было разсужденіе о заслугахъ Ломоносова въ русской исторіи. Гдѣ теперь это сочиненіе, не знаю; помню только, что въ немъ было обращено вниманіе на толкованіе разныхъ мѣстъ источниковъ историками до Ломоносова и послѣ него. Особенно много хлопотъ стоило Ешевскому знаменитое мѣсто Олегова договора: «ижена (*иже на* или *и жена*) убившаго», и пр. Я познакомился тогда съ М. П. Погодинымъ и познакомилъ съ нимъ Ешевскаго. Къ нему мы обратились за совѣтомъ, какъ начать занятія? «Читайте Шлецера», сказалъ Погодинъ, и вотъ мы принялись читать Шлецера; читали его мѣсяца три и, прочитавъ, говорили о прочитанномъ, запоминали, соображали съ тѣмъ, что уже знали. Тогда Ешевскій завелъ себѣ книгу, въ которой сталъ собирать тексты русскихъ и иностранныхъ лѣтописцевъ, касающіеся русской исторіи. Впрочемъ дѣло остановилось, сколько помню, на Игорѣ. Въ томъ же 1847 г. М. П. указалъ намъ еще работу: его занималъ вопросъ о томъ, съ какого времени начинается разница въ

спискахъ лѣтописей, и потому онъ считалъ нужнымъ сличить извѣстія первыхъ двадцати лѣтъ послѣ 1111 г., гдѣ стоитъ Селивестрова приписка. Это сличеніе взяли мы на себя; проработали много, но работа оказалась неудовлетворительною, потому, разумѣется, что самые пріемы для насъ были неясны: мы сдѣлали сводъ однородныхъ извѣстій по всѣмъ напечатаннымъ спискамъ, а надо было ярче обозначить разницу. Словомъ, дѣло остановилось на черновой работѣ.

Кромѣ занятій по русской исторіи, Ешевскій въ ту эпоху читалъ много латинскихъ поэтовъ, въ особенности Виргилія и Плавта, котораго тогда комментировалъ покойный Шестаковъ. Ешевскій прочелъ въ зиму всего Плавта. По гречески онъ не занимался, не имѣя предварительной подготовки, да и требованія были велики: Гофманъ задалъ ему написать объ условномъ и желательномъ наклоненіи въ Одиссеѣ; Ешевскій написалъ это сочиненіе (по латыни) съ помощью синтаксиса самого Гофмана и двухъ грамматикъ, при чемъ угодилъ профессору тѣмъ, что сохранилъ его мысль о субъективномъ значеніи одного изъ этихъ наклоненій и объективномъ другаго. Хорошій баллъ Гофмана былъ ему щитомъ отъ дурныхъ балловъ на старшихъ курсахъ: такъ онъ и не выучился по гречески, о чемъ сильно жалѣлъ. Въ срединѣ года мы поселились вмѣстѣ; я привезъ изъ деревни довольно большое (для студента) собраніе книгъ по русской исторіи и помню, что Ешевскій тогда принялся читать записки XVIII в. (Шаховскаго, Данилова, Грибовскаго, Манштейна), которыя нашлись въ этомъ собраніи. Всеобщей исторіей Ешевскій еще не думалъ заниматься тогда: Грановскій читалъ въ этомъ году только въ началѣ, а потомъ захворалъ и пересталъ ходить на лекціи; Кудрявцевъ въ началѣ какъ-то мало нравился, и я помню, что Ешевскій, только готовясь къ экзамену, почувствовалъ большое уваженіе къ его преподаванію и сталъ говорить о немъ иначе, чѣмъ въ началѣ

[redacted]

курса, когда впрочемъ Кудрявцевъ отталкивалъ слишкомъ мелочно-подробнымъ изложеніемъ переселенія народовъ и совершеннымъ отклоненіемъ широкихъ картинъ, въ которыхъ Грановскій былъ художникомъ; въ преподаваніе Кудрявцева, какъ и въ лице его, надо было всмотрѣться, чтобы оно начинало нравиться. Перешедши на III курсъ, Ешевскій познакомился съ Кудрявцевымъ, который обратилъ на него вниманіе на переходномъ экзаменѣ, убѣдившись по отвѣтамъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, не только заучивающимъ лекціи, но и думающимъ объ ихъ содержаніи. Подъ вліяніемъ Кудрявцева, Ешевскій сталъ заниматься среднею исторіей и началъ ее съ эпохи Меровинговъ: блестящіе очерки Августина Тьерри указали ему главный источникъ, Григорія Турскаго; Кудрявцевъ настаивалъ тоже на томъ, чтобы этотъ лѣтописецъ былъ изученъ. Томъ Букетовскаго собранія добытъ, и Ешевскій засѣлъ за чтеніе его; дѣлалъ выписки, составлялъ указатель предметовъ.

Работалъ онъ неутомимо: живо помню, какъ часто онъ цѣлую ночь не гасилъ своей свѣчи. Вмѣстѣ съ изученіемъ Григорія Ешевскій читалъ французскихъ историковъ, изображавшихъ эту эпоху: Августина Тьерри, Гизо, Легюеру, Форіеля, и дѣлалъ изъ нихъ выписки. Такъ подготовлялось его кандидатское разсужденіе «Григорій Турскій», во введеніи къ которому замѣтно сильное вліяніе Гизо; въ этомъ введеніи разсматриваются три главные элемента новаго міра: Римъ, варвары и христіанство; за тѣмъ слѣдовала біографія Григорія и исторія времени по его сочиненію. Знакомство съ источниками (кромѣ Григорія прочитаны были и другіе лѣтописцы этого тома Букетовскаго собранія) и съ литературой, живое и правильное изложеніе обратили на себя вниманіе и Грановскаго, съ которымъ вслѣдствіе того и сблизился Ешевскій по окончаніи курса. На III-мъ же курсѣ Ешевскій, занимаясь

преимущественно средними вѣками, читалъ и римскихъ историковъ: тогда были прочитаны Тацитъ, Аммiанъ Марцеллинъ и Scriptores Historiae Augustae; тогда же прочитано было нѣсколько сочиненій по другимъ частямъ средней исторіи (исключительно французскихъ), между прочимъ Гиббонъ. Усиленныя занятія разстроили его здоровье, и безъ того слабое, и лѣтомъ 1849 г. онъ поѣхалъ въ башкирскую степь пить кумысъ, взявши съ собою кое-какія книги по всеобщей исторіи (беллетристовъ онъ читалъ мало, и то почти исключительно поэтовъ).

Я помню, какъ оживленно разсказывалъ Ешевскій по возвращеніи о степи и верховой ѣздѣ, какъ юмористически представлялъ степное гостепріимство: сованіе въ ротъ кусковъ мяса въ знакъ уваженія и т. п. Онъ возвратился совсѣмъ поправившись; но осенью этого года постигъ его нравственный ударъ, который снова пошатнулъ его здоровье, хотя еще усиленнѣе заставилъ его приняться за работу: онъ все болѣе и болѣе дѣлался спеціалистомъ, не только исторіи, но и извѣстнаго періода, времени Меровинговъ. Еще раньше въ нашихъ разговорахъ высказывалъ онъ ту мысль, что только долгое и пристальное изученіе одного предмета дѣлаетъ человѣка человѣкомъ и что начинать непремѣнно надо съ частностей. Этому воззрѣнію онъ остался вѣренъ всю жизнь и нерѣдко, завлекаясь тѣмъ или другимъ вопросомъ, снова возвращался къ своимъ любимымъ Меровингамъ, видя въ этой порѣ, и совершенно основательно, начало новой европейской жизни; главныя его занятія ограничивались такимъ образомъ періодомъ послѣднихъ римскихъ императоровъ и первыхъ варварскихъ королей. Этому періоду посвященъ и конченный его трудъ: «К. С. Аполлинарій Сидоній» и предполагавшаяся докторская диссертація о Брунгильдѣ, для которой онъ между прочимъ много работалъ въ парижской библіотекѣ. Ему же

[redacted]

посвящены были три года его университетскихъ чтеній въ Москвѣ. Этимъ принятымъ, такъ сказать, на себя обязательствомъ Ешевскій сдерживалъ свою пылкую, впечатлительную природу: интересовало его въ сущности очень многое, и даже, желая знать все для него интересное тщательно и добросовѣстно, онъ вдавался иногда и въ другіе вопросы съ тѣмъ же жаромъ, съ которымъ занимался главнымъ. Отсюда происходитъ видимое противорѣчіе, многихъ заставлявшее думать, что въ сущности онъ раскидывался; но такое воззрѣніе несправедливо. Сознавая ясно, что ни одного историческаго вопроса нельзя изучить отрѣшенно отъ другихъ, Ешевскій занимался иногда многимъ; могъ и увлекаться по природѣ своей; но постоянно возвращался къ одному. Дальше мы увидимъ, что многія занятія его условливались и внѣшними обстоятельствами. Другіе, наоборотъ, считали Ешевскаго по природѣ узкимъ специалистомъ вслѣдствіе того, что по разсудку онъ старался ограничить себя извѣстною спеціальностію. Такой взглядъ тоже ошибоченъ. Ешевскій повторяю, интересовался очень многимъ: что бы любопытнаго ни попалось ему на пути, онъ непремѣнно остановится и начнетъ добиваться смысла; но онъ умѣлъ ограничивать свои увлеченія. Вѣроятно, въ то время уже сложился у него планъ вести преподаваніе исторіи постепенными спеціальными курсами, ибо и тогда уже онъ не разъ говаривалъ, что тѣмъ или другимъ займется послѣ и удивлялъ тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые интересовались преимущественно ближайшими къ намъ эпохами, своимъ упорнымъ требованіемъ среднихъ вѣковъ. Если бы онъ зналъ по гречески, онъ, можетъ быть, началъ бы съ греческой исторіи; но при знаніи только латинскаго языка онъ не могъ и идти иначе. Конечно, много значитъ также и вліяніе Кудрявцева.

Въ 1850 г. Ешевскій кончилъ курсъ и осенью того же года получилъ мѣсто преподавателя исторіи въ младшихъ

классахъ московскаго Николаевскаго института. Скоро явились и другіе уроки. Черезъ годъ писалъ онъ ко мнѣ въ деревню: «У меня теперь 18 уроковъ въ недѣлю, и не знаю, отъ непривычки или отъ чего нибудь другаго, но я устаю страшно. Лучшее время тратишь на эти обязательныя занятія и приходишь домой съ усталою головой, часто совершенно неспособный для своихъ занятій. Притомъ еще обстоятельство, которое мнѣ ужасно досадно. Вездѣ древняя исторія. Наконецъ это несносно: на Солянкѣ и въ Воспитательномъ домѣ, на Тверскомъ бульварѣ и у Арбатскихъ воротъ повторять одно и то же. Еще счастье, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно уклониться отъ общей схемы и дать себѣ волю поговорить, не стѣсняясь узенькими рамками преподаванія. Такіе случаи впрочемъ рѣдки. Я стараюсь помогать чѣмъ-нибудь этому несносному положенію. Напримѣръ, я принялъ за правило передъ каждымъ урокомъ въ институтѣ изъ римской исторіи прочитывать соотвѣтствующія главы изъ Тита Ливія и т. п.». Такъ серьезно смотрѣлъ онъ на свое дѣло. Онъ не говоритъ въ этомъ письмѣ, но я навѣрное знаю, что всѣ лучшіе учебники были имъ перечитаны; далѣе самъ онъ въ томъ же письмѣ говоритъ, что одолѣлъ Шлоссера и читаетъ Vorträge über die alte Geschichte Нибура. Уроки его были чрезвычайно интересны; онъ старался внушать ученицамъ любовь къ занятіямъ: давалъ книги, заставлялъ дѣлать письменные отчеты, составлялъ самъ для нихъ записки. Эти записки были готовы къ печати, но не явились по случайнымъ обстоятельствамъ. Уроки, утомляя его физически и, быть можетъ, подрывая здоровье, въ нравственномъ отношеніи были до извѣстной степени полезны; самый успѣхъ уже ободрялъ и вызывалъ на новые труды. Эти же уроки дали ему возможность запасаться книгами: «Ты вѣрно удивишься, писалъ онъ ко мнѣ осенью 1852 г., когда я скажу тебѣ, что у меня по всеобщей исторіи болѣе

[redacted]

300 томовъ на выборъ: весь Форіель, Тьерри, Гизо, Нибуръ, Гротъ, Маколей, Ранке и т. д. Это единственная хорошая сторона моей рабочей жизни».

Съ 1851 года начинается его литературная дѣятельность статьей о трудѣ П. Н. Кудрявцева, помѣщенной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; подробная рецензія этой книги назначалась для «Современника», и первая половина ея, заключающая въ себѣ изложеніе книги съ нѣкоторыми замѣчаніями между прочимъ о характерѣ Ѳеодориха, котораго Кудрявцевъ слишкомъ идеализировалъ и котораго Ешевскій вводитъ въ рядъ другихъ варварскихъ вождей, подчинившихся римскому вліянію, была доставлена весной 1851 года въ редакцію. Осенью этого года вотъ что писалъ мнѣ Ешевскій: «Я передалъ первую статью (сокращенную и нѣсколько измѣненную) Панаеву, который далъ *честное слово* мнѣ и потомъ Т. Н. Г., что она будетъ напечатана тотчасъ же по полученіи. Я ждалъ и не посылалъ второй статьи. Кончилось дѣло тѣмъ, что первая осталась въ кладовой «Современника», вторая у меня въ конторкѣ. Я не получалъ ни малѣйшаго извѣстія отъ редакціи. Говорилъ только Т. Н. (Грановскій), который очень оскорбленъ этимъ поступкомъ, что редакція находитъ эту статью слишкомъ серьезной для нашей публики, для которой потребны легкія статьи, въ родѣ писемъ о русской журналистикѣ новаго поэта, достойно замѣнившаго Дружинина». А между тѣмъ для этой второй статьи, долженствовавшей заключать въ себѣ разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ, поднятыхъ Кудрявцевымъ въ его книгѣ, преимущественно вопроса о происхожденіи средневѣковой общины, употреблено было Ешевскимъ много труда: «почти все лѣто, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, т. е. до конца іюля я проработалъ надъ второю статьей о «Судьбахъ Италіи». Написавши ее въ первый разъ, я изорвалъ, когда прочиталъ

критику Тимоѳея Николаевича (Грановскаго въ «Отеч. Зап.», вошла и въ Сочиненія), и передѣлалъ совершенно или, лучше сказать, написалъ снова. Не думай впрочемъ, чтобы рецензія Т. Н. заставила меня перемѣнить свои мысли о развитіи городовъ въ Италіи. Мнѣ кажется, онъ мало обратилъ вниманія на новыя изслѣдованія. Слишкомъ занятый авторитетомъ Савиньи, онъ всѣ доказательства беретъ изъ его же книги, между тѣмъ какъ, мнѣ кажется, самъ Савиньи теперь поискалъ бы новыхъ въ защиту своего мнѣнія.» Такое сужденіе о Грановскомъ въ то время могло бы показаться дерзостію. Такъ великъ былъ авторитетъ Грановскаго! Ешевскому дѣлаетъ большую честь, что въ этомъ случаѣ онъ не сталъ на сторонѣ Грановскаго. Нѣсколько раньше Ешевскаго постигла другая литературная неудача: онъ написалъ статью о русскихъ пѣсняхъ, въ которой, подъ вліяніемъ начинавшихся тогда толковъ о миѳологіи, хотѣлъ представить, отчасти исторически, состояніе двоевѣрія въ русскомъ народѣ. Статья эта была доставлена въ «Отеч. Зап.» и не напечатана, не помню подъ какимъ предлогомъ. Въ 1852 г. его статьи уже появляются въ «Отеч. Зап.». Тогда онъ напечаталъ обозрѣніе исторической литературы за 1851 г. и рецензію лекцій Грановскаго. Первою статьею онъ самъ былъ очень не доволенъ, хотя она была не хуже статей подобнаго рода, помѣщавшихся въ журналахъ, а для начинающаго была и очень хороша, хотя, правда, статья его о книгѣ г. Рославскаго въ «Моск. Вѣдомостяхъ» была лучше по изложенію, такъ какъ въ обозрѣніи исторической литературы замѣтна торопливость. Въ жизни Ешевскаго, сколько я знаю по его письмамъ и по разсказамъ, это время было хорошимъ временемъ, хотя къ этой же порѣ относится утрата нѣкоторыхъ дружески связанныхъ съ нимъ лицъ. Вообще онъ былъ любимъ и родными, и тѣми семьями, гдѣ онъ давалъ уроки, и литературнымъ

[redacted]

кружкомъ, къ которому примкнулъ. Центромъ этого кружка, въ которомъ постоянно жилъ Кудрявцевъ, куда часто являлся Грановскій и гдѣ бывали всѣ, кромѣ слафянофиловъ, была въ то время умная женщина, отличавшаяся большою начитанностью, много видѣвшая. Въ ея пріятномъ обществѣ можно было не всегда играть въ карты, что въ то время составляло по неволѣ развлеченіе многихъ умныхъ людей. Были въ этомъ кружкѣ нѣкоторыя крайности западнаго направленія; но тогда они не такъ рѣзко поражали, какъ поразили бы теперь. Но зато въ этомъ кружкѣ строго осуждалась легкость, пустозвонство, выражалось уваженіе къ наукѣ и серьезной литературѣ, употреблялись всѣ усилія не пасть нравственно, словомъ, жилъ тотъ духъ московскаго университета, о которомъ я уже говорилъ.

Труды преподавательскіе, срочная литературная работа, приготовленія къ магистерскому экзамену, для котораго онъ читалъ страшно много, сломили его здоровье и въ началѣ 1853 г. онъ вытерпѣлъ сильную горячку. Мысль его до того была занята всѣмъ читаннымъ въ послѣднее время, что, по свидѣтельству родственницы его, часто навѣщавшей больнаго, въ бреду онъ все разсказывалъ содержаніе книги Гуртера: «Geschichte Innocenz III». Медленно выздоравливая, Ешевскій провелъ лѣто въ Нижнемъ, и осенью этого же года былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ русской исторіи и русской статистики въ Ришельевскій лицей на мѣсто Н. Н. Мурзакевича, получившаго должность директора этого лицея. Вмѣстѣ съ Ешевскимъ поѣхали туда же два другіе молодые профессора, А. В. Лохвицкій и А. М. Богдановичъ, которые и составили свой особый кружокъ. Тяжела была на первое время жизнь Москвичей въ новомъ для нихъ городѣ: жалованье незначительное, книгъ нѣтъ. Вотъ что писалъ Ешевскій П. Н. Кудрявцеву по этому поводу: «Здѣшняя библіотека

хуже гимназической; да и то, что есть, испорчено. Здѣсь городъ промышленный и потому въ самомъ лицеѣ образовалась своего рода промышленность. Всѣ лучшія статьи въ журналахъ вырваны и украдены. Отъ этой бѣды не ушелъ даже горный журналъ, не смотря на то, что онъ сданъ въ библіотеку неразрѣзаннымъ. Стыдно сказать, что въ этомъ главную роль играютъ не студенты. И теперь еще остался одинъ главный промышленникъ такого рода. Частію по моему требованію, журналы, лежащіе въ профессорской, заковали въ станки. Если не поможетъ, придется приковывать ихъ, какъ средневѣковыя библіи на цѣпь. Такимъ образомъ Сергѣй Михайловичъ (Соловьевъ) обезпечилъ меня главными источниками». С. М. прислалъ Ешевскому изъ Москвы свои важнѣйшія изданія по русской исторіи. Соединеніе двухъ разнородныхъ предметовъ было тоже тяжело для Ешевскаго. «Вотъ уже два съ половиною мѣсяца, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, какъ я читаю лекціи, и до сихъ поръ не могу привыкнуть къ своему положенію. Право безсовѣстно наложить на молодаго преподавателя шесть часовъ и два совершенно разные предмета. Все время уходитъ только на то, чтобы сколько-нибудь приготовиться къ лекціи, чтобы прочитать ее, не краснѣя передъ слушателями. Писать лекцій нѣтъ никакой возможности. Я составляю только самый подробный конспектъ изъ статистики. Изъ русской же исторіи не успѣваю и того дѣлать. Страшно неловкое положеніе. Изъ статистики я учусь въ одно время съ студентами. Недавно былъ у меня одинъ студентъ третьяго курса, оставленный на второй годъ Мурзакевичемъ, и въ разговорѣ высказалъ мнѣ общее удивленіе курса, отчего я цѣлыя 16 лекцій читалъ о народонаселеніи. Я объяснилъ причину: передъ начатіемъ лекцій я зналъ объ этомъ предметѣ столько же, сколько и они. Я рѣшился читать статистику подробно, собирая и сводя все, что могу

[redacted]

найдти въ официальныхъ источникахъ, и, мнѣ кажется, только этимъ путемъ мнѣ удастся совладать съ предметомъ». Что не пройдено, то предполагалъ Ешевскій заставить студентовъ приготовить по книгѣ И. Я. Горлова. Полный курсъ онъ намѣренъ былъ составить только черезъ два года. Конспекта я не нашелъ въ бумагахъ покойнаго; но нашелъ много выписокъ, замѣтокъ, указаній статей этнографическихъ и статистическихъ, относящихся, очевидно, къ этому времени.

Курсъ исторіи тоже стоилъ большихъ работъ; курсъ этотъ потому былъ въ особенности затруднителенъ Ешевскому, что онъ долженъ былъ быть общимъ, обнимать всю русскую исторію до послѣдняго времени и оканчиваться, если не ошибаюсь, въ теченіе одного года. Ешевскій не довелъ курса до конца и, кажется, прочелъ только до Петра В., остановившись долго на литературѣ исторіи и на бытѣ Славянъ русскихъ. Сколько помню, по тетрадкамъ, которыя я когда-то проглядывалъ у одного изъ одесскихъ студентовъ того времени, курсъ этотъ былъ составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ еще недавнихъ лекцій С. М. Соловьева: родовыя отношенія князей занимали главное мѣсто въ изложеніи періода удѣльнаго; въ изложеніи литературы Ешевскій тоже былъ подъ вліяніемъ г. Соловьева. Не безъ вліянія на Ешевскаго, какъ и на многихъ въ то время, оставался и Н. В. Павловъ, котораго оба мы часто встрѣчали у П. Н. Кудрявцева въ 1849 г., когда г. Павловъ пріѣзжалъ въ Москву держать экзаменъ и защищать свою докторскую диссертацію; въ этой диссертаціи г. Павловъ доводитъ теорію родоваго быта до послѣдней крайности. Его сужденія о тѣхъ или другихъ произведеніяхъ исторической литературы казались очень основательными. Въ Кіевѣ, проѣзжая въ Одессу, Ешевскій тоже видѣлся съ Павловымъ. Это вліяніе впрочемъ прошло скоро, не оставивъ и слѣда. Въ изложеніи миѳологіи, какъ я убѣдился изъ разговоровъ съ Ешевскимъ, онъ старался

подвести результаты появлявшихся тогда трудовъ Кавелина, Аѳанасьева, Буслаева, Срезневскаго подъ Шеллингову схему. Шеллингова философія миѳологіи была, какъ я уже сказалъ, распространена у насъ преподаваніемъ Каткова. Чтобы познакомиться съ нею поближе, мы читали лекціи Шеллинга, записанные Кудрявцевымъ, такъ какъ книги самого Шеллинга еще не появлялось тогда. Посреди трудовъ преподавательскихъ Ешевскій не оставлялъ своихъ собственныхъ работъ и готовилъ матеріалы для диссертаціи. Сначала онъ колебался между двумя предметами: Сидоніемъ Аполлинаріемъ и Брунегильдою; въ началѣ учебнаго года онъ писалъ Кудрявцеву, что думаетъ остановиться на Брунегильдѣ. Но въ концѣ года рѣшился оставить эту тему потому, что она все расширялась въ его представленіи: ему хотѣлось свести здѣсь поэтическіе разсказы съ дѣйствительностью историческою, что сдѣлано было Амедеемъ Тьерри для Аттилы. Обширность изслѣдованій для такой задачи заставила его обратиться къ другой темѣ, для которой у него былъ уже собранъ достаточный запасъ матеріала. Съ этимъ-то матеріаломъ въ маѣ 1854 года Ешевскій пріѣхалъ въ Москву и приступилъ къ магистерскому экзамену, половина котораго и была окончена въ маѣ.

Лѣто Ешевскій провелъ въ Нижнемъ, гдѣ написалъ первую главу своего Сидонія. Осенью написано было остальное и началось печатаніе, которое окончено только въ мартѣ 1855 г.; диспутъ же былъ 12-го апрѣля. Дѣло затянулось отъ разныхъ причинъ, между прочимъ оттого, что тогдашній деканъ С. П. Шевыревъ просматривалъ диссертацію весьма медленно, занятый трудами по приготовленію юбилея и потомъ, опасаясь то того, то другаго мѣста, обращался нерѣдко къ помощи профессора богословія Н. М. Терновскаго, который впрочемъ былъ очень благосклоненъ къ книгѣ. Ешевскій разсказывалъ

[redacted]

иронически о своихъ препирательствахъ съ Шевыревымъ, а дѣло все-таки двигалось медленно. Затруднительно было въ началѣ и то, на какія деньги печатать, но это затрудненіе устранилъ Т. Н. Грановскій, доставившій деньги на изданіе. Пока книга печаталась, срокъ отпуска истекалъ, изъ Одессы звали Ешевскаго, онъ не ѣхалъ, и въ это время, хотя еще не было въ виду мѣста, твердо рѣшился не возвращаться въ Одессу. Вслѣдствіе того онъ цѣлый годъ не имѣлъ службы.

«К. С. Аполлинарій Сидоній» самое обработанное, самое лучшее изъ сочиненій Ешевскаго. Время, которое онъ выбралъ, и самое лице занимали его много лѣтъ: я уже сказалъ, что еще въ университетѣ онъ преимущественно занимался этимъ временемъ, и даже когда у С. П. Шевырева были студенческіе литературные вечера, Ешевскій, бывшій тогда на III-мъ курсѣ, читалъ свою статью о Сидоніѣ. Потому и не удивительно, что книга, написанная въ такой короткій срокъ, вышла такъ удовлетворительна. Сочиненіе это сразу поставило своего автора на видное мѣсто въ немногочисленномъ кругу лицъ, занимающихся всеобщей исторіей. На диспутѣ Грановскій и Кудрявцевъ встрѣтили его большими похвалами; самыя возраженія, сколько теперь помню, были только частныя. Рецензенты, профессоръ Делленъ (въ «Отчетахъ по присужденію Демидовскихъ премій»), П. Н. Кудрявцевъ (въ «Отеч. Зап.»), Е. М. Ѳеоктистовъ (въ «Современ.») отнеслись къ ней чрезвычайно благосклонно. Словомъ, книга имѣла успѣхъ, и успѣхъ вполнѣ заслуженный.

Книга Ешевскаго, названная эпизодомъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V в., даетъ гораздо болѣе, чѣмъ обѣщаетъ: это полная картина хаотическаго состоянія Галліи въ ту эпоху. Съ замѣчательнымъ искусствомъ выбрано такое лице, около котораго можно было сгруппировать всѣ черты быта того времени. Аристократъ и литераторъ,

политическій дѣятель и епископъ, Сидоній въ жизни своей сталкивался со всѣми разнородными элементами того общества, въ которомъ дѣйствовалъ, и всѣ они отразились въ его сочиненіяхъ: онъ былъ въ сношеніяхъ съ литераторами, съ аристократами, съ римскими императорами, съ варварскими королями и съ высшими представителями христіанскаго міра, епископами. Для полнаго пониманія и полной оцѣнки его необходимо было представить въ отдѣльности всѣ эти моменты, что и исполнено чрезвычайно удачно, безъ всякой натяжки. Описаніе молодости Сидонія вызываетъ картину жизни высшаго общества Галліи и тогдашней націи и литературы, которыхъ онъ самъ былъ лучшимъ представителемъ; политическая дѣятельность Сидонія требуетъ для объясненія своего характеристики послѣднихъ императоровъ, для которой важнымъ матеріаломъ являются его же панегирики и письма; его епископство вводитъ автора въ кругъ тогдашняго духовенства и вызываетъ характеристику направленія его духовной дѣятельности, представляющей въ то же время противоположность съ направленіемъ свѣтской литературы; героическая защита Оверни вызываетъ характеристику варваровъ и ихъ врага Экдиція, «послѣдняго Римлянина и перваго рыцаря», по счастливому выраженію Ешевскаго. Таково внѣшнее расположеніе книги, вполнѣ соотвѣтствующее ея внутреннему содержанію. Главнымъ центромъ остается Сидоній. Въ изученіи и изображеніи Сидонія сказался ученикъ Кудрявцева: высоко-нравственное начало поставлено тутъ мѣриломъ личности; ни блестящая защита Оверни, ни относительное литературное достоинство произведеній Сидонія, ни то обстоятельство, что безъ его произведеній мы многаго бы не знали, не спасли его отъ строгаго приговора. Но приговоръ не оказывается несправедливымъ, потому что рядомъ съ слабохарактернымъ Сидоніемъ является Римлянинъ стараго закала Экдицій: его-то

[redacted]

энергическому вліянію приписываетъ авторъ и дѣятельность Сидонія по защитѣ Оверни. Этимъ вѣроятнымъ предположеніемъ онъ избѣгаетъ раздвоенія характера, что необходимо было признать, приписывая заслугу подвига самому Сидонію. Съ другой стороны, рисуя положеніе общества, авторъ снимаетъ съ характера Сидонія часть обвиненія, ибо объясняетъ, какъ тяжелы были условія жизни въ то время, когда люди высшаго нравственнаго закала дорожили легкомысленнымъ Сидоніемъ, когда въ дружескихъ сношеніяхъ съ нимъ были представители строго-христіанской мысли, и онъ оставался полуязычникомъ. Въ связи съ этимъ облегчающимъ обстоятельствомъ стоитъ и другое, характеръ тогдашняго образованія, чисто внѣшняго и риторическаго; картина этого образованія чрезвычайно удалась Ешевскому. Надъ всѣми этими достоинствами книги подымается еще одно: автору удалось ясно выставить тѣ черты разрушающагося общества, въ которыхъ сказываются начала новой жизни; онъ указываетъ намъ вліяніе епископовъ на королей варварскихъ, обаяніе на нихъ римской образованности, указываетъ въ укрѣпленіяхъ галло-римской аристократіи зародыши феодальныхъ замковъ. Нѣсколько разъ мысль о томъ, что въ тотъ моментъ мы присутствуемъ не при смерти, а при перерожденіи общества, высказывается прямо, не прямо она составляетъ главную мысль всей книги и главное ея достоинство (это было указано П. Н. Кудрявцевымъ). Намъ могутъ сказать, что эта мысль старая. Конечно такъ; но, пользуясь трудами своихъ европейскихъ учителей, результаты которыхъ онъ впрочемъ провѣрилъ большою самостоятельною работой, Ешевскій могъ высказать эту мысль и смѣлѣе и увѣреннѣе, могъ показать ее на самыхъ фактахъ. Читая его книгу, нигдѣ не видѣли мы, чтобы онъ слѣдовалъ одному какому-нибудь изъ европейскихъ ученыхъ; даже тамъ, гдѣ онъ принимаетъ чье-нибудь мнѣніе,

онъ принимаетъ его не вслѣдствіе увлеченія тѣмъ или другимъ авторитетомъ, а съ полнымъ знаніемъ дѣла. Выбранный имъ предметъ представлялъ самъ собою трудно преоборимое препятствіе, пониманіе языка самого Сидонія; препятствіе это въ значительной степени было побѣждено: извлеченія изъ Сидонія переданы ясно и даже часто изящно. Профессоръ Делленъ, указывая на ошибки въ переводѣ многихъ выраженій, признаетъ трудность задачи, надъ которою останавливались лучшіе латинисты не только у насъ, но и въ Европѣ. Я самъ знаю, какъ Ешевскій прибѣгалъ иногда къ помощи знатоковъ латинскаго языка въ Москвѣ и предоставляемъ былъ собственнымъ средствамъ. Слѣдственно, трудъ Ешевскаго въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія. Находилось еще одно возраженіе противъ «Сидонія Аполлинарія»: строгіе пуристы науки считали его недостаточно ученымъ, т. е. ставили въ вину легкость изложенія и то обстоятельство, что тема взята слишкомъ широко и, стало-быть, не все принадлежитъ личнымъ изслѣдованіямъ автора. На такое возраженіе отвѣтилъ Ешевскій въ своемъ предисловіи: «Для русской публики подобныя монографіи могутъ принести болѣе существенную пользу, нежели спеціальныя изысканія, относящіяся къ одному какому-нибудь событію, тѣмъ болѣе, что и въ настоящемъ случаѣ не исключалась возможность собственныхъ частныхъ изслѣдованій». Мнѣ остается только прибавить къ этому, что вся книга есть плодъ собственнаго добросовѣстнаго изученія источниковъ и критическаго отношенія къ трудамъ иностранныхъ писателей. На вопросъ: зачѣмъ же взятъ предметъ, уже значительно обработанный въ Европѣ, а не такой, который бы имѣлъ болѣе близкое отношеніе къ намъ? отвѣчать можетъ все вышесказанное о тогдашнемъ настроеніи университета и о личномъ развитіи Ешевскаго. Думаю, что этимъ объясняется многое: иначе не

[redacted]

зачѣмъ было бы такъ долго останавливаться на подробностяхъ университетскаго преподаванія.

Осенью 1855 г. Ешевскій былъ выбранъ въ казанскій университетъ на каѳедру русской исторіи, гдѣ ему пришлось замѣнить своего бывшаго наставника Иванова. Еще не успѣлъ Ешевскій уѣхать въ Казань, какъ умеръ Грановскій. Факультетъ тогда же выбралъ Ешевскаго, и онъ поѣхалъ съ полною надеждой пробыть въ Казани не болѣе полгода, т. е. дочитать до конца 1855—56 академическаго года. «Первый и, дай Богъ, послѣдній курсъ русской исторіи — писалъ онъ ко мнѣ въ декабрѣ 1855 г. — въ казанскомъ университетѣ мнѣ хотѣлось бы прочитать какъ можно получше, такъ, что если, какъ пишетъ П. Н. (Кудрявцевъ), меня и разведутъ съ русскою исторіей, чтобы разстаться съ нею подружески. Имѣя же въ виду переходъ въ Москву, мнѣ можно читать, не столько стѣсняясь разными условіями». Но переходъ этотъ затянулся: съ одной стороны, казанскій университетъ не хотѣлъ выпускать отъ себя даровитаго дѣятеля, въ чемъ соглашался съ нимъ и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, исходя изъ той точки зрѣнія, что даровитые профессора нужны повсюду; съ другой стороны, нашлись люди, которые внушили ему мысль о возможности найдти другаго преподавателя для Москвы. Попытка эта не удалась, и покойный Авраамъ Сергѣевичъ съ своимъ постояннымъ благодушіемъ отказался отъ нея, когда узналъ ея невозможность, а Ешевскаго все-таки опредѣлили не ранѣе того, какъ онъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ служить въ Александровскій сиротскій корпусъ.

Въ Казани Ешевскій пробылъ полтора года, до октября 1857 г. Впечатлѣніе, произведенное лекціями Ешевскаго на студентовъ, передано словами брошюры А. С. Гацискаго: «Въ началѣ января 1856 г. вошелъ въ Ивановскую аудиторію, скамейки которой ломились отъ громаднаго числа студентовъ,

собравшихся изъ любопытства послушать новаго профессора, молодой, худой, не высокаго роста человѣкъ, и, сказавши слушателямъ, стоя на ступеняхъ каѳедры, маленькое привѣтствіе, вслѣдъ затѣмъ вошелъ на каѳедру и началъ первую свою лекцію. То былъ *Степанъ Васильевичъ Ешевскій.*

«По окончаніи лекціи всѣ мы были какъ будто ошеломлены. Мы не могли дать себѣ строгаго отчета, что это такое: черезъчуръ ли хорошо, или уже никуда не годно?

«Передъ нами лилась увлекательная въ высшей степени и вмѣстѣ съ тѣмъ простая, безъ всякихъ риторическихъ прикрасъ и цвѣтовъ краснорѣчія, живая и умная рѣчь. Насъ поражалъ этотъ прямой, ничѣмъ неподкупленный взглядъ на вещи, какъ онѣ есть.

«Интересъ, возбужденный лекціями С. В. Ешевскаго, былъ громаденъ. Аудиторіи другихъ профессоровъ стали пустѣть; даже студенты медицинскаго факультета, никогда не появлявшіеся въ такъ называемыхъ *общихъ* аудиторіяхъ, стали тутъ своими людьми. Да и какъ возможно было не предпочесть чтенію С. В. Ешевскаго чтеніе какого-нибудь другаго профессора, когда мы отъ него почти впервые слышали голосъ истины! Уже нѣсколькихъ словъ первой его лекціи, начинавшейся такъ: «Исторія XVIII стол. въ Россіи, исторія главная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и печальная, потому что дѣятели этой эпохи оставались безъ твердой почвы подъ собою; они чувствовали свой разрывъ съ прошедшимъ и отсутствіе историческихъ преданій; они не имѣли ясныхъ, сознательныхъ цѣлей для своей дѣятельности; но XVIII вѣкъ не безполезно прошелъ для насъ, и мы напрасно легкомысленно оставляемъ въ забвеніи труды предшественниковъ нашихъ», уже нѣсколькихъ этихъ словъ было достаточно, чтобы заставить насъ полюбить исторію, такъ какъ въ ней мы начали видѣть не одни научные панегирики и вѣчно розовый цвѣтъ, а исторію».

[redacted]

Такіе же восторженные отзывы о казанскихъ лекціяхъ Ешевскаго удавалось мнѣ слышать и отъ другихъ студентовъ того времени. Вообще, не смотря на то, что въ Казани Ешевскій былъ такъ недолго, онъ оставилъ по себѣ самую хорошую память, что понятно уже потому, что многое слышалось въ первый разъ съ каѳедры и что студенты тѣмъ юношескимъ инстинктомъ, который рѣдко и не надолго обманывается громкими фразами, поняли, какъ много любви къ наукѣ и добросовѣстности въ своихъ занятіяхъ приносилъ къ нимъ молодой профессоръ. Эти качества были тѣмъ дороже, что между старыми профессорами многіе, даже богато одаренные, отъ разныхъ причинъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ умственная атмосфера недавняго прошлаго, поддались рутинѣ и читали лекціи только въ исполненіе обязанности по старымъ тетрадкамъ.

Курсъ, который читалъ Ешевскій въ 1856 г., былъ продолженіемъ курса, начатаго Ивановымъ. Ивановъ довелъ до воцаренія Елизаветы Петровны; Ешевскій излагалъ ея царствованіе. Этотъ курсъ (см. «Очеркъ царствованія Елиз. Петр.» во II части этого изданія) еще не потерялъ значенія лучшаго обозрѣнія этого царствованія, которое мы до сихъ поръ имѣемъ. Въ письмѣ ко мнѣ, разсказывая, что русскія книги онъ нашелъ всѣ въ Казани и между прочимъ и журналы старыхъ годовъ, въ которыхъ разсѣяно много статей касательно XVIII в., Ешевскій жаловался, что изъ иностранныхъ онъ могъ достать только «Исторію XVIII в.» Шлоссера. Кажется, позднѣе онъ имѣлъ подъ руками «Geschichte des russischen Staates» Германа. Но главнымъ источникомъ для него служило «Полное Собраніе Законовъ», которымъ обыкновенно такъ мало пользуются наши историки и которое однако должно быть положено въ основу изученія: только тамъ можно найдти свѣдѣнія, касающіяся внутренняго быта. Въ

своемъ изложеніи Ешевскій далъ сравнительно меньшее мѣсто фактамъ внѣшнимъ, придворной и военной исторіи, и обратилъ вниманіе на колонизацію, ландмилиціонные полки, Малороссію, просвѣщеніе. Это обстоятельство и придало курсу особую важность, хотя Ешевскій былъ лишенъ возможности внести въ свое преподаваніе свѣдѣнія архивныя, что тогда и было почти совершенно недоступно. Надо прибавить еще, что, уѣзжая изъ Москвы, онъ еще не зналъ, о чемъ ему придется читать. Срочность работы помѣшала ему дать своему изложенію окончательную литературную обработку, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя мѣста имѣютъ даже несомнѣнныя литературныя достоинства. Такова вступительная лекція, гдѣ, характеризуя вообще XVIII в. какъ время переходное, онъ останавливается съ особенною любовью на лицѣ Потемкина и чрезвычайно удачно указываетъ на него, какъ на типъ чисто русскаго человѣка со всѣми его достоинствами и недостатками. Строгая историческая критика можетъ указать кое на что, что слѣдовало бы поправить: такъ въ дѣлахъ малороссійскихъ, быть можетъ, не слишкомъ ли много вѣры дано фразистой «Исторіи Руссовъ» Кониского. Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что курсъ обнимаетъ собою эпоху далеко не разработанную и до сихъ поръ, а тогда едва только открывалась возможность говорить о ней не такъ, какъ говорилось въ учебникахъ. Важнымъ достоинствомъ курса было, по моему мнѣнію, то, что Ешевскій съумѣлъ удержаться отъ слишкомъ рѣзкаго осужденія прошлаго, которое было у многихъ тогда естественною реакціей противъ недавнихъ панигириковъ.

Въ слѣдующемъ 1856—57 академическомъ году Ешевскій читалъ обозрѣніе исторической литературы отъ хроники Сафоновича до исторіи Соловьева (см. въ III части этого изданія «Обзоръ русской исторіографіи»); при изложеніи онъ принялъ хорошую методу характеризовать воззрѣніе

[redacted]

автора большею частію его собственными словами. Въ періодѣ до Карамзина Ешевскій даетъ довольно полную библіографію; но послѣ Карамзина останавливается только на болѣе крупныхъ явленіяхъ (сколько могу судить по неполному списку его лекцій, находящемуся у меня въ рукахъ); въ особенности много времени посвящено изложенію трудовъ С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина, къ которымъ профессоръ относился съ видимымъ сочувствіемъ; трудовъ по миѳологіи онъ коснулся только мимоходомъ по поводу книги г. Соловьева. Спеціальныя изслѣдованія въ этотъ періодъ оставлены въ сторонѣ. Курсу предшествуетъ любопытное введеніе, въ которомъ высказывается мысль о несходствѣ русской исторіи съ исторіей западной Европы и о всемірно-историческомъ значеніи русской исторіи, которое Ешевскій видѣлъ въ борьбѣ съ Азіей и въ колонизаціи Востока. Ясно, что по своему приготовительному образованію, по кругу, въ которомъ онъ постоянно жилъ, и по своимъ спеціальнымъ занятіямъ, Ешевскій не могъ раздѣлять мнѣній славянофиловъ и не видѣлъ другаго значенія греко-славянскаго міра: въ этомъ отношеніи онъ до конца остался послѣдователемъ западныхъ ученыхъ.

Зимою этого года Ешевскій прочелъ въ Казани три лекціи о колонизаціи сѣверо-востока Россіи, которыя по смерти его были напечатаны въ «Вѣст. Европы» 1866 г. Эти лекціи были чрезвычайно живымъ сводомъ всего, что до того говорилось объ этомъ предметѣ; собранное въ одно цѣлое явилось болѣе яркимъ, чѣмъ разсѣянное въ разныхъ мѣстахъ; оттого эти лекціи такъ понравились, когда явились въ печати. Интересъ къ этнографіи, возбужденный въ Ешевскомъ еще въ Одессѣ, не ограничился этими лекціями: его стараніями образовался въ Казани при университетѣ этнографическій музей изъ предметовъ, преимущественно имѣющихъ какое-либо отношеніе къ краю; Ешевскій завелъ въ разныхъ мѣстахъ

корреспондентовъ, отъ которыхъ доставалъ, какъ этнографическіе предметы, такъ и древности. Такимъ образомъ и у него собралась не большая, но хорошенькая коллекція болгарскихъ и пермскихъ древностей. Послѣднія и были описаны въ «Пермскомъ Сборникѣ». Лекціи Ешевскаго и его разговоры возбудили во многихъ интересъ къ занятіямъ: такъ въ то время посѣщалъ его А. П. Щаповъ, тогда еще студентъ Академіи; Ешевскій указывалъ ему на этнографическіе вопросы и, какъ на источникъ для изученія колонизаціи, на житія святыхъ, хранящіяся въ Соловецкой библіотекѣ. Нѣсколько выписокъ изъ этихъ житій было сдѣлано самимъ Ешевскимъ для С. М. Соловьева. Къ сожалѣнію, Ешевскій оставался слишкомъ не долго въ Казани и не могъ поддержать и дать правильное направленіе ни своему музею, который послѣ него, говорятъ, заглохъ, ни тѣмъ молодымъ людямъ, для которыхъ его руководство было бы полезно. Вмѣстѣ съ собраніемъ древностей Ешевскій вывезъ изъ Казани нѣсколько масонскихъ книгъ и рукописей, положившихъ основаніе его масонской коллекціи.

Весною 1857 г. Ешевскій женился на Ю. П. Вагнеръ, дочери казанскаго профессора, извѣстнаго геолога. Кроткій свѣтъ семейной жизни освѣтилъ и согрѣлъ его послѣдніе труженическіе и страдальческіе годы.

Осенью 1857 г. Ешевскій переселился въ Москву. Не сбывшаяся надежда не только на переходъ въ московскій университетъ, но даже на перемѣщеніе въ Казани съ каѳедры русской исторіи на каѳедру всеобщей, заставила его искать другой службы: Александровскій Сиротскій Корпусъ предложилъ ему уроки, Ешевскій принялъ ихъ и пріѣхалъ въ Москву учителемъ корпуса. По пріѣздѣ однако онъ не скоро могъ приняться за дѣло: болѣзнь ожидала его въ Москвѣ, и доктора нѣсколько мѣсяцевъ не выпускали его изъ комнаты. Дѣятельность

[redacted]

его въ корпусѣ, какъ и вездѣ, оставила добрые слѣды. Ему порученъ былъ третій спеціальный классъ, въ которомъ кадеты подъ руководствомъ учителя занимались письменными упражненіями; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ читалъ спеціальный курсъ о французской революціи, надъ которымъ много работалъ. Ешевскій заставлялъ кадетъ сильно работать, задавая темы для сочиненій такія, для которыхъ матеріалы нужно было находить, напримѣръ, въ «Полномъ Собраніи Законовъ». Кадеты ходили къ нему за справками, за книгами, за совѣтами, и сближались съ нимъ. Въ его путевыхъ замѣткахъ перваго путешествія за границу онъ разсказываетъ, какъ тронули его кадеты, встрѣтившіе его въ Варшавѣ съ необыкновенною любовью. Только въ началѣ 1858 г. министерство исполнило давнее желаніе московскаго университета: Ешевскій былъ утвержденъ профессоромъ по всеобщей исторіи. Грустно пришлось Ешевскому начинать свой курсъ: Кудрявцевъ, истомленный болѣзнію и скорбью по смерти любимой жены, угасъ; первая лекція Ешевскаго была посвящена памяти его учителя, друга и предшественника по каѳедрѣ. Трагична судьба этой каѳедры въ московскомъ университетѣ: такъ быстро на ней смѣняются люди болѣе или менѣе замѣчательные и всѣ равно любимые студентами!

Занявъ каѳедру всеобщей исторіи, Ешевскій приступилъ къ исполненію своей старой задушевной мысли: вести преподаваніе исторіи спеціальными послѣдовательными курсами. По его плану, въ продолженіе 15 лѣтъ онъ долженъ былъ довести этотъ курсъ, начинавшійся временемъ паденія Римской имперіи, до конца; тогда онъ думалъ снова возвратиться къ началу и такимъ образомъ переработанные два раза курсы намѣренъ былъ печатать. Началъ онъ съ этнографическаго обозрѣнія римскаго міра (этотъ курсъ названъ въ этомъ изданіи: «Центръ римскаго міра и его провинціи»). Мысль этого

курса чрезвычайно умная: онъ хотѣлъ разсмотрѣть въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ народы Запада и Востока, подчинившіеся Риму, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить, что каждый изъ нихъ далъ Риму и что получилъ отъ него. Въ яркихъ и живыхъ характеристикахъ передаетъ онъ слушателямъ все, что сдѣлано наукой для объясненія судебъ каждаго изъ этихъ народовъ. Дальнѣйшее развитіе каждаго изъ этихъ народовъ въ средневѣковой исторіи обусловливается до извѣстной степени его отношеніемъ къ Риму. Потому нельзя было удачнѣе начать курса исторіи среднихъ вѣковъ, какъ подобнымъ введеніемъ, мысль о которомъ, можетъ быть родилась подъ вліяніемъ извѣстнаго сочиненія Амедея Тьерри: «Histoire de la Gaule sous la domination des Romains», гдѣ изображается вліяніе на Римъ разныхъ подчиненныхъ ему народовъ, представители которыхъ такъ часто облекались въ императорскую порфиру. Но Ешевскій поставилъ задачу свою шире: его вниманіе устремлено преимущественно не на Римъ, а на провинціи. Въ этомъ курсѣ онъ остался вѣренъ тому же направленію, которое выразилось еще въ «Сидоніи»: въ падающемъ Римѣ онъ привѣтствуетъ зарю новаго міра; съ этой же точки зрѣнія разсмотрѣвъ составъ римскаго міра, онъ характеризуетъ его связующее начало, власть цезарей; весь курсъ проникнутъ сознаніемъ связи римскаго міра съ ново-европейскимъ, которая высказана въ заключительныхъ словахъ профессора: «Въ исторіи среднихъ вѣковъ не разъ приходится обращаться къ временамъ древней имперіи, чтобы понять смыслъ явленій, совершавшихся въ новой Европѣ». Читая эти яркія и живыя характеристики, можно подумать, что онѣ достались очень дешево; но я самъ былъ свидѣтелемъ неустанной работы, которой они стоили; приготовленіе къ каждой лекціи брало у Ешевскаго нѣсколько дней: въ дѣло шли и историки, и путешествія археологовъ. Многія книги доставались въ Москвѣ съ большимъ трудомъ;

[redacted]

но все, что можно было достать до последней журнальной статьи, было добываемо. Вліяніе западныхъ историковъ чувствуется на этомъ курсѣ; но иначе не могло быть: міръ греко-славянскій, къ сожалѣнію, оставался чуждымъ тогда и не для одного Ешевскаго.

Предметомъ курса слѣдующаго года было обозрѣніе внутренней, преимущественно умственной жизни Римской имперіи (этотъ курсъ названъ въ нашемъ изданіи «Очерками язычества и христіанства»). Этому курсу Ешевскій весьма кстати предпослалъ введеніе, въ которомъ разбиралъ вопросъ объ отношеніи общества къ государству; *) можетъ быть, нигдѣ правильная постановка этого вопроса не имѣетъ такого значенія, какъ въ приложеніи къ Риму, гдѣ государство стремилось поглотить общество и гдѣ христіанство представило оплотъ противъ этихъ стремленій. Вопросъ этотъ побудилъ Ешевскаго обратиться къ юридической литературѣ и большая часть лѣта 1858 г. ушла на это занятіе. Къ чему бы онъ ни обращался, онъ всегда любилъ получить болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія. Самый предметъ курса вызвалъ къ пересмотру всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, какъ римскихъ, такъ и принятыхъ Римомъ отъ другихъ народовъ, всѣхъ системъ философскихъ, господствовавшихъ въ Римѣ съ одной стороны, ученій отцовъ церкви съ другой. Рѣзкая противоположность этихъ двухъ міровъ, существовавшихъ рядомъ въ Римской имперіи, весьма счастливо выставлена въ курсѣ Ешевскаго. Курсъ этотъ тѣсно связывался съ предыдущимъ: представивъ картину Римскаго міра, опредѣливъ предѣлы вліянія Рима границами того, что въ послѣдствіи называлось западной Европой, профессоръ переноситъ своихъ слушателей въ самый центръ умственной жизни этого міра и показываетъ, какъ неизбѣжно начала этой жизни

*) Это введеніе не вошло въ наше изданіе, вслѣдствіе своей отрывочности и незаконченности. А. Т.

должны уступить передъ новыми началами христіанства. Строгая критика можетъ указать на то, что незнакомство съ подлинниками многихъ замѣчательныхъ произведеній древности (по гречески Ешевскій не читалъ) могло тутъ и тамъ имѣть вліяніе на самое изложеніе. Тутъ есть своя доля правды; но не слѣдуетъ забывать и того, что профессоръ не можетъ всюду быть самостоятельнымъ, что ясное и живое изложеніе чужихъ результатовъ не рѣдко составляетъ важную заслугу. Прибавимъ однако, что если греческую литературу Ешевскій зналъ по переводамъ, то латинская была ему вполнѣ извѣстна. То же надо сказать и объ исторической литературѣ самого предмета: все, что касалось его, было тщательно прочитано и изучено. Я помню, съ какимъ нетерпѣніемъ добивался онъ книги Деллингера: «Christenthum und Kirche» и въ какое негодованіе приходилъ, замѣтивъ при чтеніи, что книга въ сущности поспѣшная компиляція.

Рядомъ съ этимъ курсомъ Ешевскій читалъ другой: для студентовъ 1-го и 2-го курса онъ обязанъ былъ читать древнюю исторію. Новую читалъ тогда г. Вызинскій, котораго лекціи о феодализмѣ, какъ введеніе въ новую исторію, напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Ешевскій считалъ несправедливымъ обременить молодаго преподавателя двумя курсами и потому взялъ древнюю исторію на себя. Курсъ этотъ доводилъ Ешевскій до персидскихъ войнъ; главное вниманіе профессора, сколько могу судить по краткому изложенію, составленному по моей просьбѣ однимъ изъ тогдашнихъ его слушателей, И. П. Хр., обращено было на бытъ и религію народовъ Востока: онъ долго останавливался на памятникахъ искусства, описывая ихъ по разсказамъ путешественниковъ и указывая на труды, сдѣланные для ихъ объясненія. И. П. Хр. чрезвычайно хорошо характеризуетъ этотъ курсъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все преподаваніе Ешевскаго: «Ешевскій, говоритъ онъ,

[redacted]

былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые не могутъ относиться къ своему дѣлу безсердечно и исполнять его рутинно. Каждая его лекція была согрѣта сочувствіемъ къ предмету, и это не было мелочное сочувствіе къ блеску собственной мысли. Онъ былъ не фразеръ и не подстрекалъ хаоса мыслей, какъ иные изъ его современниковъ. Идея проходила чрезъ его лекцію, и онъ ею не хвастался. Пріемы его были чисто объективные, что, конечно, способствовало тому благотворному вліянію, какое имѣли его лекціи на слушателей». «Впечатлѣніе, говоритъ тотъ же свидѣтель, произведенное разсказомъ о кастахъ и чудовищномъ рабствѣ древняго Египта, было сильно; но Степанъ Васильевичъ не останавливался на этомъ долго и не пускался по этому поводу въ разсужденія; не дѣлалъ политическихъ намековъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ было въ модѣ поступать». «Никогда не угощалъ онъ слушателей обломками своихъ академическихъ работъ и не приносилъ массы отрывочныхъ свѣдѣній вмѣсто не подготовленной и не обдуманной лекціи. Наглядно объясняя нѣмые памятники и приводя письменные, Степанъ Васильевичъ приводилъ слушателей черезъ рядъ гипотезъ къ положительному факту и тѣмъ пріучалъ къ ученымъ пріемамъ и знакомилъ съ исторической критикой». Отношеніе къ студентамъ передаю тоже словами И. П. Хр.: «Мы читали по совѣту С. В. удивительную книгу Макса Дункера. Это чтеніе казалось намъ продолженіемъ лекцій: частію пополняло ихъ, частію лекціи наоборотъ пополняли чтеніе. Ст. Вас. принималъ насъ и у себя, онъ очень просто и любезно обходился съ нами, но не заискивалъ въ насъ и не любилъ пускаться съ нами въ болтовню. Мы знали зачѣмъ шли къ нему, а онъ заготавливалъ къ нашему приходу книги и атласы, показывалъ рисунки памятниковъ древности и объяснялъ наши недоразумѣнія».

Прибавлю любопытную черту, сообщаемую въ запискѣ, со-

ставленной для меня другимъ его ученикомъ, А. С. Трачевскимъ: «С. В. былъ однимъ изъ льготныхъ профессоровъ для тѣхъ студентовъ, которые желаютъ получить степень кандидата. Для молодаго человѣка, могущаго запомнить основное содержаніе лекцій, а главное, понять и сознательно высказать это содержаніе, *пятерка* была обезпечена, и она всегда входила, какъ совершившійся фактъ, въ наивно-корыстные разсчеты будущихъ кандидатовъ. Но зато упомянутое главное условіе нужно было всегда соблюсти при отвѣтѣ С. В—чу; только тогда онъ внимательно и спокойно выслушивалъ студента и, не задерживая его долго, смѣло ставилъ высшую отмѣтку. Въ семьѣ, конечно, не безъ урода: бывало не безъ грѣха, т. е. не безъ отсутствія *главнаго* условія въ отвѣтѣ. Въ такомъ случаѣ С. В. принималъ оживленный и веселый видъ и начиналъ энергически задавать несчастному вопросы поразительной простоты, отъ которыхъ былъ менѣе, чѣмъ одинъ шагъ, до первыхъ страницъ руководствъ Смарагдова и Ободовскаго. Помнится, напримѣръ, что одному изъ такихъ студентовъ, не могшему не только прямо, но и криво понять историческое явленіе, въ родѣ Аполлонія Тіанскаго, профессоръ задалъ вопросъ касательно географическаго положенія Аравіи и былъ утѣшенъ не менѣе поразительнымъ по своей простотѣ отвѣтомъ. Даже и въ подобныхъ критическихъ обстоятельствахъ С. В. не терялъ присутствія духа и веселаго настроенія: онъ только сознавался, шутливо разставляя руки, что находится въ затруднительномъ положеніи, въ необходимости поставить, по большей мѣрѣ, *двойку*. Только въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ съ одной стороны сознанія необходимости поднять уровень нашего образованія, а съ другой стороны и болѣзни, сталъ онъ строже и требовательнѣе».

Обязанности профессора не ограничивались для Ешевскаго однимъ чтеніемъ лекцій и учеными занятіями; дѣла совѣтскія

[redacted]

также тревожили его. Ешевскій, по своему характеру, принадлежалъ къ числу людей, которые охотно жертвуютъ собственнымъ покоемъ тому, что считаютъ своимъ долгомъ; на исполненіе долга онъ всегда смотрѣлъ серьезно и не останавливался въ этомъ случаѣ ни передъ какими соображеніями: университетъ и его процвѣтаніе были его постоянною заботою. Больной и нервный, онъ, можетъ быть, иногда вносилъ черезчуръ много страстности въ свои пренія; но, тѣмъ не менѣе, выходя изъ благороднаго источника, увлеченія его легко находили себѣ оправданіе въ глазахъ не предубѣжденныхъ людей, и если въ свое время и производили нѣсколько тяжелое впечатлѣніе, то послѣ всегда могли быть объяснены честными побужденіями. Вглядываясь пристальнѣе въ составъ коллегіальныхъ учрежденій (можетъ быть, и не у насъ однихъ), нельзя не цѣнить людей съ характеромъ Ешевскаго, которые мѣшаютъ этимъ учрежденіямъ заснуть. Въ ту пору, о которой я теперь говорю, Ешевскій былъ занятъ въ особенности вопросомъ о свободѣ диспутовъ; частный случай, подавшій поводъ къ полемикѣ въ газетахъ (см. въ Предисловіи списокъ статей Ешевскаго), былъ для него только поводомъ: онъ смотрѣлъ на дѣло гораздо шире и добивался не того, чтобы оскорбить то или другое лице, а того, чтобы оградить одно изъ важнѣйшихъ учрежденій университета, ставящее его подъ постоянный контроль общественнаго мнѣнія. Результатомъ полемики Ешевскаго было то, что на слѣдующемъ диспутѣ уже были сохранены всѣ формы. Другой, еще болѣе важный вопросъ занималъ въ то время Ешевскаго и оставался постоянно для него предметомъ заботливости. Это вопросъ о степени подготовки студентовъ. Еще въ бытность въ Казани онъ замѣтилъ неудовлетворительность состоянія гимназій, въ университетѣ ему не разъ приходилось сталкиваться съ примѣрами замѣчательнаго невѣжества, естественнымъ

послѣдствіемъ того упадка гимназій, въ которое привела ихъ реформа 1849 г., разрушившая созданіе графа Уварова. Въ своей статьѣ о книгѣ Шульгина въ «Атенеѣ» онъ разсказываетъ о студентѣ, говорившемъ на экзаменѣ о *богинѣ Культѣ:* слышавъ это слово «культъ» на лекціяхъ, студентъ принялъ его за названіе особаго божества. По поводу возбужденнаго тогда Ешевскимъ вопроса о лучшемъ устройствѣ гимназій, поднялись голоса, обвиняющіе университетъ, выпускающій дурныхъ учителей. При всей видимой справедливости этого обвиненія, нельзя не согласиться однако съ тѣмъ, что при тогдашнемъ состояніи университетовъ гимназіи все таки могли быть лучше: были же они относительно хороши при графѣ Уваровѣ. Педагогическому вопросу Ешевскій отвелъ, какъ мы увидимъ ниже, много мѣста въ планѣ своей заграничной поѣздки.

Осенью 1859 г. Ешевскій уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ до осени 1861 г. Въ эту поѣздку онъ объѣхалъ большую часть Германіи, былъ въ Италіи, Швейцаріи и Франціи. Главныя цѣли своей поѣздки онъ такъ объяснялъ въ письмѣ изъ Берлина къ той родственницѣ, о которой намъ уже случилось упоминать: «Мнѣ хотѣлось бы взять съ путешествія все, что возможно, и заниматься только тѣмъ, чѣмъ можно заниматься только здѣсь. Кабинетныя занятія, работа надъ книгами еще не уйдутъ отъ меня. Это можно дѣлать и въ Россіи, потому ихъ я отодвинулъ на второй планъ. Кромѣ общаго знакомства съ политическими учрежденіями и ходомъ здѣшней общественной жизни, я поставилъ себѣ главнымъ образомъ двѣ задачи: изученіе искусства и по возможности близкое знакомство съ устройствомъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній. Послѣднее я считаю чрезвычайно важнымъ въ практическомъ отношеніи и въ нашемъ теперешнемъ положеніи, когда все расшаталось въ университетѣ и гимназіи, когда настоятельна потребность въ народныхъ элементарныхъ школахъ и поднятъ вопросъ о

[redacted]

женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ музеи и школы днемъ, спеціальныя сочиненія по исторіи и теоріи искусствъ и законы по министерству народнаго просвѣщенія вечеромъ, и у меня почти не остается времени на занятіе чѣмъ-нибудь другимъ или остается очень мало. Къ сожалѣнію, доступъ въ заведенія не всегда легокъ, особенно въ женскія католическія. Я получилъ отказъ въ просьбѣ осмотрѣть знаменитый институтъ въ Голландіи, недалеко отъ прусской границы, не могъ попасть въ католическій пансіонатъ въ самомъ Ахенѣ, т. е. получилъ позволеніе осмотрѣть однѣ стѣны, тогда какъ мнѣ прежде всего нужно сидѣть въ классахъ, видѣть машину въ самомъ ходу и притомъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, а стѣны вездѣ стѣны. Впрочемъ, къ счастію, эти неудачи исключеніе изъ общаго правила. Большею частію я могъ близко всмотрѣться въ заведенія и надѣюсь привезти съ собою и много замѣтокъ, и почти цѣлую библіотеку различныхъ статутовъ, уставовъ и постановленій. За то музеи доступны вездѣ». «Уже по одному тому, что я надѣюсь принести дома пользу моимъ изученіемъ здѣшняго воспитанія, говоритъ онъ далѣе въ томъ же письмѣ, умирать я рѣшительно не намѣренъ». Въ «Отеч. Зап». 1860 г. напечатано его «Письмо изъ-за границы», въ которомъ онъ описываетъ состояніе германскихъ учебныхъ заведеній. Съ начала своей поѣздки Ешевскій началъ-было вести поденныя записки; но, къ сожалѣнію, не довелъ ихъ до конца: здѣсь рядомъ съ его собственными наблюденіями встрѣчаются выписки изъ разныхъ книгъ, цифры, касающіяся учебныхъ заведеній, краткія замѣтки о преподаваніи въ школахъ, указанія замѣчательныхъ вещей въ музеяхъ, и т. п. Изъ этой книги извлечено мнѣніе Ешевскаго о различныхъ профессорахъ, которыхъ ему удалось слушать. Вотъ что говоритъ онъ о Гейдельбергѣ:

«Съ 5 числа (ноября 1859 г.) я началъ ходить въ университетъ. Онъ поражаетъ своею простотою. Главное зданіе, гдѣ помѣщаются аудиторіи и, кажется, кабинетъ естественной исторіи, находится на Ludwig's или Universität's Platz'ѣ; анатомическій музей, лабораторія, библіотека и другія университетскія собранія помѣщены въ другихъ домахъ въ городѣ; надъ главнымъ зданіемъ весьма не затѣйливой архитектуры четыреугольная башня съ часами. Внутри ни сторожей, ни прислуги; одна Mädchen ходитъ по аудиторіямъ въ перемѣны, чтобы зажечь газовые рожки вечеромъ и топить печи въ корридорахъ. Аудиторіи не велики и бѣдны: грязные обои по стѣнамъ, простыя скамейки, изрѣзанныя ножемъ, залитыя чернилами и покрытыя надписями, такая же каѳедра съ черною доскою у стѣны, у которой стоитъ кафедра—вотъ и все. По стѣнамъ вѣшалки или просто гвозди, на которыхъ студенты вѣшаютъ свои пледы и фуражки. Студенты курятъ въ корридорахъ и въ аудиторіяхъ; въ послѣднихъ, разумѣется, до прихода профессора. Ни полиціи, ни внѣшняго decorum. Въ корридорѣ на стѣнѣ наклеены записочки профессоровъ о времени начала курса, о часахъ и въ какой аудиторіи. Все идетъ само собою, а между тѣмъ ни малѣйшаго безпорядка ни въ корридорѣ, ни особенно въ аудиторіяхъ. Попробуй кто-нибудь войдти по срединѣ лекціи, подымется такое шарканье ногами, что въ другой разъ навѣрно не опоздаетъ.

«Въ первый день вечеромъ я пошелъ на лекціи Рау и Гейссера. Какъ госпитантъ, я имѣлъ право три раза ходить даромъ на лекціи каждаго профессора прежде, чѣмъ записаться въ число его слушателей. Слушателей у Рау не много, едва ли наберется 20 человѣкъ въ небольшой аудиторіи, гдѣ онъ читаетъ. Ровно черезъ 7 минутъ вошелъ въ аудиторію, нѣсколько постукивая, бодрый еще старикъ, снялъ пальто, у каѳедры положилъ шляпу, вытащилъ книгу и началъ чтеніе.

[redacted]

Рау нынѣшній годъ читаетъ финансовое право и притомъ по своей книгѣ. Въ эту лекцію онъ оканчивалъ литературу финансоваго права и приступилъ къ изложенію самаго предмета. Онъ читаетъ довольно внятно, хотя и не громко, причмокивая губами послѣ каждой фразы. Характеристика сочиненій ограничивается заглавіемъ и нѣсколькими словами. Любопытны были только эпизодъ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ Рау въ полученіи финансовыхъ отчетовъ Австріи и характеристика трехъ родовъ этихъ отчетовъ въ Австріи: одного для публики безъ цифръ, другаго для избраннаго круга читателей, для чиновниковъ, университетовъ, и третьяго для немногихъ лицъ, посвященныхъ въ тайны австрійскихъ финансовъ. Изложеніе Рау весьма незавидно. Непріятно поражаетъ уже то, что онъ читаетъ по печатному руководству, почти неотступно отъ него. «Теперь слѣдуетъ § 3», говоритъ онъ, напримѣръ, сохраняя въ своемъ чтеніи даже рубрики книги. Отступленія отъ книги заключаются въ толкованіи самыхъ элементарныхъ политико-экономическихъ понятій. Странно какъ-то на лекціи финансоваго права слушать довольно долгое объясненіе различія потребленія отъ уничтоженія вещи, объясненіе различія чистаго дохода отъ валоваго и т. д. Кромѣ того, эти элементарныя объясненія слишкомъ продолжительны и показываютъ слишкомъ уже большое недовѣріе къ степени предварительныхъ познаній слушателей и даже къ ихъ понятливости. Вообще лекція была скучна и монотонна.

«Другое дѣло лекціи Гейссера. Онъ читаетъ два курса, каждый по пяти лекцій въ недѣлю. Отъ 4 до 5 новая исторія съ 1517 г.; отъ 6 до 7 исторія Германіи съ Вестфальскаго мира. На первомъ курсѣ слушателей бываетъ не такъ много, зато на второмъ аудиторія бываетъ полна. Гейссеръ рожденъ быть ораторомъ. Высокій, крѣпко сложенный, полный силъ и здоровья, съ грубымъ, некрасивымъ лицомъ, полнымъ однако

выраженія ума и энергіи, съ демократическими, нѣсколько грубоватыми манерами, отлично идущими къ его лицу и тѣлосложенію, онъ владѣетъ сильнымъ, звучнымъ голосомъ и совершенно свободною рѣчью. Онъ читаетъ безъ всякихъ записокъ и конспектовъ, читаетъ быстро, такъ что за нимъ нельзя записывать; мысль опережаетъ слово и окончаніе фразы иногда пропадаетъ, такъ оно произносится скоро. Въ его рѣчи нѣтъ ни малѣйшаго посягательства на внѣшнюю отдѣлку, тѣмъ менѣе еще на фразерство; рѣчь скорѣе отрывиста; характеристики личностей въ весьма не многихъ, но меткихъ словахъ. Гейссеръ говоритъ, а не читаетъ; вся его лекція носитъ на себѣ этотъ разговорный характеръ. Онъ не можетъ спокойно стоять на каѳедрѣ, а безпрестанно движется, перемѣняетъ положеніе, какъ будто ему тѣсно на ней. Иногда онъ повышаетъ голосъ до того, что, вѣроятно, его слышно съ площади. Несмотря на эту видимую неприготовленность лекціи, на ея непринужденный, разговорный характеръ, лекціи выходятъ мастерски обработанными. Гейссеръ не пускается въ подробное изложеніе и ограничивается большею частію общей характеристикой, но эти характеристики выходятъ чрезвычайно цѣльны и полны. Дня черезъ два я слышалъ его оцѣнку значенія лютеровскаго перевода Библіи, и мнѣ никогда не случалось ни читать, ни слышать подобной мастерской характеристики.

«*6 ноября* былъ у Гейссера, чтобы записаться въ число его слушателей. Онъ читаетъ по изданнымъ имъ проспектамъ и находитъ это очень выгоднымъ для слушателей. Дѣйствительно, тутъ помѣщены указанія на источники и литературу каждаго отдѣла, кромѣ того тутъ указанія на главнѣйшія событія и важнѣйшія даты. Между прочимъ, Гейссеръ разсказывалъ мнѣ съ какимъ трудомъ собиралъ матеріалы для своей «Исторіи Германіи со смерти Фридриха II». Важнѣйшими

[redacted]

матеріалами, напримѣръ перепиской Лукезини, онъ пользовался съ большею легкостью потому, что они находятся въ Берлинскомъ военномъ архивѣ, гдѣ военное начальство смотритъ легче на политическіе документы. Въ Берлинскій архивъ иностр. дѣлъ доступъ былъ труднѣе; но всего недоступнѣе были баденскіе архивы, куда могъ проникнуть Гейссеръ только послѣ многихъ хлопотъ въ министерствѣ. Плата за каждый курсъ Гейссера въ семестръ 12 гульденовъ 20 кр.: я получилъ билетъ на слушаніе Новой исторіи за № 28, на слушаніе нѣмецкой за № 80. Впрочемъ слушателей несравненно больше, чѣмъ видно по билетамъ; особенно велико число на курсѣ нѣмецкой исторіи, я думаю человѣкъ до 150. Это или госпитанты или, какъ говорятъ, тѣ слушатели, которые ходятъ на лекціи, не записавшись у профессора и, слѣдовательно, не платя ему: они обыкновенно садятся подальше. Особенно это удобно въ аудиторіи, гдѣ читаетъ нѣмецкую исторію Гейссеръ. Задняя часть аудиторіи не освѣщена и надъ нею устроены какіе-то хоры, такъ что въ ней постоянно темно. Такихъ слушателей здѣсь называютъ «bei Schwanz Hörer» и, благодаря отсутствію всякаго контроля, очень легко слушать такимъ образомъ. Иначе нельзя объяснить такую огромную разницу между числомъ слушателей и числомъ выданныхъ билетовъ. Сверхъ Гейссера, я буду слушать два курса Штарка: греческую исторію и исторію искусства отъ Фидія до Константина В.—Штаркъ не позволилъ мнѣ записаться, а очень любезно сказалъ, что записываніе существуетъ для студентовъ, а не для товарищей по каѳедрѣ. Штаркъ еще довольно молодой человѣкъ. Онъ слушалъ въ Берлинѣ лекціи вмѣстѣ съ Леонтьевымъ, о которомъ разспрашивалъ. Онъ читаетъ греческую исторію очень подробно и обстоятельно. На географическій очеркъ Ѳессаліи онъ употребилъ, напр., цѣлую лекцію, рисуя мѣломъ на доскѣ. Онъ читаетъ по запискамъ

или по конспекту. Изложеніе чрезвычайно отчетливо. Видно, что къ каждой лекціи онъ готовится. Внѣшняя манера довольно удовлетворительна, хотя онъ и говоритъ какимъ-то скрыпучимъ голосомъ. Слушателей довольно мало, человѣкъ 9 или 10, не болѣе. Къ сожалѣнію, онъ не отличается, кажется, особымъ талантомъ изложенія и очень часто заканчиваетъ описаніе такъ: so also Eleusis. Это so also у него встрѣчается очень часто. Особенно этотъ недостатокъ таланта изложенія замѣтенъ въ его исторіи искусства. Онъ чрезвычайно подробно объяснитъ планъ зданія, укажетъ на архитектурныя подробности, на содержаніе барельефовъ, разскажетъ дальнѣйшую судьбу зданія (напр. Парѳенона), но общаго характера зданія не видно, за деталями слушателю довольно трудно составить себѣ сколько-нибудь цѣльное понятіе и онъ остается при одномъ инвентарѣ архитектурныхъ частей зданія. Штаркъ помогаетъ нѣсколько въ этомъ отношеніи своими archeologische Uebungen въ библіотекѣ, гдѣ онъ показываетъ и объясняетъ рисунки; но слушателей на этихъ упражненіяхъ еще меньше, чѣмъ на лекціяхъ. Когда я былъ, насъ было всего пятеро. Штаркъ впрочемъ лице очень почтенное по совѣстливой обработкѣ своихъ лекцій; я въ особенности доволенъ его исторіей Греціи.

«Лекціи Роберта Моля крайне неудовлетворительны во внѣшнемъ отношеніи. Онъ читаетъ тихо, однообразнымъ, заученнымъ тономъ; но еще хуже, когда онъ пускается въ частныя объясненія, когда онъ старается придать своимъ словамъ характеръ разговора; тутъ очень часто не доберешься, въ чемъ дѣло: онъ говоритъ скоро, путается, глотаетъ слова и пр. Разумѣется, это только внѣшность, содержаніе лекцій отлично, и тѣмъ досаднѣе, что внѣшность такъ неудовлетворительна.

«Здѣсь профессора аккуратны не по нашему. Черезъ десять минутъ послѣ перемѣны, которая происходитъ безъ звонка,

[redacted]

профессоръ уже на лекціи. Робертъ Моль долженъ былъ отправиться на недѣлю въ Карльсру для засѣданія въ палатѣ и онъ просилъ своихъ слушателей приходить слушать нѣсколько дополнительныхъ лекцій отъ 7 до 8 ч. вечера, чтобы вознаградить слушателей за то время, когда онъ будетъ въ отсутствіи. Взявши съ слушателей гонораріи, профессоръ принимаетъ на себя обязанность прочитать извѣстный предметъ въ извѣстный срокъ и потому каждая манкировка есть какъ бы неисполненіе взаимнаго договора, и студентъ, заплативъ деньги, хочетъ, чтобы онѣ заплачены были не даромъ.

«На лекціяхъ нѣмецкой исторіи Гейссера я замѣтилъ двухъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ до того ветхъ, что ходитъ съ костылемъ и почти слѣпъ, но которые не пропускаютъ ни одной лекціи. У насъ до этого еще долго не дойдетъ. Вообще большое число слушателей Гейссера объясняется только тѣмъ интересомъ, который возбуждаютъ эти лекціи. Держать экзаменъ изъ исторіи обязаны только филологи, а ихъ очень не много; остальные слушаютъ безъ всякихъ внѣшнихъ побудительныхъ причинъ, а аудиторія между тѣмъ всегда полна».

Не смотря на обширность этой выписки, я рѣшаюсь еще привести характеристику берлинскихъ профессоровъ, ибо полагаю, что въ этихъ сужденіяхъ чрезвычайно ярко высказываются требованія Ешевскаго отъ профессора и университетовъ; не надо забывать, что это черновыя наброски, которыя были написаны только для себя. Итакъ посмотримъ, что онъ нашелъ въ Берлинѣ.

«Въ университетѣ, читаемъ мы въ той же записной книжкѣ, также просто, какъ и въ Гейдельбергѣ. Зданіе нѣсколько напоминаетъ старый университетъ въ Москвѣ. Аудиторіи помѣщаются внизу, только три въ верхнемъ этажѣ. Въ верхнихъ этажахъ обоихъ флигелей анатомическій

музей и музей естественной исторіи, открытые для всѣхъ два дня въ недѣлю отъ 12—2 часовъ безъ всякихъ билетовъ. Аудиторіи также просты, какъ въ Гейдельбергѣ, только побольше. Въ среднихъ сѣняхъ по стѣнамъ тѣ же рукописныя извѣщенія профессоровъ о лекціяхъ, только здѣсь они на латинскомъ языкѣ и адресованы commilitonibus amantissimis, ornantissimis и пр. На одной изъ стѣнъ планъ университета съ обозначеніемъ NN аудиторій. На дверяхъ каждой аудиторіи картонъ съ расписаніемъ лекцій, которыя въ ней читаются. Еще отличіе внѣшнее отъ гейдельбергскаго университета: въ разныхъ мѣстахъ прибиты объявленія, что въ стѣнахъ университета нельзя курить, и во все время моихъ посѣщеній лекцій я не видалъ ни одного человѣка курящаго, хотя нѣтъ, по крайней мѣрѣ не видно, никакого полицейскаго надзора. На лекціяхъ много солдатъ, продолжающихъ слушать лекціи. Разноцвѣтныхъ фуражекъ не видно; попадалось 2, 3 бѣлыя, фуражки Вандаловъ, но, вѣроятно, это пришельцы изъ другихъ университетовъ. Слушателей въ первые дни января сначала было не много, да и профессора не всѣ читали, Лепсіусъ, напримѣръ, началъ читать съ 12-го января.

«*Раумеръ* читаетъ публичный курсъ исторіи замѣчательныхъ революцій два раза въ недѣлю ниже всякой посредственности. Слушателей человѣкъ 10, 12, не больше. Трудно излагать предметъ болѣе пошлымъ, безцвѣтнымъ, школьнымъ образомъ. При мнѣ онъ читалъ обзоръ переворотовъ въ древнемъ Римѣ. Это былъ сухой, безжизненный перечень событій: ни одной характеристической подробности, ни одного сужденія иначе, какъ общими мѣстами. Такъ можно читать въ 5 классѣ гимназіи, а не въ университетѣ. Онъ назвалъ Грековъ первыми революціонерами и коснулся ager publicus. Я ждалъ тутъ чего-нибудь и услышалъ только школьное объясненіе, что такое ager publicus. Внѣшность изложенія самая

[redacted]

печальная и вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію; печальный, неприглядный старикъ, съ зачесанными сзади на лобъ жидкими волосами, говоритъ убійственно монотоннымъ, однообразнымъ голосомъ. Я зналъ прежде, что отъ Раумера, какъ профессора, ждать много нечего, но такого чтенія все-таки не ждалъ.

«*Ранке* производитъ также впечатлѣніе непріятное, но въ другомъ совершенно родѣ. Слушателей у него также мало, развѣ не много побольше, чѣмъ у Раумера. Онъ читаетъ новѣйшую исторію съ 1813 г. и въ январѣ еще читалъ только о событіяхъ съ Калишскаго трактата между Россіею и Пруссіей. Въ аудиторію вошелъ низенькій господинъ еще не очень старый, на которомъ все платье какъ-то лѣзетъ кверху, отвороты сѣраго жилета поднялись изъ-за воротника сюртука, сѣрые брюки лѣзутъ вверхъ по сапогу. Я очень удивился, когда этотъ господинъ взошелъ на каѳедру и усѣлся тамъ: я никакъ не воображалъ знаменитаго историка въ такомъ видѣ. Еще болѣе удивленъ былъ я при первыхъ его словахъ. Дѣло шло о самыхъ простыхъ, нисколько не патетическихъ предметахъ: о движеніи прусской и русской армій въ началѣ кампаніи 1813 г. Но надобно было видѣть, какіе жесты выдѣлывалъ Ранке на каѳедрѣ и не одними руками, а всѣмъ тѣломъ: голова закинута назадъ, глаза жмурятся и закатываются, одна рука поднята кверху, другая протянута впередъ и судорожно ловитъ что-то, голосъ то замираетъ и почти совсѣмъ теряется, то переходитъ въ отрывистыя восклицанія, а все это за тѣмъ, чтобы сказать, что союзныя войска или армія Блюхера отступили по такому-то направленію. Вся лекція или лекціи прошли въ подобномъ кривляніи, поражающемъ весьма непріятно. Того и глядишь, что онъ опрокинется со стуломъ или вывихнетъ себѣ руку, до такой степени неестественны его размахиванія руками. Ранке приноситъ съ собою тетрадь,

но не смотритъ въ нее, что впрочемъ для него и невозможно. Его фраза неправильна, некрасива, безпрестанныя поправки, повторенія и т. п. Внутренней стороной изложенія я также не совсѣмъ доволенъ: Ранке слишкомъ много даетъ мѣста ненужнымъ подробностямъ, останавливается слишкомъ долго на военныхъ движеніяхъ; а между тѣмъ внутренняя сторона: народное движеніе, постановка партій, какъ-то уходятъ слишкомъ на задній планъ. Онъ указалъ, напримѣръ, на важнѣйшіе пункты Рейхенбахскаго договора, но почти ничего не сказалъ о его значеніи, о политикѣ Меттерниха, о разладѣ между австрійскимъ взглядомъ на отношенія къ германскимъ князьямъ и Рейнскому союзу, еще вѣрному Наполеону, и взглядомъ, высказаннымъ въ Калишскомъ договорѣ, о противоположности между планами Штейна и цѣлями Меттерниха. Вообще надо хорошо знать и уважать Ранке, какъ писателя, чтобы имѣть терпѣніе долго слушать его, какъ профессора, и не уйдти съ первой же лекціи съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться болѣе въ аудиторію.

«*Гиршъ* читаетъ исторію древняго міра. Какъ писателя, я его совершенно не знаю; мнѣ извѣстно только, что онъ написалъ «De vita et scriptis Sigiberti monachi Gemblacensis Comment. Hist.-lit. Ber. 1841». Слушателей у него не много больше, чѣмъ у Ранке, хотя ему и отведена большая аудиторія. Гиршъ еще довольно молодой человѣкъ. Онъ почти бѣгомъ входитъ въ аудиторію и черезъ нее до каѳедры; читаетъ чрезвычайно скоро какимъ-то пѣвучимъ тономъ, впрочемъ довольно однообразнымъ и также не безъ нѣкоторой жестикуляціи. Въ январѣ онъ читалъ исторію еврейскаго народа въ связи съ исторіею Ассиріи и частію Персіи. Изъ его скороговорки трудно получить ясное понятіе объ исторіи еврейскаго народа, хотя онъ перекликаетъ всѣхъ царей израильскихъ и іудейскихъ и хотя онъ читаетъ длинные отрывки изъ

[redacted]

пророчествъ. Онъ совершенно теряется въ мелкихъ подробностяхъ, перескакиваетъ безпрестанно отъ одного предмета къ другому, бросается безпрестанно по сторонамъ, говоритъ, напр., о Кромвеллѣ по поводу пророка Иліи; и изъ всего этого выходитъ такая сумятица, въ которой трудно оріентироваться не только слушателямъ, но, кажется, и ему самому. Рѣчь льется быстрымъ потокомъ, слова идутъ одно за другимъ, какъ барабанная дробь, и вы думаете, что онъ торопится пересказать скорѣе эти подробности, чтобы подольше остановиться на чемъ-нибудь болѣе существенномъ. Не тутъ-то было: ничего и нѣтъ, кромѣ мелочей и подробностей, кромѣ, какъ мнѣ показалось, безплоднаго желанія какъ-нибудь совладѣть съ этимъ дробнымъ матеріаломъ, чтобы сдѣлать какое-нибудь заключеніе, общій выводъ, желаніе, изъ котораго ничего не выходитъ. Студенты приходятъ съ тетрадями, но, сколько я могъ замѣтить, записываютъ только нѣкоторыя имена да хронологическія даты. Записать лекцію, т. е. ея главное содержаніе, нѣтъ никакой возможности: я пробовалъ и на самыхъ лекціяхъ, и дома тотчасъ послѣ возвращенія съ лекціи. Что сказалъ Гиршъ въ такую-то лекцію? Это чрезвычайно трудно сказать: лекціи разсыпаются въ песокъ, гдѣ каждая песчинка сама по себѣ и изъ котораго ничего нельзя слѣпить. Въ лѣтній семестръ онъ читалъ нѣмецкую исторію и исторію литературы среднихъ вѣковъ.

«Болѣе остался я доволенъ *Кёпке,* который читаетъ средневѣковую исторію. Онъ тоже литературно мало извѣстенъ (Vita Liutprandi). Теперь онъ издалъ Germanische Forschungen (возникновеніе королевской власти у Готовъ). Природа его сильно обидѣла внѣшностію: низкаго роста, горбатый, съ весьма некрасивой наружностію. Его лекціи не отличаются ни особеннымъ талантомъ изложенія, ни новизною проводимыхъ идей; но каждая изъ нихъ составлена

чрезвычайно отчетливо и добросовѣстно. Онъ читаетъ общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ и въ январѣ читалъ о Каролингахъ. Мнѣ понравилось въ немъ полное отсутствіе всякаго притязанія на эфекты и простая, но дѣльная передача предмета въ его современномъ научномъ состояніи. Если слушателей у него не такъ много (хотя все-таки больше, чѣмъ у предыдущаго профессора), то по крайней мѣрѣ они могутъ извлечь пользу изъ лекцій, тѣмъ болѣе, что Кёпке не ограничивается однимъ изложеніемъ событій, но указываетъ въ нужныхъ случаяхъ на литературу предмета, на главнѣйшія сочиненія, иногда даже передавая ихъ главное содержаніе и знакомя слушателей съ различными мнѣніями относительно того или другаго вопроса. Такъ, довольно подробно изложилъ онъ вопросъ о лже-Исидоровыхъ декреталіяхъ, дѣятельность папы Николая I-го, его отношенія къ свѣтской власти, къ митрополитамъ западной Европы, къ константинопольскому патріарху. Обстоятельно и хорошо изложены были отношенія римско-германскаго міра къ Славянамъ, Венграмъ, появленіе Норманновъ. Совершенно нѣтъ блеска, нѣтъ фразъ, нѣтъ большой живости изложенія, но лекціи очень дѣльныя и полезныя для студентовъ, не смотря на нѣкоторую сухость и краткость (въ одну лекцію, напр., Кёпке изложилъ событія въ Германіи въ царствованія Конрада, Генриха I, Оттона I и Оттона II).

«*Бёкъ*. Былъ на нѣсколькихъ лекціяхъ и первая сдѣлала на меня особенное впечатлѣніе. Бёкъ читаетъ въ большой аудиторіи (гдѣ Дройзенъ, Ранке, Раумеръ), слушателей чрезвычайно много, аудиторія полна; но никто не стоитъ у каѳедры. Бёкъ ректоръ университета, очень старъ, но еще довольно свѣжъ. Говорятъ, онъ очень хорошъ былъ въ пурпуровой ректорской мантіи и такой же шапочкѣ на праздникѣ Шиллера. Онъ приноситъ съ собою портфель, изъ котораго

[redacted]

на каөедру раскладываетъ множество исписанныхъ бумажекъ. Онъ долго разбираетъ ихъ, прочитываетъ мѣсто изъ греческаго писателя, потомъ останавливается, думаетъ нѣсколько секундъ и потомъ уже предлагаетъ объясненіе. Такъ проходитъ лекція. Читаетъ онъ тихимъ, старческимъ голосомъ, такъ что даже съ первыхъ скамеекъ иногда трудно разслышать, медленно, съ болѣе или менѣе продолжительными паузами. Лекція богата внутреннимъ содержаніемъ. По поводу крѣпостнаго, несвободнаго состоянія въ Греціи онъ приводитъ аналогическіе факты и объясненія изъ римскихъ и германскихъ древностей. Внѣшней отдѣлки, изящества изложенія нѣтъ, а между тѣмъ огромная аудиторія съ какимъ-то благоговѣніемъ слушаетъ этотъ тихій, иногда не совсѣмъ внятный голосъ знаменитаго старика. Никто не шевелится, никто не подойдетъ къ каөедрѣ, какъ это дѣлается у насъ (даже и въ томъ случаѣ, когда профессоръ читаетъ довольно громко). Большая часть слушателей, если не всѣ, записываетъ, хотя для сидящихъ назади это и весьма трудно. Я сидѣлъ обыкновенно на третьей отъ каөедры скамьѣ; но и тутъ многія слова терялись. Бёкъ читаетъ греческія древности; при мнѣ онъ читалъ о нѐсвободныхъ состояніяхъ въ Греціи, о демократическомъ элементѣ въ Греціи (какъ на одно изъ средствъ для демократизированія народа, онъ указывалъ на гимнастику, внушающую довѣріе къ своимъ силамъ, развивающую мужество въ народѣ тамъ, гдѣ гимнастическія упражненія не есть привилегія одного класса, какъ въ Спартѣ, гдѣ оно являлось средствомъ усиленія аристократизма).

«*Мюллеръ*. Слышалъ его чтеніе этнографіи и исторіи Востока. Читалъ о исламѣ. Дикція чрезвычайно непріятная, съ переходомъ изъ одного тона въ другой. Изложеніе сжатое и сухое, такъ что при самомъ чтеніи лекція имѣетъ уже характеръ записаннаго студентами конспекта. Мюллеръ иногда

останавливается на объясненіи различія мухамеданскихъ религіозныхъ воззрѣній отъ ученія христіанскаго, но эти объясненія также коротки, скорѣе намекъ, чѣмъ объясненія. Слушателей, включая тутъ и меня, было всего четверо, изъ которыхъ одинъ уже совсѣмъ сѣдой старикъ, вѣроятно, также непостоянный посѣтитель.

«*Лепсіусъ* читаетъ нынѣшній годъ два курса. Одинъ публичный, египетской исторіи, другой privatissima въ его рабочемъ кабинетѣ, въ египетскомъ музеѣ, о египетскихъ памятникахъ. Памятники собственно египетскаго музея долженъ былъ въ нынѣшній семестръ объяснять Бругшъ, но, какъ мнѣ сказали въ музеѣ, онъ прекратилъ эти объясненія по случаю своего отъѣзда въ Персію. Въ курсѣ египетской исторіи я попалъ на объясненіе показаній Геродота и Діодора и сличеніе этихъ показаній съ свидѣтельствами Манеѳона и самыхъ египетскихъ памятниковъ, также о хронологическихъ попыткахъ Юлія Африканскаго, Евсевія и Синкела. Лепсіусъ, съ своими сѣдыми, стриженными волосами и усами, съ прямымъ чрезвычайно станомъ, имѣетъ какую-то военную наружность, которая смягчается мягкимъ голосомъ. Читаетъ онъ совершенно свободно, ясно и просто. Чтобы получить возможность бывать на его privatissima, я пришелъ нѣсколько раньше въ музей и засталъ Лепсіуса, объясняющаго памятники и превосходныя картины на стѣнахъ египетскаго двора принцессѣ Каролинѣ. Лепсіусъ былъ въ парадѣ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, но со шляпою на головѣ. Въ музеѣ не было замѣтно никакого особеннаго движенія; точно также, какъ и при обыкновенныхъ посѣтителяхъ, которые ходили тутъ же, не обращая вниманія на принцессу. Присутствіе ея было замѣтно развѣ по двумъ придворнымъ лакеямъ, несшимъ за нею мантилію ея, и сопровождавшей ея

[redacted]

дамы. Лепсіусъ охотно далъ мнѣ позволеніе посѣщать его лекціи, попросивъ только мою карточку. Чтенія въ небольшомъ кабинетѣ, гдѣ передъ мольберомъ, на которомъ поставлены рисунки, нѣсколько рядовъ стульевъ для слушателей. Въ эту лекцію Лепсіусъ объяснялъ Бенигассанскіе памятники, показавъ рисунокъ ихъ внѣшняго вида и планъ. Прежніе ученые по входу съ канелированными столбами относили эти памятники къ позднѣйшему періоду египетской исторіи. По этому поводу Лепсіусъ долго остановился на объясненіи 2 родовъ египетскихъ колоннъ и на ихъ архитектурномъ отличіи отъ греческихъ, причемъ указалъ и на древнюю связь греческаго искусства съ египетскимъ. Греки, а въ особенности племена Малой Азіи не могли издавна не быть знакомы съ памятниками Египта. Свои объясненія Лепсіусъ постоянно сопровождаетъ рисунками. Такъ по поводу перваго рода столбовъ, возникшихъ въ постройкахъ, высѣченныхъ въ скалахъ, онъ показывалъ разрѣзы этихъ построекъ, чтобы объяснить, какъ изъ стѣны образовались четырехъ—восьми — и шестьнадцатиугольные столбы, встрѣчающіеся въ египетскихъ гробницахъ. Для объясненія втораго рода колоннъ, очевидно, возникшихъ изъ подражанія растительному царству, онъ также показывалъ довольно много рисунковъ. Въ самомъ музеѣ историческая зала устроена, какъ подражаніе Бенигассанскимъ памятникамъ. Затѣмъ Лепсіусъ перешелъ къ Сеуту, къ резиденціи Аменофисса IV, и долго остановился на характерѣ этого царствованія, такъ рѣзко отличающагося отъ предшествующихъ и послѣдовавшихъ и совершенно одиноко стоящаго въ египетской исторіи».

(Затѣмъ идетъ краткій перечень лекцій Лепсіуса, состоящій изъ неясныхъ намековъ, который я пропускаю).

«Самый блестящій изъ профессоровъ исторіи въ берлинскомъ университетѣ безспорно Дройзенъ, недавно переведенный

сюда изъ Іены и привлекающій на свои лекціи огромное количество слушателей. Его имени нѣтъ еще въ каталогѣ лекцій и онъ читаетъ только privata. Одинъ курсъ посвященъ исторической пропедевтикѣ, другой исторіи французской революціи. На первомъ я засталъ окончаніе отдѣла объ исторической критикѣ и главу объ интерпретаціи; на второмъ онъ читалъ, начиная съ министерства Калонна и съ созванія нотаблей. На этомъ курсѣ число слушателей такъ велико, что едва можно найдти мѣсто даже для того, чтобы стоять. Я приходилъ обыкновенно очень рано и всегда уже заставалъ всю заднюю половину аудиторіи совершенно полною. Послѣ мнѣ объяснили, что это господа, не записавшіеся у Дройзена и слушающіе его gratis безъ позволенія и матрикуляціи. Въ числѣ слушателей много офицеровъ и солдатъ, нѣсколько почтенныхъ господъ съ сѣдыми головами, даже одинъ совершенно слѣпой старикъ, котораго обыкновенно приводятъ довольно рано. Внѣшность изложенія Дройзена дѣйствительно блестящая: громкій, звучный голосъ, умѣніе владѣть имъ, тщательная отдѣлка фразы (Дройзенъ читаетъ по тетради), ораторскія движенія, иногда впрочемъ не безъ сильнаго притязанія на произведеніе эфекта, все это составляетъ рѣзкую противоположность съ чтеніемъ остальныхъ профессоровъ исторіи. Въ своемъ взглядѣ на общій ходъ и отдѣльные моменты революціоннаго движенія Дройзенъ рѣзко расходится съ французскими историками и не упускаетъ случая указать на эту противоположность воззрѣній. Безпощадный къ феодальной партіи и ея ошибкамъ, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сочувствія къ движенію народныхъ массъ. Съ революціи онъ снимаетъ упрекъ, будто она совершенно разорвала связь съ прежнимъ устройствомъ. Парламентъ парижскій первый разорвалъ эту связь своимъ сопротивленіемъ распоряженіямъ правительства. Въ революціонномъ движеніи онъ видитъ не

[redacted]

борьбу за свободу, но только борьбу за политическую власть (Macht-Frage, а не Freiheits-Frage). Въ отсутствіи мысли и инипіативы въ правительствѣ, въ отсутствіи всякаго твердо установленнаго плана, въ уступчивости и нерѣшительности причина успѣховъ революціоннаго движенія. Изъ членовъ національнаго собранія онъ высоко ставитъ только Мирабо, который могъ бы спасти Францію, если бы имѣлъ нравственную силу. Сильно возстаетъ противъ французскихъ историковъ (Мишле), видящихъ въ общемъ ходѣ революціи внутреннюю необходимость. 4 августа, федераціи и т. п. не вызываютъ ни малѣйшаго сочувствія, а только осужденіе; то же самое относительно жалованья духовенству, избранія священниковъ и епископовъ общинами, хотя Дройзенъ и признаетъ, что съ евангелической точки зрѣнія все это очень хорошо. Самыя событія Дройзенъ излагаетъ довольно подробно, но проводя повсюду свое основное воззрѣніе и доводя его иногда до несправедливости. Въ возстаніи Парижа онъ готовъ видѣть только движеніе праздныхъ негодяевъ и бродягъ.

«Курсъ исторической пропедевтики очень хорошъ. Онъ читаетъ его по изданному имъ Grundriss, весьма подробному, котораго я, къ сожалѣнію, не могъ достать, потому что его можно получить только отъ самого Дройзена. Я былъ у него два раза и не засталъ его, хотя одинъ разъ пріѣхалъ къ нему въ 9½ часовъ. Съ ранняго утра онъ уходитъ въ архивъ, и позволеніе посѣщать лекціи я получилъ, поймавъ его въ университетѣ. Онъ читаетъ весьма подробно (теперь объ интерпретаціи, которой считаетъ четыре вида: Interpretation des Thatbestandes, прагматическая, Interpretation der Bedingungen, psychologische Interpretation и Interpretation der Ideen). Не ограничиваясь общимъ догматическимъ изложеніемъ, онъ безпрестанно приводитъ примѣры, и притомъ выбирая эти примѣры изъ совершенно различныхъ отраслей историческаго

знанія. Такъ, напр., говоря о критикѣ фактовъ и о распредѣленіи критическаго очищеннаго матеріала по различнымъ точкамъ воззрѣнія и для различныхъ цѣлей, онъ выбралъ примѣръ изъ исторіи живописи и долго остановился на немъ. Говоря о прагматической интерпретаціи онъ взялъ примѣръ изъ объясненій гомерическаго эпоса посредствомъ аналогіи съ пѣснею Нибелунговъ. Interpretation der Bedingungen: примѣръ—боргезскій боецъ, котораго постановка, поза можетъ быть объяснена тѣмъ мѣстомъ, которое онъ предназначенъ былъ занимать въ храмѣ.»

Слушаніе лекцій, даже посѣщеніе училищъ не составляло, какъ мы видѣли, главнаго занятія Ешевскаго за границею: онъ вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ памятники искусства въ музеяхъ, памятники древности преимущественно въ Римѣ, средневѣковую старину главнымъ образомъ въ Кельнѣ. Въ его записной книжкѣ есть много замѣтокъ объ осмотрѣнныхъ предметахъ, но большей частью перечневыхъ; остановимся на его описаніи музея извѣстнаго археолога Клемма, которое представляетъ наиболѣе интереса.

«Собраніе Клемма расположено въ нѣсколькихъ комнатахъ въ верхнемъ этажѣ занимаемаго имъ дома и чрезвычайно богато. Оно расположено систематически, хотя съ перваго взгляда и представляетъ, повидимому, совершенный безпорядокъ, нѣчто въ родѣ лавки съ разными рѣдкостями. Я пробылъ у Клемма три часа и успѣлъ съ его помощью разсмотрѣть часть собранія. Огромный отдѣлъ для оружій и орудій, начиная отъ естественныхъ камней и кусковъ дерева, употреблявшихся, какъ орудія, и подавшихъ мысль человѣку объ искусственномъ подражаніи этимъ естественнымъ орудіямъ. У Клемма сравнительный способъ изслѣдованія, и потому рядомъ съ каменными орудіями германскими и скандинавскими помѣщаются соотвѣтствующія формы Америки и острововъ

[redacted]

Тихаго Океана. Въ его собраніи всѣ переходы отъ самыхъ простыхъ формъ до болѣе искусственныхъ и сложныхъ, притомъ по возможности собраны образцы различныхъ степеней обработки. Такъ, въ собраніи орудій изъ кремня сначала идутъ необдѣланные еще кремни, по своей естественной формѣ годные на обдѣлку, потомъ кремни уже, что называется, оболваненные, кремни, у которыхъ одна сторона обдѣлана, и наконецъ совсѣмъ готовыя орудія. Точно также съ другими каменными орудіями. Топоры, напр., расположены по различнымъ формамъ. Собраніе земледѣльческихъ орудій изъ камня. Каменныя орудія, для обдѣлки которыхъ употреблены уже металлическія орудія. Орудія изъ бронзы, сначала подражаніе каменнымъ орудіямъ. Топоры, клинки для ножей и мечей (въ собраніи Клемма есть одинъ ножъ-кинжалъ, по красотѣ единственный во всѣхъ собраніяхъ). Огромное отдѣленіе для желѣзныхъ орудій. Собраны образцы почти всѣхъ странъ. Нѣкоторыя сближенія весьма любопытны (формы каменныхъ орудій съ острововъ Тихаго Океана одинаковы съ древнегерманскими, тоже относительно Америки. Ножъ-мечъ изъ Донголы какъ будто снятъ съ древне-египетскаго барельефа или рисунка). Собраніе ножей, топоровъ, ножницъ, земледѣльческихъ инструментовъ. Старо-нѣмецкій серпъ совершенно похожъ на серпъ, найденный мною въ Билярскѣ и отданный въ казанскій университетъ. Въ этой же комнатѣ помѣщается часть собранія русскихъ вещей (модели), полученныхъ Клеммомъ отъ В. Кн. Константина Николаевича и собранныхъ большею частью Далемъ. Во второй комнатѣ, гдѣ работаетъ Клеммъ и которая одна топится, собраніе сосудовъ великолѣпное, начиная также съ природныхъ формъ, т. е. съ камней, которые могли служить, какъ сосуды, съ тыквъ и орѣховъ, до венеціанскаго стекла. Здѣсь сосуды изъ дерева (старо-нѣмецкая кружка изъ обрубка дерева съ корою),

глины, стекла и фарфора. Замѣчательны глиняные сосуды изъ Африки, сохраняющіе еще древне-египетскую форму и чрезвычайно тонкіе и легкіе. Въ третьей комнатѣ собраніе украшеній, также систематически расположенное въ выдвижныхъ ящикахъ и также расположенное не по народностямъ, а по матеріалу (украшенія изъ сѣмянъ, изъ перьевъ, камней, фарфору, стеклаpyca, металла и т. п. украшенія шейныя, головныя). Осмотрѣть все въ подробности нѣтъ возможности въ одинъ разъ, и Клеммъ обѣщалъ мнѣ назначить еще день, чтобы пройдти вмѣстѣ со мною еще какой-нибудь отдѣлъ. Теперь онъ готовитъ сочиненіе о германскихъ древностяхъ и говоритъ, что сношенія съ Россіею и присылка вещей изъ Россіи объясняютъ ему многое.

«Во второе мое посѣщеніе Клемма мы прошли съ нимъ ту часть его собранія, которая относится къ исторіи искусства. Она очень обширна и начинается первыми грубыми попытками человѣческихъ фигуръ, вырѣзанными изъ дерева Неграми. Въ отдѣленіи мексиканскихъ изображеній я нашелъ одну голову изъ глины поразительнаго сходства съ другою, найденною въ Каракасѣ. Оказалось, къ крайнему моему удивленію, что первая найдена была въ Герлицѣ и относится къ 1315 г. Нѣсколько индійскихъ божествъ, вырѣзанныхъ на необыкновенно твердомъ и тяжеломъ деревѣ, похожемъ нѣсколько на дубъ (между прочимъ, колесница Ягернаута). Замѣчу еще рельефъ (№ 827) на шиферѣ, который можно принять съ одинаковою вѣроятностію столько же за этрусскій или египетскій, сколько и за мексиканскій. Онъ достался Клемму изъ собранія Штакельберга и представляетъ три фигуры, изъ которыхъ одна держитъ въ рукѣ змѣю, другая — мечь. Одна изъ любопытнѣйшихъ вещей есть безспорно небольшой цилиндръ изъ обожженной глины съ выпуклыми изображеніями для печатанія тканей. Онъ найденъ въ гробахъ древнихъ

[redacted]

Караибовъ въ Новой Гранадѣ въ Medellin'ѣ (№ 5519; Клеммъ далъ мнѣ оттискъ, напечатанный этимъ цилиндромъ). По сходству въ характерѣ и въ степени искусства съ пермскими древностями я замѣтилъ (№ 1058) бронзовую фигуру осла изъ Тосканы и (№ 297) бронзовую фигуру лошади, найденную въ Германіи; но самое поразительное сходство въ (№ 590) бронзовой фигурѣ птицы, тоже найденной въ Германіи. Мы долго говорили съ Клеммомъ объ его путешествіяхъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ съѣздить въ Кведлинбургъ, Гальберштадтъ и Брауншвейгъ, чтобы взглянуть на деревянныя зданія XIV и XV в., еще сохранившіяся тамъ, и въ Брауншвейгѣ уполномочилъ меня обратиться отъ его имени къ доктору Шиллеру, который можетъ познакомить меня съ достопамятностями Брауншвейга. Я сообщилъ Клемму нѣкоторые рисунки съ вещей, положенныхъ мною въ кабинетъ рѣдкостей казанскаго университета. Особенно онъ интересовался однимъ каменнымъ топоромъ, котораго форма еще никогда не встрѣчалась ему до сихъ поръ. Въ третій визитъ я долженъ былъ сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія о русскихъ древностяхъ. Клеммъ говоритъ, что много обязанъ Русскимъ въ разъясненіи многихъ, не совсѣмъ ясныхъ для него, вопросовъ германской древности, которые разрѣшились только путемъ сравненія. По его мнѣнію, въ Германіи было два племени, одно пассивное, покоренное или уничтоженное другимъ активнымъ, принесшимъ съ собою бронзовыя орудія. Я разстался съ большимъ сожалѣніемъ съ Клеммомъ до будущей встрѣчи.»

Обѣщая себѣ, какъ мы видѣли, не заниматься книгами, Ешевскій не могъ однако не заглядывать въ библіотеки и не обращаться къ тѣмъ книгамъ, которыя невозможно было достать въ Россіи, особенно много онъ работалъ въ Парижѣ, гдѣ прожилъ три съ половиною мѣсяца (съ ноября 1860 г. до февраля 1861-го); въ его бумагахъ я нашелъ записную книжку, въ

которой вписаны разныя указанія изъ прочитанныхъ имъ книгъ; большая часть указаній относится къ первоначальной исторіи Франціи: здѣсь онъ пріобрѣлъ обширное знакомство съ кельтскими древностями и дополнилъ свои знанія о первомъ періодѣ французской исторіи. Все это были матеріалы для готовившагося уже давно сочиненія о Брунегильдѣ. Съ восторгомъ писалъ онъ женѣ изъ Парижа, какъ онъ много работаетъ въ библіотекахъ. Рядомъ съ научными работами шло у него ознакомленіе съ современнымъ положеніемъ народовъ Запада, что составляетъ совершенную противоположность его студенческимъ годамъ, когда онъ мало обращалъ вниманія на современность. Теперь было иное: я знаю, что онъ слѣдилъ за итальянскимъ движеніемъ; въ его записной книжкѣ я нашелъ выписки, касающіяся баденскаго конкордата; А. С. Трачевскій въ запискѣ, которою я пользовался выше, сообщаетъ между прочимъ слѣдующее: «С. В. хотѣлъ въ своемъ ближайшемъ курсѣ спеціально остановиться на средневѣковыхъ оригинальныхъ учрежденіяхъ для организаціи промышленности. Во время своего пребыванія за границей онъ изучилъ устройство такъ-называемыхъ Compagnonages въ Парижѣ, узналъ хорошо принципы, которыми руководствуется дѣятельный современный подвижникъ въ этомъ дѣлѣ, Пердигье, и собралъ нѣкоторые матеріалы для историческихъ работъ надъ этимъ интереснымъ предметомъ, которые должны были послужить исходною точкой въ его изслѣдованіяхъ. При этомъ приходитъ мнѣ на память одинъ одушевленный разговоръ, который отлично доказываетъ, какъ упорно мысль его овладѣвала извѣстнымъ предметомъ и преслѣдовала его со всѣхъ сторонъ. Когда зашла рѣчь о характерѣ соціалистическихъ стремленій послѣдняго времени, онъ расхваливалъ предпріятіе странствующаго проповѣдника Вернера, говоря, что «въ основѣ его лежитъ христіанская идея».

[redacted]

Оказалось, что онъ собиралъ всѣ брошюры, касающіяся этого предпріятія.» Съ улучшеннымъ здоровьемъ, съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, полный надеждъ и плановъ для будущей полезной дѣятельности, спѣшилъ онъ въ Россію лѣтомъ 1861 г.; но какъ малому суждено было осуществиться изъ этихъ плановъ и надеждъ!..

Неполныхъ четыре года продолжалась жизнь Ешевскаго послѣ этого возвращенія изъ-за границы; въ эти четыре года здоровье его становилось все хуже и хуже: послѣ тревожнаго 1861 г., лѣтомъ 1862-го его опять послали за границу; но зимою постигъ его первый ударъ паралича; оправившись, онъ снова принялся за работу. Въ 1864 г. послали его за границу; болѣе вакаціоннаго времени онъ остаться не хотѣлъ, вернулся къ той же тревожной дѣятельности, которая, по справедливому замѣчанію А. С. Трачевскаго въ его «Воспоминаніяхъ» *), стала въ послѣдніе годы еще тревожнѣе; болѣзнь окончательно приковала его къ постелѣ и 29-го мая 1865 г. онъ скончался.

Середи этихъ постоянно возобновляющихся припадковъ, онъ принужденъ былъ обстоятельствами отказываться отъ многихъ занятій. Такъ, скоро онъ долженъ былъ покинуть корпусъ, дѣятельностью въ которомъ онъ очень дорожилъ и начальство котораго умѣло цѣнить его дѣятельность; въ 1865 г. онъ покинулъ и институтъ, гдѣ снова началъ-было преподавать и гдѣ заботливо слѣдилъ за развитіемъ самосознанія воспитанницъ. Не разъ прерывались и его университетскія лекціи, такъ что во все это время онъ прочелъ только одинъ

*) Эти „Воспоминанія“, въ которыхъ сообщено нѣсколько подробностей о московской жизни С. В. Ешевскаго, особенно съ 1861 года, когда я сблизился съ нимъ, помѣщены въ „Соврем. Лѣтописи“ (1865 г. № 21). А. Т.

полный курсъ, доходившій до феодализма *), въ который онъ положилъ много матеріала, приготовленнаго имъ для Брунегильды; другой курсъ о феодализмѣ оставался неоконченнымъ. Въ то же время прочитано имъ было, въ видѣ введенія въ новый курсъ, нѣсколько лекцій (помѣщены въ этой части подъ названіемъ: «О значеніи расъ въ исторіи»), въ которыя онъ внесъ результаты новѣйшихъ антропологическихъ изслѣдованій. Въ то время его особенно занималъ вновь возникающій отдѣлъ археологіи, археологія доисторическая, какъ мы уже и видѣли изъ его бесѣдъ съ Клеммомъ. Онъ старался достать для Московскаго университета хотя снимки съ вещей, найденныхъ въ швейцарскихъ озерахъ. Обширное поприще для его дѣятельности собирателя открывалось, когда въ возникающемъ Московскомъ музеѣ предложена была ему должность хранителя этнографическаго отдѣленія: онъ принялся за это дѣло съ ревностію; но уже силы начинали измѣнять ему. Горячее сочувствіе и вспоможеніе оказалъ онъ новому Московскому Археологическому Обществу, сочувствіе, которое превосходно выставилъ А. А. Котляревскій въ своей статьѣ: «Поминки по С. В. Ешевскомъ» (Древности. Труды Моск. Арх. Общ. т. II). Дѣятельно участвуя въ созданіи общества, Ешевскій успѣлъ дать ему только одинъ вкладъ: статью о свайныхъ постройкахъ. Тогда же случай помогъ ему ближе познакомиться съ однимъ изъ вопросовъ давно уже занимавшихъ его, съ масонствомъ. Ему попалось въ руки множество масонскихъ бумагъ и рукописей, частію переданныхъ черезъ него въ музей, частію оставшихся у него и уже послѣ него поступившихъ въ это собраніе. Эта находка дала ему возможность написать двѣ статьи, помѣщенныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

*) Этотъ курсъ напечатанъ во II части этого изданія, подъ названіемъ: „Эпоха переселенія народовъ, Меровинги и Каролинги“.

[redacted]

Онъ даже думалъ сдѣлать вопросъ о масонствѣ предметомъ своей докторской диссертаціи. Такъ разнообразны были его труды въ эти страдальческіе годы. Онъ какъ будто торопился жить и высказаться.

Но не эти труды уносили главнымъ образомъ его здоровье и силы: ихъ уносили постоянные труды по вопросамъ университетскаго устройства, проекты, участіе въ комитетахъ, совѣтскія пренія; разъ безъ чувствъ вынесли его изъ засѣданій совѣта; а между тѣмъ именно отъ этого-то рода трудовъ онъ и не хотѣлъ отказаться: въ 1862 г., узнавъ, что рѣшается одинъ изъ занимавшихъ его вопросовъ въ совѣтѣ, онъ спѣшилъ возвратиться изъ-за границы и такъ торопился изъ Петербурга, что проѣхалъ и не видавши близкихъ для себя людей. А между тѣмъ время было полно вопросами: перестроивались и университетъ, и гимназія, подымались волненія студенческія. Все это тяжело дѣйствовало на Ешевскаго, раздражало, разстроивало его уже и потому, что университетъ и его судьба были самыми близкими для него предметами, и до конца онъ былъ преданъ имъ со всею страстностію своей натуры. Надо было видѣть, какъ онъ оживлялся, когда говорилъ о нихъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти: я видѣлъ его въ послѣдній разъ, когда онъ возвращался изъ-за границы въ 1864 г.

Такъ угасалъ и, наконецъ, угасъ въ трудахъ и болѣзни этотъ энергическій борецъ за науку и русское просвѣщеніе. О немъ можно смѣло сказать, что онъ положилъ въ нихъ свою жизнь, смѣло можно сказать, что онъ чуждъ былъ своекорыстныхъ разсчетовъ и какихъ-нибудь постороннихъ соображеній: у него не было личной ненависти, а передъ дѣломъ замолкали для него и личныя привязанности; когда онъ ошибался, то ошибался честно, и то, что могло казаться со стороны личнымъ упрямствомъ, въ послѣдствіи оказывалось

слѣдствіемъ убѣжденія. Тотъ русскій ученый, о которомъ мечталъ Грановскій, который внесъ бы въ европейскую науку свой русскій взглядъ, еще не являлся, и Ешевскій, подобно своимъ предшественникамъ по каѳедрѣ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ шолъ по дорогѣ, проложенной европейскими учеными, знакомя университетское юношество и читающую публику съ пріемами и результатами западной науки, къ которой впрочемъ онъ относился критически: помню, какъ въ 1861 г. говорилъ онъ мнѣ о недобросовѣстномъ пользованіи источниками въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Амедея Тьерри и даже готовилъ по этому поводу статью. Но онъ шелъ ихъ путемъ, и все вниманіе его въ преподаваніи обращено было на Западъ, что замѣтно и въ трудахъ по русской исторіи, съ которою онъ былъ знакомъ ближе своихъ предшественниковъ, особенно со стороны народности. То, чего ему недоставало, принадлежитъ будущему времени; а для своего времени онъ сослужилъ великую службу: въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Нижнемъ, въ Вяткѣ и на пароходѣ изъ Перми мнѣ случалось слышать горячее слово благодарности отъ людей, въ которыхъ онъ разбудилъ умственный интересъ. Немногимъ изъ преподавателей выпало на долю то горячее чувство любви, которое возбудилъ къ себѣ Ешевскій; немногіе сохранили по себѣ такое чистое воспоминаніе: рано умираютъ даровитые люди въ русской землѣ, еще раньше старѣютъ и переживаютъ сами себя. Ешевскаго, сколько можно видѣть изъ всей его біографіи, никогда не ждала такая участь: отъ нея спасли бы его страстность его природы и постоянное недовольство своими трудами — лучшій залогъ возможности совершенствованія; Ешевскій крѣпнулъ и росъ. Онъ сдѣлалъ для своего усовершенствованія все, что могъ сдѣлать и, даже смѣю сказать, болѣе, чѣмъ могъ при своемъ болѣзненномъ организмѣ. Грустно было мнѣ, товарищу и другу его первой молодости,

[redacted]

пересказывать его скорбную жизнь; но меня утѣшала та мысль, что жизнь эта должна служить примѣромъ для тѣхъ, кому впереди предстоитъ подобная дѣятельность: людей, ставящихъ высшіе интересы человѣчества, интересы науки, выше всего и жертвующихъ имъ даже жизнію, слишкомъ мало, а только ихъ присутствіе подымаетъ общественное сознаніе надъ матеріальными интересами и «злобою дня».

К. Бестужевъ-Рюминъ.

[redacted]

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КУДРЯВЦЕВЪ,

КАКЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ.

[redacted]

[redacted]

Мм. Гг. Два года тому назадъ, когда смерть такъ внезапно вырвала изъ среды нашей благороднаго Т. Н. Грановскаго, я избранъ былъ университетомъ въ помощь осиротѣвшему Петру Николаевичу. И вотъ я только теперь всхожу на эту каѳедру и всхожу на другой день послѣ того, какъ предано было землѣ тѣло незабвеннаго наставника, какъ горячими слезами была оплакана эта вторая, столь же невознаградимая утрата. Пусть же будетъ мое первое слово, обращенное къ вамъ, посвящено памяти того, кто такъ дорогъ всѣмъ намъ. Знаю, что въ настоящую минуту вы ждете отъ меня именно этого, что вы были бы оскорблены, еслибы я вздумалъ обратить ваше вниманіе на что нибудь другое. И вы были бы правы. Будемъ же говорить о покойномъ. Въ университетской семьѣ всего замѣтнѣе чувствуется его отсутствіе, здѣсь сильнѣе говоритъ скорбное чувство, когда вспомнишь, кого она потеряла. Общество не можетъ вполнѣ дѣлить съ нами горе, хотя всѣ общественные интересы горячо принималъ онъ къ сердцу, хотя жизнь его не прошла безъ слѣда, безъ вліянія на общество, хотя много потрудился онъ для общества. Онъ не любилъ выступать на общественную

арену. Помню, не разъ говорили ему о публичныхъ лекціяхъ. Каждый разъ отвѣчалъ онъ, что мало чувствуетъ себя способнымъ для нихъ. Только въ кругу людей близкихъ чувствовалъ онъ себя совершенно свободнымъ, только передъ ними во всей полнотѣ раскрывались сокровища его знаній, его глубокое пониманіе предмета, поэтическая свѣжесть чувства, теплое сочувствіе ко всему благородному и прекрасному. А что̀ же ближе было къ нему университета? И университету отдавалъ всего себя Петръ Николаевичъ. Но позвольте привести одинъ примѣръ того, какъ понималъ онъ свои обязанности относительно общества. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ болѣзнь окончательно лишила его возможности являться въ своей любимой аудиторіи, когда уже тяжело дала она почувствовать свое присутствіе въ слабомъ организмѣ покойнаго, я спрашивалъ, не откажется ли онъ отъ политическаго обозрѣнія въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, я опасался, что это срочное занятіе, хотя и служившее ему спасительнымъ развлеченіемъ, отвлекая мысль отъ горькихъ воспоминаній, все-таки могло утомлять его, я убѣждалъ его сберечь силы для ученыхъ трудовъ, изъ которыхъ каждый былъ такимъ существеннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей науки. Онъ отвѣчалъ, что дѣло политическаго воспитанія общества въ настоящее время онъ считаетъ столь же важнымъ, какъ и чисто-научную дѣятельность, что, пока есть еще силы, онъ не въ правѣ устраниться отъ участія въ этомъ дѣлѣ. И, дѣйствительно, даже послѣ того, какъ ясно обнаружились симптомы страшнаго недуга, истомленный, едва говоря, онъ читалъ еще иностранныя газеты, отмѣчая въ нихъ то, на что̀, по его мнѣнію, слѣдовало обратить вниманіе публики. Такъ сознавалъ онъ общественное значеніе писателя, и если къ утратѣ своего благороднѣйшаго дѣятеля останется равно-

[redacted]

лушнымъ общество, вина будетъ, конечно, только въ его неразвитости; и даже упрекъ въ неблагодарности не будетъ неумѣстенъ.

Каковъ же Петръ Николаевичъ былъ тамъ, гдѣ понимали его стремленія, гдѣ встрѣчали его восторженнымъ сочувствіемъ, гдѣ окружали его любовью и уваженіемъ, въ университетѣ? Одной учености еще мало для профессора. Чтобы слово его живительно дѣйствовало на молодые умы, чтобы, раскрывая передъ слушателями богатое содержаніе науки, онъ могъ успѣшно возбуждать самодѣятельность, необходимо, чтобы между профессоромъ и его аудиторіею установились извѣстныя нравственныя отношенія. Всегда талантливому, добросовѣстному наставнику отдана будетъ полная справедливость: онъ заслужитъ себѣ уваженіе, какъ ученый; но молодыя поколѣнія, окружающія профессорскую каѳедру, быть-можетъ, безсознательно, но тѣмъ не менѣе поразительно вѣрно умѣютъ отдавать свое сочувствіе только тому, кто самъ является къ нимъ, исполненный симпатіи. Инстинктивно они всегда умѣютъ отгадывать внутренніе мотивы преподавателя, отличить добросовѣстное, но офиціальное, холодное исполненіе обязанности, желаніе составить или поддержать свою репутацію, отъ настоящей любви къ наукѣ и къ нимъ. И никакою діалектическою изворотливостью мысли, никакимъ внѣшнимъ краснорѣчіемъ нельзя обмануть этого чутья. Петръ Николаевичъ являлся всегда въ аудиторію, исполненъ любви и сочувствія: за то аудиторія и понимала его. Между нимъ и слушателями была полная симпатія. Равнодушное, невнимательное лицо слушателя парализировало профессора; но оно встрѣчалось лишь какъ рѣдкое исключеніе, если только встрѣчалось. Еще лучше были отношенія Петра Николаевича къ тѣмъ, кто, возбужденный его же чтеніями, хотѣлъ сблизиться съ нимъ,

[redacted]

чтобы пользоваться его указаніями. Не отталкивалъ онъ отъ себя холодною вѣжливостью, не озадачивалъ трудностями, не выставлялся, не рисовался онъ передъ начинающими самостоятельное занятіе. Простъ и радушенъ былъ его пріемъ, и кто изъ студентовъ разъ побывалъ у него, для того навѣрно это было только началомъ частыхъ посѣщеній, тотъ смѣло входилъ къ нему, часто безъ особенной надобности, только затѣмъ, чтобы посмотрѣть на него, послушать его разговоръ. Немногіе умѣли внушать такую любовь къ своему предмету, немногіе умѣли такъ поддерживать и руководить первые шаги начинавшихъ ближайшее знакомство съ наукой. Въ комъ возбудилъ онъ любовь къ наукѣ, кому передалъ часть своего огромнаго знанія, тотъ переставалъ быть для него чужимъ. Довѣрчиво раскрывались передъ нимъ первые, еще робкіе продукты самодѣятельной мысли, часто односторонніе выводы—понятное увлеченіе молодости. Съ неизмѣнною снисходительностью выслушивалъ онъ мнѣніе каждаго. Слѣдя за умственною дѣятельностью молодаго поколѣнія, онъ какъ будто вновь переживалъ исторію своего собственнаго развитія. Да, былъ онъ наставникъ въ полномъ смыслѣ этого слова. До конца жизни сохранятъ въ душѣ слушатели Петра Николаевича свѣтлый, поэтическій его образъ. Воспоминаніе о немъ будетъ освѣжительно дѣйствовать на души, возбуждать усталыя силы, извлекая изъ нравственной апатіи.

Исторія не была для него умственнымъ гробокопательствомъ; не систематизировалъ онъ, не подводилъ равнодушно историческія событія подъ извѣстныя рубрики, подъ заранѣе составленные взгляды, какъ ботаникъ раскладываетъ засушенныя растенія въ своемъ гербаріумѣ. И въ жизни онъ любилъ только живые цвѣты. Мысль его отвращалась

[redacted]

отъ всего безжизненнаго, отъ всего неестественнаго; зато всему живому отдавалъ онъ свое полное сочувствіе, зато все благородное и прекрасное находило отзывъ въ созвучной душѣ его. Едва ли кому-нибудь былъ такъ доступенъ внутренній смыслъ поэтическихъ произведеній. Историческое прошедшее понималъ онъ прежде всего сердцемъ. Каждая эпоха имѣла для него значеніе сама въ себѣ, не только какъ логическая посылка, изъ которой необходимое заключеніе выводится нашею современностью. Никогда не упускалъ онъ изъ виду отдаленнаго будущаго, точно такъ же, какъ, говоря о настоящемъ, всегда обращался къ прошедшему, чтобы въ немъ искать его объясненій. На первомъ планѣ было однако же не прошедшее и даже не будущее, а сама жизнь тѣхъ поколѣній, судьбамъ которыхъ посвящалъ онъ свое вниманіе. Во всѣ духовные и общественные интересы этихъ поколѣній проникалъ онъ мыслію, весь проникался ими; но съ особенною любовью слѣдилъ онъ за титаническою работой человѣческой мысли, ее преслѣдовалъ онъ во всѣхъ проявленіяхъ: въ сферѣ политической, въ области искусства, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Всегда неизмѣнно вѣрный своимъ жизненнымъ убѣжденіямъ, результатамъ всего своего развитія, онъ владѣлъ даромъ вѣрно воспроизводить въ своемъ умѣ понятія извѣстнаго времени во всей ихъ чистотѣ, не примѣшивая къ нимъ ничего чуждаго, но въ то же время сохраняя вполнѣ свободу сужденія. Глубоко проникалъ онъ въ общественное сознаніе извѣстной эпохи, въ убѣжденія историческихъ дѣятелей. Зато жизнію вѣяло отъ его изображеній. Съ глубокою скорбію разсказывалъ онъ страданія отжившихъ поколѣній, и на симпатическій вызовъ историка выдавали историческія могилы свои завѣтныя тайны, свои глубокія думы, свои сбывшіяся и не сбывшіяся

ожиданія. Ясенъ становился смыслъ дѣятельности того или другаго лица. Петръ Николаевичъ могъ читать только спеціальные курсы. Онъ надолго не могъ оторваться отъ предмета своихъ занятій, не могъ довольствоваться однимъ общимъ очеркомъ, какъ бы хорошъ ни былъ этотъ очеркъ. Слишкомъ близко знакомился онъ со всею полнотою жизни извѣстной эпохи, и во всей полнотѣ передавалъ ее слушателямъ. То поколѣніе студентовъ московскаго университета, къ которому принадлежу я, слышало самые первые курсы Петра Николаевича, только что возвратившагося тогда изъ заграничнаго путешествія. На нашихъ глазахъ росъ и мужалъ его талантъ историческаго изложенія. Первый курсъ его былъ посвященъ послѣднимъ временамъ языческаго міра, первымъ начаткамъ христіанско-европейскаго общества. Особенно поразительны были его лекціи для меня, пришедшаго въ эту аудиторію изъ другаго университета. Превосходно изложены были послѣднія попытки вдохнуть духъ жизни въ мертвыя формы древняго язычества, безплодная дѣятельность Юліана, эти силы, истраченныя въ безполезной борьбѣ, но достойныя лучшей цѣли. Съ особеннымъ сочувствіемъ остановился онъ на дѣятельности Блаженнаго Августина. Ему въ высшей степени понятны были эти порывы пытливаго ума, это тревожное исканіе вѣчной истины. Онъ самъ пережилъ подобныя минуты, самъ, только уже довольно поздно, созналъ свое настоящее призваніе, только послѣ тяжелой борьбы съ самимъ собою онъ вышелъ на настоящій путь, по которому и пошелъ такими быстрыми шагами. Еще сильнѣе произвелъ на насъ впечатлѣніе второй его курсъ, посвященный исторіи реформаціи. Уже горячо полюбивъ его, уже признавъ вполнѣ его ученыя достоинства, мы съ изумленіемъ однако же смотрѣли, какъ поднялся онъ въ

[redacted]

этомъ курсѣ. Въ это время онъ окончательно свыкся съ каѳедрой и аудиторіей, покоривъ себѣ ту и другую. Послѣ онъ самъ говорилъ, что опытомъ перваго года онъ убѣдился въ сочувствіи слушателей, а это сочувствіе производило на него могущественное, возбудительное дѣйствіе. Самый предметъ чтеній въ высшей степени былъ близокъ ему. Исторія освобожденія человѣческой мысли отъ двойныхъ оковъ мертвой схоластики, обрядовой внѣшности и бездушнаго формализма не могъ не отдать онъ своего сочувствія. Зато, спросите у тогдашнихъ студентовъ, что̀ чувствовали они, когда, какъ бы вызванная изъ могилы вдохновеннымъ историкомъ, передъ ними являлась трагическая личность Лютера; когда разсказывалъ онъ повѣсть его долгихъ душевныхъ страданій, исторію мучительнаго перехода отъ полной вѣры къ отрицанію того, передъ чѣмъ еще такъ недавно падалъ онъ ницъ съ восторженнымъ благоговѣніемъ; когда раскрывалъ то невыносимое состояніе духа, когда глубокое религіозное чувство, нисколько не утратившее своей энергіи, настойчиво требуетъ себѣ удовлетворенія, когда безъ возврата изчезли прежнія вѣрованія, оставивъ по себѣ только ѣдкую горечь утратъ, и когда однако же для него нѣтъ еще успокоенія на новыхъ началахъ.

Такъ поразительно вѣрно изображать нравственныя страданія извѣстной эпохи можетъ только тотъ, кто въ самомъ себѣ пережилъ ихъ, кто въ своемъ развитіи перешелъ тѣ ступени, по которымъ восходило человѣчество. Еще одно воспоминаніе объ этомъ курсѣ. Западная Европа въ ту пору переживала одинъ изъ политическихъ кризисовъ. Въ напряженномъ усиліи вставала Германія, чтобы разомъ покончить съ своимъ прошедшимъ, чтобы порвать вѣковую цѣпь, сковывавшую ея силы. Въ лицѣ представителей

науки она вступила въ отчаянную борьбу съ самой собою и изнемогла въ этой борьбѣ. Въ судьбахъ Германіи временъ реформаціи искалъ профессоръ разгадку бурь, разыгрывавшихся на политическомъ горизонтѣ Европы, причину, вызывавшую къ жизни и самое стремленіе и его временную безуспѣшность,—и мы слушали его съ жаднымъ вниманіемъ. Германіи, на ряду съ Италіей, посвящалъ онъ свой трудъ предпочтительно предъ другими странами Европы. Ихъ тяжелая исторія, ихъ вѣковыя страданія имѣли для него неодолимую силу притяженія. Не буду говорить о другихъ курсахъ, потому что не могъ слѣдить за ними. Знаю только, что онъ читалъ исторію XIV и XV столѣтій, исторію новой Европы, исторію древнихъ памятниковъ. Не любилъ повторяться Петръ Николаевичъ. Если ему необходимо было возвратиться еще разъ къ тому, что̀ уже однажды высказалъ онъ передъ слушателями, онъ старался остановиться на другой сторонѣ предмета. Строго понималъ онъ обязанности профессора. Владѣя увлекательнымъ даромъ изложенія, огромною памятью, онъ только въ послѣднее время началъ читать безъ записокъ. Прежнія лекціи онъ писалъ почти сполна, считая это необходимымъ, и это большое для насъ счастіе. Этимъ дается возможность современемъ издать ихъ, возобновить въ душѣ бывшихъ слушателей Петра Николаевича прежнее впечатлѣніе, дать возможность обществу, знавшему его только какъ даровитаго и добросовѣстнаго писателя, взглянуть на него и съ этой стороны: оцѣнить вполнѣ ту потерю, какую понесъ университетъ. Не скоро найдетъ послѣдній ученаго, который бы могъ замѣнить его, какъ профессора. Съ чувствомъ глубокой скорби смотримъ мы во всѣ концы Россіи, чтобы найти ему преемника, и, Богъ знаетъ, удастся ли намъ достойно замѣнить покойнаго. Кто же замѣнитъ намъ че-

[redacted]

ловѣка? Никто, вы это знаете. На рукахъ донесли вы до послѣдняго жилища тѣло любимаго наставника, вы напутствовали его горячимъ словомъ любви и благодарности. Сохранимъ же навсегда въ нашей памяти его свѣтлый образъ. Во имя той беззавѣтной преданности къ наукѣ, которой оставался онъ вѣренъ до конца своей жизни, я призываю васъ къ общему намъ труду. Этимъ мы всего достойнѣе почтимъ покойнаго и останемся вѣрны его завѣту.

О ЗНАЧЕНІИ РАСЪ ВЪ ИСТОРІИ.

[redacted]

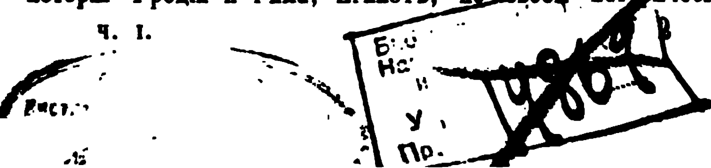
[redacted]

Приступая къ изученію древней исторіи, не всегда отдаютъ себѣ полный отчетъ въ неизбѣжныхъ трудностяхъ этого изученія. Сравнивая этотъ отдѣлъ общей исторіи человѣчества съ другими, напримѣръ съ тѣмъ, который мы привыкли обозначать названіемъ исторіи среднихъ вѣковъ, легко подумать, что наука въ своихъ изслѣдованіяхъ относительно исторіи древности дошла до конечныхъ результатовъ, сказала свое послѣднее, окончательное слово, и намъ остается только познакомиться съ этими послѣдними результатами во всей ихъ полнотѣ и ясности, отчетливо воспринять и сохранить въ памяти послѣднее слово науки. Если гдѣ-нибудь историкъ можетъ чувствовать подъ собою твердую почву, если гдѣ-нибудь въ правѣ отъ него требовать строгой точности выводовъ, ясной опредѣленности каждаго сужденія, такъ это, очевидно, въ области древней исторіи. Предметъ представляется вполнѣ разработаннымъ и притомъ не только въ главныхъ своихъ частяхъ, но въ мельчайшихъ подробностяхъ и притомъ во всей своей широтѣ и разнообразіи. И, дѣйствительно, столько вѣковъ дѣятельность изслѣдователей была почти исключительно обращена на разработку исторіи древняго міра,

изученіе которой давало кромѣ того изслѣдователю много преимуществъ передъ изслѣдователемъ средневѣковой и новой исторіи. Не говоря уже о томъ, что древній міръ, въ лицѣ своихъ полнѣйшихъ выразителей, Грековъ и Римлянъ, завѣщалъ намъ не только богатую литературу, не только огромное количество вещественныхъ памятниковъ, въ которыхъ полно и всесторонне выразились внутренняя жизнь и характеръ, идеи древнихъ народовъ — однимъ словомъ, не только богатѣйшій матеріалъ для исторіи, но, что̀ еще важнѣе, онъ же намъ завѣщалъ и блистательнѣйшіе образцы самаго историческаго искусства, которые навсегда останутся лучшею школою и примѣромъ для новѣйшихъ историковъ. Не говоря обо всемъ этомъ, я укажу на одно, самое драгоцѣнное преимущество, которымъ пользуется изслѣдователь древности передъ своимъ ученымъ собратомъ, посвятившимъ свои труды изученію средневѣковой или новой исторіи. Между древнимъ міромъ и новымъ проходитъ слишкомъ рѣзкая черта. Древнее человѣчество, повидимому, вполнѣ завершило свое призваніе: оно сошло въ могилу, изживъ и даже переживъ все свое внутреннее содержаніе, выразивъ вполнѣ свои идеи не только въ практической жизни, но и въ вѣковѣчныхъ памятникахъ литературы, искусства, законодательства. Намъ ясенъ, повидимому, не только историческій ходъ его существованія, но и самые результаты, выводы его жизни. Получивъ богатое его наслѣдіе и начавъ новую жизнь, новые народы, пошедшіе иными путями, руководимые иною путеводною звѣздою, могутъ произнести справедливый и безпристрастный приговоръ надъ жизнію своихъ предшественниковъ, могутъ относиться къ нимъ свободно и спокойно. Этимъ огромнымъ преимуществомъ не пользуется историкъ даже среднихъ вѣковъ, не говоря уже объ изслѣдователѣ новѣйшей исторіи.

[redacted]

Какъ ни далеки отъ нашей современности такъ-называемые средніе вѣка, какимъ таинственнымъ полумракомъ ни подернутъ въ нашихъ глазахъ ихъ блескъ, историкъ еще не всегда можетъ относиться къ нимъ съ полною свободой и безстрастіемъ. Въ тревожной, шумной жизни современности, повидимому, совершенно отрѣшившейся отъ всего средневѣковаго, на каждомъ почти шагу еще чувствуется таинственное вліяніе среднихъ вѣковъ и часто совершенно неожиданно, но тѣмъ не менѣе очевидно и неоспоримо является доказательство, что они еще не кончили своихъ счетовъ съ горделивою, забывчивою современностью, что они еще предъявляютъ свои права на жизнь и дѣйствительность. На нашихъ глазахъ передовой народъ новаго человѣчества, практическая, положительная Англія еще крѣпко держится за средневѣковыя формы своихъ учрежденій, и притомъ вовсе не изъ какого-нибудь антикварнаго увлеченія, а изъ вѣры въ то, что это не мертвыя формы, что въ нихъ еще сохранилось живое содержаніе, пригодное для настоящаго времени. Съ исторіей древняго, до-христіанскаго человѣчества всѣ счеты, кажется, уже кончены. Все, что̀ оказалось въ ихъ наслѣдствѣ пригоднаго для жизни новыхъ народовъ, давно уже употреблено въ дѣло, всему составленъ отчетливый и полный инвентарь. Современность не чувствуетъ на себѣ съ ихъ стороны того неяснаго, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнаго вліянія, отъ котораго она не можетъ еще освободиться относительно среднихъ вѣковъ. Наука слишкомъ-долго, упорно и настойчиво трудилась надъ разработкой древней исторіи; отъ ея пытливаго вниманія не ушло ни одно мельчайшее явленіе жизни древнихъ народовъ. Труды по египетской исторіи начались, напримѣръ, несравненно-позже, чѣмъ изслѣдованіе исторіи Греціи и Рима; Египетъ, по своей исторической

важности, далеко не можетъ равняться съ Греціей и Римомъ; однако же простой каталогъ книгъ, брошюръ и мемуаровъ объ исторіи Египта, вышедшій года три тому назадъ, составляетъ цѣлую книгу. Кажется, послѣ всего этого наука могла бы подвести окончательно итоги, сказать последнее слово и обратить всѣ свои силы туда, гдѣ предстоитъ еще такъ много труда, въ несовсѣмъ еще обслѣдованную область средневѣковой исторіи и исторіи новаго времени. Особено жизнь новыхъ народовъ идетъ такъ быстро, разбрасывается такъ широко во всѣ стороны, количество историческаго матеріала такъ громадно, что, даже сосредоточивъ на его разработкѣ всѣ свои силы, историческая наука, конечно, все еще пожалуется не на излишекъ рабочихъ рукъ, а скорѣй на ихъ недостатокъ.

Вспомнимъ еще, что говорить о практичности нашего времени, о преклоненіи только передъ осязательною пользою давно уже сдѣлалось общимъ мѣстомъ, что слышатся иногда голоса, горделиво отрицающіе не только необходимость изученія древней исторіи, но и вообще пользу всякаго историческаго изученія. Эти голоса отрицаютъ крѣпкую солидарность настоящаго съ прошедшимъ и въ обращеніи къ прошедшему видятъ скорѣй положительный вредъ, чѣмъ какую-нибудь, хотя бы и гадательную, пользу. Казалось, въ настоящее время пора бы и удобно было бы разъ навсегда покончить съ разработкою древности, съ этимъ жаднымъ рытьемъ въ могилахъ, откуда, кажется, выбрано уже все, и годное и не годное къ дѣлу, и гдѣ не остается ничего, кромѣ праха. Если въ какую-нибудь эпоху всего менѣе умѣстно и законно можетъ показаться археологическое увлеченіе древностью, то, конечно, въ нашу, когда кипучая практическая дѣятельность увлекла и увлекаетъ въ свой водоворотъ всѣхъ и каждаго, когда да-

[redacted]

же стѣны ученаго кабинета плохо защищаютъ отъ тревожныхъ запросовъ современной дѣйствительности и не всегда служатъ надежнымъ убѣжищемъ для тихой, сосредоточенной дѣятельности мысли. Однако же никогда, быть можетъ, какъ въ эту шумную, исключительно практическую эпоху, на изученіе древности не тратилось болѣе силъ, не являлось столько огромныхъ капитальныхъ трудовъ по ея исторіи. Въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ, для исторіи древняго міра сдѣлано едва-ли не болѣе, чѣмъ въ предшествовавшія три столѣтія. И нельзя думать, чтобы дѣятели послѣднихъ десятилѣтій, съ такимъ жаромъ бросившіеся на изученіе древности, были нѣчто въ родѣ средневѣковыхъ иноковъ, отрѣшившихся отъ міра съ его насущными интересами, съ его ежедневными волненіями, позабывшихъ настоящее, чтобы всею мыслію перенестись въ далекое прошедшее. Совсѣмъ напротивъ. Въ той же по преимуществу практической Англіи одному изъ богатѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ банкировъ наука обязана исторіей Греціи, на которую пошло около 30 лѣтъ предварительныхъ работъ. Канцлеръ казначейства подвергъ тщательному пересмотру вопросъ объ эпической поэзіи Греціи, о происхожденіи безсмертныхъ поэмъ, которыя связаны съ именемъ Гомера. Наконецъ, полковнику англійской службы, представителю коммерческихъ интересовъ Англіи на Востокѣ, обязана историческая наука ключомъ къ разумѣнію клинообразныхъ надписей и полнѣйшимъ доказательствомъ достовѣрности сказаній Геродота, какое мы имѣемъ до сихъ поръ. По другую сторону канала, какой-нибудь мѣсяцъ тому назадъ, на Сену, при безчисленномъ стеченіи народа, спущена была римская трирема въ полномъ ея вооруженіи, построенная подъ личнымъ наблюденіемъ и по мысли императора Французовъ. Ея вооруженіе было результатомъ долгой, ме-

лочной работы цѣлой коммиссіи спеціалистовъ надъ отрывочными мѣстами древнихъ писателей о постройкѣ военныхъ галеръ у Римлянъ, надъ изображеніемъ кораблей на древнихъ монетахъ и барельефахъ *). Можно бы счесть эту постройку минутнымъ археологическимъ капризомъ, еслибы давно уже не было извѣстно, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Наполеонъ III посвящаетъ всѣ минуты своего досуга спеціальному изслѣдованію о Цезарѣ и что со всѣхъ сторонъ собираются всевозможные матеріалы для его біографіи, приводятся въ извѣстность и обслѣдываются самыя отрывочныя извѣстія, относящіяся къ его дѣятельности, снимаются слѣпки и фотографіи съ каждаго бюста и статуи знаменитаго тріумвира и диктатора. Все это, конечно, заходитъ уже далеко за предѣлы каприза и минутной прихоти. Въ преимущественно-практической натурѣ императора Французовъ никакой проницательный и упорный наблюдатель, конечно, не найдетъ и тѣни родственнаго сходства съ тѣмъ дѣтски довѣрчивымъ и простодушнымъ антикваріемъ, который возбуждалъ такой искренній смѣхъ и такую, еще болѣе искреннюю, симпатію въ читателяхъ извѣстнаго романа Вальтера Скотта. Извѣстна ожесточенная борьба, идущая въ настоящую минуту по ту

---

*) Трирема, построенная по приказанію Людовика-Наполеона, была результатомъ совѣщаній и изслѣдованій морскаго инженера Дюпюи-де-Лома (Dupuy de Lôme) и Огюста Жаля (Auguste Jal), исторіографа французскаго флота. Постройкой завѣдывалъ Дюпюи де Ломъ. Г. Жаль разсказываетъ, какимъ образомъ у Людовика-Наполеона возникла мысль о постройкѣ римской триремы вслѣдствіе занятій біографіею Юлія Цезаря Результаты чисто-археологическихъ изслѣдованій о древнемъ флотѣ изложены въ сочиненіи, изданномъ по желанію и на счетъ Людовика Наполеона: «La flotte de César .... ètudes sur la marine antique, par M. Aug. Jal». (Paris, Firmin Didot, 1861). Это сочиненіе должно было явиться одновременно со спускомъ триремы.

[redacted]

сторону Атлантическаго океана, за которою съ тревожнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ слѣдитъ Европа, затронутая въ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ интересахъ. Едва-ли какой-нибудь народъ въ мірѣ отличается такимъ положительнымъ, далекимъ отъ отвлеченности и идеализма характеромъ, какъ Сѣверо-американцы. Вся сила страстнаго увлеченія идетъ у нихъ не въ область отвлеченнаго мышленія, не въ область чистой науки, не въ идеальный міръ искусства, а обращена, кажется, всецѣло на практическую дѣятельность. Поэзія Сѣверо-американца едва-ли не сказывается больше всего въ гигантскихъ предпріятіяхъ и работахъ, въ увлеченіи широко задуманными спекуляціями. Однако въ настоящую минуту, когда сѣвероамериканское общество взволновано до дна настоящею борьбою, когда затронуты самые близкіе его матеріальные интересы и идетъ вопросъ о жизни и смерти, грозя распаденіемъ великаго союза; въ эту минуту, когда сѣверные штаты объявляютъ неслыханный заемъ въ 500 милліоновъ долларовъ на военныя издержки и призываютъ къ оружію 400,000 волонтеровъ, чтобы рѣшить свой споръ съ рабовладѣльческими штатами, я едва-ли ошибусь, если буду утверждать, что даже въ эту минуту и, можетъ-быть, именно поэтому, среди шума оружія, среди тревожныхъ заботъ о насущныхъ интересахъ настоящаго, въ Америкѣ готовится, быть-можетъ, не одно спеціальное научное изслѣдованіе, находящееся болѣе или менѣе въ непосредственной и близкой связи съ исторіей древняго міра, имѣющее главною цѣлью разъяснить одну изъ сторонъ ея, одинъ изъ важныхъ ея вопросовъ. И это историческое изслѣдованіе готовится не съ одною цѣлью послужить оружіемъ для политической и соціальной борьбы, охватившей Сѣверную Америку, хотя историческія изслѣдованія часто употребля-

лись и поминутно употребляются, какъ орудіе для достиженія цѣлей, лежащихъ совершенно внѣ науки, ей посторонних и чуждыхъ. Я убѣжденъ, что эти изслѣдованія, если они производятся въ эту минуту, ведутся съ благороднымъ, страстнымъ желаніемъ дознанія истины ради самой истины, помимо всѣхъ практическихъ соображеній, хотя поводомъ къ нимъ и была настоящая политическая и соціальная борьба сѣвера съ югомъ Американскихъ Штатовъ. Мы увидимъ потомъ, какого рода изслѣдованій особенно въ правѣ ждать европейскій историкъ отъ своихъ американскихъ собратій и на чемъ я основываю мое убѣжденіе въ возможности подобныхъ изслѣдованій среди настоящихъ событій и даже по поводу именно этихъ событій. Однимъ словомъ, куда бы мы ни взглянули, повсюду видимъ не охлажденіе къ изслѣдованіямъ въ области древней исторіи, повидимому такъ уже окончательно разработанной, не одно приведеніе въ систему огромнаго количества предшествовавшихъ трудовъ по этому предмету, а, напротивъ того, сильную, еще болѣе оживленную дѣятельность, направленную туда, гдѣ, кажется, всего менѣе представляется ей приложенія. Чѣмъ объяснить это странное съ перваго взгляда явленіе? Неужели только силой привычки, только тѣмъ, что, посвящая болѣе трехъ столѣтій свои труды классической древности, воспитываясь до сихъ поръ большею частію на изученіи древнихъ писателей, ученые всѣхъ образованныхъ народовъ не могутъ еще уклониться отъ того направленія, которое дано было нѣсколько столѣтій тому назадъ? Или, быть-можетъ, такъ велика чарующая сила памятниковъ древней мысли и древняго искусства, что новая Европа, несмотря на практическій, утилитарный характеръ новѣйшаго времени, не можетъ еще освободиться отъ ихъ обаятельнаго вліянія? Привычка, ру-

[redacted]

тина безспорно играютъ важную роль въ жизни человѣка; но одна привычка не устояла бы предъ сравнительною трудностью изученія исторіи древняго міра, разумѣя изученіе съ цѣлью добыть какіе-нибудь новые выводы, получить новыя пріобрѣтенія для науки отъ этого изученія. На глубоко распаханномъ полѣ исторіи древнихъ народовъ, новыя находки достаются съ бо́льшимъ трудомъ, встрѣчаются несравненно-рѣже, чѣмъ тамъ, гдѣ почва почти еще не тронута, гдѣ сырой матеріалъ остается еще не только не вполнѣ переработаннымъ, но очень часто еще не собраннымъ, не приведеннымъ въ извѣстность, гдѣ каждый шагъ впереди можетъ быть вознагражденъ новымъ, капитальнымъ открытіемъ. Прежде, чѣмъ думать о полученіи новаго вывода въ области древней исторіи, нужно вполнѣ усвоить себѣ результаты предшествовавшаго изученія, а это трудъ далеко не маловажный, принимая въ соображеніе огромную массу ученыхъ работъ по исторіи древняго міра.

Чарующее вліяніе памятниковъ древняго міра еще не утратило вполнѣ своей силы и надъ современными намъ поколѣніями; но мы далеки отъ того восторженнаго, беззавѣтнаго благоговѣнія и преклоненія предъ классическою древностію, которымъ столь рѣзко была отмѣчена такъ-называемая эпоха возрожденія. Намъ кажется странно и непонятно, что христіанскій первосвященникъ Рима могъ клясться не иначе, какъ языческими божествами Греціи, нисколько не подозрѣвая всей несовмѣстности этого съ священнымъ характеромъ главы одной изъ христіанскихъ церквей; насъ поражаетъ, когда мы узнаёмъ, что одинъ изъ ученѣйшихъ и въ тоже время вѣрующихъ итальянскихъ писателей XV века, приступая, правда, къ довольно трудному, но въ сущности простому дѣлу—переводу языческаго писателя неоплатонической школы, не только готовит-

ся къ нему постомъ и исповѣдью, но, вѣрный господствовавшимъ тогда предразсудкамъ, не иначе приступаетъ къ нему, какъ увѣрившись помощію астрологическихъ наблюденій, что созвѣздія находятся въ самомъ благопріятномъ соединеніи для начала такого великаго предпріятія.

Фанатическаго обожанія всего, что̀ отмѣчено печатью классической древности, не найдемъ мы у новыхъ изслѣдователей; однако пророческія слова знаменитаго Нибура, сказанныя слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ съ каѳедры Боннскаго университета, начинаютъ уже теперь казаться только выраженіемъ почти совершившагося факта. «Новое настоящее (говорилъ онъ) наступитъ для древняго міра, и чрезъ 50 лѣтъ появятся такія изслѣдованія объ исторіи древнихъ народовъ, въ сравненіи съ которыми наши теперешнія знанія будутъ тѣмъ же, чѣмъ была химія сто лѣтъ тому назадъ, въ сравненіи съ химіею Берцеліуса». Сравненіе покажется поразительно вѣрнымъ, если вспомнимъ, что слова Нибура относятся преимущественно къ исторіи древняго Востока, въ изученіи которой новая наука совершила изумительные успѣхи въ самое короткое время; но оно остается вѣрнымъ, если мы приложимъ его и вообще къ исторіи древняго міра. Сто̀итъ сравнить хотя одинъ изъ новѣйшихъ трудовъ по исторіи древняго міра съ лучшимъ сочиненіемъ по тому же предмету, написаннымъ въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго столѣтія, чтобы убѣдиться, какое огромное, существенное различіе лежитъ между ними, какъ измѣнилось и самое пониманіе древней исторіи и самые научные пріемы ея разработки. Съ одной стороны, безконечно широко раздвинулись ея предѣлы, какъ науки, увеличилось количество матеріала, которымъ до тѣхъ поръ располагала исторія, и увеличилось не столько вслѣдствіе какихъ-нибудь новыхъ открытій, а еще

болѣе вслѣдствіе того, что много данныхъ, которыми до той поры пренебрегалъ изслѣдователь, какъ неотносящимися къ предмету его занятій, безполезными для его спеціальныхъ цѣлей, оказалось теперь матеріаломъ, не только безспорно принадлежащимъ исторической наукѣ, но, можетъ-быть, самымъ для нея драгоцѣннымъ. Съ другой стороны, привзошли новые интересы, влекущіе къ ея изученію. Оба явленія неразрывно связаны между собою, обусловливаютъ одно другое. Расширеніе предѣловъ, въ которыхъ до тѣхъ поръ держалась исторія, какъ наука, необходимо должно было привлечь къ ея изученію новыя силы, возбудить къ ней новый интересъ. Она перестала быть предметомъ занятій особаго цеха ученыхъ, предметомъ простой любознательности для прочихъ, перестала быть также и складочнымъ мѣстомъ, откуда въ случаѣ нужды добывалось оружіе для борьбы, далеко не научной. За то къ ней обратились съ запросами, которые привели бы въ крайнее недоумѣніе записныхъ историковъ прошлыхъ столѣтій, и обратились люди, не имѣвшіе, повидимому, ничего общаго съ трудолюбивыми изслѣдователями прежняго времени, люди въ высшей степени практическіе, чуткіе ко всѣмъ стремленіямъ и интересамъ современности, но лишенные всякой способности пониманія цеховой, самодовольной эрудиціи. Я сказалъ уже, что невозможно объяснить археологическимъ капризомъ тѣ настойчивыя занятія исторіею Цезаря и его дома, которымъ уже давно предается императоръ Французовъ, несмотря на великія событія, совершающіяся въ жизни современной Европы, въ которыхъ ему суждено играть такую важную роль. Точно также трудно объяснить ихъ однимъ подражаніемъ знаменитому дядѣ, который также любилъ посвящать свободныя минуты изученію и объясненію Цезаревыхъ «Комментаріевъ». Историческіе труды Наполеона III

о Цезарѣ и его династіи еще не обнародованы, и трудно судить объ ихъ характерѣ по тѣмъ отрывочнымъ извѣстіямъ, по тѣмъ слухамъ, которые проникаютъ въ публику; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что между нимъ и трудами его знаменитаго соименника будетъ почти то же различіе, какое предвидѣлъ Нибуръ между современною историческою наукой и историческими трудами начала нынѣшняго столѣтія. Можно смѣло сказать впередъ, что въ судьбахъ Цезаря главное вниманіе новаго изслѣдователя остановится не на его блестящихъ походахъ, которые любилъ подвергать своей критикѣ Наполеонъ I, а на его политической, государственной роли, на причинахъ быстраго возвышенія его династіи, на условіяхъ, отъ которыхъ зависѣло ея существованіе и паденіе. Въ судьбахъ Цезаря и Августова дома не разъ, быть-можетъ, съ тревожнымъ раздумьемъ искалъ или ищетъ державный комментаторъ историческаго объясненія и оправданія своей собственной дѣятельности и тѣхъ указаній на судьбу своего собственнаго потомства, за которыми политическіе дѣятели прошедшихъ столѣтій обращались къ наблюденіямъ звѣзднаго неба, къ вычисленію соединенія различныхъ созвѣздій. Относительно историческихъ вопросовъ, занимающихъ американскихъ изслѣдователей, нѣтъ никакого сомнѣнія. Среди довольно разнообразныхъ задачъ историческихъ, на которыхъ останавливается вниманіе американскихъ историковъ, одинъ вопросъ выдается слишкомъ замѣтно на первый планъ и, очевидно, господствуетъ надъ всѣми другими. Въ области науки это тотъ же самый вопросъ, который поставленъ послѣдними событіями съ такою рѣзкою, неумолимою опредѣленностію въ сферѣ политической, государственной жизни. И наука и жизнь медленно приходили къ сознанію его важности, долго касались его только слегка, съ какою-то робостью из-

[redacted]

бѣгая его рѣшительной постановки, пытаясь обойти его, испытывая всевозможные компромиссы и сдѣлки; для той и другой рѣшеніе этого вопроса такъ или иначе становится, наконецъ, необходимостью. Въ жизни онъ близится уже къ своему окончательному рѣшенію. Въ наукѣ, гдѣ случайность не занимаетъ такого важнаго мѣста, гдѣ менѣе возмущеній логическаго, естественнаго развитія, его окончательное рѣшеніе, можетъ-быть, не такъ еще близко; тѣмъ не менѣе обойти его нѣтъ возможности и онъ стоитъ на очереди. Это вопросъ естественноисторическій, антропологическій; но прежде и важнѣе всего вопросъ историческій— вопросъ о человѣческихъ породахъ, о расахъ. Какова бы ни была его важность для политической жизни Сѣвероамериканскихъ Штатовъ, его важность еще существеннѣе для исторіи, какъ науки.

Для исторіи, какъ науки, этотъ вопросъ ни болѣе ни менѣе, какъ вопросъ возможности или невозможности исторіи человѣчества—того, что̀ мы привыкли называть всеобщею, всемірною исторіей.

При изложеніи событій древней исторіи, очень часто приходится говорить о племенныхъ особенностяхъ, указывать на отличительныя черты племенныхъ типовъ, искать объясненія извѣстныхъ историческихъ явленій въ тѣхъ или другихъ постоянныхъ, можно бы сказать, прирожденныхъ свойствахъ того или другаго племени, являющагося на историческую сцену. Еще чаще, быть-можетъ, приходится указывать на могущественное вліяніе внѣшней природы, физическихъ, климатическихъ, топографическихъ условій страны на ходъ ея историческаго развитія, на историческія судьбы ея населенія. И особенности народнаго типа, характера и вліянія внѣшней природы—два слишкомъ сильные участника въ историческомъ ходѣ событій, чтобы можно было пройти

ихъ молчаніемъ, чтобы не остановить на нихъ полнаго вниманія. Многое въ исторіи того или другаго народа останется навсегда темнымъ и непонятнымъ, какъ бы богаты ни были письменные матеріалы для ея изученія, съ какою бы подробностью ни было записано въ его лѣтописяхъ каждое, даже незначительное, событіе его жизни, и съ какимъ бы неутомимымъ вниманіемъ и тщательностію ни изучали мы эти источники, если мы не обратимъ должнаго вниманія на этихъ факторовъ исторіи. При болѣе глубокомъ и и полномъ изученіи какого-нибудь народа, все яснѣй и яснѣй раскрывается тѣсная, необходимая и неизбѣжная связь между природою страны, этнографическими особенностями физическаго и нравственнаго характера населяющаго ее племени съ его бытомъ, экономическимъ, общественнымъ и частнымъ, съ его политическими учрежденіями, умственною дѣятельностью и, наконецъ, въ извѣстной степени съ его религіозными убѣжденіями и вѣрованіями. Нельзя думать, впрочемъ, чтобы эта зависимость историческаго развитія народовъ отъ географическихъ условій занимаемой ими мѣстности, отъ внѣшней природы, наконецъ, отъ условія своего собственнаго племеннаго характера представлялась историку только въ древнихъ, еще сравнительно юныхъ народахъ. Какъ ни поразительны побѣды новаго человѣчества надъ внѣшнею природой, во многихъ случаяхъ обратившеюся изъ почти полновластной владычицы въ послушное орудіе человѣческой воли и человѣческаго разума; какъ ни велики побѣды, одержанныя человѣкомъ надъ самимъ собою, надъ физическою, животною стороною его собственной природы, надъ его собственными инстинктами, волею и наклонностями—побѣды, быть-можетъ, еще болѣе блистательныя, чѣмъ побѣды надъ условіями внѣшней природы—человѣкъ еще далеко не освободился изъ-подъ ея

[redacted]

могущественнаго вліянія. «Природа—какъ сказалъ одинъ изъ новѣйшихъ германскихъ историковъ — не есть только предшественница исторіи и театръ, на которомъ совершаются судьбы человѣчества: она постоянная спутница духа, съ которымъ дѣйствуетъ въ гармоническомъ союзѣ. Человѣкъ, какъ естественное, конечное существо, и человѣчество, какъ конечный организмъ, подчинены съ начала вѣковъ ея великимъ, неизмѣннымъ законамъ». Въ исторіи древняго міра только ярче, только нагляднѣе представляется глазамъ историка тѣсная связь условій внѣшней природы съ ходомъ историческаго развитія того или другаго народа; но это потому только, что въ началѣ своей исторической жизни человѣкъ еще не находилъ въ самомъ себѣ достаточно силъ и опытности для противодѣйствія внѣшней природѣ, для борьбы съ нею помощію ея же собственныхъ силъ, долженъ былъ подчиняться ей, зависѣлъ вполнѣ отъ нея въ удовлетвореніи своихъ первыхъ потребностей и оттого въ началѣ своей исторической жизни преклонялся передъ внѣшнею природой, не только какъ передъ силой, еще имъ непокоренною, но какъ передъ всесильнымъ божествомъ. Тяжелый опытъ тысячелѣтій измѣнилъ отношенія человѣка къ внѣшней природѣ; она потеряла надъ нимъ не только свое прежнее обаятельное вліяніе, не только утратила въ его глазахъ свой прежній божественный характеръ; во многихъ случаяхъ она стала въ служебное отношеніе къ человѣку, явилась смиренною и послушною исполнительницею его воли. Была минута, когда человѣкъ, въ упоеніи своими побѣдами надъ внѣшнею природой, горделиво отвергъ не только зависимость человѣческаго духа отъ условій физической природы, но и всякую связь между человѣческимъ духомъ и природой; провозгласилъ не только свою полную независимость, но и свою полную власть надъ

внѣшнею природой. Подобное обольщеніе продолжалось, впрочемъ, недолго. Опыты перекроить и перестроить человѣчество независимо отъ природныхъ условій, по указаніямъ свободной фантазіи, свободнаго духа, какъ-то не удавались и слишкомъ дорого иногда стоили не только тому человѣческому матеріалу, надъ которымъ они производились, но и самимъ производителямъ этихъ экспериментовъ. Изумленнымъ глазамъ болѣе внимательныхъ наблюдателей неожиданно открывались одно за другимъ совершенно непредвидѣнныя явленія; въ ихъ сознаніе незамѣтно втѣснялись смутныя догадки о неполнотѣ и недостаточности прежнихъ, повидимому, столь точныхъ знаній, о несостоятельности прежнихъ убѣжденій. Побѣжденная, приговоренная къ рабскому служенію свободному, самосознающему и самоопредѣляющему человѣческому духу, природа оказалась далеко не такъ безсильна, какъ показалось было это въ первомъ порывѣ увлеченія. Не безъ нѣкотораго страха замѣтилъ человѣкъ, что ея вліяніе не ограничивается міромъ внѣшнихъ явленій, что слѣды этого вліянія, и притомъ довольно могущественнаго, замѣчаются тамъ, гдѣ человѣкъ считалъ себя всего болѣе свободнымъ—въ немъ самомъ, въ его физической и даже нравственной природѣ. Наблюденія надъ статистикой преступленій обнаружили, что самыя, повидимому, произвольныя проявленія человѣческой воли далеко не такъ произвольны, какъ они кажутся, и слѣдуютъ нѣкоторымъ постояннымъ законамъ, несовсѣмъ еще ясно понятымъ и опредѣленнымъ, но, очевидно, находящимся въ прямой связи съ законами внѣшней, физической природы, съ особенностями племеннаго характера. Тотъ же Нибуръ, пророческія слова котораго о будущемъ состояніи древней исторіи привели мы выше, въ числѣ отрывочныхъ мыслей, брошенныхъ тамъ и самъ въ его «Чтеніяхъ объ исторіи

[redacted]

древняго міра», указалъ почти мимоходомъ на возможность связи между исторіей болѣзней и исторіей политическаго и нравственнаго развитія народовъ. Его указаніе было въ видѣ простаго предположенія, даже болѣе въ видѣ вопроса, чѣмъ въ видѣ положительнаго утвержденія. Притомъ онъ ограничился указаніемъ на однѣ заразительныя болѣзни, появленіемъ и прекращеніемъ которыхъ могутъ объясняться, по его мнѣнію, цѣлые отдѣлы исторіи. Онъ бросилъ мимоходомъ замѣтку по поводу язвы, свирѣпствовавшей въ Аѳинахъ во время пелопоннезской войны, что почти всѣ великія эпохи нравственнаго упадка совпадаютъ съ великими заразами. Современное состояніе естественныхъ наукъ, отсутствіе точныхъ наблюденій надъ явленіями, значеніе которыхъ понято такъ недавно и которыя по самой натурѣ своей не такъ легко поддаются опредѣленію и между тѣмъ требуютъ, для возможности какихъ-нибудь выводовъ, огромнаго числа данныхъ и притомъ за болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, не позволяютъ надѣяться, чтобы исторія могла въ скоромъ времени воспользоваться вполнѣ помощію естествовѣдѣнія для своихъ спеціальныхъ цѣлей. Но что мысль Нибура не простое предположеніе, хотя бы и весьма остроумное, что многое въ судьбахъ историческихъ народовъ, необъяснимое съ помощію однихъ такъ-называемыхъ историческихъ матеріаловъ, можетъ объясниться только путемъ наблюденія надъ естественною исторіею человѣка, въ этомъ, кажется, не можетъ уже быть сомнѣнія. Уже теперь являются факты, заставляющіе отказаться отъ сомнѣній. Въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, вышелъ въ Англіи обычный отчетъ о статистикѣ населенія. Одинъ отдѣлъ его посвященъ медицинской статистикѣ Лондона, гдѣ, между прочимъ, данныя, относящіяся къ состоянію народнаго здоровья въ Лондонѣ въ на-

стоящее время, сравнены съ подобными же данными, относящимися къ XVII столѣтію. Это сравненіе крайне любопытно. Въ этомъ сравненіи всего лучше видно торжество науки, торжество успѣховъ гражданственности и образованія надъ прежде страшными врагами. Общая смертность несомнѣнно уменьшилась въ послѣдніе 200 лѣтъ. Моровыя повѣтрія, прежде періодически опустошавшія страну, теперь совершенно изчезли. Смертность отъ нѣкоторыхъ болѣзней уменьшилась въ Англіи въ сильной пропорціи. Отъ скорбута и кори, напр., 200 лѣтъ тому назадъ, въ Лондонѣ умирало ежегодно 142 человѣка на 100,000 населенія; теперь на то же число населенія умираютъ только 2 человѣка, то-есть въ 71 разъ меньше. Многія болѣзни, бывшія самыми страшными бичами лондонскаго населенія 200 лѣтъ тому назадъ, теперь какъ бы обезсилели и потеряли свой опасный характеръ, уступивъ передъ соединенными усиліями науки и матеріальнаго благосостоянія. Но это только лицевая сторона медали... Если однѣ болѣзни потеряли свою силу и отошли далеко на второй планъ, за то на первый планъ выдвинулись другія менѣе замѣтныя, и, главное, менѣе опасныя въ прежнее время. Если оспа, лихорадка, водянка, скорбутъ и т. п. болѣзни не требуютъ теперь такого огромнаго количества жертвъ, какого требовали онѣ прежде, за то въ страшныхъ размѣрахъ развились болѣзни нервовъ и мозга и болѣзненная наклонность къ самоубійству, и число смертныхъ случаевъ въ 1859 году отъ этихъ болѣзней относится къ числу такихъ же случаевъ во второй половинѣ XVII вѣка, какъ 151 къ 57, слѣдовательно, увеличилось почти втрое. Надъ такимъ фактомъ задумается историкъ, если даже онъ еще и не въ состояніи воспользоваться имъ для своей науки. Подчиняясь новому, прежде неподозрѣваемому направленію, стали искать

[redacted]

опредѣленныхъ общихъ законовъ даже тамъ, гдѣ, повидимому, невозможно искать чего-нибудь, кромѣ безграничнаго и самаго полнаго произвола. Какъ на примѣръ подобныхъ изслѣдованій, укажу на сочиненіе Альфреда Мори о благочестивыхъ легендахъ среднихъ вѣковъ, вышедшее уже довольно давно тому назадъ, именно еще въ 1843 году, но мало извѣстное и въ самой Франціи, не говоря уже объ остальной Европѣ, что̀ впрочемъ совершенно объясняется исключительнымъ, нѣсколько односторонпимъ направленіемъ этой книги, которое много вредитъ ей, не смотря на несомнѣнную добросовѣстность и рѣдкое трудолюбіе ея автора.

Приведенныхъ фактовъ, я думаю, достаточно, чтобы обозначить характеръ невольнаго поворота въ направленіи науки, который совершился въ недавнее время. И практическій опытъ и научныя наблюденія — все привело къ сомнѣнію въ прежнемъ убѣжденіи, что человѣкъ, этотъ вѣнецъ и царь творенія, свободенъ отъ вліянія природы и безспорно господствуетъ надъ нею, употребляя ее, какъ орудіе или какъ матеріалъ, для осуществленія своихъ цѣлей. Философское построеніе исторіи на однихъ логическихъ и метафизическихъ основаніяхъ едва-ли возможно въ настоящее время. Слѣдствія измѣненія въ направленіи историческихъ изслѣдованій почувствовались тотчасъ же. Потребовался новый пересмотръ прежнихъ наблюденій, новая повѣрка добытыхъ прежде результатовъ. Какъ скоро обнаружилась невозможность доказать полную независимость человѣческаго духа отъ внѣшней природы и господство его надъ нею, какъ скоро исторія перестала казаться свободнымъ созданіемъ того же духа, раздались голоса, которые предлагали низвести человѣка съ высокой степени царя природы на нѣсколько низшую степень совершеннѣйшаго, болѣе тонко развитаго изъ всѣхъ чле-

новъ животнаго царства. Когда не удалась попытка представить человѣка чуть-чуть не безусловнымъ распорядителемъ и властелиномъ физической природы, вслѣдствіе естественной реакціи его представили высшимъ продуктомъ этой физической природы. Явились теоріи, по которымъ человѣкъ составляетъ только высшую, послѣднюю ступень въ постепенномъ развитіи животныхъ организмовъ, послѣднее звѣно той непрерывной цѣпи, первыя звѣнья которой теряются въ мірѣ инфузорій и животно-растеній. Слѣдуя этимъ теоріямъ, человѣкъ явился усовершенствованною обезьяной изъ породъ gorillo, gibbon, chimpanze, обезьяной, путемъ медленнаго превращенія въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ тысячелѣтій потерявшею хвостъ, но зато выработавшею въ себѣ, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій, болѣе тонкіе мозговые органы и нѣкоторую способность и наклонность къ философскому мышленію.

Не будучи совершенно чужды Европѣ, эти теоріи съ особенною силой и успѣхомъ развились на сѣверо-американской почвѣ и тамъ сформировались окончательно въ систему *). И, дѣйствительно, если въ какой-либо странѣ было возможно нѣкоторое вознагражденіе за естественное и понятное чувство самоуничиженія, которое невольно тѣснится въ душу послѣдователя этой теоріи, такъ это въ Сѣверной Америкѣ. Какъ ни тяжело для человѣка смирить свою гордость, особенно послѣ такихъ недавнихъ увлеченій; какъ ни грустно сознательно, процессомъ собственной мысли, вслѣдствіе собственныхъ наблюденій, добровольно стереть рѣзкую черту, отдѣлявшую его отъ міра животныхъ, въ Сѣверной Америкѣ возможны были по край-

---

*) Достаточно указать на труды гг. Morton, Nott, Gliddon, Aitken Meigs, Agassiz и др. изслѣдователей.

[redacted]

ней мѣрѣ нѣкоторыя матеріальныя вознагражденія за это добровольное отреченіе отъ горделивыхъ замысловъ, за потерю самолюбивыхъ иллюзій; тамъ, кромѣ возможности и даже кажущейся необходимости во имя науки дѣлить родъ человѣческій на породы способныя и неспособныя къ высшему развитію и цивилизаціи, на породы, призванныя къ жизни, и породы, обреченныя на медленное, *естѣственное* вымираніе, была еще возможность существу высшей породы, царю если не всей природы, то по крайней мѣрѣ животнаго царства, представителю бѣлой расы, способной къ безконечному совершенствованію, съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти употреблять, какъ машину, какъ рабочую силу, Негра, въ которомъ, по счастію, еще сохранилось посредствующее звѣно между собственно человѣкомъ и высшею породой обезьяны. Тамъ была возможность, уничтожая глубокій рубежъ между человѣкомъ вообще и животнымъ, провести зато еще рѣзче границу между человѣкомъ высшей расы и человѣкомъ низшей организаціи—существомъ еще переходнымъ отъ міра собственно животнаго къ міру уже несомнѣнно человѣческому въ высшемъ его значеніи. И здѣсь, какъ въ тысячѣ подобныхъ случаевъ, еще разъ сказалась необходимая связь между практическою жизнію, повидимому, мало заботящеюся объ отвлеченныхъ теоріяхъ науки, и наукою, не всегда думающею о практическомъ примѣненіи своихъ выводовъ, не имѣющею непосредственною цѣлью прямое приложеніе ихъ къ жизни.

Въ изложеніи событій исторіи древняго міра необходимо часто указывать на племенныя особенности различныхъ народовъ, на зависимость многихъ явленій исторической жизни отъ условій внѣшней природы. Вотъ почему, во избѣжаніе возможной неясности и неправильнаго пониманія, я считаю особенно нужнымъ остановиться, приступая къ изученію древ-

ней исторіи, на общемъ значеніи этнографическихъ и этнологическихъ вопросовъ, установить заранѣе ту точку зрѣнія, съ которой я буду смотрѣть на частные вопросы, представляющіеся такъ часто историку изслѣдующему древній міръ. Я считаю это важнымъ нетолько для устраненія возможныхъ недоразумѣній—чего одного было бы, думаю, вполнѣ достаточно для объясненія и оправданія моего отступленія отъ рутиннаго, общепринятаго пріема въ историческомъ изложеніи—но еще и потому, что вопросы, относящіеся, повидимому, прямо къ области естественной исторіи, разрѣшающіеся путемъ наблюденія надъ племенами, теперь еще заселяющими землю, еще не сошедшими съ исторической сцены, непосредственно и прямо имѣютъ огромное вліяніе и на пониманіе событій древней исторіи. Мало того: значительная часть матеріала, необходимаго для ихъ разрѣшенія, берется изъ области древней исторіи, и наша наука, подвергаясь въ своей разработкѣ болѣе или менѣе сильному вліянію со стороны естественноисторическихъ изслѣдованій, въ свою очередь призывается ими на помощь, и часто историческіе памятники, результатъ чисто историческихъ изслѣдованій, употребляются естествоиспытателями не рѣже для ихъ собственныхъ работъ въ сферѣ ихъ спеціальности, какъ и результаты, добытые натуралистами, идутъ въ помощь историку. Идя совершенно независимыми путями, мало, повидимому, заботясь о взаимныхъ успѣхахъ, всѣ науки невольно вступаютъ въ неизбѣжную связь между собою, и рѣшенія многихъ изъ своихъ спорныхъ вопросовъ исторія можетъ ожидать только отъ соединенной, дружной дѣятельности историковъ, лингвистовъ и натуралистовъ, или же, ограничась одними собственными средствами, она должна навсегда отказаться отъ всякой надежды на ихъ разрѣшеніе.

Вопросы о происхожденіи племенъ, объ отношеніи и род-

[redacted]

ственныхъ связяхъ одного племени съ другимъ далеко не новы въ исторической наукѣ. Они подымались и разрѣшались еще въ древности. Но значеніе этихъ вопросовъ и пріемы для ихъ разрѣшенія имѣютъ свою исторію. Приступая къ разрѣшенію подобнаго вопроса, изслѣдователь XIX столѣтія по Р. Х. имѣетъ въ виду совсѣмъ не ту цѣль, не того ищетъ, чего искалъ въ этомъ разрѣшеніи изслѣдователь древности или же историкъ другихъ, ближайшихъ къ намъ эпохъ. Точно также новый изслѣдователь употребляетъ совсѣмъ не тѣ пріемы, работаетъ не надъ тѣмъ матеріаломъ, ищетъ указаній не въ тѣхъ признакахъ, какъ изслѣдователь прежняго времени. Для историковъ древняго міра вопросъ о происхожденіи и родствѣ племенъ былъ или вопросомъ народнаго самолюбія, или же дѣломъ простой любознательности. Указаніями на происхожденіе и родство племенъ были болѣе или менѣе темныя историческія и миѳологическія преданія, или же сходство именъ, или наконецъ нѣкоторые чисто внѣшніе признаки. Выведеніе своего начала отъ того или другаго извѣстнаго племени также тѣшило народное самолюбіе, какъ и притязаніе на происхожденіе отъ какого-нибудь божества, или полубожественнаго героя. Въ эпоху усиленія своего политическаго могущества Римъ любилъ съ гордостью указывать на свое происхожденіе отъ Троянъ, выведенныхъ въ Италію Энеемъ. То, что за 6 столѣтій до Р. Х. было не болѣе, какъ чрезвычайно смутнымъ, отрывочнымъ, миѳологическимъ сказаніемъ, обратилось въ эпоху, ближайшую къ началу христіанской эры, въ твердое національное вѣрованіе Рима, и усомниться въ его истинѣ значило бы глубоко оскорбить народную честь и гордость. Заключая союзный договоръ съ Этолянами, Римляне торжественно объявляютъ, что главная причина, почему этотъ договоръ

возможенъ, это то обстоятельство, что Этоляне не принимали участія въ походѣ противъ Трои, и, слѣдовательно, въ разрушеніи Троянскаго царства. Энеида Виргилія окончательно выразила и утвердила убѣжденіе въ троянскомъ происхожденіи Римлянъ. Какъ ни драгоцѣнны для историка народныя и миѳическія преданія, въ которыхъ очень часто только и можно найти древнѣйшія воспоминанія народа объ его давнопрошедшемъ, но этотъ матеріалъ, чѣмъ онъ драгоцѣннѣе, тѣмъ больше осторожности требуетъ для своей разработки, и, можно смѣло сказать, только въ связи съ другими данными служитъ надежнымъ указаніемъ. Взятый самъ по себѣ, отдѣльно, безъ провѣрки и объясненія, въ его непосредственности, онъ скорѣй можетъ только затемнить настоящее пониманіе, чѣмъ навести на истину, и во всякомъ случаѣ не дастъ всего того для науки, что̀ можетъ дать. Историческая же критика находилась еще въ младенческомъ состояніи въ древнемъ мірѣ. Какіе несовершенные, чисто внѣшніе пріемы употребляли древніе изслѣдователи тамъ, гдѣ миѳическія, народныя преданія не давали имъ никакихъ указаній на родственную близость различныхъ племенъ, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ изслѣдователей италійскихъ древностей, не находя подъ руками другихъ указаній на этнографическія опредѣленія одного племени, указываетъ на форму щитовъ, какъ на единственный признакъ, по которому онъ можетъ сблизить его съ другимъ, хорошо извѣстнымъ ему племенемъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы у древнихъ изслѣдователей недоставало наблюдательности, способности всматриваться глубже въ черты народнаго характера и быта. Уже одни разсказы Геродота, котораго не даромъ назвали отцомъ исторіи, служатъ блистательнѣйшимъ доказательствомъ про-

[redacted]

тивнаго. До сихъ поръ они служатъ драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для новыхъ изслѣдователей этнографіи древняго міра, и чѣмъ дальше идетъ впередъ историческая наука новаго времени въ своихъ разысканіяхъ, чѣмъ бо̀льшимъ матеріаломъ можетъ она располагать для своихъ изслѣдованій, тѣмъ большую достовѣрность получаютъ показанія греческаго историка, котораго такъ часто обвиняли прежде не только въ легкомысліи, но и въ умышленной лжи. Древнимъ изслѣдователямъ недоставало не наблюдательности, но строгаго метода въ изслѣдованіи, сознанія важности и значенія затрогиваемыхъ ими вопросовъ; а если мы вспомнимъ, какъ недавно началъ вырабатываться этотъ научный методъ и зародилось сознаніе всей важности этнографическихъ вопросовъ, конечно, мы не посмѣемъ легкомысленно укорить древнихъ историковъ, а тѣмъ съ бо̀льшею благодарностію примемъ отъ нихъ массу историческаго матеріала, который они собрали и передали новой наукѣ, хотя сами не въ состояніи были имъ воспользоваться и даже не сознавали всей важности совершаемаго ими дѣла.

Въ продолженіе среднихъ вѣковъ мы, разумѣется, еще менѣе можемъ разсчитывать на болѣе правильную постановку вопроса и на болѣе удачные опыты его разрѣшенія. Наука среднихъ вѣковъ долгое время была смутнымъ воспоминаніемъ о наукѣ древняго міра. Отъ нея нельзя было не только ожидать выработки новыхъ пріемовъ, но даже и собиранія матеріаловъ для будущей разработки. Достаточно сравнить сухія, безжизненныя, отчаянно краткія монастырскія лѣтописи среднихъ вѣковъ съ историческими трудами классической древности, чтобы убѣдиться въ этомъ. Самое подражаніе древности скорѣй вредило самостоятельному развитію науки, чѣмъ помогало ему; но и знакомство

съ древнею наукой ослабѣвало постепенно въ теченіе среднихъ вѣковъ. Эпоха возрожденія наукъ, эпоха возобновленія изученія и знакомства съ классическою древностью уже лежитъ за предѣлами средневѣковой исторіи. Этой эпохѣ предшествовало время почти полнаго забвенія классическихъ преданій. Средніе вѣка получили въ наслѣдство отъ древности мысль, что происхожденіе отъ Троянъ есть самое аристократическое происхожденіе для каждаго народа, и каждое племя, каждый городъ, каждая династія Западной Европы бросились выводить свой родъ отъ троянскихъ выходцевъ. Это стремленіе новыхъ народовъ связать свои судьбы съ племенами и героями гомерическаго эпоса началось очень рано и уже Іорнандъ, напримѣръ, говорилъ о томъ, что Франки во второй разъ разрушили Трою. Потомъ Франки явились сами непосредственными потомками Троянъ, и французскій король Лудовикъ XII, послѣ побѣды при Равеннѣ, принялъ своимъ девизомъ слова: «мститель предковъ Трои». Не было города, который не гордился бы тѣмъ, что онъ основанъ однимъ изъ спутниковъ Энея. Сѣверные народы также увлеклись общимъ направленіемъ, хотя иногда и не заходили такъ далеко въ своихъ генеалогическихъ притязаніяхъ, довольствуясь родствомъ съ Римлянами. Даже въ Россіи выводили происхожденіе первыхъ нашихъ князей изъ рода Августа. Само собою разумѣется, подобныя фантастическія стремленія могли только принести существенный вредъ наукѣ, отвлекая вниманіе, заслоняя отъ глазъ немногихъ ученыхъ дѣйствительную важность этнографическихъ изслѣдованій, дѣйствительно историческій матеріалъ, одно простое собираніе котораго могло бы принести величайшую пользу, и устремляя ихъ дѣятельность туда, гдѣ нельзя было ожидать ничего, кромѣ произвольныхъ, без-

[redacted]

плодныхъ сближеній, кромѣ безполезной траты силъ и времени. Въ этомъ отношеніи начало новаго времени стоитъ далеко назади относительно древности. Древніе историки также основывались на миѳическихъ сказаніяхъ, но они собирали ихъ и притомъ близки были къ самому роднику ихъ происхожденія. Для средневѣковыхъ писателей эти преданія были чуждыми, непонятными отголосками чуждаго имъ міра; они заимствовали ихъ не изъ живой памяти народа, а изъ немногихъ книгъ, имъ самимъ извѣстныхъ часто только по слуху; собственныя національныя преданія они не всегда удостоивали заносить даже въ свои лѣтописи и во всякомъ случаѣ не придавали имъ такой важности, какую имѣли для нихъ преданія классической древности. Такого внимательнаго наблюденія надъ бытомъ и нравами народовъ, какое мы видимъ у Геродота и Тацита, не находимъ у писателей средневѣковой Европы. Возобновленіе ближайшаго знакомства съ памятниками классической древности, восторженное поклоненіе передъ всѣмъ, что носило на себѣ отпечатокъ греко-римской цивилизаціи, и настойчивое изученіе всѣхъ остатковъ древняго міра, было началомъ новаго развитія европейской науки, придало ей небывалое движеніе и новую жизнь. На первый разъ впрочемъ оно не имѣло особеннаго вліянія на разработку этнографическихъ вопросовъ, а еще менѣе могло тотчасъ же подѣйствовать на измѣненіе въ ихъ постановкѣ и въ ихъ пониманіи.

Новая наука долгое время шла по путямъ, указаннымъ ей древностью, а мы видѣли, какъ понимала древность эти вопросы, и какіе пріемы употребляла она для ихъ разрѣшенія. Увеличилось только количество употребляемаго матеріала, и возможность для его собиранія и обработки; методъ остался прежній. Даже развитіе филологическихъ знаній на первое время не оказало суще-

ственной пользы, хотя въ изслѣдованіяхъ о происхожденіи и родствѣ племенъ между собою чаще и чаще стали прибѣгать къ помощи языкознанія. Но и тутъ пріемы были чисто внѣшніе. Чтобы рѣшить, отъ какого корня идетъ то или другое племя, съ какими племенами находится оно въ болѣе или менѣе близкой родственной связи, обращались къ языку и въ немъ старались найти указанія — мысль глубоко вѣрная, хотя настоящее ея приложеніе началось только въ послѣднее время. Почти вплоть до послѣдняго столѣтія, сравнительное изученіе языковъ ограничивалось только сравненіемъ отдѣльныхъ словъ, взятыхъ почти совершенно безъ всякой связи съ языкомъ, изъ котораго они были заимствованы, причемъ бралось въ разсчетъ только ихъ внѣшнее, фонетическое сходство одного съ другимъ, и на основаніи этого сходства звуковъ рѣшался иногда весь вопросъ о происхожденіи того или другаго народа. Слова, выхваченныя отдѣльно изъ языка, къ которому они принадлежали, отрѣшенныя отъ той почвы, на которой они образовались, были мертвымъ матеріаломъ, надъ которымъ изощрялось остроуміе изслѣдователей; въ нихъ не было устойчивости противъ произвола; они шли послушно подъ всякую систему, во всякую комбинацію, придуманную досужею фантазіей. Этимологическія сравненія поэтому мало принесли пользы для исторической этнографіи, хотя число изслѣдованій о происхожденіи (de origine) различныхъ народовъ поражаетъ своею громадностью. Слова, какъ остроумно замѣчаетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ историковъ XVIII вѣка, подымали на этимологическую дыбу, подвергали всевозможнымъ истязаніямъ и вымучивали изъ нихъ желаемое показаніе, заставляя произносить тотъ звукъ, котораго отъ нихъ добивались. При помощи такихъ произвольныхъ этимологическихъ сближеній, можно было дока-

[redacted]

зать какое угодно происхожденіе всякаго народа, породнить его съ кѣмъ угодно. Стоило только подыскать въ словаряхъ достаточное количество словъ, особенно же мѣстныхъ и личныхъ именъ, которыя у сравниваемыхъ народовъ произносились болѣе или менѣе одинаково, и которыхъ значеніе могло быть сколько-нибудь сближено между собою, и на основаніи ихъ можно было доказывать родственность ихъ происхожденія. Масса написанныхъ въ этомъ направленіи сочиненій и разнообразіе выводовъ истинно изумительны. Въ нашей, сравнительно молодой, исторической литературѣ можно составить, пожалуй, небольшую библіотеку изъ сочиненій, рѣшавшихъ вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси. И откуда не выводили ихъ? Отъ всѣхъ европейскихъ народовъ, отъ Хазаръ, Персіянъ, Финновъ. Ихъ искали, наконецъ, за предѣлами Стараго Свѣта, въ Америкѣ. Не принося особенной пользы, эти фантастическія сближенія только затемняли вопросъ, только загораживали дорогу добросовѣстному изслѣдователю, принужденному прежде, чѣмъ приняться за свою работу, осилить эту массу прежнихъ изслѣдованій, изъ которыхъ каждое, кромѣ притязаній на непогрѣшительность выводовъ, гордилось обыкновенно открытіемъ новыхъ данныхъ, указаніемъ на новые матеріалы для разрѣшенія вопроса. Немудрено, что увлеченіе подобными этимологическими сравненіями потомъ уступило мѣсто не только равнодушію къ нимъ, но и недовѣрію, оправдываемому дѣйствительными злоупотребленіями этимъ способомъ. Боялись употребить въ дѣло и дѣйствительно плодотворныя сближенія именно потому, что подорвана была вѣра въ законность и пользу вообще всѣхъ подобныхъ сближеній, въ цѣнность вообще всѣхъ выводовъ, основанныхъ только на нихъ одíихъ.

Несравненно важнѣе для рѣшенія такого существен-

наго историческаго вопроса, какъ вопросъ о происхожденіи и родствѣ историческихъ народовъ, было самостоятельное развитіе тѣхъ наукъ, которыя, повидимому, всего менѣе заботились о томъ, чтобы доставить исторіи матеріалы для его разрѣшенія — самостоятельная разработка права, языкознанія, исторіи вѣрованій и естествовѣдѣнія. Отказываясь отъ участія въ рѣшеніи собственно историческихъ вопросовъ, не подозрѣвая въ большей части случаевъ самой возможности этого участія, преслѣдуя свои спеціальныя цѣли и задачи, самостоятельная разработка этихъ наукъ оказала однакоже огромное вліяніе на самую исторіографію. Начавши изслѣдованіемъ частныхъ вопросовъ, входившихъ непосредственно въ область ихъ науки, изучая отдѣльныя явленія, идя путемъ, такъ-сказать, монографическимъ, и наука права, и языкознаніе, и естествовѣдѣніе пришли однакоже, почти одновременно, къ сознанію необходимости сравнительнаго изученія, безъ котораго часто невозможно объясненіе частныхъ явленій. Изученіе законодательствъ отдѣльныхъ народовъ, съ цѣлью понять и объяснить каждое изъ нихъ въ самомъ себѣ, привело невольно къ указанію на сходство и особенности законодательствъ различныхъ народовъ, и на первый разъ изслѣдователей поразили не столько эти особенности въ законодательствѣ того или другаго народа, сколько сходство между нѣкоторыми юридическими понятіями, между нѣкоторыми постановленіями, невольно замѣченное въ законодательствѣ различныхъ народовъ — сходство, бросавшееся въ глаза, напрашивавшееся на объясненіе. Изслѣдователь юридическихъ памятниковъ одного народа, вовсе не желавшій выходить изъ круга своей спеціальности, часто вопреки своей волѣ, принужденъ былъ обращаться къ изученію права у другихъ народовъ—до такой степени поразительно

[redacted]

было это сходство. И здѣсь, какъ въ этимологическихъ сближеніяхъ, первый пріемъ для объясненія былъ чисто внѣшній. Гдѣ замѣчалось сходство, тамъ было или заимствованіе, или же одинаковость происхожденія. Проще всего на первый разъ, разумѣется, было объясненіе этого сходства внѣшнимъ заимствованіемъ; но часто сходство юридическихъ понятій и постановленій наводило на мысль объ единствѣ происхожденія. Разъ пойдя путемъ сравнительнаго изученія, разъ поддавшись желанію объяснить аналогію, существовавшую между явленіями, повидимому, стоявшими внѣ всякой связи одно съ другимъ, трудно было уже остановиться и снова замкнуться въ тѣсномъ кругѣ, изъ котораго выведено было изслѣдованіе часто помимо личной воли изслѣдователя. Невольно раждались новые вопросы, совершенно не подозрѣваемые прежде и въ то же время требовавшіе разрѣшенія, и, чѣмъ глубже уходила наука въ изслѣдованіе частностей, тѣмъ яснѣе раскрывалась связь между ними. Сравнительное изученіе законодательства принимало постоянно бо́льшіе размѣры, и въ настоящее время заняло особое мѣсто въ ряду наукъ юридическихъ точно также, какъ сравнительная анатомія сдѣлалась отдѣльною, самостоятельною областью въ ряду наукъ естественныхъ.

Путемъ сравнительнаго изученія законодательства открылись многія заимствованія одного народа у другаго, вліяніе одного племени на другое, а также обнаружилось племенное родство между нѣкоторыми племенами, или же это родство, казавшееся только вѣроятнымъ прежде, получило теперь, чрезъ сличеніе юридическихъ понятій и юридическаго быта, новое доказательство и подтвержденіе. Внимательное изученіе обычнаго права, которое у всѣхъ народовъ предшествуетъ письменному законодательству и въ которомъ

всего яснѣе обнаруживаются характеристическія особенности народнаго духа, привело къ открытію такихъ аналогій, которыя трудно было объяснить заимствованіемъ, предполагающимъ по необходимости какія-нибудь столкновенія, какую-нибудь, хотя бы посредственную, связь между племенами, гдѣ онѣ замѣчены, но которыхъ нельзя было также считать и за доказательство единства происхожденія, не подтверждавшагося никакими другими указаніями, напротивъ, казавшагося невозможнымъ по всѣмъ другимъ соображеніямъ. Такъ Гизо представилъ любопытное сближеніе между обычнымъ правомъ древнихъ Германцевъ, какъ оно извѣстно намъ по описанію Тацита, и обычаями, сохранившимися до послѣдняго времени у нѣкоторыхъ краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки. Онъ показалъ, что относительно нѣкоторыхъ пунктовъ и Германцы и сѣверо-американскіе дикари смотрѣли совершенно одинаково. Пользуясь поданнымъ примѣромъ, можно въ настоящее время представить любопытную параллель между постановленіями обычнаго права тѣхъ же Германцевъ, но уже перешедшаго въ письменное законодательство, между постановленіями такъ-называемыхъ leges barbarorum и постановленіями обычнаго права нѣкоторыхъ изъ племенъ нашего Кавказа, еще сохранившимися въ наше время. Внѣшнее заимствованіе здѣсь такъ же трудно предположить, какъ и между Германцами и Ирокезами *). Невольно является мысль, что развитіе и опредѣленіе юридическихъ понятій у различныхъ народовъ слѣ-

---

*) Tac. Germ. c. 20: Sororum filiis idem apud avunculum, qui apud patrem, honor; quidam sanctiorem arctioremque hunc nexum sanguinis arbitrantur. Нѣчто подобное у Кельтовъ (смотри сагу о Белловезѣ и Сиговезѣ у Ливія 5,84). Подобныя же отношенія у нѣкоторыхъ племенъ внутренней Африки (Livingstone's: «Missions-Reisen und Forschungen in Süd-Africa», Kap. 22 и 30, Barths: «Reisen und Ent-

[redacted]

дуетъ общимъ законамъ; что, развиваясь самостоятельно и независимо одинъ отъ другаго, народы, стоящіе на одинаковой степени историческаго развитія и поставленные подъ довольно сходныя внѣшнія условія, вырабатываютъ сходныя формы быта, приходятъ къ одинаковымъ понятіямъ, опредѣляютъ одинаковымъ образомъ свои общественныя и гражданскія отношенія.

При такомъ убѣжденіи изученіе юридическаго быта одного племени можетъ много помочь изученію того же быта у народа совершенно инаго происхожденія и не находившагося притомъ ни въ какой непосредственной связи съ первымъ. Можетъ случиться, что въ то время, когда одинъ народъ еще сохранилъ въ настоящемъ своемъ состояніи извѣстныя формы юридическихъ и общественныхъ отношеній, для другаго эти формы пережиты уже въ отдаленномъ прошедшемъ, давно уже уступили мѣсто другимъ, болѣе высшимъ ступенямъ гражданскаго развитія, забылись до того, что о нихъ сохранились только самые темные намеки, по которымъ однимъ невозможно составить о нихъ сколько-нибудь ясное понятіе. Такъ изученіе древнѣйшихъ судебъ еврейскаго народа много содѣйствовало къ пониманію такъ-называемаго патріархальнаго быта, чрезъ который должны были перейти и на которомъ болѣе или менѣе долгое время должны были останавливаться всѣ другіе историческіе народы, затерявшіе большею частію самую память объ этомъ древнѣйшемъ своемъ состояніи, или сохранившіе о немъ только самое

---

deckungen in Nord- und Central-Africa», Band I, S. 153 der kleineren Ausgabe). Нѣчто подобное въ древнемъ Лаціумѣ (Festus s. v. *Avunculus:* «Sive avunculus appellatur, quod avi locum obtineat et proximitate tueatur sororis filium»). *H. Kunssberg:* «Wanderungen in das Germanische Alterthum», S. 31. Ber. 1861.

смутное воспоминаніе. Довольно долгое время только книги ветхозавѣтной исторіи могли дать историку нѣкоторое понятіе объ этомъ древнѣйшемъ періодѣ человѣческаго развитія. Въ настоящее время онѣ далеко не служатъ единственнымъ источникомъ. Изученіе быта современныхъ намъ племенъ, стоящихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ образованности, начиная отъ самаго грубаго, дикаго состоянія до самой высшей цивилизаціи, какой до сихъ поръ достигало человѣчество, дало возможность ближайшаго знакомства съ первоначальными и посредствующими формами быта, дало возможность судить о нихъ не по однимъ, всегда не совсѣмъ удовлетворительнымъ и не всегда достаточно полнымъ, письменнымъ извѣстіямъ, а на основаніи непосредственнаго наблюденія. Совершенно неожиданно увеличивалось количество историческаго матеріала, добывавшагося, правда, не историками, но тѣмъ не менѣе для нихъ необычайно цѣннаго. Открывалась возможность яснѣйшаго пониманія тѣхъ явленій, смыслъ которыхъ оставался до тѣхъ поръ неясенъ, не смотря на настойчивыя усилія историческихъ изслѣдователей, на ихъ тщательную разработку собственно историческаго матеріала или того, что̀ мы привыкли прежде называть этимъ именемъ. Извѣстно, что знакомство съ современнымъ ему бытомъ дитмарсенскихъ крестьянъ навело Нибура на объясненіе аграрныхъ законовъ древняго міра, и выяснило ему смыслъ продолжительной и упорной борьбы за владѣніе общественнымъ полемъ, которая волновала римскую республику. Изслѣдованія надъ древнѣйшимъ бытомъ Славянъ восточныхъ и надъ остатками его, даже въ настоящее время, могутъ во многомъ помочь русскому историку въ объясненіи нѣкоторыхъ явленій той же римской исторіи; но еще болѣе плодотворно можетъ оказаться приложеніе ихъ къ уясне-

[redacted]

нію первоначальной исторіи народовъ германскаго происхожденія.

Столько же, если еще не больше, какъ юридическія науки, оказала или можетъ оказать прямыхъ услугъ исторіи лингвистика, сравнительное языкознаніе. Съ одной стороны она перерабатываетъ для своихъ спеціальныхъ цѣлей матеріалъ собственно историческій, съ другой она проникаетъ своими изслѣдованіями въ ту область, куда не можетъ идти самый смѣлый изъ историческихъ изслѣдователей — въ темную, таинственную область древнѣйшей эпохи человѣчества и отдѣльныхъ его отраслей, въ эпоху, предшествовавшую началу исторической жизни, хотя и имѣвшую сильное вліяніе на ходъ и направленіе этой жизни, однимъ словомъ, въ ту эпоху, которую мы обозначаемъ теперь именемъ доисторической. Если уже переработка историческаго матеріала филологами и лингвистами имѣетъ такую важность для историка, то въ отношеніи древнѣйшихъ, доисторическихъ эпохъ, онъ находится въ полной зависимости отъ успѣховъ сравнительнаго языкознанія, и ему остается только пользоваться результатами, добытыми на чужой для него почвѣ, пріемами ему неизвѣстными и недоступными. Успѣхи сравнительнаго языкознанія раздвигаютъ предѣлы исторической науки, пріобрѣтаютъ для нея новую, огромную область, о завоеваніи которой историческая наука не смѣла мечтать нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ *). Языкъ, на какой бы низкой степени развитія онъ ни стоялъ, является однакожь результатомъ продолжительнаго процесса въ человѣческомъ сознаніи, и въ то же время драгоцѣннымъ, до-

*) Die Geschichte ist lang und alt, aber die Vorgeschichte ist noch länger. Martius.

стовѣрнымъ историческимъ матеріаломъ. Въ языкѣ, какой бы онъ ни былъ, открывается цѣлый міръ религіозныхъ и общественныхъ понятій; въ немъ же хранятся указанія на то, что̀ пережилъ, перечувствовалъ и передумалъ народъ, имъ говорящій, въ ту отдаленную эпоху, когда совершалось обособленіе племенъ и, слѣдствіе этого, обособленіе языковъ. Каждый народъ является въ исторіи уже съ болѣе или менѣе готовымъ орудіемъ для выраженія своихъ чувствъ и понятій, и прежде, чѣмъ у него явится первый собственно-историческій документъ, первое преданіе о своемъ происхожденіи, первая сага или миѳъ, не говоря уже о письменныхъ памятникахъ, онъ завершилъ извѣстный періодъ своей исторической жизни; и единственнымъ историческимъ памятникомъ этого первоначальнаго періода является языкъ этого народа. Для исторіи языкъ, какъ матеріалъ изслѣдованія, и сравнительное языкознаніе, какъ наука, являются почти тѣмъ же самымъ, чѣмъ для наукъ естественно-историческихъ міръ остатковъ растительнаго и животнаго царствъ, хранящійся въ древнѣйшихъ геологическихъ формаціяхъ, и палеонтологія, исключительно занимающаяся изслѣдованіемъ этихъ древнѣйшихъ остатковъ органической жизни, часто не имѣющихъ ничего общаго съ современною флорою и фавною.

Эта мысль о возможности для лингвистики оказать исторіи ту же услугу и помощь, какую оказываетъ палеонтологія естественнымъ наукамъ, уже не разъ была высказана. Она выразилась въ названіи одного изъ новѣйшихъ сочиненій по сравнительному языкознанію, именно въ заглавіи труда Адольфа Пикте: «Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs. Essai de paléontologie linguistique», первая часть котораго вышла въ 1859 г. Въ этомъ началѣ обширнаго труда авторъ, идя отъ всѣми

[redacted]

уже признаннаго единства происхожденія народовъ индо-европейской расы, старается сдѣлать первый опытъ того, чтобъ по древнѣйшимъ памятникамъ древнѣйшихъ изъ историческихъ народовъ этого племени опредѣлить ихъ первоначальную родину, хронологическую послѣдовательность ихъ обособленія и отдѣленія отъ общаго корня, вскрыть кругъ первоначально общихъ имъ всѣмъ понятій и наконецъ указать на древнѣйшія отношенія къ людямъ иныхъ расъ въ ту отдаленную эпоху, о которой историческая наука, предоставленная самой себѣ и ограниченная разработкой собственно-историческаго матеріала, не можетъ представить никакихъ, хотя бы и гадательныхъ, соображеній. Какъ на одинъ изъ любопытныхъ примѣровъ тѣхъ выводовъ, которыми можетъ воспользоваться исторія, укажу на замѣчанія Пикте о древнѣйшемъ значеніи слова *варваръ*. Этимъ словомъ, перешедшимъ въ новые языки изъ греческаго, обозначали древніе Греки всѣ племена неэллинскаго происхожденія и неэллинской рѣчи (barbare loquentes). Но это слово не составляетъ исключительной принадлежности языка греческаго. Въ формахъ barbara, barvara, varbara, и varvara оно встрѣчается въ санскритскихъ памятникахъ индійской письменности и притомъ въ памятникахъ, относящихся къ древнѣйшей эпохѣ, въ законахъ Ману и Магабгаратѣ. У Индусовъ это слово не только обозначаетъ варвара въ древне-греческомъ смыслѣ, но и человѣка низшихъ, презрѣнныхъ кастъ, человѣка, отличающагося особеннымъ характеромъ волосъ, похожихъ скорѣе на шерсть, чѣмъ на волосы. Первое предположеніе было, что древнѣйшими сосѣдями первоначальныхъ Аріевъ, предковъ индо-европейскаго племени, были племена негритянскія; но изслѣдованія Лассена доказали, что негритянское племя не могло быть въ древнѣйшемъ сосѣдствѣ съ

первобытными Аріями. Рядомъ соображеній Ад. Пикте старается доказать, что слово varvara, въ первоначальномъ значеніи, служило къ обозначенію племенъ финно-татарскаго происхожденія, которыя граничили съ сѣвера, и семитовъ, граничившихъ съ запада съ древнѣйшею родиною арійскаго племени. Не менѣе интересны изслѣдованія Пикте о значеніи имени, которымъ обозначались Греки въ іероглифическихъ и клинообразныхъ надписяхъ и которое встрѣчается также въ индійскихъ письменныхъ памятникахъ (Iunan — въ егип. пам., Iuna — въ клинообр. надп., Iavanas—въ санскр., Ἰάονες, Ἴωνες—у Грековъ-іонійцевъ, Iâvân у Евреевъ). Чтобы опредѣлить первоначальную родину Арійцевъ, мѣсто, къ которому относятся ихъ древнѣйшія воспоминанія, гдѣ они жили еще общею жизнію и гдѣ началось первое обособленіе отдѣльныхъ племенъ индо-европейской расы, Пикте употребляетъ новый, своеобразный пріемъ. Слѣдя въ языкахъ индо-европейскихъ за первоначальнымъ значеніемъ и измѣненіемъ общихъ всѣмъ этимъ языкамъ словъ, обозначающихъ предметы внѣшней, физической природы, предметы растительнаго и животнаго царства, онъ думаетъ возсоздать по этимъ остаткамъ древнѣйшее воззрѣніе этого племени на окружающую его природу и, главное, составить возможно полный списокъ тѣхъ предметовъ растительнаго и животнаго царства, о которыхъ въ языкѣ сохранилось древнѣйшее, общее всѣмъ народамъ этого племени, воспоминаніе. Еслибы удалось это, легко бы уже было указать на страну, бывшую древнѣйшею и общею родиною всѣхъ народовъ индо-европейскаго племени; это было бы уже дѣломъ физической географіи, потому-что страна, въ которой нашлись бы всѣ тѣ физическія условія, о которыхъ сохранились въ языкѣ всѣхъ народовъ этого племени древнѣйшія воспоминанія, и была бы этою

[redacted]

отыскиваемою общею родиной Аріевъ. Разумѣется, вскрыть подъ позднѣйшими, такъ сказать, наносными слоями словъ и понятій эту древнѣйшую, общую всѣмъ основу — трудъ слишкомъ громадный, превышающій силы одного человѣка, и сочиненіе Пикте остановилось пока еще на первомъ томѣ, заключающемъ общія соображенія автора, оправданіе его метода и только часть собираемаго имъ матеріала. Даже о возможности выполненія задачи во всей ея полнотѣ мы можемъ судить пока еще только гадательно; но мысль высказана и даже теперь уже пріобрѣтены нѣкоторые результаты, довольно достовѣрные и во всякомъ случаѣ далеко небезполезные для науки. Пріемъ, употребляемый Пикте, сближаетъ лингвистическія изслѣдованія съ изслѣдованіями наукъ собственно естественныхъ, и окончательное рѣшеніе вопроса, еслибъ совершены были всѣ предварительныя изслѣдованія въ области сравнительнаго языкознанія, зависѣло бы отъ показаній физической географіи, географіи растеній и животныхъ.

Таково было участіе сравнительнаго изученія права и сравнительнаго языкознанія въ возбужденіи и рѣшеніи чисто историческихъ вопросовъ. Можно бы долго остановиться на подобномъ же участіи со стороны изслѣдованій въ области религіозныхъ вѣрованій, исторіи литературы и исторіи искусства. Даже скромныя, мелочныя, повидимому чисто археологическія изслѣдованія принесли свою долю въ общую складчину, если можно такъ выразиться. Саксонскій антикварій и этнографъ Клеммъ, изслѣдуя спеціально исторію древнѣйшаго оружія и орудій, дошелъ наглядно до убѣжденія, что и тутъ, въ выборѣ и употребленіи тѣхъ или другихъ матеріаловъ для приготовленія орудій, въ приданіи имъ той или другой формы, человѣкъ слѣдовалъ извѣстнымъ общимъ законамъ, одинаковымъ и для дикаря

лѣсовъ Германіи и Скандинавіи, и для дикаря Америки и Африки. Въ его богатомъ этнографическомъ собраніи, находящемся въ Дрезденѣ, древнѣйшія оружія и орудія расположены не по мѣстностямъ и племенамъ, которымъ они принадлежали, а въ хронологической послѣдовательности ихъ изобрѣтенія и усовершенствованія, начиная отъ камня, заостреннаго или округленнаго самою природой и употребленнаго человѣкомъ, какъ первый топоръ или молотъ, до болѣе совершенныхъ орудій изъ желѣза и стали. Боевая сѣкира древняго Мексиканца или островитянина Тихаго океана лежитъ рядомъ съ топоромъ, вырытымъ изъ тѣхъ могилъ, разсѣянныхъ по Германіи, которымъ нѣмецкое простонародіе дало загадочное названіе Hunengräber, Hunensteine, и часто самый привычный глазъ не вдругъ отличитъ ихъ одну отъ другаго.

Развиваясь совершенно самостоятельно и независимо одна отъ другой, преслѣдуя каждая свои частныя, спеціальныя цѣли, всѣ науки, имѣющія предметомъ человѣка и его дѣятельность, своими результатами невольно приходятъ въ соприкосновеніе одна съ другою, доходятъ до выводовъ, близкихъ между собою, до вопросовъ, равно интересныхъ для всѣхъ ихъ, съ одинаковою настойчивостію требующихъ себѣ разрѣшенія. Соединенныя усилія этихъ наукъ, бывшія слѣдствіемъ не заранѣе задуманнаго плана, преднамѣренной мысли, общей имъ всѣмъ, а естественнаго хода въ развитіи каждой изъ нихъ, выяснили уже многое. Благодаря имъ, открылось, что право, языкъ, вѣрованія, искусство, не суть произведенія какихъ-нибудь случайныхъ причинъ, что въ ихъ развитіи существуютъ извѣстные, неизбѣжные законы, открылось много общаго въ развитіи народовъ, повидимому совершенно различныхъ, не входившихъ никогда, на памяти исторіи, въ близкія сношенія между собою, кото-

[redacted]

рыми могло бы объясниться это общее, какъ заимствованіе. Аналогія, сходство, иногда доходившія до полнаго тождества, обнаружились тамъ, гдѣ всего менѣе можно было ихъ подозрѣвать. Но вмѣстѣ съ этимъ общимъ выяснилось и частное отличіе, племенныя и народныя особенности. Человѣчество открылось сознанію не только какъ безразличная масса, развивающаяся всюду и всегда одинаково: въ немъ выяснились, напротивъ, частныя, можно сказать, почти индивидуальныя особенности, болѣе или менѣе рѣзко отличающія одно племя отъ другаго. Разнообразныя и разностороннія изслѣдованія показали, что человѣчество распадается на отдѣльныя группы, отличающіяся одна отъ другой не одними внѣшними признаками, которые, разумѣется, прежде всего и уже издавна бросались въ глаза каждому, но и нѣкоторыми особенностями въ своей нравственной, духовной природѣ, особенностями характера, склада ума.

При помощи изслѣдованій, направленныхъ съ разныхъ сторонъ на изученіе человѣческой природы, племена, дѣлавшіяся ихъ предметомъ, оказывались въ болѣе или менѣе близкой связи одно съ другимъ, сами собою группировались по внутреннему сходству своей природы. Однимъ словомъ, въ то же время, какъ замѣчалось взаимное сходство, аналогія, еще рѣзче, быть-можетъ, выступили наружу не только особенности, отличающія одну группу человѣческихъ племенъ отъ другихъ, но и характеристическія особенности отдѣльныхъ племенъ, принадлежащихъ къ одной и той же большой группѣ. Многихъ вопросовъ не могли рѣшить, хотя бы и соединенными, дружными усиліями, названныя мною науки. Онѣ обнаружили только, съ одной стороны, замѣчательную устойчивость племеннаго характера, несмотря на историческія судьбы этого племени, хотя, съ другой стороны, онѣ же

доказали, что эта устойчивость далека отъ неподвижности, что измѣненіе внѣшнихъ условій, столкновенія съ другими народами, знакомство съ чуждыми вѣрованіями и съ чуждою цивилизаціею имѣютъ сильное вліяніе на видоизмѣненіе племеннаго характера. Какъ далеко идетъ эта измѣняемость или какъ крѣпка эта устойчивость, другими словами, представляютъ ли племенныя группы особенные постоянные типы, доступные измѣненію лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, или самое разнообразіе ихъ есть слѣдствіе болѣе или менѣе случайныхъ условій, временное слѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ и несущественно само по себѣ; говоря еще яснѣе, вопросъ о томъ, составляютъ ли эти разнообразныя группы только части единаго по природѣ и призванію человѣчества, или же каждая изъ нихъ составляетъ особое цѣлое, не менѣе отличное отъ другихъ группъ, какъ отличны одинъ отъ другаго виды животнаго царства— эти вопросы, неразрѣшимые ни для исторіи, ни для другихъ наукъ, съ нею соприкосновенныхъ, могли быть рѣшены только естествовѣдѣніемъ, хотя ихъ разрѣшеніе было дѣломъ первой важности для исторіи, хотя самое значеніе исторіи, какъ науки, до нѣкоторой степени зависѣло отъ этого.

Дѣйствительно, первыя попытки научной классификаціи рода человѣческаго по группамъ принадлежатъ естественной исторіи. Первый опытъ распредѣленія рода человѣческаго на отдѣльныя группы научнымъ образомъ принадлежитъ извѣстному гёттингенскому профессору, Блюменбаху *), еще въ 1775 году издавшему свою доктор-

*) Впрочемъ еще до Блюменбаха были нѣкоторые опыты раздѣленія человѣческаго рода на группы Такъ неизвѣстный писатель предложилъ въ Journal des Savants 1684 г. первый опытъ раздѣленія человѣчества на 4 группы Къ первой отнесъ онъ всѣхъ Европейцевъ, за исключеніемъ

[redacted]

скую диссертацію, «De generis humani varietate nativa», за которою слѣдовали другіе труды, доставившіе ему общеевропейскую извѣстность. Въ основу его дѣленія легло не только различіе въ лицевомъ углѣ, замѣчаемое уже и прежде между различными породами, но различіе всего черепа. Блюменбахъ предложилъ извѣстное дѣленіе рода человѣческаго на пять породъ (*кавказскую*, или европейскую — бѣлую; *монгольскую* — желтую; *эѳіопскую*—черную; *американскую*—красную и *малайскую*). Знаменитый Кювье предложилъ новое дѣленіе. Онъ не ограничился одными физическими особенностями, но старался, гдѣ было можно, брать во вниманіе и подмѣтить особенности, существующія въ духовномъ и нравственномъ характерѣ народовъ, а также сходство или различіе въ языкахъ. Кювье принялъ только три главныя группы въ человѣческомъ родѣ, именно группу кавказскую, или бѣлую, монгольскую, или желтую и эѳіопскую, или черную. Двѣ послѣднія породы Блюменбаха были въ его глазахъ только переходными формами между этими тремя главными. Дѣленіе французскаго натуралиста Ласепеда, принимавшаго пять главныхъ породъ, представляетъ нѣкоторыя отличія отъ системъ Блюменбаха и Кювье, какъ по распредѣленію племенъ, такъ и по нѣкоторымъ названіямъ (кавказско-арабо-европейская, гиперборейская, монгольская, эѳіопская и американская; малайская группа Блюменбаха и всѣ племена пятой части свѣта отнесены Ласепедомъ къ монгольскому племени); но Ласепедъ принимаетъ за основу дѣленія тѣ же признаки.

Лапландцевъ, восточныхъ Азіатцевъ, сѣверныхъ Африканцевъ и всѣ племена Америки; во второй племена Африки; въ третьей остальныя племена Азіи и острововъ; въ четвертой Лапландцевъ. Извѣстно также дѣленіе Линнея на 5 группъ.

Особенную важность имѣютъ изслѣдованія Англичанина Причарда, посвятившаго много труда и времени работамъ надъ этнографіею и издавшаго большое сочиненіе подъ заглавіемъ «Естественная исторія человѣка». Причардъ, основываясь на болѣе рѣзко выдающихся особенностяхъ формы и строенія человѣческаго тѣла, принимаетъ 7 главныхъ группъ, или, какъ онъ называетъ, 7 главныхъ разновидностей человѣчества. 1) *Индо-атлантическая* или *иранская*, занимающая почти сплошь все пространство отъ Индіи до Атлантическаго океана. Она отличается отъ другихъ группъ нѣкоторыми особенностями строенія тѣла, въ числѣ которыхъ правильный овалъ лица безъ выдающихся скулъ, или челюстныхъ костей, занимаетъ первое мѣсто. Совершеннѣйшимъ представителемъ этого типа были древніе Греки. Что касается до цвѣта кожи этой группы, то онъ переходитъ всѣ оттѣнки отъ совершенно бѣлаго до самого смуглаго, почти чернаго. 2) *Туранская отрасль* (монгольское племя Кювье). Отличительный признакъ — развитіе скулъ, отчего лицо кажется очень широкимъ и угловатымъ. 3) *Американскія* племена, за исключеніемъ Эскимосовъ. Для племенъ этой отрасли Причардъ затрудняется найти общій имъ всѣмъ, характеристическій признакъ, хотя у большей части изъ нихъ глубоко впалые глаза и сильно развитыя скулы, не придающія впрочемъ лицу той угловатости, которая отличаетъ лицо племенъ туранской отрасли. 4) *Готтентоты*, по строенію тѣла болѣе всего близкіе къ Калмыкамъ, племени туранской отрасли, но отличающіеся отъ нихъ волосами, похожими на шерсть. 5) *Негры*, кромѣ чернаго цвѣта кожи и шерстовидности волосъ, отличающіеся отъ другихъ отраслей сильнымъ развитіемъ скулъ, но не въ бокъ, какъ у туранской отрасли, а впередъ, и выдающимися челюстями. 6) Шестая группа за-

[redacted]

ключаетъ племена, подъ именемъ *Negritos* или *Papua*, обитающія на нѣкоторыхъ островахъ Южнаго океана и на юго-востокѣ Азіи, чорнокожія, съ шерстовидными волосами, до сихъ поръ еще мало изслѣдованныя; наконецъ 7) также еще не совсѣмъ хорошо извѣстныя *Alfurus*, или темнокожія, съ гладкими волосами, племена живущія во внутренности Молукскихъ и на другихъ юго-восточныхъ и австралійскихъ островахъ, а также и другія племена Австраліи и островов Южнаго океана. Изъ этихъ опытовъ систематической классификаціи, принадлежавшихъ ученымъ, слишкомъ извѣстнымъ добросовѣстностью и тщательностью изслѣдованій, имѣвшимъ въ виду чисто научные интересы и цѣли, помимо постороннихъ соображеній, видно уже, до какой степени велики были трудности этой классификаціи, какъ трудно было установить научнымъ образомъ внѣшніе признаки, которые можно бы было принять за основу дѣленія, и какъ возможны были противорѣчія и разногласія въ этомъ дѣленіи, какъ велика была доля произвола, независимо отъ желанія изслѣдователей. Замѣтимъ, что всѣ названные изслѣдователи приступали къ дѣлу безъ заранѣе принятой мысли, безъ заранѣе предположенной цѣли, которой они желали бы достигнуть. Всѣ они, кромѣ того, сходились въ основномъ положеніи и конечномъ выводѣ, именно въ признаніи первоначальнаго единства рода человѣческаго, а Причардъ кромѣ того принадлежитъ къ самымъ горячимъ приверженцамъ теоріи объ единствѣ происхожденія всего человѣчества. Если было такъ трудно классифицировать, на основаніи физіологическихъ признаковъ, отрасли, идущія отъ одного и того же корня, то эти трудности сами собою должны были еще усилиться въ случаѣ, еслибъ изслѣдователь задумалъ опредѣлить тѣ первоначальныя группы, изъ которыхъ развилось современное

[redacted]

человѣчество, предполагая исконную раздѣльность этихъ первоначальныхъ группъ, возникшихъ независимо одна отъ другой. Дѣйствительно, какую бы физіологическую основу дѣленія ни принимали изслѣдователи, всегда до сихъ поръ оставалось довольно значительное число племенъ, къ которымъ не совсѣмъ прилагалась эта основа, которыя представляли классификатору иногда почти неодолимое затрудненіе въ томъ, отнести-ли ихъ къ какой-нибудь опредѣленной группѣ, или же составить изъ каждаго изъ нихъ особую группу, увеличивая такимъ образомъ число первоначальныхъ группъ и иногда отнимая отъ принятой основы дѣленія ея всеобщность, потому-что она не всегда оказывалась приложимою къ нѣкоторымъ племенамъ. Число группъ, принимавшихся за первоначальные типы, увеличивалось поэтому при каждомъ новомъ пересмотрѣ существовавшихъ прежде дѣленій и увеличивалось довольно произвольно.

Особенно ярко обнаружился этотъ фактъ въ дѣленіяхъ тѣхъ изслѣдователей, которые не признавали первоначальнаго единства человѣческаго рода. Вирсей *), первый давшій полигенизму (ученіе о различномъ происхожденіи отдѣльныхъ группъ человѣческихъ) научную форму, признавалъ только 2 первоначальныхъ вида (Species, espèces) человѣческаго рода, дѣлившіеся каждый на 3 породы. Черезъ 24 года Бери Сен-Венсанъ уже признавалъ этихъ видовъ 15; черезъ годъ Desmoulins **) прибавилъ еще одинъ новый видъ. Чтобъ не оставлять европейской почвы,

---

*) Histoire naturelle du genre humain. 1801.

**) Histoire naturelle des races humaines du Nord de l'Europe, de l'Asie boréale et de l'Afrique australe, d'après les recherches spéciales d'antiquité, de physiologie, d'anatomie et de géologie, appliquées à la recherche des anciens peuples, à la science ethnologique, à la critique de l'histoire etc. 1826.

[redacted]

на которой первоначально родились и начали формулироваться эти теоріи, я укажу на новое сочиненіе бернскаго профессора Макса Перти (Grundzüge der Ethnographie, 1859), который представляетъ новый опытъ систематической классификаціи человѣческаго рода. Онъ признаетъ три основныя первоначальныя группы: 1) арійско-океаническую, подраздѣляющуюся на 10 отраслей, 2) турано-американскую съ 3 подраздѣленіями, и 3) африкано-австралійскую, которая распадается на двѣ группы: a) собственно африканскую съ 3 еще подраздѣленіями и b) индійско-австралійскую съ 2 главными подраздѣленіями.

Еще бо́льшая дробность и бо́льшій произволъ является у американскихъ изслѣдователей, у которыхъ всего болѣе встрѣтило сочувствія ученіе о различномъ происхожденіи племенъ, на которое дѣлится человѣчество. Одинъ изъ первыхъ основателей американской школы полигенистовъ, Мортонъ, дѣлитъ человѣческія группы на 22 семейства, которыя дѣлятся въ свою очередь на многіе виды *). Глиддонъ принимаетъ уже 150 фамилій. Эти

*) Мортонъ (Samuel George, 1799 — 1851 г.), ирландскаго происхожденія, получилъ первоначальное образованіе въ Америкѣ, въ пенсильванскомъ университетѣ. Потомъ, будучи уже членомъ филадельфійской академіи естественныхъ наукъ, онъ выслушалъ курсъ въ эдинбургскомъ университетѣ и путешествовалъ по Италіи и Швейцаріи. Съ 1826 г. онъ былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ медиковъ въ Филадельфіи. Его собраніе череповъ едва ли не самое огромное изъ существующихъ. Во время передачи этой коллекціи, послѣ смерти собирателя, въ академію, она состояла изъ 88 костяныхъ головъ гадовъ и рыбъ, 271 черепа птицъ, 289 череповъ млекопитающихъ и наконецъ изъ 918 человѣческихъ череповъ, не считая 50, бывшихъ тогда еще на пути. Въ 1857 г. число череповъ человѣческихъ было около 1,035. Результатомъ его изслѣдованій была *Crania Americana*. Phil. 1839. Мортонъ принимаетъ 22 фамиліи или группы: 1) Кавказцы, 2) Германцы, 3) Кельты, 4) Арабы, 5) Ливійцы, 6) жители Нильской долины, 7) Индусы, 8) Монголы, 9) Тата-

дробленія дошли до того, что американскіе полигенисты пришли наконецъ къ мысли, что каждое племя сотворено или родилось отдѣльно. Даже тамъ, гдѣ родство и единство происхожденія извѣстныхъ племенъ считались дѣломъ, доказаннымъ полнымъ согласіемъ показаній со стороны исторіи, лингвистики и самого естествовѣдѣнія, полигенисты готовы видѣть полное различіе, отсутствіе всякой родственной связи, и Ноксъ съ торжествомъ сравниваетъ обликъ русскаго крестьянина съ физіономіей греческаго горца, чтобы убѣдить, что они не могутъ происходить отъ одного корня. Онъ не останавливается передъ смѣлостью, новизною и неожиданностью выводовъ и самъ такъ опредѣляетъ цѣль своего сочиненія: «Цѣль этого труда показать, что̀ такъ-называемыя нами европейскія породы различаются одна отъ другой такъ же рѣзко, какъ Негръ отличается отъ Бошмена, Кафръ отъ Готтентота, краснокожій Индіецъ отъ Эскимоса и Эскимосъ отъ Баска». Каждое изъ этихъ племенъ является ему, какъ особый *видъ*, возникшій совершенно независимо. Дальше этого трудно идти въ полигенизмѣ или, идя этимъ путемъ, можно доказать,

---

ры 10) Китайцы, 11) Индо-китайцы, 12) полярныя племена, 13) Малайцы 14) Полинезійцы, 15) Негры, 16) Кафры, 17) Готтентоты, 18) океанійскіе Негры, 19) Австралійцы, 20) Альфурусъ, 21) Американцы и 22) Толтеки.

Мортонъ вступилъ въ сношеніе съ Гліддономъ, сѣверо-американскимъ консуломъ въ Каирѣ, который доставилъ ему коллекцію череповъ изъ Нильской долины, и съ 1842 г., возвратившись въ Америку, сдѣлался его постояннымъ сотрудникомъ. Результатомъ ихъ общихъ занятій были: Crania Aegyptica, 1844. Въ 1846 г. Мортонъ издалъ свои изслѣдованія объ этнографіи и археологіи американскихъ туземцевъ и въ 1847 сочиненіе о гибридахъ животнаго и растительнаго царствъ примѣнительно къ вопросу объ единствѣ человѣческаго рода. Смерть помѣшала ему докончить свой послѣдній трудъ: «Основанія этнографіи», изъ котораго отрывокъ напечатанъ Ноттомъ и Гліддономъ въ Types of Mankind. Phil. 1854.

[redacted]

на основаніи точно такихъ же внѣшнихъ признаковъ и съ равнымъ успѣхомъ, что высшій классъ лондонскаго населенія и въ особенности чисто аристократическій кругъ сотворенъ совершенно отдѣльно и самостоятельно отъ низшихъ классовъ того же лондонскаго населенія, потому-что, сравнивая лицо и тѣлесное сложеніе англійскаго лорда съ физіономіей и тѣломъ лондонскаго пролетарія, мы будемъ поражены ихъ различіемъ, конечно, не менѣе, чѣмъ при сличеніи портрета русскаго мужика съ портретомъ греческаго горца. Какъ ни поразительны подобные выводы и убѣжденія, ихъ явленіе объясняется самымъ свойствомъ поднятыхъ вопросовъ, трудностію ихъ окончательнаго разрѣшенія при современномъ состояніи наукъ и сбивчивостію основныхъ понятій, неопредѣленностію и неустановленностію нѣкоторыхъ опредѣленій, не говоря уже объ отсутствіи точныхъ наблюденій, о маломъ еще знакомствѣ съ нѣкоторыми данными *).

Отличительнымъ признакомъ, по которому можно судить о родственномъ или чуждомъ другъ другу происхожденіи различныхъ племенъ, должны служить ихъ физическія и физіологическія особенности. Дѣйствительно, мы не только замѣчаемъ болѣе или менѣе рѣзкое, бросающееся въ глаза отличіе физическаго типа у различныхъ племенъ, но и замѣчательную устойчивость въ

---

*) Только этимъ можетъ объясниться множество разнообразныхъ системъ и раздѣленій человѣческаго рода на племенныя группы. Кромѣ указанныхъ системъ, замѣчу еще раздѣленіе: *Мальтбрюна* на 16 группъ, *Лессона* на 6 породъ съ 32 подраздѣленіями, *Альфреда Мори* на 8 группъ, *Пикеринга* на 4 съ 11 подраздѣленіями. Не менѣе разнообразны и системы раздѣленія, основанныя исключительно на особенностяхъ формы и объема череповъ. Достаточно указать на дѣленіе Ретціуса (Müller's Arch. 1845), Цейне (Über Schädelbildung zur festern Begründ. d. Menschenrassen. Berlin 1846), Гушке и другихъ.

сохраненія разъ уже сложившихся, выработавшихся племенныхъ типовъ, несмотря на историческую судьбу этихъ племенъ. Не говоря уже о такихъ рѣзкихъ противоположностяхъ, какія представляютъ между собою Негръ и Европеецъ, житель Китая и краснокожій туземецъ Сѣверной Америки, Финнъ и Малаецъ, различіе племенныхъ типовъ довольно рѣзко бросается въ глаза даже между племенами, принадлежащими къ одной группѣ, близкими одно къ другому и по своей натурѣ и по мѣстности. Трудно не отличить съ перваго взгляда Англичанина отъ Француза, Нѣмца отъ Итальянца. Въ одномъ и томъ же народѣ противоположности между населеніемъ различныхъ областей бываютъ иногда рѣзче, чѣмъ противоположности между различными народами. Укажу на довольно рѣзко бросающееся въ глаза отличіе овернскаго типа отъ господствующаго въ другихъ областяхъ Франціи. Но если нѣкоторыя типическія особенности такъ наглядны, повидимому, для самаго поверхностнаго наблюденія, это не значитъ еще, чтобы онѣ легко могли служить основою для этнографическаго дѣленія. Напротивъ, принявъ ихъ однѣ въ основу классификаціи, встрѣтимъ по необходимости многочисленныя затрудненія. Цвѣтъ кожи, волоса, лицевой уголъ, объемъ и форма черепа и другія особенности, принимаемыя за основаніе дѣленія, никогда однакоже не оказывались совершенно удовлетворительными для достиженія предположенной цѣли; на основаніи ихъ ни одинъ классификаторъ не могъ еще распредѣлить племена по отдѣльнымъ, рѣзко отличающимся одна отъ другой группамъ. Всегда оставались нѣкоторыя племена, въ которыхъ соединялись типическіе признаки по крайней мѣрѣ двухъ главныхъ группъ и которыя казались какъ бы переходомъ отъ одной къ другой, или племена, которыя изслѣдователь затруднялся причислить къ какой-

[redacted]

нибудь изъ установленныхъ имъ группъ. Физіологическіе признаки, очень важные для опредѣленія родства одного племени съ другимъ, оказывались иногда недостаточными для того, чтобы на нихъ установить различіе. Затрудненіе въ классификаціи встрѣчается даже въ тѣхъ племенахъ, которыя, повидимому, всего болѣе отличаются рѣзкими особенностями, но которыя не всегда легко соединяются въ одну группу съ другими, повидимому, однородными племенами. Что̀ можетъ быть рѣзче особенностей африканской черной группы? За исключеніемъ сѣверной части Африки, она, кажется, распространена сплошною массою по всему африканскому материку, и однакоже далеко не всѣ племена чернокожія можно отнести къ этой группѣ. На югѣ Африки, напримѣръ, племена Кафровъ и Готтентотовъ уже выдѣлены многими этнографами изъ негритянской группы *). Кафры имѣютъ, правда, шерстовидные волосы и выдающіяся губы—отличительные признаки африканской группы, но цвѣтъ ихъ кожи переходитъ уже изъ чисто-чернаго въ темный и ихъ лобъ несравненно выше, чѣмъ у собственно-Негровъ. Цвѣтъ кожи Готтентотовъ еще блѣднѣе и они болѣе напоминаютъ Китайцевъ или другое монгольское племя, чѣмъ Негровъ. Ихъ

*) Nach den neuesten Forschungen wäre man zum Resultat gekommen, dass die Hottentotten zu dem grossen Sprachenstamme gehören, welcher die Indo-Germanen, Semito-Africaner und Aegypter umfasst; und die Vergleichung des Hottentottischen mit dem Koptischen bietet lexikalische wie grammatische Nebenstimmung und Verwandtschaft dar. Perty. Grundzüge der Ethnographie, 275. Далѣе онъ сообщаетъ указанія на первоначальное распространеніе готтентотскаго племени. Драгоцѣнныя указанія на сношеніе древняго Египта съ южными странами Африки находятся въ извѣстіяхъ арабскихъ писателей, сообщенныхъ Вюстенфельдомъ въ гёттингенскомъ журналѣ Теодора Бенфея. См. Revue Germ. 31 Juill. 1862. Histoire de l'Egypte antique, d'après les légendes arabes.

волосы, правда, похожи на шерсть, какъ у Негровъ, но они несравненно жестче и притомъ растутъ какъ бы отдѣльными прядями. Племя Fulah въ Сенегамбіи рѣзко отличается отъ негритянскихъ племенъ сравнительно высшимъ развитіемъ ума, гордостью и благородствомъ, неизвѣстными большей части чернокожихъ племенъ. Его кожа не можетъ назваться собственно черною, волоса только частію похожи на шерсть, и это племя, по строенію тѣла и по очертанію лица, не имѣетъ ничего общаго не только съ какимъ-нибудь племенемъ Африки, но и вообще ни съ однимъ изъ извѣстныхъ племенъ земнаго шара.

Еще болѣе трудностей представляетъ этнографія Америки. Краснокожихъ дикарей Сѣверной Америки невозможно считать исключительными представителями туземцевъ этой обширной страны. Это значило бы принять одну часть за цѣлое. Между туземными племенами Америки замѣчается не господство одного общаго типа, а напротивъ весьма большое разнообразіе, и ихъ, быть-можетъ, еще труднѣе соединить въ одну общую группу, чѣмъ туземныя племена внутренней и южной Африки*). Это разнообразіе физическихъ типовъ и степени

---

*) Мортонъ въ своихъ Crania Americana исключаетъ Эскимосовъ изъ американскаго племени и дѣлитъ его на двѣ главныя группы: 1) *толтекскую*, къ которой относитъ образованныя племена Мексики, Перу и Боготы, отъ Rio Gila подъ 32° с. ш. по западному берегу континента до границъ Чили; 2) *собственно американскую*, дѣлящуюся на 4 отрасли а) *аппалахскую*, къ которой относятся всѣ племена Сѣверной Америки, исключая Мексиканцевъ. и племена на сѣверъ отъ Амазонской рѣки и на востокъ отъ Андовъ; в) *бразильскую*, занимающую бóльшую часть Южной Америки къ востоку отъ Андовъ, между Андами, Атлантическимъ океаномъ, теченіемъ Амазонки и Ла-Платы; с) *патагонскую*, между теченіемъ Ла-Платы и Магеллановымъ проливомъ и въ горахъ Чили и д) отрасль Огненной Земли. считающую только нѣсколько тысячъ человѣкъ почти въ совершенно дикомъ состояніи.

Число американскихъ туземцевъ теперь немного выше 12 миліоновъ

[redacted]

умственныхъ способностей замѣчается не только въ живущихъ еще теперь туземныхъ племенахъ, что̀ могло бы объясниться различными обстоятельствами, различною степенью сближенія и смѣшенія съ пришельцами европейскаго материка и т. п., но оно существовало и задолго до открытія Америки Европейцами и до поселенія послѣднихъ въ странахъ Новаго Свѣта. Краснокожее племя далеко не можетъ служить полнымъ представителемъ всего туземнаго населенія Америки; оно господствуетъ только въ сѣверной ея половинѣ. Въ Южной Америкѣ, напротивъ, встрѣчаются желтокожія племена, по чертамъ лица, по выдавшимся угловатымъ скуламъ, по разрѣзу глазъ, столь близкія къ племенамъ Восточной Азіи, что они сами, при первомъ взглядѣ на Китайцевъ, признали послѣднихъ племенемъ родственнымъ. Первые мореходцы, посѣтившіе Южную Америку, разсказываютъ о бѣлыхъ людяхъ съ бѣлокурыми волосами, которыхъ они встрѣчали; и теперь еще тамъ есть

и однако ни одна часть свѣта не представляетъ такого множества и разнообразія языковъ и нарѣчій Число языковъ и діалектовъ Америки равняется почти половинѣ общаго числа языковъ всего земнаго шара. Число всѣхъ языковъ земнаго шара полагается до 860 (Поттъ); изъ нихъ въ Америкѣ 423, а Фатеръ въ своемъ Митридатѣ насчитываетъ даже до 500. По другимъ извѣстіямъ Америка считаетъ 438 языковъ, распадающихся на 2,000 діалектовъ (Mundarten), см. *Karl Andreas*: Nord-America, s. 20. Распаденіе языковъ дошло въ Америкѣ до послѣдней степени. Почти каждая деревня говоритъ особымъ нарѣчіемъ Есть идіомы, которыми говорятъ только нѣсколько семействъ. Это крайнее дробленіе языковъ можетъ быть объяснено особеннымъ ходомъ исторіи американскихъ племенъ. Приведу слова Марціуса: «Auch sogenannte Stammsprachen z. B. die Lenapi, die Aztekische, die Guarani, Quichua und Chilesiche sind schon das Resultat jenes allgemeinen geistigen und leiblichen Zersetzungsprocesses, welchem die americanische Menschheit seit Jahrtausenden unterliegt». Die Vergangenheit und Zukunft der amerikanischer Menschheit.

племена, которыя, по бѣлизнѣ кожи, если не могутъ сравниться съ Англичанами или Нѣмцами, то все—таки имѣютъ кожу свѣтлѣе, чѣмъ большинство жителей Испаніи или Италіи. Уже первые путешественники открыли на Даріенскомъ перешейкѣ племена, совершенно сходныя съ африканскими Неграми, а ихъ показаніямъ можно вполнѣ довѣрять, потому что Испанцы хорошо были знакомы съ африканскими Неграми задолго до открытія Америки и не могли ошибаться. Это разнообразіе племенныхъ типовъ въ туземномъ населеніи Америки засвидѣтельствовано не только разсказами первыхъ европейскихъ завоевателей и путешественниковъ, не только наблюденіями надъ туземными племенами Америки, еще не изчезнувшими съ лица земли, чтобы уступить свое мѣсто переселенцамъ съ западныхъ береговъ европейскаго материка, но и находитъ себѣ полнѣйшее доказательство въ сохранившихся памятникахъ древняго искусства Америки. Въ весьма близкомъ разстояніи отъ Гейдельберга, подъ самымъ городомъ, есть небольшая деревушка Handschuhsheim, гдѣ находится богатѣйшее собраніе мексиканскихъ древностей, какое только существуетъ въ мірѣ. Составитель его, Карлъ Уде (Uhde), теперь уже умершій, воспользовался своимъ 25-лѣтнимъ пребываніемъ въ Мексикѣ (тотчасъ по прекращеніи ужасовъ 15-лѣтней войны) и своимъ положеніемъ дипломатическаго агента, чтобы собрать эту огромную коллекцію (окало 6,500 нумеровъ). Въ числѣ предметовъ мексиканской древности находится чрезвычайно много изображеній божествъ и еще болѣе фигуръ и головъ небольшаго размѣра изъ глины и камня. Разсматривая эти изображенія, нельзя не удивляться разнообразію племенныхъ типовъ. Почти всѣ существующія теперь туземныя племена Америки имѣютъ своихъ предста-

[redacted]

вителей въ этомъ собраніи; но многія фигуры и лица поражаютъ своимъ азіатскимъ характеромъ; есть головы, которыя можно счесть совершенно китайскими; но еще болѣе фигуръ съ отличительными особенностями собственно монгольскаго племени. Не говорю уже о томъ, что нѣкоторыя фигурки несомнѣнно японскаго происхожденія. Знаменитый географъ К. Риттеръ былъ пораженъ этимъ сходствомъ тѣмъ болѣе, что трудно, казалось, предположить сношенія, а тѣмъ болѣе родственную связь между первобытнымъ туземнымъ населеніемъ Америки и материками Стараго Свѣта.

Такимъ образомъ изученіе физіологическихъ признаковъ, отличающихъ одно племя отъ другаго, одну племенную группу отъ другой, приводитъ невольно къ тому, что точное дѣленіе рода человѣческаго на отдѣльныя группы, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, самостоятельныя въ своемъ происхожденіи и опредѣленныя въ своихъ характеристическихъ особенностяхъ по крайней мѣрѣ на столько же, какъ опредѣленные *виды* животнаго царства, становится почти невозможнымъ. Чѣмъ ближе знакомится изслѣдователь съ различными племенами и чѣмъ болѣе увеличивается количество этнологическаго матеріала, тѣмъ дробнѣе становится дѣленіе, и онъ доходитъ въ своихъ выводахъ до предположенія самостоятельнаго возникновенія каждаго племени, до предположенія о сотвореніи рода человѣческаго по племенамъ. Нѣкоторые изслѣдователи*), оставаясь вѣрны мысли о различномъ происхожденіи рода человѣческаго и предлагая свои догадки о его первоначальномъ дѣленіи, отказываются однакоже отъ систематической классификаціи, основываясь на томъ, что человѣчество въ современномъ его состояніи есть результатъ смѣшенія различныхъ *видовъ*, уже

*) *Gardy* Physiologie médicale 1832.

не существующихъ болѣе въ первоначальной ихъ чистотѣ и которыхъ основныя типическія особенности теперь уже нѣтъ возможности опредѣлить и возстановить.

Перехожу къ другому вопросу, не менѣе важному и находящемуся въ необходимой, тѣсной связи съ первымъ, именно къ вопросу о постоянствѣ, неизмѣняемости основныхъ племенныхъ типовъ. Точно также, какъ существованіе самыхъ племенныхъ типовъ, отличительныхъ, характеристическихъ особенностей, иногда чрезвычайно рѣзко отдѣляющихъ одно племя отъ другаго, не подлежитъ сомнѣнію и извѣстная устойчивость племеннаго типа и характера, его живучесть и постоянство. Вопросъ состоитъ только въ томъ, какъ далеко идетъ эта устойчивость, переходитъ ли постоянство, твердость храненія въ неподвижность, точно также, какъ относительно существованія племенныхъ типовъ и физіологическихъ особенностей, главное дѣло состоитъ въ томъ, можно ли эти особенности принять за основныя, существенныя, по которымъ можно было бы раздѣлить родъ человѣческій на отдѣльныя, не имѣющія почти ничего общаго одна съ другою группы, возникшія совершенно независимо другъ отъ друга подъ вліяніемъ особыхъ условій. Что племенной типъ и племенной характеръ, какимъ бы путемъ они ни сложились, ни образовались, хранятся съ замѣчательною упорностію — въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и исторія даетъ на это точно такой же утвердительный отвѣтъ, какъ и естествовѣдѣніе. Когда сдѣлалось возможнымъ ближайшее изученіе памятниковъ древняго Египта, натуралисты, разсматривая скульптурныя изображенія египетскихъ гробницъ и храмовъ, нашли на нихъ изображенія тѣхъ же самыхъ породъ животныхъ, какія существуютъ теперь; то же самое, еще съ бо́льшею очевидностью, обнаружилось относительно растеній.

[redacted]

Микроскопическія изслѣдованія надъ нѣкоторыми частицами зерновыхъ растеній, сохранившихся въ гробницахъ, доказали ихъ тождество съ существующими теперь видами этихъ растеній; мало того, сѣмена, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшія въ теченіе многихъ тысячелѣтій, найденныя и посаженныя, дали ростокъ и произвели растенія, сходныя съ тѣми, которыя растутъ и теперь. Тѣ же самые выводы получаются внимательнымъ изученіемъ человѣческихъ изображеній, въ такомъ громадномъ количествѣ покрывающихъ стѣны египетскихъ гробницъ и храмовъ. Съ перваго взгляда на нѣкоторыя изображенія бенигассанскихъ памятниковъ, можно признать въ нихъ изображеніе людей семитическаго племени. Еще съ бóльшею очевидностью являются на египетскихъ памятникахъ отличія собственно Египтянъ отъ племенъ, принадлежащихъ къ африканской черной, негрской расѣ. По древнимъ памятникамъ не только можно возсоздать въ главныхъ чертахъ древнюю этнографію Египта, опредѣлить, разумѣется, только въ главныхъ ихъ отличительныхъ признакахъ, племена, населявшія Нильскую долину около $3\frac{1}{2}$ или 4 тысячъ лѣтъ тому назадъ, или же племена сосѣднія, приходившія въ столкновенія съ Египтянами, но и найти въ современныхъ намъ племенахъ Азіи и Африки прямыхъ потомковъ тѣхъ племенъ, изображеніе которыхъ сохранили намъ египетскіе памятники.

Укажу, какъ на другой примѣръ постоянства и устойчивости племеннаго типа, на наблюденіе натуралиста Мильнъ-Эдвардса надъ современными типами и на сравненіе череповъ въ древнихъ могилахъ Франціи и Англіи съ черепами нынѣшнихъ обитателей этихъ странъ, блистательно подтвердившія чисто историческія изслѣдованія Амедея Тьерри о кельтскомъ племени. Письмо Мильнъ-Эдвардса, богатое наблюденіями и сближеніями, было переведено на русскій языкъ и издано съ при-

мѣчаніями покойнымъ Т. Н. Грановскимъ. Знаменитый натуралистъ доказалъ, помощію множества наблюденій, что основныя черты кельтскаго типа не утратились до сихъ поръ въ смѣшанномъ населеніи Италіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи, а существуютъ еще и теперь въ немъ, и притомъ иногда въ поразительной чистотѣ. Мильнъ Эдвардсъ доказалъ не только существованіе кельтскаго типа вообще, но и прослѣдилъ его въ двухъ главныхъ его видахъ, указалъ на границы, отдѣляющія кельтскія племена гальской породы отъ племенъ кимврской отрасли. Цвѣтъ кожи, глазъ и волосъ Мильнъ-Эдвардсъ не считалъ существеннымъ признакомъ, допускалъ его измѣняемость подъ вліяніемъ различныхъ климатическихъ и другихъ условій; онъ признавалъ также вліяніе смѣшенія различныхъ племенъ, допускалъ помѣси и образованіе новыхъ типовъ, и однако главный, существенный результатъ его наблюденій было убѣжденіе въ томъ, что первоначальный типъ какого-нибудь племени можетъ сохраняться въ главныхъ своихъ чертахъ чрезвычайно долго, если не навсегда, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, несмотря даже на смѣшеніе совершенно различныхъ племенъ. Живучесть характера, духа кельтскаго племени давно уже замѣчена, и теперь трудно уже не признать въ характерѣ современныхъ Французовъ родственнаго и притомъ весьма близкаго сходства съ древнѣйшимъ населеніемъ Галліи, отъ котораго они, повидимому, такъ разнятся и по языку и по историческимъ судьбамъ, не говоря уже о религіозныхъ вѣрованіяхъ. И въ послѣднихъ впрочемъ, при болѣе пристальномъ изученіи, найдется, быть-можетъ, нѣсколько чертъ, намекающихъ на это родственное сходство. Не даромъ Франція до послѣдняго времени осталась страною существенно католическою, несмотря на реформаціонное движеніе, одно время грозившее

[redacted]

овладѣть ею, несмотря на распространеніе и силу философскихъ ученій XVIII вѣка, называвшихся французскою философіею, несмотря на открытое провозглашеніе религіи разума, какъ господствующей религіи французской республики. Католицизмъ пережилъ всѣ эти тяжелыя эпохи, устоялъ противъ всѣхъ враговъ и остался не только господствующею, но и самою крѣпкою, живою религіей Франціи. Во Франціи и соплеменной ей Бельгіи католицизмъ не только сохранилъ свою живучесть и внутреннюю крѣпость, но можно сказать, что эти двѣ страны составляютъ главную опору и поддержку для самыхъ крайнихъ увлеченій католицизма, здѣсь всего сильнѣе партія ультрамонтанъ, здѣсь самые горячіе защитники свѣтской власти папъ и ученія о подчиненіи государства церкви.

Невольно приходитъ на мысль, что не даромъ эти страны были населены племенемъ, выработавшимъ въ друидизмѣ такую оригинальную систему вѣроученія съ строгими формами жреческой ѳеократіи. Сближеніе тѣмъ сильнѣе напрашивается само собою изслѣдователю, что въ исторіи христіанской церкви во Франціи, особенно въ первомъ ея періодѣ, нельзя не замѣтить нѣкотораго вліянія друидизма, бывшаго въ одно время и религіознымъ вѣрованіемъ и философскою системою, на возникновеніе нѣкоторыхъ ученій и убѣжденій въ членахъ уже христіанской церкви Франціи. Укажу на Пелагія, знаменитаго противника Бл. Августина въ спорѣ о свободной волѣ человѣка и о предопредѣленіи. Пелагій, правда, не былъ уроженцемъ Франціи, но его родина была населена тѣмъ же самымъ племенемъ и его послѣдователи болѣе всего держались въ Галліи и только въ ней одной образовалось ученіе полупелагіанъ, старавшихся, послѣ побѣды мнѣнія Бл. Августина, признаннаго церковью, согласить противоположныя воззрѣнія, или,

подъ видомъ соглашенія, удержать хотя нѣкоторыя положенія изъ ситемы Пелагія.

Не останавливаясь далѣе на этомъ сближеніи, я не могу оставить Францію, не сдѣлавъ еще одного замѣчанія. Мильнъ-Эдвардсъ, основываясь на формахъ и размѣрахъ головы и на сравненіи съ черепами, находимыми въ древнѣйшихъ кельтскихъ могилахъ, доказалъ живучесть физическаго типа древнѣйшихъ обитателей въ современномъ населеніи Франціи. Еще рѣзче обнаруживается живучесть кельтскихъ характеровъ, кельтской духовной натуры въ тѣхъ же Французахъ. На сходство Французовъ съ древними Галлами любятъ указывать и враги и приверженцы французской націи и формъ французской цивилизаціи. До послѣдняго времени однакоже всѣ изслѣдователи единогласно соглашались, что, сохранивъ формы и размѣры головы древнихъ Кельтовъ, еще болѣе удержавъ черты кельтскаго характера, Французы однакоже совершенно утратили нѣкоторые важные отличительные признаки кельтскаго типа. По свидѣтельству древнихъ писателей, Кельты были бѣлокуры; у нынѣшнихъ Французовъ волоса по преимуществу темные и черные. Мильнъ-Эдвардсъ не считаетъ цвѣта волосъ существеннымъ признакомъ въ племенномъ типѣ и для него это измѣненіе не имѣетъ особенной важности; но измѣненіе признавалось всѣми.

Въ 1859 г. вышли въ свѣтъ этнологическіе отрывки доктора Перье (Fragments ethnologiques 1 v. in 8. Paris. Victor Masson). Авторъ задумался надъ вопросомъ, почему Французы, такъ полно сохранившіе черты кельтской духовной природы, характеръ, темпераментъ, хорошія и дурныя свойства, могли измѣниться физіологически, и изъ бѣлокураго племени, какимъ представляютъ древніе писатели Галловъ, сдѣлались черноволосыми. Съ цѣлію разрѣшить это странное для него явленіе, докторъ

[redacted]

Перье рѣшился подвергнуть тщательному пересмотру извѣстія древнихъ о цвѣтѣ волосъ кельтскаго племени, и результатомъ этого мелочнаго изслѣдованія было убѣжденіе, что Французы не утратили даже и этого второстепеннаго и не существеннаго физіологическаго признака кельтской натуры, что, оставаясь черноволосыми, они все-таки и въ этомъ отношеніи являются прямыми потомками Галловъ. Онъ убѣдился, что Галлы были также черноволосы и что показанія древнихъ писателей, повторяемыя новыми изслѣдователями, были слѣдствіемъ смѣшенія собственно галльскихъ племенъ съ дѣйствительно бѣлокурыми племенами германскаго происхожденія. Разумѣется, нечего останавливаться здѣсь на доказательствахъ, приводимыхъ авторомъ въ защиту черного цвѣта волосъ у древнихъ Галловъ, но я не могу не привести одного, очень рѣшительнаго, именно затѣмъ, чтобы показать, какъ легко было ему опровергнуть укоренившееся мнѣніе и притомъ безъ всякихъ новыхъ открытій, помощію всѣмъ извѣстнаго мѣста Светонія, на которое только никто до сихъ поръ не обратилъ вниманія. Светоній разсказываетъ, что Калигула, не рѣшившись пуститься въ опасный походъ въ самую Германію, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая получить тріумфъ за мнимыя свои побѣды надъ Германцами, которыхъ онъ не видалъ въ глаза, придумалъ слѣдующее средство, чтобы обмануть римское народонаселеніе. Онъ велѣлъ набрать въ Галліи высокорослыхъ Галловъ и выкрасить ихъ волоса въ рыжеватый цвѣтъ, чтобы придать имъ сходство съ Германцами и выдать ихъ за германскихъ плѣнниковъ, необходимыхъ для тріумфа въ честь побѣдъ надъ Германцами. Если Галлы не отличались высокимъ ростомъ и если нужно было красить имъ волосы, значитъ, они были малорослы и темноволосы, тоесть были именно таковы, какъ большинство теперешнихъ

Французовъ. Другое доказательство еще проще. Римскія дамы временъ имперіи смотрѣли съ презрѣніемъ на свои великолѣпные черные волосы, составляющіе до сихъ поръ красоту Итальянокъ. Верхомъ красоты для нихъ казались бѣлокурые и особенно рыжіе волоса; однакоже мы нигдѣ не видимъ, чтобы промышленники, доставлявшіе имъ за дорогую цѣну бѣлокурые волосы для париковъ, закупали ихъ въ Галліи; напротивъ, Овидій и Марціалъ говорятъ, что волоса этого цвѣта добывались изъ Германіи. Я слишкомъ долго остановился на Галліи; но изслѣдованіе Перье очень важно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ упорно держатся даже второстепенные физіологическіе признаки племеннаго типа, несмотря на всѣ измѣненія въ судьбахъ этого племени, несмотря на его смѣшеніе съ другими племенами, несмотря на перемѣну вѣрованій и наконецъ несмотря на утрату языка. Извѣстно, что во французскомъ языкѣ слова кельтскаго происхожденія составляютъ весьма незначительную часть. Не говоря уже о словахъ латинскаго происхожденія, которыя составляютъ основу французскаго языка, даже слова германскаго корня едва-ли далеко не превзойдутъ своимъ количествомъ числа словъ, которыхъ кельтское происхожденіе несомнѣнно.

Нужно ли указывать на еврейское племя, которое вездѣ и всегда является съ своими отличительными особенностями, не измѣненными тысячелѣтнимъ его пребываніемъ среди чуждыхъ ему народовъ, среди чуждаго климата и подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій внѣшней природы, подъ гнетомъ самыхъ жестокихъ и неумолимыхъ преслѣдованій? Въ Евреяхъ, встрѣчавшихся ему на лондонскихъ улицахъ, Мильнъ-Эдвардсъ съ перваго взгляда призналъ прямыхъ потомковъ тѣхъ людей, изображеніе которыхъ онъ только-что разсматривалъ на гробницѣ египетскаго фараона, находившейся въ британскомъ музеѣ.

[redacted]

Трудно не признать извѣстной устойчивости, извѣстнаго постоянства и крѣпости племенныхъ типовъ точно также, какъ невозможно не признать самого существованія и разнообразія этихъ типовъ. Опираясь на нѣкоторыя положительныя данныя, легко было, подъ вліяніемъ увлеченія или заранѣе задуманной цѣли, въ этомъ постоянствѣ первоначальныхъ типовъ искать доказательство противъ мнѣнія объ единствѣ человѣческаго рода въ пользу мысли о томъ, что онъ дѣлится на отдѣльныя группы, возникшія и существующія независимо одна отъ другой, не имѣющія между собою общаго, призванныя къ различнымъ судьбамъ, имѣющія не одно и то же призваніе.

Данными, свидѣтельствующими о постоянствѣ первоначальнаго племеннаго типа, сильно воспользовались полигенисты для защиты своихъ основныхъ убѣжденій. Они не ограничивались формами и размѣрами головы, которыми руководился, напримѣръ, Мильнъ-Эдвардсъ въ своихъ изслѣдованіяхъ; столь же существеннымъ признакомъ явился у нихъ и цвѣтъ кожи и характеръ волосъ и т. п. физіологическіе признаки. Они отвергали или не принимали въ разсчетъ вліянія внѣшней природы на образованіе и измѣненіе физіологическихъ особенностей племенныхъ типовъ, старались ослабить или же почти совершенно отрицали значеніе и важность смѣшенія породъ, выставляли на видъ племенныя особенности и отличія, оставляя въ тѣни или забывая племенное сходство. Между тѣмъ вліяніе среды на образованіе и измѣненіе физіологическихъ особенностей и преимущественно вопросъ о смѣшанныхъ породахъ имѣютъ огромное значеніе въ рѣшеніи главнаго вопроса. Можно сказать, что отъ окончательнаго рѣшенія этихъ двухъ вопросовъ: о вліяніи природы и о значеніи помѣсей, зависитъ прежде всего самое рѣшеніе вопроса объ единствѣ человѣческой природы.

Трудно отвергать влiянiе внѣшней природы на образованiе первоначальнаго типа, но зато еще труднѣе, повидимому, допустить влiянiе внѣшнихъ условiй на измѣненiе типовъ, уже сложившихся окончательно со всѣми своими отличительными особенностями. Дѣйствительно, Негръ, переселенный изъ своей родины совершенно въ другую страну, въ Европу или Сѣверную Америку, поставленный подъ совершенно иныя климатическiя условiя, остается тѣмъ не менѣе Негромъ, сохранивъ всѣ особенности своей породы. Англичанинъ, родившiйся и воспитавшiйся въ Индiи, не перерождается однакоже въ Индуса и является такимъ же полнымъ представителемъ англо-саксонской расы, какъ и его соотечественники, никогда не выходившiе за предѣлы Великобританiи. Наконецъ Турки, столько вѣковъ живущiе подъ тѣми же условiями внѣшней природы, подъ которыми жили древнiе Греки, едва-ли обнаружили въ своей натурѣ измѣненiя, которыя бы доставляли возможность надѣяться на ихъ перерожденiе или по крайней мѣрѣ на ихъ приближенiе къ эллинскому типу *). Съ особенною настойчивостью

*) Относительно Турокъ нельзя впрочемъ не признать значительнаго измѣненiя ихъ первоначальнаго типа. Замѣчено различiе Турокъ, давно живущихъ въ Европѣ, отъ ихъ азiатскихъ соплеменниковъ. Но эти измѣненiя нельзя приписывать одному влiянiю внѣшней природы; несравненно важнѣе влiянiе смѣшенiя съ европейскими народами. При Мухаммедѣ IV число янычаръ доходило до 140,000 и они набирались изъ мальчиковъ, захваченныхъ въ Италiи, Германiи, славянскихъ земляхъ и въ областяхъ Европейской Турцiи и обращенныхъ въ магометанство. Гаремы Турокъ наполнялись женщинами европейской ра ы. Не говоря о Черкешенкахъ, высокоцѣнимыхъ въ Турцiи, женщины европейскихъ расъ могли покупаться даже бѣднѣйшими Турками. Укажемъ на любопытный примѣръ дешевизны христiанскихъ невольницъ, приводимый Гаммеромъ. Послѣ одного удачнаго похода на Венгрiю, красивѣйшая невольница вымѣнивалась на сапогъ, и турецкiй историкъ, участвовавшiй въ походѣ, разсказываетъ, что онъ продалъ пятерыхъ рабовъ за 500 асировъ.

[redacted]

указываютъ поэтому полигенисты на неизмѣняемость племеннаго типа отъ вліянія внѣшней природы. Если мы будемъ брать въ разсчетъ только вліяніе однихъ условій внѣшней природы, то-есть только климатъ, почву и т. п., мы можемъ признать, что вліяніе одной внѣшней природы безсильно совершенно измѣнить уже крѣпко сложившійся племенной типъ. Измѣненіе однихъ условій среды не переработаетъ Негра въ человѣка кавказскаго племени и, наоборотъ, не сдѣлаетъ изъ Европейца Негра; но это потому, что не одна внѣшняя природа, климатическія и другія условія, напримѣръ, пища и т. д. участвуютъ въ образованіи племенныхъ типовъ. Въ этомъ образованіи участвуютъ еще другіе факторы и главное мѣсто между ними занимаетъ смѣшеніе племенъ, смѣшеніе крови, о которомъ я буду говорить подробнѣе. Въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто занимаетъ также степень образованія, успѣхи гражданскаго быта, вѣрованія, бо́льшая или меньшая степень зависимости человѣка отъ природныхъ условій и т. д. Условія окружающей среды имѣютъ огромное, но далеко не исключительное вліяніе на измѣненіе первоначальнаго типа. Переселяясь въ Индію, Англичанинъ до нѣкоторой степени переноситъ съ собою условія англійской жизни и становится совсѣмъ не въ тѣ отношенія къ окружающей его природѣ, въ какихъ находится полудикій туземецъ нѣкоторыхъ областей Индіи, совершенно подчиненный внѣшнимъ условіямъ, не имѣющій силъ противодѣйствовать имъ. Отъ одного измѣненія среды еще нельзя ожидать измѣненія и племеннаго типа, хотя оно почувствуется непремѣнно въ извѣстныхъ предѣлахъ, въ извѣстной степени.

Я говорилъ объ устойчивости племеннаго типа въ населеніи Галліи или нынѣшней Франціи, указалъ также на крѣпость храненія первоначальнаго типа въ Евреяхъ. Чтобы не приводить другихъ примѣровъ, я возвращусь опять

[redacted]

къ нимъ же, чтобы посмотрѣть, не оказываютъ ли вліянія среда, условія внѣшней природы, на эти племена, которыя, мы видѣли, упорно сохраняютъ въ теченіе тысячелѣтій характеристическія особенности своего первоначальнаго типа. Мы видѣли, что наука признала въ населеніи современной Франціи сохраненіе главныхъ особенностей физическаго и нравственнаго типа кельтскаго племени. Изслѣдованія Перье показали, что въ населеніи Франціи сохранились даже несущественныя, хотя и очень важныя особенности кельтскаго племени, считавшіяся прежде совершенно измѣненными. Замѣтимъ, что если историческія судьбы Франціи измѣнились совершенно въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, отдѣляющихъ теперешнее населеніе этой страны отъ тѣхъ Кельтовъ, которые были извѣстны греческимъ и римскимъ писателямъ, то условія внѣшней природы остались тѣ же, за исключеніемъ тѣхъ необходимыхъ измѣненій, которыя были неизбѣжнымъ условіемъ успѣховъ гражданственности (наприм., обработка земли, уничтоженіе лѣсовъ и т. д.). Чтобы опредѣлить, какое вліяніе имѣетъ измѣненіе внѣшнихъ природныхъ условій на измѣненіе типа, намъ нужно обратить вниманіе на Француза, такъ упорно хранящаго свойства кельтской натуры на своей родинѣ, перенесеннаго далеко отъ нея, въ другую среду, поставленнаго подъ другія условія внѣшней природы. Сохранитъ ли онъ и подъ этими новыми вліяніями свои племенныя особенности также полно, какъ сохраняетъ онъ ихъ въ своемъ отечествѣ? Разумѣется, первое требованіе для возможности какихъ-нибудь выводовъ то, чтобы новыя природныя условія дѣйствовали довольно долгое время и чтобы они замѣтно отличались отъ природныхъ условій Франціи. Однимъ словомъ, нужны наблюденія надъ Французами, поселившимися издавна въ какой-нибудь странѣ, совершенно отличающейся по своему харак-

[redacted]

теру отъ Франціи. Вліяніе внѣшней природы не можетъ замѣтно оказать въ короткое время своего дѣйствія на измѣненіе племеннаго типа, уже окончательно сложившагося, крѣпко установившагося подъ вліяніемъ совершенно иныхъ условій. По счастію, у насъ есть подъ руками подобный предметъ для наблюденія. Канада была колонизована преимущественно Французами, и, хотя съ парижскаго мира 1763 года принадлежитъ Англіи, ея населеніе, несмотря на притокъ новыхъ колонистовъ англо-саксонской расы, еще сохранило чисто французскій характеръ, говоритъ языкомъ французскимъ и хранитъ французскіе нравы и обычаи. Разумѣется, зависимость отъ Англіи и смѣшеніе съ англійскими выходцами должно было оказать свое дѣйствіе, но на этотъ разъ не это дѣйствіе важно для насъ. Главный интересъ состоитъ въ слѣдующемъ вопросѣ: поставленные подъ одни и тѣ же условія внѣшней природы, какъ и краснокожіе туземцы, считающіеся полнѣйшими представителями собственно американской группы, потомки Кельтовъ сохранили-ли свои племенныя особенности, сохранили-ли по крайней мѣрѣ всѣ особенности своего французскаго типа, или же уже видоизмѣнились и приблизились нѣсколько къ американскому типу? Самые ревностные полигенисты, напримѣръ Ноксъ, считающіе каждое племя чисто мѣстнымъ продуктомъ, прямымъ произведеніемъ извѣстной почвы и извѣстнаго климата, не отрицаютъ значительныхъ измѣненій въ физическомъ типѣ кельтскаго племени, перенесеннаго на сѣверо-американскую почву. Вотъ что говоритъ одинъ изъ наблюдателей: «Продолжительное пребываніе въ Америкѣ заставило канадскаго креола потерять живой цвѣтъ лица. Его кожа приняла оттѣнокъ темнаго цвѣта; его черные волосы падаютъ гладко на виски, какъ волосы Индійцевъ. Мы уже не узнаемъ въ немъ европейскаго, а еще менѣе галльскаго типа.

Могутъ возразить, что это приближеніе къ туземному американскому типу есть слѣдствіе помѣси, о которой имѣютъ свое особое понятіе полигенисты, какъ увидимъ ниже, а не слѣдствіе вліянія климатическихъ и другихъ условій внѣшней природы, не слѣдствіе измѣненія среды» *).

Мы можемъ обратиться, въ виду этого возраженія, къ другому племени, которое, конечно, нельзя упрекнуть въ легкости, съ которою оно вступаетъ въ родственныя сношенія съ чуждыми племенами, къ Евреямъ. Евреи разсѣяны по всему Старому свѣту, и это разсѣяніе началось уже издавна. Въ Египтѣ, напримѣръ, Евреи поселились съ незапамятныхъ временъ, но главнымъ образомъ ихъ колонизація усилилась со временъ Птолемеевъ. Въ области древней Киренаики до сихъ поръ еще живутъ потомки Евреевъ, поселившихся тамъ за 4 вѣка до Р. Х. Положительныя свидѣтельства о поселеніи Евреевъ въ Крыму (свидѣтельства надгробныхъ камней) и вообще на берегахъ Чернаго моря восходятъ къ первымъ вѣкамъ христіанской эры (смотри изслѣдованія Авраама Фирковича въ «Запискахъ

---

*) Гобино, изложившій свою оригинальную теорію въ «Essai sur l'inégalité des races humaines» (1853. IV vol.), говоритъ объ отвращеніи Французовъ къ смѣшенію съ негрскими племенами и о легкости ихъ соединенія съ туземными племенами Сѣверной Америки: «Dans le Canada, nos émigrants ont très fréquemment accepté l'alliance des aborigènes, et ce qui fut toujours assez rare de la part des colonisateur anglo-saxons, ils ont adopté souvent et sans peine le genre de vie de leurs femmes. Les mélanges ont-été si faciles, que l'on trouve peu d'anciennes familles canadiennes qui n'aient touché, au moins de loin, à la race indienne». Онъ объясняетъ эту легкость сближенія слѣдующимъ образомъ: «Une affinité existait, pour la partie gallique de leur origine, avec les *tribus malaises* très-jaunes du Canada, tandis que tout leur naturel répugnait à contracter alliance avec l'espèce noire sur les terrains où ils se trouvaient rapprochés d'elle». *Gobineau* IV, 296 sqq.

одесскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ»). Столько же, если не болѣе, древне поселеніе Евреевъ въ Индіи *). Наконецъ есть извѣстіе о древнихъ поселеніяхъ Евреевъ въ Китаѣ **). Вездѣ Евреи сохраняли чувство національной исключительности ***), заботливо удалялись отъ кровныхъ связей съ другими племенами и только отступничество отъ религіи Моисея уничтожало эту неодолимую преграду, отдѣлявшую Евреевъ отъ остальнаго человѣчества; но отступая отъ мозаизма, принимая чуждую религію, Еврей какъ бы уже отрекался отъ своей народности и переставалъ быть Евреемъ. Вездѣ, гдѣ сохранили Евреи свою религію, можно предположить чистоту крови и отсутствіе кровнаго смѣшенія съ другими племенами. Можно бы было допустить эти смѣшенія, еслибы Евреи старались обращать иноплеменниковъ въ свою религію и такимъ образомъ допускали бы въ себя иноплеменные элементы подъ условіемъ принятія іудейской религіи. Но, крайне упорные въ храненіи своихъ религіозныхъ вѣрованій, Евреи были далеки отъ духа прозелитизма. Обращеніе иновѣрцевъ въ іу-

---

*) Черные Евреи въ Кохинхинѣ должны были переселиться въ Индію чрезвычайно рано, потому что ихъ книги ветхаго завѣта писаны еще до вавилонскаго плѣна. Perty, 98. Черные Евреи въ Малабарѣ, по мнѣнію Буканана и Вольфа—Индусы, обращенные въ іудейство

**) Въ Китаѣ до сихъ поръ сохранилась еврейская колонія въ Кай-фунг-фу, главномъ городѣ провинціи Гонанъ, хорошо извѣстная. Еврейскій путешественникъ изъ Сѣверной Америки, Веньяминъ II. пишетъ изъ Калифорніи, что 27 мая 1861 въ Сан-Франциско прибылъ корабль съ китайскими невольниками и изъ нихъ 7 оказались еврейскаго происхожденія. См. «Сіонъ» № 9, 1861, стр. 147.

***) Nulle part le Juif ne naît, ne vit, ne meurt comme les autres hommes, au milieu desquels il habite. C'est là un point d'anthropologie comparée, que nous avons mis hors de contestation dans plusieurs publications. Boudin въ изслѣдованіяхъ о вліяніи климата Алжиріи.

действо, если и случалось, то было исключеніемъ довольно рѣдкимъ и не могло имѣть вліянія на измѣненіе чистоты породы. Если мы найдемъ измѣненія въ физическомъ типѣ Евреевъ, мы въ правѣ приписать эти измѣненія вліянію чисто природныхъ условій, а никакъ не вліянію смѣшенія крови. Мы не можемъ, разумѣется, никакъ ожидать, чтобы одно измѣненіе среды, какъ бы оно велико ни было и какъ бы долго оно ни дѣйствовало, могло переработать всю натуру Еврея. Крѣпость племеннаго типа у Евреевъ прежде всего условливается крѣпостію ихъ религіозныхъ вѣрованій, и духовный характеръ еврейскаго племени отличается еще большею устойчивостью и постоянствомъ, чѣмъ физіологическія особенности племеннаго типа. Какъ ни давно поселился Еврей въ Индіи, онъ не обратился въ Индуса. Евреи въ Индіи и Африкѣ, живущіе тамъ въ теченіе тысячелѣтій, почти такъ же рѣзко отличаются отъ окружающаго ихъ туземнаго населенія, какъ русскій или польскій Еврей отъ славянскаго и литовскаго племенъ, среди которыхъ онъ родился и живетъ. Но условія внѣшней природы оказали однакоже свое дѣйствіе, и изслѣдователю относительно нѣкоторыхъ частностей уже трудно возстановить первоначальные признаки еврейскаго племени, не прибѣгая къ изображеніямъ, сохранившимся на египетскихъ памятникахъ, или къ свидѣтельствамъ древнихъ писателей. Цвѣтъ кожи различенъ у Евреевъ и представляетъ всѣ переходы отъ бѣлаго цвѣта почти къ совершенно черному. Въ самой Индіи Евреи раздѣляются на черныхъ и бѣлыхъ. То же самое должно сказать о цвѣтѣ глазъ и волосъ. Въ южныхъ странахъ Евреи сохранили черные волосы семитическаго племени; въ сѣверныхъ они большею частію русые. Въ Германіи и Польшѣ на каждомъ шагу можно встрѣтить рыжую бороду Еврея. Въ Англіи Евреи большею частію имѣютъ

[redacted]

голубые глаза. Различіе типа между Евреями-талмудистами и Евреями-караимами *), теперь часто встрѣчающимися рядомъ въ городахъ южной Россіи, такъ рѣзко, что съ перваго взгляда ихъ можно отнести къ совершенно различнымъ племенамъ, хотя единство происхожденія и не подлежитъ сомнѣнію. То же самое, хотя и въ меньшей степени, можно замѣтить и относительно другихъ, болѣе существенныхъ физіологическихъ признаковъ, формы головы и т. п.

Можно бы привести множество доказательствъ вліянія среды, условій внѣшней природы на измѣненіе физіологическихъ особенностей (цвѣтъ кожи, способность не подвергаться извѣстнымъ болѣзнямъ, губительно дѣйствующимъ на новаго поселенца, акклиматизація); но сказанная уже достаточно, чтобы признать силу этого вліянія **), хотя, само собою разумѣется, одного вліянія среды еще не достаточно, чтобы стереть всѣ отличія, отдѣляющія одно племя отъ другаго. Разъ установившись, племенной типъ не можетъ совершенно измѣниться подъ вліяніемъ одного только измѣненія среды, и не было еще примѣра, чтобы Негръ, переселенный въ Европу, въ какомъ нибудь изъ нисходящихъ поколѣній измѣнился въ Европейца подъ однимъ только вліяніемъ перемѣны физическихъ условій, среди которыхъ

---

*) Евреи-талмудисты явились на берега Чернаго моря изъ Польши сравнительно въ позднѣйшую эпоху. Караимы живутъ тамъ съ незапамятнаго времени и въ нимъ относятся изслѣдованія Фирковича о древности поселенія Евреевъ въ Крыму и на берегахъ Чернаго моря.

**) Укажу на измѣненія цвѣта кожи у Португальцевъ, около трехъ столѣтій живущихъ на Канарскихъ островахъ, также на Португальцевъ въ Бразиліи, на потомство Голландцевъ, издавна поселившихся на Молукскихъ островахъ, также на измѣненіе собственно англійскаго типа въ потомствѣ англійскихъ поселенцевъ въ Австраліи и на вліяніе африканской природы на измѣненіе волосъ, цвѣта кожи и другихъ физическихъ особенностей европейскихъ поселенцевъ въ Египтѣ, указанное Прунеромъ въ его спеціальномъ трудѣ, посвященномъ естественной исторіи и антропологіи Египта.

онъ и его прямое потомство были поставлены. Говорю объ общемъ типѣ, а не о какомъ-нибудь несущественномъ признакѣ, напримѣръ, цвѣтѣ кожи; потому-что бывали примѣры, что, вслѣдствіе еще неизвѣстныхъ причинъ, у нѣкоторыхъ лицъ черный цвѣтъ кожи очень скоро перемѣнялся въ бѣлый. Для измѣненія окончательно установившагося уже племеннаго типа необходимо, чтобы привзошло другое условіе, а измѣненія среды не достаточно. Это другое условіе, необходимое для измѣненія уже сложившихся племенныхъ типовъ и для образованія новыхъ — смѣшеніе крови, смѣшеніе одного племени съ другимъ.

Вопросъ о смѣшеніи породъ и объ его слѣдствіяхъ едва ли не самый главный въ изслѣдованіяхъ о племенахъ. Полигенисты, такъ упорно отстаивающіе устойчивость и неизмѣняемость физіологическихъ особенностей племенныхъ типовъ, еще съ бо́льшимъ упорствомъ отвергаютъ слѣдствія смѣшенія различныхъ племенъ и расъ. Они не въ состояніи закрыть глаза передъ фактомъ слишкомъ нагляднымъ и очевиднымъ, каково существованіе помѣсей, но зато тѣмъ съ большею настойчивостію доказываютъ, что эти помѣси не имѣютъ передъ собою будущности, что онѣ осуждены на болѣе или менѣе кратковременное существованіе, что смѣшанныя породы вымираютъ, не образуя новыхъ племенныхъ типовъ. Чтобы убѣдиться въ существованіи помѣсей, не нужно обращаться къ исторіи, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ породы болѣе или менѣе смѣшанныя: достаточно обратиться къ современной дѣйствительности. Въ Америкѣ встрѣтимъ три рѣзко отличающіяся другъ отъ друга племени: бѣлое, черное и красное. Результатомъ ихъ столкновеній было кровное смѣшеніе, различныя помѣси, для обозначенія которыхъ въ Мексикѣ образовалось 15 различныхъ техническихъ названій. Въ Мек-

сикѣ число жителей смѣшаннаго происхожденія равняется числу жителей чистыхъ породъ. Въ Колумбіи число метисовъ (такъ называются лица, родившіяся отъ родителей, принадлежащихъ къ различнымъ породамъ, отъ Европейца и Негритянки, отъ Негра и краснокожей Американки и т. п.), превышаетъ число лицъ чистой породы, а въ Гватемалѣ метисовъ болѣе чѣмъ въ два раза больше. Если мы примемъ въ соображеніе, что смѣшеніе бѣлой, черной и красной породъ началось съ небольшимъ за три столѣтія до нашего времени, что въ большихъ размѣрахъ оно началось еще позже, нельзя не признать огромнаго количества лицъ смѣшанной породы, и самые жаркіе противники первоначальнаго единства человѣческаго рода не могутъ отвергать существованія помѣсей. Но признавая фактъ, находящійся у всѣхъ передъ глазами, они даютъ ему особенное значеніе. Они указываютъ на вымираніе нѣкоторыхъ породъ при столкновеніи съ племенами другой, высшей породы; они отказываютъ помѣсямъ въ жизненности. Они говорятъ, что метисы теряютъ свою производительную силу, что если бракъ Европейца съ Негритянкой производитъ дѣтей, соединяющихъ въ себѣ физіологическія особенности обоихъ родителей, то браки между метисами становятся постоянно менѣе плодородны и въ извѣстномъ поколѣніи потомство, происшедшее изъ первоначальнаго соединенія лицъ двухъ разныхъ породъ, прекращается само собою.

Эти два положенія, то-есть вымираніе чистыхъ низшихъ породъ, столкнувшихся съ другою породою высшей организаціи и высшей цивилизаціи, и безплодіе, отсутствіе жизненности, способности размножаться въ помѣсяхъ, приводятся полигенистами не голословно. Они, повидимому, крѣпко защищены и положительными фактами, и наблюденіями, и аналогіею съ подобными же явленіями

царствъ растительнаго и животнаго. Скажу нѣсколько словъ прежде всего о вымираніи чистыхъ породъ низшей организаціи. Множество фактовъ говоритъ, повидимому, въ пользу этой теоріи. На нашихъ глазахъ совершается постепенное уменьшеніе и вымираніе краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки, несмотря на самоотверженныя попытки миссіонеровъ. Нѣкоторыя племена погибли до послѣдняго человѣка и притомъ съ ужасающею быстротою. Племя Манлановъ принадлежало, напримѣръ, къ числу самыхъ сильныхъ и многочисленныхъ. Въ 1838 году все племя состояло уже только изъ 2,000 человѣкъ. Въ этомъ году оспа истребила ихъ всѣхъ, за исключеніемъ вождя, добровольно наложившаго на себя руки, чтобы не пережить одному своего племени. Другія племена, также многочисленныя прежде, состоятъ теперь всего изъ нѣсколькихъ семействъ. На примѣръ краснокожихъ особенно любятъ указывать многіе, какъ на доказательство того, что племена низшей цивилизаціи не выдерживаютъ столкновенія съ племенами высшей, что формы чуждаго имъ быта и новой, несродной ихъ натурѣ образованности дѣйствуютъ на нихъ разрушительно. Нѣкоторые смѣло утверждаютъ (Марціусъ), что семейство чисто американской крови не выживетъ далѣе 5-го или 6-го поколѣнія среди бѣлаго населенія и вымретъ само собою, несмотря на всѣ благопріятныя условія. Еще поразительнѣе факты, относящіеся къ материку Новой Голландіи и къ прилежащимъ къ нему островамъ. Туземное населеніе или совершенно уничтожилось, или же, находясь въ самомъ жалкомъ, почти безнадежномъ состояніи, близко къ своему уничтоженію. Въ Новой Голландіи остаются только жалкіе представители прежняго ея населенія. Отъ своеобразнаго племени, населявшаго Тасманію, остаются только бюсты, снятые съ ту-

[redacted]

земцевъ и хранящіеся въ парижскомъ музеумѣ естественной исторіи, да замѣтки объ языкѣ, по счастію еще во-время собранныя однимъ изслѣдователемъ. Наконецъ не послѣднее мѣсто въ ряду доказательствъ занимаетъ примѣръ туземцевъ Океаніи, уже принявшихъ христіанство и уменьшающихся довольно замѣтно годъ отъ году. Не говорю уже о другихъ, болѣе частныхъ примѣрахъ, повидимому, вполнѣ подтверждающихъ мысль о томъ, что племена низшей организаціи не выдерживаютъ столкновенія съ племенами высшей породы и высшей цивилизаціи. Уменьшеніе туземнаго населенія въ названныхъ мѣстностяхъ—фактъ несомнѣнный, и вотъ пока все, въ чемъ можно согласиться съ полигенистами и чего не думали никогда отвергать ихъ противники.

Не такъ легко согласиться съ ними въ объясненіи значенія этого факта, въ опредѣленіи причины, его вызвавшей. Уменьшеніе туземнаго населенія далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ зависитъ отъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ, хотя при каждомъ столкновеніи племенъ различныхъ степеней образованности можно замѣтить нѣкоторыя ближайшія слѣдствія, общія всѣмъ имъ. Всюду, и въ далекомъ прошедшемъ и въ самомъ близкомъ настоящемъ, племена высшей цивилизаціи, сталкиваясь съ племенами менѣе образованными, на первое время тяжело давали чувствовать послѣднимъ свое превосходство. Всюду высшая степень цивилизаціи передавалась прежде всего своими дурными сторонами, оказывала въ нѣкоторой степени деморализирующее вліяніе. Древній Германецъ, при первомъ соприкосновеніи съ міромъ греко-римской образованности, заимствовалъ отъ него только его пороки и, потерявъ хорошія свойства своей простой, полудикой натуры, усвоилъ, въ замѣнъ ихъ, только то, чѣмъ менѣе всего могло гордиться римское общество. Въ германскихъ наемникахъ III

и IV вѣковъ напрасно мы будемъ искать той простоты и чистоты нравовъ, на которыя указывалъ Тацитъ своимъ развращеннымъ современникамъ. Первыя сношенія Европейцевъ съ краснокожими дикарями Америки не отличались гуманною заботливостью объ участи послѣднихъ, а превосходство Европейцевъ надъ ними было еще несравненно выше того превосходства, которое сознавалъ въ себѣ Римлянинъ, сталкиваясь впервые съ Германцемъ. Одникъ безпощадныхъ войнъ, которыя велъ Европеецъ съ туземцами Сѣверной Америки, пользуясь огромнымъ преимуществомъ, которое давало ему огнестрѣльное оружіе, было достаточно чтобъ на много уменьшить количество туземнаго населенія. Мирныя сношенія съ туземцами были для нихъ не менѣе губительны. Первыя мирныя столкновенія съ людьми высшей цивилизаціи принесли туземцамъ не проповѣдь евангелія, не высшія понятія объ лучшемъ устройствѣ быта, не новыя орудія и изобрѣтенія, а знакомство съ огненнымъ напиткомъ—какъ называли вино краснокожіе—да заразительныя болѣзни безъ средствъ для ихъ излеченія. На долю краснокожихъ Сѣверной Америки выпала притомъ встрѣча съ людьми англо—саксонской расы, самой неуступчивой, самой суровой изъ всѣхъ народностей Стараго свѣта. Завоевывая съ непобѣдимою энергіей каждый свой шагъ впередъ столько же оружіемъ, сколько неустаннымъ трудомъ, англо-саксонскій колонистъ безпощадно тѣснилъ въ глубь лѣсовъ и въ неприступныя ущелья краснокожія племена, мало заботясь объ ихъ просвѣщеніи, смотря на нихъ или какъ на препятствіе, или какъ на орудіе. За то примѣры вымиранія цѣлыхъ племенъ и несомнѣнный фактъ быстраго уменьшенія туземцевъ являются только въ странахъ, колонизованныхъ англо-саксонскимъ племенемъ; а это невольно наводитъ на мысль, что не однѣ несвойственныя имъ

формы европейской цивилизаціи были причиною такого грустнаго явленія, какъ безслѣдное уничтоженіе цѣлыхъ племенъ. Еще болѣе утверждаетъ въ этой мысли то, что тѣ же краснокожія племена, встрѣчаясь съ Европейцами романскихъ племенъ, не только не уничтожались, но въ нѣкоторыхъ областяхъ, напримѣръ, Южной Америки, увеличились въ числѣ и вступили совсѣмъ въ иныя отношенія къ Европейцамъ.

Чтобы снять съ европейской цивилизаціи отвѣтственность за гибель туземныхъ племенъ Новаго свѣта, легко объясняющуюся совсѣмъ другими причинами, достаточно указать на то, что̀ дѣлалось въ Австраліи. Въ 1803 году первыя англійскія колоніи изъ ссыльныхъ, солдатъ и добровольныхъ поселенцевъ явились въ Тасманіи, и въ первыя же 27 лѣтъ весь островъ былъ занятъ колонистами, причемъ безпощадно истреблялось туземное населеніе. Этого медленнаго, несистематическаго истребленія туземцевъ показалось однакожь мало для колонистовъ. Объявлено было осадное положеніе острова; на каждые шесть человѣкъ бѣлыхъ назначенъ былъ одинъ волонтеръ; изъ доходовъ колоніи ассигнована была значительная сумма и устроена громадная облава на туземцевъ по всему острову. Уцѣлѣвшіе въ живыхъ принуждены были сдаться безъ всякихъ условій. За то успѣхъ былъ полный. Всѣхъ туземцевъ, оставшихся въ живыхъ, вывезли изъ Тасманіи и поселили на другихъ островахъ, сначала на Great Island, потомъ на островѣ Flinders. Въ 1835 году ихъ было всего уже только 210 человѣкъ; въ 1838 г. 82 человѣка. Въ 1842 это число уменьшилось до 44 и только 14 дѣтей родилось послѣ переселенія туземцевъ съ Тасманіи. Въ подобныхъ фактахъ яснѣе выказывается главная причина вымиранія туземныхъ племенъ при ихъ столкновеніи съ Европейцами,

чѣмъ въ природной неспособности этихъ туземцевъ воспринять христіанско-европейскую цивилизацію. Если перейдемъ на материкъ Новой Голландіи, мы увидимъ тамъ почти то же самое. Та же губительная война съ туземными дикарями, хотя безъ той варварской систематичности, съ какою совершена была облава туземцевъ въ Тасманіи. Новоголландскіе дикари, преслѣдуемые, какъ дикіе звѣри, новыми поселенцами, удалившись въ глубь земли, гибнутъ отъ голода. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда бѣлый сталкивается съ туземцами мирно, онъ знакомитъ ихъ съ спиртными напитками, вноситъ къ нимъ развратъ и неизвѣстныя прежде болѣзни. Недостатокъ необходимыхъ средствъ къ существованію, отнятыхъ Европейцами, въ соединеніи съ другими слѣдствіями сближенія съ ними, развили между новоголландскими дикарями дѣтоубійство. Существуя и прежде, оно развилось со времени переселенія Европейцевъ въ страшныхъ размѣрахъ. По смерти матери ея малолѣтняго ребёнка кладутъ съ нею въ могилу. Въ случаѣ рожденія двойни, одинъ изъ близнецовъ тотчасъ же предается смерти. Голодныя матери бросаютъ своихъ дѣтей. Одного дѣтоубійства достаточно для объясненія уменьшенія туземцевъ, не говоря уже объ остальныхъ причинахъ.

Остается сказать нѣсколько словъ объ Океаніи. Сличая восторженныя описанія новооткрытыхъ острововъ, оставленныя первыми ихъ посѣтителями, съ извѣстіями о тѣхъ же самыхъ островахъ въ послѣднее время, нельзя и здѣсь не признать вымиранія или, по крайней мѣрѣ, сильнаго уменьшенія туземнаго населенія со времени его знакомства съ Европейцами. На Отаити въ эпоху его открытія считалось до 100,000 жителей, теперь едва ли ихъ насчитаютъ болѣе 7,000. То же самое въ большей или меньшей пропорціи замѣчается и на другихъ островахъ. Самый фактъ уменьшенія и здѣсь не

[redacted]

подверженъ сомнѣнію, но объясненіе его гораздо сложнѣе. На островахъ Океаніи не было такого систематическаго истребленія туземцевъ, какое мы видимъ въ Новой Голландіи и Тасманіи. Хотя другія слѣдствія сближенія съ Европейцами—развратъ, пьянство, заразительныя болѣзни—и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, оказали свое губительное вліяніе, но оно далеко не было такъ разрушительно и сношенія Европейцевъ съ туземцами Океаніи отличаются другимъ характеромъ, чѣмъ сношенія съ дикарями Сѣверной Америки или Новой Голландіи. Христіанство рано было принято на нѣкоторыхъ островахъ и миссіонеры дѣлались иногда полновластными распорядителями образа жизни туземцевъ. Въ одномъ сближеніи съ Европейцами, слѣдовательно, трудно еще искать полной разгадки печальнаго явленія, совершающагося у насъ передъ глазами, хотя безспорно сближеніе оказало свою значительную долю участія въ уменьшеніи туземнаго населенія. Чтобы вполнѣ объяснить этотъ фактъ, нужно искать другихъ причинъ.

Изученіе этнографіи, языковъ, религіозныхъ вѣрованій и формъ быта туземцевъ Океаніи наводитъ на мысль, до нѣкоторой степени приложимую также и къ краснокожему населенію Америки, что полудикое состояніе, въ которомъ нашли туземцевъ первые мореплаватели, не есть первобытная дикость, что въ немъ скорѣе можно видѣть то состояніе, которое слѣдуетъ за эпохой сравнительно высшей цивилизаціи, а не предшествуетъ ей. Возможности подобнаго явленія отрицать нельзя. Въ Америкѣ мѣстность, занимаемая теперь дикарями, видѣла своеобразное и довольно высокое развитіе перуанской и мексиканской цивилизаціи, о которой самая память изчезла у краснокожихъ, равнодушно проходящихъ мимо монументальныхъ памятниковъ этой цивилизаціи. Послѣднія столѣтія Западной Рим-

ской имперіи могутъ казаться эпохою варварства сравнительно съ блестящими эпохами Римской республики и перваго вѣка имперіи. На мысль, что полудикое состояніе туземнаго населенія Океаніи знаменуетъ скорѣе старчество, чѣмъ дѣтство этихъ племенъ, наводятъ многіе факты: и раздробленность нарѣчій, нѣкогда, очевидно, бывшихъ однимъ общимъ языкомъ, и вырожденіе вѣрованій и миѳическихъ преданій, и нѣкоторыя особенности быта и учрежденій, несовмѣстимыя съ дѣтствомъ народовъ, и наконецъ существованіе обществъ ареои, которыя одни должны были оказывать самое разрушительное вліяніе на естественное приращеніе населенія. Если къ этимъ причинамъ, дѣйствовавшимъ еще до открытія Океаніи, присоединимъ неизбѣжныя слѣдствія знакомства и сближенія съ Европейцами, на первыхъ порахъ крайне неразборчивыми въ своихъ отношеніяхъ къ туземцамъ и руководившимися всевозможными цѣлями, кромѣ дѣйствительно христіанскихъ и нравственныхъ, то поймемъ быстрое уменьшеніе туземнаго населенія Океаніи, не прибѣгая къ гипотезѣ о несовмѣстности формъ и условій европейско-христіанской образованности съ условіями жизни этихъ племенъ *).

---

*) Въ засѣданіи англійской нижней палаты 13 марта 1862 г. преніе по поводу управленія Новой Голландіи подали случай высказаться самому возмутительному взгляду нѣкоторыхъ англійскихъ государственныхъ людей на туземныя племена Океаніи. Въ Новой Зеландіи считалось 50,000 англійскихъ колонистовъ и 70,000 туземцевъ (маори). Англія содержала тамъ 7,000 войска съ издержками ежегодно въ 700,000 ф. ст. Возникъ вопросъ, не лучше ли не содержать на островѣ войска. Фортескью, товарищъ министра колоній высказалъ мысль, что войска нужны не столько затѣмъ, чтобы защищать колонистовъ отъ туземцевъ, сколько для защиты послѣднихъ, которые могутъ быть истреблены до послѣдняго человѣка колонистами. *Робакъ* объявилъ прямо: *чѣмъ скорѣе будутъ истреблены маори, тѣмъ лучше*... По счастію, правительство, на этотъ разъ, предпочло денежныя пожертвованія истребленію туземцевъ.

Укажемъ еще на одинъ фактъ, по счастію, неподверженный сомнѣнію и прямо говорящій противъ безотрадной фаталистической теоріи естественнаго, неизбѣжнаго вымиранія низшихъ породъ при ихъ столкновеніи съ породами высшей организаціи. На тѣхъ островахъ, гдѣ христіанство принято не одною его внѣшнею, формальною стороною, а успѣло подчинить себѣ всего человѣка, уменьшеніе туземнаго населенія остановилось, и если оно не даетъ еще несомнѣнныхъ признаковъ возрожденія, не увеличивается съ естественною, обыкновенною своею быстротою, какъ другія, болѣе счастливыя племена, то, по крайней мѣрѣ, оно не представляетъ и тѣхъ печальныхъ симптомовъ, по которымъ можно бы было опредѣлить приблизительно вѣрно эпоху, когда послѣдніе представители извѣстнаго племени безслѣдно сойдутъ въ могилу. Такимъ образомъ трудно признать фактъ естественнаго вымиранія племенъ низшей породы только вслѣдствіе ихъ столкновенія съ племенами высшей организаціи и съ формами высшей, несвойственной ихъ природѣ цивилизаціи. Я обращу вниманіе еще на одно явленіе и на этотъ разъ показанія современной дѣйствительности приведу въ связь съ показаніями достовѣрной исторіи. Можетъ случиться, и дѣйствительно случалось не разъ, что исторія застаетъ извѣстное племя въ какой-нибудь мѣстности, какъ населеніе туземное или, по крайней мѣрѣ, какъ древнѣйшихъ обитателей. Проходятъ вѣка — и на той же самой мѣстности оказывается другое племя, съ другимъ именемъ, съ другимъ языкомъ, съ другими свойствами и притомъ принадлежащее совершенно къ иной расѣ. Между тѣмъ на памяти исторіи не совершилось ни истребленія туземцевъ систематически новыми поселенцами, каково, напримѣръ, истребленіе дикарей Тасманіи, ни совершеннаго выселенія первобытныхъ обитателей въ другія страны.

Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? неужели только тѣмъ, что туземное племя вымерло само собою, медленно, незамѣтно, но тѣмъ не менѣе безслѣдно? Приведу примѣръ, наиболѣе намъ близкій. На памяти исторіи славянскія племена, по направленію къ сѣверу и востоку, не шли далѣе рѣчной области Оки. Все, что̀ было къ сѣверу и востоку отъ Вятичей, занято было племенами финскими. Мало того; есть положительныя основанія думать, что поселеніе Славянъ на Окѣ было событіемъ сравнительно новымъ, что въ древнѣйшую эпоху область финскихъ племенъ шла далеко къ югу, и финскія названія мѣстностей встрѣчаются не только вплоть до Днѣпра, но и на правомъ берегу Днѣпра, тамъ, гдѣ Несторъ помѣщаетъ главное средоточіе племенъ восточныхъ Славянъ. Обращаемся къ современной этнографіи Европейской Россіи и взглянемъ, хоть бѣгло, на этнографическую карту Европейской Россіи академика Кеппена. Вся страна къ сѣверу отъ Оки занята сплошною массою великорусскаго племени. Притомъ русское населеніе Московской, Ярославской, Владимірской и другихъ губерній считается самымъ лучшимъ представителемъ чисто великорусскаго типа. Во Владимірской губерніи инородцы составляютъ 1/541 часть всего населенія, въ Ярославской менѣе 1/538, въ Костромской менѣе 1/308, въ Московсковской менѣе 1/146. Но и эта ничтожная примѣсь иноплеменнаго населенія главнымъ образомъ состоитъ изъ Нѣмцевъ и Цыганъ, которыхъ одинаково можно встрѣтить по всему пространству Россіи, а въ Костромской губерніи къ этому нужно еще присоединить Татаръ, поселенныхъ около Костромы московскими князьями и сохраняющихъ до сихъ поръ вѣрованія и свои особенности. Изъ туземнаго населенія сохранилось, и то лишь на окраинахъ означеннаго пространства, только ничтожное число Корелъ въ

[redacted]

губерніи Ярославской и также небольшой остатокъ Черемисы въ Костромской, на границахъ съ Вятскою губерніею. Нѣтъ сомнѣнія, что и эти ничтожные остатки первобытнаго населенія изчезнутъ въ непродолжительномъ времени. Что же значитъ это? Исторія не помнитъ ни выселенія туземцевъ массами въ другія страны, ни еще менѣе систематическаго ихъ истребленія Русскими. Мало того, она не помнитъ также, чтобы славянскіе поселенцы двигались туда массою, что̀ необходимо для борьбы съ финскими туземцами и для ихъ вытѣсненія или истребленія. Фактъ совершился какъ-то незамѣтно. Ни въ лѣтописяхъ, ни въ народныхъ преданіяхъ нѣтъ воспоминаній о кровавой борьбѣ русскихъ насельниковъ съ туземцами, а между тѣмъ на чисто финской мѣстности, занимаемой финскими племенами, которыя названы по именамъ Несторомъ, сплошною и густою массою живетъ чисто-русское населеніе и притомъ такое, которое считаетъ себя представителемъ русской народности, которое говоритъ самымъ чистымъ и самымъ богатымъ изъ русскихъ нарѣчій. Нужно ли предполагать, что первоначальное финское населеніе этой области вытѣснено, истреблено или, наконецъ, вымерло само собою? Исторія отвѣтитъ отрицательно по крайней мѣрѣ на два первыя предположенія. Она застаетъ славянскія и финскія племена рядомъ и почти на одной степени развитія. Славянинъ далеко не пользовался сравнительно съ Финномъ не только тѣмъ громаднымъ превосходствомъ, какое имѣлъ спутникъ Пизарро или Кортеца, или же англо-саксонскій колонистъ надъ дикаремъ Америки, но даже и тѣмъ превосходствомъ цивилизаціи, которое дало перевѣсъ Римлянину надъ Галломъ и Германцемъ. Перевѣсъ славянской народности данъ былъ уже потомъ ея соединеніемъ подъ властью варяжскихъ князей, а еще болѣе принятіемъ хри-

стіанства; но и тогда, когда то и другое сплотили разрозненныя славянскія племена въ болѣе крѣпкую народность, ни вытѣсненіе, ни истребленіе финскихъ туземцевъ не могло обойтись безъ упорной борьбы, а этой-то борьбы и не запомнитъ ни исторія, ни живая память народа. Остается предположить естественное вымираніе финскихъ туземцевъ и, какъ необходимое дополненіе къ этому, необыкновенную плодовитость славянскихъ колонистовъ именно только на этой, чисто-финской почвѣ. Иначе невозможно объяснить такое быстрое и сильное размноженіе славянскаго племени въ этой мѣстности, потому что опять ни писанная исторія, ни живое преданіе не сохранили воспоминаній о движеніи Славянъ цѣлыми массами въ эти области. Но стòитъ оглянуться кругомъ, чтобы отвергнуть предположеніе вымиранія. На нашихъ глазахъ совершается процесъ претворенія различныхъ племенныхъ элементовъ въ русскую народность, чѣмъ только и можетъ объясниться исполинскій ростъ русскаго племени *). Не вымираютъ инородныя племена, сталкиваясь съ Русскими: они претворяются въ Русскихъ, принимая въ себя отличительныя особенности европейско-христіанской цивилизаціи и въ то же время оказывая свою долю участія въ образованіи новаго племеннаго типа, придавая великорусской народности нѣкоторыя черты, которыя отличаютъ ее отъ другихъ славян-

*) Извѣстный финнологъ Кастренъ указываетъ на всѣ степени обрусенія Лопарей и Финновъ и отвергаетъ мнѣніе о насильственномъ оттѣсненія финскихъ туземцевъ съ береговъ Бѣлаго моря. Любопытный примѣръ смѣси Русскихъ съ туземцами представляютъ ижемскіе поселенцы. Въ Казанской губерніи можно прослѣдить теперь всѣ степени перехода отъ финскаго и татарскаго типа къ чисто русскому. Въ фотографическихъ портретахъ, снятыхъ г. Второвымъ съ поселенцевъ Воронежской губерніи, еще нагляднѣе представляются результаты смѣшенія различныхъ племенъ и народностей, сталкивавшихся въ этой мѣстности.

[redacted]

скихъ народностей, близкихъ ей и по происхожденію, и по характеристическимъ особенностямъ. Сліяніе совершается подъ условіемъ преобладанія славянской или русской народности. Не Славянинъ обращается въ Финна или Монгола, но Финнъ и Монголъ принимаютъ на себя господствующія черты славянскаго племени и называютъ себя не безъ нѣкоторой гордости Русскими.

Можно бы долго остановиться на этомъ фактѣ и особенно на его значеніи, потому что нигдѣ, быть можетъ, процессъ слитія разныхъ племенъ въ одно цѣлое и вмѣстѣ съ тѣмъ участіе различныхъ ингредіентовъ въ образованіи новаго племеннаго типа не обнаруживается съ такою наглядностію, не представляетъ такъ много любопытныхъ данныхъ даже при слабой еще разработкѣ нашей этнографіи, при недавнемъ еще только стремленіи собрать самые факты, произвести наблюденія — однимъ словомъ, собрать матеріалъ, необходимый для выводовъ. Это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, хотя и теперь уже фактовъ набралось довольно много и можно бы было остановиться на нихъ довольно долго. Примѣра, думаю, достаточно, чтобы показать важность слитія различныхъ племенъ въ одну народность, а это приводитъ насъ къ вопросу о помѣсяхъ, о соединеніи одной породы съ другою, объ образованіи новыхъ племенныхъ типовъ уже не подъ однимъ вліяніемъ внѣшней природы.

Для тѣхъ, которые признаютъ каждую особую породу людей естественнымъ продуктомъ извѣстной мѣстности и извѣстнаго климата, вопросъ о смѣшеніи породъ рѣшается ясно и просто. Не будучи въ состояніи отвергать существованіе помѣсей, какъ фактъ слишкомъ извѣстный и осязательный, они отказываютъ этимъ помѣсямъ во внутреннихъ условіяхъ жизненности, говорятъ, что они не

имѣютъ въ себѣ производительной силы и сами собою прекращаются въ извѣстномъ поколѣніи. При этомъ они указываютъ на аналогію съ подобными же явленіями царствъ растительнаго и животнаго, и ею стараются объяснить и доказать свою теорію. Дѣйствительно, аналогія существуетъ, и многое объясняется окончательно только ею. Поэтому нѣсколько словъ о помѣсяхъ царствъ растительнаго и животнаго будутъ не безполезны *). Помѣси существуютъ и въ томъ, и въ другомъ, и бываютъ двухъ родовъ. Иногда соединеніе двухъ породъ, принадлежащихъ къ одному и тому же виду, производитъ помѣсь; иногда эта помѣсь есть результатъ соединенія двухъ породъ, принадлежащихъ къ разнымъ видамъ. Первую принято называть *метисами*, вторая обозначается обыкновенно названіемъ *гибридъ*. Различіе между тѣми и другими очень велико и существенно; потому должно строго различать однихъ отъ другихъ. Смѣшеніе различныхъ породъ, принадлежащихъ къ одному и тому же виду, встрѣчается безпрестанно и въ растительномъ, и въ животномъ царствѣ. Помѣси этого рода крайне многочисленны и въ дикомъ состояніи, и между породами, уже прирученными человѣкомъ. Это смѣшеніе происходитъ само собою, и человѣку чаще приходится сохранять породу въ ея чистотѣ, предохранять ее отъ смѣшенія, чѣмъ содѣйствовать смѣшенію различныхъ породъ. Притомъ помѣси этого рода не только сохраняютъ свою воспроизводительную силу, но часто отличаются большею плодовитостью, чѣмъ тѣ чистыя породы, отъ которыхъ онѣ произошли. Не то видимъ мы относительно помѣсей, проис-

*) Руководствуюсь въ этомъ случаѣ сочиненіемъ французскаго академика Катрфажа. «Histoire naturelle de l'homme», помѣщеннымъ въ Revue des deux Mondes 1861 года и теперь переведеннымъ и на русскій языкъ.

[redacted]

шедшихъ отъ соединенія особей, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ видамъ. Онѣ существуютъ, но какъ болѣе или менѣе рѣдкое исключеніе. Въ царствѣ растительномъ число извѣстныхъ гибридъ не превышаетъ 20. Въ царствѣ животныхъ ихъ еще меньше (соединеніе собаки съ волкомъ, зайца съ кроликомъ, лошади съ осломъ и т. д.). Притомъ въ дикомъ, свободномъ состояніи помѣси этого рода встрѣчаются необыкновенно рѣдко. Для произведенія извѣстныхъ гибридъ нужно заботливое содѣйствіе человѣка, искусственное сближеніе двухъ особей, принадлежащихъ къ различнымъ видамъ, которыя на свободѣ никакъ бы не сблизились между собою (такъ въ одномъ звѣринцѣ удалось сблизить льва съ тигрицей и получить отъ нихъ помѣсь). Самое существенное различіе между метисами и гибридами заключается въ ихъ плодовитости. Помѣсь, происшедшая отъ соединенія особей, принадлежащихъ къ различнымъ видамъ (гибриды), теряетъ или совершенно или значительною частію свою способность къ размноженію. Такъ, напр., оселъ довольно часто соединяется съ лошадью и производитъ помѣсь, извѣстную подъ именемъ мула; но безплодіе муловъ слишкомъ извѣстно и было замѣчено еще въ глубокой древности, хотя и есть нѣкоторыя, чрезвычайно рѣдкія исключенія. То же самое и въ растеніяхъ. Въ случаѣ соединенія помѣси съ одною изъ чистыхъ породъ, отъ которыхъ они произошли, производительная сила оживляется, но результатомъ этого соединенія бываетъ воспроизведеніе чистаго, первоначальнаго типа. Однимъ словомъ, гибриды никогда не могутъ образовать изъ себя особой, новой породы: или остаются безплодны, или же воспроизводятъ одну изъ тѣхъ породъ, отъ соединенія которыхъ они произошли.

Таковы данныя, представляемыя естественными науками: ботаникой и зоологіей. Теперь къ какому роду по-

мѣсей, къ метисамъ или гибридамъ, слѣдуетъ отнести тѣ помѣси, которыя раждаются отъ соединенія лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ, различнымъ породамъ и группамъ, на которыя дѣлится человѣчество? Потомство Европейца и Негритянки можно ли сравнить съ метисами растительнаго и животнаго царствъ, или же ихъ слѣдуетъ приравнять къ гибридамъ? Въ первомъ случаѣ слѣдуетъ признать за этимъ потомствомъ смѣшаннаго происхожденія живучесть, возможность размноженія, возможность образованія изъ себя особаго типа, однимъ словомъ, признать право на жизнь и совершенствованіе. Во второмъ нужно отказать имъ въ будущемъ и, признавая, что бракъ Европейца съ Негритянкой даетъ потомство, осудить въ теоріи это потомство на медленное вымираніе, или же по крайней мѣрѣ не признать за нимъ возможности образовать изъ себя новый племенной типъ, отличный и отъ Европейца и отъ Негра, хотя и соединяющій въ себѣ нѣкоторые признаки того и другаго. Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ рѣшеніе другой не менѣе важной задачи. Если помѣси, образовавшіяся изъ соединенія лицъ различныхъ породъ, относятся къ метисамъ, тогда разнообразіе племенныхъ типовъ, замѣчаемое въ исторіи и существующее понынѣ, нисколько не помѣшаетъ признать единство происхожденія и природы человѣчества, потому-что возникновеніе существующихъ племенныхъ типовъ объяснится смѣшеніемъ породъ, принадлежащихъ къ одному и тому же виду (въ зоологическомъ и ботаническомъ смыслѣ), и насъ не удивятъ какъ ихъ многочисленность и разнообразіе въ настоящемъ и прошедшемъ, такъ и возникновеніе новыхъ племенныхъ типовъ въ будущемъ. Если же помѣси отличаются безплодіемъ и принадлежатъ къ тому роду, который натуралисты зовутъ гибридами, то ясно, что чело-

[redacted]

вѣчество распадается на нѣсколько отдѣльныхъ видовъ, рѣзко отличающихся одинъ отъ другаго по своей природѣ, видовъ неизмѣнныхъ, постоянныхъ, разъ навсегда опредѣленныхъ,—и единство происхожденія человѣчества немыслимо. Мы должны будемъ тогда признать, что каждый видъ, сложившись разъ навсегда подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій—климата и почвы—не можетъ существовать, если эти условія среды измѣнятся, и долженъ изчезнуть, какъ изчезли съ лица земли нѣкоторыя породы животныхъ (urus древней Германіи, зубръ, сохранившійся только въ Бѣловѣжской Пущѣ). Такъ и рѣшаютъ полигенисты, признавая каждую человѣческую породу за мѣстный продуктъ, за неизмѣнный, постоянный видъ, и отказывая помѣсямъ въ живучести. Къ этому, слѣдовательно, сводится весь вопросъ.

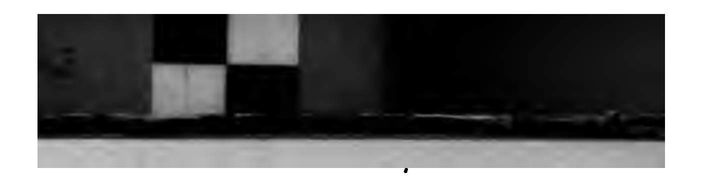
Должно замѣтить, что, ссылаясь на аналогію съ царствомъ животнымъ и растительнымъ, пользуясь ею для доказательства своего основнаго положенія, полигенисты часто грѣшатъ противъ точности научныхъ терминовъ и придаютъ этимъ терминамъ не всегда одно и то же общепринятое значеніе. Оттого въ ихъ сочиненіяхъ много противорѣчій и неточностей. Главное положеніе, общее имъ всѣмъ, заключается въ слѣдующемъ. Соединенія лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ породамъ, отличаются сравнительно меньшею плодовитостію, чѣмъ браки между лицами одного племени. Даже въ томъ случаѣ, когда брачное соединеніе между лицами разныхъ породъ производитъ потомство, дѣти, происшедшія отъ этого соединенія, уже отличаются сравнительнымъ безплодіемъ, которое еще болѣе увеличивается въ ихъ потомствѣ. Разумѣется, для доказательства они обращаются почти исключительно къ помѣсямъ, образовавшимся изъ соединенія самыхъ противо-

положныхъ породъ, указываютъ на соединеніе Европейцевъ съ Неграми, Готтентотами, туземцами Новой Голландіи, Сѣверной Америки, и избѣгаютъ говорить о смѣшеніи породъ, болѣе близкихъ другъ къ другу. Вотъ что говоритъ Ноттъ, одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ представителей сѣверо-американской школы полигенистовъ, о мулатахъ, то-есть, дѣтяхъ Европейца и Негритянки или Негра и женщины европейскаго происхожденія: «Изъ всѣхъ человѣческихъ породъ мулаты отличаются недолговѣчностію; особенною деликатностію сложенія отличаются мулатки; онѣ дурныя воспроизводительницы, дурныя кормилицы, подвержены выкидыванію и ихъ дѣти умираютъ вообще въ младенчествѣ. Когда мулаты вступаютъ въ бракъ между собою, они менѣе плодовиты, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они соединяются съ лицомъ, принадлежащимъ къ одной изъ чистыхъ породъ». То же самое повторяютъ и другіе писатели той же школы. По ихъ мнѣнію, браки между мулатами или совершенно безплодны, или же дѣти, происшедшія отъ этихъ браковъ, не доживаютъ до зрѣлаго возраста. Факты слишкомъ сильно говорятъ противъ подобныхъ выводовъ и сами же полигенисты должны въ этомъ сознаться и прибѣгать къ послѣднему средству для поддержанія своей теоріи, именно доказывать, что увеличеніе смѣшаннаго населенія въ южной и центральной Америкѣ, слишкомъ неопровержимое, объясняется тѣмъ, что эти страны колонизованы Французами и Испанцами, не чистыми представителями европейской расы (смѣшеніе съ Басками), считая чистѣйшими представителями этой расы только людей германскаго или англо-саксонскаго происхожденія. Но и тутъ факты говорятъ противъ нихъ: смѣшанное населеніе Флориды и Алабамы, отличающееся крѣпостью и здоровьемъ, произшедшее отъ соединенія туземцевъ съ поселенцами англо-

[redacted]

саксонской расы. Если нѣкоторые факты говорятъ, повидимому, въ ихъ пользу, если, напримѣръ, наблюденія надъ лицами смѣшаннаго происхожденія въ Ямайкѣ доказываютъ ослабленіе въ нихъ производительной силы; если можно принять за положительно доказанный фактъ, что на островѣ Явѣ потомство, происшедшее отъ брака Голландца съ женщиною малайской крови, не идетъ дальше третьяго поколѣнія, то эти факты объясняются чисто мѣстными условіями, потому что въ другихъ мѣстностяхъ тѣ же самые браки производятъ сильную и крѣпкую породу, быстро размножающуюся. Указываютъ на безплодіе соединенія Европейцевъ съ женщинами туземной расы Австраліи; но, во первыхъ, это безплодіе, еслибы и существовало, объясняется развратомъ, который всегда и вездѣ оказываетъ одинаковое вліяніе (какъ это положительно доказано статистическо-медицинскими изслѣдованіями относительно Европы, гдѣ, конечно, безплодіе не можетъ объясняться различіемъ породъ), дѣтоубійствомъ — слѣдствіемъ уже указанныхъ отношеній между англо-саксонскими колонистами и туземцами Австраліи, и многими другими причинами, нисколько не относящимися къ основному различію между породами. Кромѣ того самый фактъ несуществованія помѣсей между Европейцами и туземнымъ населеніемъ Австраліи крайне сомнителенъ или, лучше сказать, несомнѣнно ложенъ. Въ тѣхъ округахъ Новой Голландіи, гдѣ средства пропитанія болѣе обезпечены, гдѣ между европейскими колонистами и туземцами завязались болѣе мирныя сношенія, число метисовъ—людей смѣшаннаго происхожденія—довольно значительно и соединенія между лицами этихъ двухъ, совершенно различныхъ породъ далеко не отличаются безплодіемъ.

Еще неудачнѣе ссылка на безплодіе соединеній лицъ бѣлаго племени съ Готтентотами. Наблюденія показали, что

отъ брака Европейца съ Готтентоткой обыкновенно родится больше дѣтей, чѣмъ отъ брачныхъ соединенiй между самими Готтентотами, или же отъ брачныхъ соединенiй между Готтентотами и Неграми, хотя въ послѣднемъ случаѣ среднее число дѣтей все-таки выше, чѣмъ то же число у Готтентотовъ. Препятствiя къ размноженiю метисовъ, происшедшихъ отъ соединенiй Европейцевъ съ Готтентотами, отнюдь не естественныя, а искусственныя. Они заключаются въ томъ презрѣнiи, съ какимъ смотрѣли Европейцы на людей смѣшаннаго происхожденiя, и въ нѣкоторыхъ даже законодательныхъ мѣрахъ, напр., въ томъ, что законъ запрещалъ браки съ туземцами, а церковь отказывала въ крещенiи дѣтямъ, родившимся отъ Европейца и Готтентотки. Несмотря на все это, число лицъ смѣшаннаго происхожденiя довольно значительно. Капская колонiя основана въ 1650 г., а въ 1783 (по показанiю Levaillant'a) число метисовъ равнялось $^1/_6$ всего готтентотскаго племени. Часть этихъ метисовъ, принявшая имя Griguuas, избѣгая преслѣдованiй и притѣсненiй со стороны европейскихъ колонистовъ и даже самихъ Готтентотовъ, удалилась въ пустыни, въ глубь Африки, къ сѣверу отъ поселенiй Европейцевъ и образовало особый народъ, съ осѣдлыми поселенiями, съ городами и столицей, съ особымъ правительствомъ.

Наконецъ въ исторiи открытiй и колонизацiй Европейцевъ въ Тихомъ океанѣ есть одинъ случай, который окончательно разрушаетъ теорiю полигенистовъ о томъ, что соединенiя лицъ различныхъ породъ не могутъ образовать новаго племеннаго типа и что потомство, происшедшее отъ этихъ соединенiй, поражено безплодiемъ и прекращается само собою, не имѣя въ себѣ условiй жизненности и размноженiя. На этотъ разъ фактъ до того очевиденъ и ясенъ, что его одного вполнѣ достаточно для опроверженiя подобныхъ теорiй. Въ 1789 г. на

[redacted]

однимъ англійскомъ кораблѣ (Bounty), возвращавшемся съ острова Отаити, взбунтовались матросы, высадили въ лодки капитана и матросовъ, оставшихся ему вѣрными, а сами возвратились въ Отаити, который со времени открытія привлекалъ Европейцевъ. Часть осталась тамъ, а 9 человѣкъ Европейцевъ, взявши съ собою 6 человѣкъ Отаитянъ и 15 женщинъ съ того же острова, сѣли въ лодки и удалились на необитаемый островокъ Питкаэрнъ, неизвѣстный европейскимъ мореходцамъ, гдѣ они надѣялись укрыться отъ преслѣдованій англійскаго правительства. Въ послѣднемъ они не обманулись. Только въ 1825 г. капитанъ Бичей (Beechey) случайно наткнулся на этотъ островокъ и съ удивленіемъ нашелъ на немъ очень своеобразное населеніе. Вотъ что произошло между тѣмъ на этомъ островѣ въ теченіе времени съ 1790 г. до 1825, то-есть, въ 35 лѣтъ, когда новые поселенцы были отдѣлены отъ сообщеній съ остальнымъ міромъ. Девять европейскихъ колонистовъ принадлежали къ числу самыхъ буйныхъ и развратныхъ людей. Оттого въ маленькой колоніи были сильныя смуты. Отаитяне, доведенные до отчаянія деспотизмомъ бѣлыхъ, убили, съ помощію женщинъ, пятерыхъ изъ нихъ и потомъ перерѣзались между собою. Подруги бѣлыхъ, изъ мести за убитыхъ, перерѣзали убійцъ. Черезъ три года послѣ поселенія, ни одного туземца не осталось въ живыхъ и вся колонія состояла изъ 10 Отаитянокъ, нѣсколькихъ дѣтей и 4 Европейцевъ. Скоро погибъ одинъ изъ этихъ Европейцевъ, а другой былъ убитъ своимъ товарищемъ; остались въ живыхъ только двое мужчинъ на островѣ и то одинъ вскорѣ умеръ отъ болѣзни. Пережившій, Адамсъ, остался одинъ съ женщинами. Все это случилось въ первыя же 10 лѣтъ послѣ переселенія. Обстоятельства были самыя неблагопріятныя для размноженія и однакожь, когда въ 1825 году Бичей открылъ Питкаэрнъ, онъ нашелъ тамъ 66 человѣкъ мужчинъ и жен-

щинъ, управляемыхъ старикомъ Адамсомъ. Это населеніе, образовавшееся естественнымъ путемъ нарожденія изъ смѣси Европейцевъ съ туземцами Полинезіи, безъ всякой посторонней примѣси, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, отличалось, по описанію Бичея, красотою тѣлосложенія, силою мускуловъ, необычайною ловкостью и здоровьемъ. Вмѣсто вымиранія и безплодія, оказалось совершенно противоположное явленіе. Въ 1856 г. населеніе Питкаэрна почти утроилось въ 30 лѣтъ (съ 1825 г.), именно считало уже 189 человѣкъ (96 мужчинъ и 93 женщины), и островокъ оказался тѣсенъ для нихъ, такъ что они принуждены были выселиться. Лучшее доказательство противъ ученія о неживучести или безплодіи помѣсей трудно представить, и ясно, что, проводя аналогію съ помѣсями растительнаго или животнаго царства, мы должны признать помѣси человѣческія метисами, а никакъ не гибридами; при этомъ всѣ разнообразныя породы человѣчества представятся намъ частями одного вида, а не разными видами, въ естественно-историческомъ значеніи этого термина.

Новые типы могутъ возникать и дѣйствительно возникаютъ подъ соединеннымъ вліяніемъ условій внѣшней природы и кровнаго смѣшенія, и какъ ни крѣпокъ, ни устойчивъ разъ уже сложившійся и окрѣпшій племенный типъ, онъ не осужденъ на неподвижность, на вѣчную неизмѣняемость, изъ которой одинъ выходъ — смерть. Тотъ результатъ, который добытъ наблюденіями надъ современною дѣйствительностью, подтверждается и всею исторіей. На исторической сценѣ мы мало видимъ чистыхъ племенъ. Главные историческіе народы, преемственно являвшіеся представителями цивилизаціи, не могутъ похвалиться чистотою происхожденія. Правда, всѣ они принадлежали до-сихъ-поръ къ одной большой группѣ человѣческаго рода, но зато въ предѣлахъ этой группы происходитъ безпре-

[redacted]

рывное столкновеніе и смѣшеніе племенъ. Кромѣ того группа индо-европейская не ушла отъ смѣшенія съ племенами, принадлежащими къ другимъ группамъ: въ Азіи она смѣшивалась съ племенами монгольской, малайской, и даже частью негрской расы; въ Египтѣ и областяхъ Сѣверной Африки — съ племенами африканскими; въ Европѣ, кромѣ древнѣйшаго населенія иберійскаго, очевидно, не имѣющаго съ нимъ ничего общаго, индо-европейское поколѣніе на сѣверо-востокѣ приходило въ безпрерывныя соприкосновенія съ племенами финскими и монгольскими. Египтяне, Ассиріяне, Вавилоняне, Греки, Римляне, Французы, Испанцы, Англичане, наконецъ Русскіе не могутъ считаться совершенно чистыми племенами, свободными отъ всякой посторонней примѣси; напротивъ, они сложились изъ довольно разнообразныхъ племенныхъ элементовъ, хотя въ результатѣ и выработали своеобразный и опредѣленный національный типъ, отличающійся характеристически индивидуальными особенностями. Населеніе Азіи и Африки, и по показаніямъ современной этнографіи, и по свидѣтельству исторіи, значительною частью состоитъ также изъ племенъ смѣшаннаго происхожденія. Наконецъ въ Новомъ Свѣтѣ разнообразіе племенныхъ особенностей, замѣченное Европейцами въ первое время послѣ открытія, можно объяснить только столкновеніемъ и смѣшеніемъ различныхъ породъ въ эпоху, предшествовавшую этому открытію.

Какъ ни трудно предположить съ перваго взгляда сообщеніе между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ до открытія послѣдняго Европейцами въ XV и слѣдующихъ столѣтіяхъ, есть факты, которые заставляютъ допустить возможность и вѣроятность этихъ сношеній. Давно уже замѣчена была нѣкоторая аналогія между памятниками перуанской и мексиканской цивилизаціи и памятниками древнѣйшихъ цивилизацій Африки и особенно азіятскаго Востока. Путешествіе

и переселеніе смѣлыхъ Норманновъ въ Америку нѣсколькими столѣтіями опередили открытія Колумба (*). Есть нѣкоторыя, болѣе темныя и не столь достовѣрныя, указанія на пе-

---

*) *Rafn:* «О поселеніяхъ Норманновъ въ Америкѣ ранѣе 1000 года хр. эры»; также *C. Ritter*: «Geschichte der Erdkunde und der Entdeckungen. Vorlesungen an der Universität zu Berlin. Berlin 1861.»

Берегъ Гренландіи прежде всѣхъ видѣлъ *Гунбіорнъ* въ 877 г. Въ 983 г. Эрикъ *Рауде* былъ приговоренъ къ трехъ-лѣтней ссылкѣ изъ Исландіи и, руководясь показаніемъ Гунбіорна, отправился на западъ и назвалъ открытую землю Гренландіей. Бухту, гдѣ зимовали, онъ назвалъ Эриковой бухтой; мысъ, за которымъ находилась бухта, въ послѣдствіи получилъ названіе Мыса Херіольса, по имени одного поселенца (это—южная оконечность Гренландіи, Фаруэль Англичанъ и Штатенбукъ Голландцевъ). Эрикъ возвратился въ Исландію и въ 986 г. снарядилъ цѣлую флотилію колонистовъ. Изъ 35 кораблей только 14 достигли Гренландіи. Съ этого времени начинается колонизація Гренландіи. Въ 999 прибылъ изъ Норвегіи первый христіанскій миссіонеръ, въ 1124 г.—первый епископъ, Арнольдъ. Гренландскій епископъ платилъ Риму десятину (въ 1347 г. моржовыми клыками, in dentibus de Roardo). Въ XIII стол. въ Гренландіи было до 15 церквей, 280 усадебъ и дворовъ.—По другому описанію, на восточномъ берегу было 19 большихъ селеній, 12 епархій съ 16 церквами и 2 монастырями, на западномъ 9 селеній и 4 епархіи, два города, Гардаръ и Гратталидъ. Сношенія съ Европой прекращаются въ началѣ XV в. Въ 1408 г. семнадцатый епископъ Гренландіи, посвященный въ Дронтгеймѣ, не могъ за льдомъ пробраться въ Гренландію. Съ этихъ поръ до 1721 г. не было сношеній съ Гренландіею.

Гренландскіе поселенцы знали страну нынѣшнихъ С.-Амер. Штатовъ и звали ее Винландіей. Бьорнъ первый попалъ къ этимъ берегамъ (Нов. Шотландія, Ньюфаундлендъ и Лабрадоръ); Лейфъ, сынъ Эрика Рауде, по словамъ Бьорна, отправился изъ Гренландіи и поселился на нѣсколько лѣтъ на островѣ одной рѣки (Гудзонъ или вѣрнѣе Таунтонъ на Род-Эйландѣ). По извѣстіямъ Лейфа о продолжительности кратчайшаго дня въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ въ Винландѣ, видно, что это мѣсто подъ 41° 24' 10'' широты с. (почти подъ одною широтой съ Нью-Йоркомъ, Вашингтономъ, Филадельфіей). Жителей Винландіи Норманы называли карликами (значитъ Эскимосы, а не краснокожіе Индійцы). См. также Fr. Lacroix (Histoire des regions circumpolaires). Онъ думаетъ, что открытіе Гренландіи Норманами было еще раньше и приводитъ буллу Григорія IV (835 г.) къ Ансгарію, гдѣ есть указаніе на миссіи въ Исландіи и Гренландіи.

ѣздки не менѣе отважныхъ моряковъ испанскихъ и французскихъ приморскихъ провинцій. Еще яснѣе связь азіятскаго Востока съ Америкой. Красноватый, бронзовый цвѣтъ кожи не есть исключительная особенность сѣверо-американскихъ туземцевъ; онъ встрѣчается у нѣкоторыхъ племенъ на восточномъ берегу азіятскаго материка, у нѣкоторыхъ племенъ Африки. Сѣверо-западная оконечность Америки такъ близко сходится съ сѣверо-восточною оконечностію Азіи, соединена такимъ мостомъ острововъ, что нѣкоторые изслѣдователи невольно задавали тебѣ вопросъ, гдѣ кончается Азія и начинается Америка. До-сихъ-поръ Чукчи и другія племена совершаютъ ежегодныя періодическія перемѣщенія изъ Азіи въ Америку и обратно, и товары, вымѣненные ими на торгахъ въ Восточной Сибири, передаются самымъ отдаленнымъ племенамъ Сѣверной Америки. Для бродячихъ племенъ сѣверо-восточной Азіи переходъ въ Америку не могъ представлять никогда особыхъ затрудненій (*); но есть также указанія на возможность сношеній Японіи и Китая съ Америкой. Первые испанскіе мореплаватели нашли на берегахъ Америки обломки кораблей, украшенія на которыхъ были сходны съ китайскими и японскими. На этотъ фактъ не обратили вниманія и скоро совсѣмъ о немъ забыли за невозможностію объяснить его (**).

(*) См. „О торговыхъ сношеніяхъ между туземцами сѣверо-восточнаго берега Азіи и сѣверо-западной Америки". Ж. М. В. Дѣлъ 1851 г., часть XXXV, № 7, стр. 102.

(**) Китайскіе корабли заносило до Сандвичевыхъ острововъ. Въ 1648 году потерпѣвшіе кораблекрушеніе Японцы высадились на островѣ Гуамѣ (Guam). Мортонъ отрицаетъ возможность малайскихъ поселеній въ Америкѣ, но самъ же онъ приводитъ любопытный примѣръ, опровергающій его доказательство. Въ 1838 году японская джонка была выброшена бурей на тотъ же берегъ Америки, который онъ объявляетъ недоступнымъ для народовъ азіятскихъ, мало знакомыхъ съ мореплаваніемъ. См. *Gobineau*, t. IV, 259.

Новѣйшія изслѣдованія надъ океаническими теченіями даютъ теперь возможность полнаго и довольно легкаго объясненія. Эти изслѣдованія доказали существованіе въ Тихомъ океанѣ теченія (gulfstream), которое, касаясь южной части Японіи, идетъ по направленію къ Америкѣ. Это теченіе, названное именемъ Тесана, легко могло занести къ берегамъ Новаго Свѣта сбившіеся съ дороги корабли Китайцевъ и Японцевъ. Наконецъ великое экваторіальное теченіе Атлантическаго океана могло занести въ Мексиканскій заливъ лодки съ Неграми западнаго берега Африки. Какъ ни велика отдѣльность материка Америки отъ материковъ Стараго Свѣта, нѣтъ раціональныхъ причинъ отвергать всякую возможность хотя бы рѣдкихъ, случайныхъ сношеній между этими частями свѣта, возможность перехода въ Америку жителей Азіи, Европы и даже Африки (*). Еще легче предположить и даже доказать заселеніе Океаніи однимъ племенемъ и притомъ перешедшимъ на эти острова съ азіятскаго материка. Какъ ни многочисленны и ни разнообразны діалекты, которыми теперь говорятъ островитяне Тихаго океана, эти діалекты представляются обломками одного языка. Въ племенныхъ типахъ тѣхъ же островитянъ также замѣтны видоизмѣненія одного первоначальнаго, общаго всѣмъ имъ типа. Нужно ли говорить, что на островахъ Полинезіи еще возможнѣе для жителей смѣлыя и продолжительныя морскія странствованія или занесеніе бурею ихъ лодокъ (**). Всѣ наблюденія надъ моремъ, подвод-

(*) А. Вагнеръ (Gesch. der Urwelt) допускаетъ возможность заселенія Америки переселенцами Стараго Свѣта четырьмя путями: 1) черезъ Берингов проливъ, 2) цѣпью Японскихъ и Алеутскихъ острововъ, 3) изъ Южной Азіи черезъ Сандвичевы острова и 4) изъ западной Европы. Зибольдъ приводитъ многія доказательства возможности переселенія изъ Азіи образованнаго населенія Мексики.

(**) Значительное число Отаитянъ на большихъ двойныхъ пирогахъ было занесено далеко къ востоку, на разстояніи 120 географическихъ миль,

ными теченіями, направленіемъ вѣтровъ доказываютъ возможность вольныхъ, а еще болѣе невольныхъ сообщеній Новаго и Стараго Свѣта, возможность заселенія Новаго Свѣта выходцами изъ приморскихъ странъ Стараго Свѣта,—и теоріи полигенистовъ о мѣстномъ, отдѣльномъ происхожденіи человѣческихъ породъ (*), о природномъ различіи, существующемъ между этими породами, о невозможности сліянія ихъ между собою и образованія новыхъ племенныхъ типовъ вслѣдствіе измѣненія среды и кровнаго смѣшенія, получаютъ полное опро-

---

до Біан-Мартиновыхъ островов, гдѣ капитан Бичей нашел 40 изъ нихъ, оставшихся въ живыхъ.

(*) Относительно туземцевъ Америки доказательства ихъ отдѣльнаго происхожденія и существеннаго отличія отъ племенъ Стараго Свѣта окончательно формулированы нѣмецкимъ послѣдователемъ Мортона, докторомъ Карусомъ (Ueber die ungleiche Befaehigung der Menschheitsstaemme zur geistigen Entwickelung etc.). Вотъ эти доказательства: 1) американскій материкъ былъ неизвѣстенъ древнимъ Египтянамъ, Китайцамъ, Грекамъ и Римлянамъ; 2) во время открытія онъ былъ населенъ милліонами народа, по нравственнымъ и физическимъ особенностямъ совершенно отличнаго отъ племенъ Стараго Свѣта; 3) Американцы были окружены растеніями и животными, отличными отъ растеній и животныхъ Стараго Свѣта; 4) американскіе туземцы говорятъ на многихъ сотняхъ нарѣчій, родственныхъ однакоже между собою и существенно отличныхъ отъ языковъ Стараго Свѣта; 5) ихъ памятники архитектурные и скульптурные, ихъ земляныя работы свидѣтельствуютъ объ ихъ распространеніи въ глубокой древности; 6) состояніе распаденія, въ которомъ находятся скелеты, отыскиваемые въ древнѣйшихъ могилахъ Америки, заставляетъ отнести ихъ къ самому отдаленному времени; также анатомическія особенности немногихъ изъ уцѣлѣвшихъ древнѣйшихъ череповъ и сличеніе ихъ съ черепами американскихъ племенъ позднѣйшей эпохи представляютъ существенное различіе отъ череповъ всѣхъ другихъ племенъ; 7) древнѣйшіе обитатели Америки не имѣли буквъ и дѣйствительно фонетической системы письма, точно также какъ не знали домашнихъ животныхъ и многихъ древнѣйшихъ искусствъ восточнаго полушарія; 8) ихъ ариѳметическая система была единственная въ своемъ родѣ и ихъ астрономическія свѣдѣнія были несомнѣнно чисто мѣстнаго происхожденія. Ихъ календарь существенно отличенъ отъ календарей всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ Стараго Свѣта.

верженіе, какъ со стороны наукъ естественныхъ, разсматривающихъ человѣка, въ смыслѣ животнаго организма, такъ и со стороны исторіи.

Гипотеза о нѣсколькихъ видахъ, на которые распадается человѣчество, не выдерживаетъ критики и повѣрки наблюденіями надъ современною дѣйствительностію и достовѣрными фактами, представляемыми исторіею. И наблюденія и преданія говорятъ о возможности смѣшенія самыхъ различныхъ породъ, объ образованіи новыхъ племенныхъ типовъ.

Есть, впрочемъ, одна теорія, поддерживаемая однимъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ натуралистовъ, которая чрезвычайно соблазнительна, потому что, повидимому, разрѣшаетъ противорѣчія и представляетъ возможность соглашенія между самыми противоположными воззрѣніями. Это теорія Агассиза, которой основанія высказаны были еще въ то время, когда Агассизъ былъ профессоромъ въ Швейцаріи, но которая вполнѣ развита имъ уже когда онъ окончательно переселился въ Америку, гдѣ онъ занимаетъ теперь каѳедру естественной исторіи въ одномъ изъ южныхъ штатовъ Сѣверной Америки. Первыя начала этой теоріи высказались еще въ 1840 и 45 годахъ. Окончательно формулировалась она уже въ 1859. Для Агассиза нѣтъ сомнѣнія, что родъ человѣческій, несмотря на все разнообразіе племенныхъ типовъ, составляетъ одинъ видъ въ зоологическомъ смыслѣ. Изслѣдованія о помѣсяхъ для него не имѣютъ особеннаго значенія, равно какъ и вопросъ, слѣдуетъ ли приравнять ихъ къ метисамъ или гибридамъ растительнаго и животнаго царствъ. Впрочемъ, признавая человѣчество какъ одинъ видъ, Агассизъ допускаетъ сохраненіе въ помѣсяхъ производительной силы и жизненность. Главная задача Агассиза не въ этомъ. Онъ доказываетъ только, что человѣкъ явился не вдругъ и не въ одномъ мѣстѣ, что различныя породы образовались или сотворены независимо одна отъ другой

[redacted]

и на разныхъ пунктахъ земнаго шара, а не произошли отъ одного корня. Отвергается такимъ-образомъ не единство физической природы человѣчества, а единство происхожденія. Поставленный въ этой формѣ, и самый вопросъ, подобно его рѣшенію, становится не новымъ. Онъ былъ возбужденъ задолго до того времени, когда естественныя и историческія науки начали свои изслѣдованія надъ человѣческими племенами, возникъ совершенно на иной почвѣ и притомъ на такой, гдѣ всего менѣе можно было ожидать его возбужденія, именно на почвѣ богословской экзегезы. Еще въ 1655 г. одинъ протестантскій (гугенотскій) богословъ, La Peyrère, или, какъ подписывался онъ по-латини, Peirerius, издалъ сочиненіе: *Systema theologicum, ex Praeadamitarum hypothesi*, сожженное, по приказанію Сорбоны, рукою палача. Основаніемъ для этого оригинальнаго воззрѣнія служили тексты св. писанія, между которыми Пейреръ замѣтилъ разногласіе или противорѣчіе, что̀, по его убѣжденію, могло быть устранено помощію его гипотезы о сотвореніи рода человѣческаго не въ одинъ и тотъ же день и притомъ не въ лицѣ одного Адама и его подруги. Главными его основаніями были: 1) мѣсто изъ 5-й главы посланія св. апостола Павла къ Римлянамъ, которое будто намекаетъ на существованіе людей до Адама; 2) язычники отличаются другимъ происхожденіемъ отъ Евреевъ, идущихъ отъ Адама; 3) первая глава книги Бытія говоритъ о сотвореніи человѣка будто не совершенно согласно со 2-ю главой той же книги и Каинъ взялъ себѣ жену не изъ племени Адама; 4) древніе памятники и въ особенности древнія астрономическія вычисленія указываютъ на время, предшествовавшее Адаму.

Это сочиненіе вызвало противъ себя сильную бурю и авторъ, обратившись къ католицизму, принужденъ былъ самъ отъ него отречься. Съ тѣхъ поръ оно было забыто до нашего

времени. Я не думаю, разумѣется, проводить параллель между богословскою системой французскаго гугенота и естественно-историческою теоріей знаменитаго натуралиста. Различіе между ними такъ же велико, какъ различіе между наукой XIX и наукой XVII вѣковъ. Самая почва, которая породила эти воззрѣнія, совершенно различна. Одно опирается на толкованіе и соглашеніе текстовъ, подлинность которыхъ заранѣе не подвергается никакому сомнѣнію; другое опирается на безчисленныя изслѣдованія по всѣмъ отраслямъ естествовѣдѣнія и не имѣетъ ничего, кромѣ чисто научной цѣли. Это сходство, безъ-сомнѣнія, случайно, тѣмъ не менѣе замѣчательно. Теорія Агассиза главнымъ образомъ основывается на географическомъ распредѣленіи животныхъ, на зоологической географіи. Произведенія флоры и фавны уже сгруппированы въ извѣстныя области, растенія и животныя имѣютъ свою родину. Одинъ человѣкъ живетъ во всѣхъ климатахъ земнаго шара и въ этомъ случаѣ составляетъ едва-ли не единственное исключеніе. Признавая это исключительное положеніе человѣка, Агассизъ думалъ замѣтить отношенія между человѣческими породами и извѣстными флорами и фавнами и выяснить ихъ. Считая всѣ породы человѣчества подраздѣленіями одного вида, онъ признаетъ, что отличительныя особенности каждой расы составляютъ ея существенный, исконный, первоначальный характеръ, что каждая создана особенно, въ своей родинѣ, и что предѣлы родины каждой расы совпадаютъ съ предѣлами извѣстной зоологической области. Извѣстная порода людей составляетъ такой же характеристическій признакъ извѣстной зоологической области, какъ и нѣкоторыя породы животныхъ, исключительно принадлежащихъ той же области. Однимъ словомъ, Агассизъ принимаетъ нѣсколько центровъ творенія, образовавшихся неодновременно и независимо одинъ отъ другаго.

Этихъ центровъ творенія или, какъ онъ называетъ ихъ, зоологическихъ царствъ, Агассизъ насчитываетъ восемь. Къ своему главному сочиненію объ этомъ предметѣ Агассизъ приложилъ и карту своего распредѣленія земнаго шара на зоологическія царства и области, а также для каждаго царства и таблицу, на которой соединены изображенія тѣхъ формъ животныхъ и людей, которыми характеризуется каждое зоологическое царство. Эти царства слѣдующія: 1) *арктическое*, или полярное, характеризующееся Эскимосами, бѣлымъ медвѣдемъ, моржомъ, китомъ, гагой и т. д.; 2) *монгольское*, которое, кромѣ монгольскаго племени, характеризуется тибетскимъ медвѣдемъ, сибирскою козой, однимъ видомъ антилопы и т. д.; 3) *европейское* царство, котораго отличительныя животныя бурый медвѣдь, олень, каменный козелъ и пр.; 4) *американское* (американскій медвѣдь, бизонъ, виргинскій олень и т. д.); 5) *африканское* царство (обезьяна шимпанзе, слонъ, риноцеросъ и т. п.); 6) *готтентотское* (гіена, квагга, особый видъ риноцероса и т. д.); 7) *малайское* (тапиръ, орангутангъ, индійскій слонъ и пр.) и наконецъ 8) *австралійское* (кангуру, опоссумъ, орниторингъ и пр).

Теорія Агассиза имѣетъ далеко не то основаніе, какое имѣла богословская система Пейрера: она опирается на чисто-научныя изслѣдованія, она чужда всѣхъ постороннихъ соображеній. Агассизъ принимаетъ за основу наблюденій современную дѣйствительность, существующую форму человѣческихъ племенъ; онъ не хочетъ знать не только той или другой религіозной системы и не думаетъ подчинить ей заранѣе свои выводы: онъ не хочетъ знать ни исторіи, ни лингвистики. О послѣдней онъ отзывается съ такимъ презрѣніемъ, котораго не скоро найдется другой примѣръ въ научныхъ изслѣдованіяхъ, къ какой бы области знанія они ни относились. По его

мнѣнію, на основаніи сходства или несходства языковъ основывать свои выводы о племенномъ родствѣ народовъ такъ же полезно и справедливо, какъ доказывать родство камчатскаго медвѣдя съ медвѣдями Тибета, Восточной Индіи, Зондскихъ острововъ, Непала, Сиріи, Сибири, Сѣверной Америки, Скалистыхъ горъ и Андовъ, основываясь на сходствѣ ихъ рычанія, вопреки свидѣтельству зоологіи, относящей этихъ животныхъ къ различнымъ видамъ. Трудно полнѣе сохранить, даже безъ особой нужды, независимость одной науки отъ всѣхъ остальныхъ, и выводы Агассиза можно бы принять за послѣднее слово естествовѣдѣнія о данномъ вопросѣ, еслибы возраженія шли только со стороны другихъ наукъ, заинтересованныхъ также его разрѣшеніемъ, но не имѣющихъ собственныхъ средствъ достигнуть этого разрѣшенія помимо наукъ естественныхъ. Теорія Агассиза кажется тѣмъ болѣе обольстительною, что она, опираясь на такое, повидимому, твердое основаніе, какъ зоологическая географія, признаетъ однакоже единство природы, если не единство происхожденія рода человѣческаго, допускаетъ живучесть и плодовитость помѣсей, и, слѣдовательно, уничтожаетъ существенный пунктъ въ спорѣ между приверженцами двухъ крайнихъ теорій, и даетъ возможность соглашенія. Доказать единство происхожденія человѣческаго рода отъ одной пары изъ одной страны наука пока еще не можетъ собственными средствами, и даже приверженцы единства происхожденія доказываютъ только его возможность и полную вѣроятность, и не могутъ идти далѣе. Казалось, соглашеніе было бы возможно; но дѣло въ томъ, что самыя существенныя возраженія противъ теоріи Агассиза идутъ не отъ богослововъ, даже не отъ историковъ или лингвистовъ — хотя и историкъ можетъ указать на нѣкоторые факты, допускающіе возможность заселенія материковъ и острововъ Новаго Свѣта выходцами изъ Стараго; хотя и

лингвистъ можетъ доказать внутреннее сродство языковъ Полинезіи и Америки съ языками Азіи и Африки, — а прежде всего и главнымъ образомъ отъ самихъ натуралистовъ и притомъ такихъ, которые высоко ставятъ ученыя заслуги швейцарскаго естествоиспытателя и нисколько не думаютъ умалить цѣнность его спеціальныхъ изслѣдованій. Эти возраженія притомъ такого рода, что они подрываютъ теорію Агассиза въ самомъ ея основаніи, доказывая, что, не говоря о человѣческихъ породахъ и вообще о человѣкѣ, самое его дѣленіе на зоологическія царства произвольно и не выдерживаетъ повѣрки, что его характеристическія животныя отнюдь не составляютъ исключительной принадлежности того или другаго царства, что дѣленіе въ томъ видѣ, какъ оно предложено, невозможно и противорѣчитъ всѣмъ признаннымъ фактамъ. Я не могу, разумѣется, даже и поверхностно обозрѣть эти возраженія и отсылаю читателя къ труду извѣстнаго французскаго натуралиста Катрфажа.

Этою непрочностью самаго основанія объясняются и тѣ споры, которые вызвали труды Агассиза, и то ложное положеніе, которое онъ невольно занялъ между полигенистами и ихъ противниками.

Повторю въ краткихъ словахъ тѣ результаты, которыхъ достигли различныя науки путемъ самостоятельнаго изслѣдованія о человѣкѣ и его отношеніяхъ къ внѣшней, физической природѣ.

Человѣчество не представляется теперь глазамъ историка безразличною массою. Оно распалось на болѣе или менѣе ясно опредѣленныя, рѣзко разграниченныя по своимъ физическимъ и нравственнымъ свойствамъ группы. Передъ глазами историка выяснилось разнообразіе племенныхъ типовъ съ ихъ характеристическими особенностями, съ ихъ устойчивостью и стремленіемъ сохранить въ главныхъ чертахъ свою основную

физіономію. Многое въ событіяхъ человѣческой исторіи объяснилось и объясняется особенностями народнаго типа, его физическими и нравственными свойствами, дающими его дѣятельности то или другое направленіе, дѣлающими тотъ или другой народъ способнымъ или неспособнымъ въ извѣстное время осуществить извѣстную задачу. Это разнообразіе племенныхъ типовъ не можетъ однакоже доходить до существеннаго, основнаго и прирожденнаго различія въ самой человѣческой природѣ. Новые племенные типы слагаются при новыхъ условіяхъ внѣшней природы, вслѣдствіе кровнаго смѣшенія уже прежде существовавшихъ племенъ. Иные типы, являвшіеся прежде съ рѣзко обозначеннымъ характеромъ, теперь уже не существуютъ болѣе, хотя они и не изчезли безслѣдно, а вошли, какъ извѣстный образовательный элементъ, въ новыя племена и народности, занявшія ихъ мѣсто. Ни одно племя не можетъ считаться отверженнымъ по своей природѣ, выдѣленнымъ изъ общаго призванія человѣчества къ постепенному совершенствованію. Если изчезли или изчезаютъ нѣкоторыя низшія племена, они гибнутъ случайно, а не вслѣдствіе естественнаго закона вымиранія, и человѣкъ напрасно хочетъ сложить на отвѣтственность Провидѣнія или судьбы печальныя слѣдствія своего собственнаго эгоизма, своихъ собственныхъ страстей или непредусмотрительности. Въ существѣ самой низкой, полуживотной еще породы мы должны, какъ-бы дорого ни стоило это нашему самолюбію, признать брата не только по природѣ, но и по призванію, и судъ исторіи совершается, рано или поздно, надъ тѣми горделивыми племенами, которыя забываютъ, въ своемъ торжественномъ шествіи, что они идутъ по костямъ и трупамъ подавленныхъ ими младшихъ братій, за которыми они умышленно не хотѣли признать не только правъ на родство и участіе, но даже и самаго права на жизнь. Безчисленное разнообразіе племенныхъ особенностей не должно скры-

вать отъ сознанія высшихъ представителей человѣчества внутренняго единства, царящаго надъ этимъ разнообразіемъ, придающаго ему смыслъ и значеніе, и дѣло народовъ высшей цивилизаціи—быть руководителями племенъ, находящихся еще на низшей степени развитія, къ той общей всѣмъ имъ цѣли, къ которой идетъ человѣчество въ его всемірно-историческомъ развитіи.

Отрицая возможность появленія человѣка, какъ продукта одной внѣшней, физической природы; признавая ту рѣзкую черту, которая отдѣляетъ даже самыя низшія племена отъ царства животнаго, мы не должны отрицать того великаго вліянія, которое имѣетъ внѣшняя природа на человѣка, не только въ его младенческомъ, первобытномъ состояніи, но и во все продолженіе его исторической дѣятельности, на всѣхъ ступеняхъ его историческаго развитія. Иначе горькій опытъ можетъ тяжело наказать насъ за горделивое самообольщеніе. Приведу нѣсколько мыслей изъ сочиненія знаменитаго Риттера.

«Система планетной природы въ ея мѣстномъ устройствѣ оказываетъ сильное вліяніе, какъ на юношеское развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ еще гораздо болѣе на развитіе цѣлыхъ племенъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это вліяніе природы, даже не говоря о всѣхъ другихъ сопровождающихъ его дѣйствіяхъ, необходимо имѣло важнѣйшія послѣдствія для душевнаго и умственнаго преобразованія человѣка, равно какъ и для особнаго его проявленія во внѣшности въ различныхъ странахъ земнаго шара чрезъ всѣ столѣтія человѣческой исторіи. Итакъ въ этомъ, кромѣ племеннаго происхожденія, заключается содѣйствующее условіе для развитія народной индивидуальности, вслѣдствіе вліянія окружающей природы, которая въ видѣ непроизвольныхъ, жиз-

[redacted]

ненныхъ привычекъ, явственно отпечатлѣвается на душѣ человѣческой, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ въ ней постоянно сообразную съ мѣстностію умственную дѣятельность.» (*)

(*) Риттеръ: «Идеи о сравнительномъ землевѣдѣніи» («Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій» т. II. стр. 509.)

[redacted]

ЦЕНТРЪ РИМСКАГО МІРА

и

ЕГО ПРОВИНЦІИ.

[illegible]

[illegible]

[redacted]

I.

Римская республика погибла въ мучительномъ бореніи. Ея паденіе было неизбѣжною необходимостію, и единственное оправданіе демократической диктатуры Цезаря заключается въ исторіи тѣхъ внутреннихъ смутъ, которыми вызвана была эта диктатура. Многими чертами своего личнаго характера переходилъ Цезарь черезъ завѣтную грань чисто римскихъ воззрѣній. Его пороки и добродѣтели были во многомъ чужды старому римскому народному характеру, и никогда яснѣе не высказывалась эта противоположность, какъ во время знаменитаго засѣданія сената, когда, послѣ заговора Катилины, Катонъ, во имя коренныхъ *римскихъ* убѣжденій, возсталъ противъ мнѣній Цезаря. Политическая реформа, введенная Цезаремъ, полагала начало новому порядку вещей, несовмѣстному съ государственными учрежденіями республиканскаго Рима. Тѣмъ не менѣе она была логическимъ, необходимымъ результатомъ всего предшествовавшаго развитія. Для Рима VII-го вѣка послѣ основанія города (I-ый до Р. Х.) возможенъ былъ выходъ или въ анархію или въ диктатуру, въ военную монархію. Цезарь рѣшилъ послѣднее, но и на высшей степени своего могущества онъ остался вѣренъ своему прошедшему. Прирожденный вождь демократической партіи, онъ остался демократомъ даже и въ то время, когда полновластно располагалъ судьбами Рима, когда замышлялъ принять царскій титулъ. Власть, основанная имъ, была диктатура, но диктатура демо-

кратическая. Послѣ смерти Цезаря, новыми смутами доказана была для Рима невозможность возврата къ прежнимъ учрежденіямъ, несовмѣстимость республиканской свободы съ господствовавшими стремленіями. Истомленное государство признало власть Августа. Съ восторгомъ привѣтствовали Римляне пріобрѣтеніе внутренняго мира и спокойствія, хотя бы то было и на счетъ политической свободы. Знаменитое слово Лудовика-Наполеона: «Имперія—это миръ», въ устахъ Августа было бы еще справедливѣе, и миръ не замедлилъ обнаружить свои благотворныя слѣдствія. Первое время имперіи, по справедливости, названо золотымъ вѣкомъ Рима, относительно котораго здѣсь ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Абсолютизмъ является иногда *историческою* необходимостію, шагомъ впередъ въ государственномъ развитіи народовъ. Въ Греціи, въ эпоху борьбы демократіи съ олигархіей, греческіе тираны, становясь во главѣ демократическихъ стремленій, окончательно подорвали аристократію, подготовили возможность новаго развитія свободныхъ учрежденій. Средневѣковыя городскія общины, безправные виланы, примыкали всѣми своими надеждами къ монархической власти новой Европы, только въ ней одной находя защиту противъ феодальнаго самоуправства. Какъ переходное состояніе, какъ возможность иного, лучшаго будущаго, абсолютизмъ имѣетъ свое историческое оправданіе, даже проявляясь въ суровыхъ, жесткихъ формахъ. Склоняясь подъ его иногда тяжелою опекой, растутъ и крѣпнутъ тогда силы народа, дорастаетъ онъ до своего политическаго совершеннолѣтія, до сознанія и признанія своей собственной полноправности. Поставленный самъ себѣ цѣлію, абсолютизмъ гибельно дѣйствуетъ на все живое, смертельнымъ недугомъ поражаетъ организмъ общества.

Абсолютизмъ римскихъ императоровъ, основанный на демократической диктатурѣ, является въ исторіи съ двойственнымъ

[redacted]

значеніемъ, потому что самое политическое устройство римскаго міра прежде всего поражаетъ своею двойственностію. Позабудемъ на время, что всѣ *свободныя* государства древняго міра строились въ свои разнообразныя государственныя формы на крѣпкомъ фундаментѣ *рабства*. Кромѣ этого постояннаго раздѣленія на рабовъ и свободныхъ, не менѣе рѣзкое различіе было и между лично свободными подданными одного и того же государства: между полноправными и неполноправными гражданами. Въ неполноправности было также много степеней, цѣлая іерархія. Между римскимъ гражданиномъ временъ республики и провинціаломъ, въ политическомъ отношеніи, лежала цѣлая бездна. Оттого и различна была ихъ постановка относительно абсолютизма императоровъ. Потомки древнихъ квиритовъ гибли, не вынося тяжелаго гнета деспотизма; для провинціаловъ начало имперіи было зарею освобожденія, и они явились самою надежною опорой императорской власти. Если даже въ самомъ Римѣ временъ имперіи все болѣе и болѣе оскудѣвала и вырождалась римская кровь, зато въ стѣнахъ Вѣчнаго города сталкивались представители всѣхъ народностей, одинаково пользуясь правами римскаго гражданства, и даже на тронъ цезарей открывалась возможность вступить не только Галлу, сдѣлавшемуся Римляниномъ во всѣхъ отношеніяхъ, но даже полудикому Ѳракійцу или сыну Аравійской пустыни. Уже при Августѣ, скупомъ на раздачу правъ гражданства, было 4,137,000 римскихъ гражданъ, вмѣсто 450,000, считавшихся до Цезаря. А скоро и всѣ обитатели имперіи были признаны полноправными гражданами Рима. Въ первой четверти V вѣка по Р. Х., когда уже такъ ясно было безпомощное положеніе Римской имперіи, когда Готы Алариха уже ворвались въ священныя стѣны Вѣчнаго города, галскій поэтъ, бывшій префектъ Рима, обращаясь къ нему въ восторженномъ благоговѣніи, такъ опредѣлялъ исто-

рическое значеніе Рима для древняго міра: «Тебя не могли сдержать палящіе пески Ливіи, тебя не остановили льды Сѣвера. Какъ далеко простирается къ полюсамъ царство жизни, такъ далеко открыта земля для твоей доблести. Ты далъ общую родину различнымъ народамъ; для тѣхъ, кто жилъ внѣ закона, было благодѣяніемъ твое владычество. Предлагая побѣжденнымъ часть во всѣхъ правахъ своихъ, ты сдѣлалъ городъ изъ того, что было прежде вселенною (urbem fecisti quod prius orbis erat); законами просвѣтилъ ты покоренную вселенную, ты заставилъ всѣхъ жить въ общемъ союзѣ». Дѣйствительно, таково было значеніе Рима и въ особенности Римской имперіи для разрозненныхъ народовъ древности. Имперія разбила исключительную замкнутость стараго Рима, сдѣлала общимъ достояніемъ то, что было до тѣхъ поръ священнымъ правомъ однихъ квиритовъ, до крайнихъ предѣловъ римскаго міра раздвинутъ былъ померій [1]) Вѣчнаго города. Съ полнымъ правомъ могъ говорить бл. Іеронимъ, подъ вліяніемъ скорбнаго чувства, о взятіи Рима Готами: «Отсѣчена была глава Римской имперіи, цѣлый міръ погибъ въ одномъ городѣ». Римъ временъ имперіи не былъ могущественнымъ городомъ, съ исключительными, ему одному принадлежащими, правами,—это была столица огромнаго государства, обнимавшаго три части Свѣта. Задача имперіи состояла въ томъ, чтобы обобщить вѣковые результаты исключительнаго, замкнутаго существованія Рима, и въ тѣ времена только абсолютизмъ императоровъ могъ совершить такое дѣло. Но, обобщая еще до него добытые результаты, абсолютизмъ не могъ стать самъ движущимъ началомъ новаго развитія.

Напротивъ, подъ его гибельнымъ вліяніемъ изсякали всѣ жизненныя силы древняго Рима. Чѣмъ глубже и полнѣе про-

---

[1]) Священная черта древняго города.

никала римская жизнь въ нравы покоренныхъ народовъ, тѣмъ менѣе становилось ея въ самомъ Римѣ, и скоро Римлянъ можно было найти повсюду, кромѣ города Ромула. Самые блестящіе представители римской цивилизаціи были провинціалы; лучшими образцами римской доблести служили люди не-римскаго происхожденія. Но всѣмъ своимъ могуществомъ имперія была обязана республикѣ. Лучшіе литераторы сознаютъ, что дѣло ихъ современниковъ — не расширеніе предѣловъ государства, а сохраненіе того, что было уже пріобрѣтено республикою. Уже Августъ, умирая, завѣщалъ не раздвигать границъ имперіи. За немногими исключеніями, завоеванія временъ имперіи были чисто оборонительными мѣрами. Скоро пришлось относить назадъ Римскую границу. Развитіе духовныхъ силъ государства прекратилось съ паденіемъ свободныхъ учрежденій. Обыкновенно въ процвѣтаніи литературы временъ Августа и послѣдующихъ императоровъ видятъ внутреннее оправданіе абсолютизма. Золотой вѣкъ Августа является какъ бы созданіемъ имперіи, какъ бы освященіемъ ея законности. На это указываютъ, чтобы доказать благотворное вліяніе абсолютизма, чтобы примириться съ утратою политической свободы. Обольщеніе изчезаетъ впрочемъ при ближайшемъ знакомствѣ съ тѣмъ временемъ. Абсолютизмъ самъ по себѣ безсиленъ, чтобы вызвать къ жизни духовныя силы народа. Напротивъ, онъ поражаетъ ихъ безплодіемъ. Золотой вѣкъ Августа не былъ произведеніемъ имперіи. Это былъ результатъ предшествовавшаго развитія, послѣднее завѣщаніе умиравшей свободы. Если въ немъ искать чьего-либо оправданія, то, конечно, это не будетъ оправданіе абсолютизма. Не забудемъ, что монархія Августа не была крутымъ переворотомъ; она не снесла съ лица земли республиканскихъ учрежденій. Скорѣе это было ловкое соглашеніе монархическаго содержанія съ республиканскими формами. Абсолютизмъ еще не облекся во внѣ-

шнія формы, ему одному свойственныя, не нашелъ еще даже себѣ приличнаго имени. Преданія республиканской свободы еще были крѣпки и сильны, еще не утратили власти надъ умами; еще стояли самыя формы республиканскаго правленія, и даже тѣ императоры, въ комъ всего сильнѣе была наклонность къ деспотизму, осторожно обращались съ ними. Это-то переходное время и ознаменовалось процвѣтаніемъ литературы. Когда абсолютизмъ сбросилъ съ себя оковы, когда въ Римѣ и въ провинціяхъ начались сатурналіи деспотизма, тогда изсякъ живой источникъ умственной дѣятельности. Писатели, воспитывавшіеся подъ его гнетомъ и утратившіе самый смыслъ политической свободы, поражены безплодіемъ, и ихъ-то нужно считать представителями мысли временъ имперіи, а не великихъ поэтовъ, историковъ и ораторовъ переходнаго времени, еще принадлежавшаго республикѣ лучшимъ своимъ содержаніемъ. Еслибы имперія была причиною такого блестящаго развитія умственной дѣятельности, то чѣмъ объяснить скоротечность этого развитія, быстрое паденіе литературы? Имперія дала литературѣ только матеріальное обезпеченіе, *otium*, досугъ, необходимый для нея—и только! Всѣмъ остальнымъ литература обязана предшествовавшему развитію. Абсолютизмъ былъ такъ же губителенъ для свободнаго развитія мысли, какъ обоготвореніе императоровъ для религіозныхъ вѣрованій народа.

Въ римской исторіи мы видимъ вездѣ это двойное значеніе имперіи. Вліяніе Рима на народы, признававшіе его власть, распространеніе римской цивилизаціи между ними, и въ то же время паденіе этой цивилизаціи, вымираніе всѣхъ живыхъ силъ древняго міра, утрату гражданской доблести и религіозныхъ вѣрованій. Въ судьбахъ римской имперіи мы будемъ слѣдить однакоже не за отношеніемъ ея къ прошедшему, но за тою стороной, которая обращена къ будущему. Прежде всего нужно познакомиться съ предѣлами рим-

[redacted]

скаго міра, съ тѣми народностями, на которыя простиралось вліяніе греко-римской образованности. Говорю греко-римской, потому что Римъ временъ имперіи уже вполнѣ подчинялся чарующему вліянію Эллады. Старый Катонъ напрасно возставалъ противъ вторженія Греціи въ Римъ. Онъ самъ подъ конецъ жизни прилежно изучалъ греческихъ писателей. Пламенная Греція овладѣла умами своихъ побѣдителей, и лучшіе люди послѣднихъ временъ республики были воспитаны на изученіи безсмертныхъ произведеній еще свободной Эллады. Половина владѣній Рима непосредственно признавала господство формъ греческой образованности; для другой половины Римъ былъ проводникомъ ея.

Трудно съ точностью обозначить предѣлы римскаго *міра*. Они простирались далеко за границы *римской имперіи*. Имперія, это — провинціи, управляемыя, по конституціи Августа, или сенатомъ или самимъ императоромъ. Но за ними были еще цари, признававшіе верховную власть Рима, народы данники, народы союзные, и т. д.

Вліяніе Рима распространялось и тамъ, куда не доходила власть его. Знаменитый путешественникъ Бартъ находилъ въ Африкѣ развалины римскихъ укрѣпленій, римскихъ гробницъ тамъ, куда до него не заходила нога Европейца. Крайними предѣлами римскаго міра можно положить на югѣ пустынную степь Сахары, гдѣ трудно было основать прочное поселеніе. На юго-востокѣ Аравія и Эѳіопія представляли почти неодолимыя трудности для завоеванія. При Августѣ Элій Галлъ сдѣлалъ-было попытку проникнуть въ пустыню Аравіи, но его предпріятіе кончилось полною неудачей. Провинція, основанная Траяномъ, подъ названіемъ Аравіи, съ главнымъ городомъ Бострой, не принадлежала къ собственной Аравіи. Въ Эѳіопіи, въ началѣ нашей эры, было два государства: Нубійское на сѣверѣ, съ главнымъ городомъ Напатой, и Аксоми-

тійское на юговостокѣ, съ городомъ Аксоне. Нубія, которая была управляема царицами, почти постоянно носившими имя Кандакіи, не ушла отъ вторженія Римлянъ. За 24 года до Р. Х. Петроній, правитель Египта, взялъ-было Напату. Это былъ самый южный пунктъ, куда простиралось римское оружіе. Въ юговосточную часть Эѳіопіи, въ Аксоне, доходило мирнымъ путемъ только греческое вліяніе. Владѣтель Аксоне въ I вѣкѣ по Р. Х. былъ воспитанъ погречески. На дальнемъ востокѣ Великая Арменія, Колхида и Иберія были въ большей или меньшей зависимости отъ Рима. Въ Діоскуріи, или Севастополѣ, 130 толмачей употреблялись Римлянами для сношеній съ народами Кавказа. Ambigua gens Арменіи, какъ называетъ ее Тацитъ, колебался между властію Римлянъ и Парѳянъ. Царство Парѳянъ полагало предѣлъ распространенію владычества Римлянъ на востокѣ, и Евфратъ можно положить границею имперіи. Но за оффиціальными границами находились *Regiones ultra fines imperii, dubiae libertatis* *), на которыя простиралось вліяніе Римлянъ, если не самая власть. Черное море, Рейнъ и Дунай отдѣляли имперію отъ пустынь Скиѳіи и Сарматіи и отъ лѣсистой Германіи. Атлантическій океанъ былъ границею западною. Но имперія переходитъ и эти границы. На берегахъ Чернаго моря находилось Босфорское царство, зависимое отъ Рима. Клавдій окончательно покорилъ открытую Цезаремъ Британію. Въ 43 году совершилось ея завоеваніе, а въ 61 году, когда возстали покоренные, 3 римскихъ колоніи были разрушены, и 70,000 римскихъ поселенцевъ перерѣзано. Эта цифра погибшихъ всего лучше говоритъ о томъ, какой притокъ римскихъ колонистовъ былъ въ завоеванныя земли. За Рейнъ и Дунай далеко шло вліяніе Рима, и римское имя чтилось самыми отдаленными народами. Августъ раздѣлилъ всю римскую имперію на 28 провинцій. Изъ нихъ

*) «Страны за предѣлами имперіи, сомнительной независимости».

16 были подъ непосредственною властію самого императора; остальныя 12—въ вѣдѣніи сената и народа римскаго. Первыя назывались stipendiariae, вторыя — tributariae.

Греко-римская цивилизація въ эту эпоху проникла во всѣ концы римскаго міра, но не вездѣ одинаково было распространено ея вліяніе. Можно обозначить границу между распространеніемъ эллинизма и римскаго вліянія. Если провести линію почти по 17 градусу в. д., которая будетъ отдѣлять Далмацію отъ Эпира на сѣверѣ, и на югѣ кончится около города Береники, отдѣляя Киренаику отъ пустынь, лежащихъ между нею и бывшимъ владѣніемъ Карѳагена—эта линія будетъ раздѣльною между греческимъ и римскимъ міромъ. Исключеніе составитъ одна Сицилія, которая, находясь на западъ отъ этой линіи, принадлежала однакоже искони къ міру греческой цивилизаціи. Римское вліяніе господствовало на западѣ. Со временъ Александра эллинизмъ глубоко проникъ въ жизнь народовъ западной Азіи и Египта. Киренаика была страною чисто греческаго образованія. Это раздѣленіе на міръ римскій и греческій глубоко коренится во всемъ прошедшемъ, оказываетъ вліяніе и на всю послѣдующую исторію. Соединенные подъ одною властію, римскій Западъ и греческій Востокъ не могли никогда слиться воедино. Разъединеніе проникало во всѣ сферы жизни, протестовало противъ насильственнаго соединенія и готовило будущее распаденіе на восточную и западную имперію, на восточную и западную церковь.

Мы разсмотримъ одна за другою эти двѣ главныя части Римской имперіи: провинціи, подчинившіяся римскому вліянію, и провинціи съ господствующими формами греческой образованности. Замѣтимъ прежде всего одно обстоятельство. Какъ бы глубоко ни проникало въ жизнь чуждыхъ народовъ греческое или римское вліяніе, оно не могло однакоже совершенно стереть слѣдовъ прежнихъ національностей. Подъ внѣшними фор-

ками греческой или римской жизни коренились прежнія племенныя начала; они воздѣйствовали на самый характеръ греческой или римской образованности, ими принятой, придавая ему свои племенныя особенности.

Начнемъ съ *Италіи* и съ *западной половины имперіи*, которая вообще важнѣе для будущей исторіи христіанской Европы. Италія временъ республики простиралась къ сѣверу до устья Рубикона и гавани Луны. Въ концѣ V столѣтія отъ О. Р. (III-го до Р. Х.) Римъ окончательно покорилъ своей власти это пространство. Галлія цизальпинская и Венетія покорены въ 532 году; Лигурія во второй половинѣ VI вѣка и въ первой четверти VII-го. Августъ окончилъ завоеваніе Приморскихъ Альпъ. Августъ же раздвинулъ до Альпъ оффиціальные предѣлы Италіи, раздѣливъ ее на 11 областей, управляемыхъ квесторами. Къ ней же присоединилъ онъ и Истрію. Закономъ такъ-называемымъ *lex Iulia* (90 и 89 гг. до Р. Х.) Италія получила право гражданства, но это право дорого стоило ей. Война Италиковъ противъ Рима стоила ей болѣе 300,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Самнитское и этрусское населеніе было почти совершенно уничтожено. Тяжело обрушились на Италію мѣры Силлы. Населеніе Италіи, уменьшившееся отъ войнъ и правительственныхъ распоряженій, еще болѣе гасло отъ экономическаго положенія страны, отъ сосредоточенія мелкихъ земледѣльческихъ участковъ въ рукахъ небольшого числа богатыхъ владѣльцевъ, отъ страшнаго притока рабовъ, отъ военныхъ колоній, отъ выселеній въ другія страны. Земледѣльческое населеніе, составлявшее главную силу Италіи, почти совершенно изчезло. *Latifundia perdidere Italiam*, говоритъ Плиній. Въ замѣчательномъ посланіи къ сенату Тиверій указываетъ на главныя причины упадка благосостоянія Италіи, на villarum infinita spatia, на servorum nationes. Военныя колоніи, которыми думали Це-

[redacted]

зарь и Августъ восполнить недостатотъ населенія, оказали только вредное дѣйствіе. Колоніями отнималось мѣсто у прежнихъ землевладѣльцевъ, а поселенные солдаты не пополняли убыли. Повсюду видны опустѣвшіе города. Въ одномъ Лаціумѣ Плиній насчитываетъ 57 изчезнувшихъ народовъ или городовъ. Во всемъ Самніумѣ только два города заслуживали это названіе. На 32 народа, нѣкогда населявшихъ Самніумъ, Плиній указываетъ только 9 городовъ. Повсюду запустѣніе и развалины. Пастбищами замѣнились прежнія пашни, и страна, оставленная безъ обработки, дѣлалась нездоровою. Волей и неволей переселялись изъ Италіи ея обитатели, оставляя мѣсто рабамъ. Въ одинъ годъ вывелъ Августъ 120,000 колонистовъ изъ Италіи въ провинціи. Сколько же переселилось въ другое время, сколько добровольно оставляли Италію или шли въ Римъ, чтобы жить тамъ на счетъ государства?!

Вопросъ о томъ, въ какой степени сохранились прежніе народные элементы Италіи, какъ глубоко шло вліяніе Рима, очевидно, разрушительно дѣйствовавшее на чуждыя національности, этотъ вопросъ важенъ не столько для исторіи самой Римской имперіи, сколько для исторіи средневѣковой Европы. Какъ бы ни были живучи племенные элементы, они подчинялись однакожь политическому авторитету Рима, подавлялись имъ, были почти незамѣтны изъ-за него. Только послѣ конечнаго паденія политическаго могущества Рима становится виднѣе ихъ вліяніе на образованіе новыхъ народностей. Отсюда трудность изслѣдованія. Не многія изъ этихъ народностей оставили памятники своего существованія въ достаточномъ количествѣ, чтобы можно было составить о нихъ сколько нибудь полное понятіе. Эти памятники, если они и существуютъ, слишкомъ отрывочны и слишкомъ скудны. Большая часть народовъ, покоренныхъ Римомъ, утратила и языкъ свой вмѣстѣ съ политической независимостію. Всѣ извѣстія идутъ только отъ римскихъ

и греческихъ историковъ, а они не всегда могли понять и изобразить отличительные признаки чуждыхъ народностей. Римскіе историки, напримѣръ, говоря о религіозныхъ вѣрованіяхъ другихъ народовъ, почти постоянно давали туземнымъ божествамъ имена и аттрибуты боговъ греко-римской миѳологіи. Да притомъ, когда римскіе писатели обратили вниманіе на исторію покоренныхъ народовъ, для нѣкоторыхъ было это уже поздно. Они сами позабыли преданія о своей прежней жизни. Такъ уже Катонъ старшій напрасно искалъ историческихъ воспоминаній у Лигурійцевъ. Римское вліяніе, если не совершенно уничтожило племенную основу покоренныхъ, то во всякомъ случаѣ сильно видоизмѣнило ее, и, освободясь отъ власти Рима, выступая снова на сцену, эти народности, очевидно, являлись не въ своей первобытной чистотѣ, но съ болѣе или менѣе чуждою примѣсью, иногда почти вполнѣ утративъ черты своей прежней физіономіи. Тѣмъ не менѣе сильно было вліяніе этнографическихъ элементовъ на образованіе новой народности, бывшей продуктомъ ихъ вліянія. На самомъ Римѣ временъ имперіи уже рѣзко почувствовалось вліяніе чуждыхъ народностей. Онъ, очевидно, не похожъ на Римъ временъ республики: такъ измѣнился составъ и характеръ его народонаселенія. Еще рѣзче выступаютъ особенности новой италіанской народности, отличающія ее и отъ чисто римской и отъ другихъ, легшихъ однакоже въ ея основу. Для насъ очень важно поэтому знать, какія племена въ Италіи еще сохраняли свою этнографическую самостоятельность во время Римской имперіи, не утративъ внѣшнихъ своихъ признаковъ, и какія вполнѣ или частью уже подчинились вліянію латинскаго элемента, котораго могучимъ представителемъ былъ Римъ. Относительно италійскихъ племенъ, кромѣ общей неизбѣжной трудности, для изслѣдователя судьбы древнихъ народностей, подъ властію Рима, есть еще особенная трудность.

Прежде чѣмъ слѣдить за измѣненіемъ той или другой народности, наука затрудняется въ самомъ ихъ опредѣленіи. Населеніе Аппенинскаго полуострова весьма разнообразно въ этнографическомъ отношеніи. Трудно подвести многочисленныя племена Италіи подъ большія народныя группы, но еще труднѣе опредѣлить характеръ нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ. О нѣкоторыхъ еще длятся споры ученыхъ, и имъ не предвидится конца по крайней мѣрѣ до того времени, пока какой нибудь счастливый случай не прибавитъ новыхъ данныхъ къ ограниченному числу тѣхъ, которыя уже находятся въ распоряженіи науки. За исключеніемъ собственно латинскаго, только два племени, на противоположныхъ концахъ полуострова, являются съ яснымъ, хорошо знакомымъ наукѣ, характеромъ. Это— Греки въ южной Италіи, Галлы или Кельты на сѣверѣ Аппенинскаго полуострова. Относительно другихъ народностей древней Италіи много еще темнаго, неразъясненнаго исторіею. Лигуры, Венеты, загадочные Этруски занимали сѣверную и часть средней Италіи. За ними къ югу шли племена италійскія, къ которымъ принадлежали и Латины. Намъ не вполнѣ еще ясны однакоже отношенія различныхъ племенъ, одинаково принадлежавшихъ къ этому семейству италійскихъ народовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ оставили и письменные памятники, но ихъ или не можетъ еще разгадать вполнѣ филологія, или ихъ слишкомъ недостаточно для опредѣленія свойствъ самого языка, на которомъ они писаны. На юговосточной оконечности Италіи находились племена Япигіевъ, которые, кажется, отличаются, сколько можно судить по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ надписямъ, отъ Италиковъ, но которые скоро подчинились эллинскому вліянію. Начнемъ съ юга обозрѣніе различныхъ народностей Италіи.

Греки еще въ древности поселились въ южной части полуострова. Кумы, напримѣръ, были основаны за 1050 лѣтъ до

Р. Х. Многочисленныя поселенія выходцевъ Эллады, дали названіе Великой Греціи всему юговосточному прибрежью Италіи. Полудикіе туземцы Апуліи, Калабріи, легко подчинялись вліянію народа образованнаго. Сближеніе произошло тѣмъ скорѣе, чѣмъ ближе были по языку и происхожденію племена, входившія въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Греческій языкъ скоро усвоился туземцами вмѣстѣ съ греческою образованностію. Племена Бруціума называются *bilingues* (Страб. VI, 2; Diod. XIII, 5), потому что они говорили на двухъ языкахъ, или же потому, что элементы оскій и греческій смѣшались въ ихъ нарѣчіи. Апулія, бывшая во времена Тимея (400 л. отъ О. Р.) еще совершенно варварскою, была признаваема въ VI столѣтіи чисто греческою страною. Греческое вліяніе сильно вкоренилось въ нравы туземцевъ, когда Великая Греція вошла въ столкновеніе съ Римлянами и потомъ подпала ихъ власти. Но римское владычество, подчиняя себѣ племена греческой образованности, вступало съ ними въ другаго рода отношеніе, нежели къ другимъ племенамъ. Латинскій элементъ не могъ быстро распространяться на счетъ греческаго. Правда, подчиненіе Риму не осталось безъ нѣкоторыхъ слѣдствій. Кумы обратились къ римскому сенату, прося, какъ милости, позволенія писать на латинскомъ языкѣ свои оффиціальные акты; но такихъ примѣровъ не много было въ исторіи греческихъ городовъ въ Италіи. Народы Великой Греціи не были племенами низшей цивилизаціи относительно Римлянъ. Напротивъ, послѣдніе, сохраняя свое оффиціальное презрѣніе ко всему, что не носило на себѣ чисто римскаго характера, не могли однакоже устоять противъ чарующаго вліянія эллинизма. Напрасны были возгласы Катона старшаго противъ распространенія греческой образованности, а иногда строгія мѣры самого сената,—Греція покорила своему вліянію своего побѣдителя. Латинскій языкъ могъ быть языкомъ правительствен-

[redacted]

ымъ въ городахъ Великой Грецiи, зато погречески говорили всѣ образованные граждане самого Рима.

Намъ не нужно впрочемъ указывать на взаимную постановку Грецiи и Рима, чтобы доказать живучесть греческаго элемента на югѣ Италiи. Есть факты, служащiе лучшимъ, неопровержимымъ доказательствомъ того, что римское владычество не сгладило слѣдовъ греческой колонизацiи. Даже въ Галлiи, гдѣ одна Марсель была проводникомъ эллинизма, и тамъ ясные слѣды народнаго употребленiя греческаго языка мы находимъ въ VI вѣкѣ по Р. Х. Еще дольше сохранялся греческiй языкъ, какъ языкъ народный, въ южной Италiи. Онъ началъ теряться только въ XIV столѣтiи въ Калабрiи. По свидѣтельству знаменитаго Нибура, въ его время жители окрестностей Локръ еще говорили погречески. Совсѣмъ иное было съ племенами, вмѣстѣ съ Латинами, принадлежавшими къ одному и тому же семейству народовъ италiйскихъ. Слiянiе ихъ съ Римлянами совершилось довольно легко и латинскiй языкъ скоро подчинилъ себѣ родственные дiалекты. Большинство племенъ италiйскихъ оставило намъ образцы своихъ нарѣчiй въ надписяхъ. Если нельзя на основанiи этихъ надписей получить полнаго понятiя о языкѣ ихъ, все-таки можно судить о большей или меньшей близости его къ языку латинскому.

О близкомъ сходствѣ языка нѣкорыхъ племенъ съ римскимъ сохранились и положительныя историческiя извѣстiя. Если двѣ знаменитыя надписи Осковъ (Абелла въ Кампанiи и Банцiя въ Апулiи) только съ трудомъ могутъ быть объяснены латинскимъ языкомъ, зато мы знаемъ что ателланы, сатирическiя представленiя, давались въ Римѣ, начиная съ VI столѣтiя отъ О. Р. на языкѣ Осковъ, отъ которыхъ они и были заимствованы (Ателла въ Кампанiи). Римляне, слѣдовательно, могли вполнѣ понимать это нарѣчiе. Оскскiй языкъ пережилъ поли-

тическое существованіе самого народа. По свидѣтельству Страбона, на немъ еще говорили жители прежнихъ осскихъ мѣстностей, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ сдѣлавшіеся вполнѣ Римлянами, а надписи въ Помпеѣ доказываютъ существованіе этого языка въ I-мъ столѣтіи по Р. Х. Вольски по языку болѣе отличались отъ Римлянъ, чѣмъ Оски, сколько можно судить по надписи, найденной въ Веллетри, столицѣ Вольсковъ. Родственны съ латинскимъ были и нарѣчія Маррущиновъ, Пиценовъ, Марсовъ и другихъ племенъ. Тоже можно сказать и о Сабинахъ. По крайней мѣрѣ только близостію діалектовъ можно объяснить ту легкость, съ которою Сабины мѣняли свой языкъ на нарѣчіе Осковъ или Латинъ. Во время Варрона (I ст. по Р. Х.) языкъ Сабинъ былъ, по свидѣтельству этого писателя, уже совершенно замѣненъ латинскимъ. Труднѣе сказать что нибудь положительное о языкѣ и населеніи Умбріи. Историческія судьбы Умбровъ скрыты во мракѣ, покрывающемъ древнѣйшую исторію Италіи. Геродотъ даетъ названіе Умбріи обширной странѣ до самыхъ Альпъ. Въ понятіяхъ Римлянъ, Умбры были antiquissima gens Italiae, и въ древности имъ принадлежала мѣстность Этруріи и земли между Тибромъ и Аппенинами, которыя достались потомъ Сабинамъ. Въ послѣдствіи предѣлы Умбріи сократились. Умбры владѣли только пространствомъ между Тибромъ, Аппенинами и Адріатикою. Сеннонскіе Галлы вторглись и покорили ихъ. Самое происхожденіе Умбровъ долго было предметомъ сильныхъ споровъ, и иные хотѣли видѣть въ нихъ Кельтовъ. Во многомъ замѣтно вліяніе Этрусковъ. Въ 1444, въ Гоббіи, небольшомъ городкѣ Папской области, стоящемъ на мѣстѣ умбрійскаго Игувіума, случайно найдено было 7 бронзовыхъ таблицъ, изъ которыхъ 5 покрыты были этрусскими и 2 латинскими письменами, такъ впрочемъ, что и тѣ и другія выражали звуки одного и того же языка. По мѣсту нахожденія, очевидно, это

[redacted]

были надписи Умбровъ. Съ 1613 года, когда сдѣлана была первая попытка объясненія, эти tabulae Eugubinae постоянно были загадкою для филологовъ, и, если вспомнимъ, что Ланци, Отфридъ Мюллеръ, Гротефендъ, Лассенъ и Лепсіусъ трудились надъ ихъ изученіемъ, трудно повѣрить, какъ до сихъ поръ остался неяснымъ таинственный смыслъ ихъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ нѣсколько фактовъ стало уже положительнымъ пріобрѣтеніемъ для науки. Попытки объяснить ихъ языкомъ кельтскимъ оказались вполнѣ несостоятельными. Близкое родство языка эвгубинскихъ таблицъ съ языкомъ латинскимъ не подвержено сомнѣнію. Сходство является не только въ созвучіи словъ, но и въ самомъ грамматическомъ строеніи языка. По всему видно, что языкъ Умбровъ, точно также какъ осскій, вольскій и сабинскій, принадлежалъ къ той же группѣ языковъ италійскихъ, составлялъ діалектъ того же языка. Этимъ объясняется и скорое поглощеніе его языкомъ латинскимъ. Эпоха его изчезновенія совершенно неизвѣстна. Нельзя даже опредѣлить ее сколько нибудь вѣрно. Племена италійскія дали Риму блестящихъ представителей латинской литературы. Уроженецъ умбрійской Сарсины, Плавтъ, на ряду съ Осками, Энніемъ и Невіемъ, стоитъ въ числѣ римскихъ писателей.

Перейдемъ теперь къ другимъ племенамъ, населявшимъ въ древности среднюю и верхнюю Италію, на которыхъ ясна печать чуждаго происхожденія, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго съ Италиками. Прежде всего, мы встрѣчаемся съ таинственными Этрусками. Уже для древнихъ было неразрѣшимою тайной ихъ происхожденіе. Рѣзко выдѣлялся языкъ и весь бытъ Этрусковъ отъ языковъ и быта другихъ народовъ Италіи. Трудно было не признать въ нихъ чуждыхъ поселенцевъ, и большинство древнихъ писателей, слѣдуя Геродоту, видѣло въ нихъ выходцевъ изъ Азіи, Лидянъ. Титъ Ливій говорилъ о

нихъ, какъ о горцахъ Ретійскихъ Альпъ. Діонисій Галикарнасскій заподозриваетъ ихъ лидійское происхожденіе, не находя ни малѣйшаго сходства въ языкѣ и бытѣ. Онъ сообщаетъ и ихъ народное имя *рассены*. Еще больше противорѣчій въ мнѣніяхъ новыхъ историковъ. Извѣстно предположеніе историка Нибура, по которому собственно-Этруски были племя Ретійскихъ Альпъ, покорившее Тирреновъ-Пеласговъ. Отфридъ Миллеръ предложилъ новую гипотезу. За нею слѣдовало мнѣніе Лепсіуса. Ни одно изъ нихъ еще не установилось прочно въ наукѣ. Отъ Египтянъ, Финикіянъ, Хананеянъ и, наконецъ, отъ Гиксовъ выводятъ нѣкоторые ихъ происхожденіе. Для насъ не столь важенъ впрочемъ самый вопросъ de origine Этрусковъ, сколько отношеніе ихъ къ Римлянамъ и живучесть ихъ племеннаго элемента. Въ политической исторіи Рима Этруски имѣютъ значеніе во все время періода царей и потомъ до взятія города Галлами. Ихъ владычество простиралось несравненно далѣе въ первое время ихъ могущества (in Tuscorum jure penes omnis Italia fuerat). Къ сѣверу власть и поселеніе ихъ шли по долинамъ Ломбардіи, почти до Альпъ. Къ югу доходили они до Везувія. Кромѣ собственной Этруріи, была Etruria Circumpadana и Etruria Campaniana. Римляне окончательно разрушили политическую силу и самую самостоятельность Этруріи, но она всего менѣе могла легко слиться съ Римлянами въ одинъ народъ. Самая исключительность, своеобразность языка и быта Этрусковъ были надежною оградою противъ утраты племеннаго характера. Крѣпость храненія была кромѣ того въ характерѣ населенія Этруріи. Чрезвычайно любопытный примѣръ этого видимъ мы въ исторіи введенія христіанства между Этрусками. Когда жители Флоренціи рѣшились принять христіанство, они поставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы сохранена была неприкосновенною статуя Марса, особенно чтимаго жителями города. И, дѣйствительно,

[redacted]

средневѣковые лѣтописцы Италіи упоминаютъ объ этой статуѣ, какъ о жилищѣ демона; даже въ XIII столѣтіи у ея подножія происходили кровавыя сцены, совершилось убійство Буондельмонте, бывшее началомъ долгихъ войнъ и смутъ. Въ послѣднее время римскаго язычества, Этрурія была училищемъ греческой мудрости; гадатели и авгуры были извѣстны подъ общимъ именемъ Этрусковъ и знаменитѣйшіе первосвященники Рима считали обязанностію въ Этруріи изучать преданія жреческой науки. Такъ о Претекстатѣ, одномъ изъ славнѣйшихъ бойцевъ за язычество во время Граціана и Валентиніана II, говоритъ Симмахъ, что онъ долго жилъ въ Этруріи для полнѣйшаго знакомства съ искусствомъ гаданія. Уже и потому дольше другихъ народовъ Италіи могли сохранить Этруски свою племенную самостоятельность, что они выработали своеобразную образованность. Языкъ ихъ имѣлъ довольно богатую письменность, хотя преимущественно религіознаго содержанія. Памятники цивилизаціи Этрусковъ въ огромномъ количествѣ остались до нашего времени. Положительныя извѣстія о существованіи языка Этрусковъ идутъ по крайней мѣрѣ до II вѣка нашего лѣтосчисленія, но очевидно, что онъ жилъ въ устахъ народа гораздо долѣе того времени, къ которому относятся эти историческія свидѣтельства. Племенныя же особенности, этнографическую основу, хранитъ народъ даже и тогда, когда утраченъ имъ самый языкъ. По разсказамъ Тита Ливія и Діонисія Галикарнасскаго этрусскій языкъ былъ господствующимъ языкомъ между жителями Этруріи. На немъ говорили не въ однѣхъ горахъ, куда труднѣе всего проникаетъ чуждое вліяніе, гдѣ самыя условія мѣстности благопріятствуютъ храненію прежнихъ преданій. Онъ былъ разговорнымъ языкомъ и для болѣе образованныхъ жителей городовъ, гдѣ всего чаще было столкновеніе съ Римлянами, и гдѣ языкъ латинскій былъ языкомъ правительственнымъ. Въ половинѣ II вѣка, по словамъ

Авла Геллія, этрусскій языкъ еще удивлялъ Римлянъ суровостію и странностію своихъ звуковъ, и на немъ еще говорили жители Этруріи. Флорентійцы и до сихъ поръ произносятъ hrazia вмѣсто grazia. Это послѣднее положительное извѣстіе такого рода, что невозможно предположить быстраго исчезновенія языка Этрусковъ вскорѣ послѣ Авла Галлія, а существованіе языка есть только внѣшній признакъ существованія самой народности, которая обыкновенно долго переживаетъ его исчезновеніе.

Къ сѣверо-западу отъ Этруріи, по берегамъ Генуэзскаго залива, лежала Лигурія, которая была окончательно покорена Римлянами въ первой половинѣ VII вѣка отъ О. Р. По справедливому замѣчанію Нибура, исторія застаетъ лигурійскій народъ только въ эпоху его паденія. И, дѣйствительно, играя важную роль въ преданіяхъ доисторическаго періода, Лигуры рѣдко упоминаются въ достовѣрной исторіи. Гезіодъ считаетъ ихъ со Скиѳами и Эѳіопами за первобытныхъ обитателей земли. Въ древнѣйшее время, Лигуры простирались отъ Пириней до Тибра, имѣя сѣверною границею Севенны и Швейцарскія Альпы. По преданіямъ, сохраненнымъ между прочимъ Ѳукидидомъ, Лигуры вытѣснили съ восточныхъ береговъ Испаніи Сикановъ, первоначальныхъ населенцевъ Сициліи. Въ историческую эпоху, Лигуры были сосредоточены по обоимъ склонамъ Аппенинскаго хребта и по берегамъ Средиземнаго моря, отъ устья Вара до устья Арно. На памяти исторіи осталось только время упадка Лигуровъ. Катонъ Старшій уже не нашелъ у нихъ историческихъ преданій и выдалъ ихъ за Грековъ, основываясь на формѣ щитовъ. По такому внѣшнему признаку, могущему кромѣ того быть совершенно случайнымъ, трудно, разумѣется, опредѣлить народность Лигуровъ. Къ сожалѣнію, изслѣдователь почти не имѣетъ подъ руками другихъ болѣе существенныхъ признаковъ. Въ то время, когда римскіе писатели обратили на нихъ вниманіе, Лигуры были грубымъ и бѣднымъ племенемъ, жившимъ въ су-

[redacted]

ровыхъ долинахъ Аппенинъ и Приморскихъ Альпъ. Они вели жизнь полудикихъ народовъ. У нихъ не было и письменности. Надпись въ трехъ словахъ этрусскими буквами, изданная ученымъ Ланци, по всей вѣроятности принадлежитъ не ихъ языку. Изъ языка Лигуровъ древніе писатели сохранили намъ только три слова съ значеніемъ, но по нимъ трудно опредѣлить, къ какой группѣ европейскихъ языковъ относится языкъ Лигуровъ. Къ счастію, изслѣдованія Вильгельма Гумбольдта о языкѣ Басковъ могутъ служить помощію для опредѣленія народности Лигуровъ. Изучая географическія имена мѣстностей древней Испаніи, Вильгельмъ Гумбольдтъ пришелъ къ нѣкоторымъ неопровержимымъ результатамъ. Важнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: 1) названія мѣстностей Пиренейскаго полуострова принадлежатъ двумъ языкамъ, совершенно различнымъ; 2) первая группа, заключающая въ себѣ большую часть именъ, принадлежавшихъ областямъ, занимаемымъ, по извѣстіямъ древнихъ, Иберами, можетъ быть объяснена языкомъ Басковъ, такъ что нельзя сомнѣваться въ тождествѣ Басковъ съ древними Иберами; 3) другая группа относится къ мѣстностямъ, гдѣ жили Кельты, и сходна съ географическими названіями другихъ кельтскихъ странъ; объясненія этихъ названій должно искать въ остаткахъ языка кимврскаго и галльскаго; 4) иберійскія имена мѣстностей, кромѣ Испаніи, встрѣчаются на югѣ Галліи, въ Италіи и на островахъ Средиземнаго моря; и 5) тамъ, гдѣ встрѣчаются иберійскія названія рядомъ съ географическими именами другихъ языковъ, ихъ можно считать древнѣйшими. Вильгельмъ Гумбольдтъ ничего не говоритъ о тождествѣ Лигуровъ и Иберовъ. Онъ ограничился доказательствомъ присутствія иберійскихъ названій мѣстностей, легко объясняемыхъ языкомъ Басковъ, на Аппенинскомъ полуостровѣ. Окончательное признаніе иберійскаго происхожденія Лигуровъ принадлежитъ Форіелю, коснувшемуся этого вопроса въ своемъ изслѣдованіи объ образованіи италіан-

скаго языка. Языкъ Басковъ былъ хорошо извѣстенъ Форіелю, и къ Лигуріи онъ приложилъ тотъ же методъ изслѣдованія, какой былъ употребленъ Гумбольдтомъ для древней Испаніи. Прежде всего онъ указываетъ на городъ Лигурику или Лигурію въ Бетикѣ, потомъ переходитъ къ объясненію мѣстныхъ названій Лигуріи. Съ обычною своею скромностію Форіель не выдаетъ за положительный результатъ тождества Лигуровъ съ Иберами, представляя это мнѣніе, какъ вѣроятную гипотезу; но кто знакомъ съ трудами Форіеля, съ его глубокою ученостію и добросовѣстностію, тотъ не усомнится придать его предположеніямъ несравненно болѣе вѣсу, чѣмъ придавалъ имъ скромный авторъ. До новыхъ изслѣдованій иберійское происхожденіе Лигуровъ можетъ быть признано наукою. Что касается до судьбы лигурійскаго языка подъ владычествомъ Римлянъ, объ ней трудно сказать что-нибудь положительное. Мы не находимъ извѣстій о распространеніи латинскаго языка въ Лигуріи. Достовѣрно только то, что въ городахъ и вообще въ болѣе населенныхъ мѣстахъ языкъ латинскій былъ господствующимъ въ послѣднее время римскаго владычества. Форіель думаетъ иначе о положеніи латинскаго языка въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ. По его мнѣнію, для тѣхъ племенъ Лигуріи, которыя, по общему свидѣтельству древнихъ писателей, жили въ горахъ подобно дикимъ звѣрямъ, не было побудительныхъ причинъ мѣнять свое нарѣчіе на языкъ побѣдителей. Столкновенія съ Римлянами были не такъ часты, чтобы принудить ихъ къ этому. Потому есть вѣроятность думать, что эти полудикія племена дольше другихъ сохранили языкъ свой, и Форіель предполагаетъ, что лигурійскій языкъ сохранялся въ отдаленныхъ и малодоступныхъ мѣстностяхъ во все время римскаго владычества, уступивъ только вліянію новолатинскаго языка, т. е. италіанскаго, отъ котораго жители Генуи до сихъ поръ отличаютъ свой языкъ, генуезскій.

[redacted]

Намъ остается разсмотрѣть судьбу только двухъ племенъ сѣверной Италіи, именно Венетовъ и Галловъ. Венетія или Венеція принадлежала къ числу областей Италіи и лежала между Адиджемъ, Карнійскими Альпами и Адріатическимъ моремъ. Рѣка Timavus отдѣляла ее отъ Истріи. Происхожденіе Венетовъ было неизвѣстно древнимъ. Одни производили ихъ отъ пафлагонскихъ Генетовъ, упоминаемыхъ у Гомера, другіе сближали ихъ съ гальскими Венетами. Послѣднее мнѣніе впрочемъ было совершенно опровергнуто Полибіемъ, который, допуская нѣкоторое сходство въ нравахъ, положительно утверждаетъ, что ихъ языкъ былъ совершенно отличенъ отъ кельтскаго. Непріязнь къ Галламъ заставила Венетовъ покориться Риму. Преданіе о построеніи Троянцами Падуи задолго до основанія Рима носитъ на себѣ печать греческаго происхожденія. Мнѣніе Маннерта, признававшаго ихъ за Вендовъ, т. е. Славянъ, встрѣтило сильное возраженіе со стороны Цейса и Гротефенда, хотя имѣетъ за себя много вѣроятности. Мнѣніе Геродота, признававшаго ихъ Иллирійцами, нашло многихъ послѣдователей. Нибуръ считаетъ ихъ впрочемъ за Либурновъ далматскихъ. Форіель признаетъ ихъ Иллирійцами и въ языкѣ Албанцевъ или Скипетаровъ предлагаетъ искать ближайшаго объясненія языка Венетовъ, о которомъ впрочемъ извѣстно чрезвычайно мало, и отъ котораго не осталось письменныхъ памятниковъ. Латинскій языкъ вытѣснилъ, какъ кажется, совершенно туземное нарѣчіе. 13 народовъ, 9 городовъ Венетіи изчезли. Осталось только 7, изъ которыхъ Падуя занимаетъ первое мѣсто. Зато въ небольшой области Венетовъ было 6 римскихъ колоній, чѣмъ доказывается сильный притокъ сюда римскаго населенія.

Галлы, подъ предводительствомъ Белловеза вторгнувшіеся въ сѣверную Италію и основавшіе тамъ прочное поселеніе, вѣроятно, принадлежали къ обѣимъ отраслямъ кельтскаго племени,

хотя и нельзя этого доказать положительными свидѣтельствами древнихъ писателей, потому что списки племенъ, слѣдовавшихъ за Белловезомъ, представленные Титомъ-Ливіемъ и Полибіемъ, различны и почти не имѣютъ между собою ничего общаго. Кельтское племя распадалось, какъ извѣстно, на двѣ главныя отрасли, изъ которыхъ каждая до сихъ поръ еще сохранила свой языкъ. Это были собственно Галлы, которыхъ потомки до сихъ поръ живутъ въ Шотландіи и Ирландіи, сохраняя языкъ свой, называемый гальскимъ, и Кимвры, или собственно Кельты, уцѣлѣвшіе въ Валлисѣ и Бретани. То и другое племя имѣло своихъ представителей въ италіанской Галліи. Населеніе цизальпинской Галліи состояло такимъ образомъ изъ смѣси пришельцовъ Галловъ съ туземными обитателями, Лигурами и Италиками. Гальскій элементъ преобладалъ въ цизальпинской Галліи, но, очевидно, онъ долженъ былъ утратить многое изъ своей первоначальной энергіи вслѣдствіе переселенія на чужую почву. Впрочемъ въ самомъ характерѣ кельтскаго племени, въ его подвижности лежала возможность быстраго сближенія съ другими народами. Языкъ Кельтовъ принадлежалъ къ той же семьѣ языковъ индо-европейскихъ, какъ и латинскій. Послѣ завоеванія Галліи цизальпинской, въ нее былъ постоянный приливъ римскихъ колонистовъ. Кромѣ правительственныхъ поселеній, колоній, туда шли во множествѣ и добровольно поселенцы изъ средней и южной Италіи. Во времена имперіи долина По менѣе, нежели другія области Италіи, могла жаловаться на недостатокъ населенія. Среди общаго истощенія и обѣднѣнія Италіи только Галлія цизальпинская могла сколько-нибудь похвалиться благосостояніемъ. Гальскій элементъ долженъ былъ сильно ослабѣть при безпрерывныхъ столкновеніяхъ съ Римлянами, и, изъ всѣхъ племенъ чуждаго Римлянамъ происхожденія, Галлы всего скорѣе подчинились латинскому вліянію, всего легче промѣняли родной

[redacted]

языкъ на языкъ побѣдителей. Это не значитъ впрочемъ, что гальскій племенной элементъ совершенно уничтожился въ верхней Италіи. Свидѣтельство Полибія, проѣзжавшаго по этимъ землямъ, доказываетъ, какъ быстро совершалась латинизація кельтскихъ областей; онъ говоритъ, что нашелъ тамъ только нѣсколько селеній въ Альпахъ, оставшихся кельтскими. Это извѣстіе кажется Моммсену преувеличеннымъ. Изъ одного мѣста Авла Геллія можно судить, что, въ половинѣ II вѣка послѣ Р. Х., гальскій языкъ былъ живымъ языкомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Даже изчезая, онъ долженъ былъ оставить замѣтный слѣдъ на языкѣ, его замѣнившемъ.

Разсматривая судьбу различныхъ народностей Италіи подъ властію Рима и слѣдуя преимущественно за судьбою языка, внѣшняго признака народности, можно, кажется, сдѣлать два вывода: латинскій элементъ быстро распространялся по всему Аппенинскому полуострову, не только подчинялъ себѣ другіе племенные элементы, но и сглаживалъ, уничтожалъ ихъ. Распространеніе латинскаго языка служитъ видимымъ доказательствомъ этого. Успѣхамъ его столько же содѣйствовало политическое преобладаніе Рима, сколько и близость къ нему нарѣчій родственныхъ ему племенъ италійскихъ. Латинскій языкъ былъ не только правительственнымъ языкомъ всей Италіи, онъ дѣлался языкомъ народнымъ, вытѣсняя прежнія нарѣчія. Плиній имѣлъ право сказать, что Римъ привелъ къ общему языку разнородныя и необработанныя нарѣчія племенъ. Разумѣется, рядомъ съ классическимъ, изящнымъ языкомъ образованнаго римскаго общества, стояла грубая латынь низшихъ классовъ, и на ней-то отразилось по-преимуществу вліяніе прежнихъ діалектовъ. Не забудемъ впрочемъ и другаго нашего вывода. Латинскій элементъ не могъ совершенно сгладить другихъ племенныхъ элементовъ. Не только этнографическая основа, но самый языкъ Этрусковъ,

Лигуровъ и Галловъ, не говоря уже о Грекахъ, сохранились до конца политическаго существованія Римской имперіи. Когда палъ политическій авторитетъ Вѣчнаго города, эти подавленныя прежде народныя стихіи вышли наружу. Они не могли, разумѣется, возвратиться къ прежней чистотѣ и самобытности, потому что время самостоятельнаго развитія уже миновало для нихъ: языки Этрусковъ и Грековъ изчезли изъ обращенія уже послѣ паденія Римской имперіи, но эти народныя стихіи древней Италіи въ соединеніи съ новымъ элементомъ, внесеннымъ варварами, могущественно подѣйствовали на образованіе новыхъ народностей. Вліяніе Рима не изчезло съ паденіемъ его политическаго могущества. Латинская стихія преобладаетъ въ новой италіанской народности, но она является далеко не въ своей первоначальной чистотѣ, видоизмѣненная до той же степени, въ какой, напр., языкъ италіанскій служитъ видоизмѣненіемъ народной латыни древней Италіи.

Перейдемъ къ *Испаніи*, первому завоеванію Римлянъ внѣ предѣловъ Италіи. Древнѣйшіе обитатели Пиренейскаго полуострова были Иберы. Къ нимъ черезъ Пиренеи явились Кельты, скоро смѣшавшіеся съ первобытными жителями и слившіеся съ ними въ одно племя Кельто-Иберовъ или Цельтиберовъ. Оба племени впрочемъ сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ своей первоначальной чистотѣ. Такъ Иберы (предки нынѣшнихъ Басковъ) остались въ Пиренеяхъ и по берегамъ полуострова. Кельты жили по берегамъ рѣки Гвадіаны (Anas) и въ сѣв.-зап. углу полуострова, въ нынѣшней Галисіи.

Кельтиберы, смѣсь Кельтовъ съ Иберами, занимали преимущественно среднюю часть Испаніи, водораздѣлъ между рѣкою Эбро и рѣками текущими къ З. и Ю. З., кромѣ того они жили въ Лузитаніи и сѣверной части полуострова. При этой разнонаселенности Испаніи понятно рѣзкое различіе въ степени цивилизаціи, въ нравахъ и обычаяхъ ея племенъ. Самый

[redacted]

грубый, почти полудикій народъ были Кантабры и сѣверные горцы. Высшею степенью образованности отличались племена южной части, особенно Иберы Турдетаны. У нихъ, по свидѣтельству римскихъ писателей (Страбона), была даже своя литература, историческіе памятники, народныя пѣсни и древніе законы, писанные стихами, которымъ считали они 6,000 лѣтъ. Тоже самое говоритъ Страбонъ и о Турдулахъ. Другія племена, по его же словамъ, имѣли также свою литературу, хотя и отличную отъ турдетанской почти такъ же, какъ различны самые языки. Греки оставили намъ довольно подробное описаніе нравовъ и образа жизни различныхъ племенъ Испаніи; гораздо смутнѣе извѣстія о ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Сѣверные Иберы, по свидѣтельству Страбона, праздновали плясками во время полнолунія безъименнаго Бога, они же приносили богу войны не только лошадей въ жертву, но и плѣнныхъ непріятелей. Къ Кельтамъ и Иберамъ присоединились новые поселенцы. На прибрежьи основаны были факторіи и города частію Греками изъ Родоса, Фокеи и Марсели, частію Финикіянами и Кароагенянами. Основаніе колоній не осталось безъ вліянія на бытъ туземцевъ. Особенно сильно было вліяніе Кароагенянъ. Въ 516 г. отъ О. Р. началось преобладаніе ихъ въ Испаніи. Къ прежнимъ, уже цвѣтущимъ ихъ городамъ, Тартессѣ и Гадейрѣ, присоединился новый, Кароагенъ, основанный Гамилькаромъ и Газдрубаломъ. Пріобрѣтеніемъ Испаніи думали вознаградить себя Кароагеняне за потерю Сициліи; но и въ Испаніи встрѣтились они съ тѣми же непримиримыми врагами, которымъ суждено было въ конецъ разрушить ихъ могущество. Въ 548 г. отъ О. Р. Публій Корнелій Сципіонъ совершенно прогналъ Кароагенянъ съ полуострова, и тамъ была основана римская провинція. Съ тѣхъ поръ началось постепенное завоеваніе Испаніи Римлянами, хотя это завоеваніе совершилось послѣ долгой, упорной борьбы. Прошло

два столѣтія, прежде чѣмъ Римляне могли назваться властителями полуострова. Кельтиберы были покорены старшимъ Катономъ только въ 557 году, послѣ упорнаго сопротивленія. Дорого стоило Римлянамъ завоеваніе Лузитаніи и борьба съ Виріатомъ. Только послѣ паденія Нуманціи, въ 621 г., подчинились Риму племена, жившія на югѣ отъ Таго. Августъ довершилъ завоеваніе Испаніи и старался основаніемъ колоній, проведеніемъ дорогъ упрочить власть Рима. До Августа Испанія была раздѣлена на двѣ провинціи. Августъ раздѣлилъ ее на три. Бетика была провинціей сенатской, Тарраконская (Tarraconensis) и Лузитанія императорскими.

Изъ этого очерка политическихъ судебъ Испаніи видно, какимъ разнообразнымъ вліяніямъ подвергалось населеніе полуострова. Прежде всего почувствовалось вліяніе Грековъ и особенно Карѳагенянъ. Оно отразилось не только въ измѣненіи быта но и въ самыхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ туземцевъ. По уцѣлѣвшимъ надписямъ извѣстны имена 13 божествъ, чтимыхъ въ Испаніи. Большинство ихъ, кажется, финикійскаго или карѳагенскаго происхожденія, потому что о божествахъ собственно иберійскихъ или кельтскихъ нѣтъ упоминаній въ извѣстіяхъ древнихъ. Еще глубже шло вліяніе Римлянъ. Римляне высоко цѣнили природныя богатства Испаніи, и аристократы Рима спѣшили пріобрѣтать тамъ владѣнія. Испанія покрыта римскими сооруженіями: достаточно указать на водопроводы въ Толедо, Меридѣ, Таррагонѣ, на театръ въ Сагунтѣ, на общественныя зданія въ Алькантарѣ. 25 колоній было основано Римлянами на Пиренейскомъ полуостровѣ. Подъ властію Римлянъ не только поддержалось, но и увеличилось прежнее матеріальное благосостояніе торговыхъ городовъ Испаніи. Города Испаніи до Веспасіана пользовались различными правами. Во времена Нерона, въ провинціи Таррагонской было 179 городовъ, изъ которыхъ 12 колоній, 13 римскихъ муниципій на правахъ

[redacted]

Латиновъ, 1 союзный городъ и остальные податные (данники); въ Бетикѣ было 175 городовъ, 9 колоній, 8 муниципій съ правомъ римскаго гражданства, 29 съ правомъ Латиновъ, 9 союзныхъ и остальные города трибутарные. Лузитанія имѣла 45 городовъ, 5 колоній, 1 римскую муниципію, 3 муниципіи латинскихъ и остальные города трибутарные. Веспасіанъ далъ всѣмъ городамъ Испаніи право Латиновъ; при Каракаллѣ же, какъ извѣстно, всѣ подданные Рима получили право его гражданства.

Туземцы Испаніи должны были подчиниться римскому вліянію, и это совершилось довольно скоро. Римскія колоніи и муниципіи были разсадниками латинской образованности. Около проконсула, управлявшаго провинціей, группировались туземцы, желавшіе пріобрѣсти расположеніе Римлянъ. Война Серторія еще болѣе ускорила распространеніе латинскаго элемента. Серторій перенесъ въ Испанію римское устройство и римскіе нравы. Школы въ Оскѣ и Кордовѣ въ дѣлѣ образованія не уступали школамъ Греціи и Рима. Латинская литература, привившаяся въ Испаніи, оказала свое дѣйствіе на самый Римъ. Испаніи обязанъ Римъ многими изъ своихъ замѣчательныхъ писателей. Оба Сенеки, Луканъ, Марціалъ, Квинтиліанъ, Силій Италикъ, Флоръ, Помпоній Колумела и мн. др. были родомъ изъ Испаніи. Они придали новый характеръ римской литературѣ, сообщивъ ей качества, бывшія до сихъ поръ ей чуждыми. Латино-испанское направленіе или стиль этой литературы легко отличить отъ чисто-римскаго стиля и отъ латино-африканскаго. Характеръ иберійскихъ племенъ просвѣчиваетъ сквозь латинскую оболочку испанскихъ писателей, и уже во времена Эннія говорили «Hispane non romane loqui» о латинской рѣчи уроженцевъ Пиренейскаго полуострова, являвшихся въ Римѣ. Цицеронъ вооружался противъ эмфаза и напыщенности, бывшей общимъ характеромъ испано-латинской

литературы и имѣвшей огромное вліяніе на литературу Рима. Испанія дала Риму и 2 императоровъ, Траяна и Адріана. Кельто-иберійскіе туземцы Испаніи сильно поддались латинскому вліянію, приняли отъ Рима и нравы и гражданское устройство и самый языкъ. Основываясь на этомъ, говорятъ объ окончательномъ романизированіи Испаніи, но будемъ различать сильное вліяніе латинизма отъ полнаго его преобладанія, а тѣмъ болѣе отъ исключительнаго его господства. Нѣтъ спора, что многія изъ племенъ Пиренейскаго полуострова сдѣлались во всѣхъ отношеніяхъ Римлянами, но это были далеко не всѣ. Прежнія племенныя стихіи оставались еще достаточно крѣпкими во многихъ мѣстностяхъ, чтобы не сгладиться латинскимъ вліяніемъ. Еще въ V столѣтіи по Р. Х. жители Кадикса чтили подъ древнимъ названіемъ *Нетона* божество, принимаемое римскими писателями за Марса. Сохранились и положительныя свидѣтельства древнихъ о существованіи туземныхъ нарѣчій подъ властію Римлянъ. Цицеронъ говоритъ о языкѣ Испанцевъ, сравнивая его по грубости звуковъ съ языкомъ Карѳагенянъ. Самое извѣстіе Страбона о самостоятельной литературѣ Турдетановъ, относясь къ I вѣку нашей эры, служитъ лучшимъ доказательствомъ продолженія мѣстнаго языка. То же можно вывести и изъ разсказовъ Тацита. Есть и еще доказательство, и притомъ такое, что при немъ становятся совершенно излишними ссылки на древнихъ писателей. Это—сохранившійся до сихъ поръ языкъ Басковъ въ сѣверныхъ частяхъ Испаніи. Вильгельмъ Гумбольдтъ доказалъ, что Баски—прямые потомки древнихъ Иберовъ. Этотъ единственно уцѣлѣвшій обломокъ племени, занимавшаго нѣкогда огромное пространство, лучше всего говоритъ о живучести племенныхъ типовъ. Могутъ возразить противъ справедливости догадки В. Гумбольдта, отрицать иберійское происхожденіе Басковъ. Этимъ впрочемъ нисколько не ослабляется сила доказательства. Пусть

Баски не Иберы, во всякомъ случаѣ они не позднѣйшіе пришельцы, а остатокъ какого-то первобытнаго племени Испаніи, сохранившійся до нашего времени черезъ цѣлыя тысячелѣтія, несмотря на всѣ политическіе перевороты, постигавшіе Пиренейскій полуостровъ. И въ Испаніи, слѣдовательно, точно также какъ въ Италіи, быстрое распространеніе латинскаго элемента и языка не успѣло однакоже въ конецъ уничтожить прежнюю племенную основу, и здѣсь ей давалась возможность воздѣйствія, когда изчезнетъ политическая сила Рима и ослабнутъ связи съ нимъ.

Въ *Галліи,* со временъ Цезаря окончательно подпавшей власти Рима, мы видимъ ту же разноплеменность первоначальнаго населенія, то же разнообразіе чуждыхъ вліяній. Первыя точныя извѣстія о племенномъ составѣ народонаселенія Галліи находимъ въ Комментаріяхъ Цезаря. Вотъ что говоритъ онъ: «Вся Галлія раздѣлена на 3 части, изъ которыхъ въ одной обитаютъ Белги, въ другой Аквитаны, въ третьей тѣ, которыхъ мы называемъ Галлами и которые на своемъ языкѣ зовутся Кельтами. Всѣ эти народы различаются другъ отъ друга нравами, учрежденіями и языкомъ». Для каждаго изъ этихъ народовъ Цезарь обозначаетъ и границы. Аквитаны занимали пространство между Гаронной, Океаномъ и западными Пиренеями. Галлы или Кельты жили между Гаронной и Нарбонской провинціей съ одной стороны, Сеной и Марной съ другой. Къ сѣверу отъ этихъ рѣкъ, до Рейна и Океана, обитали Белги. Извѣстія Цезаря легли въ основу свѣдѣній римскихъ писателей объ этнографіи Галліи. Ихъ повторяютъ всѣ писатели съ большими или меньшими варіантами. Иберійское происхожденіе Аквитановъ не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. По языку, обычаямъ и устройству, Аквитаны были сходны съ древнѣйшими обитателями Испаніи. Труднѣе опредѣлить отличіе Цезаревыхъ Галловъ, или Кельтовъ, отъ Белговъ. Не входя въ подробное

разсмотрѣніе вопроса, я приведу только общіе результаты научныхъ изслѣдованій. Различаясь довольно рѣзко, какъ замѣчаетъ и Цезарь, по языку и учрежденіямъ, Галлы и Белги принадлежали къ одному и тому же великому племени Кельтовъ. Послѣ долгихъ странствованій, о которыхъ смутныя преданія сохранила исторія, обѣ главныя отрасли кельтскаго племени размѣстились такъ, какъ разсказываетъ Цезарь. Въ Галліи оба племени жили огромными массами другъ подлѣ друга. Въ другихъ странахъ, куда проникли кельтскія ополченія, Галлы и Белги были перемѣшаны между собою, какъ, напр., въ цизальпинской Галліи. Цезарь говоритъ, что Римляне неправильно называютъ Кельтовъ Галлами, и, дѣйствительно, это имя болѣе свойственно собственно Белгамъ. Оба языка и Кельтовъ и Галловъ-Белговъ сохранились до нашего времени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, Великобританіи и Ирландіи. Въ своемъ описаніи народовъ Галліи Цезарь не говоритъ о населеніи той юговосточной части Галліи, которая издавна была уже подъ властію Рима и составляла особую провинцію, или нарбонскую Галлію. Въ какой степени прилагается къ ней этнографическое дѣленіе Цезаря? Прежде всего замѣтимъ, что страна между Роной и Пиренеями занята была издревле тѣмъ же иберійскимъ населеніемъ, какое нашелъ Цезарь въ Аквитаніи. За Роной, до Альпъ, жили Лигуры. Съ давняго времени началась борьба Иберовъ и Лигуровъ съ Кельтами. За три столѣтія до нашей эры Иберы между Роной и Пиренеями изчезли, вытѣсненные пришельцами. Два племени Галловъ, Вольцы-Арекомиты и Вольцы-Тектосаги, заняли это пространство. Не то было въ областяхъ, населенныхъ Лигурами. И сюда также проникли Кельты, но Кельты, принадлежавшіе къ обѣимъ отраслямъ этого племени, перемѣшались здѣсь съ побѣжденными и образовали Кельто-Лигуровъ. Такимъ образомъ Римляне знали въ Галліи 4 главныя группы народовъ: на ЮВ.

[redacted]

и ЮЗ. жили Лигуры и Аквитаны, народы иберійскаго происхожденія. Остальное пространство занято было двумя племенами Кельтовъ: собственно Кельтами и Галлами, или Белгами.

Но кромѣ этихъ племенъ, еще задолго до могущества Рима, утвердилось на югѣ Галліи греческое вліяніе, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ. За 600 лѣтъ до Р. Х. Греки изъ Фокеи основали колонію на югѣ Галліи, Массилію или Марсель. Самобытное существованіе греческаго свободнаго города продолжалось отъ 800—900 лѣтъ, и въ это время греческій элементъ могъ укорениться между племенами южной Галліи. Распространеніе римской власти и римскаго вліянія нѣсколько заслонило собою значеніе Марсели, помѣшало историкамъ опредѣлить характеръ и степень вліянія греческихъ колонистовъ. Тѣмъ не менѣе было сильно это вліяніе, оставившее глубокій слѣдъ въ народномъ характерѣ населенія южной Франціи. Исторія самобытнаго существованіе Марсели можетъ быть раздѣлена на 3 періода. Первый будетъ заключать распространеніе владѣній собственными средствами фокейскихъ Грековъ (217 г. до Р. Х.). Во второй періодъ Марсель является союзницей Римлянъ, дѣйствуетъ въ ихъ интересахъ, и съ ихъ помощію далеко распространяетъ свое политическое вліяніе. Наконецъ 3-й періодъ, начинающійся со взятія Марсели Цезаремъ, есть время паденія самостоятельности греческой колоніи. Таково дѣленіе Форіеля, которому наука обязана яснымъ опредѣленіемъ греческаго вліянія на населеніе южной Галліи. Въ первый періодъ Марсель уже успѣла утвердить свое вліяніе по всему прибрежью, начиная отъ Монако до устья Сегуры въ восточной части Испаніи. 24 или 25 городовъ признавали власть Массиліи. Многіе изъ нихъ, какъ Ницца и Монако, существуютъ еще подъ прежними названіями. Во внутренности страны, исторія не знаетъ городовъ съ чисто греческимъ населеніемъ. Но Греки Массиліи распространились

по кельтскимъ и лигурійскимъ городамъ южной Галліи и утвердились въ нихъ такъ, что многіе изъ нихъ, напр. Авиньонъ, считались марсельскими колоніями. Благодаря союзу съ Римлянами, Массилія получила власть надъ землями Гельвіевъ и Вольцевъ-Арекомитовъ. Если земли первыхъ, гористыя и дикія, не приносили много пользы Массиліотамъ, зато владѣнія Вольцевъ-Арекомитовъ съ городами Нимомъ, Арлемъ, Безье, были уже важнымъ пріобрѣтеніемъ. Нимъ скоро сдѣлался греческимъ городомъ. Различныя владѣнія Марсели, кажется, не имѣли общаго имени, но страна между Роной и Альпами часто называется Массиліотидой. Вліяніе Марсели оказывалось и на языкѣ и на вѣрованіяхъ сосѣднихъ народовъ. Греческій языкъ сдѣлался народнымъ для большей части племенъ, признавшихъ политическій авторитетъ фокейской колоніи. Мрачныя вѣрованія друидизма смѣнились свѣтскою, поэтическою миѳологіей Эллады.

Съ утвержденіемъ Римлянъ въ Галліи ихъ вліяніе быстро распространилось между покоренными. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ возвратить свою независимость, Галлія покорилась своей участи. Самое завоеваніе ея стоило Римлянамъ несравненно менѣе, чѣмъ покореніе Испаніи. Причина этого лежала столько же въ воинскихъ способностяхъ Цезаря, сколько и въ особенностяхъ политическаго устройства Галліи, въ раздробленности и взаимной враждѣ племенъ, въ характерѣ клановъ, составлявшихъ особенность кельтскаго племени, и наконецъ въ подвижности и въ способности принимать новизны, обличающей Кельтовъ въ нынѣшнихъ Французахъ. Подчиненіе Риму было огромнымъ шагомъ впередъ въ увеличеніи матеріальнаго благосостоянія Галліи. Подъ властію Рима утратили Галлы свою воинственность, которою славились они прежде. Зная прежнюю исторію гальскихъ племенъ, странно читать у Тацита отзывы о ихъ малодушіи. «Галлы славились нѣкогда въ войнѣ,

говоритъ онъ, но вмѣстѣ съ свободой потеряли они и доблесть». Чтобы избѣжать упрека въ малодушіи, Тревиры и Нервіи выводили свое происхожденіе отъ Германцевъ. Dites et imbelles, таковъ общій отзывъ Тацита. Ни одинъ народъ, покоренный Римомъ, не подчинился такъ скоро чуждому вліянію, не принялъ на себя такъ скоро внѣшнихъ признаковъ иной народности. О Ю. В. части Галліи, еще прежде завоеванной Римомъ, въ I вѣкѣ говорили, что она скорѣе можетъ назваться Италіей, чѣмъ провинціей. Такъ глубоко шло вліяніе Рима въ нарбонской странѣ. Уже Цезарь ввелъ въ сенатъ многихъ ея уроженцевъ. Римская колонія Нарбонна была въ эту эпоху главнымъ мѣстомъ этой провинціи. Ветераны VI-го легіона были поселены въ Арлѣ на Ронѣ, и величественныя развалины римскихъ зданій свидѣтельствуютъ о быстро возникшемъ богатствѣ города. Еще больше остатковъ римскаго владычества сохранилъ Нимъ. Августъ, Адріанъ, Антонинъ украсили его памятниками. Остальная Галлія дѣлилась на 3 провинціи: Ліонскую, Аквитанію и Белгію. Ліонская занимала все пространство между Севеннами и Лоарою, между Роной, Соной и Сеной. Главнымъ городомъ былъ Ліонъ, римская колонія, скоро сравнявшійся по значенію съ Нарбонной. Въ старомъ городѣ Эдуевъ, Августодунумѣ (нынѣшнемъ Autun), были знаменитыя школы. Наконецъ тамъ же начала возвышаться Лутеція, главный городъ Паризіевъ. Въ Аквитаніи, безъ труда покоренной легатомъ Цезаря, Крассомъ, было немного значительныхъ городовъ; на первомъ планѣ стоялъ Бордо, на землѣ Битуриговъ, кельтскаго племени, поселившагося между Иберами. Бордо былъ торговымъ и промышленнымъ городомъ, а подъ конецъ римскаго владычества центромъ умственной дѣятельности южной Галліи. Белгія лежала между Рейномъ, океаномъ и рѣками Роной, Соной и Сеной. Здѣсь жили между прочими Нервіи и Тревиры, сильнѣйшіе изъ народовъ Цезаревой Белгіи, любив-

шіе хвастаться мнимымъ своимъ происхожденіемъ отъ Германцевъ; здѣсь же жили и Батавы, народъ несомнѣнно германскій. Главный городъ провинціи былъ Триръ или Augusta Trevirorum, съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался римскою колоніей. Его значеніе особенно усилилось въ послѣднее время римскаго владычества, потому что въ немъ не разъ жили императоры.

Постоянное пребываніе войскъ на берегахъ Рейна заставило сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ раздѣленіи Августа, именно образовать два новые округа и новые административные центры, подъ именемъ Верхней и Нижней Германіи. Въ Верхней Германіи, между Вогезами и Рейномъ, среди германскихъ племенъ, еще до Цезаря втѣснившихся въ Галлію, были города: Страсбургъ (Argentoratum), Вормсъ (Borbetomagus), Шпейеръ (Noviomagus) и Майнцъ (Mogontiacum). Въ Нижнюю Германію переведены были съ праваго берега Рейна Убіи. Среди нихъ была основана знаменитая Colonia Agrippina (нынѣшній Кёльнъ). Кромѣ Убіевъ, племени германскаго, жили здѣсь еще Тунгры, происхожденіе которыхъ неизвѣстно съ точностію. Въ послѣдствіи административное дѣленіе Галліи измѣнилось. Діоклеціанъ или Константинъ Великій раздѣлилъ ее на 14, а Граціанъ на 18 провинцій. Сверхъ колоній, проведеніе дорогъ было могущественнымъ орудіемъ для распространенія римскаго вліянія. Еще Августъ проложилъ 4 главныя дороги, которыя перерѣзывали всю транзальпинскую Галлію. Исходнымъ пунктомъ былъ Ліонъ. Отсюда одна шла на СВ. къ Рейну и Нѣмецкому морю, проходя черезъ Триръ. Другая направлялась къ СЗ., къ портамъ Атлантики и къ Бретани. Югозападный путь шелъ черезъ Овернскія горы къ Аквитанскому заливу; и наконецъ четвертая дорога изъ Ліона направлялась по лѣвому берегу Роны и соединяла главные города Ліонской провинціи съ Марселью и Нарбонной. Улучшеніе путей сообщенія было одною изъ главныхъ заботъ римскаго правительства. Про-

водя пути, важные въ стратегическомъ отношеніи, Римляне не забывали и путей торговыхъ, и въ этомъ отношеніи было много сдѣлано ими для Галліи. По рѣкамъ они старались улучшить плаваніе, устранивъ естественныя препятствія. Друзъ произвелъ гигантскія работы для плотинъ по Рейну. Былъ даже планъ соединить каналомъ Средиземное море съ Сѣвернымъ океаномъ. Римское населеніе стремилось въ Галлію, принося съ собою греко-римскую образованность. Вліяніе Рима отразилось не только на промышленной дѣятельности, но и на самомъ земледѣліи. Несмотря на запретъ Домиціана, виноградныя лозы садились во множествѣ, и виноградники явились даже въ Британіи. Множество фабрикъ возникло въ городахъ Галліи, снабжая своими произведеніями всѣ рынки имперіи. Если что могло сильно противодѣйствовать легкому сліянію Галловъ съ Римлянами, сдерживать быструю потерю кельтской народности — это религіозныя вѣрованія гальскихъ племенъ, тѣмъ болѣе что, представляя болѣе или менѣе стройную систему, они не имѣли ничего общаго съ греко-римскою миѳологіей, приносимою завоевателями.

Друидизмъ въ Галліи былъ не только религіей, но въ тоже время и могущественною политическою силою. Правда, друиды не составляли касты въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и ихъ коллегіи наполнялись людьми всѣхъ сословій, но во всякомъ случаѣ ихъ общество было строго замкнутымъ. Друидомъ могъ быть всякій, достаточно для того приготовленный, но это приготовленіе и искусъ длились чрезвычайно долго. Часто по двадцати лѣтъ продолжалось ученіе посвященнаго, и только послѣ многихъ испытаній становился онъ членомъ жреческаго класса. Несмотря однакоже на эту трудность доступа, друиды считали между своими членами людей, принадлежавшихъ къ гальской аристократіи. Во главѣ друидской іерархіи стоялъ верховный жрецъ, избранный въ это званіе на

всю жизнь. Въ центрѣ Галліи, въ области нынѣшняго Шартра, зимою было торжественное собраніе друидовъ со всей Галліи; здѣсь совершались общественныя жертвоприношенія, здѣсь же творился и верховный судъ. За отсутствіемъ политическаго единства между племенами Кельтовъ и Галловъ и политическаго центра, это единство давалось друидизмомъ. Въ рукахъ друидовъ была не только религія, но и право суда и наказанія. Жреческое вліяніе не только ограничивало власть мѣстной племенной аристократіи, но, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, почти совершенно подчиняло ее себѣ. У Эдуевъ ежегодно назначали друиды правителя, называемаго вергобретомъ. Кого исключали друиды изъ участія въ общественномъ жертвоприношеніи, тотъ становился отверженникомъ общества. Какъ всякая теократія, друидизмъ дѣйствовалъ на воображеніе суровостію, строгостію своихъ наказаній. Богослуженіе сопровождалось человѣческими жертвами, которыми умилостивляли раздраженное божество или снискивали его покровительство. Въ числѣ основныхъ догматовъ друидизма, на первомъ планѣ стоитъ вѣра въ загробную жизнь, внушавшая презрѣніе къ смерти. О божествахъ, которыя чтились въ Галліи, мы знаемъ очень немного. Римскіе писатели по своему обыкновенію даютъ имъ имена Меркурія, Аполлона, Марса, Юпитера, Минервы и т. д. Сохранялись впрочемъ и имена туземныхъ божествъ. Это были: Гезусъ, Таранисъ, Беленусъ и т. д. Религіозное ученіе сохранялось въ памяти жрецовъ. Передавать его письму было строго запрещено, хотя, по свидѣтельству Цезаря, друиды и употребляли для письма греческія буквы. Выраженныя стихами преданія и миѳы заучивались посвященными, и этимъ объясняется продолжительность приготовленія. Друиды, боялись распространенія между народомъ главныхъ положеній своей доктрины, ревниво хранили ее только для небольшаго числа посвященныхъ. Слѣдствіе этого — скудость нашихъ

свѣдѣній о сущности друидизма. Римскіе писатели, передавшіе намъ извѣстія о религіи друидовъ, очевидно, не могли вполнѣ знать ея. Являясь народу хранителями религіозныхъ вѣрованій, друиды были въ то же время и представителями вообще знаній всякаго рода. Вмѣстѣ съ миѳологіей передавались изъ рода въ родъ космогоническія преданія, астрономическія свѣдѣнія, медицина и т. п. Главнымъ пунктомъ друидской мудрости уже во времена Цезаря была Британія. Одною изъ важныхъ сторонъ этой мудрости была мантика, искусство прорицанія. Рядомъ съ друидами были жрицы, истолковательницы воли боговъ. Нѣкоторыя жертвы могли приноситься богамъ только жрицами. На островѣ Сены, у западныхъ береговъ Арморики, жило 9 жрицъ, особенно чтимыхъ гальскими племенами, приписывавшими имъ власть надъ силами природы. Другая знаменитая коллегія жрицъ была на небольшомъ островѣ въ устьѣ Луары, куда не ступала нога мужчины. Надъ умами гальскихъ племенъ жрицы имѣли не менѣе власти, чѣмъ сами друиды. Тѣ и другіе были хранителями кельтской народности, главными двигателями борьбы гальскихъ племенъ противъ поглощающаго вліянія Римлянъ, и этимъ объясняется нетерпимость завоевателей противъ друидизма. Будь друиды только жрецами мѣстной религіи, Римъ оставилъ бы ихъ въ покоѣ, потому что религіозная исключительность была вовсе не въ характерѣ Римлянъ. Вмѣсто пропаганды своихъ вѣрованій, они скорѣе подчинялись религіи покоренныхъ народовъ, по крайней мѣрѣ не преслѣдовали ея, не запрещали мѣстнаго богослуженія. Оффиціальною религіей Рима временъ имперіи было обоготвореніе цезарей. Преслѣдуя друидизмъ, Римляне преимущественно старались подорвать его политическое значеніе, несовмѣстимое съ властію Римской имперіи. Уже Августъ началъ преслѣдованіе кровавыхъ жертвоприношеній друидовъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ политическими побужденіями.

Тиверій продолжалъ это дѣло, а Клавдій, по свидѣтельству Светонія, совершенно уничтожилъ въ Галліи суровую религію друидовъ, запрещенную Августомъ только для римскихъ гражданъ. Смертная казнь была назначена для ревнителей національныхъ вѣрованій. Съ паденіемъ друидизма облегчился доступъ римскому вліянію и мы видимъ его быстрые успѣхи. Оно проникло повсюду, измѣняя не только вѣрованія, но и самый образъ жизни, нравы туземцевъ Галліи. Казалось, Галлія вошла во всѣ интересы Рима. Галлы составляли значительную часть римскаго сената, они же съ честію явились и въ римской литературѣ. Первые преподаватели грамматики и риторики въ самомъ Римѣ были уроженцы транзальпинской Галліи. Галло-римская школа имѣла точно также свой особенный стиль, свое особенное направленіе, какъ и школа испано-латинская или африкано-латинская. Позже Испаніи явилась Галлія въ римской литературѣ, но ея особенности замѣчены были еще прежде Римлянами. Національный характеръ кельто-иберійскихъ племенъ Галліи, даже принимая чуждую оболочку латинской рѣчи, тѣмъ не менѣе давалъ себя чувствовать въ самомъ характерѣ писателей, уроженцевъ Галліи, въ особенномъ складѣ ума, въ особенностяхъ выраженія мыслей. При самомъ появленіи въ Римѣ гальскихъ ораторовъ были замѣчены эти особенности народнаго характера: легкость рѣчи, плодовитость воображенія, эффектность (argute loqui.) Народный характеръ Кельтовъ не только сохранился во все продолженіе Римской имперіи: онъ ясенъ и на ихъ позднѣйшихъ потомкахъ, его можно отличить отъ вліянія другихъ племенныхъ элементовъ. Если Флавій Вопискъ въ III в. по Р. X. такъ характеризовалъ жителей Галліи: gens inquietissima et avida semper, vel faciendi principis, vel imperii [1]), то эту же

[1]) Т. е. «Народъ безпокойный и всегда жаждущій или создать себѣ государя, или получить власть».

[redacted]

характеристику можно приложить частію и къ современнымъ Французамъ. Господство католицизма во Франціи, устоявшее и противъ протестантской реформы, и противъ скептицизма и безвѣрія XVIII вѣка и временъ революціи, объясняетъ, почему друидизмъ такъ глубоко пустилъ корни въ религіозное сознаніе Кельтовъ, почему такъ полно было его владычество надъ умами гальскихъ племенъ. Если этнографическая основа сохранилась, несмотря на чуждое вліяніе Рима и Греціи, и безпрестанно слышится во всей исторіи Галліи, то какъ бы полно, повидимому, ни было господство внѣшняго римскаго вліянія на покоренныхъ, нельзя сказать, чтобы оно сгладило даже внѣшніе признаки прежнихъ народностей. Не только греческое вліяніе еще вполнѣ сохранилось на югѣ Галліи, мы видимъ ясные слѣды живучести иберійскаго, кельтскаго и гальскаго элементовъ. Мало того, несмотря на преслѣдованіе со стороны императорской власти, на жестокія казни, самый друидизмъ не вполнѣ изчезъ съ почвы Галліи. Какъ ни странно съ перваго раза кажется подобное явленіе, оно подтверждается нѣкоторыми извѣстіями. Не говоря уже объ Арморикѣ, гдѣ почти во всей чистотѣ сохранился элементъ кельтскій, и куда мало проникало римское вліяніе, въ большихъ городахъ присутствіе друидизма замѣтно даже въ V столѣтіи, а въ другихъ мѣстахъ Галліи еще позже, хотя, разумѣется, не въ такой степени. Въ Арморикѣ онъ держался гораздо упорнѣе послѣ паденія римской имперіи. Въ другихъ мѣстахъ онъ угасъ несравненно прежде. Подъ римскимъ владычествомъ кельтскія божества приняли чуждыя названія, почти слились съ сходными божествами Греціи и Рима. Такъ Беленусъ, бывшій главнымъ божествомъ нѣкоторыхъ кантоновъ Галліи, слился съ греческимъ Аполлономъ; въ надписяхъ мы читаемъ Apollini Beleno. Храмы Беленуса и поклоненіе ему существовали въ V вѣкѣ. Алтарь его въ Парижѣ былъ рядомъ съ алтарями Юпи-

тера, Вулкана и прочихъ божествъ греко-римской миѳологіи. Авзоній, говоря о грамматикахъ въ Бордо, такъ отзывается объ одномъ изъ нихъ, Фебиціи:

Qui Beleni aedituus
Nil opis inde tulit.

Изъ стихотвореній того же Авзонія узнаемъ мы, какъ почетно считалось въ Галліи V вѣка происхожденіе отъ друидовъ, e stirpe Druidarum.

Греко-римская миѳологія не могла вполнѣ вытѣснить вѣрованія и преданія друидизма, особенно среди массъ сельскаго народонаселенія. (Предсказанія друидскихъ жрицъ Александру Северу, Авреліану.) Точно также и латинскій языкъ, несмотря на его быстрое распространеніе, не уничтожилъ прежнихъ діалектовъ. Оставляя пока въ сторонѣ Марсель и греческій языкъ, приведемъ доказательство того, что языки Иберовъ и Кельтовъ еще были народными языками для многихъ мѣстностей Галліи; даже въ Нарбонской провинціи, прежде другихъ подпавшей власти и вліянію Рима, гдѣ было такъ много римскихъ колоній, и гдѣ, повидимому, было такъ полно господство латинскаго элемента, онъ не уничтожилъ прежнихъ нарѣчій. Греческій языкъ прочно утвердился въ южной Галліи. Но бл. Іеронимъ, говоря о Марсели, называетъ ее треязычною: итакъ, кромѣ греческаго и латинскаго языковъ, нужно допустить еще третій, которымъ могъ быть только языкъ туземцевъ. Какъ ни смѣшано было римское населеніе южной Галліи, въ той ея части, изъ которой образовалась Нарбонская провинція, господствующимъ племеннымъ элементомъ былъ лигурійскій. Изъ словъ бл. Іеронима можно заключить о живучести лигурійскаго языка въ южной Галліи даже въ его время. О живучести кельто-гальскихъ нарѣчій мы имѣемъ еще болѣе положительныя извѣстія. На первомъ планѣ стоитъ свидѣтельство Сульпиція Севера. Сульпицій Северъ

[redacted]

родился во второй половинѣ IV вѣка и написалъ, сверхъ священной исторіи, еще жизнь св. Мартина и три діалога, которыхъ содержаніемъ служатъ подвиги того же святителя. Діалоги написаны, какъ предполагаетъ большинство ученыхъ, около 405 г., слѣдовательно въ началѣ V вѣка. Въ первомъ діалогѣ выведенъ на сцену ученикъ Мартина, родомъ Галлъ. Онъ отказывается начать разсказъ о чудесахъ Мартина, извиняясь неполнымъ знаніемъ тонкостей латинскаго языка. На этотъ отказъ говоритъ ему другой собесѣдникъ: tu vero, vel Celtice, aut, si mavis, Gallice loquere, dummodo jam Martinum loquaris; т. е., «говори по-кельтски или, если предпочитаешь, по-гальски, но только говори о Мартинѣ». Такимъ образомъ оба языка кельтскаго племени еще были разговорными въ Галліи въ концѣ IV и въ началѣ V вѣка. Сульпицій Северъ былъ самъ уроженецъ Галліи и потому могъ хорошо знать положеніе дѣла. О кельтскомъ языкѣ мы имѣемъ еще извѣстіе, относящееся къ нѣсколько позднѣйшимъ временамъ, именно свидѣтельство Аполлинарія Сидонія, знаменитаго епископа Оверни. Обращаясь къ Экдицію, геройскому защитнику Клермона противъ Эйриха готскаго, послѣднему представителю римской доблести, Аполлинарій Сидоній говоритъ: «Тебѣ обязаны тѣмъ, что высшее сословіе, оставивъ грубость кельтскаго языка (squamam celtici depositura nobilitas), теперь упражняется и въ ораторскомъ стилѣ и въ стихотвореніяхъ». Дѣятельность Экдиція принадлежитъ ко 2-й половинѣ V вѣка. Если, только благодаря его вліянію и примѣру, овернскіе аристократы начали говорить и писать по-латыни, то можно смѣло предположить, что кельтскій языкъ оставался долго послѣ разговорнымъ для низшихъ классовъ, тѣмъ болѣе, что населеніе Оверни, въ V вѣкѣ, сохраняло на себѣ слѣды многихъ кельтскихъ учрежденій, такъ напримѣръ, остатки клановъ.

[redacted]

Относительно живучести языка Галловъ или Белговъ Цезаря мы находимъ еще подтвержденіе свидѣтельства Сульпиція Севера. Около 409 г. бл. Іеронимъ сравнивалъ языкъ Галатовъ, или азіатскихъ Кельтовъ, съ языкомъ, которымъ говорили въ окрестностяхъ Трира. Существованіе кельтскаго языка въ сѣверозападной оконечности Галліи не требуетъ доказательства, потому что Бретоны до сихъ поръ хранятъ еще остатки этого языка. Точно также излишне говорить о языкѣ Иберовъ въ ю.-з. части. Баски служатъ живымъ доказательствомъ того, какъ трудно утрачиваются племенныя особенности и языкъ. Такимъ образомъ положительными извѣстіями и притомъ такими, которыя относятся къ послѣднему вѣку политическаго существованія Римской имперіи, доказывается сохраненіе племенныхъ элементовъ и языковъ древней Галліи, не уничтоженныхъ латинскимъ вліяніемъ. Точно также какъ туземные діалекты, и притомъ еще съ большимъ основаніемъ, могъ сохраниться греческій языкъ на югѣ Галліи. Греческое вліяніе утвердилось въ этой мѣстности задолго до появленія Римлянъ; оно успѣло глубоко проникнуть въ жизнь сосѣднихъ народовъ. Римское владычество, сокрушивъ политическую независимость Массиліи, не уничтожило греческаго вліянія, напротивъ, нѣкоторое время способствовало его усиленію. Марсель сдѣлалась школой для знатныхъ Римлянъ. Здѣсь, по свидѣтельству Тацита, было счастливое соединеніе греческой изящной образованности съ простотою нравовъ. Стеченіе въ Марсель римскаго юношества, желавшаго получить греческое воспитаніе, не осталось безъ вліянія и на Галловъ, любившихъ во всемъ казаться Римлянами. Рядъ положительныхъ свидѣтельствъ говоритъ о существованіи греческаго элемента на югѣ Галліи во все время римскаго владычества. Есть кромѣ того извѣстіе, что греческій языкъ пережилъ въ Галліи политическую власть Рима. Житіе св.

[redacted]

Цезарія положительно доказываетъ, что греческій языкъ въ VI вѣкѣ наравнѣ съ латинскимъ употреблялся при богослуженіи въ Арлѣ, а Арль не былъ основанъ Марселью, хотя и признавалъ власть ея. Кельтское населеніе составляло здѣсь большинство, и, если при всемъ томъ греческій языкъ сохранился въ немъ даже въ VI вѣкѣ, то, конечно, онъ дольше держался въ городахъ чисто греческаго происхожденія, какъ, напримѣръ, въ Марсели, въ Ниццѣ, въ Антибахъ и т. д. Еслибы впрочемъ мы не имѣли никакихъ историческихъ свидѣтельствъ о непрерывномъ существованіи языковъ греческаго, иберійскаго, кельтскаго и гальскаго во время римскаго владычества, языкъ провансальскій послужилъ бы неопровержимымъ доказательствомъ этого. Въ языкъ Провансаловъ вошло слишкомъ много словъ греческаго, иберійскаго, кельтскаго и гальскаго происхожденія, чтобы можно было усомниться въ живучести этихъ языковъ. Слѣды греческаго вліянія замѣтны кромѣ того и на провансальской литературѣ, въ особенности на многихъ обычаяхъ, на нравахъ жителей южной Франціи. Латинское вліяніе не сгладило прежнихъ племенныхъ элементовъ Галліи; оно присоединилось къ нимъ, вводя новый ингредіентъ и на время подавивъ ихъ и вытѣснивъ, но не уничтоживъ. Чтобы ни говорили, даже самая мысль о самостоятельности не утратилась въ Галліи; она принимала только разныя формы, но жила и оказывала свое вліяніе на политическія событія, начиная съ I-го и оканчивая V-мъ вѣкомъ, когда, въ избраніи Авита, еще разъ высказалось это стремленіе къ самостоятельности. Въ то же время, поддаваясь римскому вліянію, Галлія служила ему проводникомъ въ Британію и Германію.

До временъ Цезаря *Британія* была почти совершенно неизвѣстна Римлянамъ, хотя торговцы древняго міра давно уже пользовались ея произведеніями. Первое открытіе острова,

[redacted]

богатаго рудами и преимущественно оловомъ, было сдѣлано Финикіянами изъ Кадикса. Экспедиція Гамилькона познакомила Кароагенянъ съ Оловянными островами. Затѣмъ Питеасъ, Грекъ изъ Марсели,. посѣтилъ эти острова и оставилъ ихъ описаніе. Торговля спѣшила воспользоваться металлическимъ богатствомъ Британіи. Но купцы, проникавшіе на далекій островъ, хранили въ тайнѣ пути къ нему и всего менѣе заботились о распространеніи свѣдѣній относительно неизвѣстныхъ странъ, ими посѣщаемыхъ. О географическомъ положеніи Британіи ходили только смутные слухи. Еще менѣе знали обитателей острова. Они сдѣлались извѣстны образованному міру только послѣ завоеванія. При первыхъ встрѣчахъ съ Римлянами Бритты показались совершенными дикарями. Они красили себѣ тѣло, подобно дикарямъ сѣверной Америки, или татуировали его, какъ племена Тихаго океана. Племена нынѣшней Шотландіи и Ирландіи были еще грубѣе своихъ южныхъ единоплеменниковъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, у нихъ сохранилось еще людоѣдство. Исторія не знаетъ, какъ совершилось заселеніе Британіи, но, сколько можно догадываться по народнымъ преданіямъ, это заселеніе совершилось не въ одно время и не однимъ племенемъ. Западная сторона нынѣшней Англіи называлась Kymru, восточная Lloëgr. Жители первой были Кимры или Камбрійцы; населеніе второй называлось Логріянами. Камбрійцы считали себя древнѣйшими пришельцами на островъ съ дальняго востока Европы, но кажется они нашли въ Британіи уже жителей, вытѣсненныхъ ими на западъ, въ Еринъ или Ирландію, и на сѣверъ, въ горы нынѣшней Шотландіи. Ллоегры или Логріяне были вторыми пришельцами. Мирно или силою оружія они заняли земли на югѣ и востокѣ нынѣшней Англіи, оттѣснивъ Камбрійцевъ къ западу? Есть еще темное преданіе о третьемъ переселеніи въ Британію людей того же племени, основавшихся къ сѣверу

[redacted]

отъ двухъ первыхъ племенъ, между заливами Фортскимъ и Солвайскимъ. Всѣ эти поселенцы принадлежали къ одному и тому же племени Кельтовъ, хотя къ различнымъ его отраслямъ. Въ племенномъ тождествѣ этихъ поселенцевъ Британіи съ народами Галліи нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Тѣ же самыя имена племенъ находимъ мы въ Британіи, какъ и въ Галліи. Белги по берегу моря, Атребаты по Темзѣ, Ценоманы по Стуру, Паризіи по Гумберу.

Еслибы впрочемъ и не было положительныхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей о племенномъ родствѣ Бриттовъ съ Галлами, то достаточно самаго поверхностнаго взгляда на древнѣйшіе памятники Англіи и Франціи, чтобы сдѣлать несомнѣннымъ убѣжденіе въ этомъ родствѣ. Кельтскіе курганы, долмены, кромлеки (cromlecks) и другіе остатки друидическихъ зданій во множествѣ разсѣяны по всему пространству, занимаемому въ древности Бриттами и Галлами. Самыя вещи, находимыя въ древнѣйшихъ могилахъ Англіи и Франціи, отличаются поразительнымъ сходствомъ. Другое еще болѣе неопровержимое свидѣтельство представляетъ языкъ жителей Ирландіи, горной Шотландіи, Валлиса и Корнваллиса, еще не вытѣсненный языкомъ англійскимъ. Кельты Британіи мало чѣмъ различались отъ своихъ гальскихъ единоплеменниковъ. Изолированное положеніе острова давало только первымъ возможность въ большей чистотѣ сохранить свои племенныя особенности, безъ посторонней примѣси, безъ чуждаго вліянія. Изъ всѣхъ племенъ, на которыя дѣлилось населеніе Британіи, только объ одномъ, именно Coritani, жившемъ по берегамъ Гумбера, есть нѣкоторое основаніе думать, что оно было не кельтскаго, а скорѣе германскаго происхожденія; но оно, очевидно, не могло имѣть сильнаго вліянія, тѣмъ болѣе что въ древнѣйшую эпоху исторіи между Кельтами и Германцами не было еще того различія, которое дается историческимъ

развитіемъ народностей, и нѣкоторыя племена считаются то Кельтами, то Германцами. Болѣе 40 племенъ насчитываютъ древніе историки въ Британіи. Изъ нихъ нѣкоторыя, сохранивъ свои имена, утратили свою независимость. 10 племенъ жили на югъ отъ Северна и Темзы. Благодаря, можетъ быть, сношеніямъ съ торговцами образованныхъ народовъ, у нихъ были уже нѣкоторые зачатки промышленности. Такъ они сами приготовляли разныя вещи, нужныя для домашняго обихода. Ткали грубыя матеріи для одежды и были искусными земледѣльцами. Знали даже пользу удобренія. Этимъ впрочемъ только и могли они похвалиться передъ своими сѣверными сосѣдями. У послѣднихъ не было земледѣлія, они одѣвались въ шкуры и питались отъ скотоводства. Племена, жившія на сѣверной оконечности острова, не были знакомы даже и съ скотоводствомъ, жили только охотою. Относительно образа правленія мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія. По всей вѣроятности, кланное устройство было преобладающею формою. У нѣкоторыхъ племенъ были впрочемъ общіе вожди для всего племени, передававшіе свою власть по наслѣдству и притомъ не только сыновьямъ, но и вдовамъ. Нравы отличались дикою суровостію. Цезарь и Діонъ Кассій говорятъ даже о томъ, что у нихъ жены были общія, но, сколько можно судить по нѣкоторымъ фактамъ, едва ли это было справедливо. Религіей былъ друидизмъ, развившійся здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ самой Галліи. Сюда приходили учиться гальскіе жрецы. Главнымъ центромъ друидскаго могущества былъ островъ Энглези. Когда, въ 57 году нашей эры, Светоній Павлинъ, бывшій начальникомъ римскаго войска въ Британіи, рѣшился завладѣть имъ, онъ нашелъ тамъ множество друидовъ и жрицъ. Друидизмъ въ Британіи очень долго сохранялъ свою власть надъ умами, кажется, долѣе по крайней мѣрѣ чѣмъ въ Галліи. Римляне со временъ Цезаря начали завоеваніе Британіи.

[redacted]

Два похода знаменитаго полководца (55 и 54 г. до Р. Х.) познакомили Римъ съ малоизвѣстнымъ до тѣхъ поръ островомъ, но не утвердили власти Римлянъ надъ Бриттами. Оба раза римскіе легіоны послѣ побѣдъ надъ туземцами возвращались въ Галлію, не оставивъ прочныхъ поселеній въ Британіи. 97 лѣтъ послѣ вторженія Цезаря, Бритты только по имени признавали вліяніе Рима и находились въ однихъ торговыхъ сношеніяхъ съ нимъ. Августъ трижды объявлялъ намѣреніе завоевать Британію и не успѣлъ исполнить его. Тиберій не думалъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, а смѣшная выходка Калигулы только покрыла позоромъ римскаго императора. Клавдію принадлежитъ честь покоренія Британіи. Съ тѣхъ поръ Римляне прочно утвердили свою власть надъ Бриттами. Страшное возстаніе 61 года, въ которомъ разграблены были римскія колоніи: Камальдонумъ (Кольчестеръ), Веруламъ и Лондонъ, и погибло около 70,000 подданныхъ Рима, не привело однакоже къ освобожденію Британіи отъ чуждаго владычества. Римскіе легіоны сломили нестройныя ополченія варваровъ. Боадицея, которая предводительствовала возставшими, лишила себя жизни. Римляне не только возвратили прежнія владѣнія, но и покорили себѣ еще новыя племена. Во время правленія Агриколы линія укрѣпленій отъ Форта до Клейда обезопасила сѣверную границу римскихъ владѣній. Племена Каледоніи, сѣверной части острова, одни выдерживали борьбу съ завоевателями. Ихъ набѣги не разъ грозили власти Римлянъ. Адріанъ, чтобы положить имъ конецъ, построилъ знаменитую стѣну отъ Солвайскаго залива до устья Тейна (Tyne). Антонинъ и Септимій Северъ провели новыя линіи укрѣпленій, но ихъ все-таки было недостаточно для безопасности провинціи. Съ IV вѣка изчезло имя Каледонянъ, его замѣнили имена Пиктовъ, Скоттовъ, по всей вѣроятности, принадлежавшихъ тѣмъ же племенамъ. По мѣрѣ того какъ слабѣли средства

имперіи, набѣги сѣверныхъ варваровъ дѣлались все смѣлѣе и опустошительнѣе. Въ V вѣкѣ римскіе легіоны были выведены изъ Британіи, и Бритты были предоставлены собственнымъ средствамъ и собственному управленію. Это самоуправленіе начинается съ 407 года, хотя Британія и признавала еще номинальную власть Рима. Въ 446 г. въ послѣдній разъ обратились къ нему кельто-римскіе вожди, прося защиты отъ сѣверныхъ варваровъ. «Варвары, писали они къ Аэцію, тѣснятъ насъ къ морю, море отталкиваетъ насъ къ варварамъ, и всюду встрѣчаетъ насъ гибель». Римъ не былъ въ силахъ подать помощь далекой провинціи. Для него поднимался уже вопросъ о своемъ собственномъ существованіи, и Британія окончательно оторвалась отъ Римской имперіи. Во время римскаго владычества Британія была раздѣлена на 6 провинцій. Первая Британія заключала въ себѣ южную часть острова до Бристольскаго залива и теченія Темзы. Вторая Британія, нынѣшній Валлисъ, Flavia Caesariensis, простиралась до Гумбера; Maxima—отъ Гумбера до Тейна; Valentia—до Клейда и Форта, и наконецъ Vespasiana—къ сѣверу отъ этихъ границъ. Въ этихъ провинціяхъ было много городовъ, частію бриттскаго, частію римскаго происхожденія. Первое мѣсто занимали 9 римскихъ колоній; за ними слѣдовали 2 муниципіи, Веруламъ и Іоркъ; далѣе 10 городовъ съ правомъ Латиновъ, и наконецъ города трибутарные. Всего 28 городовъ. Римское оружіе прокладывало пути для греко-римской цивилизаціи. Языкъ латинскій сталъ языкомъ правительственнымъ въ городахъ Британіи; но на немъ говорили не одни римскіе чиновники. Если онъ не вытѣснилъ языка туземцевъ, то по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время сталъ съ нимъ рядомъ. Подъ римскимъ управленіемъ долженъ былъ измѣниться самый бытъ покоренныхъ, смягчились нравы полудикихъ племенъ Британіи. То, что̀ говоритъ Тацитъ о Галлахъ, вмѣстѣ съ свободой

[redacted]

потерявшихъ будто бы и прежнюю доблесть, еще съ большею справедливостію можетъ быть отнесено къ Бриттамъ. Власть Рима, противъ которой съ такимъ отчаяніемъ возставали и боролись Бритты, сдѣлалась подъ конецъ для нихъ необходимостію. Оттого они не спѣшатъ воспользоваться ослабленіемъ связей, приковывавшихъ ихъ къ Риму, стараются напротивъ всѣми силами поддержать и укрѣпить ихъ. Варварство, являвшееся ежеминутно предъ ихъ глазами въ лицѣ Пиктовъ и Скоттовъ, еще болѣе заставляло ихъ держаться Рима. Римское вліяніе не успѣло однакоже вполнѣ переработать кельтскую народность, не проникло въ самую глубь общественной и частной жизни Бриттовъ. Когда римскіе легіоны и римскіе магистраты оставили островъ, и Британія была предоставлена самой себѣ, прежніе племенные элементы вызваны были снова къ жизни. Формы римской администраціи, римское муниципальное устройство не могли сохраниться. Послѣ нѣкотораго колебанія, они уступили мѣсто прежнимъ правительственнымъ формамъ. Британія снова распалась на множество мелкихъ владѣній съ особеннымъ вождемъ въ каждомъ. Если и уцѣлѣли еще слѣды римскаго вліянія, они скоро были снесены вторженіемъ Саксовъ. Религія Одина вытѣснила и древнія преданія друидизма и начатки христіанства. Языкъ латинскій изчезъ изъ обращенія. Языкъ Галловъ и Кельтовъ уцѣлѣлъ только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ.

Неглубоко шло римское вліяніе и въ *провинціяхъ южно-дунайскихъ*. Здѣсь тоже ему не было времени прочно утвердиться между туземными племенными элементами. Здѣсь оно даже не всегда могло заслонить ихъ. Южно-дунайскія провинціи, *Реція*, *Винделикія*, *Норикъ* и *Паннонія*, были присоединены къ имперіи только Августомъ и его преемниками, и то послѣ упорной борьбы. Особенно тяжело досталось окончательное покореніе Панноніи. Реція заключала въ себѣ ны-

нѣшніе Граубинденъ, Тироль и часть Ломбардіи; Винделикія, прежде составлявшая часть Реціи, заключала часть нынѣшней Швейцаріи, Баденъ, Виртембергъ и Баварію; Норикъ былъ на мѣстѣ верхней и нижней Австріи, между Инномъ, Дунаемъ и Винервальдомъ (Wiener Wald), большей части Штиріи и Каринтіи; наконецъ Паннонія обнимала восточную часть Австріи, Штирію, Каринтію и Крайнъ, всю Венгрію между Дунаемъ и Савой и часть Босніи и Кроаціи. О населеніи этихъ провинцій мы имѣемъ весьма недостаточныя свѣдѣнія. Особенно много недоумѣній относительно этнографіи Реціи и Винделикіи. Правда, задача упрощается тѣмъ, что въ языкѣ нынѣшнихъ Швейцарцевъ сохранились еще остатки древнѣйшихъ, до-римскихъ нарѣчій. Въ нынѣшнемъ нарѣчіи жителей кантона Фрейбурга давно уже замѣтили много словъ, происхожденіе которыхъ невозможно объяснить языками латинскимъ или нѣмецкимъ. Эти слова не поддаются анализу и не представляютъ ничего сходнаго съ языками новѣйшей Европы. Если нѣкоторые пытались объяснить ихъ нижне-бретонскимъ нарѣчіемъ, то эта попытка не привела еще къ положительнымъ результатамъ. Очевидно, что эти необъяснимыя слова должны принадлежать къ языку древнѣйшихъ обитателей страны; но народность этихъ обитателей невозможно опредѣлить при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній. Еще загадочнѣе остатки древнѣйшаго языка, сохранившіеся въ нынѣшнемъ нарѣчіи Гризоновъ. Изслѣдователи напрасно пробовали объяснять ихъ аналогіею. Гризоны—это смѣсь туземнаго населенія съ германскими поселенцами. Въ ихъ нарѣчіи потому чрезвычайно много словъ нѣмецкаго происхожденія. Ихъ, впрочемъ, легко отличить отъ всѣхъ другихъ; необъяснимыми же остаются слова, очевидно, принадлежащія къ языку туземцевъ. Народное преданіе, глубоко укоренившееся въ Гризонахъ, говоритъ, что они потомки Этрусковъ, вытѣсненныхъ

[redacted]

изъ долинъ По кельтскимъ вторженіемъ. Если дать вѣру этому преданію, Этруски подъ предводительствомъ вождя своего Рета (Rhetus) пришли сюда за 600 лѣтъ до Р. Х. и дали названіе странѣ. Нѣкоторыя смутныя указанія древнихъ писателей какъ-будто могутъ служить подтвержденіемъ этого преданія, а гипотеза новыхъ историковъ, выводящая самихъ Этрусковъ изъ Ретійскихъ Альпъ, дѣлаетъ это преданіе еще болѣе вѣроятнымъ. Въ такомъ случаѣ эти необъяснимыя слова нарѣчія Гризоновъ будутъ остаткомъ давно изчезнувшаго языка Этрусковъ. У науки нѣтъ впрочемъ еще средствъ повѣрить точными изслѣдованіями это предположеніе, и оно надолго, если не навсегда, должно оставаться только гипотезой. Населеніе Винделикіи въ извѣстіяхъ древнихъ мало отличается отъ жителей Реціи. Оба племени были грубы и воинственны; оба извѣстны были разбоями. Въ Винделикіи впрочемъ нѣкоторые видятъ ясные слѣды кельтскаго населенія. То же самое можно сказать о Норикахъ, или Таврискахъ. Они жили въ своихъ городахъ свободно и независимо, подъ властію своихъ вождей или царей, и находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Римлянами за нѣсколько времени до покоренія. Въ Панноніи жило иллирійское племя, славное своею храбростію, но стоявшее на самой низкой степени образованности. Впрочемъ и тутъ по нѣкоторымъ даннымъ можно полагать пребываніе кельтскихъ племенъ. Таковы, напр., были Azali въ верхней Панноніи.

Присоединеніе этихъ областей къ Риму измѣнило болѣе или менѣе значительно нравы ихъ обитателей. Повсюду мы видимъ римскія колоніи или муниципіи. Бѣдныя поселенія туземцевъ, только носившія имя городовъ, возвысились подъ римскимъ владычествомъ. Если въ Реціи во время Катона Эвганеи, могущественнѣйшее племя провинціи, имѣло будто бы 34 города, то эти города были по всей вѣроятности просто деревнями. Во время же Римлянъ здѣсь на первомъ планѣ

стояла Civitas Tridentina (нынѣшній Тріентъ), римская колонія. Въ Винделикіи—splendidissima colonia Augusta Vindelicorum (нынѣшній Аугсбургъ), Reginum, Cambodunum и др. Въ Норикѣ, кромѣ Noreja, древняго города Таврисковъ, было довольно много колоній и муниципій, изъ которыхъ первое мѣсто занимала Laureacum съ огромною оружейною фабрикой, главная квартира II легіона и пристань для морскаго флота, оберегавшаго Дунай. Въ Панноніи извѣстны были древняя Vindobona, Sirmium, Segesta и др. Всѣ эти провинціи управлялись римскими императорами и охранялись войскомъ. Одною изъ главнѣйшихъ заботъ римскаго правительства было устройство дорогъ, связывавшихъ различныя части имперіи и дававшихъ возможность быстраго передвиженія войскъ. Линія укрѣпленій шла по всему берегу Дуная, сдерживая набѣги задунайскихъ варваровъ. Въ какой степени проникало сюда и укрѣплялось римское вліяніе, сказать трудно. Прочному его водворенію препятствовало самое положеніе этихъ провинцій, постоянно бывшихъ театромъ военныхъ дѣйствій. За Дунаемъ жили варварскія племена, безпрестанно тревожившія римскіе предѣлы. Но даже и мирныя сношенія съ ними не могли не препятствовать распространенію латинскаго элемента. У Веллея Патеркула, писателя I вѣка по Р. X., бывшаго участникомъ въ войнахъ и завоеваніяхъ первыхъ цезарей, мы находимъ слѣдующее извѣстіе о Панноніи: «Не только всѣмъ Паннонамъ извѣстно было римское устройство, но и самый языкъ; многіе занимались даже литературой и привычны были къ умственнымъ трудамъ». Если это свидѣтельство сильно говоритъ въ пользу быстраго распространенія латинизма, то во всякомъ случаѣ оно предполагаетъ совмѣстное существованіе и прежнихъ племенныхъ элементовъ. Латинскій языкъ стоялъ на ряду съ туземнымъ, не вытѣснивъ его однакоже совершенно изъ оборота. Римская цивилизація

[redacted]

дѣйствовала на измѣненіе нравовъ, но не могла стереть прежней грубости. Изъ этихъ провинцій набирались лучшія войска, образовывавшія сначала вспомогательныя когорты, а потомъ и самые легіоны, и уже Тацитъ, говоря о Вителіи, упоминаетъ о той охотѣ и усердіи, съ какимъ становилась молодежь Реціи подъ римскія знамена. Римъ имѣлъ нѣсколько императоровъ изъ придунайскихъ провинцій; всѣ они отличались энергіею. Латинскій элементъ въ придунайскихъ областяхъ менѣе всего могъ вытѣснить прежніе племенные элементы, никогда даже не могъ закрыть ихъ собою, какъ это было въ Галліи и Испаніи, однакоже дѣйствіе его было весьма сильно. Оно оставило рѣзкіе слѣды на бытѣ и на языкѣ покоренныхъ племенъ. Кромѣ указанныхъ остатковъ языка Гризоновъ и жителей Фрейбурга, сохранившихся до сихъ поръ, можно привести нѣсколько положительныхъ историческихъ извѣстій о томъ, что племена названныхъ провинцій сохранились гораздо позже паденія Западной Римской имперіи даже съ прежними племенными названіями. Приведу одинъ только примѣръ, относящійся къ Реціи. Въ VI столѣтіи, какъ видно изъ Фортуната, Павла Діакона и Кассіодора, Breuni Птоломея еще жили, какъ особое племя, на тѣхъ же мѣстахъ, называясь Briones или Breones. Въ этихъ украйнахъ римскаго міра цивилизація и варварство стояли рядомъ, не уничтожая другъ друга, оказывая взаимное дѣйствіе. Римское владычество давало огромный перевѣсъ цивилизаціи; но присоединеніе придунайскихъ провинцій совершилось слишкомъ поздно для ея окончательной побѣды. Римскіе императоры не могли обезопасить покоренныя провинціи, и побѣжденное было варварство снова взяло верхъ, уничтоживъ зачатки греко-римской образованности.

Нельзя этого сказать объ Иллирикѣ, Мезіи и Дакіи. Изъ нихъ развѣ только Illyria Romana, завоеванная за 23 года до Р. Х., и заключавшая въ себѣ часть нынѣшней Кроаціи, всю Далмацію,

[redacted]

еще зовутъ себя Римлянами (Romuni) и въ настоящее время требуютъ отъ Европы признанія своей національной самобытности: кромѣ Молдавіи и Валахіи, они живутъ въ Седмиградской области, Венгріи и Бессарабіи, въ древней Ѳракіи, Македоніи и къ югу до самой Ѳессаліи. Дунай дѣлитъ Румыновъ на 2 діалекта: сѣверный, или дакійскій, и южный, или македонскій. Первый изъ нихъ болѣе обработанъ и имѣетъ менѣе чуждой примѣси. Половина словъ языка Румыновъ чисто латинскаго происхожденія. Въ другой половинѣ самое значительное число принадлежитъ словамъ славянскимъ, затѣмъ греческимъ, мадьярскимъ, турецкимъ, и наконецъ нѣмецкимъ и албанскимъ. Латинское происхожденіе отзывается столько же и въ грамматическихъ формахъ. Въ этомъ отношеніи Дицъ въ языкѣ Румыновъ находитъ ближайшее сходство съ языкомъ итальянскимъ, такъ что, по его изслѣдованіямъ, въ группѣ языковъ романскихъ, румынскій стоитъ рядомъ съ итальянскимъ. Въ языкѣ Румыновъ сверхъ сказанныхъ составныхъ частей есть еще нѣсколько словъ, необъяснимыхъ ни однимъ изъ живыхъ нарѣчій современной Европы. Они не поддаются никакому анализу. Эти слова, одиноко стоящія среди прочихъ, очевидно, должны принадлежать древнѣйшему діалекту Даковъ или Гетовъ. Они уцѣлѣли въ простонародномъ нарѣчіи, куда не такъ глубоко шло латинское вліяніе, гдѣ всего возможнѣе было воздѣйствіе туземныхъ элементовъ. За недостаткомъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ языкъ Румыновъ является на помощь изслѣдователю. По его составнымъ частямъ можно судить о степени вліянія той или другой народности, занимавшей Дакію и Мезію. Изъ него становится ясно, что латинизмъ, римское вліяніе, не уничтожили въ конецъ мѣстнаго туземнаго элемента, который устоялъ противъ всѣхъ переворотовъ, которыхъ были свидѣтелями берега нижняго Дуная; но изъ него ясно и то, что латинскій элементъ прочно

почти всю Боснію и часть Албаніи, могла сколько нибудь подчиниться римскому вліянію. Многочисленныя племена Илиріи и Далмаціи, давно знакомыя съ Римлянами, должны были утратить многое изъ своего первоначальнаго быта. 7 народовъ Иллиріи пользовались правомъ Италиковъ. И въ Иллиріи съ Далмаціею было 6 римскихъ колоній. Изъ сенатской провинціи Иллирія сдѣлалась императорскою, была занята войсками. Мезія была покорена только Августомъ. Еще позже совершилось завоеваніе Дакіи, т. е. нынѣшняго Банната, части Венгріи къ востоку отъ Тейсы, Седмиградской области, Буковины, части Галиціи, Молдавіи и Валахіи. Воинственныя племена Даковъ или Гетовъ при царѣ Беребистѣ стали извѣстны побѣдами надъ кельтскими и ѳракійскими племенами. При Децебалѣ, въ I столѣтіи, они навели ужасъ на Римскую имперію, и Домиціанъ только деньгами могъ купить миръ. Со временъ Траяна началось завоеваніе послѣ кровопролитной, долговременной борьбы. Траянъ хотѣлъ заселить опустошенныя области римскими колонистами, набранными изъ всѣхъ провинцій имперіи. Дакія была покрыта римскими дорогами и римскими колоніями, остатки которыхъ видны еще и теперь. Римская власть удержалась впрочемъ недолго. Въ 257 г. вся Дакія была во власти Готовъ; не смотря на то, латинское вліяніе оставило слѣды даже на отдаленнѣйшихъ потомкахъ римскихъ колонистовъ. Языкъ Румыновъ принадлежитъ до сихъ поръ къ семьѣ языковъ романскихъ, хотя латинское происхожденіе въ немъ и затемнено чуждою примѣсью. Изслѣдованія Копитара, Шотта, Дица и др. филологовъ не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Волны варварскаго нашествія не могли снести остатковъ римской цивилизаціи. Гунны, Авары, Славяне, Венгры, Нѣмцы, селившіеся въ предѣлахъ римской Дакіи и Мезіи, не вытѣснили языка Рима. Слишкомъ 3 милліона населенія обоихъ береговъ нижняго Дуная, изъ нихъ 400 т. чистыхъ Валаховъ,

еще зовутъ себя Римлянами (Romuni) и въ настоящее время требуютъ отъ Европы признанія своей національной самобытности: кромѣ Молдавіи и Валахіи, они живутъ въ Седмиградской области, Венгріи и Бессарабіи, въ древней Ѳракіи, Македоніи и къ югу до самой Ѳессаліи. Дунай дѣлитъ Румыновъ на 2 діалекта: сѣверный, или дакійскій, и южный, или македонскій. Первый изъ нихъ болѣе обработанъ и имѣетъ менѣе чуждой примѣси. Половина словъ языка Румыновъ чисто латинскаго происхожденія. Въ другой половинѣ самое значительное число принадлежитъ словамъ славянскимъ, затѣмъ греческимъ, мадьярскимъ, турецкимъ, и наконецъ нѣмецкимъ и албанскимъ. Латинское происхожденіе отзывается столько же и въ грамматическихъ формахъ. Въ этомъ отношеніи Дицъ въ языкѣ Румыновъ находитъ ближайшее сходство съ языкомъ итальянскимъ, такъ что, по его изслѣдованіямъ, въ группѣ языковъ романскихъ, румынскій стоитъ рядомъ съ итальянскимъ. Въ языкѣ Румыновъ сверхъ сказанныхъ составныхъ частей есть еще нѣсколько словъ, необъяснимыхъ ни однимъ изъ живыхъ нарѣчій современной Европы. Они не поддаются никакому анализу. Эти слова, одиноко стоящія среди прочихъ, очевидно, должны принадлежать древнѣйшему діалекту Даковъ или Гетовъ. Они уцѣлѣли въ простонародномъ нарѣчіи, куда не такъ глубоко шло латинское вліяніе, гдѣ всего возможнѣе было воздѣйствіе туземныхъ элементовъ. За недостаткомъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ языкъ Румыновъ является на помощь изслѣдователю. По его составнымъ частямъ можно судить о степени вліянія той или другой народности, занимавшей Дакію и Мезію. Изъ него становится ясно, что латинизмъ, римское вліяніе, не уничтожили въ конецъ мѣстнаго туземнаго элемента, который устоялъ противъ всѣхъ переворотовъ, которыхъ были свидѣтелями берега нижняго Дуная; но изъ него ясно и то, что латинскій элементъ прочно

укоренился въ этой мѣстности, что онъ былъ такъ силенъ, что удержался и послѣ паденія политической власти Рима. Туземный элементъ, не уничтоженный, но, такъ сказать, разъединенный латинскимъ, потерялъ свою силу очень рано, не могъ воспользоваться освобожденіемъ отъ римской власти и сохранился только въ немногихъ словахъ, вошедшихъ въ составъ мѣстнаго латинскаго нарѣчія. Латинскій элементъ, по крайнѣй мѣрѣ въ языкѣ, былъ такъ силенъ, что не только одолѣлъ мѣстный, но побѣдоносно выдержалъ натискъ позднѣйшихъ вліяній и притомъ безъ всякой внѣшней, матеріальной поддержки, только своею жизненною силою.

Мы перечислили въ Европѣ всѣ провинціи, куда съ бо́льшею или меньшею силою проникало римское вліяніе. Въ *Сициліи* оно не могло вытѣснить эллинизма, такъ глубоко проникшаго въ жизнь обитателей. Въ *Сардиніи* и *Корсикѣ*, составлявшихъ римскія провинціи съ 521 — 523 годовъ отъ основанія Рима, также сохранились во всей силѣ прежніе племенные элементы. Въ Сардиніи нездоровый климатъ препятствовалъ притоку римскихъ колонистовъ, и этотъ островъ часто служилъ мѣстомъ ссылки для Римлянъ. Финикійскія и кароагенскія колоніи имѣли поэтому болѣе вліянія, чѣмъ римскія. Въ Корсикѣ, дикой и необработанной, населеніе состояло изъ Тирреновъ, Лигуровъ и римскихъ колонистовъ. Несмотря на 33 города, которые считаетъ Страбонъ, по его словамъ, Корсиканцы были грубымъ народомъ, занимались только скотоводствомъ.

Въ числѣ западныхъ областей имперіи есть еще области, гдѣ всего интереснѣе слѣдить за успѣхомъ латинизма и за воздѣйствіемъ туземнаго элемента: я разумѣю *западную Африку*, или ливійскія провинціи. Римъ встрѣтилъ здѣсь сильное государство, грозное политическимъ могуществомъ и тою нравственною силою, которая дается своеобразною цивилизаціей,

[redacted]

достигшею извѣстной степени развитія. Ожесточенная борьба съ Карѳагеномъ кончилась побѣдою Рима только послѣ напряженныхъ усилій, послѣ долгихъ колебаній этой побѣды и многихъ пораженій. Зато и месть Рима вѣковому врагу разыгралась въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ. Цвѣтущіе города карѳагенскихъ владѣній, древнія колоніи предпріимчивыхъ Финикіянъ легли въ развалинахъ. Самый Карѳагенъ былъ срытъ. Казалось, карѳагенскому элементу грозила конечная гибель. Римляне преслѣдовали его со всѣмъ злобнымъ вниманіемъ врага, у котораго лежитъ еще на сердцѣ стыдъ недавнихъ пораженій. Взятіе Карѳагена Сципіономъ Эмиліаномъ въ 146 году до Р. Х. положило начало распространенію римскаго владычества во всей западной Африкѣ. Козни Югурты не могли спасти Нумидію. Отданная Юбѣ, эта восточная часть бывшаго алжирскаго владѣнія была окончательно присоединена къ Риму въ 729 г. отъ основанія Рима. Еще прежде была покорена Цезаремъ Мавританія. Отданная Августомъ сыну Юбы, она при Калигулѣ тоже вошла въ составъ имперіи. Отъ Киренаики, гдѣ господствовало греческое вліяніе, до Атлантическаго океана сѣверная окраина Африки принадлежала Римлянамъ. И здѣсь, какъ въ другихъ провинціяхъ, Римъ упрочивалъ свою власть рядомъ пограничныхъ укрѣпленій. Завоеваніе Алжира Французами обнаружило, какъ далеко на югъ, въ глубь страны, проникало римское оружіе, какъ мастерски пользовались Римляне стратегическими пунктами. Въ 1850 г. колонна французскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Сентъ-Арно, чрезъ тысячу препятствій пробиралась въ долину Уэдъ-Абіада, чтобъ покорить безпокойныхъ Кабиловъ. Никогда еще такъ далеко не заходили экспедиціи, и французскій солдатъ утѣшалъ себя мыслію, что въ этихъ мѣстахъ онъ былъ первый изъ Европейцевъ. Римская надпись, вырѣзанная на скалѣ, разрушила эти самолюбивыя мечты. Неприступные

почти проходы, такъ долго задерживавшіе французское войско, были пройдены Римлянами еще во время Антониновъ съ помощію вспомогательныхъ когортъ туземцевъ. Не разъ Французы пользовались стратегическими указаніями Римлянъ, ясными по развалинамъ римскихъ укрѣпленій. Еще болѣе данныхъ представляютъ открытія смѣлаго Барта, изслѣдовавшаго почти весь материкъ Африки. Остатки римскихъ укрѣпленій, римскія гробницы и надписи онъ находилъ такъ далеко къ югу, какъ нельзя было бы предположить прежде. Въ 1-мъ томѣ начатаго изданія его путешествія по Африкѣ мы найдемъ описаніе этихъ римскихъ памятниковъ и самые рисунки. У меня нѣтъ времени остановиться на результатахъ, добытыхъ Бартомъ въ его путешествіи по тунисскимъ владѣніямъ, по Тараболу, Сиртѣ и Сахарѣ; и притомъ для насъ не столько важно точное опредѣленіе границъ римскихъ владѣній въ Африкѣ, трудное еще въ наше время, сколько взаимная постановка римскаго и туземнаго вліянія, а при этомъ я буду имѣть случай еще разъ сослаться на Барта.

Западная часть сѣверной Африки подъ римскимъ владычествомъ дѣлилась на нѣсколько провинцій. Нѣкоторыя изъ нихъ управлялись сенатомъ, другія императорами. Эти провинціи Африки были слѣдующія: Мавританія, раздѣлявшаяся на Мавританію Tingitana (нынѣшній Марокко) и Мавританія Caesariensis (часть Алжира); обѣ управлялись прокураторами императора. Затѣмъ слѣдовала Нумидія (восточная часть Алжира), Африка (Тунисъ), и наконецъ новая Африка (часть Триполи). Разрушеніе Карѳагена и городовъ его не надолго уничтожило матеріальное благосостояніе Африки, и скоро ея провинціи получаютъ названіе кормилицъ Рима, Nutrices Romae. Плодородіе почвы, богатство произведеній и близость къ Италіи обращали на нее вниманіе Рима. Коммодъ основалъ особый африканскій флотъ, который долженъ былъ поддерживать

постоянныя сношенія Италіи съ Африкой и доставлять хлѣбъ и другія произведенія африканскихъ провинцій вь житницы Рима.

Легкость сообщенія Италіи съ Африкой давала возможность множеству Римлянъ переселяться въ ливійскія провинціи и основывать тамъ земледѣльческія поселенія или селиться въ городахъ для торговли и промышленности. Множество римскихъ колоній находимъ мы въ названныхъ 5-ти провинціяхъ. Въ Мавританіяхъ ихъ было 11 (по другимъ извѣстіямъ 21), въ остальныхъ областяхъ 6, а число римскихъ колоній не могло быть вообще значительно, потому что ихъ основаніе было дѣломъ государственнымъ и сопровождалось религіозными обрядами. Число свободныхъ поселеній Римлянъ въ городахъ, уже существующихъ, и даже вновь заселенныхъ мѣстностей было несравненно значительнѣе; такъ въ Нумидіи и Африкѣ было 15 муниципій съ римскимъ правомъ. Города древняго Кароагена одинъ за другимъ возставали изъ развалинъ, заселенные новыми колонистами. Съ самого Кароагена снято было проклятіе, осуждавшее его на вѣчное запустѣніе. Августъ вывелъ въ него гражданскую колонію изъ 3,000 италійскихъ семействъ; а во времена Тиберія Кароагенъ былъ уже первымъ городомъ Африки. Промышленный и торговый духъ прежнихъ обитателей какъ бы перешелъ къ его новымъ поселенцамъ, а превосходное положеніе мѣстности какъ нельзя болѣе благопріятствовало развитію благосостоянія молодаго города. Скоро Кароагенъ сдѣлался снова какъ-бы соперникомъ стараго Рима, но соперникомъ не въ политическомъ могуществѣ, а въ богатствѣ и торговлѣ. Соперникомъ и ровней Риму явился Кароагенъ и относительно образованія. Муниципальная курія Кароагена, обыкновенно называемая сенатомъ, не щадила издержекъ на литературныя торжества, куда стекались представители древней мысли и поэзіи со всей Африки.

Карѳагенъ былъ центромъ умственной дѣятельности для всего сѣверозападнаго прибрежья Африки. Древніе писатели, особенно Апулей, говорятъ съ восторгомъ объ его знаменитыхъ школахъ философіи и декламаціи, о публичныхъ чтеніяхъ въ библіотекѣ и въ театрѣ. Денежныя награды, статуи, воздвигаемыя на счетъ города литературнымъ знаменитостямъ, почетъ, которымъ окружало населеніе Карѳагена эти знаменитости, все это влекло къ нему поэтовъ, риторовъ и ораторовъ со всѣхъ странъ. На языкѣ поэтовъ Карѳагенъ назывался не иначе, какъ небесною музою, Каменою людей, носящихъ тогу, Musa Coelestis, Camaena togatorum. Бл. Августинъ даже въ IV вѣкѣ имѣлъ полное право говорить: Duae urbes litterarum latinarum artifices, Roma atque Carthago. Зданія Карѳагена возбуждали удивленіе путешественниковъ. Одна улица, называемая Небесною (Coelestis), была почти вся застроена великолѣпными храмами. Улица Банкировъ поражала множествомъ мрамора и золотыхъ украшеній. Другіе города по возможности дѣлили съ Карѳагеномъ и его матеріальное благосостояніе, и его участіе въ литературной и научной дѣятельности. Въ Африкѣ и Нумидіи торговый городъ Лептисъ, древняя колонія Сидона, до нѣкоторой степени возвратилъ себѣ прежнее значеніе. Тамъ же была Утика, прославленная смертію Катона. Во внутренности страны была Сикка и на скалѣ построенная Цирта, еще со временъ Миципсы населенная Греками. Въ Мавританіи—Цезарея, Модаура, Тагасте, Тибурсика и т. д. Зилисъ и Ликсусъ находились на западномъ берегу Африки, омываемомъ Атлантическамъ океаномъ. Исторія христіанства въ сѣверной Африкѣ представляетъ самыя лучшія статистическія данныя для опредѣленія числа значительныхъ поселеній въ 5 ливійскихъ провинціяхъ въ III столѣтіи: во время св. Кипріана болѣе 200 епископовъ были пастырями африканской церкви. Въ IV вѣкѣ число ихъ возрасло

почти до 500, а каждая епископская каѳедра предполагаетъ по необходимости сколько нибудь значительное поселеніе, если не городъ. Главная масса городскихъ и сельскихъ поселеній лежала, разумѣется, по морскому прибрежью. Сюда, почти тотчасъ послѣ завоеванія Карѳагена, римская аристократія начала выводить многочисленныя земледѣльческія колоніи. Ни въ какой провинціи имперіи римская аристократія не имѣла такихъ обширныхъ владѣній. Шестеро вельможъ, казненныхъ Нерономъ, владѣли, по свидѣтельству Плинія, почти половиною Африки. Рядомъ съ государственною колонизаціею Рима шла частная колонизація богатыхъ гражданъ, извлекавшихъ изъ своихъ африканскихъ помѣстій огромные доходы. Весь сѣверозападный берегъ Африки былъ покрытъ римскими поселеніями, которыя становились рѣже по мѣрѣ того, какъ углублялись во внутренность страны, и наконецъ на окраинахъ Сахары и въ оазисахъ пустыни, они ограничивались военными укрѣпленніями и лагерями, оберегавшими житницу Рима отъ нападеній кочевыхъ племенъ внутренней Африки.

Въ своемъ распространеніи во внутренность страны римское владычество и вліяніе шли по путямъ, проложеннымъ смѣлыми торговцами Финикіи и Карѳагена. Римская цивилизація и латинскій языкъ проникали въ слѣдъ за легіонами и прочно утверждались въ покоренныхъ мѣстностяхъ. Римская Африка дала много блестящихъ писателей Риму. Мало того, въ исторіи римской литературы есть цѣлый періодъ, который справедливо можно назвать періодомъ латиноафриканскимъ точно такъ, какъ мы называемъ предшествующіе латиноиберійскимъ, или латиноиспанскимъ. Развитіе латиноафриканской литературы начинается со временъ Марка Аврелія. Кромѣ знаменитыхъ юристовъ, Африка дала Риму великолѣпныхъ ораторовъ, какимъ, напримѣръ, былъ Фронтонъ. Еще большею

славою пользовался Апулей, лучшій представитель латиноафриканскаго духа. Этотъ періодъ идетъ до половины или до конца III вѣка, и его послѣднимъ представителемъ является карѳагенскій поэтъ Немезіанъ (около 282 г.). Съ новою силою началось развитіе латиноафриканской литературы съ тѣхъ поръ, какъ литература язычества начала уступать христіанскому краснорѣчію. Начало этой христіанской литературы Африки почти совпадаетъ съ временемъ паденія ея языческой науки. Начиная съ Тертулліана и Минуція Феликса, идетъ почти непрерывный рядъ отцовъ африканской церкви и христіанскихъ писателей, славныхъ не одною святостію жизни, достойныхъ бойцевъ противъ умирающаго язычества: Св. Кипріанъ, Арнобій, Лактанцій и наконецъ послѣдній и въ то же время знаменитѣйшій изъ христіанскихъ мыслителей и ораторовъ, уроженецъ Тагасте, епископъ нумидійской Гиппоны, бл. Августинъ, свидѣтель варварскаго нашествія, въ конецъ сокрушившаго и политическое могущество и самое вліяніе Рима. Епископъ Гиппоны былъ послѣднимъ и полнѣйшимъ представителемъ латиноафриканской цивилизаціи, озаренной свѣтомъ христіанства. Перебирая въ памяти многочисленныхъ латинскихъ писателей Африки, языческихъ и христіанскихъ, зная безпрерывный притокъ римскоиталъянскаго населенія, притокъ, продолжавшійся до самаго послѣдняго времени, потому что до вторженія Вандаловъ римская Африка пользовалась безопасностію отъ опустошительныхъ набѣговъ варваровъ,—зная все это, трудно, кажется, предполагать, чтобы туземные племенные элементы, финикійское и карѳагенское вліяніе уцѣлѣли въ этихъ провинціяхъ; чтобы рядомъ съ религіей и языкомъ Рима стояли религія и языкъ ненавистныхъ Риму Карѳагенянъ. Однакоже это было такъ.

Прежде скажу нѣсколько словъ о туземныхъ племенахъ, до поселенія Финикіянъ и развитія карѳагенскаго могущества.

Многочисленныя племена сѣверной Африки можно подвести подъ двѣ большія племенныя группы. Это будетъ, во первыхъ, могущественное племя либійское, котораго современными намъ представителями являются Берберы. Либійское племя распадалось на двѣ федераціи. Федерація Мазиковъ на песчаной окраинѣ Ситры и племена Гетуловъ, которыя съ южныхъ отлогостей Атласа шли въ невѣдомую даль южной Африки. На западъ отъ ливійскаго племени, почитаемаго древними за автохтоновъ, по сѣверозападному берегу Африки жило племя пришлое; по свидѣтельству древнихъ, это были Мавры, прозванные также Nomadi или Numidi за свою привязанность къ кочевой жизни. О ихъ переселеніи и о дѣйствительности этого переселенія можно говорить только гипотезы. Такова, напримѣръ, гипотеза о ихъ переселеніи изъ Ханаана. Туземныя племена Африки мало по малу покорились сначала финикійскимъ колоніямъ, потомъ Кароагену. Для насъ нѣтъ нужды говорить о постепенномъ распространеніи власти и вліянія Кароагена. Полудикія и бродячія племена туземцевъ, очевидно, не могли ничего противопоставить успѣхамъ кароагенофиникійской цивилизаціи, и тѣмъ крѣпче утвердилась эта цивилизація тамъ, куда она проникла. Въ своихъ путешествіяхъ Бартъ нашелъ далеко на югѣ Африки римскій памятникъ, называемый туземцами памятникомъ Суффетовъ. Такъ до сихъ поръ еще хранится въ народной памяти слѣдъ кароагенскаго владычества. Мрачная религія Кароагенянъ вытѣснила грубый фетишизмъ туземцевъ. Финикійскій языкъ сдѣлался для нихъ языкомъ разговорнымъ. Только въ сѣверозападномъ углу Африки, среди Мавровъ, сохранились и прежнія вѣрованія и, можетъ быть, прежніе діалекты. Являясь владѣтелями Африки, Римляне встрѣтились съ финикійскою цивилизаціею, и, чтобы остаться побѣдителемъ, латинскій элементъ долженъ былъ прежде всего вступить въ борьбу съ нею или признать

совмѣстное ея существованіе рядомъ съ собою. Для перваго, т. е. для конечнаго вытѣсненія кареагенофиникійской цивилизаціи, Римъ, не смотря на свои громадныя средства, не имѣлъ достаточныхъ силъ. Туземный племенной элементъ, прикрываясь внѣшними формами цивилизаціи своихъ первыхъ завоевателей, не хотѣлъ отъ нихъ отказаться. Даже тамъ, гдѣ латинское вліяніе одерживало, повидимому, самую полную побѣду, латинство на самомъ себѣ чувствовало сильное воздѣйствіе со стороны туземнаго племеннаго элемента.

Замѣтнѣе всего это воздѣйствіе послѣдняго на латинство въ латиноафриканской литературѣ. Матеріалъ литературы, т. е. языкъ—чисто латинскій, литературныя внѣшнія формы—также римскія, и однако содержаніе, тонъ, стиль и пріемы носятъ на себѣ рѣзкій слѣдъ туземнаго вліянія. Подъ внѣшними формами латинскаго краснорѣчія слышно присутствіе элемента, чуждаго Риму. Лучшимъ представителемъ сущности и отличительныхъ особенностей латиноафриканской литературы является Апулей среди языческихъ писателей римской Африки. На его остроумныхъ, исполненныхъ граціи и изящества разсказахъ отразилась одна сторона африканскаго элемента; другая нашла себѣ полнаго выразителя въ христіанскомъ писателѣ Тертулліанѣ. Его страстная апологія христіанства противъ язычниковъ лучше всего доказываетъ африканскую кровь автора. Но если въ литературѣ такъ сильно было вліяніе племеннаго туземнаго элемента, тѣмъ болѣе оно должно было чувствоваться въ нравахъ, въ жизни, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ языкѣ покоренныхъ. Характеръ населенія, наприм., самого Кароагена рѣзко отличается отъ характера другихъ городовъ. Въ страшномъ развратѣ, въ смѣси фанатическаго исповѣданія христіанской религіи съ языческими обрядами сказывалась африканская натура. Въ самыхъ церквахъ, на гробахъ мучениковъ, кароагенскіе христіане совершали пиры съ характеромъ языческимъ,

пиры, переходившіе часто въ дикую оргію. На судьбахъ христіанства, точно также какъ на судьбахъ римской цивилизаціи въ Африкѣ видѣнъ рѣзкій слѣдъ туземнаго элемента. Христіанство было принято населеніемъ Африки съ тѣмъ же страстнымъ увлеченіемъ, которое характеризовало его во всѣхъ случаяхъ. Огромное число африканскихъ епископствъ всего лучше свидѣтельствуетъ о быстромъ распространеніи христіанства. Церковь кареагенская по своему вліянію не разъ соперничала съ самимъ Римомъ. Но, принимая его, населеніе Африки, по своей страстности, не могло остаться въ законныхъ предѣлахъ; оттого Африка, давая христіанскому міру знаменитыхъ исповѣдниковъ и учителей церкви, къ голосу которыхъ благоговѣйно прислушивались церкви Европы и Азіи, была въ то же время мѣстомъ, если не рожденія, то полнаго развитія многихъ ересей, преимущественно тѣхъ, которыя отличались фанатизмомъ, которыя требовали жертвъ и лишеній. Здѣсь прочно утвердилась ересь манихеевъ, явившаяся съ Востока и дававшая полный просторъ разгоряченному воображенію, соединявшая съ истинами божественной религіи персидскій дуализмъ и мистическое ученіе. Здѣсь же родилась и развилась во всей своей силѣ ересь донатистовъ, основанная Донатомъ, епископомъ однаго города Нумидіи. Она возникла изъ фанатическаго осужденія христіанъ, ослабѣвшихъ во время гоненія Діоклетіана и выдавшихъ языческимъ магистратамъ книги св. писанія. Послѣдователи Доната не хотѣли принимать ихъ въ свое общеніе. Дикія племена Нумидіи и Гетуліи, вооруженныя, толпами нападали на христіанъ другихъ мнѣній, обозначая свой слѣдъ губительными опустошеніями. Начавшись, повидимому, съ простаго вопроса церковной дисциплины, ересь Доната повела къ фанатическому изувѣрству. Не довольствуясь тѣмъ, что страшными опустошеніями доказывали правоту своего ученія, донатисты часто сами искали

смерти, думая ею заслужить вѣнецъ мучениковъ. Часто въ назначенный заранѣе день они бросались со скалъ или принуждали по дорогамъ путешественниковъ убивать себя, грозя имъ въ случаѣ несогласія смертію и истязаніями. Въ фанатизмѣ донатистовъ, въ ихъ склонности промѣнять осѣдлую жизнь на безпокойное, тревожное существованіе бродячихъ схимниковъ, нельзя не признать особенностей африканской натуры, не стертыхъ римскою цивилизаціею.

Намъ нетрудно будетъ показать живучесть прежнихъ племенныхъ элементовъ и во внѣшнихъ признакахъ, болѣе осязательныхъ и наглядныхъ, чѣмъ особенности народнаго характера. Мало того, что во всей чистотѣ сохранилась этнографическая основа, племенной типъ, вообще трудно изглаживаемый внѣшнимъ вліяніемъ, чрезвычайно долговѣчный, сохранилась религія и языкъ туземцевъ. Въ римской Африкѣ было два элемента, туземный и кареагенскій. Во многихъ мѣстностяхъ первый уступилъ вліянію Кареагена, не имѣя въ себѣ достаточной внутренней крѣпости; зато кареагенская цивилизація упорно отстаивала свое существованіе. Встрѣчаясь съ нею, латинство, или римское вліяніе, должно было терять надежду на исключительное преобладаніе. Мы видѣли, какъ долго въ Испаніи хранились слѣды кареагенофиникійскаго элемента, не уступивъ окончательно Риму во все время его политическаго владычества, и уничтоженные только христіанствомъ. Тѣмъ болѣе крѣпости этотъ элементъ долженъ былъ имѣть въ Африкѣ, гдѣ колоніи Финикіянъ и Кареагенянъ лежали болѣе сплошною массою, и гдѣ туземцы стояли несравненно на низшей степени развитія, чѣмъ многія племена Испаніи. Начнемъ съ живучести религіозныхъ вѣрованій Кареагена во все время владычества Рима, замѣтивъ при этомъ одну трудность изслѣдованія. И въ Африкѣ, какъ въ другихъ областяхъ римскаго міра, туземныя божества частію слились съ

божествами греко-римской миѳологіи, частію получили чуждыя имъ имена, взятыя изъ той же миѳологіи. Этой участи не избѣгли и божества карѳагено-финикійскія, несмотря на то, что ихъ характеръ, повидимому, не имѣлъ ничего общаго съ предметами поклоненія Эллиновъ и Римлянъ. Два главнѣйшія божества Карѳагена получили у Римлянъ названія Сатурна и богини Целесты. Третье божество финикійско-тирское, Мелькартъ, называлось ливійскимъ Геркулесомъ и подъ этимъ именемъ чтилось не въ одной Африкѣ, но и въ самой Италіи, также въ Испаніи и Галліи. Целеста была покровительницей Карѳагена. Римляне, давши ей латинское имя, несогласны были въ понятіяхъ объ ея значеніи. Большая часть римскихъ писателей отождествляла ее съ Юноной, но другіе, въ томъ числѣ и бл. Августинъ, котораго свидѣтельство имѣетъ въ этомъ случаѣ особенную важность, называютъ ее или Венерой, или Ураніей. Греки вообще именуютъ ее Астартой и даютъ возможность повѣрить разнорѣчащія свидѣтельства римскихъ писателей. Древній Эсмунъ Карѳагенянъ получилъ отъ Римлянъ имя Эскулапа. Знаменитѣйшій храмъ его находился въ Бирсѣ. Геній-хранитель Карѳагена чтился въ этомъ городѣ въ образѣ камня. Затѣмъ трудно уже отличать божества карѳагено-финикійскія подъ греко-римскими именами. Такъ мы знаемъ, что поклоненіе Аполлону особенно процвѣтало въ Утикѣ, но сколько было въ этомъ культѣ финикійскаго элемента, рѣшить невозможно. Кромѣ примѣси греко-римскаго религіознаго вліянія, замѣтно также, быть можетъ, еще большее вліяніе религіи Египта и азіатскаго Востока. Культы матери боговъ, Митры, Сераписа, Изиды и Аммона имѣли столь же многочисленныхъ приверженцевъ, какъ и художественный культъ Эллиновъ. Какъ ни трудно впрочемъ отличить карѳагено-финикійскія божества подъ чужими именами и среди постороннихъ религіозныхъ вліяній, историческія извѣстія говорятъ слишкомъ положительно,

чтобы можно было усомниться въ продолжительности существованія карѳагено-финикійскаго культа во все время римскаго владычества. Финикійскій Ваалъ или Молохъ сохранилъ свой національный характеръ и подъ римскимъ именемъ Сатурна. Ему поклонялись не одни прямые потомки древнихъ Карѳагенянъ. Италійскіе колонисты Африки въ свою очередь приняли многое изъ мрачныхъ вѣрованій Карѳагенянъ. Культъ Ваала или Молоха сопровождался кровавыми жертвами. Ему приносили въ жертву дѣтей. Когда Сициліецъ Агаѳоклъ подступилъ къ стѣнамъ Карѳагена, 200 младенцевъ изъ самыхъ знатныхъ фамилій, по опредѣленію карѳагенскаго правительства, одинъ за другимъ возложены были на руки статуи Ваала, раскаленной до красна. Число подобныхъ частныхъ жертвъ простиралось до 300. Напрасно Гелонъ послѣ побѣды запретилъ эти страшныя жертвы. Карѳагеняне остались вѣрны древнему культу. По свидѣтельству Тертулліана въ его апологіи христіанства, публично приносили въ жертву Сатурну дѣтей до самаго проконсульства Тиверія во II вѣкѣ по Р. Х. Тиверій приказалъ пригвоздить жрецовъ Ваала къ деревьямъ, окружавшимъ мѣсто жертвоприношеній. Не смотря однако на строгое запрещеніе и жестокія казни ослушниковъ, принесеніе дѣтей въ жертву Ваалу-Сатурну еще долго продолжалось втайнѣ, самое же поклоненіе, очевидно, должно было пережить кровавыя жертвы. Въ сочиненіяхъ христіанскихъ писателей Африки, особенно бл. Августина, находится чрезвычайно много свидѣтельствъ о культѣ Целесты-Астарты. Великолѣпный храмъ ея находился въ самомъ Карѳагенѣ. Кругомъ его были храмы божествъ меньшихъ и все это пространство, занимавшее собою около двухъ миль, было обнесено высокою стѣною. Только при Ѳеодосіи была затворена эта ограда, и запрещено было приносить жертвы въ храмѣ Астарты-Целесты. При Гоноріи Авреліи,

епископъ Кароагена, обратилъ этотъ храмъ въ христіанскую церковь, и поставилъ епископскую каоедру на львѣ, прежде поддерживавшемъ статую богини, въ 420 г. по Р. Х. Многочисленные поклонники Астарты распустили будто бы изрѣченіе оракула, по которому предсказывалось, что всѣ храмы на улицѣ Целесты будутъ возвращены древнему культу. Чтобы воспрепятствовать смутамъ, трибунъ Урсъ велѣлъ срыть всѣ оставшіеся храмы и въ томъ числѣ знаменитый храмъ самой Астарты-Целесты, такъ недавно обращенный въ христіанскую церковь. Съ паденіемъ храма не кончилось поклоненіе самой богинѣ. Оно сохранилось въ V вѣкѣ и даже послѣ завоеванія Африки Вандалами; идолы богини, уничтоженные въ храмахъ, хранились въ жилищахъ частныхъ людей до послѣдняго времени, и домашнее богослуженіе замѣняло недостатокъ общественнаго. У Сальвіана Марсельскаго находимъ извѣстіе, что не только язычники чтили богиню, но сами христіане не стыдились приносить ей жертвы — фактъ, часто встрѣчающійся въ исторіи христіанства въ Африкѣ. Игры въ честь Целесты продолжались также весьма долго. Народонаселеніе Африки держалось за нихъ съ большимъ упорствомъ. Убѣжденія христіанскаго духовенства часто были безсильны, чтобы остановить самихъ христіанъ отъ участія въ языческихъ торжествахъ. До насъ дошли увѣщанія бл. Августина, показывающія, какую силу имѣлъ еще древній культъ, если не надъ умами и вѣрованіями, то по крайней мѣрѣ надъ привычками народонаселенія Африки.

То, что сказано о существованіи культовъ Ваала и Астарты до самаго послѣдняго времени римскаго владычества, предполагаетъ и существованіе культа другихъ національныхъ божествъ. Дѣйствительно, статуя Мелькарта или ливійскаго Геркулеса находилась еще въ Кароагенѣ во время бл. Августина, и на ея пьедесталѣ красовалась надпись въ честь

13*

божества. Кароагенскіе христіане нѣсколько времени требовали напрасно ея разрушенія. Въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ статуи боговъ сохранялись еще дольше. Въ V вѣкѣ въ одномъ городѣ Мавританіи найдены были идолы мѣстныхъ божествъ, скрытые въ пещерахъ. Языческія ночныя празднества, называвшіяся ноктурнами, отправлялись во многихъ мѣстахъ также въ V вѣкѣ. Точно также какъ религія Кароагенянъ, должны были сохраняться и вѣрованія африканскихъ племенъ, не принявшихъ кароагенской цивилизаціи и религіи. Вѣрованія этихъ племенъ могли сохраняться тѣмъ болѣе, что отличались немногосложностію и, вѣроятно, не развились до общественнаго богослуженія. Здѣсь должно было господствовать частное, домашнее поклоненіе, обыкновенно остающееся въ народѣ несравненно долѣе богосуженія общественнаго. Мавританія и Нумидія очень долго сохраняли вѣру въ своихъ боговъ, имена которыхъ неизвѣстны Римлянамъ и которые, какъ предполагаютъ, были не что иное, какъ обоготворенные древніе предводители племенъ. До IV вѣка по Р. Х. и въ IV вѣкѣ, эта мѣстная религія удержалась въ большей или меньшей чистотѣ.

Перейдемъ теперь къ языку, другому внѣшнему признаку народности. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что латинскій языкъ, по крайней мѣрѣ въ концѣ IV и въ V вѣкахъ, окончательно восторжествовалъ надъ языкомъ кароагенскимъ, или пуническимъ, какъ называли его Римляне. Факты, на которыхъ основываются эти писатели, не допускаютъ впрочемъ такого положительнаго заключенія. Напротивъ, все говоритъ въ пользу совмѣстнаго существованія въ Африкѣ обоихъ языковъ рядомъ. И притомъ въ началѣ пуническій языкъ долженъ былъ преобладать въ большей части мѣстностей. Даже въ городахъ, центрахъ римской власти и римской цивилизаціи, языкъ кароагенскій занималъ видное мѣсто. Онъ былъ даже не только языкомъ разговорнымъ, но и литературнымъ, и

юридическимъ. Любопытное подтвержденіе этого относится ко II вѣку нашей эры, именно ко времени Септимія Севера. Септимій Северъ былъ родомъ изъ Африки и до конца жизни не могъ отдѣлаться отъ пуническаго выговора даже въ латинской рѣчи, которою онъ владѣлъ почти въ совершенствѣ. Онъ отличался еще бо́льшимъ краснорѣчіемъ на своемъ родномъ языкѣ. Онъ былъ уроженецъ Лептиса, и одно извѣстіе въ его біографіи доказываетъ положительно, что языкъ карѳагенскій былъ разговорнымъ языкомъ въ этомъ городѣ. Свидѣтельство знаменитаго юриста временъ Септимія Севера, подобно ему уроженца Африки, Ульпіана, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что пуническій языкъ употребляли въ юридическихъ сдѣлкахъ, и онъ былъ, слѣдовательно, языкомъ, признаннымъ оффиціально Римлянами. На пуническомъ языкѣ, какъ говоритъ Ульпіанъ, позволено было составлять fidei-commissa. Въ проповѣдяхъ бл. Августина есть мѣста, доказывающія, что кароагенскій языкъ былъ понятенъ еще въ V вѣкѣ для жителей Гиппоны, хотя уже многіе не говорили на немъ. Въ одной изъ своихъ церковныхъ рѣчей бл. Августинъ приводитъ народную карѳагенскую пословицу. Если въ самыхъ городахъ языкъ латинскій не могъ вытѣснить мѣстныхъ нарѣчій, несмотря на то, что въ нихъ главныя массы состояли изъ чисто римскаго населенія, то очевидно, что въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, среди деревенскаго населенія, туземныя нарѣчія имѣли еще болѣе силы. Несмотря на блистательное развитіе латино-африканской литературы, латинскій элементъ не былъ проченъ въ Африкѣ; онъ владѣлъ только поверхностью общества, мало проникая въ низшіе его слои. Тамъ хранились еще во всей своей чистотѣ туземные элементы, и когда нашествіе Вандаловъ, потомъ внутреннія смуты и наконецъ вторженіе Арабовъ разогнали и уничтожили эти верхніе образованные классы римско-африканскаго общества, вмѣстѣ

съ ними изчезло и латинское вліяніе. По крайней мѣрѣ, когда Арабы завладѣли сѣверозападнымъ прибрежьемъ Африки, они нашли только вѣковѣчныя развалины римскихъ зданій, покрывавшія пространство римской Африки и углублявшіяся далеко въ пустыню. Населеніе, говорившее языкомъ латинскимъ, изчезло почти безслѣдно, мѣсто его заняли Берберы, спустившіеся на морское прибрежье изъ недоступныхъ долинъ Атласа, куда загнало ихъ оружіе Кареагенянъ и потомъ Римлянъ. Это были остатки первобытныхъ обитателей Африки. Въ ихъ воспоминаніяхъ сохранялись смутныя преданія о владычествѣ Кареагена, владычество же Римлянъ было забыто, и самыя римскія сооруженія приписаны ими финикійскимъ выходцамъ. Еще легче должно было сгладиться римское вліяніе въ Мавританіи, менѣе другихъ ливійскихъ провинцій ему подчинившейся, въ большей чистотѣ сохранившей свою туземную этнографическую основу. Тамъ стòило только рухнуть политическому авторитету Вѣчнаго Города, чтобы вмѣстѣ съ нимъ изчезло и его нравственное и умственное вліяніе. Измѣненіе народностей, ихъ вырожденіе совершается вѣковыми усиліями, требуетъ неослабнаго вліянія чуждаго элемента, но, и подчиняясь ему, повидимому, совершенно, народъ еще долго хранитъ свои физіологическія особенности, если не прежнія вѣрованія и языкъ. Въ физической организаціи, въ складѣ ума, въ особенностяхъ народнаго характера, еще долго, быть можетъ навсегда, сохранится слѣдъ первоначальнаго этнографическаго элемента.

Сдѣлаемъ *общій выводъ* изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ провинцій западной, или латинской части Римской имперіи. Здѣсь былъ центръ латинскаго вліянія. На востокъ оно проникало, какъ увидимъ, весьма мало; тамъ почти безъ раздѣла царствовалъ эллинизмъ, сквозь внѣшній покровъ котораго просвѣчивали мѣстные, туземные элементы. Римское вліяніе

торжествовало только тамъ, гдѣ не встрѣчало себѣ соперника въ эллинизмѣ. Его распространеніе началось, какъ и слѣдовало, съ Италіи. Только слившись съ родственными элементами племенъ южной и средней Италіи и подчинивъ себѣ немногочисленные племенные элементы чуждые, оно перешагнуло за предѣлы полуострова. Одна за другою ему покорялись: Галлія цизальпинская, Лигурія, Венеція, южная Галлія транзальпинская, Испанія, средняя и сѣверная Галлія, Британія, острова Средиземнаго моря, придунайскія провинціи и наконецъ Африка. Повсюду внѣшнія формы цивилизаціи запечатлѣны были латинскимъ характеромъ. Исключеніе составляли только тѣ мѣстности, гдѣ утвердилось греческое вліяніе, съ которымъ трудно было бороться латинскому. Въ этихъ мѣстностяхъ латинизмъ могъ только стать рядомъ съ греческимъ элементомъ, занимая впрочемъ второе мѣсто. Зато тамъ, куда не проникъ эллинизмъ, побѣда Рима была, повидимому, самая полная. Вѣчный Городъ владѣлъ неодолимою силою притяженія для провинціаловъ. Лучшіе люди провинціи стремились къ Риму, потому что тамъ былъ центръ не одной политической жизни, тамъ было средоточіе умственнной дѣятельности; туда же влекла обольстительная приманка матеріальныхъ наслажденій. Прямое потомство древнихъ Квиритовъ покрыло своими костями поля битвъ въ трехъ частяхъ свѣта. Какъ воины и мирные колонисты, шли Римляне и Италики во всѣ концы римскаго міра, неся съ собою римскую цивилизацію. Число выходцевъ изъ Италіи было огромно, но на убылыя мѣста стремился притокъ провинціаловъ. Лучше всего можно слѣдить за этимъ притокомъ по увеличенію числа римскихъ гражданъ. Провинціалы, получившіе это званіе, ео ipso должны были принять на себя всѣ отличительныя особенности римской цивилизаціи. Императоръ Клавдій снялъ римское гражданство съ одного богатаго и знатнаго уроженца Ликіи за то, что онъ

не зналъ полатыни. Латинскій элементъ распространился поэтому съ необычайною быстротою во всѣхъ западныхъ провинціяхъ имперіи. Латинскій языкъ сдѣлался языкомъ правительственнымъ и оффиціальнымъ. Римская гордость поддерживала его въ этотъ значеніи даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было въ немъ никакой необходимости. Отличные знатоки греческаго языка и греческой литературы, являясь въ Грецію представителями Рима, говорили съ греческими магистратами не иначе, какъ черезъ переводчика. Римскія книжныя лавки были во всѣхъ провинціяхъ: въ Александріи, Ліонѣ, Реймсѣ, Вьенни и т. д. Овидій, Проперцій, Марціалъ были въ рукахъ каждаго; ихъ сочиненія увозили на родину чужеземцы, бывшіе въ Римѣ. Me sinus omnis, me manus omnis habet, могли съ гордостію говорить римскіе поэты. Ихъ стихотворенія читалъ суровый центуріонъ въ странѣ Гетовъ и въ далекой Британіи. Но, не смотря на это, повидимому, полное господство, латинское вліяніе было безсильно уничтожить прежніе туземные племенные элементы. Они сохранялись даже тамъ, гдѣ всего сильнѣе было латинское вліяніе, гдѣ пережило оно политическую самостоятельность Рима, и гдѣ, повидимому, оно проникло въ самую глубь общественной жизни: въ Италіи, Галліи, Испаніи, въ Дакіи и Мезіи, не говоря уже объ Африкѣ, островахъ или Британіи и дунайскихъ провинціяхъ. Мало того, давая покореннымъ народамъ внѣшнія формы римской цивилизаціи и литературное образованіе, римское преобладаніе дало возможность народному духу завоеванныхъ провинцій заявить себя въ большей или меньшей чистотѣ въ самыхъ произведеніяхъ чуждой письменности. Мы имѣли случай замѣтить въ развитіи римской литературы временъ имперіи періоды латино-иберійскій, латино-африканскій и латино-кельтскій. Такъ на самомъ литературномъ образованіи побѣдителей отразилось воздѣйствіе побѣжденныхъ.

Религіозныя вѣрованія западныхъ областей не могли имѣть такого общаго вліянія, какъ религіи древняго Востока. Важно и то, что они сохранились въ религіозномъ сознаніи побѣжденныхъ, не смотря на вліяніе греко-римской миѳологіи и частыя запретительныя мѣры римскаго правительства. До конца римскаго владычества сохранился друидизмъ въ Галліи и Британіи, туземныя финикійскія божества въ Испаніи, религія Карѳагена въ римской Африкѣ. Ту же живучесть племенныхъ элементовъ Запада замѣтили мы и въ языкахъ, изъ которыхъ многіе сохранились до нашего времени, другіе вошли въ составъ языковъ романскихъ или новолатинскихъ, оказавъ при этомъ болѣе или менѣе значительное дѣйствіе на самый составъ и формацію этихъ языковъ. Слѣды древнихъ діалектовъ нашли мы въ самомъ центрѣ латинизма, въ Италіи, и притомъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ столицы древняго міра. Еще яснѣе обнаружилась бы эта живучесть племенныхъ элементовъ, еслибы мы стали слѣдить за ихъ проявленіями въ дѣятельности уроженцевъ той или другой области, даже вполнѣ усвоившихъ себѣ римское образованіе. Этнографическія изслѣдованія относительно странъ, нѣкогда бывшихъ въ предѣлахъ Римской имперіи, должны также дать много фактовъ для пониманія племенныхъ элементовъ римскаго міра. Но даже и въ настоящемъ своемъ состояніи, далеко еще неудовлетворительномъ, эти этнографическія изслѣдованія положительно доказываютъ существованіе племенныхъ типовъ, не сглаженныхъ латинскимъ вліяніемъ.

Этимъ общимъ замѣчаніемъ мы заключимъ обзоръ западной, латинской части Римской имперіи, чтобы перейти къ обозрѣнію *эллинскаго Востока*.

[redacted]

II.

Я не стану разсматривать восточной, эллинской части Римской имперіи съ тою же подробностію, какъ западныя ея провинціи, и ограничусь самымъ бѣглымъ общимъ очеркомъ. Для исторіи средневѣковой Европы, христіанско-европейскихъ государствъ племенные элементы Востока, очевидно, не представляютъ такой важности, какъ племенной элементъ западной Европы. На последнемъ зиждется зданіе западной христіанской цивилизаціи, и потому для историка западной Европы онъ имѣетъ интересъ особенной важности, тогда какъ Востокъ представляетъ только посредственное вліяніе на всемірно-историческія судьбы новой Европы.

Говоря о восточной половинѣ Римской имперіи, прежде всего необходимо сказать о положеніи той страны, откуда исходило образованіе, соединявшее въ одну семью разнородныя племена азіатскаго и частію африканскаго Востока, о *Греціи*.

Свободное развитіе исторической жизни древней Эллады было насильственно прервано македонскою тираніею. Послѣдователи фаталистической школы въ исторіи видятъ въ существованіи извѣстнаго факта ясное доказательство его законности. Съ этой точки зрѣнія македонская гегемонія, такъ скоро обратившаяся въ полную тиранію въ худшемъ смыслѣ этого слова, была естественнымъ завершеніемъ всего развитія политической жизни свободной Греціи; къ этому печальному результату неминуемо вели всѣ предшествовавшія событія. Изъ самой свободы возникла потребность деспотизма, и кто стоялъ на сторонѣ македонскаго деспота противъ великодушныхъ бойцевъ за народную независимость, за тѣмъ, по ихъ мнѣнію, осталась не одна побѣда, такъ часто вѣнчающая неправое дѣло, за тѣмъ осталась историческая законность измѣны.

История Греціи послѣ македонскаго завоеванія служитъ лучшимъ опроверженіемъ этой безотрадной, и, прибавимъ, безнравственной теоріи. Это въ высшей степени грустная исторія послѣдней борьбы свободныхъ инстинктовъ противъ подавляющаго гнета грубой матеріальной силы. Нравственное чувство историка оскорбляется на каждомъ шагу, и одна уже позорная эпоха Діадоховъ *) способна отвратить его отъ изученія этого времени. Одинъ главный результатъ выносится изъ этого изученія, это—убѣжденіе въ насильственности переворота, доставившаго власть въ руки Македоніи, неоправдываемаго историческою необходимостью. Паденіе Греціи невозможно ставить на ряду съ паденіемъ Рима, еще раньше паденія изжившаго всѣ свои силы, потерявшаго все, чѣмъ условливается самостоятельное существованіе государства. Въ Греціи, въ эпоху ея политическаго паденія, не было этого истощенія, этой мертвенности государственнаго организма; для нея была еще возможность иного, лучшаго исхода, чѣмъ постепенное замираніе подъ тяжелою рукой македонскаго тирана. Свѣжія силы еще рвались наружу въ греческомъ обществѣ. Самыя формы политическаго быта еще не лишены были внутренней крѣпости.

Правда, внутренняя борьба на время утомила Грецію и обнаружила несостоятельность многихъ учрежденій, результатовъ предшествовавшаго развитія. Но, отказываясь отъ многихъ политическихъ формъ, Греція могла не отказываться отъ права на самобытное существованіе. События послѣдующаго времени ясно показали, что она могла выйти на другую дорогу, соединить выгоды болѣе крѣпкой федераціи съ политическою самостоятельностію, съ автономіею каждаго изъ ея членовъ, чего не было въ прежнихъ союзахъ греческихъ городовъ и что

*) Такъ назывались преемники Александра Великаго, раздѣлившіе между собою его монархію въ концѣ IV вѣка до Р. Х.

явилось въ союзахъ ахейскомъ и этолійскомъ. Македонская гегемонія застала Элладу въ полномъ развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ греческаго народа. Попытки отстоять свою свободу отъ власти чуждаго тирана оказались несостоятельными, исполнены были ошибокъ, обнаружили много слѣдствій разъединенія; но уже то обстоятельство, что греческіе города на время успѣли забыть свои частные интересы въ виду опасности, грозившей ихъ національной свободѣ, заставляетъ смотрѣть съ участіемъ на ихъ послѣднюю борьбу съ Македоніей. Разъединеніе, борьба частныхъ интересовъ, эти часто печальные результаты свободнаго развитія могутъ быть лучше того крѣпкаго единства, которое дается деспотизмомъ. Мысль о свободѣ долго не умирала въ покоренной Элладѣ. Племена Этоліи и Ахайи съумѣли отстоять свою независимость противъ Македоніи. Только Римъ вполнѣ довершилъ дѣло Филиппа и Александра. Съ этимъ убѣжденіемъ въ возможности обновленія Эллады собственными средствами, въ насильственности перерыва ея свободнаго развитія трудно смотрѣть безъ предубѣжденія на губителей греческой независимости, хотя бы въ числѣ ихъ стояла личность Александра Великаго. Указываютъ на распространеніе эллинизма, какъ на великій результатъ македонской гегемоніи, безъ нея невозможный. Утрата свободы забывается въ виду великихъ результатовъ, купленныхъ цѣною этой утраты, какъ будто Греція не могла передать Востоку плодовъ своего свободнаго развитія иначе, какъ сама отказавшись отъ свободы. Лучшіе историки не могутъ защититься отъ враждебнаго взгляда на Македонію. Нибуръ идетъ въ своей враждѣ даже до отрицанія геніальныхъ способностей Александра Великаго, даже до отрицанія прекрасныхъ сторонъ его характера. Знаменитый Гротъ точно также не можетъ разсказывать равнодушно послѣднихъ событій исторіи независимой Греціи. Это враждебное чувство, часто увлекающее

историка въ ряды описываемыхъ имъ партій, особенно становится понятнымъ, когда посмотримъ, что̀ же дала Македонія Греціи въ замѣнъ отнятой независимости. Поднялось ли матеріальное благостояніе Эллады подъ властію македонскихъ монарховъ, отразились ли въ возбужденіи умственной дѣятельности, въ благодѣяніяхъ мира, въ отсутствіи борьбы партій, выгоды единства?

Положеніе Греціи подъ римскимъ владычествомъ служитъ тому отвѣтомъ. Римъ продолжалъ дѣло Македоніи. Уничтоживъ политическое могущество послѣдней, обольстивъ на время Грековъ обманчивымъ призывомъ къ свободѣ, онъ мало однако измѣнилъ положеніе дѣла. Греція мало выиграла, перемѣнивъ властителей: на нее легла только новая тяжесть отъ войнъ за право владѣть ею. Подъ властію Рима только продолжалось то, что̀ было начато во время македонской гегемоніи. Новыя развалины прибавлялись къ старымъ, уже существовавшимъ. Повсюду рѣзко обозначалось послѣдовательное опустошеніе. Древніе цвѣтущіе города частію лежали въ развалинахъ, въ другихъ еще жило бѣдное населеніе. Беотійскіе Ѳивы, аркадскій Мегалополисъ обратились въ жалкія деревни. Многіе острова, славившіеся своимъ торговымъ, предпріимчивымъ населеніемъ, пустынными скалами возвышались надъ равниною моря, какъ могильные памятники. Племена около горы Эты почти совершенно исчезли. Акарнанія и Этолія обращены въ пустыни. Города Ѳессаліи разрушились, и богатая страна обѣднѣла и народонаселеніемъ и матеріальнымъ благосостояніемъ. Эпиръ не поднялся послѣ сраженій Павла-Эмилія. Въ рѣдко разсѣянныхъ деревняхъ жили только бѣдные остатки прежняго многочисленнаго населенія. Изъ двѣнадцати городовъ Ахайи пять были разрушены или покинуты жителями. Аркадія и Мессенія стали почти необитаемы. Въ Лаконіи, когда-то славившейся множествомъ городовъ, осталось не болѣе 30

деревень. Особенно рѣзко бросалась въ глаза бѣдность и малонаселенность Греціи сравнительно съ богатымъ прибрежьемъ Азіи, гдѣ роскошнымъ цвѣтомъ распустился эллинизмъ. Въ I вѣкѣ по Р. Х., описывая Грецію, Страбонъ изучаетъ ее преимущественно, какъ археологъ, отыскивая среди пустынныхъ развалинъ слѣды древнихъ городовъ. Несмотря на опустошеніе, на перевозъ въ Римъ драгоцѣнныхъ памятниковъ эллинскаго искусства, Греція была покрыта безсмертными произведеніями и тѣмъ глубже было впечатлѣніе, производимое ея настоящимъ запустѣніемъ. По свидѣтельству Плутарха, вся Греція съ трудомъ могла выставить не болѣе 3,000 оплитовъ,—войско, выставляемое прежде однимъ городомъ. Въ самыхъ Аѳинахъ проскрипціи Суллы уничтожили цвѣтъ населенія, и городъ наполнился по преимуществу чужестранцами. Римскія колоніи, Мегара въ Аттикѣ, Коринѳъ, или Colonia Julia Dyme, Patrae, или Colonia Augusta, Никополисъ, назначались столько же для утвержденія римскаго владычества въ Греціи, сколько и для заселенія опустѣвшей страны. Изъ нихъ только одинъ Коринѳъ, благодаря своему превосходному положенію на перешейкѣ между двумя морями, возвысился снова на степень богатаго торговаго города. Прежняго значенія возвратить онъ не могъ, точно также какъ матеріальное благосостояніе жителей выражалось не въ тѣхъ изящныхъ формахъ, какъ въ древней свободной Греціи. Коринѳъ славился своимъ развратомъ. Тяжесть римскаго фискальнаго управленія налегла на Грецію. Отсутствіе политическихъ интересовъ, паденіе интересовъ умственныхъ, неразлучныя съ утратою свободы, все это понизило значительно уровень образованія въ Элладѣ. Неронъ во время артистическаго путешествія по Греціи даровалъ-было ей свободу отъ податей. Это право отнято было у нея Веспасіаномъ. Чувствуя всю невыгоду подчиненія чуждой власти, Греція сохранила только тѣнь

прежнихъ учрежденій безъ всякаго внутренняго значенія. Города сохранили свои муниципальныя привилегіи, насколько не противорѣчили онѣ римскому владычеству, мѣстные суды и областныя собранія. Это производило иногда обманчивый эффектъ. Ареопагъ въ Аѳинахъ судилъ по древнимъ обычаямъ. Собирался и судъ амфиктіоновъ. Депутаты союзныхъ городовъ и мѣстечекъ Фокиды, Ахайи и Беотіи сходились для обсужденія общихъ вопросовъ. Все это не имѣло никакого дѣйствительнаго значенія, не имѣло даже смысла при полнѣйшемъ подчиненіи Риму, при безусловной покорности передъ римскимъ проконсуломъ, и однакоже все это льстило тщеславію Грековъ, ласкало ихъ народную гордость.

Крѣпко держась за національный культъ, за народный языкъ, Греки нисколько не утратили прежней горделивой исключительности. Самихъ Римлянъ они считали не иначе, какъ за варваровъ. Латинскаго языка они не хотѣли знать, римскую литературу презирали. Укоренившееся мнѣніе между греческими учеными, и между прочими у Страбона, было то, что изученіе латинской литературы совершенно безполезно, потому что все хорошее въ ней почерпнуто изъ греческихъ источниковъ. Замѣчательный фактъ этого презрѣнія представляетъ то обстоятельство, что, начиная съ Діонисія и до самаго Либанія, ни одинъ изъ греческихъ критиковъ ни разу не упомянулъ даже имени Горація или Виргилія. Какъ ни далеко зашло это презрѣніе, въ немъ просвѣчивала живая сторона греческаго характера, послѣдній признакъ угасающей жизни. Какъ ни понизился общій уровень умственной жизни Греціи подъ властію Рима, но только въ ней одной могъ находить Грекъ забвеніе печальной дѣйствительности, утраты свободы, утраты даже матеріальнаго благосостоянія. Въ сферѣ умственной дѣятельности и искусства онъ сознавалъ свое превосходство надъ своими побѣдителями, и только тамъ онъ возвращалъ

себѣ тотъ авторитетъ, который безвозвратно утраченъ былъ въ политической сферѣ. Во все время римскаго владычества, Аѳины были главнѣйшимъ центромъ образованія. Сюда стекалось любознательное юношество изо всѣхъ областей римскаго міра. Здѣсь, въ виду Акрополя, среди безчисленныхъ памятниковъ искусства, среди славныхъ воспоминаній, греческая наука могла говорить внятнѣе уму, производить сильнѣйшее впечатлѣніе, здѣсь же она неразрывно связана была съ прошедшимъ народнымъ культомъ, съ народнымъ языкомъ. Аѳинскія школы мало имѣли соперниковъ. Здѣсь были самые знаменитые преподаватели и самый обширный кругъ преподаванія. Я буду имѣть еще случай коснуться значенія этихъ школъ въ послѣднее время языческой литературы греко-римскаго міра и особенно во время послѣдней борьбы древняго культа съ христіанствомъ. Въ настоящее время достаточно указать на то, что умственная дѣятельность была единственною живою стороною Греціи, глубоко павшей во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, утратившей даже тотъ ясный политическій смыслъ, которымъ отличались ея свободные обитатели.

Македонія, сгубившая свободу Греціи, сама была теперь подъ чуждымъ владычествомъ Римлянъ. Ея прежнія границы и административное дѣленіе были измѣнены римскимъ правительствомъ. Чтобы образовать изъ нея отдѣльную провинцію, Римляне присоединили къ ней часть Иллиріи и Ѳессаліи, отчисливъ берегъ къ востоку отъ Неста къ Ѳракіи. Римская Македонія занимала пространство отъ Адріатическаго до Эгейскаго моря. Заключенная какъ въ стѣнахъ между горными хребтами, она была превосходнымъ стратегическимъ пунктомъ для Рима, отсюда дѣйствовавшаго на области нижняго Дуная. Населеніе, не утратившее еще своей воинственности, доставляло превосходныхъ рекрутъ для легіоновъ. Сѣверная и сѣверозападная часть населенія сохраняла еще особенности иллирійскаго

[redacted]

происхожденія; въ ихъ гористыя мѣстности мало проникало греческое вліяніе. Зато жители южныхъ равнинъ давно уже были Греками по образованію. Завоеваніе Македоніи Римомъ отозвалось тяжело на благосостояніи страны; Павелъ-Эмилій послѣ побѣды надъ Персеемъ въ одинъ день предалъ на разграбленіе 72 македонскіе города. Съ утвержденіемъ власти Рима здѣсь было основано нѣсколько римскихъ колоній (16). Өессалоника и Амфиполисъ, свободные города Македонія, пріобрѣли нѣкоторое значеніе, особенно Өессалоника, одинъ изъ богатѣйшихъ торговыхъ городовъ Римской имперіи. Вообще положеніе Македоніи было во многомъ лучше положенія самой Греціи.

Къ востоку отъ Македоніи лежала *Өракія*, римская провинція, занимавшая однако не все пространство древней Өракіи, а только юговосточную ея часть, къ югу отъ Гемуса. Гористая мѣстность Өракіи была занята суровымъ населеніемъ разныхъ племенъ, которыхъ грубость и хищническія привычки мало смягчались давнимъ основаніемъ по всему өракійскому прибрежью многочисленныхъ греческихъ колоній. Во времена римскаго владычества Өракійцы мало утратили первобытную суровость нравовъ. Страбонъ называетъ разбойниками изъ разбойниковъ племя Бессеровъ, съ большимъ трудомъ покоренное Римлянами. Греческая цивилизація утвердилась только по берегамъ; здѣсь былъ Перинөъ, древняя колонія Самосцевъ, здѣсь же, при сліяніи Пропонтиды съ Босфоромъ, лежала Византія, которой готовилась роль столицы въ послѣднее время Римской имперіи.

Эллинизмъ давно уже распространился по Азіи и сѣверовосточной Африкѣ. Греческія колоніи утвердились по берегамъ Средиземнаго и Чернаго морей, становясь передовыми пунктами цивилизаціи. Повсюду, куда бы ни явился греческій колонистъ, онъ приносилъ съ собою презрѣніе къ варварамъ,

среди которыхъ онъ селился, а варварами въ греческомъ смыслѣ были всѣ народы не-эллинской цивилизаціи. Въ мѣстахъ своего поселенія онъ воздвигалъ алтари божествамъ своей родины и свято хранилъ національный культъ. Поэтому культъ греческихъ божествъ былъ лучшимъ признакомъ утвержденія греческой цивилизаціи. Если мы находимъ его во Ѳракіи, Херсонесѣ Таврическомъ, въ Малой Азіи, Египтѣ и Ливіи, это знакъ, что туземцы уже начали покоряться вліянію эллинизма. На Левкѣ, островѣ въ устьяхъ Дуная, въ Ольвіи, на устьяхъ Буга, Греки утвердили культъ Ахиллеса, въ Херсонесѣ Таврическомъ культъ Аполлона, Діаны, Геркулеса, и ихъ вѣрованія были приняты туземцами. Греческія колоніи Малой Азіи были мѣстомъ полнѣйшаго развитія греческой цивилизаціи. Завоеваніе Персіи Александромъ Македонскимъ перенесло ее съ береговъ моря въ самую внутренность страны. Греческое населеніе явилось въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ прежней Персидской монархіи.

Полуостровъ ***Малой Азіи*** рѣкою Галисомъ дѣлился на двѣ части. Населеніе западной части, Лидяне, Карійцы, Мизійцы, Виѳиняне принадлежали къ одному племени съ европейскими Ѳракійцами. Древніе туземные діалекты сохранились только частію, а нѣкоторые, какъ напр. языкъ Лидійцевъ, изчезли совершенно безслѣдно. Греческій языкъ и греческія формы быта и цивилизаціи господствовали почти безъ раздѣла. На востокъ отъ Галиса жили племена сирійско-аравійскаго происхожденія — Каппадокійцы, Киликійцы, Памфилійцы и другіе; къ тому же племени относились и древніе обитатели Ликіи и Пизидіи. Здѣсь была такая сильная примѣсь греческаго населенія, что многія племена считались чисто греческими. Сѣверное прибрежье Малой Азіи по Черному морю было занято странами Виѳиніи, Пафлагоніи и Понта. Въ Виѳиніи Никомедія, Халкедонъ, Никея, Гераклея, города сравнительно новѣйшаго

[redacted]

происхожденія, вмѣстѣ съ прежними греческими колоніями были проводниками эллинизма между ѳракійскимъ и мизійскимъ населеніями Виѳиніи. Сирійское населеніе Пафлагоніи, извѣстное своимъ суевѣріемъ, также приняло значительное число греческихъ поселенцевъ, особенно по берегамъ моря, гдѣ находился богатый Синопъ, колонія Милета. Понтъ, по сѣверовосточному берегу Малой Азіи, со временъ Нерона римская провинція, простирался до Колхиды и Великой Арменіи. Населеніе внутреннихъ областей Понта говорило нѣсколькими языками, доказывавшими его разноплеменность. Понтійскіе города важны были и по богатству и по религіозному значенію; съ I вѣка начинается процвѣтаніе Неокесаріи. Къ югу отъ Галатіи и Понта была Каппадокія, одна изъ обширнѣйшихъ провинцій Римской имперіи, занимавшая почти третью часть всего полуострова. Народонаселеніе Каппадокіи называлось у Персовъ бѣлыми Сирійцами. Богатѣйшею и образованнѣйшею частію полуострова были безспорно области передней Азіи (Мизія, Карія, Лидія и часть Фригіи), пріобрѣтенныя Римлянами по смерти пергамскаго царя Аттала въ 621 г. отъ О. Р. и организованныя въ римскую провинцію подъ именемъ Азіи въ 628 г. отъ О. Р. Здѣсь, среди роскошной природы, жило густое населеніе, возвышалось до 500 городовъ, богатыхъ торговлею, наполненныхъ великолѣпными памятниками греческаго искусства. Въ послѣднее время ихъ считалось даже до тысячи. Въ этихъ областяхъ, покрытыхъ издавна дорійскими и іонійскими колоніями, греческій элементъ давно уже окончательно восторжествовалъ надъ туземными элементами. Римляне не имѣли нужды содержать здѣсь постоянное войско, и, пользуясь благодѣяніями мира, процвѣтали торговля и промышленность, возникшія изъ превосходнаго, приморскаго положенія страны. Греческіе города передней Азіи съ гордостію называли себя автономными на монетахъ и надписяхъ, потому что и здѣсь

Римляне оставили еще тѣнь прежнихъ свободныхъ городскихъ учрежденій и политической самостоятельности. Въ провинціи Азіи находилась Смирна, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ древности, часто разрушаемая землетрясеніями и рукою непріятелей и снова встававшая изъ развалинъ съ прежнимъ богатствомъ, благодаря превосходной гавани. Эфесъ, называвшій себя въ надписяхъ первою и величайшею метрополіею Азіи, гордился своимъ храмомъ Артемиды-Діаны, однимъ изъ чудесъ греческаго искусства. Лидія съ городами Сарды, Тіатира, Магнезія, во времена Страбона подчинилась почти совершенно вліянію эллинизма. То же можно сказать объ областяхъ Каріи, Ликіи и Фригіи. Въ послѣдней, бывшей когда-то могущественнымъ государствомъ съ древнѣйшимъ населеніемъ, прежній туземный элементъ совершенно подавленъ былъ греческимъ вліяніемъ. На фригійскомъ языкѣ говорили только жители отдаленныхъ деревень и рабы въ городахъ; города Апамея, Колоссе, Лаодицея извѣстны преимущественно въ исторіи христіанской церкви. Въ гористой Галатіи, куда проникли за 278 лѣтъ до Р. Х. три кельтскія племени, тамъ поселившіяся, лучше сохранился прежній элементъ. Во времена Страбона здѣсь еще господствовалъ кельтскій языкъ и кельтскіе нравы. Свои племенныя особенности сохранили также и племена гористыхъ странъ южной части полуострова, Пизидіи, Исавріи, Киликіи. Римское правительство рядомъ укрѣпленій старалось сдержать ихъ хищническія наклонности. На плоскости приморскаго берега лежали цвѣтущіе города съ греческимъ образованіемъ, между прочимъ древній Тирсъ. Эллинизмъ впрочемъ мало проникалъ въ неприступныя ущелья гористой части.

Мѣстный элементъ Малой Азіи упорно сохранился во многихъ сферахъ народной жизни, несмотря на сильное распространеніе греческаго вліянія, несмотря на то, что это вліяніе такъ давно уже укоренилось на всемъ прибрежьи Малой Азіи.

[redacted]

Всего замѣтнѣе воздѣйствіе мѣстнаго элемента и его соединеніе съ греческимъ въ сферѣ искусства и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Для насъ особенно важно мѣстное вліяніе въ послѣднихъ, потому что, не ограничиваясь предѣлами Малой Азіи, оно перешло почти во всѣ области римскаго міра, сохраняя свой первоначальный характеръ. Вліяніе же мѣстнаго малоазіатскаго элемента въ искусствѣ имѣетъ интересъ болѣе ограниченный, хотя и здѣсь для насъ представляются нѣкоторые весьма любопытные факты. Изслѣдованіе памятниковъ Малой Азіи далеко еще не окончено; можно сказать, что въ настоящее время ему едва только положено прочное начало трудами Лика (Leake), Гамильтона, Fellows, Spratt и другихъ ученыхъ. Повсюду, даже на весьма древнихъ памятникахъ, видѣнъ слѣдъ вліянія греческаго искусства. Въ долинѣ Доганлу до сихъ поръ еще остались надгробные памятники древнихъ фригійскихъ царей, и большая часть изъ нихъ по грубой отдѣлкѣ можетъ быть отнесена къ весьма древней эпохѣ. Тѣмъ не менѣе на нѣкоторыхъ изъ нихъ національная архитектура уступила уже мѣсто дорійскимъ колоннамъ. Рядомъ съ длинными фригійскими надписями, еще до сихъ поръ не разобранными, вырѣзаны короткія греческія; на другихъ фригійская рѣчь выражена греческими письменами. Такія доказательства греческаго вліянія и притомъ почти въ самую раннюю эпоху встрѣчаемъ мы повсюду въ Малой Азіи. Еще болѣе, чѣмъ въ древней фригійской мѣстности, встрѣчаются такого рода памятники въ Ликіи. Могильные памятники, разсѣянные во множествѣ по всему ея пространству, частію высѣчены въ скалахъ, частію возвышаются отдѣльными зданіями. Подлѣ саркофаговъ находятся иногда могильные столбы и обелиски. И саркофаги, и обелиски часто покрыты барельефами, изображающими то звѣрей и рѣже птицъ, то событія человѣческой жизни, процессіи, битвы, домашнія сцены. Туземный стиль стоитъ рядомъ съ

чисто греческимъ или смѣшивается съ нимъ. Ликійскія надписи, покрывающія памятники, еще не разобраны. Древнѣйшія изъ греческихъ, встрѣчающіяся и здѣсь, какъ во Фригіи, не восходятъ, кажется, далѣе V вѣка до Р. Х., хотя, разумѣется, греческое вліяніе должно было отразиться на жизни и искусствѣ туземцевъ несравненно ранѣе. Если изученіемъ памятниковъ Малой Азіи можно наглядно убѣдиться въ древности греческаго вліянія, то это же изученіе приводитъ и къ другому результату. Мѣстный элементъ не былъ вытѣсненъ совершенно; напротивъ, еще не вполнѣ оконченныя изслѣдованія въ области малоазіатскаго искусства убѣждаютъ въ живучести мѣстнаго элемента, замѣтнаго повсюду, даже на памятникахъ чисто греческаго стиля. Какъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ долгой живучести мѣстныхъ исконныхъ элементовъ, приведу замѣчаніе нѣмецкаго путешественника Росса, изслѣдовавшаго Малую Азію въ 1844 году съ цѣлью привлечь туда нѣмецкихъ колонистовъ. Нынѣшніе обитатели древней Ликіи строятъ и теперь свои деревянные хлѣбные амбары совершенно по образцу, то отдѣльно стоящихъ саркофаговъ, то могильныхъ покоевъ, высѣченныхъ въ скалахъ. Что это не случайное сходство, доказывается прекращеніемъ подобнаго рода строеній за предѣлами древней Ликіи, даже въ сосѣднихъ областяхъ, напр. въ области древней южной Каріи. Другой примѣръ, замѣченный тѣмъ же Россомъ, это одежда нынѣшнихъ обитателей ликійской мѣстности, напоминающая сильно одежду монументальныхъ изображеній. Костюмъ ликійскихъ поселянъ рѣзко отличается отъ одежды сѣверныхъ карійскихъ и лидійскихъ. Такъ даже въ настоящее время на самыхъ отдаленныхъ потомкахъ послѣ столькихъ переворотовъ и столькихъ измѣненій въ племенномъ составѣ населенія еще видѣнъ слѣдъ древнѣйшаго быта. Подобнаго рода указанія относительно другихъ областей Малой Азіи отняли бы слишкомъ много

времени, но и примѣръ памятниковъ искусства Ликіи и Фригіи очень достаточенъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что эллинизмъ, какъ бы сильно распространенъ ни былъ, не могъ однакоже совершенно вытѣснить мѣстнаго элемента.

Еще яснѣе представится этотъ результатъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Малой Азіи. Два главныя племени, населявшія полуостровъ, несмотря на племенное различіе, имѣли однакоже много общаго въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Кромѣ того эти вѣрованія не были исключительною принадлежностью одной только Малой Азіи. Многія изъ нихъ принадлежали къ общему культу Семитовъ, на другихъ особенно отразилось вліяніе религіи Вавилона и Ассиріи. Религіозныя вѣрованія Малой Азіи сохранились въ народномъ сознаніи не только подъ вліяніемъ эллинизма, но и во все время римскаго владычества. Мало того, завоеваніе этихъ странъ содѣйствовало только распространенію мѣстнаго культа. Въ Каппадокіи и Понтѣ главнѣйшее божество было женское, Ма или Мэнэ. Знаменитѣйшіе храмы богини находились въ двухъ городахъ, называвшихся Комана. Храмы въ Команѣ были притомъ и самые древніе. Еще въ послѣднемъ столѣтіи до Р. Х. Митридатъ возбудилъ къ возстанію все населеніе Малой Азіи, распустивъ слухъ, что Римляне идутъ разграбить эту святыню. Два раза въ годъ были торжественныя процессіи въ честь богини, при которыхъ жрецы носили царское украшеніе. Во время Страбона въ Команѣ на рѣкѣ Сарусѣ и въ Команѣ на Ирисѣ было 6,000 гіеродуловъ, а въ третьемъ городѣ, Тонозѣ, 3,000, жившихъ при храмахъ. Греки называли команскую богиню Артемидой, Римляне Беллоной. Рядомъ съ женскимъ божествомъ, Ма, было мужеское божество, Мэнъ. Относительно перваго трудно не признать въ немъ сходства, если не тождества съ Астартой, воинственною богиней Сиріи. Въ Киликіи главнымъ божествомъ былъ Баалъ, особенно въ Тарсѣ. Главный жрецъ

[redacted]

его носилъ царское одѣяніе. Другое имя Баала было Санданъ, указывающее на ассирійское вліяніе. Самый замѣчательный мѣстный культъ принадлежитъ Фригіи, хотя и здѣсь замѣтна близость къ сирійскому культу. Здѣсь чтили *великую матерь боговъ*, Кибелу. Культъ Кибелы, господствующій во Фригіи, былъ также національнымъ и для Лидіи. Софоклъ называетъ богиню: «блаженная, сидящая на львѣ, губителѣ быковъ». Матерь горъ, всепитающая земля, обитаетъ на золотоносномъ Пактолѣ. Ей поклонялись въ древнее время въ священныхъ дубравахъ и на горахъ Диндимѣ и Идѣ, отчего Греки называютъ ее также диндименійскою или идайскою матерью; ее звали иногда Агдистисъ, отъ горы Агдусъ или Агдистисъ. Ея главное святилище было въ Пессинунтѣ, гдѣ хранилось и ея изображеніе, камень, по всей вѣроятности аэролитъ. Ей посвящены были животныя, отличающіяся богатствомъ производительной силы, наприм. козелъ, въ послѣдствіи также голуби; изъ растеній — сосны и гранаты. Въ честь богини при ея храмѣ дѣвицы приносили въ жертву свою дѣвственность, предаваясь чужестранцамъ, посѣщавшимъ святилище. Кибела была воспріимчивая и раждающая (производительная) сила природы. Съ этимъ значеніемъ перешла она и въ грекоримскую миѳологію. Она изображалась здѣсь сидящею на львѣ или въ колесницѣ, влекомой львами, или на престолѣ, подлѣ котораго стоятъ львы, съ вѣнцомъ изъ крѣпостныхъ зубцовъ на головѣ. Въ двухъ главныхъ святилищахъ Кибелы, въ Пессинунтѣ и Гіерополисѣ, жрецами ея были скопцы (galli). Въ Пессинунтѣ archi-gallus носилъ царственное одѣяніе. Богослуженіе сопровождалось оргіастическими плясками; жрецы поражали себя острыми орудіями, проливали кровь въ честь богини. Кибела, божество женское, можетъ однакоже назваться божествомъ гермафродическимъ. Поклоненіе великой матери Фригіи и Лидіи, сходное съ сирійскою

[redacted]

Астартой-Ашерой, было давно уже принято Греками. Съ 204 г. до Р. Х. оно распространилось и въ Римѣ: тогда по указанію сивиллинскихъ книгъ священный камень богини привезенъ былъ изъ Пессинунта въ Римъ, а фригійскіе скопцы въ длинныхъ и въ широкихъ одѣяніяхъ впервые появились среди фламиновъ и весталокъ. Римлянамъ впрочемъ запрещено было закономъ обрѣзываться (скопиться) и поступать въ число жрецовъ фригійской богини. Галлы, или жрецы Кибелы, странствовали по всѣмъ провинціямъ Римской имперіи въ IV вѣкѣ по Р. Х. Особенно сильно было ихъ вліяніе на жителей деревень, которыхъ поражали ихъ странные обряды, ихъ изступленіе во время священныхъ плясокъ. Изъ жизни св. Симплиція видно, что поклоненіе матери боговъ было укоренено въ Отенѣ въ Галліи. Пруденцій говоритъ о камнѣ, изображеніи Кибелы, такъ, какъ будто бы онъ существовалъ еще въ его время. «Когда я былъ молодъ, говоритъ бл. Августинъ, родившійся въ 354 г., я ходилъ иногда смотрѣть, что происходило въ храмахъ.... Я созерцалъ странныя позы изступленныхъ, я слушалъ музыку и находилъ удовольствіе въ постыдныхъ играхъ, которыя давались въ честь боговъ и богинь въ тотъ день, когда торжественно омывали въ рѣкѣ Кибелу, эту дѣвственную матерь всѣхъ боговъ». По свидѣтельству бл. Августина и Іеронима, жрецы Кибелы еще въ ихъ время подвергались мучительной операціи оскопленія. Надписи, находимыя по всему пространству Римской имперіи, свидѣтельствуютъ о распространеніи культа Кибелы. Повсюду видимъ жрецовъ фригійской богини и памятники, воздвигнутые въ воспоминаніе торжественныхъ жертвоприношеній, извѣстныхъ подъ именемъ *тауроболовъ*, совершавшихся съ особенною пышностью. Кромѣ другихъ обрядовъ здѣсь особенно важенъ былъ одинъ. Совершавшій жертву становился во рву, надъ которымъ закалали быка и принималъ на голову, руки и одежду кровь жертвеннаго

животнаго. Если такъ былъ распространенъ культъ матери боговъ въ областяхъ Западной Римской имперіи, то очень понятно, что онъ долженъ былъ имѣть еще болѣе силы въ самыхъ мѣстахъ своего возникновенія.

И, дѣйствительно, мы видимъ, что только разрушеніемъ фригійскихъ святилищъ, совершеннымъ около 401 г. по настоянію св. Іоанна Златоустаго, нанесенъ былъ смертельный ударъ этому культу.

Рядомъ съ поклоненіемъ женскому божеству во Фригіи стояло поклоненіе божеству мужскому, Мэну или Манесу, хотя заслоненное нѣсколько культомъ Кибелы. Неразрывно съ почитаніемъ Кибелы было почитаніе Аттиса, по нѣкоторымъ миѳамъ сына Мэна. Значеніе Аттиса не совсѣмъ ясно. Шеллингъ называетъ его демономъ въ принятомъ имъ смыслѣ этого слова. По нѣкоторымъ миѳамъ, Аттисъ возникъ самъ изъ творящей мужской силы Агдистисъ, такъ что онъ почти отождествляется съ самимъ Мэномъ. Положительно говорятъ преданія объ оскопленіи самого Аттиса, въ честь чего въ самомъ Римѣ временъ имперіи совершалось особое торжество на третій день праздника матери боговъ. Плачь объ Аттисѣ составлялъ существенную часть культа самой Кибелы. По извѣстіямъ древнихъ, во Фригіи чтилось золотое изображеніе Аттиса, болѣе цѣнное по матеріалу, чѣмъ по художественности исполненія. На римскихъ памятникахъ онъ изображается юношею съ пастушескою свирѣлью, и это объясняется главнымъ значеніемъ Кибелы въ грекоримской миѳологіи, какъ божества земли, сшедшаго съ горъ. Въ Мизіи, кромѣ поклоненія великой матери боговъ, фригійской Кибелѣ, распространено еще было поклоненіе Аполлону, стрѣляющему изъ лука. Подъ этимъ греческимъ именемъ можетъ скрываться точно также мѣстное божество, какъ подъ именемъ Артемиды — воинственная богиня Малой Азіи. Въ Каріи чтили воителя Зевса Лабрандея

(Labrandeus [1]), котораго знаменитѣйшій храмъ находился недалеко отъ города Милазы, на крутой скалѣ, среди пальмоваго лѣса. Священная дорога соединяла въ послѣдствіи храмъ съ городомъ. Туземное названіе Зевса воителя было Мэнъ — то же божество, что и въ другихъ областяхъ Малой Азіи, только здѣсь мужской элементъ не заслоненъ женскимъ. Въ Лидіи, кромѣ культа Кибелы, распространено было поклоненіе сирійской Астартѣ. Пляски съ оружіемъ въ честь богини сохранились въ служеніи эфесской Артемидѣ. Здѣсь же былъ и культъ Геркулеса-Сандона.

Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ Малой Азіи, отъ границъ Сиріи, черезъ Киликію и Каппадокію, до Понта на Черномъ морѣ и на западъ, черезъ Фригію, Мизію, Лидію и Карію, до береговъ Эгейскаго моря, мы находимъ разнообразные слѣды общаго поклоненія однимъ и тѣмъ же божествамъ, господствующій культъ женскаго божества Ма (Кибела) и мужскаго Мэна, являющихся то творческою, производительною силою природы, то враждебною, разрушительною. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рядомъ съ этими божествами стоятъ другія: въ Киликіи Баалъ-Сандонъ, въ Лидіи Геркулесъ-Сандонъ. Греки звали почти большую часть населенія Малой Азіи (Каппадокіи и Киликіи) бѣлыми Сирійцами, и тѣсная связь малоазіатскихъ вѣрованій съ сирійскимъ культомъ доказываетъ справедливость этого опредѣленія. Малоазіатскій культъ, достигшій высшей степени развитія въ поклоненіи фригійской матери боговъ, не только удержался отъ вліянія чуждыхъ племенъ, эллинскаго и римскаго но имѣлъ самъ сильное вліяніе на религіозное сознаніе Грековъ и Римлянъ, распространившихъ его по всему пространству древняго міра. Въ этомъ распространеніи фригійскаго культа всего яснѣе выражается сила туземнаго элемента, не сокрушеннаго чуждымъ вліяніемъ.

[1]) Labrys—боевой топоръ.

Сирія, бывшая также римскою провинціей, прежнее царство Селевкидовъ, отъ Киликіи между Средиземнымъ моремъ и Евфратомъ до Аравійскихъ пустынь—границъ Египта, также была страною греческаго образованія. Это была страна городовъ, извѣстныхъ съ глубокой древности. Греческое вліяніе распространялось частію въ этихъ старыхъ городахъ, частію въ новыхъ уже чисто греческаго происхожденія. На востокѣ до Тадмора, или Пальмиры, простирались эти города, изъ которыхъ многіе въ Сирійской пустынѣ изчезли въ самыхъ развалинахъ. Въ верхней Сиріи, у начала Ливанскихъ горъ, лежалъ первый приморскій городъ Сиріи Лаодицея (Гіерополисъ), потомъ Апамея и Эмеза на Оронтѣ, и Антіохія, созданная Селевкидами, главный городъ Сиріи. По богатству и пышности зданій Антіохія равнялась почти Риму и Селевкіи на Тигрѣ, уступая только развѣ Александріи въ монументальномъ великолѣпіи. Богатый городъ много страдалъ отъ землетрясеній. Въ семь столѣтій 10 разъ онъ падалъ въ развалинахъ и каждый разъ возставалъ съ прежнею пышностью. Либаній во время Юліана говорилъ, что это уже четвертый городъ стоитъ на древнихъ основаніяхъ. Населеніе, смѣсь Грековъ съ Сирійцами, отличалось страстнымъ увлеченіемъ ко всякаго рода наслажденіямъ. Школы Антіохіи столько же славились въ древности, какъ ея театры и храмы. Греческое образованіе соединялось съ сирійскою безнравственностью. Легкомысленное, подвижное и безпокойное населеніе, по словамъ Юліана, думало только о смѣхѣ и удовольствіяхъ. Въ Антіохіи, какъ сказалъ другой римскій императоръ, было гораздо болѣе актеровъ, чѣмъ гражданъ. Въ нижней Сиріи, или Келе-Сиріи, находился Дамаскъ, извѣстный уже во времена Авраама, оставленный сирійскими царями, какъ не совсѣмъ надежное мѣстопребываніе, и снова возвысившійся подъ властію Рима. На Ливанѣ Геліополисъ (Бальбекъ), гдѣ воздвигнуто было

[redacted]

императоромъ Антониномъ великолѣпнѣйшее зданіе древняго міра, храмъ Юпитера. Императоръ Адріанъ раздѣлилъ Сирію на 3 провинціи: 1) Сирію (Magna, Coele, Major Syria), 2) Сирію Финикійскую (Phoenice) и 3) Сирію Палестинскую (Palaestina). Къ Сиріи Палестинской принадлежало между прочимъ все прибрежье древней Финикіи. Метрополіей, или главнымъ городомъ, былъ Тиръ, какъ видно по монетамъ. Геліогабалъ сдѣлалъ было метрополіей Сидонъ, но при Александрѣ-Северѣ прежнее значеніе снова было возвращено Тиру. Беритъ, возстановленный Августомъ и обращенный въ римскую военную колонію, въ послѣдствіи славился своими школами. Переходъ Финикіи отъ завоевателей къ завоевателямъ, отъ Ассиріянъ къ Вавилонянамъ, отъ Персовъ къ Македонянамъ и наконецъ къ Римлянамъ, разрушительно дѣйствовалъ на матеріальное благосостояніе страны, точно также ослабилъ и туземный племенной элементъ. Греческому вліянію открыта была дорога прежними политическими переворотами. Финикійскій элементъ долѣе хранился въ колоніяхъ, чѣмъ въ самой метрополіи. По крайней мѣрѣ это видно изъ судьбы языка, угасшаго въ Финикіи во II столѣтіи по Р. Х. и сохранившагося въ областяхъ Карѳагена до самаго VI вѣка. Политическіе перевороты сильно дѣйствовали и на ослабленіе туземнаго элемента въ племени Филистимлянъ, замѣчательномъ по своему быту и религіознымъ вѣрованіямъ. Возстановленные Римлянами города, Газа и Аскалонъ, были наполнены жителями другого племени или выродившимися потомками Филистимлянъ. Оставляя въ сторонѣ Іудею, для которой совершенно нѣтъ нужды доказывать существованіе туземнаго элемента, оказавшаго свое дѣйствіе на многіе города Сиріи, даже на египетскую Александрію, и сохранившагося почти въ первобытной чистотѣ до нашего времени; не останавливаясь тѣмъ болѣе на административномъ дѣленіи Сиріи, измѣнявшемся во время

римскаго владычества, остановимся на отношеніи чуждаго вліянія къ мѣстнымъ элементамъ.

Первобытное населеніе Сиріи, вмѣстѣ съ Ассиріянами, Месопотамлянами, бѣлыми Сирійцами Малой Азіи, принадлежало къ племени Семитовъ, отличавшемуся многими особенностями народнаго характера. Въ религіозномъ сознаніи жителей Сиріи мы видимъ большое разнообразіе вѣрованій, только съ трудомъ подводимое къ какому нибудь единству. Довольно сильное различіе находимъ мы уже въ вѣрованіяхъ Филистимлянъ и Финикіянъ. Въ религіозномъ сознаніи первыхъ идея божества прямо заимствуется изъ явленій природы. Четыре божества дѣлятъ поклоненіе Филистимлянъ: Дагонъ въ Газѣ, за нимъ богиня Деркетто; оба божества имѣютъ чисто мѣстный характеръ и поклоненіе имъ рѣдко переходило границы филистимскихъ владѣній; въ изображеніяхъ обоихъ видна смѣсь человѣческаго тѣла съ рыбьимъ. Рядомъ съ этими чисто мѣстными божествами являются два другія, общія многимъ племенамъ Сиріи: Баалъ и Астарта. Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Финикіянъ мы встрѣчаемъ не только другія божества, но и другую почти основу. Поклоненіе ихъ отличается жестокостью и чувственностью. Сирійскій Баалъ или вавилонскій Белъ чтился особенно на горахъ; богинѣ Ашерѣ, во многомъ сходной съ малоазійскимъ женскимъ божествомъ Ма (Кибела), покланялись также на возвышенностяхъ, и характеръ поклоненія во многомъ сходенъ съ малоазіатскимъ. Та же чувственность, освященная религіей, то же поклоненіе плодотворной творческой силѣ природы. Дѣвицы также должны были приносить въ жертву свою дѣвственность богинѣ, предаваясь въ ея храмѣ чужеземцамъ. Многочисленные гіеродулы и здѣсь, какъ въ храмѣ Команы, жили около храма, посвящая себя богинѣ. Кромѣ Баала и Ашеры, въ Финикіи особенно чтились еще Молохъ съ значеніемъ той же творческой силы природы въ ея высшемъ напряженіи

и Астарта, присоединявшая къ тому же значенію значеніе астральное. Оба божества изображались или сидящими на быкахъ или съ бычачьею головой; обоимъ приносились кровавыя жертвы. Собственно мѣстный, финикійскій элементъ отразился въ представленіи о Мелькартѣ — тирскомъ Геркулесѣ. Въ этомъ исключительно финикійскомъ божествѣ много сходнаго и съ Бааломъ, и съ Молохомъ; немногимъ отличался онъ отъ нихъ, являясь собственно финикійскимъ божествомъ. Адонисъ, Thammus, чтился въ Библосѣ. Въ тѣхъ же финикійскихъ городахъ, гдѣ господствовало поклоненіе Мелькарту, нѣтъ и слѣдовъ культа Адониса. Syria Dea, женское божество, котораго значеніе различно толкуется Греками, но которое по всей вѣроятности близко къ финикійской Ашерѣ и фригійской Кибелѣ, имѣла знаменитый храмъ въ Гіерополисѣ. Элагобалъ, богъ солнца, имѣлъ храмъ въ Эмезѣ; его изображеніе состояло изъ чернаго камня, и жрецы его носили женское платье. Всѣ эти мѣстные племенные элементы сохранили свою силу, несмотря на вліяніе эллинизма. Греческій культъ не уничтожилъ туземнаго, онъ иногда могъ слиться съ нимъ или стоять рядомъ. Въ Гіерополисѣ, въ храмѣ сирійской богини, видны были греческія божества. Самое поклоненіе сирійской богинѣ, ея изображеніе, видоизмѣнялись подъ вліяніемъ эллинизма, сущность впрочемъ осталась. Самый блестящій изъ городовъ Сиріи, Антіохія, съ своимъ полуварварскимъ, въ греческомъ смыслѣ, населеніемъ, представляетъ одинъ изъ видныхъ примѣровъ подобнаго вліянія. Въ Дафнѣ, близь Антіохіи, среди кипарисныхъ рощь чтили Артемиду и Аполлона, божества греческія по имени; вся же сущность и даже внѣшняя обстановка культа носила на себѣ явный слѣдъ туземнаго происхожденія, напоминая поклоненіе Баалу и Астартѣ. Характеръ чувственнаго оргіастическаго поклоненія сохранился и во все время римскаго владычества. Въ праздники, по

словамъ Либанія, защитника язычества, были въ ходу всѣ постыдныя страсти, забывался послѣдній остатокъ стыда. Во всѣхъ областяхъ Сиріи мы видимъ древнія божества съ ихъ прежнимъ значеніемъ и часто съ прежними именами. Римское владычество не могло значительно измѣнить положеніе дѣлъ. Религіозная пропаганда не лежала вовсе въ характерѣ Римлянъ. Къ тому же національный культъ Рима самъ подвергался вліянію эллинизма и утратилъ многое изъ своей первоначальной основы. Римское владычество оставило слѣдъ въ религіозномъ отношеніи воздвиженіемъ весьма немногихъ храмовъ и статуй римскимъ божествамъ, какъ, напр., воздвигнутъ былъ Тиберіемъ, близь Антіохіи, храмъ Юпитера Капитолійскаго; а большею частію ограничивалось только перевезеніемъ въ Римъ и Константинополь замѣчательнѣйшихъ произведеній искусства. Самое христіанство долго боролось противъ мѣстныхъ религій, упорно отстаивавшихъ свою власть надъ умами и опиравшихся на бытъ и привычки туземнаго населенія, а потому сохранявшихся весьма долго.

Какъ на любопытнѣйшій примѣръ живучести мѣстнаго культа укажу на фактъ, относящійся впрочемъ къ Месопотаміи. Здѣсь, въ Каррѣ или Гарранѣ, во все продолженіе владычества сначала Рима, а потомъ Византіи, сохранялось язычество, состоявшее изъ смѣшенія греческихъ идей съ сирійскимъ культомъ. Самый городъ назывался Эллинополисъ. Здѣсь была греческая школа съ неоплатоническимъ направленіемъ. Жители Гаррана поклонялись мужеско-женскому божеству. Въ 540 г. персидскій царь Хозрой пощадилъ городъ именно потому, что въ немъ преобладали язычники. Въ 820 году, при калифѣ Мамунѣ, жители Гаррана встрѣчались, кромѣ своей родины, еще въ большемъ количествѣ въ Эдессѣ и въ городахъ сѣверовосточной Сиріи и Месопотаміи. Когда этотъ калифъ началъ грозить смертью тѣмъ изъ нихъ, которые не

примутъ или магометанства, или по крайней мѣрѣ одной изъ терпимыхъ кораномъ религій, они объявили себя сабеями, и съ тѣхъ поръ подъ этимъ именемъ извѣстны восточнымъ писателямъ. Сирійскіе же христіане продолжали называть ихъ язычниками. И дѣйствительно, перемѣна имени не влекла за собою перемѣны вѣроученія. По прежнему они чтили божества солнца и луны и семь другихъ мужскихъ и женскихъ планетныхъ божествъ. По прежнему еще сжигали живыхъ животныхъ въ честь богини *Белтисъ* или Мелиты, и женщины продолжали оплакивать участь Таммуса или Адониса. Къ числу тайныхъ обрядовъ этихъ язычниковъ принадлежало также ежегодное принесеніе въ жертву новорожденнаго младенца. Жители Гаррана сохранили свой культъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ, и его остатки живутъ еще до сихъ поръ во многихъ мѣстныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ.

Перехожу къ *Египту*, важнѣйшей изъ римскихъ провинцій на востокѣ, къ сѣверовосточной части Африки, къ долинѣ Нила, огражденной горными цѣпями и песчаною пустыней. Необычайное плодородіе страны, слѣдствіе ежегодныхъ разлитій Нила, вливавшагося семью рукавами въ Средиземное море, географическое положеніе ея, важное въ стратегическомъ отношеніи, какъ надежнаго опорнаго пункта противъ Африки, и огромное значеніе Александріи, какъ торговаго центра для всего древняго міра — все это заставляло римское правительство особенно дорожить этою провинціей. По конституціи Августа Египетъ получилъ исключительное положеніе въ ряду другихъ провинцій имперіи (Augustus seposuit Aegyptum). Никто изъ римскихъ сенаторовъ, никто изъ людей знатнаго происхожденія не имѣлъ права посѣтить Египетъ безъ особеннаго разрѣшенія императора. Управленіе было ввѣряемо не лицу, прошедшему извѣстныя степени римскихъ государственныхъ должностей, но простому отпущеннику императора или много-

много римскому всаднику. Относительно Египта не видно со стороны римскаго правительства и терпимости касательно мѣстныхъ учрежденій. Римскій Juridicus управляетъ Александріей. Ни одинъ Египтянинъ не можетъ быть римскимъ сенаторомъ; онъ не можетъ быть даже римскимъ гражданиномъ, если предварительно не получитъ званія гражданина Александріи, потому что Александрія, основанная на почвѣ Египта Греками, мало имѣла египетскаго характера. Отдѣленная почти отъ твердой земли, составляя какъ бы особую республику въ Египтѣ, *центрѣ* торговаго движенія древняго міра, царица городовъ, какъ называли ее древніе, Александрія возвышалась между Средиземнымъ моремъ и Мареотійскимъ озеромъ. Великолѣпная гавань была единственною въ своемъ родѣ. Дворцы и храмы занимали четвертую часть всего пространства города. Рядомъ съ обсерваторіей, основанною Птоломеемъ, рядомъ съ громадною библіотекой, находились многочисленныя мастерскія, наполненныя рабочими и мастерами всякаго рода, фабрики льняныя, папирусныя, стеклянныя и металлическія. Работали даже слѣпые. Народонаселеніе Александріи, простиравшееся до 800,000, состояло изъ весьма разнородныхъ элементовъ. Первое мѣсто занимали Греки и Египтяне, вошедшіе съ ними въ родственныя связи посредствомъ браковъ и принявшіе на себя внѣшнія формы греческой цивилизаціи. Греки имѣли и своихъ особыхъ городскихъ чиновниковъ, архидикастовъ и экзегетовъ. Оффиціальнымъ языкомъ города былъ языкъ греческій. Греческая же цивилизація была господствующею въ Александріи. За Греками слѣдовали Евреи, во множествѣ поселившіеся здѣсь еще при Птоломеяхъ и получившіе здѣсь права полнаго гражданства. Они избирали также своихъ особенныхъ чиновниковъ—этнарховъ, состоявшихъ вмѣстѣ съ греческими подъ верховною властью римскаго юридика. Египтяне и чужеземцы, во множествѣ жившіе

въ Александріи, своимъ положеніемъ напоминали аѳинскихъ мэтэковъ. Затѣмъ слѣдовали толпы рабовъ. Подобно Риму, Александрія была сборнымъ мѣстомъ для людей всѣхъ націй. Рядомъ съ Греками, Италиками, Ливійцами и Сирійцами на ея улицахъ встрѣчались Бактріяне, Индійцы, Персы и Скиѳы. Такое разнообразіе въ племенномъ составѣ постояннаго и текучаго населенія Александріи давало этому населенію особый, только ему одному свойственный характеръ. Не даромъ Александрія по оффиціальному устройству не принадлежала ни къ одному изъ египетскихъ номовъ, или округовъ, и составляла совершенно отдѣльное цѣлое. Сопоставленіе различныхъ вѣрованій не ослабило религіознаго фанатизма. Въ нравахъ безпокойнаго населенія Александріи было много жестокаго. Часто споры, возникавшіе изъ религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, оканчивались кровавыми сценами. Этой жестокости нравовъ не смягчали ни образованность, глубоко укоренившаяся въ Александріи, ни развитіе матеріальнаго благосостоянія.

Египетъ, подобно Сиріи, былъ страною городовъ. Въ древнее время египетской самостоятельности считалось отъ 18 до 20,000, при Птоломеяхъ 30,000 городовъ и мѣстечекъ. Во время римскаго владычества число народонаселенія Египта увеличилось. Прежде считалось до 7,000,000; при Римлянахъ до 7,800,000, въ томъ числѣ 100,000 Евреевъ. Если нѣкоторые города, славные въ прежнее время, преданы были теперь запустѣнію или по крайней мѣрѣ много утратили изъ своего прежняго значенія, зато другіе выдвинулись на первый планъ. Мемфисъ съ своимъ смѣшаннымъ, подобно Александріи, населеніемъ былъ еще значительнымъ городомъ во время римскаго владычества, и по числу населенія, по богатству храмовъ, публичныхъ и частныхъ зданій уступалъ одной только Александріи. Какъ Александрія въ Египтѣ являлась центромъ

греческаго культа и греческой образованности, такъ Мемфисъ былъ главнымъ святилищемъ туземнаго поклоненія, сохранившагося здѣсь еще до IV вѣка по Р. Х. Не такова была участь древнѣйшаго города Египта, знаменитыхъ Ѳивъ, или великаго Діосполиса, какъ называли его Греки. Ѳивы во время римской власти глубоко пали. Обращенные въ незначительную деревню, они почти преданы были запустѣнію. Древніе памятники фараоновъ, дворцы, храмы, лабиринты стояли какъ будто въ пустынѣ, которая, дѣйствительно, вступала въ свои права, заметая сыпучими песками основанія древнихъ сооруженій. Гелиополисъ, священный городъ Египта, съ его знаменитымъ храмомъ солнца былъ также почти оставленъ жителями. Точно также и Абидосъ. Зато поднялась Птоломаида, едва уступавшая Мемфису, населенная почти исключительно Греками, управлявшаяся греческими законами. Въ то время, какъ древнѣйшіе города внутренняго Египта имѣли значеніе только монументальное, города новаго сооруженія или стоявшіе на выгодной мѣстности возвышались быстро на счетъ городовъ старыхъ. Такова была судьба, кромѣ Птоломаиды, города Антинои, основаннаго императоромъ Адріаномъ. Въ немъ мы видимъ и сенатъ, и устройство городскихъ филъ, какъ въ городахъ греческихъ. На тѣхъ же основаніяхъ, кажется, были города Навкратисъ, Hermopolis magna и Ликополисъ. Греческое вліяніе, начавшееся еще при послѣднихъ царяхъ свободнаго Египта, особенно усилилось послѣ утвержденія здѣсь македонской власти. Лагиды употребляли всѣ средства для доставленія побѣды эллинизму въ своемъ государствѣ, для сліянія Грековъ и Египтянъ въ одинъ народъ подъ господствующими формами греческой цивилизаціи. Ихъ усиліе не могло остаться безъ важныхъ послѣдствій. Въ Египтѣ Греки пользовались правомъ вступать въ бракъ съ туземцами, и скоро образовалось поколѣніе смѣшанное, ведущее свое происхожденіе

столько же отъ Грековъ, сколько и отъ Египтянъ. Внѣшнимъ образомъ это обнаружилось на распространеніи греческихъ именъ, составлявшихъ большинство именъ Египта, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Египтяне имѣли за собою большое численное превосходство. По надписямъ, собраннымъ Летронномъ, видно, какъ часты и обыкновенны были браки между лицами греческаго и египетскаго происхожденія. Правительство не проводило оффиціальнаго разграниченія между Греками и туземцами, и оттого первыхъ мы видимъ во всѣхъ государственныхъ областныхъ должностяхъ, точно также какъ и по всему пространству Египта. Греческое вліяніе отразилось и въ искусствѣ и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Въ первомъ оно стало на ряду съ древнимъ народнымъ искусствомъ и частію видоизмѣнило его. Въ религіи культъ Грековъ сильно распространился на счетъ туземныхъ вѣрованій, хотя и не могъ вполнѣ уничтожить ихъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ греческій элементъ господствовалъ почти исключительно. По словамъ Либанія, одинъ изъ Птоломеевъ перевезъ въ Египетъ изъ Сиріи статую Діаны, но египетскіе жрецы воспользовались болѣзнію царицы, чтобы удалить чужое божество изъ Египта. Точно также они на нѣкоторое время уничтожили было въ Египтѣ культъ Кроноса-Сатурна подъ предлогомъ, что приношеніе въ жертву извѣстныхъ животныхъ противно египетскимъ вѣрованіямъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ относительно туземцевъ Греки не отличались фанатизмомъ. Поступки Клеомена составляютъ почти единственное исключеніе, а примѣръ Александра Великаго, покланявшагося Юпитеру Аммону, приносившаго жертвы Апису и воздвигшаго храмъ Изидѣ, имѣлъ кромѣ того сильное вліяніе. Греки, поселившіеся въ Египтѣ, показывали уваженіе къ мѣстному культу и жреческому сословію. Памятникъ розетскій и многія другія надписи служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Изида, Озирисъ и другія божества египетской

[redacted]

миѳологіи пользовались даже поклоненіемъ со стороны Грековъ, особенно со стороны смѣшаннаго племени. Такимъ образомъ отношеніе греческаго культа къ мѣстному совершенно не имѣетъ характера враждебнаго, что впрочемъ нисколько не мѣшало, напротивъ благопріятствовало мирному распространенію перваго. Греческій культъ особенно утвердился въ главныхъ центрахъ греческаго населенія. Страбонъ видѣлъ въ самомъ Мемфисѣ храмы греческой Венеры. Въ Гермонтисѣ были храмы Зевса и Аполлона. Тѣмъ болѣе должны были распространиться религіозныя вѣрованія Грековъ въ Александріи. Греки часто занимали жреческія мѣста въ храмахъ египетскихъ божествъ и вносили туда элементъ, чуждый основному египетскому религіозному воззрѣнію. Подъ вліяніемъ эллинизма измѣнилось изображеніе Сераписа. Изъ безобразной широкой вазы на маленькихъ ногахъ и съ человѣческою головой оно обратилось въ изящную статую Зевса съ сосудомъ на головѣ. Птоломей перенесъ изъ Синопа въ Александрію колоссальное изображеніе Зевса синопскаго, въ значеніи котораго замѣтна еще мѣстная, малоазіатская основа, принявшая греческую наружную форму. Тимоѳей и Манеѳонъ, двое египетскихъ ученыхъ, изучая его аттрибуты, признали въ немъ египетскаго Сераписа. Но, кромѣ того, для Египтянъ онъ отождествлялся также то съ Озирисомъ, то съ главнымъ божествомъ Ра. Новое божество, сохраняя въ греческихъ надписяхъ имя Зевса съ значеніемъ однакоже то Плутона, то Діониса, такъ распространилось по всему Египту что одинъ изъ позднѣйшихъ греческихъ писателей насчитываетъ до 42 святилищъ, посвященныхъ ему. Въ самомъ Мемфисѣ культъ Озириса былъ почти вытѣсненъ поклоненіемъ новому божеству, и имя Озириса чаще встрѣчается въ греческихъ и латинскихъ надписяхъ, чѣмъ въ самихъ египетскихъ. Греческое вліяніе обнаружилось также и въ распространеніи греческаго языка,

со временъ Птоломея ставшаго языкомъ правительственнымъ, оффиціальнымъ и сохранившаго это значеніе во все время римскаго владычества.

Элементъ еврейскій былъ также весьма силенъ въ Египтѣ. Изъ 7,800,000 населенія 100,000 было Евреевъ. Его распространенію препятствовала только религіозная и племенная исключительность Евреевъ, ихъ презрѣніе ко всѣмъ, кто не происходилъ отъ Авраама. Если мало было число тѣхъ язычниковъ, которые присутствовали при іудейскомъ богослуженіи въ синагогахъ, то еще меньше было прозелитовъ, подвергавшихся обрѣзанію и вступавшихъ въ число вѣрныхъ. Іудейство особенно могло бы распространиться во время конечнаго паденія язычества, когда религіозное чувство, не находившее себѣ удовлетворенія, съ жадностью стремилось всюду, гдѣ была надежда пріобрѣсти его. Но еслибы въ это время іудейство и отреклось отъ своей исключительности, оно встрѣтило бы сильнаго противника въ христіанствѣ.

Владычество Римлянъ не осталось также безъ вліянія на Египетъ. Во многомъ этому вліянію облегченъ уже былъ путь предшествовавшею исторіей. Такъ обоготвореніе сначала древнихъ мѣстныхъ царей, а потомъ Лагидовъ пролагало дорогу обоготворенію цезарей. Вскорѣ послѣ смерти Клеопатры въ гіероглифическихъ надписяхъ храма Изиды въ Филе Августъ уже называется «сыномъ солнца, царемъ верхняго и нижняго Египта».

Римскій религіозный элементъ, такъ много принявшій въ себя изъ греческой миѳологіи, поэтому самому легко могъ проникать туда, гдѣ утвердились греческія вѣрованія. Какъ Греки, Римляне не отличались религіозною нетерпимостью. Если Каракалла, въ порывѣ гнѣва противъ жителей Александріи, разрушилъ многіе изъ александрійскихъ храмовъ; зато надписи, находимыя на египетской почвѣ, представляютъ

многочисленныя доказательства почитанія Римлянами мѣстныхъ божествъ. Бальбиллусъ, префектъ Египта при Неронѣ, поклонялся великому богу, Солнцу. Есть даже указанія на нѣкоторые храмы, воздвигнутые Римлянами въ честь египетскихъ божествъ. Римляне, подобно Грекамъ, назначали изъ своихъ соотечественниковъ верховнаго начальника жреческаго сословія въ Египтѣ. Изъ Римлянъ же обыкновенно бывалъ начальникъ александрійскаго музея. Римское владычество мирнымъ путемъ содѣйствовало однакоже утвержденію въ Египтѣ почитанія божествъ, общихъ у Римлянъ и у Грековъ или собственно римскихъ. Въ Тентирѣ былъ воздвигнутъ Римлянами храмъ въ честь Юліи-Августы, супруги Траяна. Адріанъ и въ Египтѣ, какъ въ Греціи, установилъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ культъ Антиноя, въ честь своего умершаго любовника этого имени.

Какъ бы ни было сильно чуждое вліяніе въ Египтѣ, оно менѣе всего могло уничтожить мѣстный элементъ, произведеніе своеобразной цивилизаціи, воспитанный вѣковою почти замкнутою историческою жизнію. Мы видѣли, какъ осторожно обращались съ мѣстнымъ культомъ Греки и Римляне, какъ на нихъ самихъ частію отразились религіозныя вѣрованія Египтянъ. Мало того, что по всему Египту сохранился національный культъ, сохранилось поклоненіе древнимъ божествамъ; многія изъ вѣрованій утратили свой прежній мѣстный характеръ, втѣснившись въ религіозное сознаніе всего греко-римскаго міра, сдѣлавшись его общимъ достояніемъ. Нѣкоторымъ божествамъ Египта приносились точно также жертвы въ городахъ Испаніи, римской Африки, Греціи, Галліи, Сиріи, какъ и въ самомъ Мемфисѣ или въ Филе. Эти божества были послѣдними продуктами самостоятельнаго миѳологическаго процесса въ Египтѣ. Таковы были попреимуществу Изида и Озирисъ. Изображенія ихъ встрѣчаются уже въ пирамидахъ;

[redacted]

тѣмъ не менѣе ихъ нельзя отнести къ кругу древнѣйшихъ божествъ. Этому противится и болѣе живой, искусственный характеръ ихъ изображеній, и въ особенности богатство миѳовъ, къ нимъ относящихся, чего совершенно не замѣтно касательно божествъ древнѣйшаго періода. Сами жрецы Изиды и Озириса относили ихъ генеалогію къ божествамъ уже втораго цикла. На эти божества было перенесено значеніе другихъ божествъ. Такъ на Изидѣ видѣнъ характеръ старѣйшихъ богинь: саисской Нейты, Hathor, Пахты. Греки сравнивали ее съ Деметрой, Аѳиной, Персефоной, Селеной и другими. Сами Египтяне называли ее богиней съ 10,000 именъ. Изида была земля, которой производительная сила оплодотворялась Озирисомъ. Женская воспріимчивая потенція, выражавшаяся въ этой богинѣ, неразрывно соединена съ мужскою творческою силою, представляемою Озирисомъ, братомъ, супругомъ, сыномъ и отцомъ Изиды по разнымъ миѳамъ. Озирисъ былъ владыка міра, вѣчный владыка, владыка жизни. Въ поэтическихъ миѳахъ, на которыхъ, несмотря на ихъ древность, кажется, отразилось уже греческое вліяніе, выразилось отношеніе Озириса къ женской потенціи Изиды. Греки узнавали въ немъ Діониса своихъ мистерій. Вѣчно зеленый тамарискъ былъ его деревомъ, цапля была его священнымъ животнымъ. Изидѣ, представляющей воспріимчивую силу природы, посвящена была корова. Сама она во дворцѣ фараоновъ въ Саисѣ изображена въ образѣ коровы. На другихъ памятникахъ она изображается то съ рогами, то съ головою коровы, съ дискомъ или короной на головѣ, со скипетромъ изъ цвѣтовъ въ рукахъ. Доисторическій городъ Тисъ (This), Мемфисъ и Абидосъ были главными мѣстами поклоненія Изидѣ и Озирису, общаго впрочемъ всему Египту. Въ солнцѣ и лунѣ видѣли также Изиду и Озириса. *Гвамиліи*, праздники въ честь Озириса, во многомъ напоминаютъ мистеріи греческаго

Діониса. Фаллосъ игралъ важнѣйшую роль на этомъ праздникѣ. Горусъ, сынъ Озириса, былъ отождествляемъ съ нимъ, какъ воскресшій Озирисъ. Поклоненіе Изидѣ и Озирису, только нѣсколько видоизмѣненное, перешло изъ Египта во всѣ страны греко-римскаго міра. По надписямъ мы видимъ культъ египетской богини еще въ IV столѣтіи почти повсюду, не говоря уже о самомъ Римѣ. Рутилій въ V вѣкѣ нашелъ поклоненіе Озирису на островѣ Эльбѣ. Этотъ же культъ встрѣчаемъ мы и въ Греціи, Сиріи и Малой Азіи.

Въ заключеніе обозрѣнія греческой половины римскаго міра должно сказать нѣсколько словъ о Мармарикѣ и Пентаполисѣ, африканскихъ областяхъ къ западу отъ Египта, съ 96 г. до Р. Х. бывшихъ подъ властью Римлянъ, организованныхъ въ римскую провинцію вмѣстѣ съ островомъ Критомъ (Creta-Cyrene, или Creta et Cyrene, сенатская провинція въ 74 или 67 гг. до Р. Х.). Мармарика была песчаная, безводная степь, по которой бродили кочевыя племена. Не такова была Киренаика, или ливійскій Пентаполь. Сюда съ давняго времени проникла греческая колонизація, сюда же переселилось множество Евреевъ. Плодородіе почвы заслужило Киренаикѣ названіе сада Венеры; сильное развитіе торговли нѣкоторое время дѣлало ее соперницей Карѳагена. Пять городовъ дали странѣ имя Пентаполя. На морскомъ берегу была Птолемаида; во внутренности страны Кирена. Затѣмъ слѣдовали Аполлонія (Sozusa), Арсиноэ (Tauchira) и Береника (Euesperides). Населеніе этихъ городовъ состояло изъ Грековъ, пользовавшихся здѣсь тѣмъ же самымъ значеніемъ, какъ и въ Александріи, Ливійцевъ, игравшихъ ту же роль, что и Египтяне въ Александріи, и наконецъ Евреевъ, со временъ Птоломеевъ составлявшихъ большинство городскаго населенія, пользовавшихся всѣми гражданскими правами и имѣвшихъ своихъ магистратовъ. Первый ударъ благосостоянію Киренаики былъ

нанесенъ присоединеніемъ ея къ Египту въ 322 г. до Р. Х. и усиленіемъ торговаго значенія Александріи. На нѣкоторое время Киренаика возвратила было свою самостоятельность, но была потомъ покорена Птоломеемъ Апіономъ и по смерти его завѣщана Римлянамъ. Римское владычество не могло измѣнить господствующихъ формъ греческой цивилизаціи, точно также какъ не могло поднять упавшаго благосостоянія страны до прежняго значенія. Римляне, впрочемъ, старались объ этомъ. Подъ именемъ Flavia Cyrene, Кирена получила права римской колоніи. Временемъ высшаго развитія Киренаики было V столѣтіе, время епископства извѣстнаго Синезія. Въ гимнахъ и словахъ этого христіанскаго поэта и оратора всего лучше выражаются особенности и характеръ мѣстной цивилизаціи; они же служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для знакомства съ самою страной.

Говоря о воздѣйствіи туземныхъ элементовъ на грекоримскую цивилизацію, дававшую единство древнему міру, нельзя обойти страны, хотя и не подчиненной Риму, тѣмъ не менѣе находившейся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и оказывавшей на него довольно значительное вліяніе. Это вліяніе отражалось не столько на бытѣ, потому что тамъ оно мало имѣло своеобразности, сколько на дѣятельности древней мысли въ сферѣ религіозныхъ вѣрованій. Необходимо сказать нѣсколько словъ объ областяхъ передней Азіи, гдѣ началась историческая жизнь древнихъ народовъ, гдѣ почва покрыта древнѣйшими памятниками своеобразной цивилизаціи, о мѣстности семитическаго Междурѣчья, о зендскомъ Иранѣ. Сюда мало проникла власть Рима, потому что она встрѣтила неодолимыя сопротивленія, о которыя не разъ разбивались ея усилія. Здѣсь многочисленныя племена семитическаго и арійскаго происхожденія сложились въ огромное государство Парѳянъ, и когда оно распалось, изъ его развалинъ быстро

возникло государство Персидское. Арзакиды возвысили могущество Пароянской монархіи. Имъ повиновались Персы, Мидяне, Элимеи. Въ зависимости отъ нихъ состояли и тѣ области, которыя, пользуясь смутами и безсиліемъ сирійскихъ Селевкидовъ, образовали изъ себя особыя государства. Такова была Адіабена на равнинѣ Тигра, которой цари во времена императора Клавдія приняли іудейство. Частію таковы же были и владѣнія Месопотаміи (Междурѣчья): Озроена въ западной части, основанная кочевою ордою Арабовъ, и Мигдонія въ восточной. Древній Сеннаръ, позднѣйшая Вавилонія, былъ сатрапіей Пароянъ. Въ 226 году по Р. Х. пала династія Арзакидовъ и съ нею пало самое владычество Пароянъ. Артаксерксъ, основавъ новую Персидскую монархію, возстановилъ при этомъ и религію Зороастра. Государство новыхъ Персовъ своею силою едвали не превосходило и силы Пароянъ. Если послѣдніе гордились уничтоженіемъ легіоновъ Красса, то Персы видѣли плѣнникомъ римскаго императора, подвергавшагося всевозможнымъ униженіямъ во дворцѣ Сапора даже послѣ своей смерти.

Намъ впрочемъ нѣтъ особенной надобности останавливаться на политическихъ судьбахъ Персидскаго государства и на его борьбѣ съ Римомъ. Несравненно интереснѣе вліяніе персидскаго религіозно-философскаго ученія на умы греко-римскаго міра. Это вліяніе чувствуется почти во всѣхъ сферахъ его умственной жизни, и чѣмъ болѣе слабѣли преданія и духъ древней Эллады и древняго Рима, тѣмъ болѣе открывалось простора вліянію Востока. Персидскій дуализмъ, къ которому сводится міросозерцаніе Ирана, отозвался на философскихъ системахъ послѣднихъ столѣтій Римской имперіи. Его же присутствіе замѣтно и въ тѣхъ христіанскихъ ересяхъ, которыя пробовали примирить ученіе откровенія съ таинственными преданіями восточной мудрости. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ

почти всѣмъ своимъ содержаніемъ примыкаютъ къ основнымъ положеніямъ Зороастрова ученія и только по имени могутъ назваться христіанскими. Но если дѣйствіе персидскаго вліянія такъ сильно чувствовалось даже въ средѣ, повидимому, совершенно ему недоступной, тѣмъ болѣе оно должно было отражаться на политеизмѣ Рима, безъ того уже представлявшаго довольно странное смѣшеніе почти всѣхъ религій древняго міра. И дѣйствительно, одна изъ главнѣйшихъ причинъ, заставляющая насъ остановиться нѣсколько времени на Персіи, это—важное значеніе персидскаго культа въ исторіи религіозныхъ вѣрованій Римской имперіи. Замѣтимъ впрочемъ одно. Если на философскихъ системахъ послѣднихъ вѣковъ Римской имперіи, на ересяхъ, выходившихъ почти изъ границъ христіанскихъ воззрѣній, оказывалось вліяніе самой сущности религіозно-философскаго сознанія Персовъ, то въ языческой религіи Римской имперіи, мы встрѣчаемся не съ главными догматами ученія Зороастра, а скорѣе только съ позднѣйшимъ продуктомъ религіознаго развитія Ирана и притомъ значительно видоизмѣненнымъ чуждыми вліяніями. Дуализмъ, такъ сильно поражавшій грекоримскихъ мыслителей, мало замѣтенъ въ тѣхъ вѣрованіяхъ, которыя заимствованы Римомъ изъ Персіи. Въ этихъ вѣрованіяхъ нѣтъ также и главнѣйшихъ представителей этого дуализма. Самыя имена Агурамазда (Ормузда) и Аримана почти неизвѣстны въ римскомъ мірѣ. На первый планъ выдвинулось божество, далеко не имѣвшее первостепеннаго значенія въ религіи Зороастра. Это — Митра, котораго памятники во множествѣ разсѣяны по всему пространству Римской имперіи и поклоненіе которому сохранилось до ея послѣдняго времени. Митра является уже, какъ божество, въ Зендавестѣ. Тамъ его призываютъ, какъ «божество, дающее силы природѣ, умножающее воды и деревья, какъ владыку жизни, властителя

всѣхъ тварей». Митра возвеличенъ Агурамаздомъ болѣе другихъ божествъ. Его можно назвать дѣятельною силою самого верховнаго божества добра и свѣта. Онъ поставленъ надъ всѣми ферверами (геніями-хранителями). Отъ него идетъ плодородіе, здоровье и чистота. Онъ же судитъ умершихъ на мосту Чинаватѣ. Въ то же время Митра является божествомъ дневнаго свѣта. Ему приносится молитва среди молитвъ, обращенныхъ къ солнцу и лунѣ. Митра однакоже далеко не можетъ равняться съ Агурамаздомъ: подчиненный ему, онъ дѣйствуетъ въ низшей сферѣ. Около половины V вѣка первоначальное значеніе Митры нѣсколько измѣнилось. Онъ явился въ сознаніи преимущественно, какъ божество солнца, и съ этимъ значеніемъ перешелъ и къ другимъ народамъ. Изъ Грековъ первый Страбонъ говоритъ о немъ, какъ о богѣ солнца. Съ измѣненіемъ его значенія измѣнилась и самая его важность, и уже въ числѣ персепольскихъ надписей есть одна, въ которой рядомъ съ именемъ Агурамазда стоитъ имя другаго божества, можетъ быть, Митры. Какъ божеству солнца, Митрѣ посвящены были особыя мистеріи, въ которыхъ раскрывалось его таинственное значеніе, и въ этихъ мистеріяхъ Митра далеко не походитъ на сомненное ему божество Зендавесты. Въ нихъ исчезло уже сотвореніе Митры Агурамаздомъ; Митра является изъ скалы родившимся богомъ. Въ мистеріяхъ тоже Митра какъ бы вытѣсняетъ собою Агурамазда, верховное божество древне-персидскаго сознанія, и самъ занимаетъ его мѣсто. На памятникахъ Митра является убивающимъ быка, сѣмя котораго должно оплодотворить землю, произвести животныхъ и растенія. Митра же въ мистеріяхъ служитъ путеводителемъ душъ по небеснымъ жилищамъ. Въ мистеріяхъ могли участвовать только посвященные. Обрядъ посвященія совершался большею частію въ пещерахъ или гротахъ, имѣвшихъ космическое значеніе. Посвященію предшествовали испы-

[redacted]

танія, болѣе или менѣе продолжительныя и отличавшіяся, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, разными ужасами и даже истязаніями. Эти испытанія и подготовленія посвящаемаго смягчились въ послѣдствіи. Посвященные были разныхъ степеней, и въ семи степеняхъ посвященнныхъ, въ ихъ названіяхъ и аттрибутахъ, повсюду видно астральное значеніе.

Таково было первоначальное и позднѣйшее значеніе Митры на персидскомъ Востокѣ. Переходя къ другимъ народамъ, Митра, разумѣется, могъ являться только съ послѣднимъ значеніемъ, выработаннымъ въ мистеріяхъ. Распространенію культа Митры въ областяхъ Римской имперіи много содѣйствовало посредничество греческихъ колоній въ глубинѣ Азіи, которыя прежде другихъ могли подчиниться восточному, азіатскому вліянію и передать его въ другія страны греко-римскаго Запада.

Знакомство съ культомъ Митры относится къ послѣднимъ временамъ Римской республики, именно къ 70 г. до Р. Х., когда морскіе разбойники киликійскихъ береговъ Малой Азіи разнесли его по Греціи и Италіи. Распространеніе же культа Митры принадлежитъ уже временамъ имперіи, когда онъ утвердился повсюду, какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ, и притомъ одинаково, какъ въ западныхъ—латинскихъ, такъ и въ восточныхъ—греческихъ. Въ самомъ Римѣ мы находимъ поклоненіе Митрѣ уже при императорахъ Августова дома, и съ тѣхъ поръ оно не прекращалось тамъ до времени конечнаго паденія язычества. Культъ Митры не былъ распространенъ только между низшими слоями общества. Въ мистеріяхъ принимали, напротивъ, участіе люди самыхъ высшихъ сословій, привлекаемые таинственностью и кажущеюся глубиною открываемаго тамъ ученія. Есть извѣстіе, что императоръ Коммодъ во время испытаній при посвященіи въ таинства Митры убилъ одного человѣка. По всей вѣроятности, это было во время

того испытанія, когда, по разсказамъ древнихъ, бросались съ мечами на испытуемаго, желая испугать его. Памятники Митры находились во всѣхъ областяхъ имперіи, даже въ тѣхъ, куда еще недавно проникло римское владычество, напримѣръ, даже въ областяхъ Придунайскихъ. Подобно матери боговъ, Митрѣ посвящались торжественныя жертвоприношенія тавроболовъ, въ воспоминаніе которыхъ ставились памятники и вырѣзывались надписи, въ большомъ количествѣ до насъ дошедшія. По нимъ можно слѣдить за распространеніемъ культа Митры по областямъ, а также о непрерываномъ существованіи этого культа. Въ Римѣ, по надписямъ IV вѣка по Р. Х., видно, что главные жрецы Митры назывались patres patrum; за ними слѣдовали patres sacrorum, а далѣе посвященные въ мистеріи разныхъ степеней. Первые сановники Рима съ гордостью принимали титулъ pater patrum Митры. Главный храмъ Митры (Specus, Spelaeum), или его пещера, находился въ Римѣ въ подземельяхъ Капитолія. Причиною этого было, по всей вѣроятности, желаніе подражать чисто римскому культу, средоточіемъ котораго былъ Капитолій. Культъ Митры не былъ преслѣдуемъ во все время императорства Граціана, хотя въ это время и были частныя попытки его уничтожить. Такъ, по свидѣтельству бл. Іеронима, который между прочимъ приводитъ и латинскія названія различныхъ степеней въ мистеріяхъ Митры (Corvus, griphius, miles, leo, Perseus heliodromus et pater), префектъ Рима, Гракхъ, разрушилъ пещеру Митры въ 376 или 377 году. Что это было дѣломъ частнаго лица, а не правительственнымъ распоряженіемъ, видно изъ того, что въ тоже время одинъ изъ важнѣйшихъ чиновниковъ публично совершалъ тавроболъ, какъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся надпись, и носилъ титулъ pater patrum. Даже и послѣ, когда Θеодосій запретилъ подъ страхомъ смертной казни совершеніе публичныхъ и частныхъ

жертвоприношеній, они совершались въ честь Митры. На любопытномъ стеклянномъ барельефѣ, относящемся къ этому времени, видно самое изображеніе обряда тавробола, а въ надписи выражено восторженное благоговѣніе къ мощному Митрѣ. Культъ Митры пережилъ въ западныхъ провинціяхъ имперіи не только другія вѣрованія, принесенныя изъ Египта или азіатскаго Востока, но даже и греко-римскія религіозныя вѣрованія. По крайней мѣрѣ только о немъ есть нѣкоторое основаніе предполагать, что онъ существовалъ еще въ иныхъ мѣстностяхъ около и нѣсколько послѣ половины V вѣка, когда всѣ остальныя языческія вѣрованія были окончательно вытѣснены христіанствомъ, давно уже ставшимъ оффиціальною религіей Римскаго государства. Этою долговѣчностью обязано поклоненіе Митрѣ тому, что оно, дѣйствительно, давало болѣе пищи воображенію и религіозному чувству, чѣмъ всѣ религіи древняго язычества.

Таково было внутреннее отношеніе Рима къ покореннымъ имъ народамъ. Римское вліяніе, какъ бы оно быстро и глубоко, повидимому, ни распространялось, нигдѣ не могло вполнѣ одолѣть чуждаго туземнаго элемента. Побѣда Рима была полнѣе тамъ, гдѣ римское вліяніе встрѣчалось съ племенами, еще не вышедшими изъ первобытнаго, полудикаго состоянія или по крайней мѣрѣ не выработавшими еще своеобразной цивилизаціи. Здѣсь, если Римъ и не могъ подчинить своему языку и своей цивилизаціи вполнѣ эти племена, если они и сохраняли еще нѣкоторые признаки и особенности своей народности, то по крайней мѣрѣ вся внѣшность была латинская. Самое воздѣйствіе на Римлянъ со стороны побѣжденныхъ народовъ проявлялось въ формахъ принятой ими латинской образованности. Притомъ это воздѣйствіе скорѣе обнаруживалось въ характерѣ, въ складѣ ума, въ оборотахъ рѣчи, чѣмъ въ какихъ нибудь болѣе внѣшнихъ признакахъ. Въ религіи Рима мы не видимъ вліянія,

напримѣръ, религіозныхъ вѣрованій Галліи, Испаніи и другихъ. Не то было, когда Римъ встрѣчался съ племенами древнѣйшей цивилизаціи. Здѣсь не было уже той уступчивости, той внутренней слабости въ сохраненіи особенностей быта и вѣрованій. Чтобы утвердить свое вліяніе, Риму необходимо было изгладить прежде всего слѣды всего историческаго прошедшаго, а для этого мало одной матеріальной силы, одного политическаго могущества. Въ столкновеніяхъ Рима съ племенами древней и развитой цивилизаціи мы не видимъ съ его стороны быстрыхъ успѣховъ; мы видимъ, напротивъ, какъ слабо проникало и утверждалось римское вліяніе. Разительный примѣръ представляетъ южная, греческая Италія. Слишкомъ семи столѣтій римскаго владычества было недостаточно, чтобы уничтожить греческую народность въ южной Италіи, и она надолго пережила политическую самобытность самого Рима. Напротивъ, чѣмъ слабѣе было римское вліяніе, тѣмъ сильнѣе было воздѣйствіе на Римъ со стороны народовъ древнѣйшей цивилизаціи. Побѣжденная Греція подчинила совершенно своему вліянію Римъ и Италію. Блестящее развитіе римской литературы обязано своимъ существованіемъ вліянію Эллады. Въ Римѣ царила греческая философія. Простыя формы древнеримскаго культа почти изчезли передъ художественными образами боговъ Гомера и Фидія. Ту же слабость римскаго вліянія и ту же силу воздѣйствія мѣстныхъ элементовъ видимъ мы и въ отношеніяхъ Рима къ Египту и азіатскому Востоку. Кромѣ нѣсколькихъ храмовъ, Римляне мало оставили памятниковъ своего вліянія, да и эти храмы скорѣе походили на трофеи, сооруженные побѣдителемъ послѣ битвы: такъ мало они имѣли внутренняго значенія для туземнаго населенія, среди котораго они воздвигались. Не такова была сила воздѣйствія идеи; религіозныя вѣрованія Египта и Азіи втѣснились въ самое сознаніе Римлянъ, завладѣли имъ съ неудержимою

силою. Для нихъ потомокъ древнихъ квиритовъ отрекался отъ коренныхъ римскихъ понятій и убѣжденій, перерождался подъ ихъ вліяніемъ. Культъ Митры хранился самими Римлянами несравненно долѣе, чѣмъ поклоненіе кореннымъ божествамъ, Юпитеру, Сатурну, Вестѣ, тогда какъ въ Азіи и Африкѣ оффиціальная религія Рима не имѣла ни смысла, ни значенія, тѣмъ менѣе какую нибудь власть надъ умами.

Римская имперія не могла такимъ образомъ исполнить вполнѣ своего историческаго назначенія. Громадное пространство (болѣе 100,000 кв. миль) было охвачено ея границами. Римскіе поэты могли справедливо сливать понятіе о вселенной съ понятіемъ о римскомъ мірѣ: Romanæ spatium est urbis et orbis idem, и говорить, что со временъ Цезаря солнце восходитъ и заходитъ въ предѣлахъ имперіи. Горделивое притязаніе находило себѣ оправданіе въ дѣйствительности. Болѣе лишено было справедливости другое представленіе о характерѣ Римской имперіи, какъ общей родины для всѣхъ народовъ тогдашняго міра: Una cunctarum gentium in toto orbe patria. Общая родина предполагаетъ не одно матеріальное соединеніе, а Римская имперія не могла еще пока дать покореннымъ народамъ другаго единства, кромѣ того, которое дается подчиненіемъ одной и той же власти. Если сравнивать внѣшнее единство римскаго міра съ предшествующимъ ему политическимъ и внутреннимъ разъединеніемъ древнихъ народовъ, то, конечно, нельзя не удивляться огромному шагу впередъ, сдѣланному въ этомъ отношеніи Римскою имперіею. Дѣйствительно, никогда народы древняго міра не были такъ близки другъ къ другу, никогда не былъ такъ быстръ и силенъ размѣнъ идей и понятій, никогда передъ глазами древняго мыслителя такъ наглядно не являлось и понятіе объ единствѣ человѣческаго рода. Ни въ какую эпоху древней исторіи божественное ученіе, призывавшее къ жизни всѣ народы,

какъ бы разноплеменны они ни были, не могло бы распространиться съ такою быстротою и легкостью, потому что никогда умы не были такъ подготовлены къ его принятію. Христіанскіе мыслители справедливо останавливаются на провиденціальномъ значеніи Римской имперіи. «Богъ—говорятъ они—положившій образовать новый народъ изъ всѣхъ націй, прежде всего соединилъ землю и море подъ единою властію. Взаимное сношеніе стольких различныхъ народовъ, чуждыхъ другъ другу и теперь соединенныхъ подъ римскимъ владычествомъ, было однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ, которыми Провидѣніе пользовалось, чтобы проложить путь евангелію». (Bossuet). Къ той же мысли приходятъ и тѣ изъ свѣтскихъ историковъ, которые хотятъ объяснить себѣ историческую задачу Римской имперіи. Внѣшнее единство ея имѣло значеніе главнымъ образомъ потому, что оно прокладало пути для единства внутренняго, духовнаго. Этого духовнаго единства не могла дать власть императоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, какъ разнообразны были составныя части Римской имперіи, соединенныя почти только механически одна съ другою, несмотря на вѣковую работу римской централизаціи. Каждое племя сохраняло свои народныя особенности, часто даже свою исключительность. Греко-римская цивилизація придавала только внѣшній видъ единенія. Она не могла проникнуть до самыхъ основъ народной жизни, тѣмъ менѣе переработать ихъ. Въ то время, когда для этой цивилизаціи открывалось такое широкое поле дѣйствія, она сама поражена была смертельнымъ недугомъ и не могла служить источникомъ новой жизни. Нѣкоторое время она сама поддерживалась только свѣжими силами покорившихся ей народовъ, пока не истощились и эти силы частію подъ губительнымъ вліяніемъ самого же Рима. Теряя годъ отъ году жизненное содержаніе, глубину и крѣпость, она выигрывала

только, распространяясь, такъ сказать, по поверхности. Точно также было безплодно и возвращеніе къ древнѣйшимъ преданіямъ восточной цивилизаціи, попытка дать новую жизнь и силу результатамъ восточной мысли, перенеся ихъ на новую, свѣжую почву. Во время Римской имперіи мы видимъ какъ бы возрожденіе религій и ученій древняго Востока. Въ Римѣ, до тѣхъ поръ подчинявшемся только эллинизму, одна за другою являются какъ бы вызванныя изъ могилъ религіозныя системы Египта, Малой Азіи, зендскаго Ирана. Историкъ съ удивленіемъ видитъ ихъ появленіе за предѣлами, которыми до тѣхъ поръ замыкалось ихъ самостоятельное развитіе. Не находя примиренія въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ, Римъ какъ будто ищетъ его повсюду. Но продукты восточнаго мышленія и религіознаго сознанія, оторванные отъ родной исторической почвы и притомъ въ то время, когда они сами утратили свою жизненную силу, очевидно, не могли дать внутренняго единства римскому міру точно также, какъ не дала единства и крѣпости его философскому сознанію послѣдняя попытка неоплатониковъ слить воедино самые разнородные элементы. Притомъ дѣйствіе восточныхъ элементовъ было не послѣдовательное, другъ друга смѣняющее. Поклоненіе Озирису и Изидѣ въ западномъ римскомъ мірѣ было одновременно съ культомъ фригійской матери боговъ, съ поклоненіемъ персидскому Митрѣ. Это было токое же механическое сопоставленіе разныхъ вѣрованій, какъ механически сопоставлены были народности подъ властью римскихъ императоровъ, такой же аггрегатъ разнородныхъ элементовъ. Внутренняго единства не могла дать ни греко-римская цивилизація, ни религія древняго міра. Римскій міръ не выработалъ даже внутри своего общественнаго устройства полнаго единства. Несмотря на признаніе всѣхъ подданныхъ Рима римскими гражданами по конституціи Антонина, въ римскомъ обществѣ существовало еще

гибельное, мертвящее раздѣленіе, распаденіе общества на рабовъ и свободныхъ. Для римскаго міра возможно было единство только чисто внѣшнее и притомъ единство принудительное, которымъ и сдерживалось постоянное стремленіе къ разъединенію, къ разложенію народныхъ элементовъ.

III.

Внѣшнею связью для разноплеменныхъ и разноязычныхъ провинцій Римскаго государства была власть императоровъ, но и она давала внѣшнее единство подъ общимъ уровнемъ абсолютизма. Измѣненія въ коренныхъ римскихъ учрежденіяхъ, опасность для республиканской свободы Рима, начались одновременно съ завоевательными стремленіями Римлянъ, перешедшими за предѣлы Италіи; и чѣмъ болѣе чуждыхъ народовъ склонялось передъ оружіемъ Рима, признавая власть его, тѣмъ болѣе обнаруживалось измѣненіе въ составѣ народонаселенія, въ характерѣ и взаимной постановкѣ римскихъ партій, въ самыхъ потребностяхъ государственнаго устройства. Если нельзя положительно сказать, что имперія была исторической необходимостью, законнымъ завершеніемъ всего предшествовавшаго развитія, тѣмъ не менѣе ясно, что ея утвержденіе было подготовлено и облегчено, даже вызвано предшествовавшими событіями. Оттого переходъ отъ республики къ монархіи совершился такъ легко и почти незамѣтно, безъ особенно рѣзкихъ потрясеній. Стремленіе Августа не было новостью для Римлянъ, умы давно уже были подготовлены, для многихъ это казалось переходомъ къ лучшему. Мнѣнія многихъ новѣйшихъ историковъ о необходимости

перехода республики въ монархію по большей части только отголоски мнѣній современниковъ совершившагося переворота, и часто оправданіе деспотизма идетъ не изъ любви къ нему. Число его приверженцевъ ради него самого весьма ограничено, и въ рядахъ защитниковъ монархіи Августа ихъ было еще меньше; однако откуда взялась такая снисходительность къ виновнику самаго переворота, когда всѣ отвращаются отъ чудовищныхъ слѣдствій тѣхъ началъ, которыя были положены Августомъ въ основу совершеннаго имъ преобразованія римскихъ государственныхъ учрежденій? Много значитъ голосъ самихъ современниковъ Августа. Сонмъ блестящихъ поэтовъ дружнымъ хоромъ прославлялъ золотые дни его правленія. Къ этому хору присоединилъ свой голосъ и злополучный Овидій, сосланный Августомъ же на далекій берегъ Эвксинскаго понта, къ полудикимъ обитателямъ Скиѳіи, за что— неизвѣстно. Но едвали тайна, которою облечена была причина ссылки, не послужила къ счастію самого Августа. Изъ темныхъ полупризнаній Овидія можно предположить, что ея разглашеніе наложило бы неизгладимое пятно на все семейство римскаго властелина и прежде всего на него самого. Но Овидій унесъ въ могилу эту тайну, а не умиравшая надежда возвратиться на родину заставляла слабаго поэта обращаться съ льстивыми похвалами къ своему гонителю и вмѣстѣ съ Гораціемъ и Виргиліемъ надолго отвести глаза потомству. Обличительный голосъ Тацита раздался послѣ, и, выведя къ позорному столбу Тиверія, не коснулся Августа. Жизнь Августа, написанная Плутархомъ, не дошла до насъ. Позднѣйшіе историки, Светоній и Діонъ Кассій, жили уже послѣ того, какъ разыгрались сатурналіи деспотизма при Тиверіи, Калигулѣ, Клавдіи, Неронѣ и тому подобныхъ чудовищахъ; для нихъ правленіе Августа по сравненію казалось счастливымъ временемъ. Для поколѣній, среди которыхъ

воспитались и жили названные историки, уже потеряна была самая память свободныхъ учрежденій, и въ душѣ ихъ не кипѣла ненависть къ разрушителю этихъ учрежденій. Значительная часть историковъ новой Европы со временъ возрожденія писала съ голоса современниковъ Августа. Другіе подкуплены были пышнымъ развитіемъ литературы, великодушнымъ покровительствомъ, которое оказывалъ Августъ ученымъ и поэтамъ. Третьи, проходя мыслію исторію послѣднихъ временъ республики, ожесточенную борьбу партій, видя въ послѣднихъ поколѣніяхъ республики не только утрату гражданской доблести, но утрату и самаго политическаго смысла, потеряли вѣру въ возможность другаго исхода для тогдашняго Рима и признали имперію единственнымъ цѣлебнымъ средствомъ для больнаго общества, не умѣвшаго и не могшаго справиться съ внутреннимъ бореніемъ. Ихъ увлекли также и республиканская, демократическая внѣшность деспотическаго содержанія, и почти неизбѣжность переворота, и наконецъ *на первое время* несомнѣнно благодѣтельное значеніе императорской власти для провинціаловъ, скоро сдѣлавшихся полноправными римскими гражданами подъ ея покровительствомъ. Между анархіей, внутреннею и, повидимому, безъисходною борьбою партій и абсолютизмомъ они предпочли послѣдній, какъ тяжелое, но вѣрное средство противъ анархіи республиканскаго Рима. И дѣйствительно, какъ средство противъ борьбы партій, деспотизмъ былъ точно такимъ же радикальнымъ лекарствомъ, какъ смерть для болѣзненнаго боренія въ человѣческомъ организмѣ. Партіи, дѣйствительно, изчезли со сцены, но на бѣду, сдѣлавъ свое дѣло, Августъ и его преемники не возвратили Риму его свободныхъ учрежденій. Въ данный моментъ можетъ быть оправдано такое насильственное успокоеніе партій, хотя примириться съ нимъ едвали возможно вполнѣ для кого-нибудь. Но чѣмъ можетъ быть оправдано

намѣренное обращеніе не всегда вѣрнаго лекарства въ вѣрный всегда ядъ? Предполагать же въ Августѣ искреннее намѣреніе сохранить для Рима возможность возврата къ прежнимъ свободнымъ учрежденіямъ, было бы уже слишкомъ наивно. Комедія, разыгранная Августомъ въ римскомъ сенатѣ, среди котораго онъ объявилъ свою рѣшимость сложить съ себя власть и возвратиться къ жизни частнаго человѣка, по всей вѣроятности, столь же мало обманывала современниковъ, какъ и отсутствіе внѣшнихъ аттрибутовъ и имени неограниченной власти, какъ и кажущаяся мягкость характера Августа и его безпрестанно выставляемое на показъ уваженіе къ прежнимъ учрежденіямъ. Будемъ откровенны: если абсолютизмъ былъ историческою необходимостью для римскаго общества, то признаемъ, что Августъ не только положилъ первый камень той пирамиды, подъ гнетомъ которой изчезло дыханіе государственной жизни древняго міра, но что онъ же былъ и творцемъ цѣлой системы, которую его преемникамъ осталось только развивать въ приложеніяхъ къ дѣйствительности, т. е., другими словами, дать полный произволъ всѣмъ своимъ страстямъ, какъ бы грубы и разрушительны онѣ ни были. Все содержаніе деспотизма заготовлено было Августомъ; его наслѣдникамъ оставалось развѣ только придать ему форму, еслибы имъ пришла къ тому охота, и еслибы не нашлось усердныхъ и досужихъ юристовъ, взявшихъ на себя этотъ трудъ. Если же изъ анархіи послѣднихъ временъ Римской республики былъ возможенъ иной выходъ, кромѣ выхода въ деспотизмъ, если послѣдній даже въ крайнемъ случаѣ могъ быть употребленъ только, какъ временное средство, то оставимъ за Августомъ всю отвѣтственность за послѣдствія произведеннаго имъ переворота, за то лицемѣріе, съ которымъ онъ высказывалъ мнимое желаніе сохранить прежнія учрежденія, неутомимо подрываясь подъ самыя ихъ основанія.

Разсмотримъ управленіе Августа и тѣ элементы, изъ которыхъ началось его ничѣмъ неограниченное, кромѣ страха передъ кинжаломъ, самовластіе. Прежде всего замѣтимъ, что переворотъ, произведенный Августомъ, не былъ разобранъ современными историками, а позднѣйшіе во многомъ затемнили его исторію для потомства. Несмотря на видимое обиліе показаній, не совсѣмъ извѣстны, а тѣмъ менѣе точны, даже нѣкоторыя хронологическія данныя. Самовластіе Августа сложилось не вдругъ, не было слѣдствіемъ какого-нибудь coup d'état; напротивъ, оно развивалось послѣдовательно, мало по малу притягивая къ себѣ одинъ за другимъ аттрибуты власти. Оттого трудно означить годъ, съ котораго началось самовластіе Октавіана Августа *). Званіе диктатора онъ принять не хотѣлъ. Передъ его глазами носился образъ Цезаря, убитаго въ полномъ сенатѣ. Октавіанъ хотѣлъ и достигъ диктаторской власти, но боялся принять ея имя. Онъ не назывался также и Dominus, еще менѣе хотѣлъ подвергаться опасности, принявъ гордый титулъ царя (Rex). Была минута, когда, желая принять новое имя, болѣе приличное своему положенію, онъ хотѣлъ-было прибавить къ другимъ своимъ именамъ имя Ромула, но и тутъ благоразуміе и осторожность заставили его довольствоваться тѣмъ, что, по предложенію Планка, сенатъ и народъ назвали его Августомъ. Титулъ императора до Августа имѣлъ совершенно не тотъ смыслъ, какой получилъ онъ впослѣдствіи. Императоры были и во время республики **). Этимъ титуломъ удостоивали

*) Считаютъ правленіе Августа: 1) со смерти Цезаря, 2) съ перваго консульства Августа, 3) съ тріумвирата Августа, 4) съ битвы при Акціумѣ, 5) со взятія Александріи, 6) съ 7 января 711 г. (43 г. до Р. Х.), когда Августъ получилъ управленіе съ титуломъ propraetor, 7) съ 27 іюня 731 г. отъ О. Р. (23 до Р. Х.), когда онъ облеченъ былъ tribunitia potestate, 8) съ принятія имени Августа 17 января 727 г. и т. д.

**) Такъ Цицеронъ носилъ одно время титулъ императора.

[redacted]

побѣдителя послѣ каждой одержанной имъ побѣды. Такъ самъ Августъ во время своего правленія провозглашаемъ былъ императоромъ 21 разъ за побѣды, одержанныя надъ врагами Рима или имъ самимъ, или, что̀ случалось чаще, подчиненными ему полководцами. Въ этомъ же смыслѣ при самомъ Августѣ императорами провозглашались не разъ и другія лица. Въ самомъ высшемъ развитіи стараго значенія, титулъ императора обозначалъ только верховное начальство надъ войсками, и въ этомъ смыслѣ старался выставить его Августъ, въ сущности придававшій ему уже иное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, при безотрадномъ состояніи общества военная сила рѣшала все, и тотъ, кто имѣлъ въ рукахъ легіоны, могъ рѣшиться на все и противъ сената, и противъ народа, потому что въ легіонахъ давно уже не было гражданъ, хотя и были отличные солдаты. Легіонарій привыкъ считать себя не гражданиномъ, даже обижался, когда ему давали званіе квирита; для него Капитолій не былъ уже святыней, и за своимъ вождемъ онъ готовъ былъ ворваться туда съ оружіемъ въ рукахъ. Августъ же былъ главнымъ вождемъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ Рима. Болѣе 400,000 воиновъ находилось подъ начальствомъ его легатовъ (legati Augusti), вполнѣ ему подчиненныхъ. Власть военачальника давала, кромѣ того, извѣстныя права, но прежде всего возможность насильственнаго подавленія всякаго сопротивленія, и потому-то титулъ императора сдѣлался любимымъ титуломъ властелиновъ Рима. Со времени Веспасіана, кромѣ лица, занимавшаго престолъ, и его наслѣдниковъ, никто уже не назывался этимъ именемъ, и такимъ образомъ имя императора начало получать уже новое значеніе.

Званіе императора, какъ верховнаго предводителя войскъ, давало возможность насильственнаго подавленія; но Августъ, утверждая свою власть на прочныхъ основахъ, не любилъ

прибѣгать къ насилію или, что будетъ вѣрнѣе, боялся прибѣгать къ нему; потому-то его поступки во время тріумвирата и борьбы съ Антоніемъ показали, что въ его характерѣ было много хладнокровной жестокости, сдерживаемой однимъ только опасеніемъ за свою жизнь. Имѣя въ рукахъ армію и флотъ, ему нужно было имѣть и легальное признаніе своего авторитета въ дѣлахъ гражданскаго управленія, проконсульскую власть (imperium proconsulare) и другіе аттрибуты, дававшіе ему тò значеніе, котораго не могло дать званіе императора. Проконсульская власть не разъ уже предоставлялась сенатомъ послѣднихъ временъ республики нѣкоторымъ лицамъ. Такъ эту власть, infinitum imperium, какъ называетъ ее Веллей Патеркулъ, получилъ Помпей во время войны съ морскими разбойниками. Ее же получилъ Кассій. Даже при императорахъ ее давали еще нѣкоторымъ лицамъ, впрочемъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ и для извѣстной цѣли: при Августѣ—Агриппѣ и его сыну Каю; при Тиверіи—Германику и Вителію; при Неронѣ—Корбулону. Августу передано было imperium proconsulare на всю жизнь и надъ всѣми провинціями по опредѣленію сената въ 731 г. (23 г. до Р. Х.). Эта власть, обыкновенно вручаемая и тому, кого хотѣлъ императоръ признать своимъ наслѣдникомъ, передавала почти все управленіе имперіи въ руки императора, давая ему верховный надзоръ надъ управленіемъ провинціями, даже тѣми, которыя были имъ уступлены въ непосредственное вѣдѣніе сената. Проконсульская же власть переносила въ руки императора и всѣ аппеляціи изъ провинцій; онъ разбиралъ ихъ или самъ, или поручалъ этотъ разборъ, какъ это обыкновенно было въ послѣдствіи, префекту преторіи. Управленіе императорскими провинціями отдано было чиновникамъ, зависѣвшимъ непосредственно отъ императора и назначавшимся на неопредѣленное время, тогда какъ правители сенатскихъ провинцій назначались обыкновенно только на одинъ

годъ. Еще важнѣе была трибунская власть (tribunitia potestas), предоставленная сенатомъ и народомъ Августу. Какъ патрицій, Августъ не могъ быть трибуномъ. Кромѣ того, государственныя дѣла, требовавшія безпрестанныхъ поѣздокъ въ разныя провинціи имперіи, были также препятствіемъ къ отправленію должности трибуна. По старымъ законамъ, трибунъ не могъ удалиться отъ Рима далѣе, какъ на одну милю. Кромѣ того, для боязливаго и подозрительнаго Августа неудобно было и другое условіе народнаго трибуната: день и ночь открытыя двери дома трибуна. Августъ, сверхъ того, и не хотѣлъ быть народнымъ трибуномъ, хотя tribunitia potestas была для него необходимостью. Tribunitia potestas дѣлала священною и неприкосновенною особу императора, и, можно себѣ представить, какъ дорожилъ ею Августъ, ходившій въ кирасѣ въ сенатъ, и то не иначе, какъ окруженный десятью особенно сильными и преданными ему сенаторами, не допускавшими къ нему лицъ сколько нибудь подозрительныхъ. Tribunitia potestas давала ему право интерцессіи противъ постановленій сената и народа и власть преслѣдовать всѣ нарушенія государственныхъ учрежденій. Она же послужила основой для судебной власти императоровъ. Преступленія оскорбленія величества могли быть судимы только на основаніи трибунской власти. Августъ и его преемники никогда не назывались трибунами, но крѣпко держались за трибунскую власть. Въ первый разъ получилъ Августъ tribunitia potestas еще за 38 лѣтъ до Р. Х., но окончательно она осталась за нимъ со времени его втораго консульства, въ 731 г. отъ основанія Рима; 27 іюня ежегодно принималъ ее Августъ до самой смерти и, раздѣляя съ другими званіе консула, цензора, даже императора, онъ ревниво слѣдилъ за трибунскою властью, давая ее только преданному Агриппѣ, мужу своей дочери Юліи, да Тиверію, который долженъ былъ сдѣлаться его наслѣдникомъ.

Тиверій далъ ее только Друзу, Веспасіанъ Титу. Съ года полученія трибунской власти считалъ Августъ и свое правленіе, и уже это доказываетъ, что tribunitia potestas была главнѣйшею основой его самовластія. Преемники Августа считали также по годамъ полученія трибунской власти годы своего правленія, и этотъ обычай сохранился до послѣднихъ временъ имперіи. Только съ Клавдія II, въ 270 году по Р. Х., начинаетъ изчезать упоминаніе о tribunitia potestas съ медалей и монетъ имперіи, на которыхъ она постоянно была до того времени.

Цензорская власть была также одною изъ принадлежностей императорскаго самовластія, хотя цензура въ ея старомъ смыслѣ является только изрѣдка при Августѣ, Клавдіи и Веспасіанѣ. Домиціанъ объявилъ себя вѣчнымъ цензоромъ (censor perpetuus). Изъ двухъ цѣлей цензуры особенно важно было опредѣленіе государственныхъ повинностей, налагаемыхъ на гражданъ; съ этою цѣлью цензъ былъ распространенъ на всѣ области имперіи, и въ Римѣ, какъ въ провинціяхъ, онъ совершался отъ имени императора. Августъ не назывался цензоромъ, а носилъ, подобно Цезарю, званіе блюстителя нравовъ (præfectus morum); тѣмъ не менѣе званіе цензора было въ послѣдствіи постоянно приписываемо Августу, потому что цензорская власть была однимъ изъ существенныхъ элементовъ власти императорской. Totius orbis humani suscipe censuram, говоритъ одинъ изъ ораторовъ императору Валеріану, quam tibi detulit Romana respublica. Титулъ цензора иногда встрѣчается послѣ Августа. По мѣрѣ того, какъ Римъ утрачивалъ исключительныя особенности своего прежняго управленія и приравнивался къ другимъ городамъ имперіи, атрибуты цензорской власти сливались съ imperium proconsulare императоровъ.

Съ элементами политической власти императоровъ соедини-

[redacted]

лось также и высшее религіозное значеніе. Императоры были членами всѣхъ жреческихъ коллегій, а съ 742 г. отъ основанія города они постоянно носили титулъ великихъ первосвященниковъ (pontifex maximus). Замѣчательно то обстоятельство, что римскіе императоры, со временъ Августа первосвященники языческаго культа, сохранили этотъ титулъ даже и послѣ того времени, когда отреклись совершенно отъ древнихъ вѣрованій Рима и Греціи. Какъ ни странно названіе великаго первосвященника Рима для христіанскихъ императоровъ, они носили его и называли себя этимъ именемъ въ своихъ эдиктахъ, на монетахъ и надписяхъ. Послѣ своего вступленія на престолъ они съ торжественною церемоніей облекались въ тогу великаго первосвященника, и это продолжалось до самаго Граціана, наконецъ отвергшаго титулъ, давно уже не имѣвшій смысла.

Имя, заключавшее въ себѣ всѣ названныя власти, носило на себѣ печать лицемѣрія, которою отмѣчены всѣ дѣйствія Августа. Это не было, какъ мы уже замѣтили, имя царя или диктатора. Августъ довольствовался скромнымъ именемъ перваго изъ сенаторовъ (princeps senatus), которое обыкновенно давалось старѣйшему и наиболѣе уважаемому изъ сенаторовъ; онъ вотировалъ первый и особымъ постановленіемъ ему дано было право предлагать по одному дѣлу въ каждое засѣданіе на обсужденіе сената даже и тогда, когда онъ не былъ консуломъ (jus relationis). Законодательная власть сосредоточилась также въ рукахъ императора, сначала только фактически, а потомъ и легально, такъ что эдикты и рескрипты получили силу законовъ. Діонъ Кассій, писавшій во время Александра Севера, говоритъ будто бы Августъ особымъ опредѣленіемъ сената и народа былъ поставленъ выше закона и освобожденъ отъ исполненія и повиновенія дѣйствующему законодательству. Юристы Юстиніана утверждали, что Августъ, по царскому праву (lege regia), получилъ освященіе своего

всемогущества. Это вопросы довольно спорные, надъ которыми не разъ изощрялась критика. Фактически Августъ былъ выше закона, потому что законъ давно уже былъ безсиленъ передъ всякимъ, кто имѣлъ въ своихъ рукахъ матеріальную, физическую силу. Что сенатъ и римскій народъ временъ Августа способны были закономъ признать безсиліе всякаго закона — это также можетъ быть весьма вѣроятно. При Августѣ въ Римѣ не разъ уже разыгрывались сцены самаго позорнаго раболѣпства, достойнаго временъ самыхъ худшихъ императоровъ. Достаточно привести одинъ случай. По предложенію Планка Октавіанъ названъ былъ Августомъ. Народный трибунъ, Секстъ Пакувій, объявилъ, что, по примѣру Галловъ, Испанцевъ и Германцевъ, онъ посвящаетъ свою жизнь императору и клянется не пережить того, кому съ этой минуты отдаетъ все свое существованіе. Какъ ни былъ Августъ склоненъ въ душѣ къ принятію подобной адуляціи, но онъ чувствовалъ, что принятіе посвященія Секста Пакувія унизитъ его самого въ глазахъ Римлянъ, нисколько не содѣйствуя его власти. Августъ отвергъ предложеніе трибуна, но отвергъ его нерѣшительно, не заклеймилъ приличнымъ именемъ подобнаго поступка. Тогда Пакувій, увѣренный въ неискренности отказа, рѣшительно провозглашаетъ священныя права народныхъ трибуновъ, не признающихъ надъ собою никакой власти, кромѣ римскаго народа, выходитъ изъ сената, созываетъ народъ, высказываетъ свою рѣшимость и въ сопровожденіи многихъ, принявшихъ участіе въ его раболѣпномъ сумасшествіи, въ храмѣ посвящаетъ себя императору. Пакувій не ошибся въ своемъ разсчетѣ. Если Августу на первое время стыдно было наградить его, то въ послѣдствіи онъ не забылъ того, кто рѣшился не исполнить его оффиціально высказанной воли, чтобы исполнить его желаніе. По предложенію того же Пакувія мѣсяцъ Sextilis названъ былъ Августомъ. Поэтому свидѣтельство Діона

Кассія не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Дѣло состоитъ только въ томъ, что это свидѣтельство слишкомъ позднее и нуждается въ подтвержденіи болѣе современныхъ извѣстій; а ихъ-то именно и нѣтъ подъ руками. Къ тому же Августъ, de facto уже стоявшій выше закона, едва-ли бы рѣшился на такое оффиціальное признаніе своей власти, которую онъ скорѣе старался маскировать, чѣмъ выставлять на показъ. Разумѣется, побужденіемъ къ этому было нисколько не уваженіе къ закону, и безъ того уже попираемому, еще менѣе желаніе возстановленія прежнихъ формъ правленія. Августъ могъ руководствоваться только тѣмъ чувствомъ, которое заставило его отказаться отъ царскаго титула, отъ пожизненной диктатуры, отъ имени Ромула, которое вызвало его лицемѣрное отреченіе отъ власти; которое заставило его принять ее будто бы только на время (на 10 лѣтъ), окружить себя стражею и терпѣть подлѣ себя ненавистныя формы республиканскаго правленія, оказывая имъ постоянно наружное уваженіе — чувствомъ страха, боязнью подвергнуться участи Цезаря. Весьма вѣроятно поэтому мнѣніе, по которому, если народъ издалъ какое нибудь опредѣленіе въ родѣ упоминаемаго Діономъ Кассіемъ, то по нему Августъ освобождался не отъ подчиненія всякимъ законамъ, а только отъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ для него полицейскихъ постановленій. Дѣйствительно, послѣ мы видимъ, что Августъ обращался къ сенату съ просьбою освободить его отъ исполненія закона Вокопіева (lex Voconia), стѣснявшаго его распоряженія, задуманныя имъ въ пользу жены его Ливіи. Утвержденіе же Юстиніановыхъ юристовъ о lege regia объясняется желаніемъ ихъ придать легальныя формы существующему факту императорскаго самовластія. Титулы pater patriae и princeps juventutis не имѣли особеннаго политическаго значенія.

Таковы были элементы Августовой власти. Какъ лицо, облеченное трибунскою властью, онъ былъ неприкосновененъ, и малѣйшее оскорбленіе, нанесенное его особѣ, даже простое неподчиненіе были государственными преступленіями. Эта же власть давала ему право veto не только надъ опредѣленіями сената и народа, но и надъ предложеніями коллегіи трибуновъ. Какъ императоръ, онъ имѣлъ въ рукахъ всю военную силу государства и всѣ права, соединенныя съ верховнымъ предводительствомъ. Imperium proconsulare дѣлало его полновластнымъ распорядителемъ судебъ провинцій, даже уступленныхъ сенату. Власть цензора и блюстителя нравовъ дополняла то̀, чего не могла дать проконсульская власть, отдавала въ его руки распредѣленіе податей, исключеніе сенаторовъ и всадниковъ. Верховный понтификатъ придавалъ ему религіозное значеніе; гвардія—военную силу въ самомъ Римѣ. Со всѣмъ этимъ онъ былъ и безъ народнаго опредѣленія, ставившаго его выше закона, и безъ lege regia полновластнымъ господиномъ и Рима и провинцій. Такимъ образомъ преемники Августа могли отличаться отъ него не объемомъ власти, потому что вся власть уже была не только фактически, но и формально въ его рукахъ, но одним только ея приложеніемъ. Не было аттрибута власти, который бы не былъ переданъ Августу опредѣленіями сената или комицій, хотя, разумѣется, смѣшно видѣть въ senatusconsulta и плебисцитахъ легальное основаніе власти Августа. Еслибы сенатъ и не передалъ ему въ болѣе или менѣе законныхъ формахъ imperium proconsulare и трибунскую власть, эти основанія были бы не менѣе дѣйствительны, потому что опирались на дѣйствительную силу, бывшую въ рукахъ Августа. Придавать серьезное значеніе постановленіямъ республиканскаго сената и народа, освящавшимъ деспотизмъ, уничтожавшимъ республиканскую свободу, очевидно, невозможно. Но, пользуясь

всею полнотою власти на дѣлѣ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всѣ отрасли государственнаго управленія, произведя, однимъ словомъ, коренной переворотъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, Августъ всего менѣе хотѣлъ выставлять на видъ сущность этого переворота. Всѣ силы свои, напротивъ, онъ устремлялъ къ тому, чтобы казаться не нововводителемъ, а скорѣе только охранителемъ существующаго порядка, возстановителемъ прежнихъ учрежденій. Этотъ консервативный характеръ власти, это кажущееся уваженіе къ прежнимъ формамъ государственной жизни постоянно выдерживались Августомъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Сенатъ продолжалъ собираться съ прежнею точностью. Августъ не только не препятствовалъ дѣятельности сената, но употреблялъ всѣ средства для его возвышенія. Онъ очистилъ его отъ недостойныхъ членовъ, во множествѣ вошедшихъ туда, пользуясь смутами. Это очищеніе сената произведено было со всевозможною осторожностью и безъ явнаго насилія. 190 сенаторовъ были исключены изъ списка, но такъ, что это исключеніе произошло по ихъ добровольному согласію, по ихъ просьбѣ. За ними оставили право носить сенаторскую тогу и занимать сенаторскія мѣста во время игръ и общественныхъ празднествъ. Августъ возвысилъ цензъ, требуемый отъ сенаторовъ, но онъ дополнялъ изъ своихъ доходовъ то̀, чего недоставало достойнымъ кандидатамъ для исполненія законныхъ требованій ценза. Форма собраній и совѣщаній сената осталась прежняя; сохранилась и видимая свобода мнѣній. Сенатъ былъ представителемъ республиканскихъ преданій и его члены сохранили эти преданія даже въ то время, когда они сдѣлались мертвою буквою для всѣхъ почти Римлянъ. Августъ довольствовался безсиліемъ сената и терпѣлъ эту привязанность къ республиканскимъ формамъ, тѣмъ болѣе что и самъ онъ выказывалъ наружнымъ образомъ такое же уваженіе къ прежнимъ

учрежденіямъ. Подобно сенату, съ тѣми же прежними независимыми наружными формами и съ тѣмъ же внутреннимъ безсиліемъ сохранились и народныя комиціи. Здѣсь избирались консулы, преторы, квесторы и другіе магистраты. Августъ и тутъ старался сохранить наружную свободу совѣщаній и выборовъ и далъ силу старымъ законамъ противъ интригъ при выборахъ, противъ подкуповъ, и т. п. Онъ удовольствовался только тѣмъ, что предлагалъ своихъ кандидатовъ, и, само собою разумѣется, его кандидаты были избираемы. Строгій блюститель закона противъ подкуповъ, онъ однакоже постоянно раздавалъ по 1000 сестерцій каждому гражданину тѣхъ двухъ трибъ, съ которыми онъ вотировалъ въ комиціяхъ. Свобода выборовъ особенно обнаруживалась въ тѣхъ случаяхъ, когда на извѣстное мѣсто не было предложено Августомъ кандидата. Во время отсутствія изъ Рима Августа, при избраніи консуловъ не только были употреблены всѣ обыкновенные избирательные происки и интриги со стороны претендентовъ, но во всемъ Римѣ было довольно сильное волненіе, частію напоминавшее времена республики. Къ римскому народу Августъ обнаруживалъ всѣ знаки уваженія. Онъ называлъ гражданъ владыками міра и былъ чрезвычайно скупъ на раздачу правъ римскаго гражданства, не уступая даже усильнымъ просьбамъ близкихъ людей, напр., самой Ливіи. Любопытный случай этого лицемѣрнаго уваженія къ правамъ народа представляетъ сооруженіе форума Августомъ. Форумъ Августа—одно изъ весьма замѣчательныхъ сооруженій временъ имперіи. Его стѣны существуютъ еще большею частію и въ наше время; этрусская форма ихъ кладки, употреблявшаяся во времена царей, какъ-то странною кажется во времена Августа, потому что она совершенно уже вышла изъ употребленія задолго передъ тѣмъ. Форумъ Августа украшенъ былъ статуями знаменитыхъ полководцевъ Рима и всѣхъ членовъ фамиліи Julia, въ томъ

числѣ и Ромула. Самою замѣчательною особенностью этого форума была впрочемъ не его громадность и монументальное великолѣпіе, а неправильность его очертанія. Чтобы построить его на выбранномъ мѣстѣ, Августъ скупилъ землю у частныхъ владѣльцевъ, и такъ какъ нѣкоторые неохотно соглашались продать свои дома, то Августъ рѣшился лучше дать форуму неправильную форму, нежели насильно принудить къ уступкѣ. При этомъ невольно приходитъ на память достойный преемникъ Августа, Тиверій. Онъ тоже далъ замѣчательное доказательство своего уваженія къ волѣ народной, и, пожалуй, на этомъ основаніи его можно также, какъ Августа, считать однимъ изъ возстановителей прежней республиканской свободы. Знаменитая мраморная статуя атлета съ бронзоваго оригинала Лизиппа украшала портикъ, прилегавшій къ пантеону. Тиверій приказалъ ее перенести въ свой дворецъ; но когда народъ въ циркѣ выразилъ свое неудовольствіе по этому случаю, Тиверій тотчасъ приказалъ поставить ее на прежнее мѣсто. Подобными продѣлками, ничего не стòящими деспоту, удовлетворялось народное тщеславіе, и увлекались легкомысленные. Августъ оказывалъ такое же наружное уваженіе къ свободѣ мысли и слова, чтò также не мало содѣйствовало доброму мнѣнію о немъ современниковъ и потомства. Зорко слѣдилъ онъ за поступками и оставлялъ свободу словамъ. Вся его политика въ этомъ отношеніи высказалась въ письмѣ къ Тиверію, желавшему болѣе стѣснительныхъ мѣръ. Августъ просилъ его: «не сердись на тѣхъ, кто злословитъ меня. Довольно и того, что намъ не могутъ *сдѣлать* зла». Это было такимъ же постояннымъ принципомъ Августа, какъ и стремленіе захватить сущность власти, не заботясь нисколько о ея внѣшней формѣ. Свобода рѣчи была терпима Августомъ и въ преніяхъ сената, и въ комиціяхъ, и въ разговорахъ. Безнаказанными оставались даже эпиграммы

и пасквили на Августа, позволявшаго себѣ только словами отвѣчать на слова. Все, что онъ сдѣлалъ, было приказаніе на будущее время наказывать тѣхъ, кто подъ чужимъ именемъ распространялъ стихи или пасквили (libellos), безчестящіе кого бы то ни было, и одинъ разъ въ эдиктѣ отвѣчалъ на безъименныя обвиненія, направленныя противъ его дѣйствій. Первый процессъ объ оскорбленіи величества относится уже къ послѣднимъ годамъ правленія Августа, когда упроченная власть сдѣлала менѣе нужною лицемѣрную маску свободы.

Въ частной жизни Августъ также старательно избѣгалъ всего, что могло обращать общее вниманіе на громадность его дѣйствительной власти. Его домъ на Палатинскомъ холмѣ отличался большою простотою и былъ какъ бы заслоненъ другими болѣе великолѣпными дворцами римскихъ аристократовъ. Даже колонны портиковъ Августова дома были не изъ мрамора, хотя мраморъ былъ уже тогда въ довольно большомъ употребленіи въ Римѣ. Ничто во внѣшности скромнаго зданія не показывало жилища властелина римскаго міра. Вниманіе привлекали развѣ только два лавра, посаженные передъ дверями и надъ ними дубовый вѣнокъ. Эта почесть была оказана Августу сенатомъ послѣ того, какъ разыграна была та сцена, въ которой Августъ отказывался отъ власти и объявилъ свою рѣшимость возвратиться къ жизни частнаго человѣка. Въ это время не одинъ впрочемъ скромный дубовый вѣнокъ былъ наградою искусному актеру отъ зрителей, такъ скоро вошедшихъ въ его роль и помогшихъ ея успѣшному исполненію. Въ это же засѣданіе сенатъ далъ Августу особую гвардію, положивъ ей двойной окладъ жалованья сравнительно съ прочими войсками имперіи.

Простота была постоянною, глубоко задуманною и хорошо выдержанною особенностью домашней жизни Августа. Она еще болѣе выставлялась на видъ въ сравненіи съ тѣмъ великолѣпіемъ,

которое обнаруживалъ Августъ во всѣхъ общественныхъ сооруженіяхъ, имъ предпринимаемыхъ. Какъ бы для контраста близь своего скромнаго жилища онъ выстроилъ великолѣпный храмъ Аполлона. Его украшали знаменитѣйшія статуи, въ томъ числѣ статуя Аполлона работы Скопаса, 4 бронзовыхъ коровы Мирона, 50 Данаидъ и т. п. Въ этомъ же храмѣ была и коллекція рѣзныхъ камней; къ нему же примыкала библіотека греческихъ и латинскихъ сочиненій, украшенная изображеніями замѣчательнѣйшихъ писателей. Въ самыхъ общественныхъ сооруженіяхъ Августъ не пропускалъ случая выставить на видъ свою скромность. Такъ, воздвигая храмъ Юпитеру громовержцу и опасаясь упрековъ въ желаніи затмить капитолійскій храмъ въ честь того же божества, бывшій до того времени главнѣйшею святыней Рима, онъ выставилъ свое сооруженіе только скромною пристройкой къ древнему храму. Постоянно стараясь остаться въ тѣни, не выставляясь слишкомъ впередъ, Августъ имѣлъ еще и другую заботу, не мало содѣйствовавшую его популярности, заботу при всякомъ возможномъ случаѣ прикрыться Цезаремъ, связать свое имя съ этимъ дорогимъ для массы римскаго народа именемъ. Отчасти съ этою цѣлью онъ окончилъ задуманныя Цезаремъ сооруженія, между прочимъ храмъ Марса Мстителя (Mars Ultor), имѣя въ послѣднемъ случаѣ еще и цѣль освятить этимъ построеніемъ кровавую месть за убійство диктатора, месть безпощадную, далеко перешедшую за границы всякой справедливости. Съ этою же цѣлью воздвигнутъ былъ Heroon, небольшой храмъ въ честь Цезаря-героя.

Во всѣхъ поступкахъ Августа мы видимъ такимъ образомъ два стремленія. Одно — захватить въ свои руки всю власть, сдѣлаться неограниченнымъ и самовластнымъ повелителемъ Рима; другое — прикрыться законностью, скрыть подъ лицемѣрнымъ уваженіемъ къ республиканскимъ формамъ свое

безграничное самовластіе, и, владѣя всею полнотою деспотическаго произвола, казаться однакоже скромнымъ труженикомъ на пользу и для счастія Рима, готовымъ во всякое время сложить съ себя тяжкое бремя государственнаго управленія, принятаго имъ противъ воли. Деспотизмъ и лицемѣріе были основаніями системы, завѣщанной Августомъ его наслѣдникамъ. Въ томъ и въ другомъ Августъ нашелъ себѣ достойнаго преемника въ лицѣ Тиверія. Но и деспотизмъ, и лицемѣріе развиты были послѣднимъ гораздо далѣе. И Тиверій, подобно Августу, «надѣвалъ маску свободы», какъ говоритъ Светоній, и не хотѣлъ носить царскаго титула или званія диктатора, онъ даже не хотѣлъ называться императоромъ. Ему довольно было чести называться princeps senatus. Къ сенаторамъ онъ постоянно обращался съ ироническою почтительностью, съ презрительною довѣрчивостью. Тиверій перенесъ въ сенатъ выборы, совершавшіеся до него въ народныхъ комиціяхъ, и такимъ образомъ на дѣлѣ уничтожилъ всякую свободу избранія, вполнѣ сохраняя всѣ ея наружныя формы. Я уже привелъ случай лицемѣрной внимательности его къ народной волѣ или даже къ народной прихоти. Но, идя еще далѣе Августа по пути лицемѣрія, Тиверій далеко опередилъ своего предшественника относительно деспотизма. Тотъ и другой впрочемъ еще сдерживали свои деспотическія наклонности. Подобно Августу во все время его правленія, Тиверій долго не давалъ полной воли своей жестокости. Деспотизмъ впрочемъ владѣетъ способностью быстро развивать до крайнихъ предѣловъ возможности свои основанія. Переходъ отъ лицемѣрной умѣренности къ полному разгулу тираніи совершился въ необыкновенно короткое время, въ небольшой періодъ времени, обнимающій правленіе Августова дома. Уже самъ Тиверій подъ конецъ своего царствованія сбросилъ почти окончательно стѣснительную для него маску принужденія и притворства.

Единственная уступка, сдѣланная имъ правиламъ Августа, состояла въ томъ, что онъ еще сохранялъ невольное, сознательное или безсознательное уваженіе къ величію Рима, что театромъ своей позорной жизни онъ избралъ Капрею, что, два раза приближаясь къ Риму, онъ какъ будто подъ вліяніемъ безотчетнаго страха останавливался въ самомъ предмѣстьи и возвращался назадъ. Этого страха не было въ его преемникахъ. Я не буду останавливаться на положеніи Рима въ управленіе Калигулы, Клавдія и Нерона. *Римскія женщины* П. Н. Кудрявцева хорошо всѣмъ знакомы; авторъ достаточно вводитъ читателя въ этотъ позорный періодъ, достаточно обнаруживаетъ всю глубину паденія римскаго общества. Кто прочиталъ со вниманіемъ это сочиненіе, тотъ можетъ судить, что̀ было лучше: анархія ли послѣднихъ временъ республиканскаго Рима или деспотизмъ, если не лучшее, то единственное средство противъ анархіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ. Укажу еще на одно сочиненіе, на трудъ берлинскаго профессора Адольфа Шмита: Geschichte der Denk-und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserherrschaft und des Christenthums. Какъ видно изъ самаго заглавія, Шмитъ беретъ только одну сторону внутренней исторіи Рима, какъ П. Н. Кудрявцевъ, повидимому, одну изъ сторонъ общественной жизни. Политическихъ учрежденій Шмитъ не касается почти совершенно; тѣмъ не менѣе картина является чрезвычайно полная, потому что общественная жизнь, литература и религія изчерпываютъ почти все содержаніе внутренней жизни народа въ данный періодъ времени. Превосходную оцѣнку труда А. Шмита можно найти въ собраніи сочиненій Т. Н. Грановскаго. Всѣ переходы общественнаго разложенія и вся быстрота нравственнаго и политическаго паденія римскаго общества ярко выступаютъ передъ читателемъ. Глубина впечатлѣнія не ослабляется даже многочисленными подробностями,

на которыхъ останавливается авторъ. Эти подробности только довершаютъ полноту картины. Послѣ императоровъ Августова дома насъ уже мало удивятъ дѣянія Коммода, Каракаллы, Геліогабала и другихъ монстровъ, называвшихся преемниками *милостиваго* Августа. До самаго Септимія Севера система Августа оставалась безъ значительныхъ измѣненій въ ея основаніяхъ. Если Калигула имѣлъ намѣреніе сдѣлать свою лошадь консуломъ, то это не мѣшало другимъ обращаться къ сенату съ такою наружною почтительностью, которой могли бы позавидовать Августъ или Тиверій. Августъ держалъ преторіанцевъ размѣщенными небольшими отрядами по городамъ Италіи, его преемникъ впервые соединилъ ихъ въ нарочно устроенномъ для нихъ лагерѣ; боевая сторона его обращена была къ самому Риму, подъ стѣнами котораго расположены были преторіанскія когорты. De facto преторіанцы со времени Калигулы были рѣшителями судьбы имперіи, вмѣшиваясь въ избраніе императоровъ, иногда даже продавая съ публичнаго торга императорскую порфиру (Дидій Юліанъ); de jure однакоже первое мѣсто въ государственномъ организмѣ принадлежало сенату по конституціи Августа. Измѣненіе этой конституціи было сдѣлано Септиміемъ Северомъ, или по крайней мѣрѣ отъ него получило освященіе.

Опираясь на военную силу, Августъ однакоже прежде всего являлся вождемъ демократической партіи и охранителемъ народнаго самодержавія. По крайней мѣрѣ, такимъ хотѣлъ онъ казаться до самаго послѣдняго времени. Кромѣ того, Августъ, какъ мы видѣли, выказывалъ полнѣйшее наружное уваженіе къ авторитету сената, и, изгоняя изъ него недостойныхъ членовъ, онъ хотѣлъ придать ему болѣе нравственное значеніе. Въ его конституціи народъ, сенатъ и войско являлись одинаково важными элементами. И все искусство и политическая ловкость Августа направлены были къ

поддержанію по возможности равновѣсія между ними. Равновѣсіе не могло впрочемъ долго сохраняться. Въ то время, когда одинъ изъ элементовъ все болѣе и болѣе выдвигался на первый планъ, другіе утрачивали свое политическое значеніе, измѣнялись въ самой своей сущности. Демократія всего скорѣе утратила свою жизненность подъ губительнымъ, деморализующимъ вліяніемъ абсолютизма, и ея нравственное и политическое паденіе совершилось съ необыкновенною быстротою. Не забудемъ, что въ Римѣ народное воспитаніе было пренебрежено. Ни школы, ни жрецы не передавали народу ясныхъ понятій объ его обязанностяхъ. До нѣкоторой степени политическою школою могли служить для римскаго плебея форумъ и комиціи, но во время имперіи и форумъ, и комиціи скоро потеряли всякое значеніе. Великіе ораторы, свободное обсужденіе государственныхъ вопросовъ изчезли вмѣстѣ съ республикой. Предоставленный самому себѣ, народъ скоро привыкъ прислушиваться только къ голосу своихъ матеріальныхъ интересовъ, животныхъ побужденій. Притомъ, чѣмъ далѣе раздвигались предѣлы римскихъ владѣній, тѣмъ болѣе усиливался притокъ къ Риму рабовъ, число которыхъ увеличилось въ огромныхъ размѣрахъ въ послѣднее время республики и, конечно, не уменьшилось во время имперіи. Въ извѣстномъ сочиненіи Валлона, Histoire de l'esclavage, можно найти полныя указанія по этому предмету. Кромѣ общаго безнравственнаго вліянія — обыкновеннаго, неминуемаго слѣдствія рабства — рабство имѣло еще одно важное значеніе въ исторіи римскаго свободнаго населенія. Съ увеличеніемъ въ Римѣ числа рабовъ, росло и число отпущенниковъ, поступавшихъ въ городскія трибы. Становясь римскими гражданами, они вносили въ свое новое положеніе всѣ привычки рабскаго состоянія; а значеніе, которое часто пріобрѣтали отпущенники, еще болѣе способствовало заразительности ихъ вліянія. Скоро

свободное населеніе Рима только по имени называлось римскими гражданами и все болѣе и болѣе принимало характеръ черни. Тиверій былъ правъ до нѣкоторой степени, перенеся выборы изъ народныхъ комицій въ сенатъ. Въ послѣднемъ были еще по крайней мѣрѣ какія нибудь нравственныя гарантіи. Какъ скоро угасли въ массѣ римскаго народонаселенія свободные инстинкты, послѣдніе остатки политическаго смысла и самое нравственное чутье, видно изъ того, какихъ императоровъ она особенно любила. Калигула и Неронъ, не смотря на свои кровожадныя безумства, пользовались особеннымъ расположеніемъ черни. Во время пожара при Неронѣ римское народонаселеніе пережило тяжелыя минуты; на самого императора падало подозрѣніе въ поджогѣ, тѣмъ не менѣе оно съ неудовольствіемъ смотрѣло на стараго экономнаго Гальбу и радостно *привѣтствовало* Оттона именемъ Нерона. Оттонъ хотѣлъ даже торжественно праздновать память Нерона, spe vulgus alliciendi, какъ говоритъ Тацитъ. Римская демократія теряла быстро свое значеніе, а съ тѣхъ поръ, какъ римское гражданство сдѣлалось общимъ правомъ всѣхъ свободныхъ подданныхъ Римской имперіи, слова: Quirites, populus romanus и т. п. совершенно лишились всякаго смысла. Изчезла не только чистота республиканскихъ преданій, но и чистота римской крови замутилась среди притоковъ въ Римъ со всѣхъ концовъ римскаго міра. Народъ совершенно сошелъ съ политической сцены.

Сенатъ, очевидно, дольше народа могъ хранить преданія своего прошлаго значенія. Этому много содѣйствовала и родовая гордость его членовъ и аристократическое его устройство. Августъ и его преемники лучше выдержали свою роль относительно сената, чѣмъ относительно народа. Лучшіе изъ императоровъ охотно пользовались правительственною и административною опытностью сенаторовъ. Для императоровъ въ

родѣ Нерона сенатъ, несмотря на свое безсиліе и униженіе, казался единственною помѣхою ихъ произволу. Чтобы польстить Нерону, одинъ изъ льстецовъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ сказать: «я ненавижу тебя, Цезарь, потому что ты сенаторъ». Ненавидѣли или уважали сенаторовъ императоры, но сенатъ не утратилъ еще вполнѣ въ глазахъ Римлянъ своего прежняго высокаго значенія. Самъ Тиверій не разъ повторялъ: «Я господинъ надъ моими рабами, я полководецъ моихъ солдатъ, но для всѣхъ остальныхъ я только первый между сенаторами». Дѣйствительный авторитетъ сената далеко былъ ниже его кажущагося значенія. Взять снова въ свои руки управленіе государствомъ онъ, очевидно, не былъ въ состояніи. Послѣ каждой насильственной смѣны властителя сенатъ принималъ новаго изъ рукъ преторіанцевъ или легіоновъ, и даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда сами арміи отдавали избраніе императора на его волю, избранники его далеко не всегда пользовались достаточнымъ авторитетомъ. До конца Римской имперіи сенатъ сохранилъ память о своемъ прежнемъ значеніи, не разъ предъявлялъ онъ претензіи на возвращеніе его, но въ дѣйствительности эти притязанія оказывались вполнѣ несостоятельными. Переворотъ, положившій начало абсолютизму, сокрушилъ и его дѣйствительное значеніе, неразрывно соединенное съ республиканскими формами политической жизни Рима. Итакъ оставалась одна армія, и по крайней мѣрѣ въ ея участіи въ государственныхъ дѣлахъ невозможно было сомнѣваться. Дѣйствительно, войско было крѣпкою, единственною основою, на которой воздвигалось зданіе абсолютизма, окрашенное демократическимъ цвѣтомъ и освященное санкціей сената. Преторіанцы уже со временъ Калигулы показали, что они вполнѣ сознаютъ свою силу, свое право на избраніе владыки римскаго міра. Императорскій пурпуръ они имѣли право считать своею полною

собственностью, которою они могли распоряжаться по произволу, даже продать съ публичнаго торга. Со стороны народа и сената нечего было ждать протеста, онъ могъ быть только со стороны другихъ войскъ, считавшихъ себя обиженными. И дѣйствительно, легіоны, несшіе на своихъ плечахъ защиту имперіи, оскорблялись при видѣ выгоднаго положенія италіанскихъ тунеядцевъ, какими были преторіанцы, набиравшіеся преимущественно изъ жителей Италіи. Между легіонами и преторіанскими когортами должна была начаться борьба за право распоряжаться императорскимъ пурпуромъ, и она повторялась не одинъ разъ. Положеніе дѣлъ мало впрочемъ измѣнялось оттого, легіоны или преторіанцы посадятъ на престолъ императора? Распорядителемъ судебъ имперіи все-таки было войско, а не сенатъ и народъ римскій. Единственнымъ выгоднымъ слѣдствіемъ борьбы арміи съ преторіанцами могла быть побѣда достойнѣйшаго или болѣе ловкаго изъ претендентовъ. Войско давно полновластно распоряжалось судьбами имперіи, и однако ничего не измѣнилось въ наружныхъ формахъ управленія. Императоръ, возведенный войскомъ вопреки заявленной воли сената, тѣмъ не менѣе обращался къ послѣднему съ тѣмъ же лицемѣрнымъ выраженіемъ почтительности и наружнаго уваженія, какъ и Августъ и Тиверій.

Первый Септимій Северъ не только ясно созналъ настоящее положеніе дѣла — сознавали его и прежде очень многіе — но рѣшился отбросить лживыя формы и громко высказать свое настоящее убѣжденіе. Для сената печальною годиной было время его императорства. Септимій Северъ, родомъ изъ Лептиса въ Африкѣ, былъ суровый, закаленный воинъ. Въ его характерѣ нѣтъ и слѣдовъ мягкости. Современники звали его imperator vere nominis sui, vere pertinax, vere severus, также Sylla punicus. Обязанный своимъ

возвышеніемъ войску, онъ ставилъ войско выше безсильной власти сената, къ сенату притомъ онъ имѣлъ личную ненависть. Избранникомъ сената былъ начальникъ британскихъ легіоновъ, Клодій Альбинъ, обѣщавшій употребить всю власть для возстановленія государственнаго значенія этого учрежденія. Во время открытой борьбы между Северомъ и Альбиномъ, сенатъ ясно высказалъ свои симпатіи къ послѣднему, хотя давно уже призналъ императоромъ Севера. За то послѣ погибели Альфина на сенатъ обрушилась ненависть Севера. Не смотря на прежнія опредѣленія сената, состоявшіяся по предложенію самого же Севера, о томъ что императоръ безъ суда и приговора сената не можетъ казнить ни одного изъ сенаторовъ, не будучи объявленъ врагомъ отечества, 29 изъ нихъ погибли по приказу императора; по другимъ же источникамъ, число казненныхъ Септиміемъ Северомъ дошло до 41. Власть сената была подорвана въ самомъ основаніи. Всѣ дѣла обсуждались и рѣшались въ частномъ совѣтѣ самого императора. Членами совѣта были довѣренные юристы, къ которымъ Северъ оказывалъ постоянное уваженіе. Почтительное обращеніе, внимательность къ сенату изчезли. Септимій Северъ разогналъ преторіанцевъ, продавшихъ пурпуръ презрѣнному Дидію Юліану. Ненависти легіоновъ противъ когортъ преторіанцевъ онъ обязанъ своими успѣхами; и однако онъ не только не уничтожилъ преторіанскую гвардію, но даже вмѣсто прежнихъ 10 когортъ сдѣлалъ 40. Измѣненъ былъ только составъ преторіанцевъ. Прежде они набирались изъ Италиковъ, и, постоянно живя въ самомъ Римѣ или въ Италіи, почти незнакомы были съ военнымъ дѣломъ. Теперь Северъ образовалъ когорты изъ опытнѣйшихъ старыхъ воиновъ легіоновъ. Такимъ образомъ между преторіанцами и легіонаріями не могло быть ненависти, потому что преторіанская служба съ ея праздностью и выгодами сдѣлалась наградою каждому заслуженному

съ замѣчательными достоинствами. Армія не могла однакоже дать имперіи твердости и прочности. Напротивъ, при военномъ деспотизмѣ ослабѣло и почти рушилось даже то внѣшнее единство, которымъ скрѣплялись разнородныя части имперіи. Легіоны невольно подчинялись стремленію къ разъединенію, къ сепаратизму. Въ высшей степени это стремленіе обнаружилось въ то время, когда каждая армія, каждая провинція избрали своего собственнаго императора, мало заботясь о томъ, что дѣлается въ Римѣ и въ другихъ областяхъ государства. Императорское достоинство стало игрушкою своевольныхъ легіоновъ. Часто случайное обстоятельство, пустая прихоть легіоновъ, рѣшали участь имперіи. Тронула сирійскіе легіоны красота молодаго жреца въ храмѣ Солнца, и минутному увлеченію солдатъ обязанъ былъ Римъ безумнымъ правленіемъ Геліогабала. Ѳракійскій пастухъ внушилъ удивленіе солдатамъ своимъ гигантскимъ ростомъ, своею необычайною силою: онъ везъ на себѣ нагруженную повозку, разбивалъ кулакомъ лошадиную челюсть, выпивалъ амфору вина,—и вотъ Максиминъ римскій императоръ. Арабскій кочевникъ также садился на тронъ Августа. Напрасно нѣкоторые императоры хотѣли поднять власть и значеніе сената, чтобы въ немъ найти противодѣйствіе солдатскому своеволію. Напрасно Александръ Северъ, окруженный учеными юристами, желавшими выработать юридическіе институты императорской власти, обращался къ сенату въ выраженіяхъ, напоминавшихъ Августа: «Перестаньте, patres conscripti, принуждать меня принять названіе Великаго, смотрите на меня, какъ на одного изъ васъ, и этого будетъ очень довольно для моей чести». Сенату не помогло даже признаніе его власти и права на выборъ императора, сдѣланное самими войсками въ минуту усталости. Когда сенаторы, по требованію арміи, провозгласили Августомъ старѣйшаго изъ своей среды, достойнаго Тацита

воину; съ другой стороны, 50,000 преторіанцевъ, набранныхъ изъ лучшихъ воиновъ всѣхъ легіоновъ, были самою надежною опорою для императора даже противъ арміи. Съ измѣненіемъ состава преторіанцевъ Северъ измѣнилъ нѣсколько и значеніе ихъ предводителя. Префектъ преторіи сдѣлался начальникомъ арміи, имѣлъ въ рукахъ финансы и частію законодательную власть, представляя собою особу императора. Во главѣ преторіанцевъ въ послѣднее время правленія Септимія Севера стоялъ знаменитый юристъ Ульпіанъ. Пріобрѣтя расположеніе войска и щедрыми наградами, и своими несомнѣнными военными талантами, и перенесеніемъ всѣхъ трудовъ боевой и лагерной жизни, Септимій Северъ не скрывалъ, что привязанность войска онъ считалъ главною основою своей власти. Выказывая полнѣйшее презрѣніе къ сенату, отнявъ у него всякое участіе въ администраціи и законодательствѣ, Септимій Северъ повторялъ своимъ сыновьямъ свое любимое правило: «Обогощайте солдатъ и не заботьтесь ни о чемъ остальномъ». Онъ увеличилъ жалованье солдатамъ и раздачу наградъ, польстилъ ихъ тщеславію дозволеніемъ носить золотое кольцо, принадлежность сословія всадниковъ, наконецъ— что было всего важнѣе для солдата—позволилъ ему жениться и имѣть постоянно съ собою и жену, и дѣтей.

Солдатъ сдѣлался такимъ образомъ по праву важнымъ членомъ политическаго тѣла, получилъ законный и притомъ рѣшительный голосъ въ дѣлахъ государственныхъ. Самъ Северъ, опирая свою власть на армію, требовалъ отъ нея строгой дисциплины, но когда его не стало, армія осталась единственною, даже законною обладательницею власти. Къ ней перешли права народа и сената. Результаты извѣстны. Армія могла часто возводить на престолъ достойныхъ предводителей, Клавдія Готскаго, Авреліана. Даже значительная часть узурпаторовъ, извѣстныхъ подъ именемъ 30 тирановъ, были люди

съ замѣчательными достоинствами. Армія не могла однакоже дать имперіи твердости и прочности. Напротивъ, при военномъ деспотизмѣ ослабѣло и почти рушилось даже то внѣшнее единство, которымъ скрѣплялись разнородныя части имперіи. Легіоны невольно подчинялись стремленію къ разъединенію, къ сепаратизму. Въ высшей степени это стремленіе обнаружилось въ то время, когда каждая армія, каждая провинція избрали своего собственнаго императора, мало заботясь о томъ, что дѣлается въ Римѣ и въ другихъ областяхъ государства. Императорское достоинство стало игрушкою своевольныхъ легіоновъ. Часто случайное обстоятельство, пустая прихоть легіоновъ, рѣшали участь имперіи. Тронула сирійскіе легіоны красота молодаго жреца въ храмѣ Солнца, и минутному увлеченію солдатъ обязанъ былъ Римъ безумнымъ правленіемъ Геліогабала. Ѳракійскій пастухъ внушилъ удивленіе солдатамъ своимъ гигантскимъ ростомъ, своею необычайною силою: онъ везъ на себѣ нагруженную повозку, разбивалъ кулакомъ лошадиную челюсть, выпивалъ амфору вина,—и вотъ Максиминъ римскій императоръ. Арабскій кочевникъ также садился на тронъ Августа. Напрасно нѣкоторые императоры хотѣли поднять власть и значеніе сената, чтобы въ немъ найти противодѣйствіе солдатскому своеволію. Напрасно Александръ Северъ, окруженный учеными юристами, желавшими выработать юридическіе институты императорской власти, обращался къ сенату въ выраженіяхъ, напоминавшихъ Августа: «Перестаньте, patres conscripti, принуждать меня принять названіе Великаго, смотрите на меня, какъ на одного изъ васъ, и этого будетъ очень довольно для моей чести». Сенату не помогло даже признаніе его власти и права на выборъ императора, сдѣланное самими войсками въ минуту усталости. Когда сенаторы, по требованію арміи, провозгласили Августомъ старѣйшаго изъ своей среды, достойнаго Тацита

(275 по Р. Х.), когда это избраніе признано было легіонами, восторгъ сенаторовъ не зналъ предѣловъ. «Оставьте вашу бездѣятельность, выходите изъ вашихъ виллъ въ Байяхъ и Пуццолѣ, писали сенаторы другъ другу; отдайте себя народу и сенату. Римъ благоденствуетъ, благоденствуетъ вся республика. Тысячу разъ благодарность римскому войску, войску поистинѣ римскому. Наша законная власть, предметъ нашихъ стремленій, вполнѣ возстановлена. Мы принимаемъ аппелляціи, мы назначаемъ проконсуловъ, мы выбираемъ императоровъ: не можемъ-ли мы также положить предѣлъ ихъ самовластію?» Тацитъ, дѣйствительно, хотѣлъ сосредоточить все управленіе въ рукахъ сената и на тронѣ остаться тѣмъ же, чѣмъ былъ до императорства—princeps senatus. Обольщеніе было впрочемъ минутное. Тацитъ погибъ, и сенатъ тѣмъ ниже палъ, чѣмъ смѣлѣе были его надежды. Снова власть возвратилась къ тому, кто имѣлъ силу — къ арміи. Дѣло впрочемъ не могло оставаться долго въ такомъ положеніи. Результатомъ борьбы арміи должно было неминуемо быть распаденіе имперіи, внутренняя анархія въ соединеніи съ внѣшнимъ безсиліемъ. До нѣкоторой степени положеніе Рима въ эту эпоху могло напомнить печальное время послѣднихъ дней республики съ тою только разницею, что теперь государственный организмъ былъ уже пораженъ неисцѣлимымъ недугомъ, противъ котораго безсильны были всякія врачеванія. Діоклетіанъ сдѣлалъ новую попытку еще разъ построить систему абсолютизма на новыхъ основаніяхъ. Прежде всего онъ освятилъ закономъ дѣйствительное положеніе. Внѣшняго единства не существовало на дѣлѣ, части имперіи стремились къ обособленію. Интересы ихъ были слишкомъ различны. Діоклетіанъ раздѣлилъ имперію сначала на 2, потомъ на 4 части. Вмѣсто единаго государства, явилась федерація нѣсколькихъ. Идея единства не была уничтожена. Каждый эдиктъ выходилъ

отъ общаго имени всѣхъ царствующихъ августовъ и цезарей, но каждый изъ нихъ внутри своей области былъ полновластнымъ и самостоятельнымъ повелителемъ. Раздѣленіемъ имперіи не ограничивалась реформа Діоклетіана. Свое самовластіе онъ не хотѣлъ выводить ни отъ сената, ни отъ войска. Сенатъ былъ какъ-бы совершенно въ сторонѣ. Даже Римъ утратилъ значеніе столицы имперіи. Августы, владѣвшіе Италіей, жили не въ Римѣ, а въ Миланѣ и другихъ городахъ. Императоръ пересталъ быть первымъ магистратомъ республики. Прежде только пурпурная тога отличала его отъ другихъ гражданъ и отъ сенаторовъ, у которыхъ пурпуръ шелъ широкою полосою только по краямъ тоги. Въ обращеніи гражданъ къ императорамъ господствовала простая почтительность. Богомъ признанъ Августъ послѣ смерти, и только немногіе сумасшедшіе изверги принимали при жизни вынужденныя божескія почести. Съ Діоклетіаномъ изчезла эта гражданская, служебная сторона характера императорской власти. Не первымъ изъ римскихъ магистратовъ, а существомъ высшей породы явился императоръ въ лицѣ Діоклетіана. Въ эдиктахъ говорилось о божественной натурѣ императора, о его священномъ величествѣ; его рѣшеніе признавалось божественнымъ изрѣченіемъ. Императоръ былъ не princeps senatus, отнынѣ онъ былъ dominus, владыка; Римляне увидѣли на главѣ его ненавистную имъ діадему. Вмѣсто простой пурпурной одежды, онъ облекся въ одежду изъ золотыхъ и шелковыхъ тканей. Даже на обуви явились драгоцѣнные камни. Доступъ къ его особѣ сдѣлался труденъ. Божество не всегда доступно и не часто нисходитъ до смертныхъ. Являясь предъ лицо властителя, подданный падалъ ницъ, склонялся во прахъ, какъ будто въ храмѣ передъ богомъ. Цѣлая іерархія придворныхъ чиновъ отдѣляла священную особу императора отъ простыхъ гражданъ. Азіатскою пышностью облекъ Діоклетіанъ

тронъ Августа, раболѣпныхъ восточныхъ формъ этикета требовалъ отъ подданныхъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ и воздерженъ въ своей жизни, чтобы дѣлать это для удовлетворенія малодушнаго тщеславія. Это была глубоко обдуманная система. Діоклетіанъ хотѣлъ придать императорской власти торжественное значеніе, хотѣлъ, чтобы въ умахъ народа она казалась чѣмъ-то священнымъ, недоступнымъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Самъ онъ, разумѣется, вѣрилъ въ это священное значеніе своей власти столь же мало, какъ Августъ въ чисто гражданскій и демократическій характеръ своего самовластія. Окончательно подорвавъ даже кажущуюся власть сената, отвергнувъ гражданское происхожденіе своего самовластія, Діоклетіанъ еще менѣе хотѣлъ казаться простымъ предводителемъ войска, достигшимъ власти только по праву сильнаго. Съ его времени имя императора перестало означать республиканскаго предводителя войска, а получило тотъ смыслъ, который имѣетъ оно въ новой Европѣ.

Дальнѣйшее развитіе реформы Діоклетіана представляютъ преобразованія Константина Великаго. Онъ устроилъ до самыхъ мелочныхъ подробностей сложную систему государственнаго управленія, имѣвшаго мало общаго съ управленіемъ Римской имперіи временъ Августа и его преемниковъ. Коренными преобразованіями въ составѣ войскъ, отдѣленіемъ гражданской власти отъ военной онъ подорвалъ военное самовластіе. Въ служебной аристократіи, рѣзко отличавшейся отъ родовой, ведущей свое начало изъ республики, отъ аристократіи прежняго Рима, онъ хотѣлъ найти надежную опору для трона. Основаніемъ новаго Рима, принятіемъ христіанства Константинъ окончательно разрывалъ связь съ прошедшимъ. Строя еще на древней почвѣ, онъ уже давалъ однако своему зданію стиль и размѣры новаго европейскаго общества. Императорская власть получила окончательную организацію отъ

Константина Великаго, и большая часть ея чертъ замѣтны на монархической власти новой Европы.

Любопытно взглянуть на отношеніе христіанства къ императорской власти.

Христіанство никогда не становилось въ оппозицію къ существующему образу правленія, никогда подъ владычествомъ Римской имперіи не предъявляло претензій преобразовать его по своимъ началамъ. Гонимое императорами, оно признавало ихъ и повиновалось существующимъ властямъ. «Христіане, говоритъ одинъ изъ христіанскихъ писателей II вѣка, не отличаются отъ другихъ народовъ ни языкомъ, ни одеждою, ни обычаями, они не заключаются въ особыхъ городахъ, они остаются среди Грековъ и варваровъ, къ которымъ принадлежатъ по рожденію». Въ ихъ храмахъ возносились молитвы за императора (часто гонителя); они молились о дарованіи ему спокойнаго царствованія, побѣды его оружію, вѣрнаго совѣта и мира народу. Въ переворотахъ и возмущеніяхъ, которыми такъ богата исторія Римской имперіи, нѣтъ слѣдовъ участія христіанъ, какъ извѣстной секты, извѣстной партіи. Христіа не всегда были защитниками принципа повиновенія существующей власти. И однако въ ожесточенныхъ гоненіяхъ, воздвигнутыхъ императорами на христіанъ, главнымъ побужденіемъ была, конечно, не религіозная нетерпимость, а политическая ненависть и подозрѣніе. Дѣйствительно, при всей своей покорности императорской власти, христіане были самыми сильными врагами ея. Первымъ ударомъ, нанесеннымъ самой основѣ римской императорской власти христіанствомъ, были слова Спасителя: «Воздадите кесарева кесареви, а Божія Богови». Императоръ становился простымъ магистратомъ. Изчезла его божественность, признаваемая языческимъ Римомъ. Своимъ ученіемъ, своею жизнію христіане протестовали противъ существующаго порядка, даже покоряясь

ему, не признавая за собою права сопротивленія. Всѣ основы римскаго общества должны были переработаться подъ вліяніемъ христіанства, и принятіе новаго ученія было отреченіемъ отъ всего историческаго прошедшаго. Начало распространенія христіанства было началомъ конечнаго разложенія государственныхъ и общественныхъ формъ Рима. Въ этомъ видно не одно хронологическое совпаденіе. Къ римскому быту христіанство чувствовало неодолимое отвращеніе. Уже въ пророческихъ видѣніяхъ Апокалипсиса въ образѣ жены любодѣйки, упившейся кровью святыхъ и свидѣтелей Іисусовыхъ, трудно не признать языческаго Рима. Христіанство, не возставая противъ римскихъ императоровъ, шло однакоже на встрѣчу варварамъ, долженствовавшимъ разрушить имперію, громко высказывало свои симпатіи къ суровымъ и полудикимъ племенамъ и признавало ихъ нравственное превосходство даже надъ христіанскими Римлянами. Христіанская церковь не отвращалась передъ мыслію о паденіи Рима, даже принявшаго христіанство. Христіанскіе мыслители любили спрашивать отчетъ у имперіи въ томъ, какое благо принесла она человѣчеству, любили унижать римскую доблесть и видѣть блестящій порокъ тамъ, гдѣ Римляне удивлялись высокой добродѣтели. Ни религія, ни наука, ни слава Рима не пощажены христіанскими писателями. Самое признаніе христіанства господствующею религіею государства, самое возведеніе его на тронъ цезарей въ лицѣ Константина и его преемниковъ не смягчали враждебности христіанства къ римскому міру. Реформа, произведенная въ государственной конституціи Константиномъ Великимъ, столь же мало возбуждала въ нихъ сочувствія, какъ и реформы гонителя Діоклетіана. Приведу многознаменательныя слова бл. Августина; въ нихъ лучше всего видно отличіе христіанскаго воззрѣнія на имперію и отъ старо-римскаго, и отъ того, которое выработано было учеными юристами, со временъ

[redacted]

Септимія Севера окружавшими императоровъ. Зам
слова изъ IV книги знаменитаго сочиненія епи
поны «О градѣ Господнемъ (De civitate Dei)»,
снорѣчиваго оправданія съ точки зрѣнія христіан
шавшагося распаденія Римской имперіи:

«Отстранивъ понятіе о правдѣ (remota justitia)
будутъ царства, если не разбойничьи шайки въ огро
мѣрахъ (nisi magna latrocinia), ибо что иное р
шайка, какъ не царство въ маломъ видѣ? И тамъ с
дей, повинующихся единой власти, и тамъ въ осно
договоръ, и тамъ по извѣстнымъ законамъ дѣлит
Если на бѣду эта шайка, вслѣдствіе присоединенія
гибшихъ людей, разрастется въ большія размѣры
займетъ извѣстную область, и получитъ осѣдлость,
городами, и подчинитъ народы, то она открыто прис
имя царства, имя, которое, очевидно, дается ей
ствіе отреченія отъ любостяжанія, а вслѣдствіе п
безнаказанности. Остроумно и вѣрно отвѣтилъ
Македонскому одинъ взятый въ плѣнъ морской р
«По какому праву — спросилъ его царь — смѣеш
бить на морѣ?» «По тому же — смѣло отвѣти
никъ, — по какому ты опустошаешь земли. Ме
разбойникомъ, потому что у меня ничтожный кораб
зовутъ завоевателемъ, ибо ты имѣешь огромный ф

Бл. Августинъ писалъ свое сочиненіе подъ власті
скихъ императоровъ Рима, въ виду приближавши
ровъ. Въ своемъ обличеніи онъ не дѣлаетъ разли
конституціями Августа, Септимія Севера, Діокл
Константина Великаго. Общимъ осужденіемъ онъ п
все, что носитъ на себѣ болѣе или менѣе рѣзкую п
ческихъ основаній. Церковь желаетъ полнаго отре
прежнихъ началъ, а не видоизмѣненія ихъ. Въ осно

понятій о монархической власти она положила прежде всего библейское воззрѣніе, а изъ VIII главы Книги Самуила (I Царствъ) мы знаемъ, какое было это первоначальное воззрѣніе. Церковь воспользовалась также и понятіями, выработанными римскими юристами, на сколько они не противорѣчили христіанско-библейской основѣ. Въ исторіи монархической власти новой Европы мы видимъ борьбу этихъ двухъ стихій: христіано-библейской и римско-юридической. Творенія римскихъ юристовъ были надежною точкою опоры для зараждавшагося абсолютизма новой Европы. Легисты, воспитанные на преданіяхъ римскаго права, оказали монархической власти во Франціи точно такую же услугу, какъ болонскіе доктора римскаго права власти германскихъ императоровъ. Тѣ и другіе засудили, на основаніи римскихъ положеній, не только феодализмъ, стоявшій почти неодолимою преградой на пути развитія европейскаго общества, но и свободныя учрежденія городскихъ общинъ и всѣ политическія гарантіи противъ произвола. Вселенская церковь послѣдняго времени Римской имперіи требовала, чтобы въ основѣ власти лежала идея правды. Католическая церковь въ средніе вѣка требовала полнаго подчиненія свѣтской власти и авторитету римскихъ первосвященниковъ. Въ борьбѣ съ теократіей свѣтская власть на Западѣ обратилась снова къ юридической практикѣ и къ теоріямъ присяжныхъ юрисконсультовъ римскихъ императоровъ, точно также какъ изъ преданій Римской имперіи вынесла она и стремленія къ централизаціи, и институтъ крѣпостнаго права, и фискальное управленіе. Потому-то въ исторіи среднихъ вѣковъ не разъ приходится обращаться къ временамъ древней имперіи, чтобы понять смыслъ явленій, совершавшихся въ новой Европѣ.

ОЧЕРКИ

ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТІАНСТВА.

I.

Ослабленіе религіозныхъ вѣрованій въ Римѣ обнаружилось еще во времена республики. Время имперіи уже застало почти полное паденіе римскаго язычества. Чтобы понять печальное состояніе религіознаго чувства и вѣрованій, мы должны обратиться назадъ.

Начало національнаго культа Римлянъ теряется во мракѣ миѳическихъ сказаній объ основаніи и первыхъ судьбахъ города. Изслѣдователи римскихъ древностей не были въ состояніи разъяснить вполнѣ основныя стихіи, изъ которыхъ сложился этотъ національный культъ, отличить другъ отъ друга этрусскій, пеласгическій или сабинскій элементы, изъ которыхъ образовались вѣрованіе и богослуженіе Римлянъ. Во многихъ случаяхъ для нихъ было не совсѣмъ ясно, что̀ именно установлено было Нумою, что̀ перешло въ культъ изъ прежнихъ преданій, что̀ заимствовано уже въ позднѣйшее время.

Въ основѣ древнѣйшаго культа Римлянъ покойный профессоръ Крюковъ, котораго мнѣніе принято многими иностранными учеными *); видѣлъ раздвоеніе, совмѣстное существованіе

---

*) Замѣчательное сочиненіе профессора Крюкова, на которое намекаетъ здѣсь авторъ, напечатано въ Лейпцигѣ въ 1841 году подъ названіемъ *Andeutungen über den ursprünglichen Religionsunterschied der römischen Patricier und Plebejer*. Извѣстный въ лучшихъ преданіяхъ отечественной науки столько же своею скромностью, сколько ученостью, Крюковъ написалъ свое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ для «собственнаго

двухъ религіозныхъ системъ, двухъ воззрѣній. Съ одной стороны символическое, аграрное, не знавшее образовъ и кровавыхъ жертвъ богослуженіе Квиритовъ, котораго основателемъ былъ Нума. Копье было главнымъ символомъ квиритскаго божества; регія (дворцовое строеніе) была главнымъ святилищемъ квиритскаго культа; стихіямъ (огню и водѣ) воздавалось особенное поклоненіе. По своей простотѣ квиритскій культъ, не допускавшій пластическихъ образовъ, стоялъ въ рѣзкой противоположности съ пышнымъ, великолѣпнымъ, требовавшимъ кровавыхъ жертвъ поклоненіемъ божествамъ антропоморфическимъ. Это поклоненіе божествамъ, изображаемымъ въ человѣческомъ образѣ, принесено въ Римъ изъ Этруріи. Разсматривая антропоморфическихъ боговъ Рима, говоритъ Крюковъ, мы тотчасъ замѣтимъ, что большая часть ихъ, за исключеніемъ боговъ, происходящихъ изъ Грецiи, боги этрусскіе. Центромъ этого антропоморфическаго культа сталъ Капитолій. Разсматривая эти два противоположные элемента первоначальныхъ религіозныхъ вѣрованій Рима, слившіеся потомъ въ одну общую государственную религію, но сохранявшіе долго даже въ самомъ соединеніи свои особенныя, первоначальныя черты, Крюковъ старался объяснить эту двойственность первоначальнаго культа, эти первоначальныя различія религіи совпаденіемъ съ различіями въ самомъ народѣ. Населеніе Рима отличалось двойственнымъ характеромъ, состояло

поученія». Эта же скромность побудила его скрыть свое имя подъ псевдонимомъ *Pellegrino*. Путешествуя съ научною цѣлью онъ могъ удѣлять лишь немного времени разработкѣ занимавшаго его вопроса. Поэтому онъ издалъ только часть задуманнаго имъ труда, надѣясь докончить остальное при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но онъ не успѣлъ этого сдѣлать. Къ счастію, желая пояснить первую часть своего сочиненія, онъ внесъ въ нее многое изъ второй, которая должна была разсматривать отношенія царя къ плебейскому культу и служить необходимымъ дополненіемъ первой. *А. Г.*

изъ двухъ общинъ, совершенно различныхъ по политическимъ правамъ, по характеру, общественному устройству и по самымъ вѣрованіямъ. Символическій культъ Квиритовъ былъ культомъ патриціанскимъ, антропоморфическое поклоненіе, принесенное изъ Этруріи, было принадлежностью плебейской общины. Политическимъ раздвоеніемъ первоначальнаго населенія Рима объясняется и двойственность древнѣйшаго культа. По мѣрѣ того, какъ ослаблялось и уничтожалось политическое раздвоеніе, по мѣрѣ того, какъ плебеи настойчивою, упорною борьбой завоевывали себѣ участіе въ дѣлахъ государственныхъ и разрушали преграды, отдѣлявшія ихъ отъ патриціевъ, должно было совершиться и сліяніе двухъ противоположныхъ религіозныхъ вѣрованій въ одинъ общій государственный культъ. Покойный Крюковъ, такъ рано отнятый смертью у науки, не успѣлъ прослѣдить даже въ самыхъ общихъ чертахъ исторіи борьбы и взаимнаго слитія обоихъ культовъ. Но уже самая мысль его о двойственности первоначальнаго поклоненія, попытка приравнять эту двойственность древнѣйшаго культа къ политическому раздвоенію населенія Рима— мысль въ высшей степени плодотворная.

Римское язычество, сверхъ общихъ родовыхъ чертъ политеизма, имѣетъ много родственнаго съ религіознымъ воззрѣніемъ Грековъ. Двѣ особенности отличаютъ его впрочемъ довольно рѣзко отъ греческой религіи. Это — сравнительная бѣдность и неразвитость религіозныхъ миѳовъ, простота, безъискуственность, отсутствіе поэтическаго элемента въ миѳологіи; затѣмъ — особая постановка культа относительно государства, тѣсный, до нѣкоторой степени неразрывный союзъ религіозныхъ вѣрованій съ государственными учрежденіями.

Геродотъ говоритъ, что Гомеръ и Гезіодъ создали эллинскую религію, и огромное значеніе поэтическаго элемента

ясно въ каждой подробности греческаго культа. У Римлянъ почти не было эпоса. Религія почти не знаетъ миѳовъ. Обряды и праздники рѣдко находятся въ связи съ поэтическими сказаніями. Въ характерѣ италійскихъ племенъ нѣтъ того высокаго поэтическаго одушевленія, которымъ такъ отличается греческое племя. Бѣдность миѳологіи, скудость поэтическихъ сказаній замѣтны въ религіи Рима не только сравнительно съ миѳологіею Грековъ, попреимуществу поэтическою, но и съ религіозными вѣрованіями другихъ народовъ, напримѣръ восточныхъ; и эта бѣдность миѳическихъ сказаній придаетъ римскому культу особый, только ему свойственный характеръ. Свободнаго, художественнаго развитія мы не найдемъ въ религіозномъ сознаніи римскаго народа. Даже антропоморфическое представленіе о богахъ не вызвало этого художественнаго развитія. До знакомства съ Греціей пластика почти не была извѣстна въ Римѣ и изображенія боговъ отличались грубою безъискуственностью. Знакомство же съ Греціей, перенесеніе въ Римъ высокохудожественныхъ произведеній, въ которыхъ творческая фантазія Эллиновъ воплотила свои представленія о божествахъ, управляющихъ міромъ, было началомъ ослабленія и упадка національнаго культа. Поэзіи не было мѣста въ Римѣ, покрайней мѣрѣ ея участіе въ созданіи религіозныхъ вѣрованій весьма незамѣтно. Поэтическое чувство вообще мало было развито у Римлянъ, народа попреимуществу практическаго; но и сколько его было — все обращалось не къ религіи, а къ прославленію подвиговъ предковъ, къ плачу объ умершихъ. Отсутствіе творческаго, художественнаго, поэтическаго элемента въ религіозномъ сознаніи Римлянъ дѣлало ихъ культъ менѣе подвижнымъ, болѣе простымъ и однообразнымъ, и эта простота культа не разъ ставилась въ особую заслугу Риму. Уже Діонисій Галикарнасскій хвалитъ Римлянъ за то особенно, что они достойнѣе думаютъ о своихъ

[redacted]

божествахъ, чѣмъ Греки и варвары, и достойнѣе чтутъ ихъ *). Понятіе о божествѣ оставалось у нихъ понятіемъ отвлеченнымъ и не воплощалось во множествѣ поэтическихъ сказаній, не представлялось въ художественныхъ образахъ, создаваемыхъ творческою фантазіей. Оно было, слѣдовательно, чище по самой своей простотѣ и отвлеченности, если даже и не было выше и глубже.

Другая особенность римскаго культа, отличавшая его отъ вѣрованій Греціи и другихъ странъ, была тѣсная связь вѣрованій и богослуженія съ государственными учрежденіями. Государственное значеніе сохранилъ старый національный культъ гораздо позже того, какъ утратилъ свою силу надъ общественнымъ сознаніемъ. Въ своемъ первоначальномъ видѣ

*) Говоря о Ромулѣ, котораго Діонисій считалъ основателемъ римскаго культа, онъ такъ характеризуетъ его религіозныя учрежденія: «Обряды, священныя мѣста, жертвенники, посвященіе кумировъ и ихъ образы, символъ, силы и дары, которыми они облагодѣтельствовали родъ человѣческій, праздники, которые слѣдуетъ совершать каждому изъ боговъ, или демоновъ, и жертвы, которыми имъ пріятно быть чествуемымъ отъ людей, а равно и священныя перемирія, всенародныя сходбища, отдыхъ отъ трудовъ, и все, сюда относящееся, онъ устроилъ согласно съ лучшими обычаями Гелленовъ: но передаваемые у нихъ миѳы, въ которыхъ есть хулы на боговъ и обвиненія, считая ихъ дурными, безполезными, неприличными и недостойными не только боговъ, но и людей хорошихъ, устранилъ всѣ и постановилъ, чтобы люди только лучшее говорили и думали о богахъ и не приписывали имъ никакого дѣла, недостойнаго ихъ блаженной природы.... Нѣтъ у нихъ (у Римлянъ) сказаній ни о войнахъ боговъ, ни о ранахъ или оковахъ, или рабствѣ боговъ у людей.... Никто у нихъ не увидитъ, даже и при теперешней порчѣ нравовъ (Діонисій жилъ при Августѣ), ни богослужебнаго изступленія, ни корибантскаго безумія, ни нищенскаго свитальчества въ честь Великой Матери, ни тайныхъ вакханалій и мистическихъ совершеній, ни всенощнаго пребыванія въ храмахъ мущинъ съ женщинами и никакихъ другихъ, подобныхъ этимъ, уклоненій отъ трезвой жизни; но все говорится и дѣлается относительно боговъ съ такою осмотрительностью, какой мы не находимъ ни у Гелленовъ, ни у варваровъ».

римскій культъ не могъ имѣть государственнаго значенія уже потому, что онъ распадался надвое. Въ началѣ мы находимъ частныя вѣрованія, патриціанскія и плебейскія. Государственное значеніе придано римскому культу съ того времени, какъ началось борьба и слитіе между патриціанскою и плебейскою общинами, и по мѣрѣ того, какъ происходило это сліяніе вслѣдствіе государственной необходимости въ сферѣ политической, по необходимости должно было происходить подобное же сліяніе и въ сферѣ религіозной, и общій культъ, образовавшійся изъ частныхъ сектъ, пріобрѣталъ уже чисто государственное значеніе, которое и крѣпло все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ ослабѣвало прежнее самостоятельное значеніе религіозныхъ вѣрованій. Если въ первомъ періодѣ исторіи римскаго народа частные культы были могущественными, вліятельными двигателями самой государственной жизни, то потомъ, вслѣдствіе хода событій, религіозный культъ сталъ въ нѣкоторую зависимость отъ государства и регулировался уже чисто государственными соображеніями. Во всякомъ случаѣ тѣсная связь религіи Рима съ его государственными учрежденіями не можетъ подлежать сомнѣнію и ясна на каждой страницѣ римской исторіи. Основатели государственныхъ учрежденій являются въ то же время и учредителями общественнаго культа. Послѣ изгнанія царей, выборные магистраты республики были исполнителями божественной воли и дѣйствовали не иначе, какъ по ея указаніямъ. Анцилія *), палладіумъ, вѣчно неугасимый огонь Весты,

---

*) *Анциліями* назывались въ древнемъ Римѣ священные щиты, которые красовались на шеѣ или въ лѣвой рукѣ у жрецовъ во время празднествъ въ честь Марса въ посвященномъ ему мѣсяцѣ. Преданіе относитъ первое ихъ появленіе къ царствованію Нумы Помпилія. Однажды изъ отверстаго неба упалъ на землю необыкновенный щитъ. Чтобы его не похитили, царь заказалъ одному художнику одиннадцать подобныхъ щитовъ

были государственными святынями, залогами вѣчнаго существованія священнаго города. Истинное имя города хранилось въ величайшей тайнѣ. Кто произносилъ его, того немедленно наказывали смертью. И эта тайна, которою облекалось настоящее имя Рима, была слѣдствіемъ религіозно-политическихъ убѣжденій, съ этою тайною соединялась мысль о его политической самостоятельности. Римляне вѣровали, что для покоренія города необходимо вызвать изъ него боговъ-покровителей, и писатель V века по Р. Х., Макробій, приводитъ самую заклинательную формулу, которою принуждались боги-покровители оставить свой городъ и перейти въ станъ непріятелей. Для успѣха заклинанія необходимо было знать настоящее имя города: оттого Римляне такъ строго блюли въ тайнѣ имя Рима. Въ Сивиллинскихъ книгахъ, доступъ къ которымъ разрѣшался только однимъ квиндецемвирамъ, была указана грядущая судьба Римскаго государства. Полетомъ птицъ и другими предсказаніями рѣшалось исполненіе государственныхъ предпріятій, начало битвъ и. т. д.; жрецы-предсказатели были поэтому органами государственной власти. Безъ благопріятныхъ предсказаній нельзя было приступать къ выборамъ въ государственныя должности. Каждый полководецъ долженъ былъ имѣть при войскѣ священныхъ цыплятъ, и по тому, какъ принимали они кормъ, онъ рѣшалъ вступать или не вступать въ сраженіе съ непріятелемъ. Неисполненіе этихъ законныхъ обрядовъ преслѣдовалось, какъ государственное преступленіе. При такомъ государственномъ значеніи

и поручилъ хранить ихъ на Палатинскомъ холмѣ коллегіи изъ двѣнадцати жрецовъ, которые назывались *саліями*. Подобная же коллегія существовала и у Сабиновъ на Квириналѣ. Обѣ коллегіи служатъ представительницами первобытнаго поклоненія Марсу, которое сага приводила въ связь съ анциліями. Нѣкоторое понятіе объ этихъ щитахъ, не сохранившихся до нашего времени, даетъ изображеніе ихъ на одномъ камнѣ флорентійскаго музеума и на одной Лициніевской (gens Licinia) серебряной монетѣ. *А. Т.*

національнаго культа о свободѣ совѣсти не могло быть и рѣчи. Каждый членъ государственнаго союза необходимо долженъ былъ исповѣдывать ту религію, съ которою неразрывно связано было самое существованіе государства. Поклоненіе чуждымъ божествамъ было воспрещено закономъ и считалось преступленіемъ противъ государства. Sacra externa (чужеземные культы) были запрещены вслѣдствіе «innumerabilia decreta pontificum, senatusconsulta, haruspicum responsa»—«безчисленныхъ предписаній первосвященниковъ, рѣшеній сената, вѣщаній гаруспиковъ», какъ видно изъ предложеній консула Септимія Постума Альбина о запрещеніи вакханалій, вкравшихся въ Римъ вслѣдствіе знакомства съ Греціей. Цицеронъ приводитъ одинъ законъ, которымъ запрещалось частное и личное поклоненіе новымъ и чуждымъ божествамъ, не признаннымъ оффиціально правительствомъ (sed ne advenas, nisi publice adscitos privatim colunto). Государству принадлежало право, вслѣдствіе государственныхъ потребностей, вводить чуждые культы, давать право римскаго гражданства чуждымъ божествамъ. Составляя часть государственныхъ учрежденій, освященныя вѣковою давностью, неразрывно связанныя со всѣмъ историческимъ прошедшимъ самого государства, огражденныя закономъ отъ всякихъ болѣе или менѣе произвольныхъ исключеній, формы древняго культа хранились въ ихъ первоначальной простотѣ и суровости, не развиваясь, не смягчаясь съ теченіемъ времени и съ измѣненіемъ образа жизни и нравовъ общества. Эти формы стояли не вслѣдствіе своей жизненной крѣпости, не потому только, что они имѣли основаніе въ религіозномъ сознаніи народа, а вслѣдствіе искусственныхъ средствъ для ихъ поддержанія, потому что коснуться ихъ значило бы наложить руку на самую основу государственнаго порядка. Этимъ объясняются многія явленія, непонятныя иначе. Среди скептическаго,

[redacted]

блестящаго общества послѣднихъ временъ республики и перваго времени имперіи мы видимъ въ Римѣ религіозные обряды, поражающіе своею жестокостью, ведущіе свое начало еще съ того времени, когда Римлянинъ любилъ называть свой городъ «жестокимъ Римомъ» (Roma ferox). Человѣческія жертвоприношенія никогда не были обычнымъ явленіемъ въ Римѣ, тѣмъ не менѣе въ важныхъ исключительныхъ случаяхъ они допускались, какъ самое вѣрное средство для умилостивленія боговъ. Извѣстенъ обрядъ devotionis, когда для спасенія государства, для доставленія ему побѣды надъ врагомъ доблестные граждане обрекали себя подземнымъ богамъ и приносили свою жизнь въ очистительную жертву для государства. Примѣры подобныхъ самопожертвованій собраны у Ливія. Человѣческія жертвоприношенія существовали очень долго въ Римѣ. Въ минуту опасности кровью чужеземцевъ или рабовъ покупалъ Римъ свое спасеніе. Жестокій обычай на ежегодномъ праздникѣ въ честь Юпитера Лаціара приносить, какъ угодную божеству жертву, кровь убитыхъ гладіаторовъ существовалъ до самаго уничтоженія его христіанствомъ. «Кто не знаетъ, говоритъ еп. Евсевій, современникъ Константина Великаго, что даже до сихъ поръ на праздникѣ Юпитера Лаціара одинъ человѣкъ приносится въ жертву?» При взятіи Перузіи Октавій Августъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, сохраненному Светоніемъ, отобралъ 300 человѣкъ изъ числа сдавшихся и во время мартовскихъ идъ приказалъ умертвить ихъ, какъ жертву алтаря, воздвигнутаго въ честь Юлія Цезаря—фактъ, вѣроятный не потому только, что онъ сообразенъ съ жестокимъ характеромъ Августа, который послѣ взятія Перузіи, по словамъ самого Светонія, на всѣ просьбы о помилованіи отвѣчалъ постоянно словами: «нужно умереть», но и потому, что онъ не противорѣчитъ вообще религіознымъ понятіямъ Римлянъ,

вѣрившихъ, что человѣческія жертвы скорѣе всего могутъ умилостивить раздраженное божество. Битвы гладіаторовъ также имѣли религіозное значеніе и, присутствуя при возмутительномъ зрѣлищѣ человѣческой бойни, Римлянинъ не только удовлетворялъ жестокимъ инстинктамъ своего характера, но и думалъ, что присутствуетъ при совершеніи дѣла, угоднаго богамъ. Битвы гладіаторовъ въ Римѣ имѣли то же религіозное значеніе, какое олимпійскія и другія состязанія въ Греціи. Въ различіи этихъ игръ сказалось различіе народнаго характера Римлянъ и Грековъ.

Государственный характеръ римской религіи, искуственнымъ образомъ поддерживавшій ея значеніе и силу, не могъ однакоже совершенно предотвратить ее отъ измѣненій, не могъ отстоять Римъ отъ вторженія божествъ чуждыхъ. Сила историческаго хода событій была могущественнѣе безчисленныхъ декретовъ первосвященниковъ, сенатскихъ опредѣленій и рѣшеній гаруспиковъ. Все, что̀ могло сдѣлать государство для древняго культа, было имъ сдѣлано. До конца языческой имперіи формы государственной религіи Рима оставались неизмѣнны. До конца языческой имперіи Юпитеръ Капитолійскій признавался верховнымъ божествомъ Рима, и весталки хранили неугасимый огонь Весты. Книги Сивиллы попрежнему хранились, какъ государственная святыня, и къ нимъ, хотя и рѣдко, но обращались еще съ цѣлью допросить ихъ о грядущихъ судьбахъ государства. Въ послѣдній разъ ихъ вопрошалъ Юліанъ о счастливомъ исходѣ своей войны съ Персами. Римскій императоръ стоялъ во главѣ жреческихъ коллегій и носилъ оффиціальный титулъ Pontifex maximus даже долгое время послѣ того, какъ на престолѣ Цезарей уже возсѣдали христіанскіе властители. Эпулоны приготовляли священный столъ богамъ и устраивали ежегодныя празднества въ честь ихъ, а фламины Юпитера, Марса и Квирина

продолжали службу этимъ древнѣйшимъ народнымъ божествамъ Рима. Но рядомъ съ этими формами національнаго культа, съ этими древними божествами Рима уже втѣснилось поклоненіе божествамъ чуждымъ. Dii municipes заслоняли нерѣдко въ религіозномъ сознаніи самихъ Римлянъ силу и значеніе древнихъ, чисто-римскихъ божествъ. Государство по прежнему считало своимъ исключительнымъ правомъ дозволять оффиціально, сенатскимъ декретомъ поклоненіе тому или другому чуждому божеству и не признавало за своими гражданами свободы чтить по своимъ личнымъ убѣжденіямъ того или другаго бога; но, во первыхъ, само государство вынуждено было не разъ вводить въ Капитолій божества чуждыхъ народовъ, во вторыхъ, оно было безсильно запретить доступъ въ Римъ чуждымъ религіямъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ подъ верховною властью Рима соединились разноплеменныя и разновѣрныя области всего древняго міра. По своему исключительно мѣстному, народному характеру религія Рима не имѣла притязаній сдѣлаться общимъ вѣрованіемъ для всего подвластнаго Риму міра. Кромѣ того по своей сущности она не могла вытѣснить изъ сознанія покоренныхъ народовъ ихъ прежнихъ вѣрованій. Мы видѣли изъ предыдущихъ статей, что римскій культъ нѣсколько съ большимъ успѣхомъ распространялся только въ западныхъ областяхъ имперіи, тамъ, гдѣ онъ не встрѣчалъ сильнаго сопротивленія со стороны мѣстныхъ вѣрованій, ещё не развившихся, не сложившихся въ стройную систему. Но и на Западѣ, несмотря на содѣйствіе правительства, римскій культъ не могъ, напр., вполнѣ вытѣснить друидизмъ въ Галліи. Тѣмъ невозможнѣе была для него сколько-нибудь успѣшная борьба съ древними вѣрованіями Греціи и Востока. При первомъ столкновеніи съ этими древними, развитыми, глубоко философскими вѣрованіями обнаруживалась внутренняя несостоятельность національныхъ,

государственныхъ вѣрованій Рима. Во имя государственныхъ интересовъ правительство могло искусственнымъ образомъ продолжить внѣшнее, формальное существованіе мѣстнаго культа, но распространить его насчетъ другихъ религій или даже предотвратить опасное соперничество со стороны этихъ болѣе развитыхъ религій оно было никакъ не въ состояніи. При первомъ же столкновеніи Рима съ городами Греціи миѳологическія представленія Эллиновъ съ ничѣмъ неудержимою силою стали втѣсняться въ сознаніе римскаго общества. Защитники исключительной національности поняли опасность, грозившую съ этой стороны, и всѣми средствами старались загородить дорогу греческому вліянію. Они хотѣли бы на первыхъ же порахъ поставить заставу для греческой мысли, но мысль не останавливается правительственными распоряженіями и въ особенности матеріальными препятствіями. Легко было предложить въ сенатѣ изгнаніе изъ Рима греческихъ философовъ, какъ людей опасныхъ для общественной нравственности, а слѣдственно, и для государственной безопасности, легко было, пожалуй, и привести въ исполненіе это предложеніе; но этимъ нисколько не устранялась грозившая опасность, и греческое вліяніе съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствовалось въ Римѣ, покоряя себѣ даже своихъ ожесточенныхъ противниковъ.

Сближеніе съ греческою образованностью, ея могущественное дѣйствіе на римское общество были неминуемымъ слѣдствіемъ распространенія римскаго владычества, точно также какъ и самаго состоянія римскаго общества. Вліяніе Греціи чувствовалось не въ той или другой сферѣ общественной жизни; оно проникало повсюду: въ религіозное сознаніе, въ область чисто научной, умственной дѣятельности, въ нравы, въ обычаи и т. д. Всего сильнѣе оказывало оно свое дѣйствіе, разумѣется, въ высшихъ слояхъ общества; но мы ошибемся,

если скажемъ что низшіе классы ушли отъ этого чуждаго вліянія и остались вѣрны старымъ, народнымъ преданіямъ. Сближеніе съ Греціею послѣдовало именно въ то время, когда историческія событія уже сдѣлали почти невозможнымъ исключительное національное развитіе римской жизни, когда Римъ волей или неволей уже отрекался отъ своей прежней исключительности и принялъ въ себя уже слишкомъ много постороннихъ элементовъ. Простыя, суровыя формы прежняго быта уже не могли существовать при множествѣ вновь возникшихъ требованій въ самомъ обществѣ. Та же роковая сила, которая влекла Римъ къ новымъ завоеваніямъ, увлекла его и къ воспринятію вліянія чуждой образованности, и всѣ усилія отдѣльныхъ лицъ противодѣйствовать неминуемымъ слѣдствіямъ даннаго политическаго и общественнаго положенія были безсильны. Внутреннихъ преградъ чуждому вліянію не было въ римскомъ обществѣ; греческая мысль почти безъ сопротивленія овладѣвала сознаніемъ лучшихъ людей Рима. Чтò же могли сдѣлать частныя усилія или внѣшнія, только матеріальныя препятствія?

Куда бы мы ни обратились, разсматривая римское общество въ послѣднее время республики, всюду видимъ ясные слѣды греческаго вліянія. Въ наставленіи сыну старый Катонъ такъ убѣждалъ молодаго Марка беречься особенно греческихъ врачей: «Примите это, какъ изрѣченіе оракула: когда это племя (Греки) передастъ намъ свою словесность, она все развратитъ. Особенно же, если они будутъ присылать сюда своихъ врачей. Они поклялись лекарствами уморить всѣхъ варваровъ, и за это еще берутъ деньги, чтобы имъ довѣряли и чтобы легче губить всѣхъ. А насъ они также называютъ варварами и даютъ намъ самое обидное прозвище. Нѣтъ тебѣ моего позволенія обращаться къ врачамъ». Напрасно доказывалъ онъ, что Римъ цѣлыя столѣтія обходился безъ медиковъ,

хотя, очевидно, не безъ медицины (sine medicis, nec tamen sine medicina). Греческіе врачи пользовались безъ всякаго совмѣстничества довѣріемъ со стороны римскаго общества и самая передача медицинскихъ свѣдѣній была на греческомъ языкѣ. Только Августъ убѣдилъ своего римскаго врача Антонія Муза написать на латинскомъ языкѣ о врачебной наукѣ. Воспитаніе перешло почти также исключительно въ руки греческихъ педагоговъ. Уже за 161 годъ до Р. Х. въ Римѣ было много учебныхъ заведеній для греческой декламаціи, и если сенатскій декретъ изгналъ изъ Рима всѣхъ греческихъ риторовъ и философовъ и назвалъ при этомъ самое греческое училище школою безстыдства, то этимъ нисколько не загорожена была дорога греческому воспитанію въ Римѣ. Еслибы декретъ и былъ исполняемъ со всею строгостью, и свободный греческій наставникъ не могъ бы публично давать уроковъ римскому юношеству, то невозможно было запретить, чтобы римскіе вельможи не выбирали изъ безчисленнаго множества рабовъ греческихъ менторовъ для своихъ дѣтей, а что ученые рабы играли важную роль въ римскомъ воспитаніи, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. За раба, получившаго греческое образованіе, платили иногда огромныя суммы (200,000 сестерцій—14,300 талеровъ). Цицеронъ съ особенною похвалою отзывается о своемъ ученомъ рабѣ Діонисіи. Римская молодежь толпами стремилась въ Грецію и выносила оттуда полное знакомство съ эллинскою цивилизаціею. Греческое образованіе скоро сдѣлалось существенною частью общаго образованія и не осталось даже безъ особеннаго вліянія на возникновеніе и развитіе народнаго латинскаго образованія.

Греческая цивилизація въ эпоху сближенія съ Римомъ не могла похвалиться ни богатою внутреннею жизнію, ни высокою степенью развитія. Греція отжила уже тогда свое

[redacted]

блестящее время и съ утратою политической самостоятельности какъ бы потеряла и свою творческую, умственную и художественную силу; но и въ состояніи своего паденія она безконечно высоко стояла надъ Римомъ, до сихъ поръ почти исключительно жившимъ только чисто практическимъ, политическимъ и государственнымъ интересомъ. Знакомство съ Греціею раскрывало для Римлянъ цѣлый міръ, имъ до тѣхъ поръ неизвѣстный и недоступный, будило и удовлетворяло интересы духовные, мало признаваемые старою римскою жизнію. И наука, и искусство Греціи возбуждали къ себѣ восторженное удивленіе Римлянъ. Въ домѣ Сципіона, Павла Эмилія и другихъ знаменитыхъ гражданъ собирались поклонники греческой образованности и ученые Эллины, волею или неволею попавшіе въ Римъ. Образцы греческаго ваянія и живописи во множествѣ перевозились въ Римъ, до тѣхъ поръ мало знакомый съ художественными изображеніями и довольствовавшійся символическими представленіями своихъ національныхъ божествъ. Перенесеніе памятниковъ греческаго искусства началось рано и имѣло болѣе или менѣе насильственный характеръ. Знаменитыя статуи и картины входили въ число трофеевъ побѣды. Марцеллъ перенесъ въ Римъ статуи и картины изъ покоренныхъ Сиракузъ. Взятіе Тарента и Капуи обогатили Римъ новыми памятниками. Метеллъ послѣ побѣды въ Македоніи перевезъ знаменитыхъ бронзовыхъ всадниковъ работы Лизиппа, изображавшихъ полководцевъ Александра Великаго, погибшихъ въ битвѣ при Граникѣ. Сулла ограбилъ храмъ Аполлона Дельфійскаго и Эскулапа Эпидаврійскаго и не задумался взять изъ аѳинскаго храма Юпитера Олимпійскаго дорогія колонны для украшенія Капитолія. Послѣ взятія Коринѳа Муммій нагрузилъ корабли художественными памятниками этого знаменитаго города. Мурена и Варронъ спилили въ Спартѣ цѣлыя стѣны, покрытыя фресками, и

переправили ихъ въ Римъ. Религіозное чувство Римлянъ могло вначалѣ возмущаться этимъ расхищеніемъ храмовъ, но сокровища искусствъ Эллады тѣмъ не менѣе продолжали переселяться въ городъ Ромула. Что уцѣлѣло въ городахъ Греціи отъ завоевателей, то рѣдко уходило отъ вниманія римскихъ правителей греческихъ областей. Верресъ, ограбившій Сицилію, былъ однимъ изъ страстныхъ любителей греческаго искусства и для обогащенія своего музея не щадилъ ни храмовой, ни частной собственности. Статуи Фидія, Скопаса, Праксителя, картины Тиманеа и Апеллеса украшали общественныя зданія Рима и частныя жилища богатыхъ аристократовъ. Созерцаніемъ художественныхъ памятниковъ Греціи доставлялось наслажденіе, дотолѣ неизвѣстное Римлянамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это созерцаніе было могущественнымъ проводникомъ религіозныхъ представленій Греціи, воплощенныхъ въ художестенные образы. Олимпійскіе боги вытѣсняли изъ сознанія Римлянъ отвлеченныя понятія о народныхъ божествахъ. Не было пути, которымъ бы не проникало въ Римъ греческое вліяніе. Чрезъ науку и искусство оно дѣйствовало на людей образованныхъ, чрезъ торговлю, мирныя и военныя сношенія на низшіе классы. Рабы, вольноотпущенники и куртизанки, которые попреимуществу были греческаго происхожденія, были столь же дѣятельными проводниками греческаго вліянія, какъ и греческіе риторы, философы и художники. Утонченность, изящество греческой общественной и частной жизни такъ же могущественно дѣйствовали на измѣненіе и разложеніе прежнихъ, старо-римскихъ формъ быта, какъ и знакомство съ безсмертными памятниками греческой мысли, греческаго краснорѣчія и поэзіи. Господство греческаго вліянія было такъ полно, что въ источникахъ мы находимъ извѣстіе объ одномъ Аполлоніи, который, живя въ Римѣ, не зналъ однакоже ни слова полатыни. Греческій

языкъ сдѣлался языкомъ столь же оффиціальнымъ, какъ и языкъ латинскій. Для высшаго общества онъ былъ кромѣ того языкомъ моды и хорошаго тона.

Въ настоящемъ случаѣ для насъ особенно важна та сторона греческаго вліянія, которая обращена была на измѣненіе прежнихъ религіозныхъ вѣрованій Рима. Даже въ древнѣйшую эпоху своего существованія Римъ не разъ высказывалъ свое уваженіе къ божествамъ Греціи. Дельфійскій оракулъ не разъ вопрошался Римлянами о судьбѣ ихъ родныхъ. При послѣднемъ римскомъ царѣ Арунсъ и Брутъ, по словамъ народной саги, были отправлены въ Грецію съ порученіемъ вопросить Пиѳію. Въ концѣ V вѣка отъ основанія города, слѣдовательно въ эпоху уже историческую, Римляне отправили посольство въ Эпидавръ, къ оракулу Эскулапа, чтобы узнать, чѣмъ можно остановить язву, свирѣпствовавшую въ городѣ. Посланные привезли не только отвѣтъ, но и самое божество, воплощенное въ зміѣ, поселившемся на островѣ Тибра. Греческіе миѳы легко принимались Римлянами, легко прилагались къ народнымъ божествамъ, сливавшимся съ сходными божествами. Изъ знакомства съ греческою поэзіею и философіею почерпало свои религіозныя воззрѣнія высшее общество, перенося на національныя божества свѣтлые миѳы, созданные эллинскою фантазіею. Для низшихъ слоевъ общества религіозною школою были сценическія представленія, заведенныя по греческому образцу въ Римѣ и извѣстныя тамъ въ древнѣйшую эпоху. Въ 146 г. до Р. Х. завоеватель Коринѳа при своемъ тріумфѣ подалъ первый примѣръ греческихъ игръ, и если до этого года мы не можемъ сказать утвердительно, чтобы греческія игры давались въ Римѣ, хотя уже съ 186 года есть извѣстіе о греческихъ искусникахъ и атлетахъ, а съ 167 года о греческихъ флейтистахъ, трагедахъ и бойцахъ, то послѣ Муммієва тріумфа греческія игры прочно утвердились въ римскихъ нравахъ, и сценическія

представленія религіозныхъ миѳовъ сдѣлались необходимою принадлежностью языческихъ празднествъ Рима. Римская гражданская гордость клеймила своимъ презрѣніемъ актеровъ и въ то же время считала сценическія представленія существенною частью народнаго культа. Что ludi scenici были необходимою принадлежностью религіозныхъ торжествъ, и что предметомъ представленія избирались похожденія изъ жизни боговъ и богинь, въ этомъ удостовѣряетъ прямое и не разъ повторенное свидѣтельство бл. Августина.

Какъ бы ни родственны были между собою божества Греціи и Рима, хотя въ характерѣ народныхъ культовъ этихъ странъ довольно трудно указать на одинаковость основнаго воззрѣнія и на близость главнаго направленія, но перенесеніе греческихъ миѳовъ на народныя божества Рима, отождествленіе этихъ божествъ съ божествами религіи, созданной Гомеромъ и Гезіодомъ, не могло остаться безъ вліянія на ослабленіе самого религіознаго чувства Римлянъ. Народныя божества подъ греческимъ именемъ, въ греческихъ образахъ и миѳахъ какъ-бы теряли значительную часть своей силы надъ народнымъ сознаніемъ, какъ-бы отрывались отъ народной, мѣстной почвы, теряли характеръ своей вѣковой неподвижности. Отношеніе Грека къ своимъ божествамъ было несравненно свободнѣе, чѣмъ отношеніе древняго Римлянина къ предмету его суроваго прошлаго поклоненія. Свѣтлое, радостное поклоненіе Грека божествамъ Олимпійскимъ было результатомъ тяжелаго внутренняго процесса въ его религіозномъ сознаніи, было выходомъ изъ борьбы съ внѣшнею, чуждою для человѣка, темною силою, до сихъ поръ имъ владѣвшею, было первою побѣдою, если не полнымъ освобожденіемъ человѣческаго духа изъ несвободнаго отношенія къ внѣшней природѣ. Въ исторіи предшествовавшаго религіознаго развитія Рима мы не находимъ подобнаго процесса въ народномъ сознаніи. Принятіе

[redacted]

греческаго культа и греческихъ миѳовъ, слитіе ихъ съ чисто народными вѣрованіями, давало Римлянамъ безъ борьбы результаты побѣды, но въ то же время разрывало связь съ религіознымъ прошедшимъ. Сами собою прежніе предметы поклоненія утрачивали свою силу надъ умами. Правда, старо-римскія вѣрованія были неразрывно связаны съ государственными учрежденіями и получали отъ государства гарантію неприкосновенности, но, оставаясь какъ политическое учрежденіе, они теряли свое собственно религіозное значеніе.

Еслибы даже знакомство съ Греціей и не имѣло другихъ послѣдствій, кромѣ перенесенія въ Римъ греческаго культа и греческихъ миѳовъ, и тогда этимъ перенесеніемъ уже наносился бы роковой ударъ старымъ національнымъ вѣрованіямъ, которыя заслонялись, если не уничтожались, въ сознаніи народа иными, болѣе привлекательными для человѣческой свободы вѣрованіями. Но изъ Греціи пришли не одни миѳы, не одни художественные образы боговъ. Столь же неминуемымъ слѣдствіемъ знакомства съ Греціею было и распространеніе греческой философіи, которая неутомимо работала надъ разрушеніемъ поэтическихъ созданій религіозной фантазіи Грековъ. Почти одновременно Римлянинъ знакомился съ греческими божествами, воспѣтыми Гомеромъ, Гезіодомъ, трагиками, облеченными въ художественный образъ Фидіемъ и Скопасомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ того же самаго источника черпалъ сомнѣнія въ самомъ существованіи Олимпійцевъ, вмѣстѣ съ миѳомъ получалъ и обличеніе его внутренней несостоятельности, его неразумности, его противорѣчія законамъ внѣшней и человѣческой природы. Если во время знакомства Рима съ Греціей послѣдняя уже окончательно выработала свое религіозное воззрѣніе и завершила процессъ своего религіознаго развитія, то для Греціи также уже было прошедшимъ и самостоятельное развитіе философской мысли. Принимая отъ

Греціи послѣдніе результаты ея религіознаго процесса, Римъ долженъ былъ въ то же время принять отъ нея и послѣднее слово ея чисто спекулятивнаго мышленія, послѣднее слово греческой философіи. А каждый шагъ греческой мысли въ сферѣ чистаго мышленія былъ новымъ отрицаніемъ поэтическихъ вѣрованій. Какъ ни разнообразны были въ своихъ основаніяхъ и выводахъ философскія школы Греціи, всѣ онѣ сходились однакоже въ одномъ: въ противорѣчіи съ общепринятыми религіозными вѣрованіями, хотя это противорѣчіе не всегда выражалось въ формѣ положительнаго, безусловнаго отрицанія народныхъ вѣрованій. Даже не возставая открыто противъ общихъ вѣрованій, даже стараясь примирить народное вѣрованіе съ чистымъ разумомъ, заимствуя изъ народныхъ миѳовъ свои образы, философія уже потому враждебно относилась къ этимъ вѣрованіямъ, что она отдѣляла знаніе отъ религіи, какъ сферы различныя, что ставила рядомъ съ существующими вѣрованіями свое самостоятельное, возникшее изъ другаго источника ученіе, что рядомъ съ общепринятымъ культомъ созидала самостоятельную школу. Собственно говоря, философское развитіе греческой мысли было продолженіемъ, дальнѣйшимъ ходомъ того процесса, который до тѣхъ поръ развивался въ области чисто религіознаго сознанія. Самобытному развитію греческой мысли должно было предшествовать возможно полное освобожденіе духа въ сферѣ религіозной. Безъ тѣхъ свободныхъ отношеній, въ которыя сталъ Грекъ къ своимъ Олимпійцамъ, не было возможности возникновенія греческой философіи. Но и будучи прямымъ слѣдствіемъ и продолженіемъ религіознаго процесса, движеніе греческой философіи, какъ моментъ высшій, было отрицаніемъ предшествовавшаго момента.

Не останавливаясь на отношеніяхъ греческихъ философскихъ школъ къ народнымъ вѣрованіямъ Греціи, я укажу

только на тѣ школы, которыя существовали въ Греціи во время ея знакомства съ Римомъ, которыя перешли въ самый Римъ и не остались безъ дѣйствія на крѣпость религіознаго чувства въ римскомъ обществѣ. Три философскія школы Греціи имѣли особенное вліяніе на римское общество. Это были школа Эпикура (+ 270 г. до Р. Х.), школа Зенона (+ 263 г. до Р. Х.), или Стоя, и наконецъ скептическая школа Аркезилая (+ 241) и Карнеада (213-129) или Новая Академія. Всѣ три болѣе или менѣе содѣйствовали ослабленію религіознаго чувства. Но еще прежде нужно сказать нѣсколько словъ объ одномъ ученіи, старавшемся историко-раціональнымъ образомъ объяснить религіозныя вѣрованія и имѣвшемъ сильное вліяніе на многихъ. Я разумѣю ученіе Евгемера, сочиненіе котораго переведено на латинскій языкъ поэтомъ Энніемъ, другомъ Сципіона и однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ и распространителей Греческой образованности. Евгемеръ, родомъ изъ Мессины, жившій за 300 лѣтъ до нашей эры, принадлежалъ къ такъ-называемой Киринейской школѣ, основанной Аристиппомъ. Учитель Евгемера, Θеодоръ, принужденъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ за явное безбожіе, и отъ своихъ современниковъ получилъ имя атеиста попреимуществу. И религіозныя вѣрованія и нравственныя понятія находили въ Θеодорѣ самаго ожесточеннаго противника. По его убѣжденіямъ поступокъ безразличенъ самъ по себѣ и признается заслуживающимъ похвалы или порицанія только по господствующему мнѣнію. Дружбу называетъ Θеодоръ небылицей, смерть за отечество — безуміемъ. Евгемеръ создалъ цѣлую систему, объясняющую миѳологію Грековъ. Онъ совершилъ много путешествій, повсюду собиралъ народныя, мѣстныя преданія, записывалъ разсказы жрецовъ, копировалъ надписи, и происхожденіе всѣхъ боговъ объяснялъ апотеозою, обоготвореніемъ людей, дѣйствительно существовавшихъ и чѣмъ-нибудь

поразившихъ воображеніе современниковъ или потомства. Его «Священная исторія» вся проникнута этимъ направленіемъ. На островѣ Панхайа, будто бы находящемся въ Аравійскомъ заливѣ, Евгемеръ, по его разсказамъ, нашелъ храмъ, построенный Зевсомъ въ то время, когда онъ, будучи еще простымъ смертнымъ, царствовалъ надъ землею. Посрединѣ этого храма, на колоннѣ была написана жизнь Урана, Кроноса и самого Зевса. Въ Критѣ Евгемеръ видѣлъ гробницу Зевса. По разсказамъ Евгемера Зевсъ былъ могущественнымъ царемъ, предпринимавшимъ походы и далекія путешествія и получавшимъ божескія почести отъ своихъ друзей и союзниковъ. Отъ трехъ супругъ своихъ, Геры, Деметры и Өемиды, онъ имѣлъ дѣтей, Куретовъ, Персефону и Аөину. Въ такомъ родѣ объяснено происхожденіе всѣхъ божествъ греческой миөологіи. Венера, напримѣръ, является у него знаменитою гетерой, которая наставляла кипрскихъ женщинъ въ искусствѣ любить. «Священная исторія» Евгемера подрывала въ самыхъ основаніяхъ поэтически-философскія представленія о божествахъ Греціи. Вмѣсто поэтическихъ легендъ, созданныхъ народнымъ воображеніемъ, въ которыхъ воплощалось извѣстное понятіе о божествѣ, евгемеризмъ давалъ сухое, прозаическое объясненіе, лишавшее вѣрованіе его глубокаго внутренняго смысла и въ то же время совлекавшаго съ него художественную оболочку, наброшенную народною фантазіей. Евгемеризмъ говоритъ одному разсудку и оттого такъ хорошо пришелся ко времени, когда ослабѣла крѣпость религіознаго чувства, когда философская работа мысли поколебала самое основаніе прежнихъ вѣрованій и показала возможность и иной морали, отличной отъ общенародныхъ нравственныхъ понятій, и даже иного, болѣе высокаго и болѣе чистаго понятія о божествѣ. Если ученіе Евгемера пользовалось такимъ успѣхомъ въ Греціи, то тѣмъ болѣе оно могло распространиться въ Римѣ, особенно въ латинскомъ переводѣ Эннія. Апотеоза

была въ религiозныхъ вѣрованiяхъ Рима въ глубокой древности: Ромулъ былъ признанъ богомъ послѣ своей смерти; поклоненiемъ пользовался также Эней, и жертвы приносились умершимъ предкамъ. Объясняя чисто исторически происхожденiе вѣрованiй, Евгемеръ лишилъ ихъ всякаго внутренняго, глубокаго значенiя, и потому понятно, что онъ столько же былъ врагомъ приверженцевъ поэтической миѳологiи, сколько и тѣхъ, кто въ миѳахъ видѣлъ только внѣшнее, наглядное представленiе философскихъ понятiй о божествѣ и о силахъ природы. За Евгемеромъ, какъ и за его учителемъ Ѳеодоромъ, осталось прозванiе атеиста, и Цицеронъ обвиняетъ его въ отрицанiи всякой религiи. Въ рукахъ христiанскихъ писателей ученiе Евгемера сдѣлалось могущественнымъ орудiемъ для опроверженiя язычества.

Изъ трехъ названныхъ нами философскихъ школъ, двѣ, эпикурейская и стоическая, были школами догматическими, т. е. противопоставляли народнымъ вѣрованiямъ свою собственную систему о вселенной и человѣкѣ и свое нравственное ученiе. Дѣйствiе же школы Аркезилая и Карнеада было только отрицательно-полемическое. Академики доказывали невозможность истиннаго знанiя, дѣйствовали преимущественно путемъ дiалектики и запутывали до темноты своихъ противниковъ, къ какому бы ученiю они ни принадлежали, къ защитникамъ-ли народныхъ вѣрованiй или къ приверженцамъ философско-догматическаго ученiя. Не давая убѣжденiй своимъ адептамъ, они только подрывали существующiя убѣжденiя. Ихъ основное ученiе состояло въ томъ, что чувственными ощущенiями и представленiями, а равно и мышленiемъ, основаннымъ на нихъ, не дается человѣку истиннаго и вѣрнаго понятiя о самыхъ предметахъ, что посредствомъ чувствъ человѣкъ не можетъ поручиться, чтобы его понятiе о предметѣ соотвѣтствовало дѣйствительной сущности предмета.

Ново-академики не говорили, чтобы то, чему они противорѣчили, было положительно невѣрно; они доказывали только, что нѣтъ достаточнаго основанія утвердительно сказать, что оно вѣрно, и допускали возможность и вѣроятность, какъ утвержденія, такъ и отрицанія, но возможность и вѣроятность, никакъ не болѣе. Когда извѣстный представитель Новой Академіи, Карнеадъ, явился въ 155 году въ Римъ, онъ два дня занималъ римское общество своими доказательствами. Въ первый день онъ доказывалъ необходимость и достоинство справедливости. На другой же день блистательно опровергнулъ все сказанное имъ наканунѣ. При такомъ сознаніи невозможности для человѣка имѣть твердое убѣжденіе въ чемъ бы то ни было и достигнуть путемъ мышленія до положительнаго знанія, ученіе Новой Академіи должно было столь же разрушительно дѣйствовать на народныя убѣжденія и вѣрованія, какъ и чисто догматическія школы Эпикура и Зенона. Относительно религіозныхъ убѣжденій, Новая Академія одинаково опровергала и вѣрованія народа въ божества національнаго культа, и философское представленіе о божествѣ. Когда въ доказательство существованія боговъ приводили имъ общую вѣру въ нихъ, ново-академики отрицали, во первыхъ, самую всеобщность вѣры въ божество, во вторыхъ, говорили, что, даже допустивъ, что всѣ болѣе или менѣе признаютъ существованіе божества, нельзя придать много вѣсу и значенія вѣрованіямъ народныхъ массъ, мало повѣряющихъ мыслію свои вѣрованія. Въ представленіи божества, какъ существа безконечнаго и въ то же время существующаго само для себя, имѣющаго свою живую личность, находили они вопіющее противорѣчіе. Если божество, говорили они, есть существо живущее, то оно должно покоряться условіямъ жизни, должно быть доступно страданіямъ, а понятіе о жизни необходимо предполагаетъ и понятіе о смерти.

[redacted]

Если божество есть существо конкретное, имѣющее опредѣленную форму, то оно необходимо должно состоять изъ извѣстныхъ частей, можетъ быть дѣлимо и подлежать разрушенію. Своего понятія о божествѣ ново-академики не представляли, ограничиваясь и въ этомъ случаѣ однимъ отрицаніемъ и сомнѣніемъ въ возможности имѣть не только ясное понятіе о божествѣ, но и увѣренность въ его существованіи.

Школы Эпикура и Зенона имѣли, какъ сказано, догматическій, положительный характеръ. Народнымъ вѣрованіямъ о вселенной, о божествѣ, объ отношеніи человѣка къ божеству и природѣ, онѣ противопоставляли свои собственныя убѣжденія, приведенныя въ болѣе или менѣе строгую систему, опиравшуюся на цѣлый рядъ доказательствъ. Ученіе Эпикура распадается на три части: на канонъ, физику и этику. Первая часть служитъ намъ какъ бы введеніемъ въ ученіе о вселенной и нравственности. Для насъ особенно важны, разумѣется, двѣ послѣднія части, и притомъ на столько, на сколько онѣ могли имѣть вліяніе на измѣненіе народныхъ вѣрованій, на сколько противорѣчили послѣднимъ. Ученіе Эпикура о вселенной находится въ тѣсной связи съ ученіями предшествовавшихъ мыслителей и въ особенности съ ученіемъ Демокрита Абдерскаго и атомистической школы. Ex nihilo nihil, in nihilum nil posse reverti, такъ передаетъ римскій послѣдователь Эпикура, Лукрецій (De rerum natura), основную мысль своего учителя. «Ничто не можетъ произойти изъ ничего и ничто не возвращается къ ничему». Всякая реальность, все существующее, весь міръ, однимъ словомъ, произошелъ изъ атомовъ, безчисленныхъ единицъ, не подлежащихъ дальнѣйшему дѣленію, непреходящихъ, вѣчныхъ, неразрушимыхъ. Каждый атомъ, каждая основная единица имѣетъ свое бытіе, свою опредѣленную сущность, не подлежащую измѣненію. Все существующее произошло и происходитъ изъ сочетанія этого

безконечнаго множества основныхъ единицъ; разнообразіе существующаго міра порождено разнообразнымъ сочетаніемъ атомовъ вслѣдствіе движенія, присущаго ихъ натурѣ. Эти атомы, эти основы всякой реальности, движутся въ пустотѣ, ибо безъ пустоты -- понятіе равняющееся понятію вообще не сущаго,—мы не можемъ представить себѣ ни движенія, ни вообще существованія. Образованіе міра объясняется, во первыхъ, существованіемъ безконечнаго множества основныхъ единицъ, атомовъ, вѣчныхъ, неразрушимыхъ, своимъ движеніемъ и разнообразными сочетаніями образующихъ всю вселенную, во вторыхъ, понятіемъ о пустотѣ, среди которой совершается движеніе и сочетаніе атомовъ. Общіе, неизмѣнно дѣйствующіе законы природы Эпикуръ не совсѣмъ признаетъ, потому что понятіе о законахъ ведетъ къ понятію о законодателѣ, а съ понятіемъ о законодателѣ является и чувство страха передъ нимъ, нарушается покой и довольство мудраго. Свѣтила являются у Эпикура, въ противоположность господствовавшему воззрѣнію, существами, имѣющими душу и сознательно, по своей собственной волѣ, совершающими свое небесное теченіе. Въ богахъ политеизма и вообще въ божествѣ Эпикуръ не имѣлъ надобности. Для божества нѣтъ мѣста ни въ мірѣ физическомъ, ни въ мірѣ нравственномъ. «Все ложно, что ни говорятъ обыкновенно о богахъ», пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Эпикуръ, «и нѣтъ ничего справедливаго ни въ наказаніяхъ, которыя будто бы посылаютъ они злымъ, ни въ наградахъ, опредѣляемыхъ добрымъ». Правда, Эпикуръ иногда какъ бы признаетъ существованіе боговъ, что, напр., видно изъ слѣдующаго мѣста его ученія: «Есть боги, и мы имѣемъ о нихъ вѣрное понятіе; но они совершенно не таковы, какими представляетъ ихъ себѣ толпа. Нечестивецъ не тотъ, кто отказывается вѣрить въ божества, которымъ поклоняется толпа; а тотъ, кто представляетъ себѣ божества такими, какими ихъ

создала себѣ толпа». Но подобное признаніе, очевидно, неискренно и слишкомъ противорѣчитъ самой сущности ученія Эпикура. По свидѣтельству Цицерона, Эпикуръ долженъ былъ изъ страха предъ Аѳинянами скрывать свое полное безбожіе. Боги Эпикура состоятъ также изъ атомовъ и не имѣютъ отношенія къ управленію міромъ. Его деизмъ, если можно отыскать его слѣды въ сочиненіяхъ Эпикура, былъ болѣе на словахъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ: Verbis reliquisse deos, re sustulisse, какъ говоритъ о немъ Цицеронъ. Ученики Эпикура представляли его героемъ, освободившимъ человѣческій родъ отъ страха передъ несуществующими богами, и ставили его подвигъ на ряду съ подвигами Геркулеса. Механическое, болѣе или менѣе случайное соединеніе атомовъ освобождало, по ихъ мнѣнію, міръ отъ таинственнаго вліянія неизвѣстной силы, представляемой понятіемъ о божествѣ. Весь міръ образованъ изъ атомовъ и даже душа человѣка состоитъ изъ тончайшихъ огненныхъ атомовъ, имѣющихъ, какъ и огонь, сферическую форму, въ быстромъ движеніи пробѣгающихъ по тѣлу и его оживляющихъ. Тончайшая часть души, принимающая впечатлѣнія, передаваемыя чувствами, мыслящая, сосредоточена въ грудной полости. Свойствами атомовъ, изъ которыхъ состоитъ душа человѣка, объясняются его душевныя движенія и страсти; отъ преобладанія тѣхъ или другихъ атомовъ зависитъ темпераментъ человѣка. Состоя изъ атомовъ, отличныхъ отъ тѣхъ, изъ которыхъ образована грубѣйшая часть человѣческаго тѣла, душа до нѣкоторой степени независима отъ своей тѣлесной оболочки; она можетъ сохранять свѣтлое, невозмущенное состояніе при болѣзни и страданіи тѣла. Душа пріемлетъ впечатлѣнія отъ окружающаго міра посредствомъ этихъ же тончайшихъ атомовъ, отдѣляющихся отъ поверхности тѣлъ и предметовъ и проникающихъ чрезъ органы чувствъ человѣка до его души, въ которой и составляются такимъ образомъ

представленія о предметахъ. Смерть есть разрушеніе соединенія атомовъ; съ разрушеніемъ тѣла, грубѣйшей части человѣка, распадается также на основныя стихіи и душа, оживлявшая его. За предѣлами гроба нѣтъ для души дальнѣйшаго существованія, и въ отрицаніи загробнаго существованія видѣли Эпикуръ и его послѣдователи важнѣйшую заслугу своего ученія. Человѣкъ освобождался отъ трепета предъ подземнымъ міромъ, отъ страха наказаній за гробомъ. Отъ четырехъ родовъ страха освобождаетъ несчастныхъ людей его ученіе, думалъ Эпикуръ: отъ страха передъ смертію, отъ страха передъ внѣшнею природой, отъ страха передъ богами, и наконецъ отъ страха передъ судьбою. Такое ученіе о вселенной становилось діаметрально противоположно не только тому или другому народному культу, но и вообще всякому религіозному вѣрованію. Послѣдователь Эпикура если и не возставалъ явно противъ существующаго культа, если и исполнялъ внѣшніе обряды, предписанные закономъ или освященные обычаемъ, то во всякомъ случаѣ онъ уничтожилъ въ своей душѣ всякую вѣру въ божество, не только въ предметы поклоненія народныхъ массъ. По своему характеру ученіе Эпикура не могло овладѣть сознаніемъ народовъ и должно было распространяться попреимуществу въ высшихъ слояхъ общества. Но примѣръ невѣрія, подаваемый послѣдователями Эпикура, презрѣніе, обнаруживаемое ими къ предметамъ народнаго поклоненія, должны были разрушительно дѣйствовать на религіозныя убѣжденія самого народа, ослаблять въ немъ религіозное чувство, подрывать вѣру въ національныя божества и если не уничтожить въ немъ потребность въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, то сильно содѣйствовать освобожденію его отъ исключительно народныхъ мѣстныхъ вѣрованій.

Нравственное ученіе Эпикура находилось въ не менѣе рѣзкомъ противорѣчіи съ общепринятыми, господствовавшими

тогда началами нравственности. Цѣль человѣка есть достиженіе возможнаго спокойствія и довольства души, или счастія. «Полагая принципъ, что счастіе есть цѣль человѣческой жизни, пишетъ Эпикуръ, мы нисколько не думаемъ говорить о наслажденіяхъ роскоши или разврата, какъ полагаютъ нѣкоторые, не понимающіе нашего ученія или ложно его толкующіе. Счастіе, которое мы разумѣемъ, состоитъ въ здоровьѣ тѣла и въ невозмущаемомъ спокойствіи души». Тотъ же Эпикуръ говоритъ впрочемъ: «Я не знаю, какое бы я могъ составить понятіе о благѣ, еслибы не имѣлъ наслажденій, доставляемыхъ пищею и питьемъ, музыкою, прекрасными формами и любовью». Если самъ Эпикуръ не ставилъ матеріальнаго наслажденія цѣлію жизни, то его послѣдователи пошли далѣе своего учителя. Приверженцы Эпикурова ученія, по своему отрицанію боговъ и по своему нравственному ученію, противоположному общепринятымъ началамъ нравственности, не разъ навлекали на себя преслѣдованія. Республика Мессенія приказала всѣмъ эпикурейцамъ оставить городъ до захожденія солнца. Подобные же строгіе декреты мы встрѣчаемъ и въ другихъ городахъ Греціи. Въ Римѣ, по свидѣтельству Цицерона, ни одинъ эпикуреецъ не могъ объявить предъ народомъ, что онъ послѣдователь ученія Эпикура; неловко было признаться въ этомъ даже въ сенатѣ, состоявшемъ изъ людей болѣе или менѣе подчинившихся вліянію греческой философіи.

Въ другой разъ я остановлюсь подробнѣе на нравственномъ ученіи Эпикура и на римскихъ эпикурейцахъ. Перехожу къ стоицизму, къ его воззрѣнію на міръ и на божество.

Какъ ученіе Эпикура примыкало къ ученію Демокрита Абдерскаго и атомистической школы, точно также въ основѣ ученія Зенона, основателя стоицизма, найдется много сходнаго съ началами философскихъ воззрѣній Гераклита. Воззрѣніе

стоиковъ на вселенную отличается простотою и логичностію. Дѣйствительно только то, что̀ познается чувствами. Матерія есть основаніе и сущность всѣхъ вещей; на матерію дѣйствуетъ сила. Душа и тѣло представляются неразрывно другъ отъ друга. Душа есть активное дѣйствующее начало (принципъ), тѣло—страдательное, пассивное начало всякаго бытія. Божество также является душою и тѣломъ, силою и матеріею; но это раздвоеніе природы не мѣшаетъ ей являться существомъ простымъ и цѣльнымъ. Божество есть попреимуществу сила. Сила въ напряженіи является вселенною, сила сосредоточенная сама въ себѣ является божественною душою. Повидимому стоики разногласятъ между собою въ опредѣленіи отношеній божества къ природѣ. У однихъ божество слито съ природою, у другихъ оно является, какъ нѣчто существующее отдѣльно отъ нея. Разногласіе впрочемъ только видимое, кажущееся, и нисколько не существенное. Сосредоточенная въ самой себѣ, въ абсолютномъ единствѣ и нераздѣльности, міровая сила является божествомъ; та же сила въ ея дѣйствіи, въ ея проявленіи становится природою, вселенною. Стоики часто сравниваютъ божественное начало съ зерномъ, съ сѣменемъ, изъ котораго развивается по опредѣленнымъ законамъ весь міръ. Природа не только истекаетъ изъ божества, но и сама становится божествомъ — божествомъ, разсматриваемымъ въ его развитіи и проявленіи. Философское богословіе стоиковъ можетъ попреимуществу назваться пантеизмомъ. Божество проникаетъ повсюду и все заключаетъ въ себѣ. Понятіе о вселенной не заключаетъ въ себѣ всего понятія о божествѣ. Вселенная не есть божество въ полномъ смыслѣ, но она составляетъ часть божества, она божество въ проявленіи. Божество стоиковъ не управляетъ міромъ съ недоступныхъ высотъ: оно проникаетъ во всю природу, согрѣваетъ ее своимъ пламенемъ, оживляетъ ее собою. Всѣ силы, дѣйствующія въ

природѣ, суть проявленія одной и той же божественной силы, различныя формы одной и той же божественной жизни. Божество стоиковъ не имѣетъ своей собственной, ему исключительно свойственной формы. Какъ миѳологическій Протей, оно является подъ всѣми видами и во всякой формѣ. Оттого для своего божества стоики принимали всѣ имена, представляемыя древнею миѳологіей. Какъ общая причина бытія, оно можетъ быть названо Зевсомъ; какъ силѣ огня, ему прилично названіе Гефеста-Вулкана; какъ сила воздушная — это Гера-Юнона; какъ сила земная или подземная — Кибелла или Плутонъ. Каждая отдѣльная сила природы, каждая манифестація этой силы можетъ быть чтима, какъ божество, потому что есть часть, извѣстная сторона божественной силы. Созвѣздія могутъ считаться богами, потому что они вліяютъ на судьбу низшей природы, но они только проявленія божества. Созвѣздія могутъ разрушиться и измѣнить свою форму, ибо измѣнчива и подвержена разрушенію каждая отдѣльная часть вселенной: вѣчна одна только матерія да неразрывно соединенная съ нею и въ ней дѣйствующая сила. Стоики принимали даже періодическое разрушеніе и обновленіе видимой природы. Въ общемъ пожарѣ, по истеченіи великаго года (міроваго періода), многообразіе и разнообразіе видимой природы возвратится къ своему первоначальному единству съ тѣмъ, чтобы изъ этого единства снова развиться въ многообразіе.

Легко опредѣлить отношеніе стоицизма къ существующему культу, къ народнымъ вѣрованіямъ. Разсматривая вообще религіозныя вѣрованія народа, стоики находили въ нихъ произвольные вымыслы поэтовъ, ложныя сказанія и миѳы, грубыя суевѣрія, и съ презрѣніемъ отзывались о нихъ. Но отвергая суевѣрное поклоненіе народныхъ массъ, стоики были не прочь принять имена народныхъ божествъ для обозначенія

различныхъ манифестацій божественной силы, дѣйствующей въ природѣ. Они признавали излишними храмы, въ которыхъ поклонялись изображеніямъ божества; но храмы и изображенія не имѣли въ ихъ глазахъ существенной важности и могли быть оставлены и почитаемы тамъ, гдѣ они уже находились. Часть народныхъ ми [illegible] орическомъ смыслѣ была принята въ самое уч [illegible] ой школы и главные учители Стои объясняли и [illegible] ъ смыслѣ: такъ Зенонъ, Клеантъ, Хризиппъ [illegible] не отвергали и поклоненія героямъ, ра [illegible] ему свое особенное значеніе. Душа чел [illegible] божества и въ этомъ смыслѣ Эпиктетъ говоритъ, чт [illegible] епрестанно имѣемъ съ собою бога. Въ этомъ же смы [illegible] воритъ и Маркъ Аврелій, вѣнчанный послѣдователь сто [illegible] й философіи, что каждому человѣку далъ Богъ особаго демона, или генія въ руководители, который составляетъ неразрывную часть его самого. Съ убѣжденіемъ стоиковъ, что божество проникаетъ и наполняетъ собою все существующее, могло быть соглашено частію и вѣрованіе въ оракулы, предсказанія, сны и т. под., которые становились тѣми же естественными проявленіями божественной силы. Не смотря однакоже на такую постановку стоицизма относительно народныхъ религіозныхъ вѣрованій, не смотря на то, что стоики воздерживались отъ прямаго опроверженія существующихъ культовъ, ихъ ученіе о божествѣ и его проявленіяхъ было прямымъ отрицаніемъ народныхъ вѣрованій, столь же для нихъ опасныхъ, какъ и безвѣріе Эпикура.

Какъ бы ни были разнообразны и противорѣчивы между собою школы греческой философіи, съ которыми знакомились Римляне, ихъ дѣйствіе на ослабленіе чисто національныхъ вѣрованій было почти одинаково. И сомнѣніе ново-академиковъ, и отрицаніе божества эпикурейцевъ, и пантеистическое

[redacted]

воззрѣніе стоиковъ находились въ одинаковомъ противорѣчіи съ вѣрованіями римскаго общества. Рядомъ съ распространеніемъ греческой философіи въ римскомъ обществѣ, мы можемъ слѣдить за распространеніемъ отрицанія основныхъ религіозныхъ убѣжденій Рима, и каждый новый шагъ философской мысли былъ неизбѣжно насчетъ народнаго вѣроученія. Практическій умъ Римлянина мало былъ способенъ къ самобытной философской дѣятельности, къ отвлеченнымъ, метафизическимъ понятіямъ. Принимая отъ Греціи результаты ея философіи, Римляне мало сдѣлали собственно для дальнѣйшаго развитія философскихъ теорій. Всего менѣе можно было ожидать отъ нихъ творческой, самостоятельной дѣятельности въ этой чуждой для нихъ области. Распространеніе греческой философіи въ областяхъ западнаго латинскаго міра было поэтому распространеніемъ внѣшнимъ, усвоеніемъ со стороны Запада уже готовыхъ результатовъ греческой мысли, ихъ обобщеніемъ и практическимъ примѣненіемъ. Только одна часть философскаго ученія была болѣе или менѣе самостоятельно развита Римлянами, и только въ ней одной они пошли нѣсколько далѣе своихъ наставниковъ, и это именно была та часть, которая подходила къ народному характеру Римлянъ. Мы говоримъ о нравственномъ ученіи и о приложеніи его къ жизни. Не всегда Римляне, подчиняясь философскому вліянію Греціи, оставались строгими послѣдователями той или другой школы. Всего чаще и въ сочиненіяхъ большинства римскихъ мыслителей мы видимъ соглашеніе, примиреніе различныхъ ученій, выборъ изъ нихъ того, что казалось имъ болѣе справедливымъ, — однимъ словомъ, господствующимъ направленіемъ римскихъ философовъ былъ эклектизмъ. И это очень понятно. При отсутствіи самостоятельнаго мышленія, при непривычкѣ къ нему, при недовѣріи и нѣкоторомъ пренебреженіи къ чисто философской дѣятельности, единственно возможное направленіе

было то, которое ограничивается внѣшнимъ соединеніемъ и примиреніемъ различныхъ ученій, не проникая глубоко ни въ одно изъ нихъ, не вскрывая внутреннихъ несогласимыхъ противорѣчій, лежащихъ въ основѣ этихъ ученій. Эклектизмъ господствуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ самостоятельнаго мышленія, и въ тѣ эпохи, когда м[illegible]ло свою творческую, производительную силу. С[illegible]воемъ умѣ различныя ученія можно только тогда, [illegible]ъ находится въ свободномъ отношеніи къ нимъ. Э[illegible]ществуетъ у эклектиковъ вслѣдствіе того, что они бол[illegible]стію только внѣшнимъ образомъ воспринимаютъ въ с[illegible] и другую систему, не повторяя въ своемъ собственном[illegible]ніи того процесса мысли, путемъ котораго образовал[illegible] другое ученіе. У Римлянъ же не было самостоятельнаг[illegible]лософскаго мышленія, а только большая или меньшая легкость внѣшняго восприятія. Являясь слѣдствіемъ отсутствія самостоятельнаго, крѣпкаго мышленія, эклектизмъ по необходимости долженъ былъ близко сходиться съ скептицизмомъ: и, дѣйствительно, въ философскихъ твореніяхъ римскихъ писателей мы видимъ соединеніе этихъ двухъ направленій, и нигдѣ не обнаруживается оно съ такою ясностію, какъ въ сочиненіяхъ Цицерона, которому особенно обязана греческая философія своимъ распространеніемъ въ западно-латинскомъ мірѣ, своею популяризаціей, если можно такъ выразиться.

Относительно національныхъ религіозныхъ вѣрованій философскія ученія, какъ бы они разнообразны ни были, оказывали, какъ уже замѣчено, одинаковое дѣйствіе: всѣ они подрывали самую основу народныхъ вѣрованій, всѣ они были враждебны народной религіи, и Цицеронъ имѣлъ право сказать, что занимающіеся философіей не признаютъ существованія боговъ. Еслибы народныя вѣрованія условливались только ихъ силою въ сознаніи общества, нѣтъ ни

малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ болѣе или менѣе образованные классы римскаго общества отвергли бы національный культъ, даже соглашенный съ культомъ греческимъ. И подъ своими римскими и подъ греческими именами древнія божества Рима не имѣли силы въ сознаніи образованнаго общества, котораго коснулось уже вліяніе философской мысли. Но національный культъ Рима имѣлъ еще другую основу, кромѣ той, которую имѣлъ онъ въ сознаніи. Національный культъ Рима былъ тѣсно связанъ со всею исторіей города, со всѣми государственными учрежденіями; а государственная жизнь была тою областію, въ которой почти исключительно жилъ и дѣйствовалъ Римлянинъ, въ которой обнаруживались и самобытность, и цѣлостность его народнаго характера, гдѣ былъ онъ попреимуществу у себя дома. Какъ Греція и Востокъ были родиною религіозно-философскаго развитія, почвою, на которой могли возникнуть и развиться стремленія человѣческой мысли, порывы человѣческаго духа въ безграничную область знаній, такъ Римъ попреимуществу былъ страною государственной жизни. Религіозныя вѣрованія хранились не потому только, что удовлетворяли потребностямъ духовной стороны человѣческой природы, но потому, что неразрывно слились съ государственными, политическими учрежденіями; а въ сферѣ государственной дѣятельности Римлянинъ дѣйствовалъ съ необыкновенною осмотрительностію и налагалъ руку на то или другое учрежденіе только послѣ тяжелой внутренней борьбы, послѣ полнаго убѣжденія въ окончательной несостоятельности этого учрежденія, въ его несовмѣстимости съ новыми государственными потребностями. Съ любовью смотрѣлъ онъ на вѣковыя формы своихъ учрежденій и, даже рѣшаясь на измѣненіе сущности старыхъ учрежденій, еще хотѣлъ бы удержать ихъ прежнюю форму. Всего менѣе можно было ожидать отъ истиннаго Римлянина легкомысленнаго, поспѣшнаго

отреченія отъ прежнихъ формъ его государственнаго устройства. Правда, исторія Рима представляетъ развитіе государственныхъ учрежденій, измѣненіе въ ихъ характерѣ и значеніи, и конечно не Римъ можно упрекнуть въ политической неподвижности, въ окаменѣлости его государственнаго устройства. Напротивъ, над [illegible] общества и народа какъ бы сосредоточилась г [illegible] номъ развитіи, какъ бы исключительно сюда обрат [illegible] вижeніе впередъ Римлянинъ въ высшей степен [illegible] инять съ уваженіемъ къ прошедшему и не думалъ р [illegible] связи съ своимъ предшествовавшимъ развитіемъ. Суще [illegible] ніе народнаго культа поэтому не вполнѣ зависѣло [illegible] ль [illegible] чистаго религіознаго сознанія. Даже совершенно [illegible] всю власть надъ умами, онъ еще крѣпко держался, ка [illegible] деніе чисто политическое, и, чтобы подорвать это послѣднее основаніе, необходимо было измѣненіе во всемъ общественномъ и государственномъ строѣ римскаго народа, коренное измѣненіе въ самыхъ старо-римскихъ учрежденіяхъ, съ которыми онъ былъ такъ тѣсно связанъ. Любопытно поэтому взглянуть на отношеніе къ національному культу людей, уже увлеченныхъ вліяніемъ греческой философіи, уже пришедшихъ тѣмъ или другимъ путемъ къ убѣжденію во внутренней несостоятельности народныхъ вѣрованій.

Въ этомъ отношеніи для насъ пока не нужно знать, къ какой философской школѣ принадлежалъ тотъ или другой писатель: всѣ пути приводили къ одному и тому же результату, т. е. къ отрицанію народныхъ вѣрованій. Но божество Рима, повторяю, жило не въ одномъ религіозномъ сознаніи народа: оно было, такъ сказать, членомъ государственнаго организма. Чуждое божество принималось въ Римѣ на основаніи сенатскаго декрета и народнаго опредѣленія, а не вслѣдствіе пріобрѣтенной имъ силы надъ религіознымъ сознаніемъ. При обсужденіи

[redacted]

вопроса, дать или не дать тому или другому божеству права римскаго гражданства, принимались въ соображеніе мотивы чисто политическіе, и разъ пріобрѣтенное право могло быть отнято только на основаніи тѣхъ же государственныхъ соображеній. Религія Рима была въ полномъ смыслѣ государственною, и безъ измѣненія самой государственной конституціи нельзя было отказать въ поклоненіи божествамъ государственнаго культа. Сознаніе этого государственнаго характера религіи рядомъ съ ея самостоятельнымъ значеніемъ было общимъ почти для всѣхъ мыслящихъ Римлянъ. Первосвященникъ Котта, повторяя слова Катона, что весьма удивительно, какъ можетъ сохранять серьёзность и важность гаруспексъ при взглядѣ на своего собрата, говоритъ о вопросѣ, существуютъ ли боги, и полагаетъ, что рѣшеніе его можетъ зависѣть отъ того, гдѣ предлагается онъ. Въ народномъ собраніи трудно отрицать существованіе боговъ, но очень легко въ дружеской, интимной бесѣдѣ. Какъ жрецъ, Котта съ величайшею тщательностію и точностію соблюдалъ всѣ обряды внѣшняго культа; какъ человѣкъ, онъ не могъ находить въ своемъ умѣ достаточныхъ основаній для того, чтобы убѣдиться въ ихъ существованіи, и, напротивъ, находилъ много поводовъ къ мысли, что боги вовсе не существуютъ. Не надобно думать, чтобы это противорѣчіе Котты, какъ гражданина, и Котты, какъ человѣка, объяснялось одною боязнію обнаружить передъ народомъ свое мнѣніе, рѣзко противорѣчащее народнымъ вѣрованіямъ. Это противорѣчіе находило себѣ объясненіе въ сознаніи необходимости государственной религіи и невозможности коснуться культа и вѣрованій, не касаясь самыхъ основъ государственнаго быта. Уже при первомъ проникновеніи греческой философіи въ Римъ явилось сознаніе этого чисто государственнаго значенія религіи, и въ послѣдній періодъ республики оно выразилось въ строгой системѣ, было возведено въ принципъ.

Верховный первосвященникъ, Квинтъ Сцевола, бывшій консуломъ за 95 л. до Р. Хр., изложилъ свое воззрѣніе на всю сумму религіозныхъ вѣрованій, обращавшихся въ народѣ. По его мнѣнію, сохраненному намъ бл. Августиномъ, всѣ божества могутъ быть раздѣлены на три категоріи: 1) введенныя поэтами, 2) введен [illegible], и 3) введенныя государственными в [illegible] civitatis).Божества, поклоненіе которымъ в [illegible] и, не могутъ быть признаваемы: это соз [illegible] і фантазіи поэтовъ, и притомъ искаженныя, [illegible] достоин [illegible] лоненія. Поэты приписали своимъ божествамъ дѣла недо [illegible] я не только божества, но и просто честнаго человѣка. [illegible] богъ у нихъ воръ, другой распутникъ; большая часть го [illegible] и дѣйствуетъ совершенно неприлично и безчестно [illegible] atque inepte). Поклоненіе божествамъ, созданнымъ философіей, не годится для государства, потому что въ философскомъ понятіи о божествѣ много излишняго и даже такого, что̀ не безопасно знать народу. Достойно сохраненія лишь то поклоненіе, которое введено государственною властію.

Еще полнѣе высказалось это воззрѣніе въ знаменитомъ сочиненіи М. Варрона о древностяхъ, которое, по свидѣтельству современниковъ, соединяло въ себѣ рѣдкое трудолюбіе и знаніе съ критикой и проницательностію. Религіознымъ вѣрованіямъ Варронъ посвятилъ послѣднюю часть своего труда, и это — вслѣдствіе особеннаго воззрѣнія на государство и религію. Государство предшествовало культу и создало его; предшествовало (приводимъ сравненіе самого Варрона), какъ живописецъ предшествуетъ самой картинѣ, архитекторъ — построенному имъ зданію, государство — государственнымъ учрежденіямъ. Все богословіе, или ученіе о богахъ, онъ дѣлитъ на три части, или категоріи, давая каждой научное опредѣленіе. Теологія можетъ быть или миѳическая,

или физическая, или гражданская. Миѳическая теологія Варрона соотвѣтствуетъ поэтической Сцеволы. Миѳическая теологія — созданіе поэтовъ; она допускаетъ многое совершенно противное достоинству и природѣ божества, приписываетъ богамъ поступки, приличные только самымъ недостойнымъ смертнымъ. Божество родится изъ головы, изъ ляшки, изъ капли крови; божества воруютъ, распутствуютъ, находятся въ услуженіи у людей. Теологія физическая, или естественная, есть ученіе о божествѣ, выработанное философскими школами, оставившими множество сочиненій объ этотъ предметѣ. Не отвергая философскаго ученія о божествѣ, Варронъ однакожь того мнѣнія, что оно не должно быть передаваемо народу, и одна изъ причинъ этого состоитъ въ томъ, что философскія воззрѣнія на божество не вполнѣ согласны между собою. Только послѣдняя, т. е. религія, установленная городомъ или государствомъ, должна быть сохраняема народомъ. Гражданская теологія должна соотвѣтствовать потребностямъ каждаго государства и потому въ ней нечего искать всеобщности, соотвѣтствія съ требованіями разума и вообще духовной природы человѣка. Господствующій ея характеръ долженъ быть мѣстный, исключительно національный. Такое понятіе о государственной, гражданской религіи ясно видно изъ слѣдующаго опредѣленія Варрона. Желая полнѣе характеризовать, нагляднѣе обозначить каждую теологію, Варронъ говоритъ: «Первая изъ нихъ (миѳическая) въ особенности приспособлена и годна для театра, вторая (физическая) — для всего міра, а третья — для города или государства». Народный культъ, по мнѣнію Сцеволы и Варрона, вытекаетъ не изъ религіозныхъ представленій, не изъ глубины народнаго сознанія, а создается городомъ или государствомъ для цѣлей исключительно государственныхъ. Народный культъ до нѣкоторой степени перестаетъ быть вѣрованіемъ, религіей въ ея настоящемъ значеніи и

становится государственнымъ учрежденіемъ, необходимымъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Жрецъ не служитель божества, но слуга государства. Индивидуальное вѣрованіе отдѣльныхъ лицъ можетъ отвергать вѣру въ предметы государственнаго поклоненія, но отдѣльное лице, какъ гражданинъ, должно точно также исполнять всѣ внѣшнія требованія государственнаго культа, какъ обязано отбывать всякую государственную повинность. Такой разладъ между личнымъ убѣжденіемъ и государственнымъ вѣрованіемъ сильно замѣтенъ въ соч. Цицерона, о религіозныхъ воззрѣніяхъ котораго мы скажемъ нѣсколько словъ послѣ. Теперь же для насъ важенъ Цицеронъ, какъ римскій сановникъ и гражданинъ, какъ человѣкъ и мыслитель.

Цицеронъ самъ авгуръ. По его собственному признанію, онъ полагаетъ, что необходимо сохранить предсказанія авгуровъ и гаруспиковъ «для государственныхъ цѣлей и для общей религіи (communis religio)». Предсказанія авгуровъ и гаруспиковъ были для него проявленіями государственной власти, средствомъ дѣйствовать на народъ. Передъ началомъ битвы необходимо вопрошать божественную волю и узнать ее по тому, какъ ѣдятъ священные цыплята предлагаемый кормъ. Нужно только въ случаѣ, если въ умѣ полководца есть убѣжденіе въ необходимости вступить въ сраженіе, принять свои мѣры, чтобы цыплята бросились съ жадностью на кормъ: нужно предъ тѣмъ поморить ихъ голодомъ. Разсматриваніе внутренностей жертвенныхъ животныхъ полезно даже въ томъ случаѣ, если божество и не высказываетъ никогда своей воли посредствомъ внутренностей. Авгуръ можетъ и не выходить всю ночь изъ своей палатки, но для государственной цѣли важно иногда получить благопріятное предзнаменованіе, и Цицеронъ убѣжденъ въ пользѣ и необходимости гаданій и предсказаній для государственныхъ цѣлей. Когда случилось, что въ минуту открытія заговора Катилины поставили статую

Юпитера на форумѣ, Цицеронъ блистательно воспользовался этимъ совпаденіемъ двухъ происшествій, другъ отъ друга, повидимому, совершенно не зависѣвшихъ, и воспользовался для своей государственной цѣли. Другое дѣло, вѣритъ-ли онъ, какъ человѣкъ, тому, во что онъ считаетъ своею обязанностью вѣрить, какъ гражданинъ и какъ государственный сановникъ римскаго народа. Какъ человѣкъ, онъ недоумѣваетъ насчетъ причины, почему статуя Юпитера явилась такъ кстати на форумѣ: воля-ли Провидѣнія, лѣность-ли работниковъ, недостатокъ-ли въ деньгахъ замедлили именно до этой минуты постановку статуи, онъ не знаетъ. Относительно же авгуровъ и гаруспиковъ его мнѣніе совершенно установилось. Во всѣхъ этихъ гаданіяхъ, по его личному убѣжденію, совсѣмъ нѣтъ смысла. Въ дружескомъ письмѣ онъ говоритъ, что предпочтетъ каждое изъ своихъ собственныхъ соображеній всѣмъ предсказаніямъ гаруспиковъ. Въ своемъ сочиненіи о гаданіяхъ (De divinatione) онъ окончательно подорвалъ всякую вѣру въ учрежденіе, которое столько разъ защищалъ, какъ государственную необходимость. Нигдѣ такъ остроумно и ѣдко не осмѣяны всѣ продѣлки авгурной коллегіи, которой онъ былъ членомъ, и никогда даже христіанскіе писатели въ своей ожесточенной борьбѣ съ языческими суевѣріями не наносили имъ такихъ тяжелыхъ ударовъ, не предавали такому позору авгурскую мудрость. Понятно, какому во время попытокъ возстановить павшее язычество были преданы проклятію это и ему подобныя сочиненія Цицерона; даже запрещено было ихъ чтеніе. Въ рукахъ противниковъ древняго культа сочиненія Цицерона дѣлались самымъ опаснымъ, смертоноснымъ орудіемъ. Но однако Цицеронъ не считалъ непослѣдовательнымъ подобное противорѣчіе. Авгурство и гаруспицизмъ были орудіями государственной власти, и, признавая необходимость употреблять эти орудія, Цицеронъ однакоже не считалъ нужнымъ оправдывать

ихъ со стороны ихъ внутренней самостоятельности. Передъ судомъ разума или просто даже здраваго смысла и авгурство и гаруспицина не имѣли ни малѣйшаго значенія; смотрѣть на нихъ нужно было съ точки зрѣнія государственной, съ которой они заслуживаютъ сохраненія, и ихъ не должно уничтожать. Преслѣдовать необходимо суевѣрія, не имѣющія государственной важности, не связанныя съ существующими государственными учрежденіями. Уничтожать нужно все, что̀ не установлено государствомъ; все же, что̀ основано на обычаяхъ предковъ, на государственныхъ постановленіяхъ, что̀ получило, вслѣдствіе давней привычки, силу обязательнаго закона, все это должно быть соблюдаемо внѣшнимъ образомъ, хотя бы оно и не выдерживало ни малѣйшей критики.

Цицеронъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ проводниковъ греческой философіи въ области западнаго римскаго міра; на его философскихъ сочиненіяхъ всего лучше можно прослѣдить дѣйствіе греческой мысли на ея римскихъ приверженцевъ. Самобытнаго, творческаго мышленія не было въ Цицеронѣ, какъ не было его въ большинствѣ римскихъ мыслителей, но зато не было недостатка въ быстротѣ и легкости воспріимчивости, въ умѣньи усвоить и передать результаты чужаго мышленія. Цицерону-философу недоставало того же, чего недоставало Цицерону-политику — крѣпости основныхъ убѣжденій, вѣры въ самого себя, въ тѣ начала, которыхъ является онъ защитникомъ. Въ философіи является Цицеронъ эклектикомъ съ постояннымъ оттѣнкомъ скептицизма. Причиною было отчасти воспитаніе. Первые уроки получилъ онъ отъ Филона, философа Новой Академіи, и въ то же почти время онъ пользовался діалектическимъ наставленіемъ стоика Діодота, къ которому до конца своей жизни сохранялъ благодарное и дружеское расположеніе. Когда Цицеронъ отправился въ Аѳины и въ Грецію, чтобы въ тамошнихъ школахъ окончить свое

образованіе, онъ слушалъ лекціи и скептическихъ академиковъ и эпикурейца Зенона и, въ Родоссѣ, стоика Поссидонія. Ни одна современная философская школа не съумѣла исключительно овладѣть умомъ любознательнаго юноши. Правда, что для Цицерона философія не была главнѣйшимъ предметомъ занятій; философію изучалъ онъ не для нея самой, не для того, чтобы въ ней найти разрѣшеніе вопросовъ, неотвязно требовавшихъ положительнаго отвѣта и овладѣвавшихъ его умомъ. Воззрѣніе Цицерона на философію было, если можно такъ выразиться, практическое. Отъ нея требовалъ онъ помощи для достиженія другихъ, внѣ ея лежащихъ цѣлей. Самостоятельное значеніе она едвали имѣла въ его глазахъ. Изученіе философіи было необходимо для оратора и государственнаго человѣка. Философія, по его словамъ, была источникомъ совершеннѣйшаго краснорѣчія (mater omnium bene factorum beneque dictorum). Въ занятіяхъ ею всего приличнѣе могъ употребить свое время государственный дѣятель, почему бы то ни было сходившій съ политической арены и не имѣвшій возможности на нее возвратиться. Но между занятіемъ философіей и участіемъ въ дѣлахъ государственныхъ не можетъ быть выбора, и притомъ вовсе не потому, чтобы долгъ гражданина заставлялъ отдавать предпочтеніе послѣднему. Политическая, государственная дѣятельность сама по себѣ важнѣе и достойнѣе человѣка, чѣмъ философскія занятія. Философскія занятія не могутъ поглотить всего человѣка, хотя они и могутъ доставить ему нѣкоторое утѣшеніе и облегченіе въ горѣ. Въ нихъ человѣкъ находитъ, если не вѣрное средство противъ отчаянія, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое забвеніе печальныхъ мыслей (exiguam doloris oblivionem). Служебное, второстепенное значеніе философіи ясно изъ многихъ мѣстъ сочиненій Цицерона. Чистое мышленіе не было само для себя цѣлью: оно было только болѣе или менѣе могущественнымъ орудіемъ для

цѣлей чисто практическихъ. Понятно, что при такомъ воззрѣніи Цицеронъ могъ быть ревностнымъ посѣтителемъ самыхъ разнообразныхъ философскихъ школъ, могъ одинаково легко воспринимать самыя противоположныя мнѣнія и передавать ихъ одинаково искусно и свободно. Противорѣчія не разрѣшались путемъ самостоятельнаго мышленія; они оставались рядомъ, какъ двѣ или нѣсколько болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ. Отсутствіе самостоятельности предполагаетъ и отсутствіе цѣльности. Для Цицерона не было внутренней потребности обнять всю полноту философскаго знанія или даже той или другой системы. Каждая система являлась въ его умѣ не какъ нѣчто неразрывно цѣлое, а только какъ сумма отдѣльныхъ мнѣній по отдѣльнымъ вопросамъ. Каждая философская доктрина, точно также какъ и самая философія, распадается у него на дробныя части (loci), не имѣющія между собою внутренняго единства, слабо связанныя одна съ другою. Цѣль его философскихъ сочиненій была передать Римлянамъ на ихъ родномъ языкѣ всѣ разнообразныя мнѣнія греческихъ ученыхъ (ut nullum philosophiae locum esse pateremur, qui non latinis litteris illustratus poteret). Передавая эти разнообразныя мнѣнія, Цицеронъ не соглашаетъ ихъ, не провѣряетъ собственною мыслію, удерживается отъ собственнаго заключенія, ограничивается простымъ переводомъ на латинскій языкъ, позволяя себѣ только привести ихъ въ нѣкоторый порядокъ. «Minore labore fiunt, говоритъ онъ самъ о своемъ трудѣ, verba tantum affero, quibus abundo».

При такомъ отношеніи къ философскимъ ученіямъ Греціи, при такомъ направленіи собственной философской дѣятельности Цицерона, понятно, какой системѣ могъ онъ по преимуществу отдавать свои симпатіи; понятно также и то, что въ различныхъ вопросахъ, или въ различныхъ частяхъ философіи, онъ могъ слѣдовать и различнымъ ученіямъ. Ученикъ

[redacted]

академиковъ, эпикурейцевъ и стоиковъ, Цицеронъ однакоже всего болѣе былъ послѣдователемъ Новой Академіи. Скептицизмъ—естественный спутникъ, необходимое слѣдствіе отреченія отъ самостоятельнаго мышленія. Сомнѣнія разрѣшаются только путемъ самобытнаго мышленія и только въ томъ случаѣ, когда каждое сомнѣніе, возникающее въ душѣ человѣка, настойчиво требуетъ себѣ разрѣшенія, когда каждый вопросъ требуетъ отвѣта, когда этотъ отвѣтъ становится жизненною потребностью. Гдѣ нѣтъ этой внутренней, томящей человѣка жажды разрѣшить тревожащія его сомнѣнія, гдѣ самому разрѣшенію не придается особой важности, тамъ сомнѣніе можетъ существовать вѣчно неразрѣшимымъ рядомъ съ мнѣніями, вызвавшими его; тамъ самое сомнѣніе приходитъ точно также извнѣ, является точно также заимствованнымъ, какъ и мнѣніе, его породившее. Сомнѣніе не возникаетъ изъ самаго сознанія человѣка и, какъ нѣчто внѣшнее, постороннее, можетъ оставаться не разрѣшеннымъ. Возникая же изъ самой глубины сознанія, оно не можетъ существовать долго и неминуемо ведетъ къ какому-нибудь разрѣшенію, въ ту или другую сторону. Остановиться на сомнѣніи едвали возможно для самодѣятельной мысли. Цицеронъ остановился на сомнѣніяхъ школы Аркезилая и Карнеада, потому что его не затрогивали глубоко самые вопросы, относительно которыхъ возникали сомнѣнія, потому что въ немъ не было самостоятельнаго философскаго мышленія, не было внутренней необходимости разрѣшить для себя самого противорѣчіе. Скептицизмъ—признакъ безсилія мысли, точно также какъ эклектизмъ—признакъ отсутствія творческой силы мысли. И то и другое направленія особенно характеризуютъ собою переходныя эпохи, эпохи разложенія старыхъ формъ. По своему эклектическому направленію Цицеронъ не могъ точно также безусловно примкнуть къ школѣ Карнеада, какъ и ко всякой другой школѣ; но

ученіе Новой Академіи всего ближе подходило къ его натурѣ, всего болѣе давало возможности быть философомъ безъ самостоятельнаго философскаго мышленія. Различіе Цицерона отъ послѣдователей Карнеада состоитъ главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Цицеронъ не можетъ уничтожить всякое различіе между тѣмъ, что̀ истинно и тѣмъ, что̀ ложно; онъ говоритъ, что есть многое, что̀ мы имѣемъ нѣкоторое основаніе признать за истинное, и есть многое, что̀ точно съ такимъ же основаніемъ можемъ отвергнуть, какъ ложное; но во всемъ истинномъ есть необходимая примѣсь ложнаго (omnibus veris falsa quaedam adjuncta), и у человѣка нѣтъ вѣрнаго критеріума для истиннаго и ложнаго, нѣтъ никакихъ вѣрныхъ признаковъ, по которымъ онъ могъ бы признать истинное и тотчасъ отличить его отъ ложнаго (in iis nulla insit certa judicandi et assentiendi nota). Къ школамъ чисто догматическимъ Цицеронъ не можетъ примкнуть потому, что онѣ не допускаютъ въ себѣ сомнѣній относительно своихъ положеній, между тѣмъ какъ Цицеронъ многое готовъ считать вѣроятнымъ, не ручаясь однакоже, чтобы это вѣроятное было истинное и дѣйствительно вѣрное.

Даже въ нравственномъ ученіи, то-есть въ той части философіи, гдѣ Цицеронъ всего болѣе желалъ бы имѣть твердыя убѣжденія и гдѣ вопросы всего болѣе интересовали его, онъ не можетъ отрѣшиться отъ сомнѣній, потому что и тутъ ему недостаетъ критеріума истины, несомнѣнныхъ признаковъ для отличія лжи отъ истины. Всѣми силами души хотѣлъ бы вѣрить Цицеронъ въ истину своего нравственнаго ученія, и однакоже онъ сознаетъ свое безсиліе отстоять путемъ разума основныя положенія своей морали. «Я умоляю, говоритъ онъ, замолчать Академію, эту возмутительницу всякаго знанія, потому что, если вторгнется она въ эту такъ хорошо построенную мною систему, она все обратитъ въ развалины. Я бы

[redacted]

желалъ умилостивить ее, но отстранить не смѣю (quam placare cupio: submovere non audeo)». Между тѣмъ Цицеронъ самъ считаетъ нравственное ученіе самою положительною частью философіи, и въ нравственномъ ученіи онъ всего ближе подходитъ къ догматической системѣ стоицизма.

При такомъ отсутствіи критеріума истины, мы не можемъ требовать отъ Цицерона яснаго и положительнаго ученія о божествѣ и природѣ. Ученіе о природѣ, какъ оно выработалось въ предшествовавшихъ и современныхъ школахъ, кажется Цицерону всего болѣе сомнительнымъ. Природа мало доступна человѣческому пониманію. «Почти относительно всѣхъ знаній, говоритъ Цицеронъ, и въ особенности относительно знанія природы (физики), я скорѣе скажу чего нѣтъ, чѣмъ что есть.» Взоръ человѣка не можетъ проникнуть ни въ высь неба, ни въ глубину земли. Человѣкъ не знаетъ даже собственнаго организма. Созерцаніе природы возвышаетъ и облагораживаетъ человѣка, и оттого изучать природу необходимо; но знаніе природы еще недоступно человѣку. Относительно ученія о божествѣ, Цицеронъ признаетъ все вліяніе убѣжденія въ существованіи Бога на жизнь человѣка. Понятіе о божествѣ какъ бы врождено человѣку; его находимъ у всѣхъ народовъ, на какой бы низкой степени развитія они ни стояли, точно также какъ и понятіе о душѣ, какъ имѣющей божественное происхожденіе. Что же касается до опредѣленія божественной сущности, то мнѣнія объ этомъ слишкомъ различны, и ни одно не имѣетъ вполнѣ достаточныхъ основаній. Самое существованіе божествъ можетъ быть скорѣе понято инстинктомъ, чѣмъ доказано путемъ мышленія. Вопросъ о томъ, существуютъ-ли боги, разрѣшается сообразно личнымъ убѣжденіямъ и склонностямъ каждаго. По крайней мѣрѣ Цицеронъ заставляетъ подозрѣвать, что таково его мнѣніе. Не высказывая положительно своихъ собственныхъ убѣжденій, онъ разбираетъ

мнѣнія различныхъ школъ. Отвергая ученіе Эпикура, онъ однакоже находитъ неудовлетворительнымъ воззрѣніе на божество, господствовавшее въ стоицизмѣ. О стоикахъ онъ говоритъ, что они своими доказательствами дѣлаютъ сомнительнымъ даже то, что до тѣхъ поръ не подлежало сомнѣнію. Въ опроверженіе стоическаго воззрѣнія на божество и природу, Цицеронъ привыкъ противопоставлять божество природѣ, такъ что съ одной стороны у него является божество, не имѣющее ничего общаго съ природою, съ другой природа, не заключающая въ себѣ ничего божественнаго. Природа представляетъ собою въ его понятіяхъ необходимое развитіе безъ внутренней, ей самой присущей разумности. Въ природѣ царствуетъ сила тяжести и движеніе тѣлъ. Божество, если дѣлать ему опредѣленіе, понимаетъ онъ, какъ чистый духъ, свободный отъ всякой матеріальной и преходящей примѣси (ab omni concretione mortali), все движущій въ природѣ и самъ находящійся въ вѣчномъ движеніи. Божество по его духовной природѣ можетъ быть сравниваемо развѣ только съ огнемъ, воздухомъ, эфиромъ и т. п. Относительно божественнаго управленія міромъ, нельзя объяснять каждое явленіе, какъ непремѣнное слѣдствіе божественной воли. Боги или божества заботятся о существенно-важномъ, а не о мелочахъ. Въ ученіи о божествѣ у Цицерона замѣтенъ недостатокъ твердыхъ самостоятельныхъ убѣжденій, замѣтны нѣкоторыя колебанія и сомнѣнія. Въ своемъ сочиненіи объ обязанностяхъ человѣка онъ, разумѣется, ставитъ на первомъ планѣ отношенія человѣка къ божеству, но на этихъ отношеніяхъ онъ почти не останавливается, проходя ихъ какъ можно скорѣе *).

*) Въ ученіи объ обязанностяхъ онъ не говоритъ даже объ обязанностяхъ человѣка относительно единаго высшаго божества. Онъ говоритъ только о божественныхъ небесныхъ герояхъ и полубогахъ, и еще объ олицетворенныхъ и обоготворенныхъ добродѣтеляхъ и отвлеченныхъ понятіяхъ.

Въ тѣсной связи съ ученіемъ о божествѣ находится ученіе о душѣ человѣка. Тѣ же колебанія и сомнѣнія преслѣдують Цицерона и въ этой части философскаго ученія. Душа человѣка есть духъ, но къ нему примѣшивается нѣчто тѣлесное. Какъ часть божественнаго и вѣчнаго, душа должна быть безсмертна, и Цицеронъ приводитъ нѣкоторыя доказательства безсмертія души, между прочимъ убѣжденіе въ этомъ всѣхъ народовъ. До полнаго, твердаго убѣжденія въ безсмертіи души онъ не могъ дойти. Но даже и допуская загробное существованіе души, онъ совершенно отвергалъ мысль о воздаяніи за гробомъ за дѣла земной жизни. Убѣжденіе въ наградахъ или наказаніяхъ, ожидающихъ человѣка за гробомъ, онъ считалъ недостойною басней. Для него возможно было только одно изъ двухъ: или убѣжденіе, что за предѣлами гроба совершенно оканчивается всякое существованіе; или убѣжденіе въ томъ, что за гробомъ возможно только состояніе блаженства. Присяга должна быть справедлива не изъ страха гнѣва боговъ, потому что боги не могутъ гнѣваться, но вслѣдствіе убѣжденія въ необходимости справедливости и вѣрности. Страхъ предъ ожидающимъ за могилой воздаяніемъ считаетъ онъ простымъ суевѣріемъ.

Мы старались изложить главные пункты ученія Цицерона о природѣ, божествѣ и человѣкѣ. Самостоятельности въ философскихъ убѣжденіяхъ Цицерона быть не можетъ, не можетъ быть и особенной твердости даже въ заимствованныхъ отъ другихъ убѣжденіяхъ, потому что твердость и крѣпость убѣжденій даются только собственнымъ самостоятельнымъ мышленіемъ, при которомъ даже и заимствованное убѣжденіе невольно переходитъ въ неотъемлемую собственность лица заимствующаго. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ у Цицерона нерѣшительность, колебаніе, и въ очень многихъ случаяхъ довольно трудно опредѣлить его настоящее мнѣніе.

мнѣнія различн
накоже нахол
ство, госпо
ритъ, что
нымъ дая
опровер
Цицерс
что с
ниче
щаі
ет
т

[illegible] въ сферѣ собственно философскаго [illegible] же философскихъ убѣжденій Цицерона [illegible] римскимъ религіознымъ убѣжденіямъ опре-[illegible]. Какъ бы ни колебался Цицеронъ въ выборѣ [illegible] между тѣмъ и другимъ философскимъ ученіемъ, онъ одинаково отрицалъ національныя религіозныя вѣрованія. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ почти безразлично употребляетъ выраженія: божество и боги; но и божество, и самые боги философіи не имѣли ничего общаго съ божествами народнаго культа. Цицеронъ не понималъ и не принималъ стремленія стоиковъ дать философскій смыслъ и значеніе миѳамъ народной религіи. Его понятіе о божествѣ не могло быть соединимо съ религіозными вѣрованіями. Для Цицерона народныя вѣрованія, поэтическіе миѳы о божествахъ были постояннымъ предметомъ презрительной насмѣшки, и сами по себѣ народныя вѣрованія въ глазахъ Цицерона-мыслителя были только порожденіями грубаго суевѣрія, подлежащими осужденію и уничтоженію.

Съ другой точки зрѣнія смотритъ на національный культъ Цицеронъ, какъ государственный мужъ. Тутъ онъ положительно высказываетъ свое убѣжденіе, что римское государство не можетъ существовать безъ религіозныхъ учрежденій. Какъ государственный человѣкъ, Цицеронъ консерваторъ во всемъ, что касается національнаго культа. Онъ проповѣдуетъ почтеніе и уваженіе къ тому, что освящено вѣковымъ употребленіемъ или положительнымъ законодательствомъ. Онъ требуетъ наружнаго соблюденія тѣхъ же самыхъ не имѣющихъ внутренняго смысла обрядовъ, которые самъ же, какъ мыслитель, выставляетъ на общественный позоръ. Какъ часть государственныхъ учрежденій, народныя вѣрованія Рима должны быть сохранены уже потому, что, уничтожая ихъ, правительство добровольно отказывается отъ одного изъ сильнѣйшихъ средствъ дѣйствовать на народъ. Въ этомъ смыслѣ Цицеронъ, такъ

безпощадно осмѣявшій продѣлки авгуровъ и гаруспиковъ, упрекаетъ патриціанскую молодежь въ томъ, что она недостаточно внимательно занимается ауспиціями. Подрывая внутреннюю основу народныхъ вѣрованій, Цицеронъ хотѣлъ бы сохранить ихъ государственное значеніе, какъ будто религіозныя вѣрованія когда либо могли существовать только какъ государственныя учрежденія! Какъ-будто признавая за вѣрованіями одно только государственное значеніе, тѣмъ самымъ не произносился надъ ними самый неумолимый приговоръ смерти!

Въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ Цицеронъ высказалъ много возвышенныхъ мыслей о божествѣ и душѣ человѣка; но его убѣжденіямъ недоставало прежде всего внутренней крѣпости. Сомнѣніе постоянно присуще мысли Цицерона и оттого всѣ его положенія имѣютъ только характеръ предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ. «Если я и заблуждаюсь, говоритъ онъ, считая безсмертною душу человѣка, то заблуждаюсь охотно и не хотѣлъ бы всю жизнь отказаться отъ этого заблужденія, въ которомъ нахожу утѣшеніе». Его убѣжденія можно скорѣе назвать пожеланіями, и доказать ихъ путемъ логическаго мышленія Цицеронъ не въ состояніи, потому что у него, какъ и у всѣхъ послѣдователей Новой Академіи, нѣтъ признаковъ, по которымъ можно бы было отличить истинное отъ ложнаго. У него нѣтъ также и вѣры въ самую философію. Онъ не даромъ говоритъ, что нѣтъ такой нелѣпости, которая бы не была высказана какимъ-нибудь философомъ. Главное значеніе Цицерона состояло преимущественно въ популяризаціи философскихъ ученій Греціи, въ передачѣ ихъ на латинскомъ языкѣ.

Несравненно больше повліяли на римское общество тѣ школы, которыя имѣли характеръ догматическій. По своей практичности Римлянинъ всего менѣе могъ останавливаться на одномъ сомнѣніи, на колебаніи между многими мнѣніями. Къ

Но эти колебанія были въ сферѣ собственно философскаго мышленія. Отношеніе же философскихъ убѣжденій Цицерона къ національнымъ римскимъ религіознымъ убѣжденіямъ опредѣлить нетрудно. Какъ бы ни колебался Цицеронъ въ выборѣ между тѣмъ и другимъ философскимъ ученіемъ, онъ одинаково отрицалъ національныя религіозныя вѣрованія. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ почти безразлично употребляетъ выраженія: божество и боги; но и божество, и самые боги философіи не имѣли ничего общаго съ божествами народнаго культа. Цицеронъ не понималъ и не принималъ стремленія стоиковъ дать философскій смыслъ и значеніе миѳамъ народной религіи. Его понятіе о божествѣ не могло быть соединено съ религіозными вѣрованіями. Для Цицерона народныя вѣрованія, поэтическіе миѳы о божествахъ были постояннымъ предметомъ презрительной насмѣшки, и сами по себѣ народныя вѣрованія въ глазахъ Цицерона-мыслителя были только порожденіями грубаго суевѣрія, подлежащими осужденію и уничтоженію.

Съ другой точки зрѣнія смотритъ на національный культъ Цицеронъ, какъ государственный мужъ. Тутъ онъ положительно высказываетъ свое убѣжденіе, что римское государство не можетъ существовать безъ религіозныхъ учрежденій. Какъ государственный человѣкъ, Цицеронъ консерваторъ во всемъ, что касается національнаго культа. Онъ проповѣдуетъ почтеніе и уваженіе къ тому, что̀ освящено вѣковымъ употребленіемъ или положительнымъ законодательствомъ. Онъ требуетъ наружнаго соблюденія тѣхъ же самыхъ не имѣющихъ внутренняго смысла обрядо̀въ, которые самъ же, какъ мыслитель, выставляетъ на общественный позоръ. Какъ часть государственныхъ учрежденій, народныя вѣрованія Рима должны быть сохранены уже потому, что, уничтожая ихъ, правительство добровольно отказывается отъ одного изъ сильнѣйшихъ средствъ дѣйствовать на народъ. Въ этомъ смыслѣ Цицеронъ, такъ

безпощадно осмѣявшій продѣлки авгуровъ и гаруспиковъ, упрекаетъ патриціанскую молодежь въ томъ, что она недостаточно внимательно занимается ауспиціями. Подрывая внутреннюю основу народныхъ вѣрованій, Цицеронъ хотѣлъ бы сохранить ихъ государственное значеніе, какъ будто религіозныя вѣрованія когда либо могли существовать только какъ государственныя учрежденія! Какъ-будто признавая за вѣрованіями одно только государственное значеніе, тѣмъ самымъ не произносился надъ ними самый неумолимый приговоръ смерти!

Въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ Цицеронъ высказалъ много возвышенныхъ мыслей о божествѣ и душѣ человѣка; но его убѣжденіямъ недоставало прежде всего внутренней крѣпости. Сомнѣніе постоянно присуще мысли Цицерона и оттого всѣ его положенія имѣютъ только характеръ предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ. «Если я и заблуждаюсь, говоритъ онъ, считая безсмертною душу человѣка, то заблуждаюсь охотно и не хотѣлъ бы всю жизнь отказаться отъ этого заблужденія, въ которомъ нахожу утѣшеніе». Его убѣжденія можно скорѣе назвать пожеланіями, и доказать ихъ путемъ логическаго мышленія Цицеронъ не въ состояніи, потому что у него, какъ и у всѣхъ послѣдователей Новой Академіи, нѣтъ признаковъ, по которымъ можно бы было отличить истинное отъ ложнаго. У него нѣтъ также и вѣры въ самую философію. Онъ не даромъ говоритъ, что нѣтъ такой нелѣпости, которая бы не была высказана какимъ-нибудь философомъ. Главное значеніе Цицерона состояло преимущественно въ популяризаціи философскихъ ученій Греціи, въ передачѣ ихъ на латинскомъ языкѣ.

Несравненно больше повліяли на римское общество тѣ школы, которыя имѣли характеръ догматическій. По своей практичности Римлянинъ всего менѣе могъ останавливаться на одномъ сомнѣніи, на колебаніи между многими мнѣніями. Къ

[redacted]

метафизическимъ отвлеченностямъ онъ никогда не былъ особенно склоненъ и, предоставляя ихъ Грекамъ, отъ философіи прежде всего требовалъ возможности примѣненія ея къ самой жизни. Школа Аркезилая и Карнеада никогда не могла такъ распространиться въ образованномъ римскомъ обществѣ, какъ ученія Эпикура и Зенона; но даже и эти послѣднія на римской почвѣ не остались безъ нѣкоторыхъ измѣненій. Принимая отъ Грековъ философскую доктрину, Римлянинъ до нѣкоторой степени клалъ на нее печать своего народнаго характера. Такъ въ ученіи Эпикура его особенно привлекала физическая, матеріальная основа. Изъ всѣхъ римскихъ послѣдователей атомистическаго ученія первое мѣсто занимаетъ Лукрецій Каръ (655—699 отъ О. Р., 99—55 до Р. Х.), изложившій это ученіе въ поэмѣ «О природѣ вещей» (De rerum natura).

Только сильный талантъ могъ одолѣть неизбѣжныя трудности при поэтической передачѣ такого повидимому антипоэтическаго предмета, какъ атомистическое ученіе Эпикура. Поэма Лукреція богата блестящими картинами природы и мастерскими изображеніями (достаточно указать на описаніе моровой язвы въ VI пѣснѣ). Въ ней же собрано множество наблюденій всякаго рода, физическихъ, психологическихъ, метеорологическихъ и т. п. Матеріализмъ не убилъ въ Лукреціи ни поэтическаго одушевленія, ни нравственнаго чувства. Для исторіи внутренняго состоянія римскаго общества конца республиканскаго періода его поэма является однимъ изъ важныхъ источниковъ. Это — одно изъ явныхъ знаменій несчастнаго времени, когда въ матеріализмѣ, въ слитіи съ природою принуждены были находить убѣжище, успокоеніе лучшіе люди, напрасно искавшіе въ современной имъ дѣйствительности удовлетворенія законнымъ требованіямъ духа. Поэма Лукреція, по словамъ самого автора, имѣла задачею освобожденіе людей отъ суевѣрнаго страха передъ богами, возвышеніе людей до

сознанія ихъ власти надъ судьбою, до сознанія ихъ собственной силы и могущества. Поэтъ при каждомъ удобномъ случаѣ осмѣиваетъ религіозныя вѣрованія своего народа и поэтическія сказанія о богахъ. Онъ издѣвается надъ вѣрованіемъ въ то, что владыка неба громомъ и молніею говоритъ смертнымъ о своемъ могуществѣ, надъ древнею тирренскою пѣснею, которая видитъ въ громѣ и молніи знаки божественной воли. Зачѣмъ такъ много громовыхъ стрѣлъ падаетъ безъ всякой цѣли на воды, на безлюдныя пустыни? Зачѣмъ Юпитеръ, вмѣсто того, чтобы разить перуномъ нечестивцевъ, направляетъ его на свои же храмы и на свои изображенія? Могущество боговъ безсильно противъ судьбы и законовъ природы. Священныя зданія, статуи боговъ не спасаются богами отъ разрушенія. Кто указываетъ на порядокъ и стройность вселенной, какъ на лучшее доказательство того, что міръ созданъ богами, тому можно указать на многое безобразное и вредное, что̀ однакожь существуетъ. Кто боится, что отреченіе отъ религіи поведетъ къ недостойнымъ и постыднымъ дѣламъ, тому Лукрецій замѣчаетъ, какъ, напротивъ, сама религія требуетъ постыдныхъ дѣлъ, напримѣръ, человѣческихъ жертвъ; тому онъ указываетъ на Агамемнона, приносящаго въ жертву богамъ свою собственную дочь. Благочестіе состоитъ не въ круженіи около камня, не въ припаденіи къ каждому алтарю, не въ паденіи ницъ и не въ воздѣваніи рукъ передъ изображеніями, не въ кровавыхъ жертвахъ и не во множествѣ обѣтовъ. Истинное благочестіе заключается въ спокойномъ, невозмутимомъ чувствѣ мудреца. Ложное поклоненіе богамъ возникло изъ людскаго невѣжества, не умѣвшаго иначе объяснить себѣ великія явленія природы. Нужно уничтожить это невѣжественное непониманіе природы; нужно разбить оковы, въ которыхъ являлась природа уму человѣка. Освобождая человѣка отъ страха передъ богами, Лукрецій освобождаетъ его и отъ страха передъ загробною

жизнію. Ахеронъ и адскія муки точно также не существуютъ, какъ и самые боги. Душа человѣка перестаетъ существовать одновременно со смертію ея тѣлесной оболочки. Только природа—единственное божество, достойное почитанія, только ея святую гармонію хочетъ возвѣщать Лукрецій, потому что природа творитъ все и все развиваетъ по своимъ собственнымъ законамъ.

Въ своемъ поэтическомъ изложеніи Эпикурова ученія Лукреції по необходимости долженъ былъ нѣсколько видоизмѣнить нѣкоторыя положенія своего наставника. Природа и ея части представляются у него несравненно живѣе и разнообразнѣе, чѣмъ у Эпикура. Единая, всѣмъ владѣющая, свободная отъ мнимой власти боговъ, творческая природа является у него какъ бы самостоятельною личностью. Представляя землю матерью живущихъ существъ, изображая, какъ она изъ своего нѣдра произвела растенія, животныхъ и человѣка, какъ готовила она пищу для дѣтей своихъ, какъ теперь, послѣ акта рожденія, она уже перестала производить непосредственно, Лукреції даетъ жизнь мертвымъ массамъ Эпикурова міра. Въ самыхъ атомахъ онъ видитъ движеніе, изъ нихъ происходящее. Онъ не любитъ случая, и въ самомъ свободномъ движеніи воли признаетъ извѣстные законы, по которымъ она дѣйствуетъ. Воля зависитъ отъ представленій души, а эти представленія слагаются въ душѣ изъ чувственныхъ впечатлѣній, получаемыхъ извнѣ. Нравственное ученіе Эпикура не осталось также безъ нѣкотораго видоизмѣненія у Лукреція. Римскій поэтъ по возможности улучшилъ, возвысилъ матеріальное ученіе Эпикура и могущественно содѣйствовалъ его распространенію. Народнымъ вѣрованіямъ наносился тяжелый ударъ. Природа не требовала себѣ жертвъ и поклоненія, не нуждалась въ культѣ и внѣшнихъ обрядахъ; а преклоняясь передъ божествами, порожденными невѣжествомъ, человѣкъ оскорблялъ и

себя и природу. Послѣдователь Эпикура не только отрицалъ то или другое вѣроученіе: въ немъ вымирала самая потребность религіознаго чувства; и всякая вѣра въ какую бы то ни было божественную силу внѣ природы, если бы она противъ воли закралась въ его душу, неминуемо должна была нарушить ясное и свѣтлое состояніе духа, достиженіе котораго было желанною цѣлью эпикурейскихъ мудрецовъ. Первымъ и главнымъ врагомъ человѣка, первымъ препятствіемъ къ счастію была религія, и противъ нея прежде всего направляли свои удары послѣдователи Эпикура.

Если не болѣе послѣдователей въ римскомъ образованномъ обществѣ находило ученіе Зенона, то эти послѣдователи тѣмъ крѣпче держались за его основныя положенія. Стоицизмъ рано началъ распространяться въ Римѣ и тверже другихъ философскихъ доктринъ Греціи утвердился въ общественномъ сознаніи. Стоицизмъ ближе всѣхъ другихъ школъ приходился къ народному характеру. Ученіе Зенона легче могло быть примѣнено къ жизни; въ немъ находили себѣ большее удовлетвореніе и римская гордость и римская практичность. На римской почвѣ особенно хорошо принялось нравственное ученіе Стои, и можно сказать, что ради него Римляне пренебрегали метафизикой и физикой Зенона. Мы видѣли, что Цицеронъ, послѣдователь скептической школы Карнеада, въ ученіи о нравственности заимствовалъ многое у стоиковъ, отвергая почти совершенно ихъ ученіе о божествѣ и природѣ. Господствующее направленіе времени было противно отвлеченному мышленію. Большинство мыслителей реальнымъ считало только матеріальное и не хотѣло признавать ничего выше природы. Къ изученію природы и ея явленій приводили болѣе или менѣе всѣ системы. Метафизика не внушала къ себѣ довѣрія, и чувственныя впечатлѣнія признавались единственнымъ источникомъ всякаго знанія. Въ формѣ стоицизма философія давала

простой и повидимому вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на всѣ вопросы. «Идеи» Платона и «чистый разумъ» Аристотеля были слишкомъ недоступны по своей отвлеченности для римскаго общества; а стоицизмъ удовлетворялъ современнымъ требованіямъ мысли, льстилъ римской гордости. Въ стоицизмѣ Богъ и природа различаются только логически. Человѣкъ, совершенная часть природы, вѣнецъ ея, равняется съ божествомъ. Мало того. Человѣкъ отчасти даже превосходитъ божество. Сенека, въ сочиненіяхъ котораго всего лучше изучать распространеніе и видоизмѣненіе Зенонова ученія въ римскомъ обществѣ, точно также какъ въ поэмѣ Лукреція всего яснѣе выражается римскій эпикуреизмъ, Сенека прямо говоритъ, что стоическій мудрецъ до нѣкоторой степени выше божества. Подобно божеству, онъ владѣетъ знаніемъ, чуждъ страданіямъ и страху; но то, чѣмъ владѣетъ божество вслѣдствіе своей божественной природы, мудрый пріобрѣтаетъ своими собственными силами; тутъ онъ обязанъ исключительно самому себѣ. Въ нравственномъ ученіи стоицизма могъ находить Римлянинъ нѣкоторое успокоеніе, извѣстную точку опоры въ борьбѣ, въ своихъ отношеніяхъ къ печальной современности. Стоицизмъ старался сдѣлать своихъ послѣдователей нечувствительными къ ударамъ враждебнаго рока. Во время владычества деспотизма, среди общаго раболѣпія и покорности, при сознаніи безплодности всякаго сопротивленія и борьбы, апатія, невозмутимое спокойствіе, холодное самоотреченіе, постоянная готовность найти въ смерти быстрое и вѣрное освобожденіе отъ недостойной жизни — все это невольно привлекало къ стоицизму лучшія силы римскаго общества. Стоицизмъ не давалъ душѣ силъ для борьбы съ недостойною и печальною дѣйствительностью; онъ не вызывалъ къ этой борьбѣ, не считалъ ее нравственнымъ долгомъ; онъ только спасалъ человѣка отъ постыднаго примиренія съ позорною дѣйствительностью, внушалъ

ему полное презрѣніе къ жизни, несовмѣстной съ нравственнымъ достоинствомъ. Мученики стоицизма — да, онъ имѣлъ своихъ мучениковъ—своею смертію не приносили пользы обществу, гибли совершенно безплодно для своей современности; но и при полномъ убѣжденіи въ безполезности ихъ добровольной жертвы нельзя не признать за ними всѣхъ правъ на почтительное сожалѣніе. Могучія силы пропадали даромъ, вслѣдствіе ложнаго направленія. Стоицизмъ училъ не тому, какъ слѣдуетъ жить человѣку, не самую жизнь ставилъ цѣлью его существованія: онъ видѣлъ въ смерти верховное благо и напрягалъ всѣ силы, чтобы внушить своимъ послѣдователямъ рѣшимость во всякое время отказаться отъ жизни. По своему основному характеру стоицизмъ не могъ быть убѣжденіемъ большинства; всего менѣе могъ вліять на массы: онъ былъ достояніемъ только избраннаго меньшинства. Въ массахъ и вообще въ человѣческой природѣ стоицизмъ не видѣлъ законовъ совершенствованія и прогресса. Человѣческая природа болѣе склонна къ худому. Человѣкъ только съ большимъ трудомъ можетъ сдѣлаться добродѣтельнымъ. Для этого онъ часто нуждается въ наставникѣ. Пороку онъ поддается легко и дѣлается порочнымъ даже безъ всякаго чуждаго вліянія. Ставя мудраго выше самого божества, отъ котораго онъ отличается только меньшею продолжительностью своего существованія, стоицизмъ совсѣмъ не питаетъ вѣры вообще въ человѣческую природу. По его убѣжденіямъ, даже послѣ тѣхъ міровыхъ кризисовъ, среди которыхъ разрушается вселенная, чтобы возсоздаться для новаго существованія, новый человѣкъ не преминетъ удалиться отъ первоначальной невинности и быстро подчинится порочнымъ наклонностямъ.

Отсутствіемъ вѣры въ прогрессъ, въ совершенствованіе человѣческой природы объясняется, почему стоицизмъ не стремился къ прозелитизму, отказывался отъ дѣйствія на большинство, а тѣмъ болѣе на массы народа. Эпикурейцы въ этомъ

отношеніи имѣли больше вліянія, хотя, быть можетъ, оно и не шло такъ глубоко, не захватывало собою всего человѣка. Эпикуреизмъ прямо высказывалъ свое намѣреніе освободить человѣчество отъ гнетущаго страха передъ богами и тѣмъ уничтожить главное препятствіе къ человѣческому блаженству. Эпикурейцы составляли извѣстное общество, крѣпко соединенное. Стоики говорили, что мудрый довлѣетъ самому себѣ и не нуждается въ другихъ. Стоическая мораль была выше нравственнаго ученія другихъ современныхъ философскихъ школъ, и многія изъ ея правилъ были освящены христіанствомъ; но она была, если можно такъ выразиться, болѣе личная, индивидуальная, чѣмъ общественная. Крѣпкое убѣжденіе отдѣльныхъ лицъ, составлявшихъ избранное меньшинство въ римскомъ обществѣ, стоицизмъ мало думалъ о нравственномъ преобразованіи самого общества; лучше сказать, самая мысль о возможности такого преобразованія не могла зародиться въ умахъ стоиковъ, была несовмѣстима съ ихъ убѣжденіемъ въ испорченности человѣческой природы.

Стоицизмъ не стремился ниспровергнуть народныя вѣрованія, хотя они и не могли удовлетворять его. Онъ всего менѣе могъ противиться государственному значенію народныхъ вѣрованій. Напротивъ, признаніе чисто государственнаго значенія народнаго культа, утвердилось отчасти не безъ содѣйствія со стороны послѣдователей Зенона. Стоики подкладывали свое пантеистическое воззрѣніе подъ народные миѳы и не старались уничтожить ихъ; напротивъ, иногда сами пользовались ими для изложенія и объясненія своего ученія. «Когда мы говоримъ о природѣ, говоритъ Сенека, мы употребляемъ это слово только какъ извѣстное имя для божества, разлитаго въ природѣ. Божество можетъ называться самыми разнообразными именами. Мы можемъ называть его Юпитеромъ или Судьбою, потому что судьба есть ничто иное, какъ

неразрывная цѣпь причинъ, и божество есть первое звено этой цѣпи, съ которымъ соединены и отъ котораго зависятъ всѣ остальныя. Мы называемъ его отцомъ Либеромъ или Геркулесомъ, или Меркуріемъ, потому что это имена того же самаго божества въ различныхъ его проявленіяхъ».

Много было говорено о религіозномъ чувствѣ Сенеки. Дѣйствительно, въ его сочиненіяхъ есть много упоминаній о божественныхъ законахъ, о божественномъ Провидѣніи, о божественномъ управленіи и т. под. Но придавать этимъ выраженіямъ не пантеистическій смыслъ, ставить ихъ въ противорѣчіе съ основными положеніями стоицизма мы едвали имѣемъ какое-нибудь право. Сенека оставался вѣренъ сущности ученія Зенона, хотя преимущественно и обработывалъ нравственную часть стоической философіи. Если даже стоицизмъ, греческій и римскій безъ различія, принималъ народныя вѣрованія и миоы въ ихъ аллегорическомъ и философскомъ значеніи, то онъ былъ прямо противоположенъ ихъ общепринятому смыслу и тому значенію, въ какомъ принимали ихъ народныя массы. Бояться боговъ, по убѣжденію Сенеки, можетъ только человѣкъ, лишенный здраваго смысла. Божество не можетъ и не хочетъ дѣлать что-нибудь непріятное для человѣка. Молитва безполезна, потому что человѣкъ только собственною силою можетъ сдѣлаться счастливымъ. Опроверженію народныхъ вѣрованій посвятилъ Сенека особое сочиненіе о суевѣріяхъ, и бл. Августинъ съ торжествомъ приводитъ изъ него отрывки, чтобы яснѣе показать всю внутреннюю несостоятельность языческихъ вѣрованій. «Изъ грубой и безчувственной матеріи созидаютъ боговъ безсмертныхъ и неприкосновенныхъ, говоритъ Сенека объ идолахъ; даютъ имъ форму людей, животныхъ и рыбъ; смѣшиваютъ различныя тѣла, различные полы, и называютъ божествомъ то, что оказалось бы чудовищемъ, еслибы его внезапно коснулось дыханіе жизни....

Спрашивать-[illegible] меня, вѣрю-ли я, что небо и земля суть божества? Вѣрю-л[illegible] я въ божества надлунныя и подлунныя? Могу-ли я согласиться [illegible]ли съ Платономъ, или съ Стратономъ перипатетикомъ, изъ которыхъ одинъ признаетъ божество безтѣлесное, другой—бездушное? Неужели можно вѣрить въ мечты Тація, Ромула и Тулла Гостилія? Тацій создалъ богиню Клоацину (стока [illegible])оговъ Пика и Тиберина, Гостилій призн[illegible] [illegible]съ и блѣдность». Не менѣе рѣзко г[illegible] [illegible]жебныхъ обрядахъ, которыми суевѣрные у[illegible] [illegible]клоняютъ къ себѣ боговъ. «Можно-ли бояться г[illegible] [illegible]ыхъ боговъ, если такими средствами можно куп[illegible] [illegible]ь? И если боги требуютъ подобныхъ обрядовъ, то [illegible]-ли лучше отказать имъ во всякомъ поклоненіи? [illegible] [illegible]щищается только множествомъ безумныхъ.... [illegible] брачными узами боговъ и даже узами преступными брата съ сестрою и т. д. Мы женимъ Марса на Беллонѣ, Вулкана на Венерѣ, Нептуна на Салаціи. Нѣкоторыхъ мы оставляемъ безбрачными, какъ будто не находя для нихъ партіи. Нѣкоторыя богини остаются вдовами, напримѣръ Популонія, Фульгора, Румина, и я не удивляюсь, что у такихъ богинъ нѣтъ искателей ихъ рукъ. Позорна толпа боговъ, которая въ теченіе времени накопилась вслѣдствіе продолжительнаго суевѣрія».

Если Сенека и стоики не отказываютъ подобнымъ божествамъ во внѣшнемъ поклоненіи, то это вслѣдствіе того же убѣжденія, что религія есть учрежденіе государственное. «Не забудемъ, говоритъ Сенека, что если мы воздаемъ подобнымъ божествамъ поклоненіе, то оно основывается на уваженіи къ обычаю, а не на увѣренности въ ихъ существованіи. Мудрый, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, будетъ соблюдать внѣшніе обряды, потому что они предписаны закономъ, а не потому, чтобы они были пріятны богамъ».

Мы оставляемъ пока въ сторонѣ нравственное ученіе римскихъ стоиковъ и дальнѣйшее развитіе его на римской почвѣ. Изъ сдѣланнаго очерка, кажется, ясно, что если философія, принятая Римлянами изъ Греціи, не отличалась творческою силой и самостоятельностью, то ея разрушительное дѣйствіе было чрезвычайно сильно. Расходясь до безконечности въ своихъ основныхъ положеніяхъ, римскіе мыслители, примыкавшіе къ той или другой философской школѣ, сходились однакоже въ общей ненависти къ религіознымъ вѣрованіямъ народа.

Не въ одной философіи, занесенной въ Римъ изъ Греціи, видимъ мы отрицаніе народныхъ вѣрованій Рима. Оно проникало повсюду въ образованное общество, а чрезъ него, разумѣется, не могло остаться безъ вліянія и на самыя народныя массы. Наука и литература конца римской республики и начала римской имперіи столь же враждебны были народному, древнему культу, какъ и философія. Плиній старшій въ своей Естественной Исторіи проводитъ чисто пантеистическое воззрѣніе на божество и природу. Божество слито съ природою и заключаетъ ее въ себѣ. Человѣческая слабость была причиной того, что человѣкъ не возвысился до истиннаго понятія о божествѣ, что божество въ его сознаніи какъ бы распалось на части, изъ которыхъ каждая сдѣлалась предметомъ особеннаго поклоненія. Плиній называетъ прямо безуміемъ вѣру въ безчисленное множество боговъ и въ обоготворенныя отвлеченныя понятія. Для несовершенной человѣческой природы весьма утѣшительно, по мнѣнію Плинія, убѣжденіе въ томъ, что божество далеко не всемогуще. Божество не можетъ само умереть, еслибы въ немъ и пробудилось такое желаніе; божество не можетъ также дать безсмертія смертному человѣку и т. под. Безуміемъ въ его глазахъ кажется и вѣра въ безсмертіе души, убѣжденіе, что въ смерти лежитъ начало обновленія самой жизни. Ему кажется, что для мудраго не

нужно никакой положительной религіи, тѣмъ менѣе какого-нибудь внѣшняго культа. Положительная религія и культъ необходимы только для неразвитыхъ народныхъ массъ и имѣютъ поэтому только государственное значеніе.

Отрицаніе народнаго культа находимъ мы въ большей или меньшей степени у всѣхъ римскихъ писателей. Но особенно сильно могли содѣйствовать распространенію невѣрія въ нанародныя божества поэты. Если они рѣдко примыкали исключительно къ той или другой философской школѣ, если чаще всего встрѣчаемъ у нихъ эклектизмъ или скептицизмъ, то отношеніе ихъ къ существующему и признанному культу было болѣе или менѣе одинаковое, опредѣленное. Вліяніе поэтовъ не ограничивалось однимъ образованнымъ обществомъ. Ихъ убѣжденія распространялись не чрезъ одни публичныя чтенія и изданія сочиненій: ихъ стихотворенія читались и объяснялись въ народныхъ школахъ. Въ народныя массы проникали поэтому съ одной стороны насмѣшки надъ народными божествами, признаваемыми государственною религіей, съ другой—понятія о божествѣ, отличныя отъ народныхъ, старыхъ понятій: обоготвореніе разума или природы, вѣра въ судьбу, счастіе или случай и т. д. Въ поэтическихъ твореніяхъ слышны отголоски философскихъ системъ, враждебныхъ народному культу, и въ поэтическихъ образахъ глубже проникали въ общественное сознаніе эти философскія понятія, подрывая вѣру въ отечественныхъ боговъ. На мѣсто Юпитера ставитъ Проперцій разумъ, какъ высшее божество. Въ самыхъ разнообразныхъ видахъ является это убѣжденіе. Въ XV сатирѣ Ювенала мы находимъ одно мѣсто, гдѣ въ особенности хорошо выражается вѣрованіе и въ разумъ, и въ божество, давшее людямъ разумъ. Чувство состраданія отличаетъ насъ отъ безсловесныхъ. Человѣкъ получилъ отъ Неба разумъ, дѣлающій его способнымъ понимать божественное, дѣлающій его способнымъ

[redacted]

къ изобрѣтенію и развитію искусствъ, разумъ, котораго нѣтъ у тварей, смотрящихъ только въ землю. Отъ начала міра создатель вселенной далъ тварямъ жизнь и только намъ однимъ душу за тѣмъ, чтобы взаимное сочувствіе побуждало насъ подавать другъ другу помощь; за тѣмъ, чтобы разсѣянные соединились въ общество, вышли изъ вѣковыхъ лѣсовъ, гдѣ жили ихъ дѣды, построили дома и въ общихъ селеніяхъ нашли безопасность и т. д. Въ другихъ поэтахъ выражалось признаніе природы божествомъ. Только ребята вѣрятъ, говоритъ Ювеналъ, что есть маны (души умершихъ), подземное царство, Харонъ, черныя лягушки въ пропастяхъ Стикса; что тысячи тѣней переправляются на одной баркѣ.

Для иныхъ божествомъ была Фортуна. Есть люди, говоритъ Ювеналъ, которые не вѣрятъ, что міръ движется кѣмъ-либо, и все, полагаютъ, зависитъ отъ случая или Фортуны. У Горація мы находимъ безпрестанныя указанія и обращенія къ «прихотливой» Фортунѣ, которую «призываютъ всѣ народы», которая

> мѣняется,
> Тамъ похищаетъ вѣнецъ, быстрокрылая,
> Здѣсь, наложивши его, улыбается.

Фортунѣ, думаетъ Петроній, противно все долговѣчное и пріятна всякая перемѣна; Фортуна безпрерывно создаетъ новое, чтобы разрушить вскорѣ послѣ основанія. «Мы сдѣлали изъ тебя богиню, Фортуна; мы помѣстили тебя на небѣ», говоритъ Ювеналъ. Вѣрованію въ прихотливую Фортуну противопоставлялась вѣра въ неизмѣнную Судьбу, управляющую и міромъ, и людьми. Судьба управляетъ людьми, замѣчаетъ Ювеналъ, и отъ созвѣздій зависятъ поступки людей. Иногда понятіе о Судьбѣ соединялось съ понятіемъ о Фортунѣ, и первая являлась предшественницею второй (Горацій). Наконецъ, божествомъ у многихъ являлся не разумъ, не природа,

даже не судьба или случай, но богатство и соединенныя съ нимъ матеріальныя наслажденія. Какъ ни противно человѣку убѣжденіе въ могуществѣ случая, все-таки эта вѣра въ него достойнѣе человѣка, нежели преклоненіе предъ золотымъ тельцомъ. Всѣ почитаютъ золото, говоритъ Проперцій, золото вытѣснило вѣрность, за золото покупаются всѣ права, законъ—рабъ золота. «Что̀ дѣлать закону тамъ, говоритъ Петроній, гдѣ царитъ одно золото? Грубая масса металла кажется всѣмъ несравненно привлекательнѣе и изящнѣе, чѣмъ все, что произведено искусствомъ Апеллеса и Фидія. Никто не вѣритъ въ Небо, никто не соблюдаетъ клятвъ, никто не молитъ Юпитера; но всѣ разсчитываютъ только на владѣніе и выгоду, всѣ исполнены страсти любостяжанія. Кто имѣетъ золото, у того въ сундукѣ Юпитеръ. Самое священное между нами есть святость богатства, хотя золоту не воздвигнуто еще ни алтарей, ни храмовъ».

Для поэтовъ народныя божества были только поэтическими украшеніями. Горацій могъ обращаться къ Римлянамъ съ совѣтомъ возстановить разрушенные храмы, могъ ставить отсутствіе религіознаго чувства причиною общественныхъ несчастій и паденія нравовъ; но этого религіознаго чувства не найдетъ читатель въ его собственныхъ стихотвореніяхъ. Овидій также можетъ говорить, что полезно, чтобы были боги, а если это полезно, то мы должны придерживаться мнѣнія о существованіи боговъ; но подобныя разсужденія не возстановляютъ уже поколебленнаго религіознаго чувства, и божество Овидія, «эфирный огонь, или святой эфиръ, огненная сила неба», было несовмѣстимо съ божествами народнаго культа. Чѣмъ глубже проникали въ народныя массы отголоски философскихъ и научныхъ понятій о божествѣ, тѣмъ болѣе теряли силу надъ ихъ сознаніемъ прежнія вѣрованія, незамѣнимыя и не замѣненныя философскими понятіями о божествѣ и природѣ. Для

большинства общества философскія убѣжденія не могли замѣнить утраченныхъ вѣрованій. Пантеистическое воззрѣніе стоиковъ, атомистическое ученіе Эпикура не проникли въ сознаніе большинства; но зато туда легко находила дорогу каждая насмѣшка надъ старыми вѣрованіями. «Никто не вѣритъ, чтобы боги были боги, говоритъ Петроній, никто ни на волосъ не дорожитъ Юпитеромъ: мы нисколько не религіозны». «Храмы запустѣли, замѣчаетъ Ювеналъ, или были посѣщаемы только за тѣмъ, чтобы служить мѣстомъ разврата. Смѣхъ подымается надъ простакомъ, увѣряющимъ, что божество живетъ въ храмахъ и на алтаряхъ, обагренныхъ жертвенною кровью». Уже въ послѣднее время республики нѣкоторые храмы были покинуты, многія жреческія должности оставались незамѣщенными, нѣкоторыя божества были совершенно позабыты народомъ, и Варронъ, чтобы опредѣлить ихъ значеніе, долженъ былъ прибѣгать къ помощи этимологическихъ толкованій. О запустѣніи храмовъ есть положительныя свидѣтельства. Проперцій говоритъ, что науки заткали своею паутиной святыню и травою поросли алтари. Августъ долженъ былъ заняться возстановленіемъ святилищъ, и за это Титъ Ливій называетъ его основателемъ или возстановителемъ храмовъ. Тиберій продолжалъ дѣло Августа.

Сближеніе римскаго народнаго культа съ греческимъ содѣйствовало лишь ослабленію перваго, нисколько не помогая укорененію послѣдняго. Для самой Греціи въ это время уже изсякъ источникъ религіознаго одушевленія. Римъ могъ заимствовать изъ Греціи только внѣшніе обряды, миѳы, уже потерявшіе свое внутреннее, живое содержаніе, игры и празднества, утратившія на римской почвѣ свой эллинскій характеръ. Но если сближеніе съ Греціей было такъ гибельно для національнаго римскаго культа, то не меньшее вліяніе должно было имѣть и знакомство Римлянъ съ религіозными вѣрованіями

Азіи и Африки. А это знакомство и распространеніе въ Римѣ вѣрованій Азіи и Африки было неминуемымъ слѣдствіемъ завоевательнаго движенія Рима. При Августѣ Римъ былъ уже владыкою почти всего извѣстнаго міра; его господство признавали самыя разнообразныя страны. Въ религіозномъ отношеніи прямымъ результатомъ завоеваній должно было явиться одно изъ двухъ: или Римляне распространятъ въ покоренныхъ земляхъ свою греко-римскую религію, какъ распространяли они повсюду языки греческій и латинскій, или религіи покоренныхъ народовъ не останутся безъ вліянія на измѣненіе самихъ греко-римскихъ вѣрованій, станутъ по крайней мѣрѣ на ряду съ ними, если не вытѣснятъ ихъ. Живая сила народнаго культа изчезла въ самомъ Римѣ: трудно было, чтобы этотъ культъ могъ распространяться между чуждыми народностями, среди которыхъ еще вполнѣ жили ихъ мѣстныя, народныя вѣрованія. Гораздо естественнѣе было для Римлянъ, утратившихъ вѣру въ свои божества, подчиниться вліянію народовъ, еще сохранившихъ свои вѣрованія. По мѣрѣ того, какъ расширяются предѣлы Рима, мы видимъ, какъ одно за другимъ появляются въ немъ божества чуждыхъ народовъ. Вторженію чуждыхъ религій Римъ не могъ противопоставить ничего, кромѣ безсильныхъ эдиктовъ. Народныя массы требовали для себя предметовъ поклоненія и, утративъ вѣру въ божества національныя, тѣмъ съ большею жадностью обращались къ поклоненію божествамъ чуждыхъ народностей.

Первое азіатское божество, проникшее въ Римъ, была пессинунтская Великая Матерь, культъ которой оффиціально введенъ въ Римъ съ 204 года до Р. Х., такъ однакоже, что богослуженіе ея было очищено отъ всѣхъ обрядовъ, слишкомъ рѣзко противорѣчившихъ римскимъ обычаямъ и нравамъ. Великая Матерь была сближена съ италійскимъ божествомъ Беллоной, или Дуеллоной. Въ послѣдствіи, именно во время войны

съ Митридатомъ, появилось въ Римѣ другое азіатское божество, нѣсколько родственное по значенію съ Великою Матерью и также отождествленное съ Беллоной. Это была Ма, которой главное святилище находилось въ Команѣ (въ Каппадокіи). Ея поклоненіе было также введено государствомъ, и жрецы каппадокійской богини образовали особенную жреческую коллегію подъ именимъ fanatici de aede Bellonae или Bellonarii. Въ черныхъ одеждахъ они торжественно проходили городомъ въ дни празднествъ въ честь богини. Богослуженіе сопровождалось плясками, и жрецы въ изступленіи поражали себя оружіемъ, орошали кровью алтарь богини. Культы Великой Матери и каппадокійской богини не остались въ предѣлахъ, признанныхъ римскимъ правительствомъ. Обряды, отстраненные римскимъ сенатомъ, какъ несоотвѣтствующіе достоинству римскихъ нравовъ, явились на сцену, когда измѣнились эти послѣдніе.

Совсѣмъ вопреки волѣ римскаго правительства совершилось вторженіе въ Римъ божествъ египетскихъ. Поклоненіе Изидѣ и Серапису распространилось здѣсь вскорѣ послѣ второй пунической войны и уже тогда было запрещено сенатомъ. Какъ впрочемъ укоренилось въ вѣрованіяхъ простаго народа поклоненіе египетскимъ божествамъ уже въ это раннее время, видно изъ того, что когда консулъ Эмилій Павелъ приступилъ, по повелѣнію сената, къ разрушенію капищъ Изиды и Сераписа, никто изъ рабочихъ не осмѣливался наложить руку на святыню, и консулъ, снявъ тогу, долженъ былъ нанести первый ударъ топоромъ. За 58 лѣтъ до Р. Хр. сенатъ снова запретилъ поклоненіе египетскимъ божествамъ, какъ постыдное суевѣріе (turpis superstitio), хотя уже со временъ Суллы образовалась особая жреческая коллегія для служенія египетскимъ божествамъ. Въ 53 году послѣдовало новое запрещеніе со стороны сената, показывающее, какъ были безсильны прежнія.

Частные люди построили въ честь Изиды святилище за чертою померіума, разрушенное въ 48 году. Въ 43-мъ былъ построенъ тріумвирами первый храмъ въ честь Изиды для общественнаго служенія, и съ тѣхъ поръ число храмовъ Изиды росло въ Римѣ, сначала за чертою померіума, потомъ и внутри самаго города. Особенно римскія дамы были жаркими поклонницами египетской богини и разсказъ Іосифа Флавія о римскомъ всадникѣ, подъ видомъ Анубиса воспользовавшемся суевѣріемъ одной знатной дамы, которую онъ не могъ соблазнить иначе, показываетъ, что римскія поклонницы египетскихъ божествъ не останавливались ни предъ какими доказательствами своей преданности богамъ. Храмы Изиды были посѣщаемы уже и потому, что египетскіе жрецы содѣйствовали разврату и не разъ обращали въ оргіи ночныя празднества въ честь богини. При Тиберіи воздвигнуто было гоненіе на египетскій культъ именно вслѣдствіе скандальныхъ сценъ, совершавшихся въ храмахъ Изиды. При послѣдующихъ императорахъ культъ Изиды еще болѣе распространился и въ самомъ Римѣ, и въ провинціяхъ. Домиціанъ построилъ Изеумъ и Серапеумъ въ честь Изиды и Сераписа. Памятники поклоненія египетскимъ божествамъ находятся во множествѣ во всѣхъ провинціяхъ Западной римской имперіи: въ нижней и верхней Италіи, въ Испаніи, Галліи, Гельвеціи, Германіи, Британіи и Дакіи. Поклоненіе Изидѣ распространялось не только между тѣми, кто въ египетскихъ храмахъ искалъ и находилъ чувственныя наслажденія: оно привлекало къ себѣ многихъ, въ комъ жила еще потребность вѣры, таинственностью и глубиною своего ученія, видимою, внѣшнею чистотою обрядовъ, символикой, за которою, по словамъ жрецовъ, таился смыслъ, доступный только для посвященныхъ. Изида сливалась со всѣми божествами, принимала на себя всякое значеніе. На нѣкоторыхъ надписяхъ она является божествомъ чисто пантеистическимъ,

называется «единою, которая есть все». Жрецы Изиды привлекали къ себѣ людей всякаго рода: однихъ грубымъ суевѣріемъ и мнимыми чудесными изцѣленіями, другихъ таинственнымъ знаніемъ, третьихъ потворствомъ разврату.

Рядомъ съ Изидой въ Римъ проникло поклоненіе Серапису, божеству, явившемуся въ Египтѣ лишь въ послѣднее время его исторіи, при Птоломеяхъ. Его таинственное значеніе развито было въ послѣдствіи. Въ началѣ же поклоненіе Серапису точно также было распространено особенно между необразованными классами и питалось грубымъ суевѣріемъ. Мыслители, возстававшіе противъ свѣтлыхъ, человѣчественныхъ боговъ греческаго религіознаго сознанія, тѣмъ съ большимъ презрѣніемъ должны были относиться къ божествамъ египетскимъ. Я буду еще имѣть случай возвратиться къ иноземнымъ культамъ въ Римѣ.

Религіи покоренныхъ народовъ отовсюду проникали въ Римъ. Вмѣстѣ съ военною добычей, съ сокровищами, награбленными въ городахъ, взятыхъ приступомъ, приносилъ Римлянинъ на родину и понятіе о чуждыхъ божествахъ, которыя сливались въ его сознаніи съ божествами народнаго культа или даже вытѣсняли ихъ. Чуждыя божества узнавалъ Римлянинъ и въ своихъ мирныхъ сношеніяхъ съ покоренными или союзными народами. Всякое сближеніе съ другими народами неминуемо влекло и къ знакомству съ ихъ вѣрованіями. Одни торговыя сношенія могущественно содѣйствовали распространенію чуждыхъ вѣрованій въ Римѣ. Остія и Путеоли были не только складочными мѣстами для товаровъ Сиріи и Египта, но здѣсь же прежде другихъ появлялись и утверждались вѣрованія Востока. Былъ еще одинъ путь, которымъ еще скорѣе и неотразимѣе проникали чуждыя вѣрованія въ римское общество. Самымъ могущественнымъ проводникомъ ихъ были рабы. То время, когда извѣстный полководецъ Регулъ требовалъ

себѣ отпуска изъ арміи, потому что смерть единственнаго его раба и бѣгство наемника оставили безъ всякаго присмотра его небольшое хозяйство, это время строгой простоты римской жизни давно уже миновало. По мѣрѣ распространенія римскихъ завоеваній, число рабовъ увеличивалось съ изумительною быстротой. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ число Галловъ, проданныхъ въ рабство Цезаремъ, доходило до милліона. Во время войны съ Эпиромъ болѣе 150,000 плѣнныхъ было продано съ молотка. Военная добыча Лукулла въ Понтѣ была такъ велика, что рабъ продавался не дороже 4-хъ драхмъ (менѣе 1 р. сер). «Сколько враговъ, столько рабовъ», говорила пословица. Во время имперіи число рабовъ возросло до невѣроятной степени. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ сатирика Петронія ежедневно выслушиваетъ вѣдомости о положеніи своихъ имѣній, гдѣ доносится, напримѣръ, что въ такой-то день, въ такомъ-то имѣніи родилось 30 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ, и можно повѣрить подобнымъ изображеніямъ. Плиній разсказываетъ объ одномъ Цециліи, оставившемъ по завѣщанію 4, 116 рабовъ; и открытыя колумбаріи, гдѣ хоронились рабы и вольноотпущенники извѣстныхъ римскихъ фамилій, даютъ полное понятіе и о числѣ рабовъ, окружавшихъ знатнаго Римлянина конца республики и начала имперіи, и о разнообразіи должностей, отправляемыхъ рабами, хотя въ колумбаріяхъ мы видимъ только высшіе классы, такъ сказать, аристократію рабства, любимцевъ владѣльца. Рабы отовсюду проникали въ римское общество и становились въ самыя близкія отношенія къ своимъ владѣльцамъ. Кромѣ домашней прислуги, кромѣ рабовъ, обреченныхъ на черную работу, между ними находились кормилицы, дядьки, гувернеры, учителя всѣхъ наукъ и искусствъ, писцы, библіотекари, даже философы. Рабы вмѣшивались въ самую интимную жизнь своихъ господъ и тѣмъ сильнѣе должно было чувствоваться

[redacted]

ихъ вліяніе. Когда въ сенатѣ предложили-было дать рабамъ особую одежду, которая бы отличала ихъ отъ свободныхъ гражданъ, это предложеніе было отвергнуто изъ боязни, что рабы могутъ сравнить свою численность съ небольшимъ количествомъ свободныхъ гражданъ. Рабы наполняли собою и убыль въ числѣ послѣднихъ. Вольноотпущенники при извѣстныхъ условіяхъ становились полноправными гражданами, а число ихъ было велико. По вычисленію Дюро-де-ла-Маля съ 355 до 210 г. до Р.Х. ежегодный отпускъ на волю среднимъ числомъ былъ по 1380 человѣкъ, и въ послѣднее время республики вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа рабовъ возрастало, разумѣется, и число вольноотпущенныхъ. Со временъ Августа римское правительство старается ограничить свободу владѣльца отпускать рабовъ на волю. Такъ стѣснено было право отпускать на волю по завѣщанію: ни въ какомъ случаѣ владѣлецъ не могъ освободить этимъ путемъ болѣе 100 рабовъ. Рабы и вольноотпущенные одинаково были проводниками чуждыхъ вѣрованій тѣмъ болѣе, что Римляне пренебрегали рабами изъ полудикихъ мѣстъ и преимущественно добивались рабовъ изъ образованныхъ странъ. «Продаются Сардинцы!» говорили съ презрѣніемъ Римляне, какъ о вещи малоцѣнной, не стоющей вниманія. Отъ походовъ Цезаря въ Британію не ждали многаго, потому что оттуда Цезарь могъ привести плѣнниковъ грубыхъ и необразованныхъ. Сицилія, гдѣ было такъ много рабовъ, почти вся была населена Сирійцами. Во время возстанія сицилійскихъ невольниковъ проявилось не только господство азіатскихъ вѣрованій, но какъ бы попытка составить особое государство. Царь, выбранный возставшими рабами, принялъ имя Антіоха. Ихъ метательные снаряды носили имена ихъ отечественныхъ боговъ.

Такимъ образомъ все содѣйствовало упадку и ослабленію римскаго національнаго культа. Для образованнаго общества

уже одно сближеніе съ Греціей, перенесеніе на старо-римскія божества представленій и миѳовъ Греціи ослабляло религіозныя вѣрованія. Но, кромѣ того, сближеніе съ Греціей имѣло еще болѣе сильное и прямое вліяніе на уничтоженіе въ образованномъ римскомъ обществѣ крѣпости его прежняго религіознаго сознанія. Греческая философія давно уже разошлась съ народными вѣрованіями, давно уже стала во враждебное отношеніе къ народному культу. Самостоятельное развитіе мышленія стремилось сбросить съ себя оковы традиціи, желало достичь разрѣшенія вопросовъ, тревожившихъ умъ человѣка, помимо и независимо отъ религіи. Греческіе философы различныхъ школъ сходились между собою въ этомъ отношеніи и перенесенная на римскую почву греческая философія сохранила свой характеръ, враждебный народному культу. Римскія божества, сближенныя съ божествами Греціи, раздѣлили участь послѣднихъ, и Юпитеръ капитолійскій столь же мало находилъ пощады, какъ и Зевесъ. Римскіе писатели, послѣдователи различныхъ философскихъ ученій, даже и признавая народный культъ государственнымъ институтомъ, тѣмъ не менѣе вполнѣ обнаруживали его внутреннюю несостоятельность. Сочиненія греческихъ писателей, осмѣивавшія народныя вѣрованія, съ жадностью читались Римлянами, для которыхъ греческій языкъ былъ почти столь же роднымъ, какъ и латинскій. А презрительныя насмѣшки, направленныя противъ поэтическихъ представленій о греческихъ богахъ, легко прикладывались и къ божествамъ римскимъ, слившимся съ греческими. Сочиненіе Евгемера на первыхъ же почти порахъ сближенія Рима съ Греціею переводится на латинскій языкъ Энніемъ, который не преминулъ сдѣлать примѣненія къ божествамъ, чтимымъ въ Римѣ и Италіи. Римская литература не меньше философіи разрушительно дѣйствовала на народныя вѣрованія.

Убѣжденіе въ божественности природы или разума, въ

[redacted]

господствѣ фортуны, судьбы или случая также мало уживалось съ вѣрою въ родныхъ боговъ, какъ и философское ученіе о природѣ и божествѣ. Въ театрѣ, по словамъ одного изъ древнихъ писателей, народъ осмѣивалъ тѣ же самыя божества, которымъ поклонялся въ храмѣ. Чрезъ сценическія представленія, чрезъ поэзію проникало безвѣріе или отрицаніе прежнихъ вѣрованій и въ низшіе слои римскаго общества. Съ другой стороны, безпрерывный притокъ чужеземцевъ въ Римъ, постоянныя сношенія съ иновѣрными странами, безчисленное множество рабовъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ иноземцами большинство римскаго населенія, — все сильно содѣйствовало распространенію въ Римѣ чуждыхъ вѣрованій. А каждый успѣхъ египетскаго или сирійскаго культа знаменовалъ собою паденіе и утрату народныхъ, старо-римскихъ вѣрованій. Кто чтилъ Изиду или Анубиса, кто принималъ участіе въ оргіастическихъ празднествахъ въ честь Матери боговъ, или сирійской богини, тотъ не могъ уже вѣрить во всемогущество Юпитера капитолійскаго, для того народная святыня не имѣла уже прежняго значенія. Знатный Римлянинъ, воспитанный греческимъ рабомъ-педагогомъ, окруженный съ младенчества толпою сирійскихъ, малоазіатскихъ и египетскихъ невольниковъ, не могъ сохранить въ чистотѣ старыя представленія о божествахъ Рима. Не могъ сохранить ихъ также и римскій плебей, находившійся въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ съ иновѣрцами, видѣвшій признаніе чуждыхъ культовъ римскимъ правительствомъ, считавшій тысячами въ числѣ римскихъ гражданъ азіатскихъ и африканскихъ вольноотпущенниковъ, сохранявшихъ прежнія мѣстныя вѣрованія. Народный римскій культъ былъ подорванъ въ сознаніи общества вѣковою работою философіи, осмѣянъ и выведенъ на всеобщій позоръ комедіей и поэзіей, затерялся среди чуждыхъ божествъ и обрядовъ, втѣснившихся не только въ предѣлы померіума, но и въ

самый Капитолій. Для древняго римскаго культа съ каждымъ днемъ становилось труднѣе удерживать за собою и государственное значеніе. Римскій культъ пересталъ казаться неразрывно связаннымъ съ государственнымъ интересомъ съ тѣхъ поръ, какъ предѣлы Римскаго государства охватили собою почти все пространство земли, извѣстное древнимъ, когда большинство римскихъ гражданъ, если не было иностранцами по происхожденію, то по крайней мѣрѣ чтило чужеземныхъ боговъ наравнѣ съ древне-римскими божествами, если не болѣе.

Со временъ имперіи государственнымъ культомъ сдѣлалось признаніе божественности видимаго главы римскаго міра, особы императора; а подобное признаніе уже одно было въ состояніи убить и послѣднюю вѣру въ боговъ капитолійскихъ, въ народную святыню Рима. Со временъ Августа начинается признаніе божественности императора. Горацій какъ бы дѣлитъ владычество надъ міромъ между Юпитеромъ и Августомъ. Если первый владыка небесъ, то второй божество, управляющее землею.

Отецъ мірозданья и вѣчный блюститель!
Ты, Цезарю въ стража избранный судьбами,
Даруй, чтобъ вторый по тебѣ повелитель
Былъ Цезарь надъ нами!

Меньшой по тебѣ, онъ да правитъ вселенной,
Ты жь горній Олимпъ сотрясай колесницей,
Ты рощи нечистыя жги раздраженной
Громовой десницей.

Еще прежде Горація, Виргилій и Овидій славили Августа, какъ новое божество, ниспосланное Риму, и это не было пустою фразой, поэтическимъ образомъ. Сенатъ и народъ не разъ пытались провозгласить оффиціально божествомъ Августа. И если Августъ съ свойственною ему осторожностью отклонилъ отъ себя оффиціальное признаніе своей божественности, то,

принимая титулъ Августа, онъ уже этимъ выдѣлялъ себя изъ среды смертныхъ; если онъ не допускалъ строить себѣ храмы въ самомъ Римѣ, то разрѣшилъ построеніе ихъ въ провинціяхъ съ условіемъ, чтобы поклоненіе генію Цезаря соединялось съ поклоненіемъ божеству Рима (dea Roma). У его преемниковъ не было этой сдержанности, вынужденной скромности, и апотеоза императоровъ вошла въ общее употребленіе тотчасъ по смерти Августа.

Апотеоза императоровъ примыкала къ старо-римскимъ вѣрованіямъ въ маны, лары и геніи, но развилась преимущественно подъ вліяніемъ восточныхъ религіозныхъ представленій. Имя Августа, какъ божества, давно уже читалось въ гіероглифическихъ надписяхъ египетскихъ храмовъ. Когда въ Римѣ, по словамъ Тацита, все ринулось въ раболѣпіе, апотеоза императора сдѣлалась почти единственною государственною религіей. Кто не получалъ божественныхъ почестей при жизни, того признавали божествомъ послѣ смерти. Сенаторы и всадники выносили на рукахъ на Марсово поле восковое изображеніе умершаго императора и торжествено ставили на костеръ. Когда зажигали костеръ, выпускали изъ него орла, который изображалъ собою божественную душу императора, улетавшую въ небо. Храмы римскимъ императорамъ были по всей имперіи. Когда Тиберій дозволилъ городамъ Азіи воздвигнуть себѣ храмъ, 11 городовъ оспаривали другъ у друга эту честь. Калигула, самъ убѣжденный въ своей божественности, имѣлъ храмы повсюду, въ самомъ Римѣ, даже въ Капитоліи. Клавдій воздвигнулъ себѣ храмъ въ Британіи. Въ римскомъ сенатѣ было предложено въ царствованіе Нерона, воздвигнуть ему храмъ въ Римѣ насчетъ государства. Въ храмахъ другихъ боговъ на ряду съ ними повсюду стояли изображенія императоровъ, въ Олимпіи – на ряду со статуей Зевса. И не одинъ императоръ былъ божествомъ. Всѣ члены его фамиліи, всѣ его любовницы и любовники

получали божескія почести. Въ храмѣ Діаны въ Греціи, рядомъ со статуей непорочной богини, стояла статуя безпутной Ливіи. Въ надгробной рѣчи Поппеѣ Неронъ славилъ ее зато, что она была матерью божественнаго младенца, хотя впрочемъ это новорожденное божество и умерло послѣ четырехъ мѣсяцевъ. Друзилла, сестра и наложница Калигулы, имѣла свои храмы. Часовни воздвигались частными людьми презрѣннымъ вольноотпущенникамъ, управлявшимъ волею идіота Клавдія. Адріанъ призналъ божествомъ своего любовника Антиноя.

Если и оставалась какая-нибудь вѣра въ древнія, національныя божества, могла-ли она устоять противъ такой профанаціи? Религіозное чувство замирало при видѣ такого позорнаго поругательства религіи, а между тѣмъ, если философы и поэты могли безнаказанно отвергать существованіе боговъ народнаго культа и выставлять ихъ на посмѣшище, то не безопасно было усомниться въ божественности императора: за малѣйшее сомнѣніе могли наказать, какъ за государственное преступленіе, и если Сенека въ сатирическихъ стихотвореніяхъ изобразилъ въ каррикатурномъ видѣ прибытіе на Олимпъ бога Клавдія, то тотъ же Сенека поправлялъ рѣчь Нерону, въ которой преемникъ Клавдія требовалъ божескихъ почестей отъ сената отравленному его матерью императору.

Апотеоза императора, сдѣлавшись государственною религіей, окончательно убивала религіозное чувство, окончательно подрывала даже и государственное значеніе стараго римскаго культа. Народныя массы не могутъ однакоже остановиться на безвѣріи, на отрицаніи всякой религіи. Подобное отрицаніе можетъ быть удѣломъ развѣ только незначительнаго, почти незамѣтнаго меньшинства въ обществѣ. Народныя массы, большинство можетъ перемѣнить предметы своего поклоненія, но въ немъ живетъ потребность во что-нибудь

[redacted]

вѣрить. Человѣку, предоставленному самому себѣ, становится страшно своей безпомощности, и только немногіе могутъ находить въ самихъ себѣ болѣе или менѣе надежную точку опоры. Большинство не можетъ удовлетвориться и одними отвлеченными понятіями: ему необходимо внѣшнее поклоненіе, внѣшняя обрядность, видимый, осязательный предметъ поклоненія. Утративъ вѣру въ божества древняго римскаго культа, римскій народъ съ жадностью бросился на поклоненіе божествамъ, принесеннымъ съ Востока, и вѣра въ послѣднихъ соединилась съ остатками привычнаго поклоненія божествамъ народнымъ. Для массъ скорѣе возможно всевѣріе (синкретизмъ), чѣмъ совершенное безвѣріе; самыя противоположныя религіозныя представленія могутъ соединиться, перепутаться въ ихъ понятіяхъ и удовлетворятъ ихъ болѣе, чѣмъ метафизическія отвлеченности, какъ бы высоки и чисты онѣ ни были. Массы скорѣе безъ мысли и обсужденія преклонятся предъ всякимъ внѣшнимъ предметомъ, чѣмъ остановятся на одномъ отрицаніи.

Никогда суевѣріе съ такою силою не втѣснялось въ сознаніе большинства народныхъ массъ, какъ въ ту эпоху римской исторіи, когда религіозныя вѣрованія, разлагаемыя уже сопоставленіемъ, сближеніемъ противоположныхъ религій, подвергались въ то же время и самому упорному преслѣдованію со стороны философской мысли. Правда, ни скептическое сомнѣніе, ни стоическое воззрѣніе на божество, единое и нераздѣльно слитое съ природою, ни отрицаніе божества эпикурейцами не проникли глубоко въ народныя массы; но они могущественно содѣйствовали разложенію народныхъ вѣрованій. Разбивая вѣру въ боговъ, эпикурейцы думали спасти человѣчество отъ страха предъ несуществующими, но казавшимися грозными силами. Прежнія вѣрованія въ боговъ были дѣйствительно разбиты, кумиры лежали въ прахѣ; но освобожденія человѣчества отъ гнетущаго страха не совершилось.

Въ народѣ было смутное предчувствіе несостоятельности существующей религіи и надобно было совершенно закрыть глаза, чтобы не видѣть несомнѣнныхъ признаковъ паденія древняго язычества. Эти ясные признаки видиѣлись повсюду. Въ народѣ, безъ сомнѣнія, ходило много разсказовъ, подобныхъ записанному Плутархомъ, въ которыхъ проглядывало подобное сознаніе. Разсказъ Плутарха слишкомъ любопытенъ, чтобы не привести его.

Около временъ Тиберія одинъ корабль проходилъ недалеко отъ острова Пароса. Большая часть корабельщиковъ еще не спала и сидѣла за столомъ, когда съ одного изъ острововъ раздался громкій голосъ, всѣхъ поразившій и называвшій по имени Тамоса, кормчаго корабля. При первомъ и второмъ вызовахъ Тамосъ хранилъ молчаніе, при третьемъ онъ рѣшился отвѣтить, и тогда голосъ произнесъ еще съ большею силой: «Когда ты будешь на высотѣ Паиодовъ, возвѣсти, что великій Панъ умеръ». Достигнувъ назначеннаго мѣста, кормчій исполнилъ порученіе и съ кормы прокричалъ: «Великій Панъ умеръ!» Тогда послышались съ земли шумныя восклицанія скорби и изумленія. Очевидцы разсказывали объ этомъ въ Римѣ. Тиберій навелъ справки и фактъ былъ признанъ достовѣрнымъ.

Божества, господствовавшія доселѣ надъ народнымъ сознаніемъ, теряя свою силу и власть, какъ бы теряли вмѣстѣ съ тѣмъ и свою жизненность. Великій Панъ умеръ, но воплями и сѣтованіями встрѣчалась вѣсть объ его кончинѣ. Утративъ вѣру въ прежнія божества, народъ не могъ обойтись безъ вѣры и готовъ былъ вѣрить во все, что могло дать хотя минутное успокоеніе, временную точку опоры. Человѣкъ не могъ отдѣлаться отъ страшныхъ вопросовъ, тревожившихъ его умъ; въ борьбѣ съ дѣйствительностью онъ сознавалъ слабость своихъ собственныхъ силъ и не находилъ въ себѣ нравственныхъ убѣжденій, на основаніи которыхъ могли бы опредѣляться его

поступки. Для большинства необходима внѣшняя помощь, и всего томительнѣе неизвѣстность будущаго. Рядомъ съ ослабленіемъ прежнихъ религіозныхъ вѣрованій идетъ распространеніе суевѣрій, естественное слѣдствіе ослабленія религіознаго чувства. Въ римскихъ писателяхъ мы можемъ найти полную и поразительную картину этого соединенія отсутствія прочныхъ религіозныхъ убѣжденій съ самыми безсмысленными суевѣріями. Лучшіе люди не были свободны отъ суевѣрій, легко уживавшихся съ скептицизмомъ и видимымъ безвѣріемъ. Плиній, отвергающій безсмертіе души, отрицающій существованіе боговъ, вѣритъ въ талисманы; Луканъ, увѣряющій, что царство Юпитера ложь, отвергающій вмѣшательство боговъ въ управленіе міромъ, признаетъ таинственную силу чаръ и заклинаній. Римскія божества осмѣяны и отвергнуты, и вотъ что разсказываетъ Сенека: «Взойди въ Капитолій, и тамъ тебя поразитъ безуміе, совершаемое, какъ священная обязанность. Одинъ разсказываетъ богу имена другихъ божествъ, его привѣтствующихъ, другой возвѣщаетъ Юнонѣ, который часъ теперь! Одинъ исполняетъ при статуѣ должность лектора, другой—парикмахера и движеніемъ рукъ дѣлаетъ видъ, будто убираетъ ей голову. Юнона и Минерва имѣютъ при себѣ прислужницъ, которыя убираютъ имъ волосы, хотя и находятся въ отдаленіи отъ храма, не только отъ статуи: эти прислужницы дѣйствуютъ пальцами, какъ бы расчесывая волосы. Одни предлагаютъ богинѣ зеркало; другіе упрашиваютъ боговъ присутствовать при ихъ тяжбѣ. Одинъ подаетъ богу просьбу, другой извѣщаетъ его о своихъ дѣлахъ. Знаменитый мимъ, уже дряхлый старикъ, ежедневно даетъ въ Капитоліи представленія, какъ будто бы боги могутъ съ удовольствіемъ смотрѣть на актера, оставленнаго публикой. Тамъ всякаго рода художники и ремесленники работаютъ для безсмертныхъ боговъ.... Впрочемъ всѣ эти люди оказываютъ излишнія и безполезныя для

боговъ услуги, но не предлагаютъ имъ по крайней мѣрѣ ничего постыднаго и безчестнаго. Но въ Капитоліи же сидятъ женщины, которыя увѣряютъ, что съ ними въ связи Юпитеръ и не боятся гнѣва Юноны, столь раздражительной, если вѣрить словамъ поэтовъ..... Боготворятъ идоловъ, ихъ умоляютъ на колѣнахъ, имъ молятся, предъ ними стоятъ цѣлые дни, имъ бросаютъ деньги и закалываютъ жертвы».

Утратилось прежнее понятіе о богахъ, и поклоненіе обратилось къ самымъ изображеніямъ, помимо предмета изображенія. Идолъ сталъ предметомъ поклоненія и религія снизошла на степень грубаго фетишизма.

По мѣрѣ того, какъ затемнялись и утрачивались прежнія представленія о божествахъ, должно было ослабляться и искажаться самое религіозное чувство, религія вырождалась до степени грубаго фетишизма и суевѣрія. Сулла имѣлъ особую вѣру въ небольшое изображеніе дельфійскаго Аполлона, которое онъ повсюду возилъ съ собою, къ которому прибѣгалъ съ мольбою въ рѣшительныя минуты своей жизни. Въ жизни Августа мы встрѣчаемъ замѣчательныя противорѣчія, хорошо характеризующія религіозное состояніе общества въ эпоху перехода отъ республики къ имперіи. Объ Августѣ ходили слухи, не совсѣмъ согласные съ его видимымъ уваженіемъ къ вѣрованіямъ. Антоній въ письмахъ упрекалъ Августа въ пиршествахъ, извѣстныхъ подъ именемъ пира 12 боговъ, на которыхъ мущины и женщины разыгрывали роль боговъ и богинь, являясь съ ихъ аттрибутами, и самъ Августъ представлялъ Аполлона. Августа называютъ создателемъ и возстановителемъ храмовъ, но вотъ случай показывающій его взглядъ на божество. Великій первосвященникъ Августъ послѣ бури, разсѣявшей или уничтожившей его флотъ, наказалъ Нептуна тѣмъ, что запретилъ выносить его изображеніе въ торжественной процессіи, совершаемой на играхъ, ближайшихъ по времени къ

событію, вызвавшему гнѣвъ Августа на божество, повелѣвавшее моремъ. Болѣе грубое воззрѣніе на божество трудно себѣ представить. До какой степени Августъ былъ суевѣренъ, можно видѣть изъ его біографіи, написанной Светоніемъ. Онъ считалъ дурнымъ предзнаменованіемъ, если утромъ надѣвалъ ошибкой обувь вмѣсто лѣвой ноги на правую; никогда не начиналъ путешествія на другой день нундинъ, не начиналъ важнаго дѣла въ ноны, и т. д.

Было бы долго перечислять многочисленные виды суевѣрій, господствовавшихъ въ римскомъ обществѣ въ началѣ христіанской эры, все возраставшихъ и получавшихъ болѣе значенія по мѣрѣ того, какъ утрачивалось настоящее религіозное чувство. Многія вѣрованія, оторванныя отъ извѣстнаго религіознаго воззрѣнія, лишенныя внутренняго значенія, выраждались въ самыя грубыя и безсмысленныя суевѣрія. Что жило иногда въ религіозномъ сознаніи, въ чемъ выражалось извѣстное понятіе о божествѣ и объ отношеніи къ нему человѣка, то становилось теперь формою, лишенною содержанія, но тѣмъ не менѣе сохраняло извѣстную силу надъ человѣкомъ и, можетъ быть, тѣмъ большую, чѣмъ оно было непонятнѣе. Затерялось и стерлось самое различіе между вѣрованіемъ и суевѣріемъ, по крайнѣй мѣрѣ прежнія понятія о томъ, что̀ должно называться вѣрою и что̀ суевѣріемъ, были въ это время совершенно неприложимы. Древнее понятіе Римлянъ о суевѣріи было весьма просто и опредѣленно. Человѣкомъ религіознымъ назывался тотъ, кто въ своихъ воззрѣніяхъ на божество строго держался отечественнаго, опредѣленнаго законами культа. Суевѣръ былъ тотъ, кто принималъ чужеземныя понятія о божествѣ или поклонялся чуждымъ богамъ. Подобное различіе было совершенно неприложимо уже въ первую пору имперіи и даже въ послѣднее время республики. Трудно было найти человѣка, который бы вполнѣ признавалъ все

признаваемое національнымъ культомъ, который бы не выходилъ изъ круга старыхъ религіозныхъ воззрѣній. Еще труднѣе было найти такого, который былъ бы совершенно чистъ отъ всякаго вліянія чужеземныхъ вѣрованій, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ были оффиціально признаны государственною властью. Притомъ древнее воззрѣніе на отличіе вѣры отъ суевѣрія было чисто внѣшнее. Тотъ, кто, выходя изъ храма, омывалъ руки освященною водой, поступалъ религіозно; кто омывалъ все тѣло тою же водою и съ тою же цѣлью очищенія, былъ суевѣромъ. По мнѣнію Полибія, вся римская религія казалась сборомъ суевѣрій, признанныхъ для достиженія извѣстныхъ государственныхъ цѣлей. Варронъ, такъ много занимавшійся религіозными вѣрованіями римскаго народа, старался положить внутреннее различіе между вѣрою и суевѣріемъ. По его мнѣнію, человѣкъ суевѣрный боится боговъ, человѣкъ религіозный не принимаетъ ихъ за враговъ, подобно суевѣрамъ, а чтитъ ихъ, какъ отцовъ, и считаетъ ихъ всѣхъ добрыми и благодѣтельными по природѣ. Такое же воззрѣніе на сущность и природу суевѣрій мы встрѣчаемъ и у греческихъ писателей. Но въ такомъ случаѣ почти вся сумма обращавшихся въ народныхъ массахъ вѣрованій должна быть признана суевѣріями, потому что въ послѣднее время республики и въ первое время имперіи только томящій страхъ предъ неизвѣстнымъ будущимъ, только сознаніе своей беззащитности и безпомощности заставляли въ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ, въ грубомъ фетишизмѣ искать спасенія и сколько-нибудь надежной точки опоры для своихъ дѣйствій.

Отвлеченныя понятія о божествѣ, выработанныя предшествующимъ развитіемъ народной жизни, исчезли и потеряли свою силу надъ умами. Зато тѣмъ сильнѣе былъ страхъ предъ неизвѣстною силой, господствующею надъ міромъ, тѣмъ крѣпче прилѣплялся человѣкъ къ внѣшнимъ предметамъ

поклоненія. Явился особый родъ чарованія, посредствомъ котораго божество принуждалось поселиться въ той или другой статуѣ, къ которой уже можно было обращаться съ молитвами. Извѣстными тайными обрядами, чародѣйственными заклинаніями призывалось божество поселиться въ приготовленной статуѣ; божеству какъ бы дѣлалось насиліе; оно какъ бы приковывалось къ извѣстному изображенію, запиралось въ него, соединялось съ нимъ, какъ душа соединяется съ тѣломъ. Божество иногда вырывалось изъ этого заключенія, и въ Капитоліи и на форумѣ показывали ясные слѣды уходившаго божества. То, что̀ мы видимъ у народовъ, еще недостигшихъ самыхъ первыхъ ступеней образованности: невозможность отдѣлить идею отъ матеріи, невозможность возвыситься надъ грубою матеріей, непосредственное поклоненіе самой матеріи, фетишизмъ и другія явленія,—встрѣчаемъ мы и у народовъ, уже завершившихъ свое развитіе, утратившихъ свою жизненную силу мысли. Фетишизмъ, господствующая религіозная форма у народовъ неисторическихъ, не принимающихъ участія въ развитіи человѣчества, является также и у народовъ, сходящихъ съ историческаго поприща, такъ сказать, разлагающихся. «Я вѣрилъ, говоритъ одинъ изъ обратившихся къ христіанству язычниковъ, я недавно вѣрилъ въ божества, только-что вынутыя изъ горна, только-что отчеканенныя ударомъ молота на наковальнѣ, сдѣланныя изъ слоновой кости, вѣрилъ въ раскрашенныя изображенія; и, когда я видѣлъ гладкій камень, умащенный оливковымъ масломъ, я вѣрилъ въ присущую ему силу, я поклонялся ему, просилъ у него милости. Я наносилъ оскорбленіе самимъ божествамъ, думая, что они дерево, камень или кость и что они живутъ въ тѣлахъ подобнаго рода».

Философія старалась освободить человѣчество отъ страха предъ божествами, старалась объяснить путемъ чистой мысли

природу и божество, хотѣла возвыситься до идеи божества, и разрушила народныя вѣрованія, показала ихъ несостоятельность предъ судомъ разума, вывела ихъ на позоръ и поруганіе. Но она не дала вѣрованій, не замѣнила разрушеннаго, и чувство страха тѣмъ сильнѣе овладѣло человѣкомъ. Повсюду онъ увидѣлъ таинственную, враждебную ему силу, владѣющую имъ по своей прихоти. Дельфійскій оракулъ смолкъ, осмѣянный философами; зато халдейскіе и еврейскіе предсказатели овладѣли довѣріемъ массъ. Чувство страха могло заставить женщину въ жестокую зиму идти на Тибръ, чтобы утромъ трижды погрузить голову въ ледяныя волны и оттуда нагою и дрожащею влачиться на окровавленныхъ колѣнахъ кругомъ всего поля Тарквинія Гордаго. Чувство страха заставляло обращаться ко всѣмъ богамъ, прибѣгать къ магіи. Предсказанія, гаданія, заклинанія коренились болѣе или менѣе во всѣхъ религіяхъ языческаго міра, но никогда они не были въ такомъ общемъ употребленіи, какъ въ печальное время паденія древнихъ религій. Можно сказать, что они заняли первое мѣсто въ религіозномъ сознаніи, или, что вырожденіе и уничтоженіе вѣрованій выдвинули ихъ на первый планъ. Никакія мѣры не могли воспрепятствовать распространенію астрологіи и магіи въ римскомъ обществѣ, и та и другая являлись въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, въ соединеніи съ самыми странными и возмутительными обрядами. Чарами умилостивляли боговъ, различными зельями пріобрѣтали любовь и привязанность. Убѣжденіе въ дѣйствительности чаръ и заклинаній не отступало даже предъ человѣческими жертвами, хотя сенатскимъ декретомъ за 97 лѣтъ до Р. Хр. и было строго запрещено приношеніе въ жертву людей, хотя римское правительство и преслѣдовало друидизмъ и поклоненіе Молоху-Ваалу, требовавшее человѣческой крови. Частные люди убивали младенцевъ для успѣшности своихъ заклинаній.

Цицеронъ обвиняетъ Ватинія въ умерщвленіи младенцевъ при вызываніи душъ умершихъ. Неронъ, одно время съ обычнымъ своимъ увлеченіемъ предававшійся магіи, нерѣдко приносилъ человѣческія жертвы. О Катилинѣ разсказываютъ то же самое. Чѣмъ глубже падала языческая религія, тѣмъ болѣе становилось приверженцевъ магіи, и примѣры императоровъ, приносившихъ въ жертву младенцевъ, довольно многочисленны. Иногда для полнаго успѣха чарованій считалось необходимымъ принесеніе въ жертву еще неродившагося младенца, и въ такихъ случаѣ гибла еще и женщина, изъ которой извлекался младенецъ. Медицина этого несчастнаго времени также иногда требовала младенческой крови для успѣшности леченія. Подобныя явленія у народовъ, уже совершившихъ долгій и славный путь своего развитія, всего лучше говорятъ о глубокомъ паденіи, о безнадежномъ состояніи общества.

Паденіе язычества зависитъ не отъ случайныхъ причинъ, не отъ перемѣнъ въ политическомъ устройствѣ, не отъ той или другой формы правленія. Оно условливалось неизбѣжною необходимостью. Въ исторіи древнихъ религій нельзя не замѣтить извѣстныхъ законовъ, нельзя не признать извѣстнаго процесса, охватывающаго собою всѣ разнообразныя проявленія религіознаго чувства. Всѣ онѣ имѣютъ между собою извѣстное отношеніе, являясь или моментами общаго миѳологическаго процесса, или развитіемъ какой-нибудь отдѣльной стороны общаго воззрѣнія, какой-нибудь одной идеи. Но рядомъ съ этою общею стороною древнихъ религій, составляющихъ части одного цѣлаго, является и другая ихъ особенность. Политеизмъ древняго міра отличался мѣстнымъ и народнымъ характеромъ, который ясно обозначается въ его исторіи. Каждая мѣстность, каждое племя имѣетъ свой особенный культъ, исключительно имъ принадлежащій, выработавшійся болѣе или менѣе самостоятельно. Конечно, когда различныя мѣстности или племена

приходили въ столкновенія, въ сношенія другъ съ другомъ, соединялись въ общемъ союзѣ, происходило, какъ естественное слѣдствіе этого, и слитіе различныхъ воззрѣній, соединеніе различныхъ религіозныхъ вѣрованій, соединеніе различныхъ культовъ. Но до этого момента каждое божество имѣло чисто мѣстный и племенной характеръ, и ему не могъ приносить жертвъ чужеродецъ, человѣкъ другаго племени. Происхожденіе египетской религіи изъ мѣстныхъ культовъ не подвержено сомнѣнію; но точно такое же явленіе находимъ мы и у всѣхъ народовъ. Извѣстная религіозная система слагалась изъ отдѣльныхъ, мѣстныхъ культовъ точно также, какъ извѣстный народъ слагался изъ отдѣльныхъ племенъ, отказавшихся ради общихъ интересовъ отъ своего изолированнаго существованія. Соединеніе мѣстныхъ культовъ въ одну общую религіозную систему есть результатъ продолжительнаго процесса религіознаго сознанія. Чуждыя божества втѣснялись въ сознаніе племени лишь въ той мѣрѣ, въ какой утрачивало оно чувство своей племенной исключительности, отрекалось отъ своего отдѣльнаго, замкнутаго существованія, сближалось съ другими народами. Сливались отдѣльныя племена въ одинъ народъ—и образовывалась тогда народная религія, въ которой иногда только съ большимъ трудомъ, при сильномъ напряженіи мысли, и по весьма немногимъ признакамъ, можно отличить слѣды прежняго разъединенія, слѣды прежнихъ чисто мѣстныхъ культовъ. Но послѣдніе точно также предшествовали религіямъ цѣлыхъ народовъ, какъ отдѣльное существованіе племенъ предшествовало жизни государственной, какъ племена, колѣна, роды предшествовали народу. Правда, и въ мѣстныхъ культахъ, не смотря на ихъ самобытное возникновеніе и разнообразіе, было извѣстное сходство, извѣстная общность и внутреннее единство, проявлявшееся во внѣшнемъ разнообразіи. Но это единство было точно такое же, какое чувствуется въ человѣчествѣ,

не смотря на все разнообразіе племенъ, на которыя оно распадается.

Крѣпостью племенной или народной жизни условливалась и крѣпость религіозныхъ вѣрованій. Въ исторіи древняго міра мы находимъ сказаніе о племенахъ, вооруженною силою отбивавшихся отъ вторженія чуждыхъ божествъ, и мы можемъ положительно утверждать, что, отстаивая свою религіозную самобытность, защищая родныхъ боговъ отъ чуждыхъ, эти племена отстаивали прежде всего свою племенную исключительность. Въ древнѣйшую эпоху быта религія была неразрывно связана съ народностью и отдѣлить одну отъ другой рѣшительно невозможно. Тогда свободы сознанія не существовало точно также, какъ и свободы личности. Отказаться отъ поклоненія родному божеству, увѣровать въ божество чуждое человѣкъ не могъ, не отрекаясь отъ своего племени. Исключительнымъ, племеннымъ характеромъ отмѣчена даже та религія, которая, повидимому, не имѣла ничего общаго съ языческими религіями древняго міра, сохранила чистоту монотеизма и была чужда миѳологическому процессу, совершавшемуся въ сознаніи другихъ народовъ. И для Евреевъ Іегова былъ по преимуществу Богомъ только еврейскаго племени, поклоненіе ему было неразрывно слито съ народностью, и утрата первоначальной чистоты культа неизбѣжно влекла за собою ослабленіе національной крѣпости и единства. На этой степени развитія немыслима свобода религіознаго сознанія; тутъ поклоненіе тому или другому божеству условливается для человѣка его принадлежностью къ другому племени. Соединеніе нѣсколькихъ мѣстныхъ культовъ въ одну общую религіозную систему, бывшее слѣдствіемъ слитія нѣсколькихъ племенъ, было уже дальнѣйшимъ и притомъ огромнымъ шагомъ впередъ въ развитіи человѣчества. Волей или неволей совершалось соединеніе племенъ между собою—результатъ былъ одинъ и

приходили въ столкновенія, въ сношенія другъ съ другомъ, соединялись въ общемъ союзѣ, происходило, какъ естественное слѣдствіе этого, и слитіе различныхъ воззрѣній, соединеніе различныхъ религіозныхъ вѣрованій, соединеніе различныхъ культовъ. Но до этого момента каждое божество имѣло чисто мѣстный и племенной характеръ, и ему не могъ приносить жертвъ чужеродецъ, человѣкъ другаго племени. Происхожденіе египетской религіи изъ мѣстныхъ культовъ не подвержено сомнѣнію; но точно такое же явленіе находимъ мы и у всѣхъ народовъ. Извѣстная религіозная система слагалась изъ отдѣльныхъ, мѣстныхъ культовъ точно также, какъ извѣстный народъ слагался изъ отдѣльныхъ племенъ, отказавшихся ради общихъ интересовъ отъ своего изолированнаго существованія. Соединеніе мѣстныхъ культовъ въ одну общую религіозную систему есть результатъ продолжительнаго процесса религіознаго сознанія. Чуждыя божества втѣснялись въ сознаніе племени лишь въ той мѣрѣ, въ какой утрачивало оно чувство своей племенной исключительности, отрекалось отъ своего отдѣльнаго, замкнутаго существованія, сближалось съ другими народами. Сливались отдѣльныя племена въ одинъ народъ—и образовывалась тогда народная религія, въ которой иногда только съ большимъ трудомъ, при сильномъ напряженіи мысли, и по весьма немногимъ признакамъ, можно отличить слѣды прежняго разъединенія, слѣды прежнихъ чисто мѣстныхъ культовъ. Но послѣдніе точно также предшествовали религіямъ цѣлыхъ народовъ, какъ отдѣльное существованіе племенъ предшествовало жизни государственной, какъ племена, колѣна, роды предшествовали народу. Правда, и въ мѣстныхъ культахъ, не смотря на ихъ самобытное возникновеніе и разнообразіе, было извѣстное сходство, извѣстная общность и внутреннее единство, проявлявшееся во внѣшнемъ разнообразіи. Но это единство было точно такое же, какое чувствуется въ человѣчествѣ,

нё смотря на все разнообразіе племенъ, на которыя оно распадается.

Крѣпостью племенной или народной жизни условливалась и крѣпость религіозныхъ вѣрованій. Въ исторіи древняго міра мы находимъ сказаніе о племенахъ, вооруженною силою отбивавшихся отъ вторженія чуждыхъ божествъ, и мы можемъ положительно утверждать, что, отстаивая свою религіозную самобытность, защищая родныхъ боговъ отъ чуждыхъ, эти племена отстаивали прежде всего свою племенную исключительность. Въ древнѣйшую эпоху быта религія была неразрывно связана съ народностью и отдѣлить одну отъ другой рѣшительно невозможно. Тогда свободы сознанія не существовало точно также, какъ и свободы личности. Отказаться отъ поклоненія родному божеству, увѣровать въ божество чуждое человѣкъ не могъ, не отрекаясь отъ своего племени. Исключительнымъ, племеннымъ характеромъ отмѣчена даже та религія, которая, повидимому, не имѣла ничего общаго съ языческими религіями древняго міра, сохранила чистоту монотеизма и была чужда миѳологическому процессу, совершавшемуся въ сознаніи другихъ народовъ. И для Евреевъ Іегова былъ по-преимуществу Богомъ только еврейскаго племени, поклоненіе ему было неразрывно слито съ народностью, и утрата первоначальной чистоты культа неизбѣжно влекла за собою ослабленіе національной крѣпости и единства. На этой степени развитія немыслима свобода религіознаго сознанія; тутъ поклоненіе тому или другому божеству условливается для человѣка его принадлежностью къ другому племени. Соединеніе нѣсколькихъ мѣстныхъ культовъ въ одну общую религіозную систему, бывшее слѣдствіемъ слитія нѣсколькихъ племенъ, было уже дальнѣйшимъ и притомъ огромнымъ шагомъ впередъ въ развитіи человѣчества. Волей или неволей совершалось соединеніе племенъ между собою—результатъ былъ одинъ и

тотъ же. Совершался переворотъ въ области сознанія, рушилась прежняя замкнутость и исключительность, расширялась сфера религіознаго мышленія. Соединеніе мѣстныхъ культовъ никогда не могло быть только механическимъ сопоставленіемъ другъ подлѣ друга разнородныхъ вѣрованій. Въ области мысли и сознанія этого не можетъ быть точно также, какъ не можетъ быть чисто внѣшнихъ заимствованій, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока въ народѣ не изсякъ живой источникъ религіозности.

Народы древняго міра даже въ начальную эпоху ихъ развитія часто заимствовали божества другъ у друга. Какъ бы ни былъ своеобразенъ культъ Олимпійскихъ боговъ, сложившійся въ Греціи, какъ бы ни глубоко сознавали Эллины свою рѣзкую противоположность относительно варваровъ, то-есть всѣхъ народовъ не эллинскаго духа и образованія, въ ихъ религіи мы найдемъ ясные слѣды чужеземнаго вліянія, признаки заимствованій извнѣ. Мы ошибемся лишь тогда, когда предположимъ, что это было заимствованіе только внѣшнее, механическое, чего не было да и не могло быть при той полнотѣ и стройности, при томъ внутреннемъ единствѣ, которое видно въ религіозномъ сознаніи Эллиновъ. Заимствованія были, но не случайныя. Сношеніе съ другими народами, знакомство съ ихъ вѣрованіями вело не къ рабскому подражанію, не къ отреченію отъ своего, народнаго въ пользу чужаго; оно давало только толчекъ, новое движеніе греческой мысли, открывало передъ нею новые горизонты. Въ греческомъ сознаніи понятіе о новомъ божествѣ раскрывалось сообразно съ требованіями духовной природы Эллиновъ, совершенно въ греческомъ духѣ. Божество, занесенное въ Грецію съ азіатскаго Востока или изъ Египта, получало совершенно эллинскій характеръ, иное значеніе, котораго не имѣло прежде на своей родинѣ. Только побужденіе, начало движенія могло придти

извнѣ въ Элладу: самое движеніе религіознаго сознанія совершалось чисто въ греческомъ духѣ. И такъ было не въ одной Греціи.

Итакъ на этой степени сближенія и слитія племенъ мы видимъ тѣсную связь религіи съ народностями, мѣстный, народный характеръ политеизма. Измѣнилось только отношеніе человѣка къ божествамъ, предъ которыми онъ преклонялся. Въ племени, въ родѣ это отношеніе было вполнѣ несвободное. Крѣпостью родовой, племенной связи условливалась крѣпость вѣрованій, а самая эта связь налагалась на человѣка помимо его воли, самымъ его рожденіемъ. Внѣ рода или племени съ его божествами для человѣка были только враги, поклонявшіеся божествамъ, также ему враждебнымъ, къ которымъ не смѣлъ онъ обратиться съ любовью уже потому, что мольба и жертва чужеродца были противны и оскорбительны для боговъ.

Сліяніе мѣстныхъ культовъ въ одно общее поклоненіе необходимо предполагаетъ уже извѣстную степень свободы человѣческаго духа, ибо оно совершается въ сознаніи. Исключительное господство ведетъ къ враждѣ, не допускаетъ уступокъ и соглашеній, необходимыхъ при соединеніи. Образованіе извѣстной общей, народной религіи требуетъ работы, развитія мысли, что̀ невозможно безъ нѣкоторой свободы. Относительно каждаго изъ мѣстныхъ культовъ, образовавшаяся изъ нихъ религіозная система являлась чѣмъ-то новымъ уже потому, что ни одинъ изъ мѣстныхъ культовъ, ее породившихъ, не вошелъ въ нее во всей своей полнотѣ и исключительности, безъ примѣси многаго чуждаго. Образованіе религіозной системы изъ сліянія нѣсколькихъ мѣстныхъ культовъ было до нѣкоторой степени отрицаніемъ каждаго изъ нихъ, что̀ немыслимо при отсутствіи свободы человѣческаго духа. Такимъ образомъ, какъ бы эта система ни была исключительна сама, какіе бы тѣсные предѣлы ни полагала она человѣческому

духу, но уже самый переходъ къ ней отъ мѣстныхъ, исключительныхъ культовъ былъ нѣкоторымъ шагомъ впередъ къ освобожденію самаго духа. Во всякомъ случаѣ для мысли открывалось болѣе простора; въ сознаніи человѣка совершался извѣстный процессъ, происходило движеніе, а каждый процессъ предполагаетъ извѣстную степень свободы мысли.

Уже въ самой сущности древняго политеизма лежала необходимость процесса, развитія. Притомъ, такъ какъ религіи древняго міра возникли изъ мѣстныхъ культовъ и были постоянно въ тѣсной связи съ тою или другою народностью, то выходъ изъ исключительныхъ народныхъ опредѣленій былъ въ то же время и отрицаніемъ народныхъ вѣрованій. На извѣстной степени развитія человѣческая мысль ищетъ этого выхода, стремится достигнуть до общечеловѣческихъ понятій, до общихъ идей и началъ, изъ области религіознаго сознанія перейти въ область философскаго мышленія. Если и на самой философіи замѣтенъ характеръ того народа, среди котораго она является, то цѣль философскаго мышленія стоитъ уже внѣ той или другой народности. Философское мышленіе было отрицаніемъ народныхъ вѣрованій, сложившихся подъ вліяніемъ, такъ сказать, этнографическимъ. Эта противоположность философскаго мышленія съ народными вѣрованіями обнаружилась не вдругъ и была долгое время не сознаваема; но она была однакожъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ несовмѣстимости этихъ двухъ областей человѣческаго духа. И чѣмъ болѣе крѣпости пріобрѣтало философское мышленіе, тѣмъ рѣзче обнаруживалась его несовмѣстимость съ народнымъ религіознымъ воззрѣніемъ. Развитіе философской мысли повело къ отрицанію и опроверженію народныхъ вѣрованій, хотя самое возникновеніе философскаго сознанія было слѣдствіемъ, завершеніемъ предшествовавшаго ему процесса въ области религіознаго сознанія. Въ основѣ древняго политеизма

лежала необходимость движенія, и крайнимъ результатомъ этого движенія было обнаруженіе внутренней несостоятельности самого политеизма. Ослабленіе и разложеніе народныхъ вѣрованій условливалось самою природою этихъ вѣрованій. Тѣсное сближеніе между собою различныхъ народностей также могущественно содѣйствовало этому паденію вѣрованій, имѣвшихъ характеръ частный, мѣстный и народный. Возникнувъ почти независимо другъ отъ друга, слитыя съ извѣстными формами народнаго быта, вѣрованія теряли свою силу, какъ скоро они были оторваны отъ той почвы, на которой возникали. Смѣшеніе народностей вело и къ смѣшенію различныхъ вѣрованій, причемъ разлагалось и слабѣло каждое изъ нихъ.

Одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ писателей, Бенжаменъ Констанъ, занимаясь этимъ вопросомъ, нашелъ девять главныхъ причинъ неизбѣжнаго паденія древняго политеизма. Вотъ онѣ. 1) Безконечное умноженіе числа божествъ и вытекавшая отсюда путаница въ доктринахъ, миѳахъ и обрядахъ. 2) Постоянно возраставшая несовмѣстимость политеистическихъ вѣрованій съ состояніемъ образованія и понятій. 3) Стремленіе умовъ въ аллегоріи отыскать соглашеніе этой несовмѣстимости. 4) Успѣхи естествовѣдѣнія, которое, показывая людямъ естественную причину явленій, считавшихся дотолѣ чудесными, колеблетъ вѣру въ религіозныя преданія, относящіяся къ объясненію этихъ явленій. 5) Вредное дѣйствіе религіи, когда человѣкъ, утративъ въ нее вѣру, употребляетъ ее, какъ орудіе, какъ средство получить вліяніе и власть надъ своими собратіями. Такое употребленіе религіи долгое время скрывалось среди жреческихъ корпорацій, было ихъ тайною, но потомъ перешло въ руки власти и партій, стремившихся овладѣть властью. 6) Впечатлѣніе, производимое на умы профановъ, съ большею или меньшею быстротою, но неминуемо,

борьбою свѣтской и духовной власти. 7) Успѣхи философіи въ обществѣ у тѣхъ народовъ, которые не находились подъ властью жрецовъ, и въ самыхъ жреческихъ корпораціяхъ тамъ, гдѣ господствовали жрецы. 8) Нестройное смѣшеніе самыхъ разнородныхъ мнѣній въ тайной части религіознаго ученія, чтò необходимо даютъ чувствовать и угадывать народу сами хранители этого ученія. 9) Наконецъ, развитіе магіи, тайной, враждебной религіи силы, которая всегда существуетъ рядомъ съ нею, но пріобрѣтаетъ особенное значеніе по мѣрѣ ея паденія и собираетъ къ своимъ загадочнымъ обрядамъ въ пещеры и гроты людей, пренебрегающихъ общепринятыми церемоніями, удаляющихся отъ общественныхъ храмовъ.

Нельзя вполнѣ согласиться съ этимъ мнѣніемъ Бенжамена Констана уже потому, что въ немъ нѣкоторыя слѣдствія приняты за причины. Кромѣ того, всѣ причины неизбѣжнаго паденія древнихъ религій могутъ быть сведены къ одной, именно къ сущности, къ самой природѣ политеизма. Постепенное освобожденіе человѣческаго духа отъ господства внѣшней природы, развитіе общихъ религіозныхъ системъ изъ частныхъ и мѣстныхъ культовъ неминуемо вели къ отрицанію. Самые тяжелые удары народнымъ вѣрованіямъ, сложившимся исторически, нанесены были съ одной стороны философіей, которая, стремясь къ познанію всеобщаго и всецѣлаго, должна была стать въ противорѣчіе съ народными вѣрованіями, съ ихъ частными, народными началами; съ другой—сближеніемъ между собой народностей, постепенно втягивавшихся въ общую жизнь древняго человѣчества. Крѣпость народныхъ вѣрованій должна была рушиться, какъ скоро уничтожилась замкнутость народной жизни. Такія всемірно-историческія событія, какъ, напримѣръ, завоеванія Александра Великаго, не могли не оставить глубокаго слѣда во внутренней, духовной жизни народовъ, соединившихся подъ властью македонскаго героя. Еще

[redacted]

рѣшительнѣе было вліяніе римскаго завоеванія, какъ потому, что это завоеваніе охватило собою весь древній міръ, всѣ народности, имѣвшія историческое прошедшее, такъ и потому, что оно совершилось въ эпоху, когда уже сильно были расшатаны основы вѣрованій. Религіозныя системы, возникшія совершенно самобытно въ эпоху исключительной жизни того или другаго народа и потому отличавшіяся національною своеобразностью, сдѣлались теперь доступны болѣе или менѣе чуждому вліянію. Такъ потерялъ свою своеобразность народный римскій культъ, имѣвшій въ началѣ мало общаго съ вѣрованіями другихъ народовъ. То же обнаружилось даже и въ тѣхъ вѣрованіяхъ, которыя успѣли уже развиться въ стройную, крѣпкую систему, съ рѣзко обозначеннымъ народнымъ характеромъ. Греческія религіозныя представленія втѣснились мало по малу въ египетское сознаніе, и въ сказаніяхъ объ Озирисѣ и Изидѣ уже видѣнъ ясный слѣдъ вліянія греческой мысли. На почвѣ Александріи утратила многое изъ своей исключительности и самая исключительная религія древняго міра, еврейская, хотя она и осталась вѣрна своимъ основнымъ началамъ.

Подъ двойнымъ вліяніемъ философскаго мышленія и взаимнаго сближенія народностей разложились и утратили силу надъ общественнымъ сознаніемъ старыя народныя вѣрованія. За исключеніемъ нѣкоторыхъ религій Востока, въ различныхъ вѣрованіяхъ древняго міра мы не найдемъ опредѣленной, положительной доктрины, твердо установившихся догматовъ. Въ каждомъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ много неясности, много случайности и произвола. Миѳы возникали и слагались подъ вліяніемъ случайныхъ и минутныхъ впечатлѣній, и, чѣмъ свободнѣе становились отношенія человѣка къ божеству, тѣмъ смѣлѣе и произвольнѣе было объясненіе и толкованіе религіозныхъ сказаній. Геродотъ говоритъ, что религія Эллиновъ создана

Гомеромъ и Гезіодомъ, и никто, конечно, не станетъ отрицать, что въ твореніяхъ Гомера и Гезіода сказалось религіозное сознаніе ихъ современниковъ; но въ то же время нельзя не признать и простора личной фантазіи того или другаго поэта. Развитіе миѳологическаго процесса въ Греціи шло такъ быстро, что между Гомеровымъ и Гезіодовымъ религіознымъ воззрѣніемъ, между богословіемъ того и другаго было уже замѣтное различіе, хотя сказанія и того и другаго почти въ равной степени легли въ основу религіознаго созерцанія Эллиновъ. У политеизма не было ни священныхъ книгъ съ основаніями вѣроученія, ни церковной власти, охранявшей чистоту догматовъ. Мѣсто послѣднихъ занимали поэтическія сказанія, миѳы, которыми облекала народная фантазія свои религіозныя представленія. Но въ миѳахъ не всегда ясно и опредѣленно выражалось представленіе, ихъ породившее; первоначальное значеніе, основный смыслъ миѳа могъ легко затеряться или по крайней мѣрѣ затемниться, давать поводъ къ болѣе или менѣе произвольнымъ толкованіямъ.

Правда, рано въ самомъ политеизмѣ уже почувствовалась необходимость отдѣлить сущность религіознаго воззрѣнія отъ миѳическихъ сказаній, соединить въ одну сколько-нибудь стройную систему религіозныя понятія. Рано начались мистеріи рядомъ съ вѣрованіями чисто народными. Въ мистеріяхъ раскрывалось внутреннее содержаніе религіозныхъ сказаній, вырабатывалось религіозное созерцаніе, различное и отъ народныхъ вѣрованій и отъ поэтическихъ легендъ. Но уже самое раздѣленіе вѣрованій на ученіе эсотерическое, раскрывавшееся предъ посвященными въ мистеріи, и ученіемъ эксотерическимъ, предоставленнымъ народнымъ массамъ, должно было могущественно содѣйствовать паденію политеизма. Тайное эсотерическое ученіе мистерій точно также находилось въ болѣе или менѣе полномъ противорѣчіи съ вѣрованіемъ

народныхъ массъ, какъ и философскія системы, и отвергавшія вѣрованія народныхъ массъ, и не останавливавшіяся въ предѣлахъ эсотерическаго ученія мистерій. Утрачивая свою живую силу, народныя вѣрованія сохраняли долѣе всего свое значеніе политическое, потому что связаны были со всѣмъ предшествовавшимъ гражданскимъ и политическимъ развитіемъ народа. Мы видѣли впрочемъ, какъ недостаточно для поддержанія извѣстнаго культа одного признанія его государственнаго значенія. Становясь только государственнымъ учрежденіемъ, религіозная система тѣмъ самымъ признаетъ свою внутреннюю несостоятельность, утрату своей силы надъ народнымъ сознаніемъ.

Итакъ послѣднее время римской республики было временемъ полнаго паденія политеизма. Философія осмѣяла божества народныхъ вѣрованій и дошла или до сомнѣнія въ существованіи божества, или до полнаго его отрицанія. Даже признавая и доказывая существованіе божественной силы, она совершенно иначе, чѣмъ народныя массы, понимала сущность божества. Даже пользуясь народными миѳами, она подкладывала подъ нихъ свое значеніе, имъ совершенно чуждое. Соединеніе различныхъ народностей подъ одною государственною властью, безпрерывное общеніе и смѣшеніе народовъ вели къ разложенію своеобразныхъ народныхъ культовъ, къ смѣшенію самыхъ разнородныхъ религіозныхъ представленій, къ отождествленію божествъ, носившихъ первоначально совсѣмъ различные характеры, возникшихъ въ сознаніи народовъ подъ различными условіями. Скептицизмъ и безвѣріе распространились въ высшихъ, образованныхъ классахъ общества. Народныя массы, утративъ вѣру въ божества національнаго культа, позабывъ ихъ значеніе, но сохранивъ потребность вѣры, искали повсюду предметовъ для своего поклоненія, и по мѣрѣ того, какъ затемнялось внутреннее значеніе божествъ, тѣмъ

съ большимъ упорствомъ прилѣплялись къ внѣшности. Рядомъ съ утратою религіозныхъ вѣрованій шло усиленіе суевѣрій, и никогда владычество послѣднихъ не достигало такой силы, какъ въ эту несчастную эпоху. Невыразимо тяжело было положеніе человѣка, утратившаго вѣру въ божества національнаго культа и въ то же время сохранившаго жажду вѣрованія. Философія не всегда давала отвѣтъ на вопросы, тревожившіе умъ и совѣсть человѣка; на суевѣріяхъ могла успокоиться только невѣжественная толпа, нуждавшаяся лишь въ предметѣ внѣшняго поклоненія. Для человѣка, мучимаго жаждою вѣры, вся жизнь была тревожнымъ исканіемъ истины.

Въ одномъ философско-религіозномъ романѣ, относящемся впрочемъ уже ко второму или третьему вѣку христіанской эры, изображено это мучительное состояніе, это постоянное исканіе нравственнаго успокоенія. Въ Климентинахъ выведенъ на сцену Климентъ,—лицо, разумѣется, воображаемое,—членъ одной изъ хорошихъ римскихъ фамилій. То, чтò чувствовалъ герой этого романа, очевидно, должны были переживать многіе. Характеръ Климента вѣренъ исторически, и въ положительныхъ свидѣтельствахъ, въ признаніяхъ лицъ дѣйствительно историческихъ можно найти безчисленныя доказательства, подтверждающія внутреннюю истину характера вымышленнаго героя романа. Вотъ какъ Климентъ раскрываетъ передъ читателемъ состояніе своего возмущеннаго духа. «Съ самой ранней юности меня одолѣвали сомнѣнія, не знаю самъ, какъ запавшія въ душу. Прекратится-ли со смертью мое существованіе, и не изчезнетъ-ли память обо мнѣ, такъ какъ безконечное время погружаетъ въ забвеніе всѣ человѣческія дѣянія? Но въ такомъ случаѣ не стòило мнѣ и родиться на свѣтъ. Когда сотворенъ міръ и чтò было до его сотворенія? Если міръ существуетъ отъ вѣка, то онъ долженъ и существовать вѣчно; если міръ имѣетъ начало, то онъ долженъ имѣть и конецъ. И что

[redacted]

будетъ по кончинѣ міра, какъ не молчаніе и покой смерти? Или, можетъ быть, будетъ нѣчто такое, о чемъ теперь невозможно и подумать? Нося безпрерывно въ себѣ эти вопросы, неизвѣстно, какъ возникшіе, я сильно страдалъ, поблѣднѣлъ, исхудалъ; и всего ужаснѣе было то, что когда я хотѣлъ отдѣлаться отъ подобныхъ мыслей, какъ безполезныхъ и ни къ чему не ведущихъ, онѣ съ новою силой втѣснялись въ мою душу и причиняли мнѣ новое мученіе..... Одержимый подобными мыслями, я обратился къ школамъ философовъ, чтобы тамъ получить какое-нибудь разрѣшеніе сомнѣній; но тамъ я не нашелъ ничего другаго, кромѣ построенія и разрушенія извѣстныхъ философскихъ положеній, вѣчныхъ споровъ, въ которыхъ, напримѣръ, то одерживало верхъ мнѣніе, что душа безсмертна, то, наоборотъ, что она подлежитъ смерти. Побѣждало первое мнѣніе—и я радовался, торжествовало второе—и я снова приходилъ въ уныніе. Такъ водили меня то въ ту, то въ другую сторону различныя представленія и я долженъ былъ признать, что вещи представляются не такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, но въ томъ видѣ, какъ представляются съ той или другой точки зрѣнія. И снова шла у меня кругомъ голова, и страдалъ я всею душою». Далѣе Климентъ разсказываетъ, какъ, убѣдившись, что путемъ одного отвлеченнаго, философскаго мышленія невозможно дойти до твердыхъ, непоколебимыхъ убѣжденій, онъ рѣшился искать успокоенія иною дорогою: отправился путешествовать и именно въ ту страну, которую считалъ родиною таинственнаго ученія, въ Египетъ, гдѣ въ мистеріяхъ хранилось ученіе, недоступное непосвященнымъ, гдѣ многіе хвалились тѣмъ, что они находятся въ сообщеніи съ сверхчувственнымъ міромъ и могутъ вызывать духовъ и души умершихъ. Еслибы ему, такъ разсчитывалъ Климентъ, удалось самому присутствовать при вызовѣ души умершаго, это было бы для него полнымъ доказательствомъ безсмертія

души; по крайней мѣрѣ одинъ вопросъ, его мучившій, былъ бы разрѣшенъ окончательно, и никакія логическія и діалектическія доказательства не могли бы разувѣрить его въ томъ, въ чемъ убѣдился онъ личнымъ опытомъ. Его однакоже остановили совѣты одного философа. Онъ не рѣшился искать путемъ чародѣйства и магіи, путемъ темнымъ и запрещеннымъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, на которые не могъ найти отвѣтовъ ни въ религіозныхъ преданіяхъ, ни въ ученіяхъ безчисленныхъ философскихъ школъ. И Климентъ снова остался при своихъ сомнѣніяхъ.

Мы не будемъ пока говорить о томъ, какъ Климентъ дошелъ наконецъ до полнаго успокоенія. Для насъ важно раскрытіе нравственнаго состоянія героя Климентинъ, указаніе на сомнѣнія, его одолѣвавшія, искомые имъ пути къ ихъ разрѣшенію. Такое тяжелое состояніе взволнованной души, тревожимой неотвязно представлявшимися сомнѣніями, такое упорное исканіе истины и въ то же время мучительное сознаніе невозможности найти ее въ религіозныхъ и философскихъ ученіяхъ своего времени, должны были быть удѣломъ многихъ. На безвѣріи и суевѣріяхъ не можетъ надолго останавливаться общество, какъ бы глубоко оно ни пало, особенно же люди, у которыхъ еще не умерли духовные интересы и не подчинились матеріальнымъ, для которыхъ умственный горизонтъ не замыкался въ тѣсные предѣлы настоящей минуты или даже всего земнаго существованія.

Самая жизнь этой эпохи сложилась такъ, что въ душѣ каждаго мыслящаго и не вполнѣ падшаго нравственно человѣка невольно поднимались вопросы въ родѣ тѣхъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ такъ мучительно страдалъ Климентъ. Жизнь современнаго общества не могла удовлетворить сколько-нибудь высокимъ требованіямъ, тѣмъ менѣе могла она поглотить всего человѣка, сколько-нибудь развитаго нравственно. Подъ

тлетворнымъ вліяніемъ деспотизма исчезла гражданская жизнь человѣка, исчезли общественные интересы и связи, и каждый членъ государства оставался одинъ, лицомъ къ лицу съ матеріальною, физическою силой, надъ нимъ господствующею. Правда, открывался безграничный просторъ личнымъ стремленіямъ, эгоистическимъ интересамъ, но для гражданскаго чувства, для общественной дѣятельности не было мѣста. Понятіе о гражданинѣ почти затерялось, когда въ рукахъ одного лица сосредоточилась полнота безграничной власти, когда одна за другою пали всѣ преграды, еще нѣсколько сдерживавшія личный произволъ властителя, опиравшагося на неразумную физическую силу. Въ смѣшеніи народностей, соединенныхъ подъ одною властью, равно всѣмъ чуждою, потому что римскій императоръ не принадлежалъ ни къ одной изъ нихъ, затерялось и самое сознаніе народности. Племена, входившія въ составъ Римской имперіи, еще не слились въ одинъ народъ, потому что подобное сліяніе совершается только вѣками и тѣмъ медленнѣе, чѣмъ своеобразнѣе развиты племенныя группы, входящія въ соединеніе. А между тѣмъ рушилась болѣе или менѣе внутренняя крѣпость каждой отдѣльной національности. Во время римской имперіи мы напрасно будемъ искать римскаго народа, хотя его имя слышится безпрестанно. Римскій народъ, въ смыслѣ всѣхъ подданныхъ Римской имперіи, еще не образовался, а то, что̀ прежде носило это имя, давно уже не существовало. Въ самомъ Римѣ потомки древнихъ квиритовъ составляли незначительное, почти незамѣтное меньшинство, затерянное въ огромномъ приливѣ смѣшаннаго населенія, сошедшагося сюда изо всѣхъ странъ древняго міра и одинаково гордившагося именемъ римскихъ гражданъ. Даже въ сенатѣ трудно было видѣть собраніе представителей чисто римской крови. Двери сената уже давно были растворены настежъ для чужеземцевъ. И если въ послѣднее время

республики, когда значительное число Галловъ было сдѣлано сенаторами, въ Римѣ было выставлено кѣмъ-то объявленіе, которымъ запрещалось указывать новымъ patres conscripti дорогу въ сенатъ, то это было едвали не послѣднее проявленіе оскорбленной римской гордости. Со временъ имперіи милость императора могла доставить каждому мѣсто въ сенатѣ. Чувство народности должно было значительно ослабѣть, если не совершенно исчезнуть, а вмѣстѣ съ нимъ исчезло и понятіе объ отечествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ бы назвалъ подданный римскаго императора своимъ отечествомъ? Отечества въ прежнемъ смыслѣ для него уже не было, съ утратой прежней политической самостоятельности и замкнутости, съ ослабленіемъ племенной и народной крѣпости, съ разложеніемъ народныхъ, болѣе или менѣе исключительныхъ, мѣстныхъ вѣрованій. Считать отечествомъ всю Римскую имперію? Но она представляла собою аггрегатъ разнородныхъ частей, соединенныхъ только внѣшнею связью, не имѣвшихъ еще внутренняго единства. Отечество въ этомъ смыслѣ являлось бы только въ особѣ римскаго императора, внѣшняго представителя внѣшняго единства; но такого рода понятіе объ отечествѣ, очевидно, не могло имѣть никакой внутренней силы, никакого нравственнаго вліянія.

Потерявъ истинное понятіе о народности и объ отечествѣ, которыхъ, собственно говоря, уже не было, человѣкъ древняго міра въ періодъ римской имперіи не дошелъ еще до яснаго сознанія единства человѣчества. Все предшествовавшее развитіе носило на себѣ характеръ раздѣльности и исключительности. Ясное сознаніе единства человѣчества могло бы возникнуть только тогда, когда совершенно рушилось бы обособленіе, составлявшее характеръ древняго міра. Древній человѣкъ воспитывался въ чувствѣ разрозненности и политическою жизнію, видѣвшею въ человѣкѣ лишь члена того или другаго государственнаго

[redacted]

союза, и религіей, имѣвшею мѣстный и племенной характеръ, и образованностью, не менѣе отмѣченною печатью той же исключительности. Соединеніе народовъ подъ одною властью, конечно, дѣйствовало на ослабленіе прежней исключительности, но пока только отрицательно. Оно разрушало преграды, отдѣлявшія другъ отъ друга различныя народности, ослабляло религіозную исключительность вмѣстѣ съ самыми народными вѣрованіями, дѣлало всеобщимъ достояніемъ результаты умственной дѣятельности того или другаго народа, приготовляло пути къ сознанію внутренняго единства всего человѣческаго рода, а также и къ признанію правъ человѣка, какъ человѣка, помимо его политическихъ и соціальныхъ опредѣленій. Но оно не могло дать самаго сознанія единства человѣчества точно также, какъ и полнаго признанія правъ человѣческой личности. Цѣлый міръ рабовъ существовалъ еще, какъ протестъ противъ этихъ идей. Пока существовало рабство, не вызывая противъ себя негодованія, какъ противъ нечеловѣческаго и неестественнаго состоянія, до тѣхъ поръ мы можемъ утверждать, что не выработалось еще сознанія о человѣчествѣ, какъ единомъ цѣломъ. Впрочемъ мы должны сказать, что смутное предчувствіе единства человѣчества замѣтно у лучшихъ людей древняго язычества. Это предчувствіе замѣтно въ смягченіи прежняго суроваго воззрѣнія на рабовъ, какъ на существа иной, низшей породы, какъ на вещь. Оно видно также и въ ослабленіи прежняго презрительнаго взгляда на варваровъ, то-есть людей иной цивилизаціи. Но отъ предчувствія еще далеко до сознанія, для котораго надобно было полное отреченіе отъ всего прошедшаго, болѣе или менѣе полный разрывъ съ нимъ.

Въ обществѣ при концѣ республики и началѣ имперіи, вмѣстѣ съ утратою гражданскаго чувства и возможности гражданской дѣятельности, вмѣстѣ съ ослабленіемъ народной —

крѣпости и общественныхъ связей, ослабѣла и связь семейная. Человѣкъ, не находившій себѣ работы въ общественной и государственной жизни, не находилъ успокоенія и у домашняго очага. Въ одно время у него отнималась и широкая сфера народной, и болѣе тѣсная семейной жизни. Человѣкъ также полно сознавалъ свое одиночество у себя дома, какъ и на городской площади. Семейная жизнь древняго міра неразрывно была связана со всѣмъ кругомъ государственныхъ и религіозныхъ понятій. Съ паденіемъ старыхъ государственныхъ учрежденій и древнихъ вѣрованій неминуемо должно было совершиться и ея паденіе. Домашніе лары подверглись той же участи, какъ и божества народнаго и государственнаго культа. Святыня домашняго очага имѣла столь же мало внутренняго смысла, какъ и святыня Капитолія. И здѣсь, какъ во всѣхъ сферахъ жизни, мы видимъ отрицаніе, разложеніе старыхъ основъ, на которыхъ покоился бытъ прежнихъ поколѣній, и въ то же время еще не замѣчаемъ новыхъ началъ для свѣжихъ формъ жизни. И жизнь потеряла свою прелесть въ глазахъ мыслящаго человѣка. Удовлетвориться ею могъ только тотъ, кто не требовалъ отъ нея многаго, кто искалъ въ ней однихъ чувственныхъ, матеріальныхъ наслажденій. Но въ комъ существовали иныя потребности, тотъ отвращался отъ современности съ чувствомъ негодованія или отчаянія, и тѣмъ естественнѣе было возникновеніе въ его душѣ вопросовъ о цѣли человѣческаго бытія, объ отношеніи земной жизни къ загробной, словомъ, вопросовъ въ родѣ тѣхъ, которые одолѣвали героя Климентинъ; тѣмъ пытливѣе умственный взоръ человѣка обращался къ небу.

Философія, по крайней мѣрѣ тѣ ея школы, которыя тогда занимали самое видное мѣсто, не давали отвѣтовъ на вопросы, тревожившіе человѣка. Онѣ разрушали прежнія вѣрованія, не замѣняя ихъ новыми; онѣ не давали человѣку надежной

[redacted]

точки опоры, не руководили его въ жизни. Исключеніе составляетъ стоицизмъ, среди общаго растлѣнія нравовъ выработавшій самыя строгія и чистыя правила нравственности, до какихъ только могло возвыситься языческое человѣчество. Но онъ былъ ученіемъ доступнымъ для немногихъ. Притомъ онъ не столько давалъ душѣ силъ для борьбы съ жизнію, не столько училъ жить, сколько готовилъ человѣка къ смерти, за которою ожидало его слитіе съ природой, совершенное поглощеніе личности. Цѣль существованія была не жизнь, а смерть. Противъ стоицизма должно было протестовать въ душѣ человѣка чувство индивидуальности, болѣе или менѣе сильное въ каждомъ. Послѣдователь стоицизма спасалъ отъ униженія человѣческое достоинство, но ни въ жизни, ни въ ученіи, которому слѣдовалъ, не могъ находить утѣшенія. Оттого кругъ приверженцевъ стоицизма былъ тѣсенъ: въ немъ находили послѣднее убѣжище самые сильные характеры древняго міра. Философія не давала вѣрованій, и оттого мы слышимъ насмѣшки надъ нею, а иногда и проклятія. Язвительныя выходки Лукіана, столь же мало щадившаго ученія философовъ (неэпикурейцевъ), какъ народныя вѣрованія, читались съ жадностію. Господствовавшія школы, слабѣя все болѣе и болѣе, обращаясь въ безплодныя словопренія, вызывавшія заслуженное презрѣніе, не могли уже удовлетворять господствующимъ потребностямъ общества. Онѣ сдѣлали свое дѣло, разрушивъ народныя вѣрованія; но когда отъ нихъ потребовали замѣны разрушеннаго, онѣ оказались совершенно несостоятельными, и кто искалъ въ нихъ отвѣтовъ на тревожныя сомнѣнія, тотъ уходилъ лишь съ утратой вѣры въ могущество разума, лишь съ горькимъ чувствомъ обманутыхъ надеждъ. Но для человѣка, обманутаго современною философіей, не было возврата и къ прежнимъ народнымъ вѣрованіямъ. Уже прошло то время, когда Римъ гордился тѣмъ, что соединилъ въ себѣ вѣрованія

всѣхъ покоренныхъ народовъ, и на этомъ основывалъ свои права на всемірное владычество. «Вооруженная десница побѣдителя, говоритъ о Римѣ одинъ изъ христіанскихъ поэтовъ, похитила изображенія непріязненныхъ боговъ съ дымящихся развалинъ храмовъ, и, приведя своихъ плѣнниковъ домой, обоготворила ихъ. Вотъ изображеніе, похищенное съ развалинъ Коринѳа, владѣвшаго двумя морями; вотъ добыча изъ Аѳинъ, преданныхъ пламени. Эти изображенія собачьихъ головъ выдала побѣжденная Клеопатра; а эти рогатыя лица—трофеи степей Сирты. Торжествующій Римъ ежедневно встрѣчаетъ рукоплесканіями тріумфальную колесницу полководца и столько же разъ строитъ новые алтари и творитъ для себя новыя божества». Это вторженіе чуждыхъ божествъ, бывшее слѣдствіемъ римскихъ завоеваній, это смѣшеніе вѣрованій вело лишь къ ихъ ослабленію.

Религіозное чувство мыслящаго человѣка не могло конечно остановиться на такихъ вѣрованіяхъ массъ, на одномъ суевѣрномъ преклоненіи предъ обрядностью. Не находя отвѣтовъ на возникавшіе въ душѣ вопросы въ современныхъ философскихъ школахъ, человѣкъ искалъ ихъ повсюду, и прежде всего естественно обратился къ мистеріямъ, гдѣ, по преданіямъ, хранилось таинственное ученіе, недоступное для большинства. Мистеріи потеряли-было почти совершенно свое значеніе и раздѣлили участь народныхъ вѣрованій, оракуловъ и т. под., обратились болѣе или менѣе въ пустую форму; но съ возрожденіемъ религіозныхъ стремленій, слѣдовавшимъ за паденіемъ народныхъ вѣрованій, онѣ снова начинаютъ получать значеніе, хотя и трудно сказать, какія отношенія были между мистеріями этой позднѣйшей эпохи язычества и древнѣйшаго періода. Ученіе, раскрывавшееся въ нихъ, не имѣло ничего общаго съ народными вѣрованіями, отрицало ихъ или давало имъ свой особенный смыслъ. Нѣкоторые полагаютъ,

что въ мистеріяхъ выработалось ученіе о единомъ божествѣ, — близкое къ христіанскому воззрѣнію и совершенно противное сущности политеизма. Но сходство могло быть обманчивымъ, призрачнымъ. И въ пантеизмѣ божество является единою, все проникающею силою, но оно не имѣетъ ничего общаго съ божествомъ христіанскаго ученія. О мистеріяхъ временъ имперіи мы имѣемъ нѣсколько указаній, хотя нельзя сказать, чтобы ихъ было достаточно для опредѣленія участія мистерій въ этомъ стремленіи возбудить новое религіозное чувство, очистить народныя вѣрованія. Насмѣшки надъ мистеріями еще продолжаются, но почти исключительно со стороны приверженцевъ эпикуреизма, ученія враждебнаго по своей сущности всякому проявленію религіознаго чувства. Въ защиту мистерій поднимаются голоса довольно авторитетные и довольно многочисленные. Содержаніе мистерій, какъ и прежде, облекается тайной, обнаруженіе которой считается преступнымъ святотатствомъ. Разсказывали, напр., что когда Нуменій, одинъ изъ философовъ, всего болѣе стремившихся къ знакомству съ таинственными преданіями, объяснилъ непосвященнымъ содержаніе элевзинскихъ таинствъ, то увидѣлъ сонъ, въ которомъ ему предстали элевзинскія богини, Церера и Прозерпина, стоящія у дверей публичнаго дома въ одеждѣ публичныхъ женщинъ. На вопросъ Нуменія, что̀ значитъ такое странное явленіе, раздраженныя богини отвѣчали, что онъ причина ихъ униженія и позора, что онъ, раскрывъ ихъ тайны, предалъ ихъ каждому прохожему.

Божества мистерій чуждались общественнаго поклоненія и были доступны только для немногихъ посвященныхъ. Уже въ этомъ обнаруживается, какъ далеко расходилось ученіе мистерій съ народными вѣрованіями. Въ это время, кромѣ элевзинскихъ, совершавшихся попрежнему только въ Элевзисѣ и сохранившихъ свое прежнее національное значеніе

для Грековъ, мы видимъ значительное число другихъ мистерій. Самоѳракійскія совершались не въ одной Самоѳракіи: Павзаній нашелъ ихъ, напр., въ Ѳивахъ. Еще болѣе распространены были мистеріи, находившіяся въ связи съ поклоненіемъ божествамъ Египта и азіатскаго Востока. Изіаки, или таинства Изиды, совершались повсюду въ предѣлахъ Римской имперіи, въ западныхъ областяхъ ея столько же, какъ и въ восточныхъ. Нѣкоторыя подробности объ этихъ таинствахъ Изиды мы находимъ въ XI книгѣ Апулеевыхъ метаморфозъ, хотя и трудно сказать положительно, чтобы въ изображеніяхъ таинствъ у Апулея не участвовала поэтическая фантазія автора. Въ таинствахъ Изида являлась уже почти совершенно инымъ божествомъ, чѣмъ она была въ Египтѣ; по крайней мѣрѣ на Изидѣ мистерій мы не видимъ уже слѣдовъ народнаго египетскаго воззрѣнія. Египетскаго сохранилось въ ней одно имя; но оно не имѣло важности, притомъ нѣкоторые изъ древнихъ писателей этой эпохи старались доказать, что оно не египетскаго, а греческаго происхожденія. Герою романа Апулея является Изида и такъ сама опредѣляетъ свое значеніе: «Я природа, мать всѣхъ вещей, повелительница всѣхъ стихій. Я движущее начало вѣковъ, верховное божество, царица душъ, первая изъ обитателей неба, типъ всѣхъ боговъ и богинь. Мнѣ повинуются свѣтозарныя высоты неба, волны моря, мрачное безмолвіе подземнаго царства. Я единственное божество; но меня чтитъ міръ подъ различными образами, въ различныхъ обрядахъ, подъ различными именами. Фригійцы, народъ первобытный, называютъ меня пессинунтскою матерью боговъ; автохтоны Аттики—цекропейскою Минервой. Для островитянъ кипрскихъ я Венера пафосская; для носящихъ стрѣлы Критянъ—Діана диктинская. Жители Сициліи, говорящіе на трехъ языкахъ, зовутъ меня стигійскою Прозерпиной; я древняя Церера въ Элевзисѣ. Для однихъ я Юнона, для другихъ

Беллона, для этихъ Геката, для тѣхъ Рамнузія. Но Эѳіопы, которыхъ первыхъ освѣщаетъ лучами восходящее солнце, и Аріи, и богатые древнѣйшею мудростью Египтяне—тѣ чтутъ меня обрядами, болѣе всего мнѣ свойственными и называютъ меня моимъ настоящимъ именемъ, царицею Изидой». То же воззрѣніе на божество съ неменьшею ясностью раскрыто въ молитвѣ, съ которою обращается къ божеству герой Апулеева разсказа и которою вызвано было явленіе самой богини. Привожу эту молитву, потому что ею хорошо характеризуется новое стремленіе къ обновленію и очищенію народныхъ вѣрованій. «Царица небесъ! Назвать-ли тебя Церерой, матерью и производительницею плодовъ, чтò въ радости оттого, что нашла свою дочь, научила людей замѣнять сладкою пищею старые жолуди, которыми они прежде питались, подобно звѣрямъ; богиней-покровительницей элевзинскихъ полей? Назвать-ли тебя небесною Венерой, отъ начала міра соединявшею различные полы, породивъ любовь и давъ возможность навѣки продолжить существованіе человѣческаго рода; богиней, обитающею въ святилищѣ Пафоса, окруженномъ моремъ? Назову-ли тебя сестрою Феба, чтò помогая родамъ, воспитала всѣ народы, которую чтутъ теперь въ великолѣпномъ храмѣ Эфеса? Назову ли тебя страшною Прозерпиной, которая въ тройственномъ образѣ держитъ подъ своею властью души умершихъ и области подземнаго царства, блуждаетъ по различнымъ рощамъ и чтится различными обрядами?.. Подъ какимъ бы именемъ, съ какими бы обрядами и въ какомъ бы образѣ ты ни призывалась, помоги мнѣ!» Апулей описываетъ обряды при посвященіи въ таинства Изиды, но только тѣ, которые совершались публично, всенародно. Онъ молчитъ или отдѣлывается общими мѣстами, говоря объ обрядахъ, съ которыми вводился посвященный въ самыя таинства; точно также онъ не хочетъ сказать, въ чемъ состояло таинственное ученіе, открытое ему послѣ посвященія.

Изъ темныхъ намековъ на то, что онъ коснулся предѣла мертвыхъ, перешелъ черезъ всѣ стихіи, видѣлъ сіяніе солнца въ полночь, узрѣлъ небесныхъ и подземныхъ боговъ и принесъ имъ поклоненіе и т. под., трудно вывести какое-нибудь заключеніе, кромѣ того, что въ мистеріяхъ Изиды, какъ и во всѣхъ другихъ, ученіе излагалось въ извѣстныхъ образахъ, подъ извѣстными символами, что даже посвященные получали его не въ формѣ догмата, а посредствомъ драматическихъ представленій, смыслъ которыхъ объяснялся жрецами.

Для насъ особенно важно то, что народныя вѣрованія, обряды, освященные вѣковою давностью, имена и образы боговъ, какъ они сложились въ понятіяхъ различныхъ народовъ, не отвергаются, какъ нѣчто совершенно не нужное. Все это было сохранено, но всему этому былъ приданъ совсѣмъ иной смыслъ. Для мистиковъ божества народныхъ культовъ были только различными проявленіями одного и того же божества, называемаго посвоему каждымъ народомъ и чтимаго подъ разными образами, съ различными обрядами. Предшествовавшее развитіе политеизма привело къ поклоненію безчисленному множеству божествъ, къ утратѣ самаго понятія о божествѣ, какъ бы раздробившемся на части. Частные, мѣстные и народные культы перемѣшались между собою; въ этомъ смѣшеніи исчезъ внутренній смыслъ каждаго изъ нихъ, и когда-то живое вѣрованіе выродилось въ грубое, безсмысленное суевѣріе. Теперь возникаетъ стремленіе возвести эти частныя вѣрованія къ общему понятію, возстановить утраченный смыслъ обрядовъ и миѳовъ, дать внутреннее единство безчисленному множеству отдѣльныхъ, разрозненыхъ религіозныхъ представленій. Очевидно, что въ религіозной сферѣ происходило то же самое, что и въ общественной, политической. Подобно тому, какъ, подъ вліяніемъ римскаго завоеванія рушилась племенная разрозненность и исключительность, точно также не могъ

[redacted]

удержаться и частный, народный характеръ религіозныхъ вѣрованій. Но разложеніе прежнихъ вѣрованій должно было вести къ образованію новыхъ, и дѣло созиданія должно было совершаться рядомъ съ дѣломъ разрушенія.

Правда, дѣло разрушенія совершается несравненно замѣтнѣе; имѣя полную возможность слѣдить почти шагъ за шагомъ за паденіемъ старыхъ формъ религіозныхъ вѣрованій, мы лишь съ большимъ трудомъ улавливаемъ первые признаки образованія новыхъ вѣрованій. Но изъ того, что мы не можемъ съ достаточною ясностью разсмотрѣть дѣло созиданія, мы не имѣемъ права заключать, что его не было. Не должно забывать, что формы быта, созданныя вѣковою дѣятельностью народа, представляются законченными, опредѣленными, между тѣмъ какъ одинъ изъ главныхъ признаковъ зарожденія новыхъ началъ—ихъ неточность, разрозненность. Въ строгую систему слагаются, какъ формы гражданскаго и политическаго быта народовъ, такъ и религіозныя вѣрованія только послѣ продолжительнаго развитія. Въ началѣ же основанія новаго порядка вещей часто проявляются только какъ отрицанія стараго, и въ ихъ безконечномъ разнообразіи очень трудно распознать именно то, что́ должно войти, какъ матеріалъ, въ будущее зданіе, воздвигающееся на развалинахъ прошлаго. Видна неутомимая работа, дѣятельность, не знающая покоя; но среди движенія для насъ еще неясны даже внѣшнія очертанія сооружаемаго зданія. Только въ общихъ чертахъ мы можемъ указать на господствующее направленіе.

Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что вслѣдъ за разложеніемъ старыхъ народныхъ вѣрованій, даже въ одно время съ нимъ началась работа мысли надъ созданіемъ новыхъ, обнаружилось стремленіе привести къ единству разрозненныя частныя религіозныя представленія, возстановить затерянный смыслъ ихъ, возвыситься до идей и вѣрованій, общихъ для всего

человѣчества. Понятно, что религіозное чувство на первый разъ не могло окончательно отрѣшиться отъ прежнихъ вѣрованій уже потому, что еще не были созданы новыя, которыми можно бы было замѣнить ихъ. Оттого новое религіозное стремленіе, полагая основанія новой религіи, совершенно чуждой политеизму, думало однакожъ, что возстановляетъ самый политеизмъ, возвращая его къ первоначальной чистотѣ. И, чѣмъ полнѣе было разложеніе прежнихъ религіозныхъ вѣрованій, тѣмъ возможнѣе, искреннѣе было самообольщеніе реформаторовъ политеизма. Нужды нѣтъ, что при сопоставленіи различныхъ культовъ первая работа пробужденнаго религіознаго сознанія должна была естественно обратиться къ тому, чтобы найти общую имъ всѣмъ идею, скрытую подъ множествомъ обрядовъ, миѳовъ, символовъ и именъ. Внѣшнія формы народныхъ вѣрованій еще стояли твердо, и вскрытіе общей идеи не уничтожало ихъ, но признавало ихъ всѣхъ равно законными. Мы видѣли, что въ приведенномъ мѣстѣ изъ Апулеевыхъ метаморфозъ Кибелла, Минерва, Венера, Діана, Церера, Прозерпина, Беллона, Юнона, Геката, Изида почитаются именами одного и того же божества, хотя въ древнихъ народныхъ вѣрованіяхъ всѣ онѣ рѣзко отличались другъ отъ друга. При этомъ, такъ какъ божества древняго политеизма были большею частію олицетвореніями силъ физической или нравственной природы, то, конечно, первое значеніе единаго божества, возникшаго изъ сліянія частныхъ культовъ, было пантеистическое. То божество изъ числа отождествленныхъ между собою, на которомъ яснѣе обнаруживалось это значеніе, должно было выдвинуться на первый планъ между ними. Такъ въ словахъ богини, явившейся герою Апулеева разсказа, вполнѣ выясняется ея пантеистическое значеніе. «Я природа, мать всего существующаго; мое настоящее имя Изида», говоритъ она. И дѣйствительно, Изида олицетворяетъ въ себѣ всю природу, а всѣ другія богини

лишь отдѣльныя ея силы. Оттого поклоненіе Изидѣ было такъ повсемѣстно, и могло стоять рядомъ съ поклоненіемъ Юнонѣ, Діанѣ и др. Оттого на надписяхъ этой эпохи она называется тысячеименною (myrionyma). Но подъ тысячью именами, въ тысячѣ образовъ, Изида была однимъ и тѣмъ же божествомъ, единымъ и всеобщимъ. На надписи, найденной въ Капуѣ, читаемъ: «Богиня Изида, которая есть все!» Но мысль не могла остановиться на отождествленіи съ Изидою женскихъ божествъ различныхъ народныхъ культовъ. Мужскія, въ свою очередь, слились въ одно многоименное божество. Зевсъ, уже отождествленный съ Юпитеромъ, отождествился также съ Сераписомъ. Наконецъ Солнце, Фебъ, Озирисъ, Митра, Dis, Тифонъ, Аттисъ, Юпитеръ, Аммонъ, обратились въ различныя проявленія или наименованія одного и того же божества, которому покланялся весь міръ. Божества народныхъ культовъ различались въ сознаніи pro diversitate nominis, non pro numinis varietate, по различію именъ, а не по различію божественной сущности. Это слитіе божествъ въ одномъ общемъ значеніи совершалось въ мистеріяхъ.

Такимъ образомъ двумя совершенно самостоятельными путями достигался одинъ и тотъ же результатъ. Механическое сопоставленіе различныхъ культовъ, вслѣдствіе сближенія и смѣшенія народностей, вело къ разложенію каждаго изъ нихъ, и уровень суевѣрія сглаживалъ прежнія неровности, уничтожалъ прежнюю несовмѣстимость между ними. Съ другой стороны, въ мистеріяхъ происходило тоже разложеніе прежнихъ народныхъ вѣрованій, и въ сознаніи посвященныхъ въ таинства точно также, какъ въ понятіяхъ суевѣрной толпы, національныя божества потеряли свою внутреннюю крѣпость. И тамъ и здѣсь происходило броженіе, конечнымъ результатомъ котораго должно было быть полное уничтоженіе древняго политеизма. Ясно было, что міръ выходилъ на новый путь, что возвратъ къ старому

былъ невозможенъ, что закладывались основы иной будущности, еще неизвѣстной, темной для самаго проницательнаго взгляда, но имѣющей мало общаго и съ настоящимъ, и съ прошедшимъ.

Что въ слитіи различныхъ народныхъ божествъ въ одномъ общемъ и высшемъ значеніи могло найти себѣ удовлетвореніе религіозное чувство, что подъ внѣшнія формы народныхъ вѣрованій легко было подкладывать всякое понятіе, это лучше всего доказываетъ та же Изида. Уже одно то, что Изида, божество чисто египетское, въ высшей степени своеобразное, могла отождествиться съ божествами греко-римской и кароагенской религіи, заявляетъ болѣе или менѣе полную утрату прежняго ея значенія. По ученію Плутарха, Изида не только пантеистическое божество, не только природа; но и божество, отличное отъ природы, отъ матеріи, стоящее выше нея. По мнѣнію Плутарха, имя Изиды не египетское, а греческое, равно какъ и имя Тифона. Египетскія мистеріи объясняетъ онъ идеями Платона и Пиоагора. Изида есть мудрость и правда. Она посредница между высшимъ божествомъ и міромъ. Она душа вселенной, связывающая ее съ верховнымъ божествомъ, изъ котораго все происходитъ и котораго образъ видѣнъ повсюду въ твореніи. Тифонъ, ожесточенный врагъ Изиды, олицетворяетъ собою грубую матерію. Въ этомъ представленіи объ Изидѣ уже окончательно уничтожился всякій слѣдъ ея египетскаго происхожденія; между Изидой Плутарха и Изидой, возникшею въ древнемъ народномъ сознаніи, общаго одно только имя, да и то, по мнѣнію Плутарха, занесено въ Египетъ изъ Греціи. Естественно, что Плутархъ, опиравшійся на ученіе Платона и Пиоагора, понимая египетское божество въ ихъ смыслѣ, былъ увѣренъ, что и имя, и значеніе его взяты изъ теософскихъ преданій греческихъ мыслителей.

Представленіе Плутарха объ Изидѣ важно для насъ потому,

что изъ него наглядно обнаруживаются два главные вывода. Во первыхъ, тотъ, что если тогда еще существовали внѣшнія формы народныхъ вѣрованій, то подъ ними жило уже совершенно новое понятіе. Съ другой стороны, ясно тоже, что если эти формы служатъ выраженіемъ религіозно-философскаго ученія, то оно было почерпнуто не изъ тѣхъ философскихъ школъ, которыя стояли на первомъ планѣ въ концѣ республики и въ началѣ имперіи. Ни новая академія, ни эпикуреизмъ не могли породить изъ себя того направленія, которое обнаруживается въ мистическомъ и идеальномъ воззрѣніи на божество. Оттого эти школы теряютъ свое значеніе и вліяніе на умы. Если стоицизмъ, какъ исключеніе, оставляетъ болѣе глубокій слѣдъ, то онъ обязанъ этимъ не своей метафизикѣ, а чистотѣ своего нравственнаго ученія, легко соглашаемаго съ новымъ религіозно-философскимъ направленіемъ. Да и онъ, какъ уже было замѣчено, отвращался отъ жизни, въ смерти видѣлъ верховное благо. Но если современныя философскія школы Греціи и Рима не могли породить изъ себя новаго мистически-идеальнаго ученія, то откуда же взялось оно, или, лучше сказать, гдѣ находило оно себѣ уже готовое выраженіе? Не получая отъ современныхъ греческихъ и римскихъ школъ отвѣтовъ на свои задушевные вопросы, которые тамъ даже не были признаны, лучшіе люди того времени обращались туда, гдѣ эти вопросы давно уже были подняты, гдѣ дано было имъ какое-нибудь разрѣшеніе. Изъ философскихъ школъ древней Греціи только двѣ могли привлечь къ себѣ людей, тревожимыхъ мыслями о цѣляхъ земнаго существованія, о томъ, что̀ ждетъ человѣка за гробомъ, объ отношеніи человѣка къ божеству и т. д. Это были ученія Пиѳагора и Платона.

Изъ этихъ ученій только Платоновское представляло стройную и полную систему. Пиѳагорейское же не давало ясно

развитыхъ и систематически связанныхъ положеній. Формулы пиѳагореизма были темны и отрывочны. Тѣмъ большее значеніе пріобрѣталъ Платонъ для тогдашняго мыслящаго общества, и къ его ученію болѣе или менѣе сводится все религіозно-философское мышленіе греко-римскаго общества, къ нему примыкаютъ всѣ остальныя системы греческой философіи, отошедшія теперь далеко на второй планъ. Но Платонъ не былъ единственнымъ источникомъ, къ которому обращалось разъ возбужденное религіозное чувство. Если для людей греко-римской цивилизаціи Платонъ былъ самымъ полнымъ представителемъ религіозно-философской мудрости, если его ученіе всего ближе подходило къ складу ума европейскихъ народовъ, представляемыхъ Греціею и Римомъ, то онъ же указывалъ имъ на міръ азіатскаго Востока, онъ же былъ естественнымъ посредникомъ между Востокомъ и Западомъ, связующимъ звеномъ между греческимъ и восточнымъ мышленіемъ. Не даромъ Платонъ изъ всѣхъ греческихъ мыслителей почти одинъ изучался людьми восточнаго происхожденія. Его послѣдователь былъ уже отчасти подготовленъ къ принятію мистическихъ вѣрованій Востока, уже вводился до нѣкоторой степени въ кругъ восточнаго созерцанія. Въ Александріи, гдѣ сталкивались и жили рядомъ люди восточной и греко-римской цивилизацій, гдѣ всего сильнѣе было сближеніе Востока съ Европой, ученіе Платона было какъ бы нейтральною средой, гдѣ могло происходить умственное сближеніе этихъ столь различныхъ народностей. Оно не осталось безъ вліянія на восточное мышленіе, но и само не могло не поддаться вліянію идей Востока. Противоположность между Европой и Востокомъ была слишкомъ велика: полнаго, а тѣмъ болѣе быстраго слiянія въ области отвлеченнаго мышленія ожидать было невозможно; но сближеніе и взаимодѣйствіе было необходимо и естественно. Идеализмъ Платона сближался съ мистицизмомъ Востока и

результатомъ этого сближенія было множество идеально-мистическихъ ученій, удовлетворявшихъ возникшей потребности опредѣлить отношенія человѣка къ божеству и природѣ, возвыситься до понятія о божествѣ, въ которомъ могли бы примириться національныя, болѣе или менѣе узкія и исключительныя воззрѣнія. Какъ бы ни были разнообразны эти ученія, во всѣхъ нихъ можно однакоже видѣть общее основаніе, потому что всѣ они возникли изъ одной потребности. Во всѣхъ нихъ мы находимъ, напр., разграниченіе между духомъ и матеріей, хотя оно не во всѣхъ ученіяхъ проведено съ одинаковою рѣзкостью. Всѣ они отличаются идеально-мистическимъ направленіемъ.

Но, спѣшимъ замѣтить, при этомъ еще яснѣе открывается ихъ разнообразіе, различіе другъ отъ друга, что̀ обясняется прежде всего различіемъ самыхъ народностей, среди которыхъ они образовались. Одинъ и тотъ же духъ вѣетъ повсюду, но не однѣ и тѣ же натуры встрѣчаетъ и возбуждаетъ онъ. Одно общее стремленіе примыкаетъ къ различнымъ мѣстнымъ преданіямъ, неразрывно связаннымъ со всею народною жизнію. Въ то время, какъ люди греко-римской цивилизаціи ищутъ въ Платонѣ выраженія общаго всѣмъ народамъ того времени идеально-мистическаго стремленія, школа александрійскихъ Евреевъ идеи самого Платона объясняетъ Моисеевымъ ученіемъ и въ системѣ греческаго мыслителя видитъ только отголосокъ своихъ племенныхъ вѣрованій. Для гностиковъ вся философія, въ какомъ бы народѣ она ни возникала, источникомъ своимъ имѣетъ таинственное ученіе Востока (Персіи и Индіи). Такимъ образомъ всѣ ученія можно отнести къ двумъ группамъ: 1) возникшія подъ вліяніемъ духа народовъ западныхъ, европейскихъ, и 2) носящія на себѣ характеръ восточнаго мышленія. Тѣхъ и другихъ мы встрѣчаемъ довольно много; обѣ группы распадаются на отдѣльныя системы,

родственныя между собою, но сохраняющія болѣе или менѣе сильное различіе. Это различіе обнаруживается не только въ ученіяхъ Востока, гдѣ народности были болѣе устойчивы, но и въ ученіяхъ Запада, гдѣ народы тѣснѣе сближались между собою и одинаково подчинялись вліянію греческой цивилизаціи. Изъ ученій, возникшихъ въ западномъ мірѣ, подъ вліяніемъ греческаго духа, остановимся пока на одномъ, на ученіи Аполлонія Тіанскаго.

Лицо Аполлонія Тіанскаго во многомъ представляется намъ загадочнымъ или по крайней мѣрѣ темнымъ. Его жизнь рано стала предметомъ полумифическихъ сказаній, какъ жизнь всякаго историческаго лица, рѣзко выдѣлявшагося изъ ряда людей обыкновенныхъ и чѣмъ-нибудь поразившаго народное воображеніе. Жизнеописанія Аполлонія, написанныя людьми близкими къ нему по времени и знавшими его лично, не дошли до насъ или сохранились въ незначительныхъ отрывкахъ. Таково, напр., сочиненіе Дамиса, ученика Аполлонія и неразлучнаго спутника его въ путешествіяхъ. Таково сочиненіе Гіероклеса, также современника Аполлонія, лично знавшаго его. Гіероклесъ проводилъ параллель между чудесами, производимыми Аполлоніемъ и Іисусомъ Христомъ. Изъ его сочиненія сохранились только отрывки, приведенные отцомъ христіанской церкви, Евсевіемъ Памфилійскимъ, въ его опроверженіи мнѣній Гіероклеса. До нашего времени дошло только жизнеописаніе Аполлонія, составленное Филостратомъ въ концѣ II-го вѣка, имѣющее впрочемъ въ виду не столько біографію историческаго лица, сколько идеальное изображеніе добродѣтельнаго человѣка, любимаго богами. Филостратъ смѣшалъ въ своемъ повѣствованіи историческія черты съ вымыслами своего собственнаго воображенія и тѣмъ набросилъ тѣнь сомнѣнія даже и на то, что́ онъ взялъ изъ дѣйствительности. Трудно довѣрять ему, когда знаешь, какая была главная

цѣль его сочиненія, и когда потеряны достовѣрные источники. Память Аполлонія Тіанскаго подвергалась нареканіямъ и со стороны эпикурейцевъ, ожесточенно преслѣдовавшихъ всякое проявленіе религіознаго чувства, и со стороны христіанъ, желавшихъ отстранить возможность всякаго сравненія съ Іисусомъ Христомъ, заподозрѣвавшихъ дѣла Аполлонія или объяснявшихъ ихъ участіемъ дьявола. Не смотря однакоже ни на утрату источниковъ, ни на противорѣчащія показанія фанатическихъ приверженцевъ Аполлонія и его противниковъ, мы можемъ не только опредѣлить въ главныхъ чертахъ дѣятельность Аполлонія, но и указать нѣкоторые пункты его ученія.

Аполлоній родился въ Тіанѣ, небольшомъ городкѣ Каппадокіи, за 4 года до Р. Х. и умеръ въ 97 году нашей эры. Уже 14-ти лѣтъ его поразилъ развратъ того города, гдѣ онъ получалъ образованіе, и онъ не могъ оставаться въ немъ. Сдѣлавшись приверженцемъ пиѳагорейскаго ученія, онъ поставилъ себѣ задачею исканіе мудрости и очищеніе народныхъ вѣрованій. Большую часть жизни онъ провелъ въ путешествіяхъ, былъ въ Персіи и Египтѣ, посѣтилъ, говорятъ, даже Индію. Повсюду знакомился съ религіозными вѣрованіями и вступалъ въ открытую борьбу съ суевѣріемъ, въ какой бы формѣ оно ни встрѣчалось ему. Его проповѣдь имѣла огромный успѣхъ. Онъ возстановилъ много храмовъ, обновилъ богослуженіе, возставалъ противъ безнравственности. Города посылали къ нему депутатовъ за наставленіями и разрѣшеніемъ различныхъ сомнѣній. Властитель Вавилона требовалъ отъ него совѣтовъ относительно лучшаго способа управленія. Степные Арабы славили его въ пѣсняхъ. Въ Римѣ, куда Аполлоній явился затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ онъ выражался, что̀ за звѣрь тиранъ, онъ обратилъ на себя вниманіе и правительства, и высшаго общества, не говоря о народѣ, съ жадностью слушавшемъ его проповѣдь и пророчества. Аполлоній умеръ въ темницѣ по

волѣ императора. Всего лучше высказалось его значеніе въ томъ поклоненіи, которое воздавалось ему по смерти. Во многихъ городахъ ему воздвигли статуи и признали его божествомъ. Въ Эфесѣ, Родосѣ и на островѣ Критѣ жители показывали его гробницу, и Тіана, его родина, получила достоинство священнаго города. Память Аполлонія жила долго. По разсказу Лампридія, императоръ Александръ Северъ поставилъ изображеніе Аполлонія рядомъ съ изображеніями Орфея, Авраама, Іисуса Христа и другихъ вѣроучителей. Язычники противопоставляли его чудеса чудесамъ Божественнаго Основателя христіанской религіи. Высокія достоинства Аполлонія, какъ мыслителя, признаны нѣкоторыми изъ христіанскихъ писателей. Примѣромъ безпристрастнаго отзыва можетъ служить слѣдующее мнѣніе Евсевія Памфилійскаго въ его опроверженіи мнѣній Гіероклеса. «Нѣкоторые, вступая въ борьбу, тотчасъ, какъ непріятели и враги, осыпаютъ поруганіями того, противъ кого говорятъ. Я же всегда считалъ Аполлонія Тіанскаго одареннымъ человѣческою мудростію и въ эту минуту желалъ бы остаться при своемъ мнѣніи. Даже если бы ты меня спросилъ, что̀ я о немъ думаю, я нисколько не усомнился бы высказаться объ Аполлоніи. Я согласенъ съ тѣмъ, чтобы сравнить его съ любымъ философомъ, отложивъ въ сторону сказки. Но если кто переступитъ границы и осмѣлится утверждать о немъ то, что̀ превосходитъ силы философіи, будетъ-ли это Дамисъ, какой то ассирійскій писатель, или Филостратъ, или другой какой историкъ, либо сочинитель, на словахъ защищающій его отъ колдовства, а на дѣлѣ обвиняющій болѣе, нежели можно защитить словами, прикрывая жизнь Аполлонія пиѳагорейскою маской, тогда предъ нами предстанетъ не философъ, а оселъ, прикрытый львиною шкурой, или софистъ, странствующій по городамъ,—во всякомъ случаѣ, вмѣсто философа, мы будемъ имѣть дѣло съ шарлатаномъ».

Аполлоній Тіанскій, какъ мы знаемъ, вооружался противъ суевѣрій, особенно противъ тѣхъ, которыми прикрывался развратъ; опровергалъ вѣру въ то, что принесеніемъ жертвъ богамъ покупается безнаказанность преступленій; говорилъ о недостаточности одного внѣшняго поклоненія безъ возвышенія помысловъ и сердца къ божеству. Каждую молитву, каждое обращеніе къ богамъ, Аполлоній заключалъ одними и тѣми же словами: «Даруйте мнѣ, боги, то, чего я заслуживаю!» и въ этомъ ясно высказывается его убѣжденіе, что молитва безсильна, если жизнь молящагося не заслуживаетъ благоволенія божества. Его метафизическое ученіе высказано въ письмѣ, которымъ утѣшалъ онъ отца въ смерти сына. Въ основѣ этого ученія лежитъ пиѳагорейское представленіе о всеобщемъ началѣ, дѣйствующемъ въ мірѣ. Смерть и рожденіе—явленія призрачныя, кажущіяся. Все существуетъ въ лонѣ всеобщей сущности. Жизнь и смерть составляютъ лишь переходъ отъ видимаго къ невидимому, отъ раздѣльности частей къ ихъ соединенію. Внутренняя сущность всѣхъ вещей одна и та же и различается только въ движеніи и въ покоѣ. Движеніемъ дается всякая форма бытія. Изъ всеобщей, первоначальной сущности образуется матерія въ постоянномъ движеніи. Измѣненіе видимыхъ вещей не зависитъ отъ какихъ-либо частныхъ причинъ. Оно восходитъ къ высшему существу, началу міровой гармоніи и единства, къ божеству, которое разумъ человѣка открываетъ подъ всѣми именами и подъ всѣми образами, затемняющими настоящее о немъ понятіе. Если смерть есть только возвратъ въ лоно божества, то она должна быть не источникомъ печали, а предметомъ любви и уваженія. Незачѣмъ плакать о сынѣ, который смертью обращается изъ человѣка въ божество. Жизнь и смерть суть измѣненія одной внѣшней формы, сущность же остается неизмѣнною и равно божественною.

Аполлоній Тіанскій прымыкалъ къ пиѳагорейцамъ, ученіе которыхъ начало выходить изъ забвенія подъ вліяніемъ вновь возникшаго духовнаго стремленія. Юстинъ Мученикъ [1]) разсказываетъ, что онъ въ юности былъ знакомъ съ однимъ изъ такихъ послѣдователей пиѳагореизма, который былъ убѣжденъ, что ученіе Пиѳагора можетъ привести къ блаженству и къ ясному пониманію всего добраго и прекраснаго. У Аполлонія Тіанскаго пиѳагореизмъ не былъ впрочемъ исключительнымъ. Ученію о числахъ онъ давалъ лишь второстепенное значеніе, равно какъ и убѣжденію въ необходимости математическаго изученія, музыки и астрономіи, какъ неизбѣжнаго условія для достиженія высшаго знанія. Рядомъ съ положеніями пиѳагореизма у него были идеи, почерпнутыя изъ восточныхъ вѣрованій, съ которыми онъ познакомился въ своихъ путешествіяхъ по Персіи, Индіи и Египту. Самое ученіе Пиѳагора Аполлоній выводилъ изъ Индіи, откуда оно перешло, по его мнѣнію, первоначально въ Египетъ. На первомъ планѣ у него стояло стремленіе очистить и возвысить народныя вѣрованія, поднять и укрѣпить ослабѣвшую нравственность. Аполлоній не хотѣлъ совершеннаго уничтоженія народнаго культа. Напротивъ, всѣми силами онъ старался возстановить его, отвергая только то, что̀ было противно основамъ его ученія (напр. приношеніе въ жертву животныхъ, причемъ онъ оставался вѣренъ пиѳагорейскому возрѣнію), или то, что̀ служило прикрытіемъ разврата. Введеніе различныхъ безнравственныхъ обрядовъ и церемоній онъ приписывалъ вліянію поэтовъ, распространявшихъ недостойныя сказанія о богахъ.

Аполлоній Тіанскій былъ не единственнымъ представителемъ пиѳагорейскихъ теорій. Мы знаемъ по именамъ еще нѣкоторыхъ ихъ послѣдователей, напр., Модерата изъ Гадейры

---

[1]) Христіанскій писатель II вѣка. Его первая апологія христіанства написана, по однимъ, въ 139 г., по другимъ, въ 150; вторая—въ 162-мъ.

(жилъ при Неронѣ), Никомаха (жилъ передъ Антонинами) и т. д. У всѣхъ нихъ положенія пиѳагореизма болѣе или менѣе соединялись съ восточными представленіями, получавшими съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вліянія.

Говоря объ Аполлоніи Тіанскомъ, нельзя не упомянуть объ одномъ лицѣ, воспитавшемся подъ вліяніемъ его ученія и замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ. Посвящая этому лицу нѣсколько времени, мы впрочемъ имѣемъ въ виду не столько самое его ученіе, сколько характеристику общества. Біографія этого лица покажетъ, какъ возникали и распространялись нѣкоторыя вновь возникшія религіозныя представленія. Мы говоримъ объ извѣстномъ Александрѣ изъ Абонотейха, основавшемъ новый культъ съ оракуломъ и привлекшемъ къ себѣ поклонниковъ изъ всѣхъ областей римскаго міра. Говорить о жизни Александра нужно впрочемъ съ большою осторожностью. Правда, его біографія написана современникомъ, даже лично его знавшимъ, притомъ съ большими подробностями; но она возбуждаетъ довольно сильное сомнѣніе. Намъ нечѣмъ повѣрить ее, а между тѣмъ мы знаемъ, что ея цѣль— выставить своего героя въ ненавистномъ свѣтѣ, какъ шарлатана и обманщика. Тутъ должно войти въ нѣкоторыя подробности. Біографія Александра изъ Абонотейха написана Лукіаномъ самосатскимъ, котораго не безъ основанія называютъ Вольтеромъ своего времени. Дѣйствительно, Лукіанъ безпощадно осмѣялъ и современныя вѣрованія, и философовъ и нравы общества. Едва ли что-нибудь ушло отъ его ѣдкаго сарказма и язвительной ироніи, подкрѣпленныхъ неистощимымъ остроуміемъ и большимъ запасомъ свѣдѣній. Въ цѣломъ рядѣ діалоговъ, не уступающихъ во многомъ комедіямъ Аристофана, Лукіанъ выводитъ на позоръ божества греческаго Олимпа, повѣствуя о недостойныхъ дѣяніяхъ, приписываемыхъ имъ миѳами и поэтическими сказаніями, или выставляя на видъ нелѣпость этихъ миѳовъ.

Онъ ведетъ насъ, пользуясь Гомеромъ, въ самое жилище боговъ и такъ, напримѣръ, описываетъ его: «Взойдемъ на самое небо, слѣдуя поэтическому пути, по которому возносились Гомеръ и Гезіодъ, и посмотримъ, какъ оно устроено. Внѣшность неба изъ мѣди, это сообщаетъ намъ Гомеръ. Если взойдемъ далѣе, вознесемъ наши взоры къ своду, мы увидимъ его блестящимъ, въ сіяніи. Тамъ солнце яснѣе, звѣзды ярче; тамъ вѣчный день и помостъ изъ золота. При самомъ входѣ прежде всего встрѣчаемъ Часы, стерегущіе двери; далѣе, видны Ириса и Меркурій, исполнители воли Юпитера, его посланцы; затѣмъ горнъ Вулкана и всѣ орудія его ремесла. Наконецъ достигаемъ жилища боговъ, дворца самого Юпитера, украшеннаго блестящимъ образомъ Вулканомъ. У боговъ, возсѣдающихъ возлѣ Юпитера, взоры устремлены къ землѣ. Кажется, они высматриваютъ, не зажженъ-ли гдѣ-нибудь огонь, не вьется ли дымъ спиралью? И, какъ скоро человѣкъ вздумаетъ принести имъ жертву, всѣ они ужь тутъ, надъ дымомъ, съ разинутыми ртами; точь въ точь какъ мухи носятся они надъ кровью, пролитою на алтарѣ». Въ Разговорахъ Боговъ, въ Зевсѣ Трагическомъ, въ Собраніи Боговъ, въ Зевсѣ Смущенномъ, въ сочиненіяхъ о сирійской богинѣ, о траурѣ, о жертвоприношеніяхъ, и во множествѣ другихъ піесъ ярко выставлена вся несостоятельность языческихъ вѣрованій. Для христіанскихъ писателей въ ихъ борьбѣ съ заблужденіями язычества сочиненія Лукіана были неистощимымъ источникомъ, откуда могли они почерпать свои опроверженія. Съ не меньшею силою возставалъ Лукіанъ противъ философскихъ ученій и поражалъ ихъ тѣмъ же самымъ оружіемъ. Онъ могъ хорошо знать современныхъ философовъ. По его собственному признанію, съ 15-тилѣтняго возраста онъ уже почувствовалъ склонность къ философскимъ занятіямъ, хотя серьёзно обратился къ нимъ уже въ пору полной умственной зрѣлости, съ 40 лѣтъ. Въ

своихъ путешествіяхъ онъ хорошо познакомился съ людьми, носившими философскій плащъ и бороду, и въ своемъ Икаромениппѣ онъ оставилъ намъ ихъ комическое изображеніе. Въ Наемныхъ Философахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ онъ высказалъ свое мнѣніе о представителяхъ старыхъ философскихъ системъ. Трудно опредѣлить съ точностью, къ какой школѣ принадлежалъ самъ Лукіанъ; но нѣтъ сомнѣнія, что ученіе Эпикура болѣе другихъ удовлетворяло его уму. По крайней мѣрѣ объ однихъ эпикурейцахъ говоритъ онъ съ бо́льшимъ сочувствіемъ и съ большею снисходительностью. Всего менѣе, по самому складу ума Лукіана, могъ быть ему понятенъ мистицизмъ и вообще отвлеченное метафизическое мышленіе. Какъ всѣ люди, у которыхъ преобладаетъ холодный умъ, разсудочность, онъ прежде всего не вѣрилъ въ искренность мистицизма и даже религіознаго чувства, считая его не совсѣмъ совмѣстимымъ съ требованіями ума. Оттого Лукіанъ не понималъ христіанства, даже не хотѣлъ познакомиться съ его основаніями, чтобы не смѣшивать его съ Іудействомъ.

Тѣмъ сильнѣе было это недовѣріе Лукіана, что современная ему дѣйствительность представляла не мало примѣровъ шарлатанства и грубыхъ обмановъ, разсчитанныхъ на невѣжество или легковѣріе. Онъ враждебно смотритъ на Александра изъ Абонотейха и не скрываетъ этого. Онъ изобразилъ его жизнь по просьбѣ Цельза, знаменитаго противника христіанства, и вотъ что говоритъ въ самомъ началѣ своего труда: «Ты вѣрно думалъ, любезный Цельзъ, что твоя просьба ничтожна, что ее легко выполнить, если предложилъ мнѣ написать въ особенной книгѣ жизнь Александра, абонотейхскаго шарлатана, его дерзкіе обманы и плутни. Но точное, подробное изображеніе и изслѣдованіе этого предмета было бы на самомъ дѣлѣ не меньшею задачею, чѣмъ и описаніе жизни и дѣяній Александра Великаго. Александръ изъ Абонотейха является

на столько же величайшимъ обманщикомъ, на сколько сынъ Филиппа былъ величайшимъ героемъ. Но пусть будетъ по твоему. Если дашь слово прочесть мой трудъ снисходительно и мысленно исправляя мои недостатки, то я берусь за работу и попытаюсь очистить это стойло, если не совершенно, то по мѣрѣ возможности. Мнѣ, можетъ быть, удастся выкинуть нѣсколько коробовъ; но суди послѣ того, какъ неизмѣримо количество всей нечистоты, которую могли бы произвести въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ три тысячи быковъ». Лукіанъ считаетъ даже нужнымъ оправдаться предъ читателемъ въ томъ, что онъ взялся за такое недостойное его дѣло. «Сознаюсь, говоритъ онъ ему, что моя работа стыдитъ и тебя и меня; тебя потому, что ты считаешь недостойнымъ литературнаго памятника безстыднѣйшаго изъ людей; стыдно и мнѣ посвятить свой трудъ описанію дѣяній такого человѣка, который вмѣсто того, чтобы стать предметомъ книги, назначаемой для чтенія образованнымъ людямъ, заслуживаетъ скорѣе быть разорваннымъ обезьянами и лисицами въ огромномъ театрѣ, при стеченіи многочисленнѣйшаго народа. Однако, если кто-нибудь вздумаетъ упрекнуть меня за такой трудъ, то я сошлюсь на подобный же примѣръ прошлаго времени. Знаменитый ученикъ Эпиктета, Арріанъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей Рима, посвятившій всю жизнь наукѣ, занимался подобною же работою и потому можетъ служить и мнѣ оправданіемъ. Арріанъ не считалъ для себя унизительнымъ написать жизнь уличнаго вора, Таллибоха. Я избираю предметомъ сочиненія жизнь еще худшаго разбойника, который грабилъ не въ лѣсахъ и не въ горахъ Мизіи, на Идѣ, но въ населеннѣйшихъ городахъ, и свои разбои не ограничивалъ безлюдными берегами Азіи, а распространилъ ихъ по всей Римской имперіи». Можно послѣ этого судить, съ какимъ безпристрастіемъ разсказана жизнь Александра Лукіаномъ. Вотъ однакожъ ея главныя черты.

Александръ родился, кажется, около 100 лѣтъ послѣ Р. Х., потому что онъ умеръ въ 70-лѣтнемъ возрастѣ въ послѣдніе годы царствованія Марка Аврелія, или въ первые Коммода, т. е. около 170-го года по Р. Х. Родиной его былъ Абонотейхъ, небольшой городокъ Пафлагоніи. Получивъ воспитаніе отъ одного изъ послѣдователей Аполлонія Тіанскаго, онъ странствовалъ по Сиріи и малой Азіи и сошелся съ однимъ обманщикомъ. Во время пребыванія Александра и его товарища въ Македоніи, родилась у него мысль образовать новый культъ, разумѣется, по мнѣнію Лукіана, изъ однихъ корыстныхъ разсчетовъ, и создать новый оракулъ. Въ Македоніи, около Пеллы, водилось множество огромныхъ змѣй, ручныхъ и безвредныхъ. Выбравъ одну изъ нихъ, Александръ рѣшился употребить ее, какъ орудіе обмана. Мѣстомъ дѣйствія онъ избралъ Пафлагонію и именно свой родной городъ. Это потому, какъ объясняетъ Лукіанъ, что Пафлагонцы славились своею глупостью. Къ нимъ стоило явиться какому-нибудь странствующему музыканту, и они встрѣчали его съ разинутыми ртами, какъ посланника Неба. Змѣю принялись откармливать; добыли травъ, производящихъ пѣну у рта, которая была знакомъ небеснаго вдохновенія; сдѣлали чрезвычайно искусно изъ полотна голову дракона, имѣвшую сходство съ человѣческимъ лицомъ; раскрасили ее и устроили такъ, что съ помощью скрытаго механизма она открывалась и закрывалась, высовывая раздвоенное жало. Съ запасомъ этихъ снарядовъ Александръ и его спутникъ направились въ Пафлагонію. Но имъ нужно было сначала подготовить умы къ принятію новаго культа, и вотъ они на время останавливаются въ Халкедонѣ. Здѣсь, въ древнемъ храмѣ Аполлона, скрываютъ мѣдныя доски съ надписью, которая гласитъ, что вскорѣ явится Эскулапъ и отецъ его Аполлонъ въ области Понта и возсядутъ въ Абонотейхѣ. Доски, разумѣется, спрятаны были такъ, что ихъ легко нашли, и слухъ о скоромъ явленіи

Эскулапа разнеслась повсюду съ необыкновенною быстротой. Жители Абонотейха, еще не дождавшись появленія бога, начали строить ему храмъ. Въ это время прибылъ туда Александръ уже одинъ, потому что его спутникъ умеръ въ Халкедонѣ. Онъ показался въ пурпуровой мантіи съ бѣлыми полосами, въ бѣломъ плащѣ, съ распущенными волосами и съ кривою саблей, съ которою обыкновенно изображаютъ Персея. Ночью, по прибытіи въ Абонотейхъ, онъ тайно положилъ въ яму, находившуюся въ основаніи новаго храма и наполненную дождевою водой, пустое гусиное яйцо, въ которомъ спрятанъ былъ только что родившійся змѣенышъ, а отверстіе было искусно залѣплено бѣлымъ воскомъ. Утромъ Александръ, совершенно нагой, только съ золотымъ поясомъ и съ кривою саблей, явился на улицахъ города и объявилъ сбѣжавшемуся народу о рожденіи божества. Въ сопровожденіи всего почти городскаго населенія, онъ отправился къ основанію заложеннаго храма и, ставъ въ яму, запѣлъ торжественный гимнъ Аполлону и Эскулапу. Потомъ спросилъ чашу и, опустивъ ее въ воду, вынулъ оттуда яйцо. Въ присутствіи безчисленной толпы онъ разбилъ скорлупу и, когда на ладони у него появился змѣенышъ, всеобщее изумленіе и радость не знали границъ. Божество чудеснымъ образомъ явилось въ городѣ. Александръ унесъ домой новорожденнаго Эскулапа. Черезъ нѣсколько дней онъ уже показывалъ народу бога въ образѣ огромнаго змія, привезеннаго имъ изъ Македоніи и обвивавшагося вокругъ его шеи и туловища такъ, что голова его была подъ мышкою, а заранѣе приготовленная голова дракона съ человѣческимъ лицомъ выставлялась изъ подъ плаща. Эскулапъ, вновь такъ чудесно родившійся въ Абонотейхѣ, получилъ имя Гликона. Въ честь его устроили храмъ и оракулъ. Александръ, разумѣется, былъ верховнымъ жрецомъ и прорицателемъ. Не будемъ описывать всѣхъ продѣлокъ, которыя употребляемы были, по

словамъ Лукіана, для незамѣтнаго вскрытія запечатанныхъ пакетовъ, въ которыхъ присылались вопросы оракулу. За каждый отвѣтъ оракула вопрошавшій платилъ 33 коп. сер. и, по словамъ Лукіана, Александръ собиралъ въ годъ отъ 17 до 20 тысячъ рублей. Уже изъ этого видно, какой успѣхъ имѣлъ основанный Александромъ оракулъ Эскулапа-Гликона. Въ Абонотейхъ стремился народъ не изъ одной Пафлагоніи, а со всѣхъ концовъ римскаго міра. Въ самомъ Римѣ Александръ имѣлъ много приверженцевъ, и во время войны съ Маркоманами императоръ Маркъ Аврелій обращался за совѣтомъ къ его оракулу. Александръ приказалъ бросить въ Дунай двухъ львовъ. Они переплыли рѣку и были убиты Германцами: какъ извѣстно, римскіе легіоны потерпѣли сильное пораженіе. Изъ уваженія къ святилищу Абонотейхъ переименованъ въ Іонополисъ и получилъ право бить медали съ изображеніемъ Гликона. Нѣсколько такихъ медалей сохранилось до нашего времени. Въ храмѣ Эскулапа-Гликона учреждены были особыя мистеріи, состоявшія въ драматическихъ представленіяхъ. Тутъ изображалось разрѣшеніе отъ бремени Латоны, матери Аполлона, рожденіе Аполлона и Эскулапа, наконецъ сочетаніе самого Александра съ Діаной и т. д. Отъ участія въ мистеріяхъ устранялись христіане и эпикурейцы, потому что и тѣ и другіе были ожесточенными противниками новаго культа. Александръ до конца жизни пользовался почитаніемъ и вѣра въ его оракулъ не ослабѣвала, привлекая въ Абонотейхъ большое число поклонниковъ. Таковъ въ общихъ чертахъ разсказъ Лукіана о жизни Александра лже-пророка.

По указанному выше свойству сочиненія Лукіана, мы можемъ лишь предположительно рѣшить вопросъ объ ученіи Александра и о томъ, не обманывалъ-ли онъ и самого себя, обманывая другихъ? Къ счастію, этотъ же самый источникъ ясно указываетъ намъ на то, что Александръ выходилъ изъ ряда

людей обыкновенныхъ. Вотъ какъ описываетъ его Лукіанъ. Въ самой его наружности было нѣчто божественное. Никогда человѣкъ, видѣвшій его въ первый разъ, не могъ повѣрить, чтобы это не былъ лучшій, добродѣтельнѣйшій и правдивѣйшій изъ людей. Къ этому присоединялось особенное величіе, которое ручалось, что предметомъ его помысловъ было лишь все возвышенное. Проницательность, остроуміе, ставили Александра высоко надъ обыкновенными людьми; къ этимъ достоинствамъ присоединялась любознательность, огромная память, умъ, въ высшей степени способный къ изученію всякой науки, къ пониманію всякаго предмета. И если Лукіанъ прибавляетъ, что всѣ эти блестящія качества были испорчены ложнымъ направленіемъ, то для этого писателя, какъ извѣстно, было ложнымъ всякое направленіе, несходное съ его собственнымъ, тѣмъ болѣе мистическое. Мы не можемъ поэтому видѣть въ Александрѣ простаго обманщика. Гораздо естественнѣе заключить, что если онъ и обманывалъ другихъ, то въ то же время обманывалъ частію и самого себя. Такое самообольщеніе всего естественнѣе въ послѣдователяхъ мистицизма. Исторія представляетъ много примѣровъ подобнаго рода. Что касается до основъ самаго ученія Александра, то и тутъ Лукіанъ представляетъ нѣсколько намековъ. Такъ, напр., онъ говоритъ, что первое философское воспитаніе его герой получилъ отъ одного изъ послѣдователей Аполлонія Тіанскаго: уже этимъ отчасти объясняется, почему его дѣятельность приняла то, а не другое направленіе. Сверхъ того, есть указанія на то, что Александръ уважалъ Пиѳагора, подражалъ ему, старался даже внушить мысль, будто въ немъ живетъ душа Пиѳагора. Такимъ образомъ онъ оказывается послѣдователемъ школы Аполлонія Тіанскаго и пиѳагоренизма, и въ этомъ смыслѣ долженъ входить въ исторію религіозныхъ вѣрованій Римской имперіи. Разсказъ же о быстромъ распространеніи введеннаго имъ культа,

объ успѣхѣ основаннаго имъ оракула, показываетъ, какъ велика была потребность въ какихъ-нибудь вѣрованіяхъ, съ какою жаждою обращалось общество повсюду, гдѣ думало найти удовлетвореніе своему религіозному чувству. Этою жаждою вѣрованій могли пользоваться обманщики для своихъ корыстныхъ цѣлей, и, что были такіе люди, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но Александръ, судя по изображенію, составленному его заклятымъ врагомъ, нисколько и не скрывавшимъ своей враждебности, былъ все-таки человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный, и нельзя видѣть въ немъ простаго шарлатана. Еще одно замѣчаніе. Свое ученіе Александръ старался привязать къ народнымъ вѣрованіямъ и преимущественно къ греческому культу. Вліяніе Востока было, безъ сомнѣнія, но оно высказывалось преимущественно въ его мистицизмѣ, содержаніе же онъ бралъ изъ народныхъ вѣрованій и изъ философскихъ системъ Греціи: потому его должно отнести къ послѣдователямъ греческой школы мистиковъ.

Если въ ученіяхъ Аполлонія Тіанскаго и примыкающаго къ нему Александра изъ Абонотейха видѣнъ слѣдъ восточнаго вліянія, то очевидно оно должно было еще сильнѣе чувствоваться въ тѣхъ ученіяхъ, которыя возникали тамъ, гдѣ Востокъ ближе всего соприкасался съ Западомъ, въ городѣ, гдѣ издавна жили вмѣстѣ люди восточной и западной цивилизаціи. Такимъ пунктомъ была Александрія египетская. Здѣсь со временъ Александра Великаго поселились Греки, пользовавшіеся всѣми правами гражданства, имѣвшіе свое городовое управленіе, перенесшіе на египетскую почву основы греческаго быта. Птоломей Сотеръ, сдѣлавшись царемъ Египта, нисколько не отрекся отъ эллинской національности. Напротивъ, сдѣлавъ Александрію столицею Египта, онъ хотѣлъ образовать изъ нея центръ эллинской цивилизаціи. Съ этою цѣлью онъ основалъ здѣсь два знаменитыхъ учрежденія, имѣвшія важное значеніе

въ исторіи умственной дѣятельности древняго міра, библіотеку и музей. Библіотека, устроенная Димитріемъ Фалерейскимъ, помѣщалась во дворцѣ Брухейонѣ и почти при самомъ своемъ основаніи заключала уже въ себѣ до 200,000 сочиненій. Управленіе ею послѣ Димитрія Фалерейскаго поручалось обыкновенно извѣстнымъ ученымъ. Мы видимъ на этомъ мѣстѣ Каллимаха, Эратосѳена, Аристарха и др. Библіотека владѣла огромными средствами. Въ ея распоряженіи было множество переписчиковъ, списывавшихъ сочиненія, и ученыхъ, занимавшихся повѣркою и сличеніемъ текстовъ. Уже при Птоломеѣ III Эвергетѣ она возросла до такой степени, что не могла помѣщаться въ Брухейонѣ и часть ея перенесли въ храмъ Сераписа. Библіотека Птоломеевъ сгорѣла за 47 лѣтъ до Р. Хр., во время пожара Цезарева флота; но ея потери были отчасти восполнены тѣмъ, что Маркъ Антоній перенесъ сюда знаменитую пергамскую библіотеку, завѣщанную римскому сенату послѣднимъ царемъ Пергама.

Рядомъ съ библіотекой, въ одно время съ нею, и также при участіи Димитрія Фалерейскаго, былъ устроенъ музей, учрежденіе, не имѣвшее себѣ подобнаго въ древности. Это было общество ученыхъ, получавшихъ богатое содержаніе отъ государства, жившихъ во дворцѣ и имѣвшихъ, какъ средства къ занятіямъ, кромѣ громадной библіотеки, анатомическій театръ, звѣринецъ и т. п. Число членовъ измѣнялось отъ 30 до 40. На нихъ не возлагалось никакихъ особенныхъ обязанностей. Публичныя чтенія скорѣе были для нихъ правомъ, чѣмъ обязанностью, хотя правительство и имѣло нѣкоторый контроль надъ чтеніями и были примѣры закрытія курсовъ или даже исключенія нѣкоторыхъ членовъ изъ музея (такъ былъ запрещенъ курсъ Гегезіи Пейсптанатоса за слишкомъ прямое опроверженіе политеизма). Люди всѣхъ религій и народностей могли быть членами музея. Исключеніе было только

[redacted]

для Евреевъ и въ послѣдствіи для христіанъ. Каждая отрасль человѣческаго знанія имѣла тутъ своихъ представителей. Мы видимъ здѣсь знаменитыхъ медиковъ и естествоиспытателей, математиковъ и астрономовъ, поэтовъ, критиковъ, историковъ и т. п. Чтеніямъ въ музеѣ обязана Александрія своимъ значеніемъ столько же, сколько и своей торговлѣ. Музей былъ центромъ греческой образованности въ Египтѣ, какъ библіотека средоточіемъ для всѣхъ памятниковъ греческой письменности. Онъ былъ учрежденіемъ чисто греческимъ и его ученые были, особенно въ началѣ, полными представителями греческой цивилизаціи. Уже исключеніе Евреевъ, вмѣстѣ съ христіанами составлявшихъ самую значительную и вліятельную часть александрійскаго населенія, показываетъ, что, по мысли основателей, музей долженъ былъ оставаться вѣренъ началамъ греческой образованности. Ученая Греція какъ-бы перенесена была на египетскую почву; но, по остроумному замѣчанію одного изъ историковъ александрійской неоплатонической школы, этимъ Грекамъ, сдѣлавшимся Египтянами, недоставало Греціи. Имъ недоставало борьбы, совершавшейся на греческой агорѣ, рукоплесканій народа, такъ высоко цѣнившаго умственныя наслажденія. Они, наконецъ, слишкомъ близко находились къ неограниченной власти. Кругомъ нихъ были совсѣмъ иная природа, иной народъ.

Греческая цивилизація, какъ бы прочно ни утвердилась она въ Александріи, не могла господствовать тамъ исключительно, не могла уничтожить другихъ цивилизацій точно также, какъ вѣрованія Эллиновъ не могли вытѣснить религій другихъ восточныхъ народовъ. Въ стѣнахъ той же Александріи, рядомъ съ храмами въ честь Зевса и Аполлона, стояли храмы Сераписа и другихъ египетскихъ божествъ и синагоги Евреевъ. Населеніе Александріи, кромѣ Грековъ, состояло также изъ Египтянъ и Евреевъ. И если Египтяне за-

нимали нѣсколько второстепенное мѣсто, то Евреи пользовались тѣми же самыми правами, какъ и Греки. Они населяли двѣ изъ пяти частей города, имѣли свое особое управленіе, своихъ этнарховъ, свою герузію, или совѣтъ. Они утвердились въ Египтѣ раньше Грековъ или по крайней мѣрѣ одновременно, и считали его своею второю родиной. Точно также, какъ Греки, они перенесли сюда вѣрность своему народному духу, своимъ законамъ. Еще менѣе, чѣмъ Греки, они были способны отречься отъ своего народнаго культа и неразрывно связанныхъ съ нимъ формъ быта. Въ одной Александріи и окрестностяхъ Евреевъ, по словамъ одного еврейскаго писателя, было сто миріадъ. Во всемъ Египтѣ ихъ считалось до милліона: это седьмая часть всего населенія. Учредители музея имѣли нѣкоторое основаніе исключить изъ него Евреевъ, потому что Еврей менѣе всего могъ поддаться вліянію чуждой цивилизаціи. Въ исключительности онъ превосходилъ даже Грека, презрительно смотрѣвшаго на всякаго *варвара*. Для него отреченіе отъ народныхъ вѣрованій было отреченіемъ и отъ самой народности, которая сложилась подъ преобладаніемъ религіозныхъ началъ. Свое различіе отъ иноплеменниковъ Еврей болѣе всего сознавалъ въ сферѣ религіи: слова иноплеменникъ и иновѣрецъ были въ его понятіяхъ синонимами. Въ Александріи музей и синагога были представителями двухъ различныхъ цивилизацій, столь же мало имѣвшихъ между собою общаго, какъ мало было общаго между народнымъ характеромъ Эллиновъ и Евреевъ, какъ мало было общаго между поклоненіемъ Олимпійскимъ богамъ и культомъ Іеговы.

Впрочемъ, говоря о крѣпости храненія Евреями ихъ національныхъ вѣрованій, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы этотъ народъ совершенно былъ недоступенъ чуждому вліянію, чтобы имъ не овладѣло иногда влеченіе къ принятію иновѣрія. Обличенія еврейскими пророками ихъ вѣроотступниковъ

слишкомъ громко говорятъ противъ этого. Не разъ, даже еще въ эпоху, предшествовавшую вавилонскому плѣненію, поклоненіе божествамъ иноплеменниковъ проникало въ самый священный городъ Евреевъ. Распаденіе ихъ царства на Іудейское и Израильское находится въ связи съ этимъ явленіемъ. Плѣненіе въ Вавилонѣ, потомъ завоеваніе Александра Великаго также не мало содѣйствовали вторженію въ ихъ религіозное сознаніе небывалыхъ представленій и понятій. Наконецъ они давно уже жили не въ одной только Іудеѣ. Мы видѣли, какъ много было ихъ въ Египтѣ. Агриппа въ своемъ письмѣ къ Калигулѣ такъ опредѣляетъ разселеніе еврейскаго народа въ его время. «Священный городъ Іерусалимъ—столица не одной только Іудеи, но и множества еврейскихъ колоній въ сосѣднихъ странахъ: въ Египтѣ, Финикіи, Сиріи, именно въ Целесиріи, въ Памфиліи и Киликіи; въ большей части областей Малой Азіи до самой Вифиніи и Понта; а въ Европѣ въ Ѳессаліи, Беотіи, Македоніи, Этоліи, Аттикѣ, Аргосѣ, Коринѳѣ, въ большей и лучшей части Пелопоннеса, также на островахъ Евбеѣ, Кипрѣ и Критѣ.» Евреевъ было много, какъ видно изъ другихъ извѣстій, и въ самомъ Римѣ. Все это должно было сближать ихъ съ другими народами, содѣйствовать разрушенію ихъ замкнутости. И дѣйствительно, мы видимъ въ нихъ нѣкоторое ослабленіе прежней исключительности. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ признаковъ этого—появленіе духа прозелитизма, столь чуждаго имъ прежде. Есть положительныя доказательства обращенія многихъ къ іудейству. Свидѣтельства римскихъ поэтовъ временъ имперіи и Сенеки не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что многіе изъ язычниковъ изучали законъ Моисеевъ, праздновали субботу, посѣщали синагоги, посылали деньги въ храмъ іерусалимскій. Съ особенною легкостью іудейство находило доступъ къ женщинамъ. При Тиберіи 4000 отпущенниковъ, принявшихъ участіе въ церемоніяхъ египетскаго

и еврейскаго культовъ, были сосланы въ Сардинію. Если въ Римѣ Евреи находили себѣ послѣдователей, то тѣмъ болѣе должны были они распространять свои вѣрованія тамъ, гдѣ жили издавна. Въ Александріи число обращавшихся къ іудейству было значительно.

Да и оставляя въ сторонѣ духъ прозелитизма, нельзя сказать, чтобы вѣрованія еврейскаго народа были неподвижны, исключали возможность всякаго развитія внутри нихъ самихъ. Рядомъ съ крѣпкою привязанностью къ вѣрѣ отцовъ, къ священнымъ книгамъ своего закона, мы видимъ въ Евреяхъ нѣкоторую свободу мысли, свободу объясненія и толкованія. Уже появленіе пророковъ показываетъ различіе ихъ теократическаго устройства отъ теократіи другихъ народовъ. Первосвященники и левиты—хранители закона Моисеева, но рядомъ съ ними и независимо отъ нихъ изъ среды самого народа являются такіе вдохновенные толкователи воли Божіей, какъ Исаія, Іеремія, Езекіиль. Мы не можемъ представить себѣ народъ еврейскій осужденнымъ на какую-то неподвижность мысли. Этимъ-то объясняется нѣкоторое различіе, оттѣнки въ направленіи книгъ ветхаго завѣта, при всемъ ихъ единствѣ въ основныхъ вѣрованіяхъ. Книга Іова, напр.,носитъ на себѣ характеръ не исключительно еврейскій и довольно замѣтно выдается изъ среды другихъ. Еще замѣтнѣе особенности направленія въ книгѣ премудрости Соломона, въ Екклезіастѣ и т. д. Внѣ книгъ св. писанія ветхаго завѣта, признанныхъ христіанскою церковью, это различіе направленія еще замѣтнѣе. Появленіе Каббалы, Талмуда, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что религіозная мысль Евреевъ не оставалась въ бездѣйствіи.

Итакъ мы не можемъ признать полной неподвижности въ исторіи Евреевъ. Было у нихъ внутреннее развитіе, подчинялись они и иностраннымъ вліяніямъ. Эта черта ихъ народнаго характера особенно хорошо обнаружилась въ Александріи.

[redacted]

Іудейство и эллинизмъ, существовавшіе такъ долго другъ подлѣ друга, не могли сохраниться въ состояніи прежней исключительности. Уже одно то, что они чувствовали себя на чуждой почвѣ, должно было содѣйствовать нѣкоторому сближенію между ними. И вотъ, въ характерѣ египетскихъ Евреевъ выступило извѣстное различіе отъ характера палестинскихъ; между тѣми и другими существовало даже нѣкоторое соперничество. Такъ особеннымъ уваженіемъ между первыми пользовались преимущественно тѣ учители и пророки еврейскаго народа, которые посѣщали Египетъ. Мало того, Іудейство и эллинизмъ, столкнувшись на нейтральной почвѣ Александріи, пытались даже согласить свои воззрѣнія, и сближеніе въ области идей дѣйствительно произошло. Священныя книги Евреевъ были доступны Грекамъ въ переводѣ 70 толковниковъ, сдѣланномъ по желанію египетскихъ Птоломеевъ. Съ другой стороны, греческая философія постоянно читалась въ музеѣ и главныя ея системы всегда имѣли представителей въ этомъ ученомъ обществѣ. Греческій языкъ, сдѣлавшійся со временъ Александра Великаго офиціальнымъ въ Египтѣ, былъ хорошо извѣстенъ александрійскимъ Евреямъ. Попытка согласить греческія философскія системы съ ученіемъ Моисея проявилась въ доктринахъ двухъ александрійскихъ Евреевъ: Аристобула, жившаго въ половинѣ II вѣка до Р. Х. при Птоломеѣ VI Филометорѣ, и Филона, жившаго послѣ Р. Х. и бывшаго въ старости посломъ отъ еврейскаго народа къ римскому императору Калигулѣ. Разсматривая ученія Аристобула и Филона, мы не можемъ останавливаться на ихъ отношеніяхъ къ іудейству, не можемъ даже указывать на то, какъ они вытекали изъ предшествовавшаго развитія еврейскаго религіознаго сознанія. Все это завлекло бы насъ слишкомъ въ сторону. Для насъ важно только то, какимъ образомъ Аристобулъ и Филонъ соглашали іудейское воззрѣніе и законъ Моисеевъ

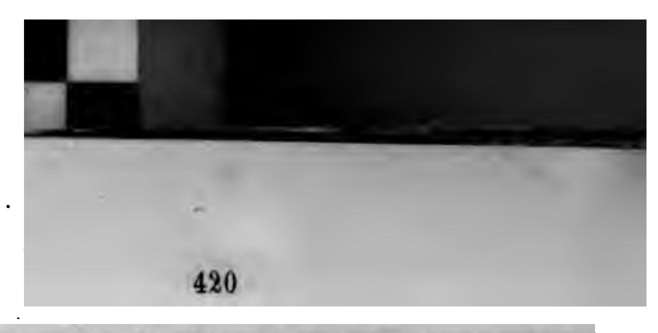
съ идеями греческой философіи и какой элементъ преобладалъ при этомъ.

Двѣ главныя особенности замѣтны въ ученіи александрійской еврейской школы философіи. И Аристобулъ и Филонъ не думали отрекаться отъ основныхъ положеній іудейской религіи. Для обоихъ законъ Моисеевъ былъ священнымъ источникомъ и основаніемъ всякой мудрости, и не только для одного избраннаго народа, но и для всего міра. Къ нему сводятся всѣ системы другихъ народовъ; отъ него берутъ свое начало истины, высказанныя величайшими мыслителями самой Греціи. «Только нашъ законъ, говоритъ Филонъ, остался тѣмъ же самымъ, неизмѣннымъ, непоколебимымъ и какъ бы отмѣченнымъ печатью самой природы съ тѣхъ поръ, какъ онъ написанъ, и можно надѣяться, что онъ останется безсмертнымъ во всѣ будущіе вѣка, пока будутъ существовать солнце, луна, небо и вселенная». Увѣренностію въ его вѣчномъ значеніи исполнены всѣ сочиненія Филона. Не менѣе высоко его понятіе о самомъ іудейскомъ народѣ и о его всемірномъ значеніи. «То, что̀ открывается въ лучшихъ философскихъ школахъ только послѣдователямъ этихъ школъ, говоритъ онъ, именно познаніе Всевышняго, открыто всему іудейскому народу закономъ и нравами». Онъ называетъ Евреевъ жрецами и пророками всего человѣчества. По его убѣжденію, ихъ назначеніе испрашивать благословеніе Божіе для всѣхъ людей. Въ этомъ-то смыслѣ говоритъ онъ, что жертва, приносимая за нихъ, приносится за все человѣчество. Они и ихъ законъ получаютъ такимъ образомъ міровое значеніе. Задача александрійской іудейской школы состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы внушить греко-римскому міру высокое понятіе о священныхъ преданіяхъ еврейскаго народа, доказать, что все, чѣмъ гордится греческая философія, всѣ результаты эллинской мысли суть только отголосокъ, повтореніе или измѣненіе того высокаго ученія,

[redacted]

которое заключается въ законѣ и св. книгахъ Евреевъ. Съ этою цѣлію Аристобулъ написалъ особое сочиненіе: **Объясненіе книгъ Моисея**, упоминаемое св. Климентомъ александрійскимъ, въ которомъ доказывалъ, что древніе поэты и философы Греціи были знакомы съ священными книгами Евреевъ и изъ нихъ часто почерпали свое ученіе. Аристобулъ не задумался даже поддѣлать многія мѣста изъ древнихъ греческихъ писателей, и такъ искусно, что многіе признавали ихъ за настоящія. Но этимъ главнымъ стремленіемъ еврейской александрійской школы не исчерпывается ея характеръ. Рядомъ съ нимъ дѣйствительно было сближеніе съ идеями греческой философіи, которыя не замедлили оказать свое вліяніе. Аристобула не даромъ называли перипатетикомъ, обозначая этимъ даже систему греческой философіи, болѣе другихъ усвоенную имъ, именно Аристотелевскую. А Филонъ до того проникся ученіемъ Платона, такъ умѣлъ развивать и комментировать его основныя положенія, что объ немъ говорили: «Либо Платонъ филонствуетъ, либо Филонъ платонствуетъ» (aut Plato philonizat, aut Philo platonizat). Извѣстный историкъ философіи, Риттеръ, хорошо опредѣляетъ характеръ Филона, говоря, что его геній былъ чисто восточный, а образованіе совершенно греческое.

Эта двойственность характера еврейской александрійской школы имѣетъ особенно важное историческое значеніе. Воззрѣнія еврейскаго народа, основы его вѣроученія сближались и объяснялись греческими философскими идеями, передавались въ греческой формѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе сближенія съ эллинизмомъ, теряли до извѣстной степени свою исключительность. Такимъ образомъ далеко расширялся умственный горизонтъ греко-римскаго міра, въ сознаніе котораго втѣснялось множество новыхъ понятій. Этотъ міръ, знакомясь съ содержаніемъ священныхъ книгъ еврейскаго народа, привыкая

смотрѣть на нихъ съ уваженіемъ, невольно воспринималъ и многое изъ чаяній и вѣрованій Евреевъ, подготовлялся къ принятію христіанства. Если еврейская александрійская школа стала во враждебное отношеніе къ христіанству не менѣе, чѣмъ чисто еврейскія школы саддукеевъ и фарисеевъ, то все-таки она противъ воли содѣйствовала его распространенію, ослабивъ, если не вполнѣ уничтоживъ, вѣковое предубѣжденіе греко-римскаго общества противъ еврейскихъ вѣрованій. А эти вѣрованія были противоположны воззрѣніямъ политеизма и пантеизма на божество и природу. Все религіозное развитіе Евреевъ было лишь подготовленіемъ къ христіанству. Чаяніемъ Искупителя исполнена каждая книга пророковъ Ветхаго Завѣта. Особенно содѣйствовали распространенію христіанства неполные приверженцы іудейства между язычниками, которые только готовились къ его принятію и очень часто навсегда оставались на этой степени. Отъ нихъ требовалось лишь совершенное отреченіе отъ идолопоклонства и почитаніе единаго Бога. Ихъ было несравненно болѣе, чѣмъ тѣхъ, которые становились вполнѣ Евреями, подвергаясь даже обрѣзанію. Неандеръ, одинъ изъ основательнѣйшихъ историковъ христіанской церкви, справедливо указываетъ на это ихъ значеніе. Язычники, окончательно прилѣпившіеся къ буквѣ закона Моисеева, отличались большею частію фанатическою ненавистію къ христіанству, и Евреи нерѣдко употребляли ихъ для того, чтобы возбуждать народъ противъ апостольской проповѣди. О нихъ-то говорилъ Спаситель: «Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что̀ обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного, и когда обратите, то дѣлаете его сыномъ геены, вдвое худшимъ васъ!» Напротивъ, между тѣми, которые только готовились къ полному принятію Моисеева закона и уже вѣрили въ бытіе единаго Бога, въ Божественное управленіе міромъ, въ пришествіе Мессіи, христіанство распространялось съ большою

легкостію. Къ нимъ-то обратились апостолы съ проповѣдью Евангелія, когда Іудеи отвергли ее. Такимъ образомъ александрійская еврейская школа служила орудіемъ Провидѣнія для приготовленія языческаго общества къ принятію Евангельской проповѣди. И если этому же помогали и всѣ ученія, возникавшія изъ соединенія религіозныхъ идей Востока съ результатами греческой мысли, и всѣ попытки въ самомъ язычествѣ связать разнообразныя народныя вѣрованія, возвыситься до понятія о единомъ Божествѣ, то тѣмъ важнѣе были тѣ ученія, которыя, недовольствуясь разрушеніемъ политеизма, въ преданіяхъ Востока, особенно въ еврейскихъ, искали настоящихъ понятій о Божествѣ, управляющемъ міромъ. Правда, разсматриваемыя сами въ себѣ, эти ученія обнаруживаютъ свою несостоятельность, являются искусственными построеніями, не имѣющими внутренней крѣпости. Христіанство тотчасъ послѣ своего появленія должно было вступить въ долгую и упорную борьбу съ ними и вышло побѣдителемъ. Но какъ знаменія времени, какъ выраженія господствующаго направленія умовъ, какъ орудія въ рукахъ Провидѣнія для подготовленія греко-римскаго общества къ принятію Евангельской проповѣди, они получаютъ въ глазахъ историка великую важность.

Есть еще одна сторона во всѣхъ этихъ ученіяхъ, также заставляющая обратить на нихъ полное вниманіе. Во всѣхъ нихъ мы видимъ стремленіе человѣческой мысли собственными средствами возвыситься до понятія о Божествѣ, до разрѣшенія великой тайны его отношеній къ природѣ и человѣку. Если оно не достигло своей цѣли, то и не осталось совершенно безплоднымъ. Вопросы, поднятые человѣческою мыслію, могли быть разрѣшены только ученіемъ Откровенія, но самая ихъ постановка подготовляла умы къ воспринятію Божественнаго ученія. Если одними человѣческими средствами не была раскрыта истина, то ея исканіе было уже великою заслугой.

Не видя себѣ полнаго удовлетворенія въ метафизическихъ и мистическихъ ученіяхъ еврейской александрійской школы, гностицизма и неоплатонизма, возбужденный умъ тѣмъ съ большею жадностію обращался туда, гдѣ находилъ не только отвѣты на запросы пытливой мысли, но и успокоеніе души, жаждавшей вѣры, и ясныя, опредѣленныя правила нравственности, которыми можно было руководиться въ жизни. Герой Климентинъ, о которомъ было упомянуто выше, успокоился только на христіанствѣ; передъ тѣмъ онъ выдержалъ тяжелую внутреннюю борьбу съ самимъ собою, долго ища истины въ философскихъ школахъ Греціи и Рима, въ таинственныхъ ученіяхъ Востока и языческихъ мистерій. Мы видѣли, какъ безотрадно было его положеніе; но, самъ раскрывъ его предъ читателями, онъ восклицаетъ: «Я благодарю Бога, правителя всего міра! Этими мучительными для меня въ началѣ мыслями я былъ возбужденъ къ исканію истины и обрѣлъ ее.» Такова была судьба не одного Климента. Вмѣсто вымышленнаго героя Климентинъ, мы можемъ обратиться къ лицамъ историческимъ. Въ исповѣди бл. Августина, въ признаніяхъ Иларія мы найдемъ ясныя доказательства, что многіе изъ величайшихъ Отцовъ христіанской церкви шли тѣмъ же долгимъ и мучительнымъ путемъ внутренняго развитія. Вотъ почему, считая необходимымъ прежде, чѣмъ говорить о распространеніи Божественнаго ученія, опредѣлить, что̀ содѣйствовало этому, мы должны внимательно остановиться на этомъ двойственномъ значеніи религіозно-философскихъ ученій, возникшихъ или почти одновременно, или нѣсколько позже появленія христіанства.

Въ описываемый нами моментъ все соединилось къ тому, чтобы сдѣлать всеобщимъ глубокое недовольство настоящимъ, и паденіе политической жизни народовъ, прежнихъ государственныхъ формъ, соединенныхъ одна съ другою пока еще только одною внѣшнею связью, и разложеніе прежнихъ народныхъ

вѣрованій, и, наконецъ, признанная неудовлетворительность господствовавшихъ философскихъ системъ. Древнее человѣчество приходило къ предчувствію своей внутренней несостоятельности, и чѣмъ болѣе это въ началѣ смутное предчувствіе переходило въ сознаніе, тѣмъ мучительнѣе и нестерпимѣе становилось положеніе лучшихъ людей, которые еще не были озарены свѣтомъ Божественной истины. Для нихъ было естественно и необходимо стремленіе выйти изъ этого безотраднаго положенія. Ихъ мысль напрягалась съ особенною силой, чтобы найти себѣ успокоеніе, и вотъ, явились ученія, которыя, повидимому, стремились къ возстановленію старыхъ вѣрованій и философскихъ системъ, но въ сущности были проявленіями новаго духа, чуждаго политеизму. Оттого-то эти ученія носятъ въ самихъ себѣ залоги недолговѣчности, имѣютъ болѣе или менѣе ограниченное вліяніе. Можно сказать, всѣ они не достигаютъ до значенія положительной религіи, въ тоже время утрачивая характеръ чисто философской системы. Ихъ внутренняя несостоятельность, конечно, всего лучше выражается въ ихъ борьбѣ съ христіанствомъ. Но и безъ того они не могли бы существовать долго, въ особенности не могли имѣть всеобщаго значенія, ибо ихъ задачею было не столько основаніе новаго вѣроученія, сколько возобновленіе, реставрація стараго. Къ нимъ всего лучше примѣняются слова Спасителя: «Никто не пришиваетъ заплаты изъ новаго къ одеждѣ старой, ибо новая заплата отдерется отъ одежды и дира будетъ хуже прежней. Не вливаютъ также вина молодаго въ мѣхи старые, ибо прорвутся мѣхи. Но вино молодое вливаютъ въ мѣхи новые, и сбережется и то и другое». Возможность спасенія для человѣчества заключалась не въ возстановленіи прежнихъ вѣрованій и прежнихъ формъ быта, а, напротивъ, въ выходѣ изъ нихъ, въ отреченіи отъ прошедшаго, уже неспособнаго возвратиться къ жизни. Желаніе хранить

народныя вѣрованія, придавъ имъ совершенно иное значеніе, было неисполнимо, и послѣдняя попытка, сдѣланная Юліаномъ, всего разительнѣе доказала безумность подобныхъ мечтаній. Исторія человѣческаго развитія не есть повтореніе однихъ и тѣхъ же явленій; для человѣчества нѣтъ возврата къ пережитому прошедшему.

Обращаемся къ краткому указанію главнѣйшихъ положеній еврейско-александрійской школы.

От Аристобула сохранились только небольшіе отрывки у Евсевія; но сочиненія Филона дошли до насъ большею частію вполнѣ и потому въ нихъ надобно искать изложенія еврейско-александрійской системы. И Аристобулъ и Филонъ думали, что остаются вѣрными закону еврейскаго народа. Но ихъ сближеніе съ греческою философіей было невозможно безъ нѣкоторой уступчивости, которая особенно выражается въ ихъ способѣ объясненія св. книгъ Ветхаго Завѣта. Оба они принимаютъ эти книги не въ одномъ буквальномъ ихъ смыслѣ; за нимъ они видятъ смыслъ внутренній и позволяютъ себѣ аллегорическія, часто весьма смѣлыя объясненія. Очень часто текстъ обращается у нихъ въ символъ, въ иносказаніе, чему есть множество примѣровъ. Такъ, по понятію Филона, эдемъ изображаетъ премудрость Божію, четыре рѣки, вытекающія изъ рая, четыре основныя добродѣтели, вытекающія изъ премудрости. Адамъ, скрывающійся послѣ своего грѣхопаденія отъ лица Божія, представляетъ дѣйствіе порока, препятствующее намъ созерцать Божественное. Даже выраженія, повидимому совершенно ясныя и понятныя для каждаго, становятся для Филона предметомъ обширнаго толкованія, въ которомъ онъ излагаетъ свое собственное воззрѣніе, свою теорію. Это-то и давало Филону возможность сближенія съ идеями Платона и другихъ греческихъ философовъ. Этимъ же и объясняется, почему Филонъ, думая оставаться вѣрнымъ смыслу и духу еврейскихъ

преданій, во многомъ невольно отступалъ отъ нихъ и подчинялся вліянію греческой мысли. Ученіе Филона не представляетъ строгой, систематической доктрины, въ которой всѣ части были бы проникнуты внутреннимъ единствомъ. Это — болѣе или менѣе механическое сопоставленіе доктринъ совершенно различнаго происхожденія, сохраняющихъ свои особенности. Въ немъ видно тоже смѣшеніе различныхъ элементовъ, которое составляетъ характеристическую особенность того времени. Отсутствіемъ внутренняго единства объясняется и его нетвердость, колебаніе, нѣкоторая непослѣдовательность. Внѣшнее единство дается только тѣмъ, что въ этомъ ученіи преобладаетъ іудейское воззрѣніе, которому Филонъ до того хочетъ подчинить идеи греческой философіи, что если и пользуется послѣднею, какъ средствомъ объяснить вѣрованія и сказанія своего народа, то беретъ изъ нея только то, что̀ можетъ служить ему для достиженія этой главнѣйшей цѣли, да и то какъ бы помимо своей воли. Вообще все его ученіе имѣетъ болѣе характеръ религіозный, нежели философскій.

Филонъ убѣжденъ, что человѣкъ не можетъ никогда возвыситься до знанія природы божества и долженъ довольствоваться только сознаніемъ его бытія. Божество есть сый, тотъ, кто существуетъ. Оно не имѣетъ имени, потому что не имѣетъ свойствъ, и если мы приписываемъ ему извѣстныя свойства, то лишь по слабости человѣческаго ума. Богъ выше всякой добродѣтели и всякаго совершенства. Онъ лучше блага, чище единства, прекраснѣе красоты. Онъ единство и въ то же время всеобщность, и послѣднее не потому, чтобы Онъ содержался во всемъ, въ мірѣ, какъ говорятъ пантеисты, но потому, что Онъ объемлетъ собою все, содержитъ все собою. Только о Немъ мы можемъ говорить, что Онъ повсюду и въ то же время нигдѣ. Непостижимость Бога—основное положеніе Филона, отъ котораго онъ иногда отступаетъ лишь вслѣдствіе

нѣкоторой непослѣдовательности, колебанія—естественныхъ результатовъ двухъ противоположныхъ вліяній, іудейскаго и греческаго, подъ которыми находился александрійскій мыслитель. Такъ, по его мнѣнію, человѣческій разумъ даже при помощи Божественной благодати не можетъ возвыситься до полнаго, истиннаго постиженія Бога. Этого не достигнуть человѣку ни созерцаніемъ міра, ни напряженіемъ души. Кто ищетъ Бога въ твореніи, тотъ находитъ тамъ только тѣнь Его. Какимъ образомъ душа человѣка можетъ постигать Бога, когда она не въ состояніи вполнѣ постичь самое себя? Стремленіе знать о Богѣ болѣе того, что Онъ существуетъ, Филонъ называетъ безуміемъ. Но въ то же время, подъ вліяніемъ противоположнаго направленія, онъ именуетъ это самое стремленіе путемъ къ совершеннѣйшему блаженству. Человѣкъ не можетъ знать Бога; но Богъ можетъ открыться ему.

Важное мѣсто въ ученіи Филона занимаетъ ученіе о Словѣ Божіемъ. Можно сказать, что здѣсь сосредоточивается все содержаніе александрійской еврейской школы; но здѣсь же всего яснѣе обнаруживается и двойственность почти насильственно соединенныхъ направленій, и результатъ ея, нетвердость, несостоятельность всей системы Филона. Александрійскій мыслитель желалъ согласить свидѣтельство книгъ Ветхаго Завѣта съ идеальнымъ ученіемъ Платона. Но ученіе о Словѣ съ полнотою раскрылось только въ Откровеніи, въ св. книгахъ Новаго Завѣта: до него люди были исполнены только чаянія Слова. Но и то, что̀ находится въ Ветхомъ Завѣтѣ, не можетъ быть согласно съ ученіемъ Платона, чего добивались александрійскіе Евреи, до нѣкоторой степени подчинившіеся вліянію эллинской философіи. Филонъ представляетъ Слово, какъ первую манифестацію Божественной силы. Слово (Logos) находится въ Богѣ; въ Немъ соединяются понятія о силѣ и премудрости. Оно есть «первородный сынъ, первый архангелъ

Бога». По Его образу сотворенъ человѣкъ, и въ этомъ смыслѣ Оно называется совершеннымъ человѣкомъ, небеснымъ Адамомъ. Богъ сотворилъ міръ, но посредствомъ своего Слова. Съ другой стороны, слѣдуя идеальному ученію Платона, Филонъ усиливался об[illegible]ить Слово первоначальными идеями Платона. Онъ называлъ Его высшимъ единствомъ идей или первоначальныхъ формъ, типовъ, по которымъ создано все твореніе, идеею идей, идеаломъ красоты, истины и блага. А подъ вліяніемъ стоицизма Слово является у него душою вселенной. Отношеніе Слова къ Богу Филонъ выражаетъ сравненіемъ съ мыслію внутреннею и мыслію высказанною въ человѣкѣ. Какъ Слово есть проявленіе Бога, Его орудіе, такъ ангелы суть орудія Слова, исполнители Его воли, «посланники Бога». Можно сказать вообще, что нигдѣ у Филона не проявилась такъ ясно неисполнимость его главной задачи, какъ въ ученіи о Словѣ. Самое значеніе слова Logos у него двойственное: То оно Слово, то Разумъ, смотря по тому, беретъ-ли верхъ въ его сознаніи Ветхій Завѣтъ или Платонъ. Еще въ сбивчивомъ ученіи объ ангелахъ хорошо обнаруживается его смѣлая попытка соединить іудейство съ греческою философіей. Подъ именемъ ангеловъ Филонъ разумѣетъ и идеи, и силы, посредствомъ которыхъ онѣ осуществляются [1]). Ангелы различны. Самое Слово, какъ манифестація, какъ орудіе Бога, называется первымъ верховнымъ архангеломъ. Силы, посредствомъ которыхъ Слово осуществляетъ идеи, въ Немъ заключающіяся, также ангелы. Ангелы, наконецъ, вѣстники Божественнаго Слова. Несравненно чище ученіе Филона о Духѣ, потому что здѣсь онъ не выходитъ изъ круга ветхозавѣтныхъ воззрѣній и ничего не заимствуетъ изъ

---

[1]) «Посреди, говоритъ онъ, Отецъ, котораго писанія именуютъ сый. Подлѣ Него Его силы, творящая и царствующая, или Провидѣніе. Одна—Божество, все сотворившее, другая—Божество, всѣмъ управляющее».

философскихъ системъ Греціи. Духъ является у него, какъ начало жизни для міра и начало премудрости для человѣчества. Онъ—премудрость Божія, открывающаяся въ твореніи. Онъ—дыханіе, наполняющее и проникающее все созданіе.

Конечно, ученіе Филона далеко отъ чистоты и глубины не только христіанской религіи, но даже и воззрѣній избраннаго народа, которымъ онъ вполнѣ вѣренъ лишь въ ученіи о пришествіи Мессіи, дарующаго Евреямъ господство надъ всѣмъ міромъ. Не оно объяснило тайну Божества, которой удостоилось человѣчество только черезъ Откровеніе. Но оно почти впервые, или, по крайней мѣрѣ, съ небывалою полнотою, познакомило языческое человѣчество съ ученіемъ св. книгъ еврейскаго народа о единомъ Богѣ, о Его Словѣ и Духѣ, передало это ученіе на языкѣ Платона, доступномъ всему греко-римскому обществу, и тѣмъ подготовило умы къ принятію вѣчной истины, когда она открывалась наконецъ міру. Въ этомъ смыслѣ значеніе Филона въ исторіи религіозно-философскаго развитія древняго человѣчества необыкновенно велико, и не даромъ къ нему примыкаетъ очень много системъ, въ которыхъ видны также невозможныя попытки, во первыхъ, достичь чисто человѣческими средствами до раскрытія тайнъ Божества и творенія, и во вторыхъ, согласить въ одномъ общемъ ученіи всѣ предшествовавшія философскія направленія. Палестинскіе Евреи не могли быть орудіями подготовки древняго человѣчества, распространителями ветхозавѣтныхъ преданій и чаяній. Они, за нѣкоторыми исключеніями, слишкомъ враждебно смотрѣли на язычниковъ, слишкомъ чуждались ихъ. Отъ обращавшихся въ іудейство они требовали полнаго отреченія отъ всего неіудейскаго, полнаго прилѣпленія не только къ духу, но и къ самой буквѣ Моисеева закона. Палестинскіе Евреи смотрѣли, какъ на невѣрныхъ, на Самаритянъ, не смотря на то, что тѣ соединены были съ ними и общимъ происхожденіемъ, и

уваженіемъ къ ихъ вѣрѣ, и чаяніемъ обѣщаннаго Искупителя. Роль распространителей Ветхаго Завѣта выпала на долю Евреевъ александрійскихъ, которые, вслѣдствіе вѣковаго сожительства и сближенія съ людьми чуждой національности и чуждыхъ вѣрованій, утратили многое изъ своей племенной исключительности и, даже оставаясь вѣрными преданіямъ отцовъ, не были такъ прилѣплены къ мертвой буквѣ закона. Здѣсь-то лежитъ великое историческое значеніе александрійской еврейской школы; особенно ея замѣчательнѣйшаго представителя, Филона.

Возвращаемся къ изложенію ученія Филона. Его воззрѣніе на природу также довольно сбивчиво и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ. «Богъ, говоритъ онъ, не только сдѣлалъ вещи видимыми, но и создалъ вовсе несуществовавшее прежде. Онъ не только строитель вселенной, но и ея творецъ.» Богъ, такимъ образомъ, есть создатель міра. Онъ творитъ его въ полномъ смыслѣ слова, производитъ его изъ себя самаго, потому что въ сочиненіяхъ Филона нѣтъ ни одного мѣста, на основаніи котораго можно бы было сдѣлать выводъ, что авторъ вѣритъ въ сотвореніе міра изъ ничего. Твореніе, по его мнѣнію, не есть актъ временный, но постоянное и необходимое дѣйствіе всемогущества Божія. Богъ постоянно творитъ и производитъ, потому что твореніе есть свойство природы Божіей, какъ свойство огня—сожженіе, свойство свѣта—сіяніе. Такъ и здѣсь вліяніе греческой философіи заставило Филона во многомъ отступить отъ чистоты еврейскихъ представленій, впасть во многія противорѣчія и съ ними и съ самимъ собою. Онъ старается Платономъ и стоицизмомъ объяснить книгу Бытія. Онъ почти готовъ допустить существованіе матеріи до сотворенія міра, хотя не высказываетъ этого прямо и утверждаетъ, напр., что міръ созданъ во времени, а Богъ вѣченъ. На матерію онъ смотритъ, какъ на нѣчто грубое, лишенное формы и свойствъ. Что же касается до воззрѣнія Филона на душу

человѣка, то, по его мнѣнію, она не имѣетъ ничего собственнаго, ни мысли, ни дѣйствія. Она безпрестанно колеблется между двумя стремленіями, божественнымъ и матеріальнымъ. Но она можетъ совершенствоваться по благодати Божіей. Богъ дѣйствуетъ на нее, направляетъ ее куда Ему угодно. Добродѣтель есть приготовленіе къ совершенной жизни. Выше добродѣтели созерцаніе; выше мудрости религіозный восторгъ, экстазъ. Но религіозное вдохновеніе и восторгъ не есть состояніе возможное для каждаго. Это свойственно лишь душѣ добродѣтельной, на которую подѣйствовала благодать Божія. Состояніе религіознаго восторга, какъ его описываетъ Филонъ, носитъ на себѣ характеръ чисто восточнаго созерцанія. Это—самозабвеніе души, отреченіе отъ всѣхъ ея способностей подъ наитіемъ благодати, а не порывъ души къ Богу, не напряженіе ея въ стремленіи постичь Бога. Въ этомъ различіе въ воззрѣніяхъ Филона и западныхъ мыслителей. Филонъ учитъ, что душа должна искать Бога внѣ ея самой и тутъ же повторяетъ правило Сократа: «Познай самого себя.» Впрочемъ этому знаменитому изрѣченію онъ даетъ свой особенный смыслъ. Онъ требуетъ отъ человѣка обращенія къ самому себѣ вовсе не за тѣмъ, чтобы предаться самосозерцанію и въ самопознаніи искать источника всякаго знанія; но за тѣмъ, чтобы, углубляясь въ самое себя, душа человѣка научилась презирать себя, отрекаться отъ себя. Лучшая часть души—чисто божественнаго происхожденія, но она заключена въ тѣлѣ, какъ въ темницѣ или въ гробѣ. Цѣль земнаго существованія—ея освобожденіе изъ этой темницы тѣла, ея вознесеніе въ высшія области послѣ періода очищенія. Согласно съ основнымъ ученіемъ еврейскаго народа, Филонъ признаетъ грѣхопаденіе причиною того, что настоящее состояніе души весьма различно отъ первоначальнаго. Но и здѣсь онъ аллегорически, произвольно толкуетъ сказанія книгъ Моисея: первые люди пали, по

его мнѣнію, оттого, что поддались искушенію чувственнаго наслажденія. Понятія Филона о нравственной свободѣ человѣка не совсѣмъ ясны. Повидимому онъ признаетъ ее до нѣкоторой степени; но въ то же время человѣкъ является въ состояніи безпрестаннаго колебанія между дѣйствіями на его душу Божественной силы и матеріи, проявляющейся въ неразумныхъ движеніяхъ чувственности.

Ученіе Филона было не единственнымъ результатомъ соединенія іудейскихъ воззрѣній съ понятіями другихъ народовъ. Не выходя изъ Египта, мы находимъ школу терапевтовъ, ведущую свое начало отъ іудейства, но въ тоже время во многомъ отъ него отличную. О терапевтахъ, жившихъ преимущественно въ окрестностяхъ Александріи, самыя полныя извѣстія находимъ у того же Филона. Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о нихъ. Терапевты составляли небольшія общины изъ мущинъ и женщинъ, жившія преимущественно въ спокойной странѣ около Меридова озера (нынѣ Файумъ). Члены этихъ общинъ обитали, подобно позднѣйшимъ пустынникамъ, въ отдѣльныхъ кельяхъ, гдѣ предавались уединенному созерцанію и ученію св. книгъ, которыя они толковали въ аллегорическомъ смыслѣ. Питались преимущественно хлѣбомъ и водой и часто постились, принимая пищу большею частію только по вечерамъ. Каждую субботу сходились вмѣстѣ, седьмую—праздновали съ особеннымъ уваженіемъ. Во время собраній имѣли общій столъ, состоящій впрочемъ главнымъ образомъ изъ хлѣба съ солью и травами. Въ собраніяхъ происходили чтенія, пѣніе гимновъ, иногда сопровождавшееся танцами. И хоры и танцы имѣли отношеніе особенно къ воспоминанію объ исходѣ Евреевъ изъ Египта и о переходѣ ихъ черезъ Чермное море. Можетъ быть, какъ замѣчаетъ одинъ изъ историковъ христіанской церкви, это воспоминаніе имѣло символическое значеніе, какъ освобожденіе духа отъ узъ, налагаемыхъ

на него тѣлесною, чувственною природой, служило символомъ возвышенія отъ чувственнаго къ Божественному. У терапевтовъ было много общаго съ палестинскими ессенянами, у которыхъ также ясно мистическое и аскетическое направленіе, которые также оставили букву закона и въ созерцательной, уединенной жизни искали успокоенія. Относительно сущности ученія терапевтовъ мы имѣемъ мало свѣдѣній; знаемъ только, что они также признавали Слово, какъ перворозднаго сына вѣчнаго Отца, какъ вѣчную мудрость. Можно догадываться, что Слово (Logos) въ ихъ понятіяхъ было еще первообразомъ перваго человѣка до его паденія. Извѣстно также, что терапевты жили въ чаяніи пришествія Искупителя. Но наши свѣдѣнія о нихъ до того неудовлетворительны, что до сихъ поръ трудно опредѣлить, образовались ли они и ихъ ученіе до христіанства и независимо отъ него, или на ихъ жизни и воззрѣніяхъ уже слышно вѣяніе христіанскаго духа.

Любопытный примѣръ соединенія нѣкоторыхъ іудейскихъ воззрѣній съ преданіями Востока представляетъ таинственное кабалистическое ученіе, распространившееся между Евреями. Если въ сочиненіяхъ александрійской еврейской школы мы видимъ попытку соединить Ветхій Завѣтъ съ греческою философіей, то въ кабалѣ мѣсто послѣдней занимаютъ преданія религіозныхъ вѣрованій преимущественно арійскихъ народовъ, въ особенности Персіи. Нѣтъ сомнѣнія, что начало ея восходитъ къ довольно давнему времени, хотя окончательно формулировалась она уже въ 1-мъ столѣтіи нашей эры. Ея основателями считаются Акиба, Симонъ-бенъ-Іохай и рабби Іоссе изъ Трипора. Она изложена въ двухъ сочиненіяхъ: Зохаръ (Zohar) и Сеферъ Іетзира (Sepher Ietzirah). Въ кабалѣ мало собственно еврейскаго. Она расходится какъ съ книгами Ветхаго Завѣта, такъ и съ Талмудомъ, которому слѣдуютъ позднѣйшіе Евреи, притомъ съ первыми больше, чѣмъ съ послѣднимъ.

Тутъ преобладали вѣрованія дальняго Востока. Такъ какъ, сверхъ того, кабала не имѣла непосредственнаго вліянія на греко-римскій міръ, то мы могли бы и вовсе не упоминать о ней, если бы она не находилась въ нѣкоторой связи съ гностицизмомъ, столь важнымъ въ исторіи христіанства. Ученіе кабалы въ высшей степени своеобразно и, за исключеніемъ гностицизма и отчасти александрійскаго неоплатонизма, ни съ чѣмъ не имѣетъ ничего общаго. Вотъ оно. Въ началѣ существовало только бытіе непостижимое, вѣчное, безпредѣльное (haensoph,) все въ себѣ заключающее. Все произошло, все вытекаетъ изъ него. Первымъ, высшимъ проявленіемъ верховной божественной силы и сущности было 10 сефиротовъ (sephiroth), именно: вѣнецъ, мудрость, разумъ, величіе, правда, побѣда, слово или сила, основаніе и царство. Эти сефироты не столько отдѣльныя существа, сколько различныя свойства верховнаго божества. Между божествомъ и человѣкомъ есть цѣлый рядъ посредствующихъ ступеней или міровъ (4 міра), наполненныхъ духами (ангелами или демонами). Такимъ образомъ верховное божество образовало, выдѣлило изъ себя цѣлую іерархію существъ; и чѣмъ ближе къ источнику всякаго бытія, тѣмъ совершеннѣе, чище и выше его созданіе. Кабала признаетъ нарушеніе первоначальной блаженной гармоніи, возмущеніе порядка вселенной, вслѣдствіе паденія нѣкоторыхъ первоначальныхъ блаженныхъ и чистыхъ духовъ. Результатомъ этого была борьба между павшими и не павшими духами, между ангелами и демонами, отразившаяся на судьбахъ низшаго міра, къ которому принадлежитъ человѣкъ. Душа человѣка, сама по себѣ божественнаго, чистаго происхожденія, пала подъ вліяніемъ злыхъ духовъ и въ наказаніе облечена тѣломъ, какъ бы заключена въ темницу, изъ которой можетъ освободиться лишь путемъ нравственнаго очищенія, молитвою и добродѣтелью. Если же она не очистится въ земной жизни, то

переходитъ въ новое тѣло, какъ въ новую темницу, до тѣхъ поръ, пока не найдетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы искупить свое паденіе и вознестись въ высшій міръ духовъ. Такимъ образомъ въ кабалѣ мы видимъ ученіе о переселеніи душъ. Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ мало общаго имѣла она съ вѣрованіями еврейскаго народа и до какой степени преобладалъ въ ней персидскій элементъ, вѣроученіе Зендавесты и Зороастра.

Въ гностицизмѣ, какъ и въ кабалѣ, сказалось преобладающее вліяніе древнихъ вѣрованій центральной Азіи. Кромѣ парсизма, или ученія Зороастра, котораго вліяніе такъ сильно отразилось въ немъ, тутъ замѣтенъ еще слѣдъ вліянія вѣрованій Индіи, страны, повидимому, не принимавшей участія въ судьбахъ извѣстнаго древняго міра, мало доступной, жившей совершенно изолированно. Черезъ него браманизмъ, особенно же буддизмъ простиралъ свое вліяніе на области римскаго міра. Какими путями проникало оно сюда, это должны рѣшить будущія изслѣдованія, но фактъ его существованія едва ли и теперь можетъ быть подверженъ сомнѣнію. Гностицизмъ находится, кромѣ того, въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ различными іудейскими школами, особенно со школою Филона, съ кабалой, съ положеніями греческой философіи, наконецъ, съ христіанствомъ, отъ котораго онъ заимствовалъ многое и къ которому стремилось примкнуть большинство его мыслителей. Въ исторіи церкви занимаетъ важное мѣсто борьба христіанства съ гностицизмомъ, который даже считается ересью христіанскою, хотя его основныя положенія и выходятъ почти совершенно изъ круга христіанскихъ воззрѣній, а его начало относится къ временамъ до нашей эры. Дѣло въ томъ, что онъ окончательно развился, формулировался и образовалъ различныя системы уже послѣ Р. Х. и подъ сильнымъ вліяніемъ христіанскаго духа. Но какъ ни разнообразны элементы, изъ

которыхъ сложился гностицизмъ, мы не можемъ считать его лишь ихъ механическимъ смѣшеніемъ и сопоставленіемъ. Если въ немъ видны слѣды того или другаго религіознаго ученія, то не менѣе ясна и собственная работа мысли, дѣйствіемъ которой изъ элементовъ, совершенно, повидимому, разнородныхъ, сложилась однакоже система въ высшей степени своеобразная, цѣльная, проникнутая одною общею идеей. Гностицизмъ былъ порожденіемъ того же душевнаго стремленія, проблески котораго мы видѣли въ ученіяхъ религіозно-философскаго содержанія, уже разсмотрѣнныхъ нами. Но онъ отличается отъ всѣхъ другихъ попытокъ соединенія разнообразныхъ умственныхъ элементовъ особенною силой самостоятельности. Тутъ эта оригинальная работа мысли всего яснѣе выразилась въ образованіи множества родственныхъ между собою ученій. Гностицизмъ очень рано распался на отдѣльныя школы, которыя иногда довольно далеко расходятся другъ отъ друга. Быть можетъ, самое ихъ происхожденіе независимо другъ отъ друга, хотя и вызвано одними и тѣми же общими условіями и причинами.

Начальная исторія гностицизма весьма темна. Мы мало знаемъ о происхожденіи и распространеніи его первыхъ школъ. Мосгеймъ считаетъ Евфрата основателемъ гностической школы офитовъ, будто бы образовавшейся еще до появленія христіанства. Но изслѣдованіе Маттера [1]) показало, на какихъ смутныхъ доводахъ и произвольныхъ предположеніяхъ основано это мнѣніе. Гораздо болѣе положительнаго

[1]) Изслѣдованіе Маттера о гностицизмѣ (Histoire critique du gnosticisme) составляетъ одно изъ лучшихъ пособій при изученіи этого предмета. Оно было переведено на нѣмецкій языкъ. Появилось оно въ Парижѣ въ 1828 году, т. е. десять лѣтъ спустя послѣ труда Неандера (Genetishe Entwickelung der vornehmsten gnostischen Systeme), впервые глубоко затронувшаго этотъ вопросъ въ наукѣ. А. Т.

можно сказать о Симонѣ Волхвѣ, учившемъ въ Самаріи, отъ котораго ведутъ свое начало нѣкоторыя гностическія школы. Симонъ Волхвъ упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ. Время его жизни можно опредѣлить съ достаточною точностію, равно какъ и главные пункты его ученія. Но и относительно него возникало много вопросовъ и сомнѣній. Если предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что Симонъ, основатель гностической школы, не есть Симонъ Волхвъ, не имѣетъ никакого основанія, то несравненно важнѣе мнѣніе тѣхъ, которые, подобно Неандеру, не признаютъ въ ученіи Симона никакихъ слѣдовъ христіанскаго вліянія и потому исключаютъ его изъ числа гностическихъ ересей или считаютъ самого Симона лицомъ мифическимъ, такъ какъ до насъ вовсе не дошло изложенія его воззрѣній. Но и это мнѣніе опровергнуто въ капитальномъ изслѣдованіи Бунзена (Hyppolytus und seine Zeit. 1852). Симонъ Волхвъ умеръ до 65 года нашей эры, уже въ концѣ этого столѣтія (въ 70—100 годахъ) стало извѣстно письменное изложеніе его системы, подъ именемъ «Великаго откровенія», составленное, по всей вѣроятности, или Менандромъ, его ученикомъ, жившимъ и учившимъ въ Антіохіи, или кѣмъ-нибудь изъ другихъ послѣдователей и современниковъ самарійскаго Волхва.

Симонъ, родомъ изъ Гатты (въ Самаріи), былъ хорошо знакомъ съ вѣрованіями центральной Азіи и, конечно, долженъ былъ болѣе или менѣе знать преданія Евреевъ. Онъ уже пользовался большимъ уваженіемъ въ народѣ, уже распространялъ свои мистическія, теософскія воззрѣнія и вѣрилъ въ могущество тайныхъ знаній, дающихъ человѣку власть надъ силами природы, когда коснулась его слуха вѣсть о проповѣди Божественнаго Основателя христіанской религіи и когда онъ лично узналъ первыхъ благовѣстниковъ вѣчной истины, сталъ свидѣтелемъ чудесъ, ими творимыхъ. Послѣднее особенно

поразило Симона и онъ думалъ цѣною золота купить эту силу творить чудеса и передавать дары Духа. Къ апостоламъ Петру и Іоанну принесъ онъ свои сокровища, но получилъ въ отвѣтъ отъ перваго: «Да погибнетъ съ тобою серебро твое, поелику ты помыслилъ за деньги получить даръ Божій! Нѣтъ тебѣ въ семъ части и жребія, ибо сердце твое не право передъ Богомъ!» Преданія разсказываютъ о дальнѣйшей жизни Симона и о его борьбѣ съ проповѣдниками христіанской религіи. Свои заблужденія онъ распространялъ преимущественно въ Сиріи, Фригіи и, наконецъ, въ Римѣ. Въ образованіи имъ одной изъ первыхъ гностическихъ школъ нѣтъ сомнѣнія. Его послѣдователи, особенно многочисленные во II вѣкѣ, существовали, подъ именемъ симоніанъ, по крайней мѣрѣ до IV столѣтія, распадаясь на многочисленные толки и частныя школы. Въ ученіи Симона Волхва мы видимъ преобладающее вліяніе мистическихъ вѣрованій далекаго Востока, въ особенности Персіи, и кабалы, что̀ впрочемъ не мѣшало заимствованію многихъ воззрѣній, близкихъ къ христіанству и даже къ преданіямъ греко-римскаго язычества [1]). Такимъ образомъ Симонъ былъ основателемъ ученія, порожденнаго синкретизмомъ, т. е. соглашеніемъ самыхъ противоположныхъ, повидимому, началъ. Но онъ перерабатываетъ ихъ въ собственную, своеобразную систему, отличную отъ тѣхъ, подъ вліяніемъ которыхъ она образовалась.

Школа, основанная Симономъ Волхвомъ, открываетъ собою длинный рядъ гностическихъ системъ, возникавшихъ одна за другою, особенно въ теченіе II вѣка. Онѣ различаются между собою чрезвычайно во многомъ, но всѣ проникнуты однимъ направленіемъ и сходятся болѣе или менѣе въ своихъ основныхъ положеніяхъ. Ихъ можно подвести подъ двѣ главныя

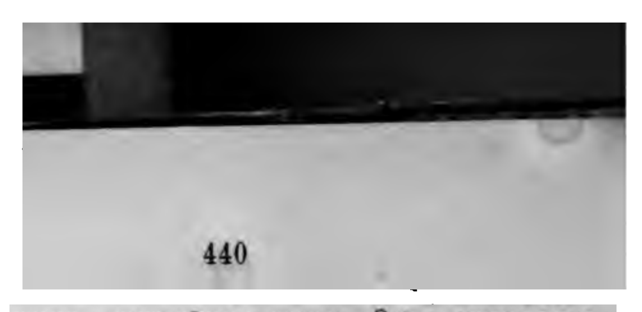
[1]) Симоніане допускали, напримѣръ, сближеніе Е н н о і а, первой мысли Бога, матери всего сотвореннаго, съ Артемидою и Минервой.

группы, сирійскую и египетскую или александрійскую, смотря по главнымъ направленіямъ, въ нихъ господствующимъ. Подробное разсмотрѣніе ихъ относится частію къ исторіи церкви, частію къ исторіи философіи. Для насъ же достаточно указать на главные общіе всѣмъ имъ пункты, чтобы обозначить мѣсто гностицизма въ ряду ученій, возникшихъ въ эпоху паденія древнихъ народныхъ вѣрованій римскаго міра.

Вопросы, особенно занимавшіе гностиковъ, были слѣдующіе. Какъ мыслимъ переходъ отъ безконечнаго къ конечному и какъ объяснить твореніе міра? Какимъ образомъ божество является виновникомъ, началомъ матеріальнаго міра, столь чуждаго его сущности? Отчего происходитъ или произошло зло въ мірѣ, если Богъ совершененъ? Откуда взялись эти разрушительныя силы природы? Откуда зло въ самомъ человѣкѣ, если Богъ его творецъ? Откуда такое различіе между людьми, относительно ихъ природы, различіе до того сильное, что одни какъ бы воодушевлены божественною силой, другіе же вполнѣ преданы слѣпымъ и низкимъ вожделѣніямъ и въ нихъ почти незамѣтно слѣдовъ разумнаго и нравственнаго? Стремленіе гностиковъ найти отвѣтъ на эти вопросы отличается поразительною смѣлостію и гордостію. Свое знаніе они рѣзко отличали отъ знаній, доступныхъ большинству, и полагали огромное различіе между одаренными высокою мудростію и остановившимися на простомъ вѣрованіи. Вопросъ объ отношеніи божества къ міру разрѣшенъ былъ ими посредствомъ ученія объ эманаціяхъ. Гностицизмъ признавалъ процессъ развитія въ самомъ божествѣ, такъ какъ божество было основаніемъ и источникомъ всякаго бытія. Изъ высшей божественной сущности проистекло всякое бытіе. Это понятіе объ истеченіи, объ эманаціи выражалось весьма разнообразными способами, посредствомъ множества сравненій и уподобленій. Какъ лучи свѣта исходятъ изъ источника свѣта, говорили

гностики, такъ всѣ чистые духи образуются изъ божества; какъ всѣ источники, орошающіе землю, рождаются изъ одного и того же неизмѣримаго океана, такъ истекаютъ изъ лона божества всѣ силы духовнаго міра; всѣ числа, какъ бы ни были безконечны ихъ ряды, происходятъ изъ одного первоначальнаго числа; всѣ звуки заключаются въ первоначальномъ звукѣ и ведутъ отъ него свое начало, не смотря на все свое разнообразіе. По этому мистическому ученію, божество есть первое начало всякаго совершенства, заключенное въ самомъ себѣ, непостижимое (bythos, бездна), скрытое, ничѣмъ не проявленное. Изъ него-то выдѣляются, проистекаютъ различныя силы и свойства божественной природы. Это выдѣленіе есть начало жизни и творенія. Каждое изъ свойствъ божественной сущности является какъ бы особымъ божественнымъ существомъ, не только какъ отвлеченное понятіе, но и какъ нѣчто индивидуальное, самостоятельное. Совокупность божественныхъ свойствъ, истекшихъ изъ первоначальной сущности божества, но самостоятельныхъ, представляетъ собою гностическую полноту божества (pleroma). Эти обособившіяся божественныя силы суть начала всего дальнѣйшаго развитія жизни. Какъ члены одной и той же божественной сущности, онѣ, получивъ индивидуальное значеніе, въ свою очередь, послужили источниками новыхъ рядовъ духовныхъ существъ, происходящихъ одно изъ другаго. Такъ образовалась безконечная цѣпь духовныхъ существъ, вытекшихъ изъ одного и того же общаго первоначальнаго источника, но различающихся другъ отъ друга степенью близости къ нему, а стало быть и степенью могущества и совершенства.

Какъ согласить съ этимъ происхожденіемъ изъ божества возникновеніе и существованіе зла въ физическомъ и духовномъ мірѣ? Гностики принуждены были признать рядомъ съ ученіемъ объ эманаціи начало дуализма, т. е. бытія двухъ

противоположныхъ, враждебныхъ началъ. Здѣсь открывался полный просторъ ихъ смѣлому созерцанію и не менѣе смѣлой фантазіи. Во многочисленныхъ гностическихъ школахъ преобладаютъ однакоже два главныя воззрѣнія относительно этого предмета. Въ одномъ мы видимъ полное господство восточнаго мистическаго направленія, въ другомъ выдается элементъ греческаго мышленія. Первымъ характеромъ отличаются по-преимуществу гностическія школы Сиріи, вторымъ школы египетско-александрійскія. Въ послѣднихъ выработалось понятіе о матеріи, какъ о чемъ-то мертвомъ, несуществующемъ. Оно выражалось въ различныхъ образахъ и уподобленіяхъ. Это былъ мракъ, отсутствіе свѣта, пустота, противоположность полнотѣ божественной жизни, тѣнь, хаосъ, и т. п. Эта мертвая сама въ себѣ матерія не можетъ имѣть никакого стремленія, не можетъ и враждебно дѣйствовать противъ божества. Но мы видѣли, что изъ первоначальной божественной сущности развился цѣлый рядъ духовныхъ существъ, образовавшихъ собою какъ бы непрерывную цѣпь. Чѣмъ далѣе отходили звенья этой цѣпи отъ своего первоначальнаго источника, тѣмъ они были несовершеннѣе, безсильнѣе, и низшія изъ нихъ пали въ область матеріи. Мертвая хаотическая матерія получила чрезъ это жизнь и движеніе; но божественное начало, оживившее ее своимъ прикосновеніемъ, исказилось отъ соединенія съ нею. Произошло новое бытіе, твореніе помимо одной божественной эманаціи. Матерія была призвана къ жизни; изъ хаоса возникъ новый міръ, который, какъ не чисто божественнаго происхожденія, былъ уже враждебенъ божеству. Отсюда зло, какъ физическое, такъ и духовное. Отсюда противоположность между міромъ божественнымъ и матеріальнымъ. Матерія, призванная къ жизни паденіемъ въ нее низшихъ божественныхъ существъ, породила сатану, злыхъ духовъ и людей, въ которыхъ дѣйствуютъ животныя страсти. По другому

воззрѣнію, чисто дуалистическому, родственному съ персидскимъ понятіемъ объ Ариманѣ,.матерія является дѣятельною злою силой, которая искони враждебна божеству, а не возникла вслѣдствіе паденія божественныхъ существъ въ самую низкую область мірозданія. Не во всѣхъ гностическихъ школахъ это различіе въ воззрѣніи на матерію проводится съ одинаковою послѣдовательностію. Но это не мѣшаетъ ему сохранять очень важное практическое значеніе, потому что имъ условливалось отношеніе человѣка къ божеству и къ матеріи.

Не менѣе важно различіе въ ученіи гностическихъ школъ о создателѣ видимаго міра. Всѣ онѣ признавали, что это было не высшее божественное начало, изъ котораго, посредствомъ эманаціи, произошелъ рядъ божественныхъ существъ, а низшее существо, Деміургъ. Но въ понятіи о Деміургѣ, творцѣ видимаго міра, онѣ расходятся между собою чрезвычайно далеко, такъ впрочемъ, что всѣ ихъ ученія сводятся опять къ двумъ главнымъ противоположнымъ воззрѣніямъ. По мнѣнію однихъ, Богъ создалъ этотъ міръ посредствомъ своихъ ангеловъ и управленіе имъ поручилъ главному изъ нихъ. Этотъ верховный ангелъ, Деміургъ, есть, такимъ образомъ, представитель божества на этой низшей степени бытія; онъ управляетъ міромъ не самъ собою, но по предначертаніямъ высшаго божества; онъ исполнитель божественной воли, не всегда постижимой для него самого. Іудейство, Ветхій Завѣтъ есть откровеніе этого управителя видимаго міра, и какъ Деміургъ есть представитель божества на этой низшей степени бытія, такъ и іудейство есть возможно полное раскрытіе божественныхъ тайнъ, возможно высшее приготовленіе къ христіанству. Въ іудействѣ, какъ и во всемъ мірѣ, созданіи Деміурга, божество открывается далеко не вполнѣ. Совершенно противоположно другое воззрѣніе на Деміурга, по которому онъ и его ангелы суть существа не только самостоятельныя, но и враждебныя

божеству, не терпящія ничего, что происходитъ отъ божества. Деміургъ, по этому воззрѣнію, есть существо ограниченное, злое и враждебное, и эта его натура отразилась, какъ въ созданномъ имъ мірѣ, такъ и въ его законѣ—іудействѣ. Такимъ образомъ здѣсь іудейство является враждебнымъ Божественному Откровенію, старающимся держать человѣчество въ рабской зависимости отъ злаго Деміурга, въ вѣчномъ невѣдѣніи объ его божественномъ происхожденіи. Для гностиковъ, раздѣлявшихъ это воззрѣніе, іудейство немногимъ разнилось отъ язычества, бывшаго порожденіемъ демоновъ, злыхъ духовъ. Различіе въ воззрѣніи на Деміурга необыкновенно важно не только въ теоретическомъ, но и въ практическомъ отношеніи. Кто признавалъ Деміурга за существо враждебное божеству, для того ненависть къ міру, его созданію, оказалась первою и священнѣйшею обязанностію. Гностики этого направленія или впали въ аскетизмъ, доходившій до полнаго умерщвленія плоти, или дошли до отрицанія всякихъ нравственныхъ законовъ. Они, напр., или совершенно отвергали бракъ, какъ нѣчто нечистое и недостойное, или доходили до оправданія всевозможнаго разврата. Для гностиковъ же, видѣвшихъ въ Деміургѣ представителя и исполнителя божественной воли, а въ нашемъ мірѣ несовершенный образъ, но все-таки образъ высшаго божественнаго міра, бракъ былъ святымъ учрежденіемъ. Различіе въ основномъ воззрѣніи на матерію и на Деміурга не могло не отразиться также и во взглядѣ на Христа, къ ученію котораго гностики хотѣли привязать свои болѣе или менѣе фантастическія системы. Для однихъ возможно было признаніе вочеловѣченія Христа, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени. Говоримъ до нѣкоторой степени, потому что многіе отдѣляли Христа небеснаго отъ Христа земнаго, такъ что послѣдній служилъ какъ бы органомъ перваго, и признавали временное соединеніе обоихъ въ одномъ лицѣ съ минуты крещенія во Іорданѣ. Другіе, напротивъ, отвергали

всякую возможность вочеловѣченія и утверждали, что божество не можетъ соединиться съ недостойною и враждебною матеріей. По ихъ понятіямъ, вочеловѣченіе было только кажущееся; божество явилось не во плоти, а лишь въ плотскомъ, тѣлесномъ видѣніи.

Гностицизмъ былъ системой исключительною и уже поэтому не могъ имѣть всеобщаго значенія. Онъ раздѣлялся на ученіе экзотерическое, доступное для всѣхъ, и эзотерическое, открытое только для посвященныхъ. Онъ не признавалъ, сверхъ того, и самаго единства человѣчества, возможности спасенія, искупленія для всѣхъ. Для значительнѣйшей части его послѣдователей люди распадались на три класса различной природы и предназначенія. Вотъ эти классы. 1) Натуры духовныя, избранныя, предназначенныя для вѣчнаго спасенія. 2) Натуры душевныя, съ болѣе сильною примѣсью матеріи, которыя почти одинаково способны и къ добру и къ злу, къ вѣчному спасенію и соединенію съ божествомъ также, какъ и къ вѣчной гибели. 3) Натуры тѣлесныя, матеріальныя, вполнѣ преданныя матеріи, доступныя только низкимъ животнымъ побужденіямъ и страстямъ. Подобно людямъ классифицируются и вѣрованія. Первому классу соотвѣтствуетъ гностицизмъ или истинное христіанство, какъ называютъ свое ученіе гностики; второму — іудейство; третьему—язычество. Гностики вовсе не признавали возможности человѣческой свободы; язычника, принявшаго ихъ ученіе, они не считали способнымъ къ спасенію; по ихъ основному убѣжденію, человѣкъ не можетъ измѣнить своей природы, люди родятся гностиками, Іудеями или язычниками, а не сами дѣлаются тѣми или другими. Какъ натуры духовныя самымъ рожденіемъ предназначены къ достиженію совершенства, къ принятію высшей мудрости (гнозы), и онѣ уже по самой своей природѣ не могутъ пасть или совратиться; такъ для людей тѣлесныхъ, матеріальныхъ нѣтъ ни

малѣйшей возможности къ возвышенію или очищенію. Только для первыхъ существуетъ нѣкоторая свобода выбора, возможность того или другаго пути, но и то не полная. Этимъ фанатизмомъ, этимъ раздѣленіемъ человѣчества какъ бы на три особенныя породы, объясняется гордость и исключительность гностиковъ, ихъ презрѣніе къ толпѣ, не призванной, по самой ея природѣ, къ усовершенствованію и спасенію. Этимъ же объясняется и ихъ равнодушіе къ подвигамъ практической и даже внутренней жизни, потому что никакіе подвиги не могутъ возвысить тѣлеснаго, плотскаго человѣка также, какъ ничто не увлечетъ къ паденію натуру избранную, духовную, подобную золоту, къ которому не пристанетъ никакая грязь. По самой сущности своей, гностицизмъ долженъ былъ оставаться достояніемъ немногихъ и никогда не могъ имѣть значенія народной религіи. Онъ не могъ даже образовать изъ себя единаго ученія. Кромѣ рѣзкаго различія въ немъ двухъ основныхъ направленій, каждое изъ этихъ направленій дробилось еще на безчисленные толки и школы. Его знаменитый противникъ, Тертулліанъ, правъ до нѣкоторой степени, утверждая, что собственно нельзя сказать, чтобы было разъединеніе между гностиками, ибо для этого нужно допустить какое-нибудь первоначальное единство, извѣстную опредѣленность въ ученіи и организаціи, тогда какъ раздѣленіе, отсутствіе точности и прочности лежали въ самой природѣ этихъ сектъ. Новыя школы возникаютъ безпрестанно. За Симономъ Волхвомъ слѣдуютъ Церинтъ и Николай, упоминаемые въ Апокалипсисѣ; въ Сиріи—Сатурнинъ и Бардезанъ; въ Малой Азіи—Цердонъ и Маркіонъ; въ Египтѣ—Базилидъ, Валентинъ, офиты, сефиты, каиниты, Карпократъ, и т. д. Каждая школа распадалась, сверхъ того, на безчисленныя подраздѣленія, часто далеко уклонявшіяся отъ основныхъ воззрѣній. Трудно опредѣлить взаимныя отношенія и происхожденіе этихъ

различныхъ школъ. Для насъ достаточно замѣтить, что если почти всѣ онѣ стараются примкнуть къ христіанству, какъ его тайное, эсотерическое ученіе, то совершенно безуспѣшно. Съ перваго взгляда ясно, какъ много вносили онѣ элементовъ, несовмѣстныхъ съ христіанствомъ, и какъ правы были Отцы нашей церкви, которые, начиная съ самихъ апостоловъ, постоянно отвергали ихъ, подобно тому какъ ап. Петръ отвергъ дары перваго изъ ихъ учителей, Симона Волхва. Гностицизмъ по своимъ основаніямъ примыкалъ скорѣе къ мистическимъ, теософскимъ ученіямъ, возникавшимъ во время упадка народныхъ языческихъ вѣрованій, которыя они старались слить съ преданіями іудейства или съ нѣкоторыми положеніями христіанской религіи.

Послѣднею попыткой создать религіозно-философскую систему, которая одинаково могла бы удовлетворить и запросамъ пытливой мысли человѣка, и требованіямъ религіознаго чувства, былъ неоплатонизмъ, возникшій въ школахъ египетской Александріи и нашедшій себѣ многочисленныхъ послѣдователей въ другихъ центрахъ греко-римской образованности, въ Римѣ, Аѳинахъ, въ городахъ Азіи. На неоплатонизмѣ видны родовыя характеристическія черты всѣхъ болѣе или менѣе мистическихъ ученій, зарождавшихся въ описываемую эпоху. Точно также онъ возникъ изъ взаимодѣйствія самыхъ разнородныхъ началъ, хотя въ немъ и преобладало вліяніе философіи Платона. Точно также онъ хотѣлъ согласить противоположныя воззрѣнія и горделиво стремился путемъ мысли и созерцанія разгадать великія тайны творенія. Наконецъ, онъ вызванъ былъ тѣми же причинами. Неоплатонизмъ искалъ примиренія народныхъ вѣрованій и философскихъ системъ Греціи съ преданіями Востока, принимая многое изъ ученія, по происхожденію и сущности несовмѣстимаго ни съ политеизмомъ, ни съ пантеизмомъ древняго міра. Не имѣя смѣлости, силы отречься отъ

язычества, онъ, начавъ, повидимому, съ полнаго отрицанія народныхъ вѣрованій, дошелъ до ихъ упорной защиты, хотя и понимая ихъ по своему, придавая имъ смыслъ, котораго они никогда не имѣли. Между первоначальнымъ и послѣдующимъ развитіемъ неоплатонизма огромное различіе. Укажемъ только на самые главные пункты первоначальной системы неоплатониковъ.

Божество является у нихъ прежде всего Единымъ, т. е. безконечнымъ, непостижимымъ, безусловно простымъ существомъ, словомъ—субстанціей. Изъ Единаго, котораго человѣкъ знать не можетъ, происходитъ другая, также божественная сущность Умъ (Nus), заключающая въ себѣ первообразы (типы, идеи) всѣхъ существъ, всего сотвореннаго. Какъ Умъ происходитъ отъ Единаго, точно свѣтъ отъ солнца, такъ отъ Ума происходитъ Душа міра, служащая переходомъ отъ умственнаго и идеальнаго къ вещественному. Душа есть какъ бы тотъ же Умъ, но не въ самомъ себѣ, а въ проявленіи. Единое, Умъ и Душа, раздѣльные и въ тоже время слитые, составляютъ полноту бытія мысли и жизни. Душа является творцомъ міра, Деміургомъ. Зло есть удаленіе отъ добра, и потому, чѣмъ дальше отходятъ различныя степени бытія отъ первоначальнаго божественнаго источника, который есть верховное благо, тѣмъ онѣ несовершеннѣе, тѣмъ болѣе доступны злу. Матерія—самая низшая ступень, и оттого зло присуще ей. Отрѣшаясь отъ нея, человѣкъ возвышается надъ нею, приближается къ божеству. Неоплатонизмъ началъ вырабатываться въ болѣе или менѣе стройную и опредѣленную систему не ранѣе конца II вѣка, но особенно со второй половины III вѣка по Р. Х. Въ числѣ первыхъ учителей, положившихъ ему основаніе, является Аммоній Сакка (ок. 193 года), происходившій отъ христіанскихъ родителей и воспитанный въ христіанствѣ, слѣды котораго видны и на его ученіи. Такъ какъ

неоплатонизмъ развился уже въ эпоху распространенія христіанскихъ вѣрованій, то онъ принялъ участіе въ послѣдней борьбѣ язычества съ Божественнымъ ученіемъ, защищая уже отжившія и утратившія свое значеніе вѣрованія Греціи и Рима. Поэтому-то мы внимательнѣе разсмотримъ его, когда будемъ говорить о послѣднихъ попыткахъ возстановить язычество.

Мы окончили разсмотрѣніе религіознаго состоянія древняго міра около времени появленія новой, Божественной религіи. Но прежде, чѣмъ перейти къ христіанству, припомнимъ главные выводы, разбросанные въ предшествовавшемъ изложеніи.

Языческія вѣрованія древняго міра исходятъ изъ обоготворенія силъ природы; съ другой стороны, всѣ они отличаются болѣе или менѣе исключительнымъ, мѣстнымъ и народнымъ характеромъ. Изъ соединенія отдѣльныхъ, частныхъ культовъ слагались вѣрованія цѣлыхъ народностей, и образованіе народныхъ вѣрованій шло рука объ руку съ сліяніемъ племенъ въ народныя массы. Отъ этой исключительности язычество не могло освободиться точно также, какъ и отъ преклоненія предъ силами природы. Этимъ характеромъ условливалось и его паденіе. Прежде всего, каждый успѣхъ науки и знанія долженъ былъ разрушительно дѣйствовать на вѣрованія. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ проникалъ въ смыслъ явленій природы, знакомился съ ихъ естественными причинами, физическія силы по необходимости должны были утрачивать свое божественное значеніе. Съ каждымъ успѣхомъ естествовѣдѣнія человѣкъ освобождался отъ религіознаго трепета передъ явленіями пророды, казавшимися ему прежде демоническими силами. Философія стала во враждебныя отношенія къ народнымъ вѣрованіямъ, основаннымъ на обоготвореніи силъ природы, что̀ привело, наконецъ, къ полному отрицанію послѣднихъ. Народные миѳы подвергались одинъ за другимъ строгому пересмотру и большею частію были отвергнуты, какъ произведенія

народной фантазіи, какъ вымыслы, недостойные и божества и человѣка. Въ борьбѣ съ народными вѣрованіями, неудовлетворявшими требованіямъ мысли и современному состоянію знаній, философія даже зашла слишкомъ далеко. Недовольствуясь отрицаніемъ тѣхъ божествъ, предъ которыми преклонялись народныя массы, она усомнилась въ существованіи самого Божества, или дошла до полнаго отрицанія этого существованія, или, наконецъ, отвергая божества народнаго культа, признала божествомъ совокупность всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ. Къ какимъ бы результатамъ ни приходила въ своихъ изслѣдованіяхъ та или другая философская школа, они были одинаково несовмѣстимы съ народными вѣрованіями, и всѣ тѣ, для кого доступно было философское мышленіе, становились въ большей или меньшей степени противниками народныхъ вѣрованій Въ этомъ смыслѣ справедливо было мнѣніе тѣхъ, которые считали вѣру въ боговъ несогласимою съ философскими занятіями. Если философія иногда и признавала необходимость сохраненія народнаго культа, то не потому, чтобы видѣла въ народныхъ вѣрованіяхъ истину, а для цѣлей политическихъ. Если философы требовали поддержанія и сохраненія народныхъ вѣрованій, то только потому, что они были учрежденіемъ государственнымъ, отмѣнить которое было несовсѣмъ безопасно. Оттого-то Цицеронъ, выводя на позоръ продѣлки римскихъ авгуровъ и гаруспековъ, доказывая невозможность придавать какое-нибудь значеніе предсказаніямъ, въ то же время не только самъ былъ предсѣдателемъ жреческой коллегіи, но и серьёзно упрекалъ знатную римскую молодежь, зачѣмъ она безъ достаточнаго вниманія и усердія занимается изученіемъ авгурской мудрости.

Съ другой стороны, тамъ, куда не проникало вліяніе философской мысли, на ослабленіе народныхъ вѣрованій могущественно дѣйствовала другая причина, сближеніе и смѣшеніе

между собою различныхъ народностей. Уже война и торговля не мало содѣйствовали распространенію въ народныхъ массахъ чуждыхъ вѣрованій, а слѣдовательно ослабленію ихъ собственныхъ. Первое понятіе о чуждыхъ божествахъ вынесено было Римлянами изъ ихъ войнъ съ другими народами. Александрія въ Египтѣ, Остія и другія гавани въ римскихъ владѣніяхъ были первыми пунктами, куда вмѣстѣ съ иноземными товарами проникло и иноземное поклоненіе. По мѣрѣ того, какъ одинъ за другимъ вовлекались народы древняго міра въ общее движеніе исторической жизни, уничтожалась ихъ замкнутость, слабѣла племенная исключительность, происходилъ взаимный обмѣнъ понятій и вѣрованій. Если уже всякое сближеніе между различными народами разрушительно дѣйствовало на народныя вѣрованія, то мы еще болѣе въ правѣ сказать это о соединеніи различныхъ народностей подъ одною властію. Александръ Македонскій выказывалъ полнѣйшее уваженіе къ вѣрованіямъ покоренныхъ народовъ. Оставаясь Грекомъ въ душѣ, онъ не задумался даже приносить жертвы божествамъ, чтимымъ въ Египтѣ и Персіи, и съ благоговѣніемъ вступилъ въ храмъ іерусалимскій, чтобы преклониться передъ невѣдомымъ божествомъ Евреевъ. Менѣе всего думалъ онъ объ искорененіи чуждыхъ вѣрованій, и однакоже его завоеванія подѣйствовали какъ нельзя болѣе разрушительно на народныя вѣрованія племенъ, соединенныхъ въ одно политическое цѣлое его мечомъ. Еще сильнѣе было дѣйствіе римскихъ завоеваній, вопервыхъ потому, что они охватили собою почти все древнее человѣчество, жившее историческою жизнію, во вторыхъ потому, что они соединяли народы, у которыхъ вѣрованія уже утратили свою внутреннюю крѣпость, были ослаблены и развитіемъ знаній и давними сношеніями между собою различныхъ націй. Результатомъ прекращенія политической самостоятельности различныхъ народовъ было

не господство одного какого-нибудь вѣрованія, возвысившагося на счетъ другихъ, а смѣшеніе вѣрованій. Отсюда утрата внутренняго смысла и значенія каждаго изъ послѣднихъ. Слѣдствіемъ совокупнаго дѣйствія этихъ двухъ главныхъ причинъ было то печальное состояніе древняго міра въ религіозномъ отношеніи, съ которымъ познакомились мы въ предшествовавшемъ очеркѣ. Высшіе классы общества, подъ вліяніемъ философскихъ школъ, неутомимо подрывавшихъ народныя вѣрованія въ самомъ ихъ основаніи, дошли или до сомнѣнія въ языческихъ богахъ, или вообще до отрицанія существованія какихъ бы то ни было божественныхъ силъ, или, наконецъ, до признанія божественности природы. Низшіе классы, которыхъ не коснулось отрицательное направленіе философскаго мышленія, также потеряли вѣру въ божества народнаго культа, неразрывно связанныя съ самобытностію самыхъ народовъ, и вдались въ грубыя суевѣрія, въ идолопоклонство, почти въ фетишизмъ.

Но остановиться на этомъ безотрадномъ положеніи общество не могло, пока въ немъ оставались хотя какія-нибудь жизненныя силы. Если массы, задавленныя заботами о матеріальномъ существованіи, погруженныя въ глубокое невѣжество, ибо въ древнемъ мірѣ не было народнаго воспитанія, слабо замѣнявшагося театромъ и народнымъ собраніемъ, могли оставаться при грубыхъ суевѣріяхъ; то лучшая часть общества не довольствовалась однимъ отрицаніемъ, сомнѣніемъ, или полнымъ безвѣріемъ. Каждому сколько-нибудь развитому человѣку прирождены извѣстные вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ направленіе его жизни. Въ сознаніи лучшихъ людей древняго общества они должны были возникать тѣмъ съ большею силой, чѣмъ полнѣе былъ разладъ между печальнымъ состояніемъ политической и общественной жизни и требованіями высшей, духовной стороны человѣческой природы, чѣмъ

съ большимъ чувствомъ скорби и негодованія отвращалась мысль отъ безобразнаго зрѣлища, представляемаго современною дѣйствительностію. И вотъ, возникаетъ множество разнообразныхъ религіозно-философскихъ ученій, проникнутыхъ одинаковымъ стремленіемъ, вызванныхъ одними и тѣми же причинами. Одни изъ этихъ ученій силятся привести къ внутреннему единству все разнообразіе народныхъ вѣрованій, отыскать общій всѣмъ имъ смыслъ, скрытый подъ множествомъ именъ, символовъ, аттрибутовъ, формъ поклоненія. Тутъ божества всевозможныхъ культовъ являлись лишь различными именами одной и той же божественной силы, разлитой въ природѣ. Другія, не довольствуясь ни народными вѣрованіями, ни современными философскими ученіями, съ любовью обращались къ изученію древнѣйшихъ философскихъ системъ Греціи, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которыя проникнуты были идеальнымъ и даже мистическимъ направленіемъ, которыя не были просто философскою системой, но имѣли частію и религіозный характеръ. Такимъ образомъ, вызвана была почти изъ полнаго забвенія система Пиѳагора, выдвинулось на первый планъ идеальное ученіе Платона, на нѣкоторое время заслоненное ново-академиками, стоиками и эпикурейцами. Нѣкоторымъ и этого было мало, и они обращались къ таинственнымъ ученіямъ тѣхъ отдаленныхъ странъ, откуда, по преданіямъ, заимствовалъ Пиѳагоръ основанія своей системы, и которыя не остались также безъ вліянія на мышленіе Платона. Теософскія вѣрованія не только Халдеи и Персіи, но и отдаленной Индіи влекли къ себѣ возбужденное вниманіе, изучались и распространялись въ греко-римскомъ мірѣ. Наконецъ, отъ пытливой мысли, отъ томящагося религіозною жаждою чувства не ушли и преданія священныхъ книгъ избраннаго народа, тѣмъ болѣе, что для сближенія съ іудействомъ приготовлены были судьбою всѣ средства. Еврейскій

народъ многое утратилъ изъ своей прежней исключительности; значительная часть его, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, жила въ стѣнахъ Александріи, гдѣ сталкивались самые противоположные элементы и народности, гдѣ былъ центръ не только всемірной торговли, но и современной образованности. Самыя книги Евреевъ были давно уже переведены на греческій языкъ. Александрійская школа Аристобула и Филона сдѣлала попытку согласить ихъ свидѣтельства съ ученіемъ Платона и послужила могущественнымъ проводникомъ въ греко-римское общество еврейскихъ религіозныхъ преданій, глубокихъ воззрѣній на Божество и, наконецъ, чаянія Искупителя. Въ сознаніи лучшихъ людей древности мы видимъ небывалое дотолѣ движеніе, напряженіе мысли и въ то же время сильную возбужденность религіозной потребности, жажду вѣрованій, для удовлетворенія которой человѣкъ обращался повсюду, гдѣ только мелькала для него надежда обрѣсти внутреннее успокоеніе разрѣшеніемъ мучившихъ его вопросовъ. Ни одно изъ возникавшихъ тогда ученій не могло вполнѣ удовлетворить строгимъ требованіямъ. Это были лишь тревожныя исканія истины путями, которые неминуемо вели къ заблужденію. Это не были ни религіи въ полномъ смыслѣ слова, ни чистыя философскія системы. Ни одно изъ этихъ ученій, наконецъ, не могло имѣть притязаній на всеобщее вліяніе, потому что всѣ они были проникнуты исключительностію.

II.

Среди общаго паденія народныхъ вѣрованій, повинуясь внутреннему голосу, громко протестовавшему противъ безплоднаго скептицизма или безотраднаго безвѣрія, лучшіе люди Запада не разъ обращались мыслію къ Востоку, чтобы тамъ искать

религіознаго обновленія. Большая часть возникавшихъ религіозно-философскихъ системъ своими основаніями коренилась въ таинственныхъ вѣрованіяхъ восточныхъ народовъ. Знакомство съ этими вѣрованіями дало новую силу западной мысли и только имъ можно объяснить послѣдній порывъ философской мысли, который выразился въ возникновеніи неоплатонической школы, въ столь короткое время достигшей блестящихъ результатовъ и такъ быстро потомъ склонившейся къ паденію. На Востокѣ началось первое движеніе мысли древняго человѣчества, первое стремленіе духа освободиться отъ господства внѣшней природы; къ Востоку же обращался древній міръ и въ концѣ своего развитія, чтобы допроситься отвѣта на вопросы, неразрѣшенные вѣковыми усиліями мышленія. И не только Египетъ, Персія, Месопотамія, Сирія влекли къ себѣ людей греко-римскаго образованія, но даже вѣрованія Индіи и Іудеи, почти не принимавшихъ дотолѣ участія въ исторической жизни древности, не остались безъ вліянія на нихъ. По мѣрѣ того,какъ они утрачивали вѣру въ могущество человѣческой мысли, Востокъ, сохранившій до нѣкоторой степени свѣжесть религіознаго чувства и въ то же время не отказывавшійся отъ притязаній на обладаніе высшею мудростію, избѣгшій, повидимому, разлада между вѣрованіемъ и требованіями философскаго мышленія, выдвигался все болѣе и болѣе на первый планъ. Съ другой стороны, владычество Рима окончательно должно было уничтожить то горделивое пренебреженіе, съ которымъ народы Востока любятъ смотрѣть на всѣ племена чуждаго происхожденія и чуждыхъ вѣрованій. Все способствовало общенію, сближенію народностей, обмѣну идей и вѣрованій, и въ то же время все содѣйствовало тому, чтобы вполнѣ показать несостоятельность прежнихъ религіозныхъ убѣжденій. Древній міръ былъ взволнованъ томительною жаждою истины, и въ то же время все было приготовлено къ

быстрому распространенію и принятію этой истины, на какомъ бы концѣ римскаго міра она ни открылась человѣку и кто бы ни былъ ея провозвѣстникомъ. Повсюду распространено было ожиданіе чего-то необыкновеннаго. Мы упоминали уже о той вѣсти, которая взволновала Римъ при Тиберіи, о смерти великаго Пана. Въ этомъ сказаніи какъ бы выразилось сознаніе неизбѣжности паденія язычества. Виргилій въ гармоническихъ стихахъ предсказывалъ наступленіе новаго счастливаго порядка вещей, и христіанская легенда среднихъ вѣковъ причислила языческаго поэта къ ряду людей, пророчествовавшихъ о явленіи міру Божественной истины. Нѣчто подобное видимъ въ намекахъ Сенеки на какое-то новое будущее, не имѣющее ничего общаго съ современною философу дѣйствительностію. Этрускіе гадатели, основываясь на небесныхъ знаменіяхъ, еще прежде, при Силлѣ, предсказывали наступленіе новаго порядка вещей и обновленія міра. Но вовсе и ненужно было смотрѣть на небо, чтобы предузнать приближеніе всеобщаго переворота. Знаменія приближающагося конца древняго міра были видны повсюду: и въ паденіи политическихъ учрежденій, и въ утратѣ вѣрованій, и въ смѣшеніи народностей, и въ разложеніи формъ общественнаго и семейнаго быта.

Изо всѣхъ народовъ, признававшихъ верховную власть римскаго императора, одинъ еврейскій хранилъ крѣпкую вѣру и въ неизбѣжность всеміpнаго переворота, и въ то, что онъ предназначенъ судьбою для обновленія міра. Эту вѣру сберегъ онъ, не смотря на утрату своей политической самостоятельности и на общее презрѣніе и ненависть, съ которыми смотрѣли на него остальные народы. «Отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима» (Исаія) — такова была его вѣра еще за восемь вѣковъ до Р. Х. И не въ одномъ этомъ убѣждены были Евреи. Среди тяжелыхъ испытаній, посылаемыхъ имъ судьбою, они утѣшали себя мыслію, что

обѣщанный Мессія возвыситъ избранный народъ надъ всѣми племенами земли и Іерусалимъ сдѣлается не только главнымъ святилищемъ, но и столицею всего міра. Мало того. Эту вѣру въ появленіе Избавителя, которому должна покориться вселенная, Евреи успѣли даже сообщить другимъ народамъ. Когда Веспасіанъ, начальникъ сирійскихъ легіоновъ, облекся въ императорскій пурпуръ, Тацитъ и Светоній не задумались примѣнить къ нему давнее пророчество еврейскихъ священныхъ книгъ. Сами Евреи ожидали впрочемъ Мессію, какъ царя и завоевателя, мечтали о земномъ царствѣ.

Проповѣдью Евангелія исполнились чаянія Ветхаго Завѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ положено было начало новому порядку вещей, предъ которымъ должны были исчезнуть отжившія формы стараго быта и заблужденія язычества. Христіанство не ограничивалось переворотомъ въ области религіознаго сознанія. Оно было въ то же время переворотомъ соціальнымъ. Проповѣдью Евангелія не только давались человѣку иныя, высшія понятія о Божествѣ и объ отношеніи человѣка къ Божеству; но и опредѣлялись отношенія человѣка къ человѣку. Нравственная сторона Евангельскаго ученія имѣла даже больше вліянія на судьбу человѣчества, нежели сторона метафизическая, собственно богословская. Нравственное ученіе, раскрытое въ Божественной проповѣди, было притомъ совершенно новымъ, было самою рѣзкою противоположностью всѣмъ предшествовавшимъ понятіямъ, какъ язычества, такъ почти столько же и іудейства. Если къ ученію о Божествѣ, проповѣданному христіанствомъ, міръ былъ нѣсколько приготовленъ и священными преданіями еврейскаго народа, и тѣми ученіями, которыя возникали на почвѣ Востока или Греціи, подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ тѣхъ же преданій; то начала христіанской нравственности были совершенно чужды древнему міру, были дѣйствительнымъ Откровеніемъ и въ

то же время упраздненіемъ всего, на чемъ держалось зданіе общественной и частной жизни, какъ Евреевъ, такъ и язычниковъ. Для самыхъ высшихъ умовъ древняго міра была недоступна та высота нравственнаго ученія, которая съ такою полнотою и ясностію раскрылась въ проповѣди Божественнаго учителя. Языческое общество не доросло до понятія о единствѣ человѣческаго рода, которое оно стало смутно предчувствовать только въ послѣднее время. Ему, даже величайшимъ его представителямъ, недоступно было также и понятіе о прогрессѣ, впервые сдѣлавшееся возможнымъ только вслѣдствіе Евангельской проповѣди. Оно не въ силахъ было освободиться отъ большей или меньшей исключительности, на которой строились всѣ его отношенія. Только общій уровень бѣдствій и униженій, одинаково павшихъ на всѣ классы и племена древняго міра временъ имперіи, могъ вызвать въ умахъ нѣкоторыхъ мыслителей, если не сознаніе единства происхожденія и природы всѣхъ людей, то хотя сознаніе печальной участи, общей всѣмъ имъ, и этимъ объясняются тѣ немногія слова грустной симпатіи, съ которыми иногда обращались ко всему человѣчеству лучшіе люди греко-римскаго общества. Идея прогресса не могла родиться въ умахъ общества, котораго основнымъ убѣжденіемъ была постоянная деградація человѣческой природы, постоянное ея искаженіе и неумолимый, неизбѣжный переходъ отъ золотаго вѣка къ вѣку желѣзному.

Все уменьшается, мельчаетъ каждый часъ;
Отцы, которыхъ стыдъ и сравнивать съ дѣдами,
Родили насъ, еще негоднѣйшихъ, а насъ
Еще пустѣйшими помянетъ міръ сынами.

И это убѣжденіе не одного Горація; на тысячу ладовъ оно повторяется почти всѣми греческими и римскими писателями. Немногимъ изъ нихъ казалось еще возможнымъ вѣчное круговращеніе человѣчества, вѣчное повтореніе одного и

того же процесса развитія, возможность возврата къ его исходной точкѣ, чтобы, начиная съ нея, перейти снова все тѣ же ступени. Нѣкоторые допускали міровые періоды, повторяющіеся одинъ за другимъ въ вѣчномъ однообразіи. «Звѣзды, говорили эти мыслители, станутъ нѣкогда въ то же самое положеніе относительно одна другой, какъ были онѣ во время Сократа. Тотъ же Сократъ возвратится въ міръ и совершитъ тѣ же самые подвиги, о которыхъ мы знаемъ изъ исторіи; онъ подвергнется тѣмъ же обвиненіямъ со стороны Анита и Мелита и будетъ осужденъ тѣми же самыми судьями. Платонъ будетъ вновь проповѣдывать то же самое ученіе, въ той же аѳинской школѣ, которую называютъ Академіей, и тѣмъ же самымъ слушателямъ, какъ уже проповѣдывалъ онъ безконечное число разъ въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ, предшествовавшихъ нашему времени». Эта мысль о вѣчномъ круговращеніи вселенной, о вѣчномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же явленій еще безотраднѣе, чѣмъ простое убѣжденіе въ постоянномъ, послѣдовательномъ искаженіи человѣческой природы. И чтобы могла возникнуть идея прогресса, потребовался цѣлый переворотъ и умственный и соціальный.

Говоря объ историческомъ значеніи христіанства, мы будемъ имѣть въ виду преимущественно нравственное и соціальное вліяніе Божественнаго ученія. Касательно же измѣненія, произведеннаго имъ въ области метафизической, мы ограничимся немногими указаніями, и здѣсь останавливаясь особенно на практическихъ слѣдствіяхъ этого измѣненія, поскольку они отразились на судьбахъ новыхъ народовъ.

Догма христіанской религіи вырабатывалась цѣлыми вѣками, хотя всѣ ея главныя положенія уже заключаются въ словахъ самого Божественнаго Основателя или въ проповѣди Его апостоловъ. Нравственная сторона христіанскаго ученія раскрылась во всей своей полнотѣ и ясности въ первыхъ словахъ

Искупителя, и вѣковая работа мысли не могла ничего прибавить для ея развитія и уясненія: христіанской церкви оставалось только приложить къ дѣйствительности начала, съ такою опредѣленностію высказанныя въ минуту самаго зарожденія новаго вѣроученія. Окончательному опредѣленію и установленію догмы предшествовала постоянная борьба съ чуждыми элементами, вносимыми въ христіанство людьми, воспитанными на понятіяхъ греко-римской или восточной философіи, съ заблужденіями, возникавшими изъ ложнаго пониманія или толкованія словъ Спасителя или Его учениковъ, изъ желанія проникнуть мыслію въ недоступную для мысли тайну Божества, облекшагося плотію для спасенія человѣчества. Потребовался цѣлый рядъ вселенскихъ соборовъ, чтобы изложить высокое ученіе христіанства съ окончательною полнотою и ясностію, чтобы отстранить недоразумѣніе, и безспорно исторія постепеннаго раскрытія христіанской мысли въ борьбѣ съ безчисленными заблужденіями имѣетъ высокій интересъ даже для мыслителя, хотя бы и вышедшаго изъ круга христіанскихъ воззрѣній, хотя бы смотрѣвшаго на развитіе христіанской догмы, только какъ на развитіе всякой философской системы. До нѣкоторой степени все движеніе человѣческой мысли въ первыя столѣтія, слѣдовавшія за провозглашеніемъ Благовѣстія, сосредоточивалось въ развитіи и раскрытіи догматовъ христіанства или по крайней мѣрѣ примыкало сюда. Христіанская мысль не осталась безъ вліянія даже на умы ожесточенныхъ противниковъ христіанства, и намъ не разъ придется указать на это любопытное явленіе, на враговъ христіанства, безсознательно принявшихъ многое изъ ненавистнаго имъ ученія. Было бы совершенно излишне доказывать, что христіанская догма всегда оставалась вѣрна началамъ и духу Божественнаго Основателя, не мыслимымъ въ языческомъ мірѣ. Самое высшее понятіе о божествѣ, до котораго могъ дойти этотъ

міръ, заключалось въ признаніи единаго, безконечнаго, всесовершеннаго и всемогущаго бытія. Но божество, постигаемое разумомъ, является только какъ нѣчто отвлеченное. Понятіе о божествѣ, какъ объ единой, безконечной сущности, можетъ удовлетворить запросамъ мысли, но не удовлетворитъ требованіямъ сердца и души человѣка. Божество, открываемое разумомъ, находится на недоступной высотѣ, куда не можетъ достигать даже слабый отголосокъ страданій и бѣдствій человѣческаго міра. Между божествомъ, открываемымъ разумомъ, и видимымъ, конечнымъ міромъ нѣтъ ничего общаго. Человѣкъ не можетъ обращаться къ нему ни съ надеждою, ни съ любовью; его мольбы не смягчатъ божественнаго правосудія. Божество разума безучастно и невозмутимо уже по самому совершенству своей природы. Человѣкъ теряется въ сознаніи своего безсилія и ничтожества, и одно отвлеченное понятіе о божествѣ не даетъ ему силъ для борьбы съ жизнію и съ самимъ собою. Философское понятіе о божествѣ могло удовлетворить весьма немногихъ, и оттого рядомъ съ стремленіемъ мысли вознестись до познанія божественной сущности, мы видимъ другое, исходящее также изъ законныхъ требованій человѣческой природы, стремленіе приблизить къ себѣ божество, свести его, такъ сказать, съ недоступныхъ высотъ, сдѣлать участникомъ человѣческихъ радостей и страданій, дать возможность человѣку любить его и обращаться къ нему съ благодарностью. Боги политеизма, если не могли отвѣчать строгимъ требованіямъ разума, зато были доступны человѣку, зато ихъ близость къ себѣ чувствовалъ язычникъ на каждомъ шагу. Они теряли свое божественное совершенство; на нихъ переносило воображеніе свойства человѣческой природы, представляя ихъ въ чувственномъ образѣ, давая имъ индивидуальность, болѣе или менѣе рѣзко очерченную. Близость божества къ человѣку выражалась во множествѣ

миѳовъ, по которымъ божество не разъ вступало въ кровный союзъ съ человѣкомъ, производившій полубоговъ и героевъ. Божество унижалось, представлялось недостойнымъ образомъ; но эта мысль о близости къ человѣку божества, о его непосредственномъ участіи въ судьбахъ человѣка имѣла обаятельную, неотразимую силу. Отвѣчая потребности чувства, политеизмъ владѣлъ огромною силою притяженія. Оттого еврейскому народу такъ трудно было оставаться при возвышенномъ понятіи о божествѣ, слишкомъ отвлеченномъ, слишкомъ неумолимомъ, строгомъ даже для избраннаго народа. «Сотвори намъ боговъ, которые бы шли передъ нами», говорятъ Евреи Аарону и часто поддаются соблазну идолослуженія и политеизма. Дохристіанское человѣчество безпрестанно колебалось между двумя противоположными стремленіями, одинаково вытекавшими изъ потребностей человѣческой природы. Съ одной стороны, оно хотѣло познать божество, что̀ приводило къ логическому, отвлеченному понятію о божествѣ; съ другой— приблизить его къ себѣ, любить его, что̀ приводило неминуемо къ представленію божества въ чувственномъ образѣ, къ политеизму. Философія и народныя вѣрованія были въ несогласимомъ разладѣ между собою, въ противорѣчіи, разрѣшеніе котораго было не по силамъ древняго человѣчества. Напрасно пытались нѣкоторые, сохраняя возвышенное понятіе о божествѣ, открываемое мыслію, въ тоже время приблизить его къ человѣку. Плодомъ этихъ попытокъ были тѣ ученія, по которымъ между божествомъ и человѣкомъ являлся рядъ посредствующихъ существъ, связующихъ міръ преходящихъ явленій съ верховною, единою и безконечною сущностію. Въ этихъ попыткахъ мысль древняго человѣчества достигла высшаго своего напряженія, но неудовлетворяла вполнѣ ни требованіямъ чистаго разума, ни требованіямъ сердца и чувства. Только въ христіанствѣ открылось истинное соединеніе

Божества съ человѣчествомъ. Идея Божества ничего не утратила изъ своего величія, но Божество стало близко человѣку. Оно стало человѣкомъ, не измѣнивъ своей Божественной природы. Двойственностію природы Христа-Богочеловѣка разрушена была преграда, отдѣлявшая человѣчество отъ Божества, и политеизмъ былъ подорванъ въ самомъ своемъ основаніи, потерялъ смыслъ своего существованія. Какое художественное представленіе Божества въ человѣческомъ образѣ можетъ сравниться съ Божествомъ, которое само стало человѣкомъ? Толпы народа, стекавшагося слушать Божественную проповѣдь, созерцали Божество, воспринявшее на себя плоть и кровь человѣка. Божество жило, страдало и умерло среди людей. Христосъ былъ человѣкомъ по плоти, по чувству, по слезамъ и страданіямъ, и наконецъ по смерти, которою завершилось дѣло искупленія. «Осяжите меня и разсмотрите, говорилъ Онъ ученикамъ своимъ, ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видите у меня». Рука невѣрующаго ученика осязаетъ самую рану, нанесенную копіемъ. Но Христосъ человѣкъ не перестаетъ быть Богомъ по полнотѣ Божественной силы и благости, по чудесамъ и воскресенію. «Видѣвшій меня, говорилъ Онъ, видѣлъ Отца. Я во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ. Я и Отецъ одно». Тайна соединенія Божества съ человѣчествомъ недоступна человѣческому разуму, но для слышавшихъ Божественную проповѣдь не было нужды въ отвлеченныхъ, холодныхъ доказательствахъ мышленія. Чудеса говорили сильнѣе, дѣйствовали несравненно неотразимѣе, и если молчала мысль, при видѣ всего совершающагося, зато громко говорили вѣра и чувство. Но и самая мысль вѣрующихъ не долго оставалась безмолвною. Уже въ писаніяхъ любимаго ученика Христова она достигла въ раскрытіи тайны вочеловѣченія до высоты, какой рѣдко достигала мысль дохристіанскихъ теософовъ.

Еврейскій народъ жилъ чаяніемъ пришествія царя избавителя, и царство, основанное Іисусомъ Христомъ, скоро обняло всѣ историческіе народы древняго міра, чтобы впослѣдствіи распространить свои предѣлы еще несравненно далѣе. Краснорѣчивый истолкователь таинственныхъ путей Провидѣнія, епископъ Гиппоны Августинъ, въ немногихъ словахъ выражаетъ противоположность между христіанскимъ и языческимъ мірами. «Два рода любви создали два града. Любовь къ себѣ, доведенная до пренебреженія Богомъ, создала градъ земной; любовь къ Богу, доведенная до пренебреженія собою, создала градъ Господень». Эгоистическое, холодное право и самоотверженіе, всепрощающая любовь были тѣми основами, на которыхъ строились общества этихъ двухъ міровъ. Любовь—не только краеугольный камень христіанской нравственности, но и христіанскаго вѣроученія. «Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, а Богъ въ немъ»—такова была добрая вѣсть, открытая міру Евангельскою проповѣдью. Изъ любви къ падшему человѣчеству Божество снизошло на землю и вмѣстѣ съ плотію восприняло на себя всю тяжесть человѣческихъ страданій. Люби Бога и люби ближняго — таковы двѣ заповѣди, неразрывно связанныя одна съ другою, исполненіемъ которыхъ достигается вѣчное спасеніе. «Любящій другаго исполнилъ законъ... Любовь есть исполненіе закона». «Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ, ибо не любящій брата своего какъ можетъ любить Бога?.... Любовь отъ Бога и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь» (1 посл. Іоанна). Вся земная жизнь Искупителя была подвигомъ любви.

Общество, основанное на началѣ любви, очевидно не могло имѣть ничего общаго съ обществомъ, основаннымъ на началѣ

права, и христіанство было полнымъ отрицаніемъ не только прежнихъ вѣрованій, но и прежняго быта. Христіанство признаетъ единство человѣчества и не знаетъ племенной исключительности, на которой строилась вся жизнь древняго общества, въ томъ числѣ и еврейскаго. «Говорю вамъ, возвѣщалъ Спаситель, что многіе придутъ съ востока и запада и возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствіи небесномъ, а силы царства извержены будутъ въ тьму внѣшнюю.... Идите и научите всѣ народы.... Да будетъ едино стадо и единъ пастырь». «Неужели Богъ есть Богъ только Іудеевъ, а не и язычниковъ? Конечно, и язычниковъ» (Къ Римл.). Вмѣстѣ съ единствомъ рода человѣческаго христіанство проповѣдуетъ равенство, свободу. Въ царствѣ Христовѣ «нѣтъ уже Іудея ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго; нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго: ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ» (Къ Гал.). Тамъ «нѣтъ ни Эллина, ни Іудея; ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, Скиѳа, раба, свободнаго; но все и во всемъ Христосъ» (Къ Колосс.). Естественнымъ слѣдствіемъ приложенія началъ, проповѣданныхъ христіанствомъ, было уничтоженіе общественныхъ несправедливостей, возвышеніе всего страждущаго и подавленнаго. Оттого-то, хотя царство, основанное Христомъ, и было не отъ міра сего, хотя проповѣдники Евангелія отнюдь не являлись политическими реформаторами, мечтавшими перестроить по своему государственный и общественный бытъ, тѣмъ не менѣе христіанство произвело своимъ появленіемъ громадный соціальный переворотъ. Оно признало законныя права женщины, не признанныя языческою древностію; измѣнило отношенія дѣтей къ родителямъ; освободило раба, считавшагося въ древности существомъ низшей породы; возвысило трудъ; возвратило бѣдному его достоинство и сдѣлало его предметомъ заботливости, а не презрѣнія; наконецъ, уничтожило горделивую надменность книжниковъ

и мудрыхъ міра сего, презиравшихъ и отвергавшихъ нищихъ духомъ. Христіанство не ограничилось однимъ признаніемъ правъ поруганныхъ или непризнанныхъ древностію: это было бы только дѣломъ справедливости, а не любви. Оно, сверхъ того, возвысило все слабое и беззащитное надъ сильнымъ и крѣпкимъ, и въ этомъ его различіе отъ Ветхаго Завѣта, предписывающаго воздавать каждому должное, но только должное. Достаточно указать на проповѣдь на горѣ (Матѳ. V), чтобы понять все различіе ученія любви отъ ученія строгаго права.

Чтобы понять всю великость общественнаго переворота, произведеннаго христіанствомъ, нужно разсмотрѣть различныя стороны общественной жизни, сравнивая взглядъ и пониманіе древняго и новаго міровъ.

Говоря о вліяніи христіанства на измѣненіе соціальныхъ отношеній, господствовавшихъ въ древнемъ мірѣ, мы не должны упускать изъ виду самаго характера этого вліянія. Тотъ сильно ошибется, кто будетъ представлять себѣ христіанъ соціальными реформаторами, стремящимися къ быстрому и всеобщему измѣненію существующихъ отношеній, а тѣмъ более соціальными агитаторами. Противоположность между языческимъ и христіанскимъ обществомъ была слишкомъ очевидна и существенна, чтобы не обнаруживаться на каждомъ шагу, и блаженный Августинъ имѣлъ полное право сказать, что христіане составляютъ какъ бы особую республику среди языческаго общества. Но христіане не возставали противъ существующихъ учрежденій, не поднимали знамя сопротивленія даже среди самыхъ ожесточенныхъ преслѣдованій. Въ политическомъ отношеніи они никогда не стремились образовать изъ себя государство въ государствѣ. «Христіане, говоритъ одинъ церковный писатель II вѣка, не отличаются отъ другихъ народовъ ни языкомъ, ни одеждою, ни обычаями. Они не

заключаются въ особыхъ городахъ. Они остаются среди Грековъ и варваровъ, между которыми родились. Но, не отличаясь ничѣмъ внѣшнимъ отъ язычниковъ, онѣ живутъ однакоже совершенно иначе». Христіане проповѣдывали покорность существующимъ властямъ. Въ исторіи безчисленнаго множества возмущеній, возникавшихъ во времена имперіи, часто подъ самыми ничтожными предлогами, нѣтъ ни одного, поднятаго христіанами для избавленія отъ безпрестаннаго и тяжелаго угнетенія. Никто изъ подданныхъ римскаго императора не отбывалъ такъ усердно государственныхъ повинностей, какъ христіане; никто не оказывалъ такого полнаго уваженія къ властямъ. Когда христіанская община, въ самый разгаръ преслѣдованія, собиралась въ какомъ-нибудь тайномъ убѣжищѣ для совершенія божественной службы, молитва за императора, за успѣхи его оружія, за долгое и спокойное его царствованіе произносилась постоянно, не смотря на казни и мученія, которымъ подвергали христіанъ по волѣ и во имя римскаго властителя. Чѣмъ же объяснить это ожесточенное гоненіе на христіанство, совершавшееся изъ цѣлей чисто политическихъ, не во имя религіозной нетерпимости и фанатизма, которые могли существовать въ народныхъ массахъ, особенно на Востокѣ, но которыхъ положительно не было въ характерѣ римскаго правительства? До какой степени основательно мнѣніе тѣхъ писателей, которые видятъ въ распространеніи христіанства одну изъ причинъ паденія римской имперіи? Если римское правительство только относительно христіанъ отступило отъ своей обычной терпимости и индеферентизма въ религіи, то была ли это простая случайность? И почему въ числѣ гонителей императоровъ мы находимъ не только Нероновъ и Домиціановъ, но людей замѣчательныхъ въ государственномъ отношеніи и высоко стоящихъ по чистотѣ своихъ нравственныхъ убѣжденій?

Дѣло въ томъ, что, даже отказываясь отъ притязаній перестроить государство и общество по своимъ началамъ, христіанство, по самой своей сущности, было глубоко враждебно языческому обществу и государству, все болѣе и болѣе овладѣвая совѣстію отдѣльныхъ лицъ. «Христіане торжествуютъ надъ существующими законами своею жизнію, говоритъ одинъ изъ ихъ защитниковъ: они живутъ на землѣ, какъ граждане небеснаго царства.» Государства древняго міра отличались, съ одной стороны, исключительностію, съ другой—принесеніемъ личности имъ въ жертву. Мы уже указывали на государственный характеръ древнихъ религій и въ особенности римской. Христіанство, по самой своей природѣ, отрицало всякую исключительность. Для Грека и Римлянина варваръ, то есть всякій, кто не былъ Грекомъ или Римляниномъ, былъ существомъ низшей породы. Величайшіе умы Греціи не могли вполнѣ освободиться отъ этого односторонняго и узкаго воззрѣнія. Варвары созданы для того, чтобы быть покоренными и доставлять рабовъ для свободныхъ республикъ Греціи. Въ Римѣ господствуютъ тѣже понятія. По закону 12 таблицъ, чужестранецъ—существо безправное (adversus hostem aeterna auctoritas), точно то же, что врагъ. Лишь особымъ договоромъ давались ему какія-нибудь законныя гарантіи, но и тогда онъ не становился наряду съ Римляниномъ. Его доля быть покореннымъ Римомъ, и по мнѣнію Цицерона, тотъ, кто не гражданинъ Рима, не можетъ и претендовать на одинаковое уваженіе къ себѣ. Даже народы, заключавшіе дружественные договоры съ Римомъ, не пользовались тѣми гражданскими правами собственности, семейнаго права и т. п., которыя составляли неотъемлемую принадлежность каждаго гражданина. Только впослѣдствіи смягчилась эта суровость первоначальнаго закона. Что же касается до иностранцевъ, принадлежавшихъ къ племенамъ, не оградившимъ себя особыми договорами съ Римомъ, они стояли внѣ закона и права.

іская гордость считала преступленіемъ, если варваръ приалъ римское имя и осмѣливался облечься въ римскую тоЗато и Римлянинъ, промѣнявшій тогу на чуждую оде-', подвергался не только нареканію, но и обвиненію. э Цицеронъ принужденъ былъ оправдывать Постума тивъ обвиненія въ томъ, что онъ, въ бытность свою Александріи, носилъ греческій плащъ. Презрѣніе къ варамъ сохранилось въ Римѣ даже въ ту пору, когда римской ви почти не оставалось уже въ людяхъ, носившихъ титулъ скихъ гражданъ, когда варвары втѣснились со всѣхъ стоъ въ имперію, занимали всѣ высшія военныя и граждані должности и почти одни еще поддерживали номинальное цествованіе римскаго государства. Валентиніанъ запретилъ брачные союзы съ варварами и объявилъ ихъ уголовнымъ ступленіемъ. Переполненная варварами и только ихъ силаподдерживаемая Римская имперія, даже въ послѣднюю посвоего жалкаго состоянія, не хотѣла отречься отъ презриьнаго воззрѣнія на варваровъ. Не таковъ былъ взглядъ хриінскаго общества. Если въ началѣ и было нѣкоторое колеіе относительно проповѣди Евангелія язычникамъ, то оно часъ же было уничтожено и апостолы разнесли повсюду ое ученіе. Племенныя различія и тѣмъ болѣе племенная лючительность не существовали для христіанства, не знаво ни варвара, ни Грека. Напротивъ, народы варварскіе, то ь ушедшіе отъ вліянія греко-римской цивилизаціи, въ глаъ христіанскихъ проповѣдниковъ имѣли нѣкоторое преимуство предъ Греками и Римлянами. Варвары легче покоряь проповѣди Евангелія, они сохранили первобытную чистои простоту нравовъ. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть съ ужаъ и отвращеніемъ на постоянное усиліе варваровъ на граціахъ имперіи, на втѣсненіе варваровъ внутрь имперіи, хриянство, напротивъ, смотрѣло на нихъ, какъ на орудіе въ

30*

рукахъ Провидѣнія, какъ на матеріалъ для созданія иного лучшаго будущаго. Христіанское общество не приходило въ отчаяніе при мысли о возможности паденія Римскаго государства, и славныя преданія вѣчнаго города ничего не говорили ихъ сердцу и воображенію. Вмѣсто того, чтобы отвращаться отъ варваровъ, христіанство шло къ нимъ на встрѣчу, покоряя ихъ Евангельской проповѣди. Въ послѣднее время римской имперіи христіанство, въ лицѣ замѣчательнѣйшихъ своихъ представителей, громко провозгласило нравственное превосходство варваровъ предъ недостойными потомками древнихъ Римлянъ. И замѣчательно, что этому признанію не помѣшало ни то, что варвары, грабившіе Римскую имперію, были или язычники, или,—что̀ было еще хуже въ глазахъ христіанской церкви,—еретики; ни то, что Римляне были христіане, и притомъ православнаго исповѣданія.

Еще рѣзче была противоположность христіанскихъ воззрѣній на государство съ воззрѣніями языческаго общества. Христіане были преисполнены уваженія къ существующей власти и законамъ, но отрицали у государства право поглотить въ себѣ человѣческую личность. Они не могли потерпѣть вмѣшательства государства въ дѣла совѣсти. Словами Спасителя: «воздайте Божіе Богу, а кесарево кесарю» совершилось это отдѣленіе государственной сферы отъ области личныхъ убѣжденій и вѣрованій, что̀ подорвало въ самомъ основаніи всю древнюю теорію государства. Тѣмъ менѣе могли признать христіане божественность особы императора. Они отказывались отъ воздаянія императору божескихъ почестей, не хотѣли клясться его геніемъ, не хотѣли преклоняться и приносить жертвы предъ его изображеніемъ, и въ этихъ случаяхъ ничто не могло сломить ихъ упорнаго сопротивленія. Когда св. Поликарпъ, современникъ и ученикъ апостоловъ, былъ подвергнутъ истязаніямъ на 100-мъ году своей жизни и

проконсулъ, тронутый его старостію, требовалъ только, чтобы онъ поклялся геніемъ Цезаря, Поликарпъ отказался отъ этого, объявивъ въ то же время полную готовность исполнять всѣ предписанія императора не противныя совѣсти: «ибо мы привыкли, сказалъ онъ, чтить власти, поставленныя отъ Бога». Чтобы избѣжать поклоненія изображеніямъ императора, чтобы не произносить оффиціальныхъ формулъ, неизбѣжныхъ при отправленіи государственныхъ должностей, христіане, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка нашей эры, упорно отказывались отъ занятія этихъ должностей, и Гиббонъ, вообще враждебно настроенный противъ христіанства, очень ошибается, когда объясняетъ это преступнымъ равнодушіемъ христіанъ къ общественному благосостоянію. Не равнодушіе, а невозможность согласить требованія совѣсти съ требованіемъ установленныхъ формъ и учрежденій вынуждала подобное уклоненіе со стороны христіанъ. Впослѣдствіи, когда сдѣлалось возможнымъ занимать должности, не принося жертвы предъ статуей императора, христіане во множествѣ явились на всѣхъ ступеняхъ государственной службы. Это непріязненное воззрѣніе на государственную власть Рима ясно высказалось уже въ самую раннюю пору христіанской церкви. Христіане не отказывали въ повиновеніи языческому закону, но старались, если возможно, не имѣть съ нимъ дѣла. «Какъ у васъ осмѣливаются, пишетъ ап. Павелъ къ Коринѳянамъ, имѣя дѣло съ другимъ, судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ?... Къ стыду вашему говорю: неужели нѣтъ между вами ни одного умнаго, который бы могъ разсудить между братіями своими?» Христіанская община старалась управляться сама собою, и въ этомъ состояло ея мирное торжество надъ языческими законами. Епископъ становился естественнымъ судьею и рѣшителемъ возникавшихъ между христіанами недоразумѣній, несогласій. Языческое государство казалось христіанамъ

соединеніемъ вопіющихъ несправедливостей, и они готовы были отрицать возможность правды при существованіи тѣхъ началъ, на которыхъ создано было языческое общество и государство. «Ни Римляне, ни Греки, говорилъ Лактанцій, не могли соблюдать правды, потому что у нихъ люди раздѣлены на множество классовъ... а тамъ, гдѣ не всѣ равны, нѣтъ справедливости; неравенство исключаетъ возможность правды. Главная сила правды заключается въ томъ, что она дѣлаетъ равными тѣхъ, кто одинаковымъ образомъ произошелъ на свѣтъ». «Гдѣ нѣтъ любви, тамъ не можетъ быть справедливости», говоритъ бл. Августинъ. Вѣчный городъ не могъ внушать христіанамъ ничего, кромѣ отвращенія и ужаса. Обагренный кровью христіанскихъ мучениковъ, погибавшихъ въ неслыханныхъ истязаніяхъ, оскверненный нечеловѣческимъ развратомъ, государственный центръ язычества и средоточіе возможныхъ суевѣрій, онъ казался имъ новымъ Вавилономъ. На него призывали они Божественную кару и ихъ воображенію являлся онъ подъ образомъ жены блудницы, пьяной отъ крови святыхъ мучениковъ. Такъ рисуется онъ уже въ таинственныхъ видѣніяхъ Апокалипсиса. Христіане отказывались, разумѣется, отъ участія во всемъ, что носило на себѣ печать язычества, а этою печатью отмѣчена была почти вся общественная жизнь Римлянина. Удаляясь по возможности отъ появленія предъ языческимъ трибуналомъ, они не являлись ни на общественныхъ торжествахъ, ни въ театрѣ, ни на кровавыхъ играхъ, носившихъ на себѣ болѣе или менѣе религіозно-государственный характеръ. Относительно битвъ гладіаторовъ христіане громко высказывали, что они не видятъ большаго различія между самымъ убійствомъ и спокойнымъ созерцаніемъ его. Замѣтимъ еще одно обстоятельство. Религіозное ученіе, проповѣдываемое христіанами, не было признано государственною властію, не было разрѣшено императорскимъ или сенатскимъ декретомъ,

и Богъ христіанъ не получилъ права римскаго гражданства. Съ точки зрѣнія римскаго законодательства, христіанство подходило, такимъ образомъ, подъ разрядъ суевѣрій, запрещенныхъ правительствомъ. Христіанская община, имѣвшая свои особенныя постановленія, своихъ начальниковъ и свои денежныя средства, не принадлежала даже къ числу корпорацій, образовавшихся подъ контролемъ правительства. А и такія корпораціи тогда не пользовались сочувствіемъ властей. Извѣстно, что Траянъ, напр., не далъ разрѣшенія на устройство въ Никомедіи городской корпораціи изъ 150 человѣкъ для тушенія пожаровъ: до такой степени казалось ему подозрительнымъ каждое соединеніе силъ. Конечно, въ глазахъ римскихъ императоровъ такіе граждане, какъ христіане, должны были казаться нарушителями существующаго порядка, опасными его врагами. Преслѣдованія, воздвигавшіяся на христіанъ, при содѣйствіи фанатизма народныхъ массъ, вытекали изъ политическихъ соображеній. Они были необходимымъ, логическимъ слѣдствіемъ того ложнаго начала, на которомъ основывалась государственная теорія древняго міра, теорія, къ сожалѣнію, несовершенно вышедшая изъ оборота даже и въ новомъ, уже христіанскомъ обществѣ, подчинившемся обаятельной силѣ древней цивилизаціи.

Переходимъ къ другому вопросу. Было ли христіанство одною изъ главныхъ причинъ паденія римскаго государства, какъ думаютъ нѣкоторые писатели? Справедливо ли мнѣніе, что христіанство подготовило и положило начало распаденію Римской имперіи и именно тѣмъ, что оно отдѣлилось отъ имперіи и, овладѣвая всѣми живыми силами общества, образовало какъ бы обширную пустоту вокругъ императорской власти. Этотъ вопросъ естественно сводится къ другому. Помимо вліянія христіанства на судьбу римскаго государства, имѣла ли и могла ли имѣть въ себѣ имперія Августа залоги прочнаго,

долговременнаго существованія? Могло ли, съ другой стороны, принятіе христіанства верховною властію остановить паденіе имперіи? Исторія, кажется, даетъ прямой отвѣтъ въ обоихъ случаяхъ. Ясные признаки неизбѣжнаго паденія не только Римскаго государства, но и вообще всей древней цивилизаціи обнаружились еще задолго до Евангельской проповѣди. Смутное сознаніе этой катастрофы проявлялось въ умахъ лучшихъ людей еще до появленія христіанства. Съ другой стороны, христіанство не могло и остановить процесса разложенія древности. Съ IV вѣка оно сдѣлалось оффиціальною, правительственною религіей Римской имперіи. Монограмма Христа замѣнила на знаменахъ легіоновъ изображеніе императора. Въ рукахъ христіанъ находилась вся власть и сила, христіанская церковь получила огромное вліяніе. При всемъ томъ христіанская Римская имперія точно также разрушилась, какъ бы разрушилась языческая. Рѣзкая противоположность христіанскаго идеала съ прежними идеалами и дѣйствительностью слишкомъ очевидна; но не надобно забывать того, что все развитіе древняго общества было до нѣкоторой степени подготовленіемъ къ явленію христіанства и что возникновеніе новаго ученія было историческою необходимостію. Смотря съ чисто исторической точки зрѣнія на общій ходъ событій, можно, какъ кажется, сказать положительно, что древній міръ палъ не вслѣдствіе явленія и распространенія христіанства; но, наоборотъ, распространеніе новаго вѣроученія было условлено паденіемъ его вѣрованій, обнаруженіемъ несостоятельности его общественныхъ основъ и утратою, вслѣдствіе невозможности сохранить ихъ, его идеаловъ. Всѣ результаты, до которыхъ могло достигнуть древнее человѣчество, были имъ достигнуты, и ему не было иного выбора, кромѣ выхода на совершенно новую дорогу, или политической и нравственной смерти. Лучшія силы общества примкнули безраздѣльно къ христіанству,

потому что внѣ его въ современной дѣйствительности было только разложеніе. Сдѣлки между старымъ и новымъ не могло быть, ибо это значило бы связать трупъ съ живымъ человѣкомъ. Римская имперія, принявшая христіанство, но желавшая вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить всѣ преданія и основы язычества, служитъ лучшимъ доказательствомъ безплодности подобныхъ попытокъ. Христіанскіе императоры Рима, носившіе долгое время послѣ Константина Великаго официальный титулъ языческаго великаго первосвященника и торжественно облекавшіеся въ знаки понтификата, служатъ лучшими представителями того двусмысленнаго состоянія, въ которомъ находилось общество, желавшее согласить ученіе Евангелія съ преданіями древности. Сознаніе невозможности спасенія для общества, не имѣвшаго силы начать новую жизнь, и заставляло лучшихъ представителей церкви обращать свои надежды скорѣе къ полудикимъ и языческимъ или еретическимъ варварамъ, чѣмъ къ христіанскимъ властителямъ и подданнымъ Римскаго государства. Въ дикихъ порывахъ варваровъ слышалось присутствіе свѣжихъ, неиспорченныхъ силъ, готовыхъ на смѣлую борьбу, на кипучую дѣятельность. Варвары не были связаны вѣковымъ историческимъ прошедшимъ; они не обращались къ нему со старческою мечтою о безвозвратно прошедшей юности. Передъ ними открывалось безграничное будущее, и церковь, не отказывая въ повиновеніи христіанскому Августу, не отъ него однакоже ждала обновленія общества и государства.

Чтобы показать противоположность христіанскихъ воззрѣній съ языческими, а вмѣстѣ съ тѣмъ и степень вліянія первыхъ на вторыя, необходимо прослѣдить по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ сторонъ соціальнаго быта.

Язычники не разъ обращались съ упреками къ христіанамъ въ томъ, что ихъ проповѣдь, ихъ вниманіе обращены почти

исключительно къ бѣднѣйшимъ и самымъ униженнымъ классамъ общества. Христіане, напротивъ, гордились этимъ. Въ этомъ уже выражается несогласимая противоположность двухъ направленій. Въ христіанскомъ воззрѣніи на первомъ планѣ стоялъ человѣкъ, какъ человѣкъ, помимо всѣхъ государственныхъ и соціальныхъ опредѣленій; въ языческомъ—все сводилось къ государству, къ положенію въ немъ отдѣльныхъ лицъ. Идеалъ древняго политическаго устройства непремѣнно предполагалъ неравноправность членовъ государственнаго союза. Артистическое совершенство греческихъ республикъ было возможно только подъ условіемъ рабства, составлявшаго тяжелое основаніе, на которомъ строились прихотливыя и разнообразныя формы древнихъ конституцій. Оправданіе политическаго и соціальнаго неравенства древніе мыслители находили въ самой природѣ человѣка. По ихъ ученію, человѣкъ—по преимуществу животное общественное. Чтобы жить внѣ государства, ему должно быть или дикимъ звѣремъ или богомъ. Семейство—часть государства. Оно состоитъ изъ трехъ необходимыхъ элементовъ: изъ домовладыки, отца семейства, который имъ управляетъ; женщины, которая служитъ къ размноженію членовъ семьи, и раба, который несетъ на себѣ матеріальный трудъ. Эти три основные элемента также необходимы, какъ три линіи, образующія треугольникъ. Безъ раба немыслимъ гражданинъ. Таково убѣжденіе величайшаго изъ политическихъ и философскихъ мыслителей Греціи, Аристотеля. Женщина, какъ орудіе размноженія, рабъ, какъ машина, какъ рабочій инструментъ,—таковы естественныя, необходимыя дополненія для свободнаго гражданина античнаго государства, и отреченіе отъ рабства было для него отреченіемъ отъ возможносси существованія. Одинъ изъ знаменитыхъ писателей новаго времени (m-me Сталь) говорилъ, что свобода—исконное состояніе человѣка, а рабство—учрежденіе новѣйшее. Къ сожалѣнію, исторія не знаетъ

въ древности государствъ, которыя бы основаны были не на рабствѣ, и отрицаніе рабства, какъ состоянія противнаго существу человѣческой природы, начинается только съ появленіемъ христіанства. Даже у избраннаго народа не отрицалась законность рабства, хотя положеніе рабовъ у Евреевъ было сравнительно лучше, чѣмъ у другихъ народовъ. Вообще на Востокѣ рабство до извѣстной степени смягчалось патріархальностью и юридическою неясностью отношеній: тамъ оно было скорѣе фактомъ, нежели строго опредѣленнымъ законами положеніемъ. Въ Греціи рабство составляло основную часть государственнаго устройства. Чтобы представить себѣ возможность существованія общества безъ рабовъ, чтобы допустить равенство человѣческой природы, Грекъ долженъ былъ или представить себѣ существованіе человѣка безъ всякихъ обязанностей и потребностей, или вообразить, что природа сама будетъ послушною исполнительницей всѣхъ человѣческихъ желаній. Въ одной греческой комедіи [1]) авторъ выводитъ на сцену политическаго реформатора, который не допускаетъ рабства въ задуманномъ имъ планѣ государства. На возраженіе, что въ этомъ случаѣ безсильный старикъ останется совершенно въ безпомощномъ состояніи, принужденный самъ заботиться о себѣ, онъ могъ отвѣтить только, что въ его государствѣ бездушныя вещи будутъ сами повиноваться приказаніямъ человѣка. Для Грека отсутствіе рабства было возможно только въ области утопіи, какова, напр., идеальная республика Платона. Греціи принадлежитъ и научное оправданіе рабства, какъ состоянія и естественнаго, и необходимаго. Это оправданіе сдѣлано было знаменитымъ Аристотелемъ въ первой книгѣ его Политики. Стагиритскій философъ исходною точкой имѣлъ существующій фактъ. Находя въ

[1]) Кратеса, одного изъ важнѣйшихъ сорока поэтовъ «старой» аттической комедіи, жившаго около половины V вѣка. А. Т.

современной ему политической дѣйствительности рабство, какъ необходимое условіе государственной жизни, онъ призналъ его законность и разумность. По его мнѣнію, рабъ—необходимый членъ семейства, первой формы общественнаго соединенія. Рабъ—необходимое условіе домашняго хозяйства, которое, какъ всякое искусство, нуждается въ особыхъ орудіяхъ, инструментахъ. Изъ этихъ орудій одни неодушевленныя, другія одушевленныя. Рабъ есть живая собственность и первое изъ хозяйственныхъ орудій. Замѣнить раба, какъ хозяйственное орудіе, невозможно, развѣ только предположивъ что неодушевленныя вещи станутъ сами исполнять и угадывать приказанія и желанія хозяина. Философъ тутъ вполнѣ сошелся съ комикомъ. Рабъ относится къ господину точно также, какъ тѣло къ душѣ, имъ управляющей. Онъ—часть господина, часть его тѣла, хотя и отдѣленная отъ него. Сама природа создала однихъ людей для власти, другихъ для повиновенія. Она хочетъ, чтобы существо, одаренное высшею способностію, повелѣвало, какъ господинъ; а существо, годное по своимъ физическимъ свойствамъ исполнять повелѣнія, повиновалось, какъ рабъ. И это соединеніе въ интересахъ, какъ господина, такъ и раба. Въ природѣ раба Аристотель не признаетъ ни воли, ни разума. Рабъ немногимъ выше животнаго, и природа дала ему даже физическія способности, отличныя отъ свойствъ свободныхъ гражданъ. Естественное средство добыванія рабовъ—война, эта охота за людьми, которые, будучи рождены для рабства, отказываются отъ повиновенія. Конечный выводъ Аристотеля заключается въ слѣдующемъ: «Какъ бы то ни было, очевидно, что одни люди свободны по своей природѣ, другіе—рабы также по самой природѣ, для послѣднихъ рабство—состояніе столь же полезное, какъ и справедливое.» Платонъ, не смотря на то, что онъ противоположенъ Аристотелю по направленію и всегда на первомъ планѣ

ставитъ не фактъ, а идею, также не могъ возвыситься до полнаго отрицанія законности и разумности рабства. Если въ своей мечтательной республикѣ онъ не допускаетъ рабовъ, зато учреждаемые имъ классы или сословія слишкомъ близко подходятъ къ кастамъ и должны вести къ тому же результату. Въ своихъ «Законахъ» онъ уже не говоритъ о законности или незаконности рабства, а только объ его выгодахъ или невыгодахъ. Его заключеніе клонится не къ отмѣнѣ рабства, а къ такому обращенію съ рабами, чтобы они продолжали быть полезными, не будучи опасными. Другія философскія школы Греціи также не дошли до отрицанія рабства. Епикуреизмъ, ставившій цѣлью наслажденіе жизнію, нуждался въ рабствѣ. Для Зенона свободное состояніе и рабство были безразличны. Высшее благо, по его ученію, есть жизнь, сообразная съ природою. Кто, будучи рабомъ, съумѣлъ покориться своей участи, тотъ уже не былъ болѣе рабомъ; а кто не могъ или не умѣлъ, тотъ заслуживалъ свое рабское положеніе.

Если Греціи принадлежитъ научное, философское оправданіе рабства, то Римъ въ подробности выработалъ его юридическое опредѣленіе. Въ Римѣ же рабство развилось до своихъ крайнихъ результатовъ, раскрылось въ безчеловѣчномъ безобразіи. О положеніи рабовъ въ Римѣ должно поэтому упомянуть нѣсколько подробнѣе. Начнемъ съ внѣшняго распространенія рабства. Подъ властію царей и въ первое время республики рабство было мало развито въ Римѣ. Почетнѣйшимъ занятіемъ Римлянина было земледѣліе. Но поземельные участки были не велики и побѣдитель Самнитовъ Курій объявлялъ того гражданина опаснымъ для республики, который владѣлъ бо́льшимъ пространствомъ земли, чѣмъ поле, которое онъ могъ воздѣлать самъ безъ чужой помощи. Рабы назывались обыкновенно по имени господина (Quintipor, Marcipor, т. е. рабъ Квинта, Марція) и ужъ изъ этого можно заключить, что

[redacted]

немногіе владѣли больше, чѣмъ однимъ рабомъ. Когда Регулъ былъ съ войскомъ въ Африкѣ, онъ просился въ отпускъ для приведенія въ порядокъ хозяйства, потому что единственный рабъ его умеръ, а наемный работникъ ушелъ, унеся съ собою полевыя орудія. Земледѣліемъ занимались самые знатные Римляне; ремесленная промышленность была мало развита, потому что все, необходимое для домашняго обихода, приготовлялось большею частію каждымъ дома. Какъ мало было рабовъ у частныхъ лицъ, точно также мало было въ началѣ и рабовъ, составлявшихъ собственность государства. Свободный трудъ долго господствовалъ, хотя и не исключая совершенно труда рабскаго. Увеличеніе числа рабовъ, шедшее рука объ руку съ возрастаніемъ поземельныхъ участковъ и роскоши, было слѣдствіемъ распространенія римскихъ завоеваній, особенно за предѣлы Италіи. Это ясно замѣтно со времени пуническихъ войнъ. Кароагенъ, Африка, Сицилія, Сардинія, потомъ Галлія Цизальпинская и Испанія доставили большое количество рабовъ въ лицѣ военноплѣнныхъ. Въ войнахъ Цезаря въ Транзальпинской Галліи продано было въ рабство до 1,000,000 плѣнныхъ. Затѣмъ слѣдовала Британія. Римляне впрочемъ дешево цѣнили рабовъ западныхъ за ихъ упорную непокорность и грубость. Рабы, шедшіе съ Востока, были и образованнѣе, и несравненно приспособленнѣе къ рабству. Зато Востокъ и доставилъ огромную массу рабовъ Риму. На Македонію, Иллирію и Эпиръ прежде всего пала тяжесть завоеванія, и въ одномъ Эпирѣ продано съ молотка 150,000 плѣнныхъ. Сирія также дала большое количество ихъ: громадныя помѣстья римскихъ вельможъ въ Сициліи были почти исключительно населены сирійскими рабами. Войны Лукулла въ Понтѣ доставили такую большую добычу, что рабъ продавался менѣе 1 р. сер. Послѣ взятія и разрушенія Іерусалима 90,000 Евреевъ, имѣвшихъ несчастіе пережить паденіе храма, обречены были также на

[redacted]

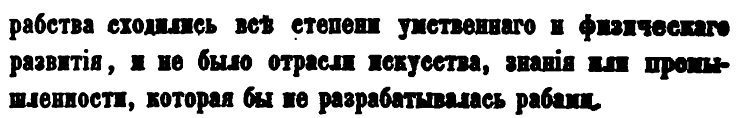
рабство. Каждая побѣда доставляла рабовъ Риму, но часто не нужно было даже и побѣды. Если опасная борьба съ Кимврами и Тевтонами бросила на невольничьи рынки Рима 90,000 Тевтоновъ и 60,000 Кимвровъ, то мирная поѣздка Катона на островъ Кипръ для обращенія этой страны въ римскую провинцію также принесла богатую добычу. «Сколько враговъ, столько рабовъ,» начали говорить въ Римѣ. Но война и завоеванія не были единственнымъ средствомъ добыванія рабовъ. Покоренныя страны и во время мира доставляли ихъ въ огромномъ количествѣ. Правители областей, откупщики государственныхъ податей собирали тяжелую подать рабами. Истощенныя провинціи не были въ силахъ выплачивать несоразмѣрные налоги да страшные проценты, и цвѣтъ народонаселенія продавался съ молотка въ рабство. Достаточно привести примѣръ Виѳиніи, страны союзной Риму. Когда Марій, по опредѣленію сената, потребовалъ отъ ея царя Никомеда вспомогательныхъ войскъ, тотъ отвѣчалъ, что почти всѣ способные носить оружіе проданы въ рабство римскими сборщиками податей. Чего не могли вынудить римскіе сенаторы и всадники съ своихъ провинцій подъ законными, или хоть имѣющими видъ законности, предлогами, то добывали они путемъ открытаго грабежа. Въ числѣ морскихъ разбойниковъ, не только грабившихъ суда въ открытомъ морѣ, но нападавшихъ на приморскіе города, находился не одинъ изъ знатныхъ гражданъ Рима. Захваченные въ плѣнъ открыто продавались пиратами или въ Сидѣ [1]), или на невольничьемъ рынкѣ Делоса, откуда, по словамъ Страбона, можно было вывозить ежедневно тысячи рабовъ.

---

[1]) Side—городъ въ Памфиліи, у Хелидонскаго залива, съ гаванью. Онъ былъ основанъ Эолійцами изъ Кумъ. Во время господства Римлянъ, запершихъ здѣсь Ганнибала въ 190 г. до Р. Х., онъ былъ главнымъ городомъ 1-ой Памфиліи. Теперь онъ называется Эски, что значитъ по-татарски «старый». А. Т.

Кромѣ этихъ способовъ обращенія въ рабство, было еще множество другихъ. Римское законодательство сводило всѣ источники рабства къ двумъ главнымъ видамъ. Рабы или рождались въ рабствѣ, или обращались изъ свободнаго состоянія въ рабское. Свободные люди обращались въ рабовъ не вслѣдствіе только завоеванія или плѣна. Рабомъ могъ сдѣлаться и Римлянинъ, въ силу родительской власти, требованія кредитора, наконецъ, судебнаго приговора. Римляне гордились, что нѣтъ народа, у котораго отецъ пользовался бы такою властію надъ дѣтьми, какъ у нихъ, благодаря и положительному закону, и исконному обычаю. Отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ дѣтьми. При рожденіи ребенка онъ могъ не признать его, а признаннаго могъ всегда продать въ рабство. Въ послѣднемъ случаѣ прирожденный рабъ имѣлъ даже нѣкоторое преимущество передъ сыномъ, проданнымъ въ рабство. Разъ получивъ свободу, рабъ не терялъ ее. Сынъ, проданный отцомъ и отпущенный своимъ новымъ господиномъ на волю, возвращался снова подъ родительскую власть и могъ опять быть проданъ. Только послѣ третьей продажи и третьяго освобожденія онъ становился независимымъ отъ отцовской власти. Заимодавцу давало римское законодательство также огромную власть надъ должникомъ. Несостоятельный или нехотѣвшій платить должникъ въ теченіе 60 дней долженъ былъ по закону находиться въ цѣпяхъ и законъ опредѣлялъ, какъ количество пищи, которую долженъ былъ давать ему въ это время заимодавецъ, такъ и тяжесть цѣпей, въ которыя онъ заковывался. Затѣмъ три раза въ базарные дни выводился онъ передъ претора и здѣсь объявлялась сумма, которую онъ долженъ. Если никто не соглашался внести за него этой суммы, заимодавецъ имѣлъ право или убить его или продать въ рабы. Рабомъ становился свободный гражданинъ также и по судебному приговору, напримѣръ, за уклоненіе отъ ценза. Онъ

терялъ тогда семейныя и политическія права вмѣстѣ съ свободой (maxima capitis diminutio.) Касательно естественнаго размноженія рабовъ замѣтимъ, что, съ развитіемъ рабства въ Римѣ, оно обращало на себя столь же серьёзное вниманіе, какъ въ послѣднее время въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Дѣти рабовъ носили у Римлянъ названіе весенняго приплода (verna), и римскіе писатели по сельскому хозяйству обращаютъ сильное вниманіе на эту отрасль домоводства. Добрый хозяинъ долженъ заботиться о плодородіи своихъ рабынь. Съ цѣлью содѣйствовать этому, новорожденные питались не молокомъ своихъ матерей, ибо кормленіе грудью задерживаетъ способность дѣторожденія, а поручались одной кормилицѣ. Число рабовъ въ Римѣ возрастало съ ужасающею быстротой, начиная съ пуническихъ войнъ. Трудно съ точностію опредѣлить ихъ количество въ послѣднее время республики, по недостатку статистическихъ свѣдѣній. Но довольно припомнить многочисленныя подраздѣленія, по роду занятій, рабовъ государственныхъ (servi publici) и въ особенности частныхъ (servi privati); довольно указать на презрѣніе, какимъ покрывалась промышленность и торговля въ глазахъ Римлянина, на уменьшеніе мелкой поземельной собственности, поглощенной громадными помѣстьями (latifundia), возможными только при почти полномъ вытѣсненіи свободнаго труда рабскимъ,—и мы не ошибемся, предположивъ, что къ концу республики число рабовъ въ Италіи по крайней мѣрѣ равнялось числу ея свободнаго населенія. Familia rustica, сельскіе рабы вытѣснили совершенно свободныхъ земледѣльцевъ и работниковъ. Familia urbana, рабы, составлявшіе прислугу господина, его дворовые, заключали въ себѣ представителей всякаго рода занятій, начиная отъ привратника, прикованнаго цѣпью ко входу дома, до медика, педагога, философа и артиста, купленныхъ дорогою цѣной. Подъ общимъ уровнемъ

рабства сходились всѣ степени умственнаго и физическаго развитія, и не было отрасли искусства, знанія или промышленности, которая бы не разрабатывалась рабами.

Посмотримъ, какъ опредѣлялось положеніе раба сначала закономъ, потомъ обычаемъ и нравами. Съ перваго взгляда въ римскомъ законодательствѣ обнаруживается, повидимому, странное колебаніе во взглядѣ на раба. Рабъ то признается только вещью, то ему какъ-будто даются нѣкоторыя права человѣческой личности. Это противорѣчіе объясняется впрочемъ не какою-либо, хотя бы и весьма слабою, симпатіей къ рабу. Противорѣчіе—въ пользу не раба, а господина, для котораго въ нѣкоторыхъ случаяхъ было весьма важно, чтобы рабъ явился лицомъ, а не вещью. Въ сущности римское законодательство отличается во взглядѣ на раба неумолимою послѣдовательностію. Рабъ есть полная собственность господина, и ничто, кромѣ воли господина, не можетъ измѣнить характера этой собственности. По закону рабъ nullum caput habuit, т. е. совершенно не имѣетъ человѣческой личности. Рабъ былъ собственностію самою полною, mancipium. Рабъ, попавшійся въ плѣнъ къ непріятелю и успѣвшій избавиться отъ него, тѣмъ самымъ возвращался въ собственность своего господина. Право господина на собственность было такъ велико, что ни воля народа, ни впослѣдствіи воля императора не могли его ограничить. Какъ вещь, рабъ подвергался всему тому, чему могла подвергаться собственность. Онъ могъ быть проданъ, подаренъ, уступленъ въ наймы, заложенъ, промѣнянъ, отданъ по завѣщанію, взятъ за долги и т. д. Какъ вещь, онъ не могъ имѣть никакихъ человѣческихъ правъ. Между рабами не можетъ быть даже брака. Если рабы различныхъ половъ соединяются между собою или по собственному влеченію, или по волѣ господина, то это соединеніе есть простое случайное сожительство, которое также легко

разрывается, какъ и образовалось. Если рабамъ и позволялось называться отцами или дѣтьми, то это была уступка, не имѣвшая никакого юридическаго значенія. Родственныхъ отношеній между ними, говоритъ Гай, не существуетъ передъ закономъ. Какъ у вещи, у нихъ нѣтъ собственности. Чтобы обозначить ту часть имущества, которая могла находиться въ распоряженіи раба, Римъ имѣлъ особое слово—peculium. Это была не собственность раба, а та часть, которую господинъ отдѣлялъ изъ своего имущества и отдавалъ ему въ пользованіе. По фигуральному выраженію одного изъ римскихъ юристовъ, peculium рождался и умиралъ по волѣ господина, которому онъ и принадлежалъ вмѣстѣ съ самымъ рабомъ. До такой степени рабъ не признавался лицомъ, сливался съ господиномъ, что по закону послѣдній не могъ даже добровольно связать себя какимъ-либо обязательствомъ относительно своего раба, потому что это значило бы наложить на себя обязательство относительно самого себя. Господинъ не могъ обвинить раба въ воровствѣ, потому что у раба относительно господина не можетъ быть похищенія собственности. Все, что̀ возможно, это—перемѣщеніе собственности. Нечего и говорить о томъ, что рабъ, не имѣя по закону ни семейства, ни имущества, не могъ имѣть также и никакихъ гражданскихъ правъ. Рабъ не имѣетъ гражданской личности: «рабство приравнивается къ смерти». Рабъ не можетъ явиться къ суду, не можетъ призывать свидѣтелей и самъ быть свидѣтелемъ. Здѣсь впрочемъ римское законодательство становится непослѣдовательнымъ, но опять въ пользу господина. Рабъ можетъ быть подвергнутъ допросу и даже пыткѣ въ такомъ случаѣ, если владѣлецъ поставитъ его вмѣсто себя для этого. Но свидѣтельствовать противъ своего господина рабъ не можетъ, потому что это значило бы, что господинъ свидѣтельствуетъ противъ самого себя. Исключенія, когда принималось

31*

свидѣтельство раба противъ господина, допускались только въ весьма немногихъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ. Оставляемъ въ сторонѣ тѣ случаи, когда рабъ, какъ представитель господина, является лицомъ гражданскимъ, потому что здѣсь онъ дѣйствуетъ не самъ собою. И такъ, римское законодательство признавало раба вещью, самымъ полнымъ видомъ собственности. Господинъ пользовался правомъ не только употреблять, какъ ему угодно, свою собственность, но и злоупотреблять ею (jus utendi et abutendi). Если законъ иногда какъ бы ошибкой или по необходимости называетъ раба человѣкомъ, то спѣшитъ прибавить какой-нибудь унизительный эпитетъ къ имени человѣка, напр., vilissimus и т. п. Вырабатывая юридическое опредѣленіе раба, римское законодательство дѣйствуетъ съ ничѣмъ не возмутимымъ хладнокровіемъ, не отступая ни на шагъ отъ воззрѣній, положенныхъ въ его основаніе. Любопытный примѣръ подобнаго безстрастія представляетъ юридическій вопросъ о гладіаторахъ. Ланистъ (содержатель гладіаторовъ) отдаетъ ихъ частному лицу для боя съ слѣдующимъ условіемъ. За каждаго гладіатора, остававшагося въ живыхъ безъ важныхъ ранъ, ланистъ получаетъ по 20 динаріевъ; за каждаго убитаго или сдѣлавшагося отъ ранъ неспособнымъ продолжать свой промыселъ,—по тысячѣ. Спрашивается, къ какому роду сдѣлокъ принадлежитъ подобное условіе? Есть ли это отдача въ наемъ, на прокатъ или полная продажа? Юристъ Гай отвѣчаетъ намъ, что это, по всей вѣроятности, наемъ относительно гладіаторовъ, оставшихся въ живыхъ, и продажа относительно погибшихъ, «потому, прибавляетъ онъ, что ланисту нечего дѣлать съ бездушными трупами или съ изувѣченными тѣлами».

Перейдемъ теперь изъ области отвлеченнаго права въ область дѣйствительной жизни. Оставляя въ сторонѣ рабовъ государственныхъ, обратимся къ рабамъ, составлявшимъ

[redacted]

собственность частныхъ лицъ. Они, какъ извѣстно, дѣлились на двѣ главныя категоріи: familia rustica и familia urbana, сельскихъ и городскихъ. Особенною полнотою и достовѣрностію отличаются показанія о рабахъ сельскихъ. По мѣрѣ того, какъ исчезала мелкая поземельная собственность и свободный трудъ, уступая мѣсто громаднымъ латифундіямъ, обрабатываемымъ цѣлыми полчищами рабовъ, рабоводство, если можно такъ выразиться, пріобрѣтало все большее значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. Катонъ Старшій, Варронъ, Колумелла и другіе оставили намъ систематическія сочиненія о сельскомъ хозяйствѣ Римлянъ. Они изображали идеалъ основательнаго, примѣрнаго хозяина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предлагали практическія правила, заимствованныя изъ долгой хозяйственной опытности и пристальнаго наблюденія надъ современною дѣйствительностью. Катонъ самъ славился, какъ образцовый хозяинъ; ему можно вполнѣ повѣрить. По состоянію рабовъ въ образцовомъ хозяйствѣ легко составить себѣ понятіе о ихъ положеніи тамъ, гдѣ владѣлецъ дѣйствовалъ по влеченію страсти или произвола, забывая при этомъ свои собственныя выгоды. Въ сельскомъ хозяйствѣ рабъ прежде всего хозяйственное орудіе. «Всѣ хозяйственныя орудія, говоритъ Варронъ, можно раздѣлить на три рода: орудія, одаренныя голосомъ, словомъ, орудія полугласныя и нѣмыя. Первыя—это рабы, вторыя—скотъ рабочій, третьи—плугъ и т. п.». Точно также смотритъ на нихъ и Катонъ Старшій. Благоразумный хозяинъ, если хочетъ слѣдовать его совѣту, «пусть продаетъ старыхъ воловъ, больныхъ овецъ, шерсть, кожу, старую телѣгу, старыя подковы, старыхъ и больныхъ рабовъ, однимъ словомъ все ненужное». Въ хозяйствѣ рабъ прежде всего представляетъ извѣстный затраченный капиталъ, который долженъ воротиться, вознаградить издержки за его содержаніе и приносить извѣстный барышъ. Всѣми способами съ него слѣдуетъ выручить возможно

мощеньемъ дороги, полоньемъ сорныхъ травъ, и т. п. О жилищахъ для рабовъ нечего и говорить. Особенно ужасны были такъ называемыя ergastula, гдѣ запирались на ночь тѣ рабы, которыхъ Римляне прозвали кованною породой (ferratile genus), въ отличіе отъ рабовъ, ходившихъ безъ цѣпей. У Катона нѣтъ подробностей объ ergastula, зато ихъ находимъ у Колумеллы, изъ всѣхъ писателей по сельскому хозяйству болѣе другихъ оказывающаго мягкости и состраданія къ рабамъ. По совѣту Колумеллы, ergastula нужно устраивать въ землѣ, куда свѣтъ долженъ проникать чрезъ небольшія и узкія окна, находящіяся на такой высотѣ, чтобы рабы не могли достать ихъ руками. Мы видѣли, какая участь ожидала больнаго или престарѣлаго раба, негоднаго для усиленнаго труда. Кто не хотѣлъ или не могъ слѣдовать совѣту Катона, тотъ нисколько не заботился объ участи своихъ больныхъ рабовъ. Вообще хозяйственное воззрѣніе римскихъ плантаторовъ представляетъ разительное сходство съ ихъ собратіями по ремеслу въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки. Но положеніе сельскаго раба, управляемаго самимъ господиномъ, будь этотъ господинъ даже неумолимый Катонъ, было все-таки лучше, чѣмъ жизнь подъ надзоромъ и властію управляющаго (villicus), избиравшагося изъ рабовъ же. Собственный интересъ рабовладѣльца заставлялъ его отвращаться отъ безполезной жестокости, которая могла еще и принести ему убытокъ. Этихъ побужденій не могло быть у управляющаго, котораго цѣлью было, съ одной стороны, стремленіе во что бы то ни стало выслужиться предъ господиномъ, съ другой—удовлетворить своимъ грубымъ страстямъ. Къ сожалѣнію, управляющій все болѣе и болѣе вытѣснялъ изъ управленія самого господина, слагавшаго на него сельско-хозяйственныя заботы и предпочитавшаго жизнь въ Римѣ пребыванію въ деревнѣ. Поэтому, какъ ни тяжело было положеніе городскихъ рабовъ,

ссылка въ деревню была для нихъ однимъ изъ самыхъ страшныхъ наказаній.

Переходя къ рабамъ городскимъ, замѣтимъ прежде всего, что здѣсь еще невозможнѣе представить какое-нибудь числовое опредѣленіе, чѣмъ относительно рабовъ сельскихъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ количество рабовъ до нѣкоторой степени можетъ быть приблизительно опредѣлено потребностями земледѣлія, винодѣлія, скотоводства и проч. Но потребности, вызывавшія тотъ или другой классъ рабовъ городскихъ, были искусственны, условны, и могли измѣняться до безконечности. У насъ есть впрочемъ довольно указаній, какъ на разнообразіе, такъ и на многочисленность должностей, отправляемыхъ рабскою прислугой. Не говоря уже о свѣдѣніяхъ, во множествѣ встрѣчающихся у современныхъ прозаиковъ и поэтовъ, въ особенности драматическихъ и сатирическихъ, мы имѣемъ монументальныя свидѣтельства. Первое мѣсто между ними занимаютъ columbaria. Въ концѣ XVIII столѣтія въ римскихъ виноградникахъ, подъ искусственною насыпью, найденъ былъ колумбаріумъ Ливіи, супруги Августа. По дорогамъ Аппіевой, Кассіевой и Пренестинской открыто было также нѣсколько подобныхъ зданій, по надписямъ принадлежавшихъ къ дому Августа. По нимъ легко составить себѣ понятіе о дворѣ знатныхъ Римлянъ. Августъ не любилъ, какъ извѣстно, слишкомъ выставляться на показъ и его хозяйство не многимъ отличалось отъ домашняго хозяйства знатныхъ и богатыхъ Римлянъ. Колумбаріи, это—высокія и широкія залы, гдѣ кругомъ, въ нѣсколько этажей, были расположены могильныя ниши, въ которыхъ ставились урны съ прахомъ рабовъ, съ надгробною надписью. Въ колумбаріумѣ Ливіи считалось болѣе 500 нишей, каждая для двухъ урнъ; но часто случалось, что одна и та же урна заключала въ себѣ прахъ нѣсколькихъ лицъ, соединенныхъ при жизни родствомъ или пріязнію. Какъ ни велико

уже и это число прислуги Ливіи, но должно замѣтить, что въ колумбаріяхъ помѣщался прахъ далеко не всѣхъ рабовъ, принадлежавшихъ извѣстному дому. Помѣщеніе въ колумбаріѣ было знакомъ особенной милости со стороны владѣльца; рабы чернорабочіе или занимавшіе низшія должности не удостоивались этой чести. Колумбаріумъ былъ кладбищемъ рабской аристократіи. Здѣсь хранился прахъ декуріоновъ, начальниковъ рабскихъ декурій, и фаворитовъ хозяина. Городскіе рабы раздѣлялись на многочисленныя отдѣленія или декуріи. На первомъ планѣ стояли: 1) домовая прислуга: привратники, стражи атріума, швейцары, докладчики и т. п.; 2) прислуга при баняхъ, отъ истопниковъ до многочисленныхъ баньщиковъ, имѣвшихъ каждый свою спеціальность; 3) медики; 4) столовая и кухонная прислуга, чрезвычайно многочисленная, распадавшаяся, въ свою очередь, на нѣсколько подраздѣленій. Затѣмъ слѣдовала прислуга, назначавшаяся для сопровожденія господина въ его выходахъ изъ дому. Многочисленная свита рабовъ, шедшихъ впереди и позади господина, была внѣшнимъ признакомъ его могущества и богатства: оттого эта свита состояла изъ цѣлыхъ сотенъ. Не забудемъ того отдѣла рабовъ, который составлялъ, по латинскому выраженію, женскій міръ (mundus muliebris). Тутъ были воспитательницы, рукодѣльницы, домашнія служанки, или спутницы римскихъ матронъ. Колумбаріумъ Ливіи даетъ полное понятіе о разнообразныхъ должностяхъ этого цѣлаго міра привилегированныхъ, среди которыхъ мы находимъ даже раскрашивателя Ливіи (Liviae colorator). Распространеніе въ Римѣ образованности было причиною образованія новаго класса рабовъ, неизвѣстнаго Римлянамъ первыхъ временъ республики. Одна библіотека требовала большаго числа рабовъ, занимавшихся перепиской, переплетомъ, составленіемъ выписокъ и т. п. Но кромѣ рабовъ, приписанныхъ къ библіотекѣ, знатные Римляне имѣли еще

рабовъ ученыхъ (servi litterati), снимавшихъ съ господина заботу объ образованіи. Богатый Сабинъ, имѣвшій притязаніе на короткое знакомство съ греческою литературой, заказалъ за огромную цѣну приготовить для него 11 рабовъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ знать всего Гомера, другой—Гезіода, а 9 остальныхъ—лирическихъ поэтовъ Греціи. Тоже самое было съ художниками и артистами. Кромѣ артистовъ, назначавшихся для домашняго употребленія, были цѣлыя труппы танцоровъ, мимовъ и т. п., которыхъ отдавали въ наймы. Число гладіаторовъ, содержимыхъ частными лицами и образовавшихъ особыя многочисленныя школы (ludi), было такъ велико, что вызвало по необходимости вмѣшательство правительства, запретившаго держать ихъ въ Римѣ болѣе извѣстнаго количества. Кто былъ не въ состояніи имѣть своихъ собственныхъ гладіаторовъ, тотъ нанималъ ихъ у особыхъ содержателей, приготовлявшихъ ихъ для боя и называвшихся выразительнымъ именемъ ланистовъ, что значитъ продавецъ мяса. Впрочемъ и тотъ, кто имѣлъ собственныхъ гладіаторовъ, часто отдавалъ ихъ на прокатъ за извѣстную плату. Разнообразіе должностей условливало различное положеніе городскихъ рабовъ.

Если на высшихъ ступеняхъ сельскихъ рабовъ до нѣкоторой степени сглаживалась или значительно смягчалась рабская зависимость, то положеніе низшихъ классовъ городскихъ рабовъ было едва ли лучше, чѣмъ положеніе ихъ деревенскихъ собратій. Для ознакомленія съ положеніемъ городскихъ рабовъ должно обратиться къ римскимъ комикамъ и сатирикамъ, которые брали содержаніе своихъ сочиненій прямо изъ современной дѣйствительности, что подтверждается положительными историческими свидѣтельствами. Да если бы факты, приводимые въ комедіяхъ и сатирахъ, были или вымышлены, или преувеличены, то и тогда они служили бы важнымъ источникомъ, передавая намъ господствующее воззрѣніе на извѣстныя

отношенія. Положимъ, что Ювеналъ самъ сочинилъ слѣдующій разговоръ: «Распни на крестѣ раба!»—Какимъ преступленіемъ заслужилъ рабъ казнь? Гдѣ свидѣтель преступленія? Кто донесъ? Послушай! когда дѣло идетъ о смерти человѣка, никакая отсрочка не должна казаться слишкомъ продолжительною.—«О безумный! *такъ, по твоему, рабъ человѣкъ?* Пусть онъ и ничего не сдѣлалъ, но я хочу этого, я приказываю это, и моя воля будетъ закономъ (sit pro ratione voluntas)». Но такое воззрѣніе соотвѣтствуетъ и юридическому понятію о рабѣ, какъ о вещи, mancipium, и понятію, высказываемому писателями, напр., Флоромъ, по которому рабы, если и люди, то принадлежащіе къ особой низшей породѣ человѣчества (quasi secundum hominum genus), и тѣмъ спорнымъ вопросамъ, разрѣшеніемъ которыхъ любили заниматься римскіе діалектики, напр., позволительно ли честному человѣку не кормить своихъ рабовъ во время голода? Чѣмъ должно пожертвовать во время бури на морѣ, когда необходимо выбросить за бортъ лишнія тяжести, цѣнною ли лошадью или дряннымъ рабомъ?—Неудивительно, что въ обществѣ, въ которомъ даже законодательство, наказывая за убійство рабочаго вола, ничего не говорило объ убійствѣ раба, признаніе человѣческой природы раба встрѣчалось негодованіемъ со стороны плантаторовъ и казалось безумствомъ. И сатира, и комедія, и положительныя свидѣтельства согласно выставляютъ положеніе раба въ дѣйствительности. Въ числѣ рабовъ, окружавшихъ господина, многіе могли составить себѣ почти независимое положеніе и даже овладѣть совершенно его волею: но это было лишь случайностію. Деспотическій произволъ господина былъ общимъ правиломъ. Намъ не покажется преувеличеннымъ хладнокровный отвѣтъ раба, въ комедіи Плавта, на угрозу распять его: «Не грози, и безъ того знаю, что крестъ будетъ моей могилой! Такъ умерли и предки мои: отецъ, дѣдъ,

[redacted]

прадѣдъ, пращуръ», когда мы знаемъ, что въ Римѣ во время Августа богатый отпущенникъ, Ведій Полліонъ, откармливалъ рыбъ въ своемъ садкѣ рабами, которыхъ бросали на съѣденіе за малѣйшую неосторожность, за разбитый бокалъ или пролитое вино; что самъ Августъ, выражавшій свое негодованіе противъ безчеловѣчія Полліона, велѣлъ однакоже за ничтожный проступокъ распять на мачтѣ корабля своего раба, Ероса. Крестъ, смерть подъ ударами плети, бросанье въ печь, въ колодезь, продолжительныя мучительныя истязанія,—вотъ что грозило рабу при первой вспышкѣ гнѣва владѣльца. Въ отношеніи тяжести работы и крайней скудости содержанія низшимъ классамъ городскихъ рабовъ было не лучше, чѣмъ рабамъ сельскимъ. Рабу, отданному въ услуженіе другому рабу (vicarius), было не легче, чѣмъ сельскому рабу, находившемуся подъ властію управителя. Господинъ имѣлъ право жизни и смерти надъ рабомъ. Онъ законнымъ образомъ отдавалъ мущину въ школу гладіатора, дѣвушку продавалъ въ распутный домъ. Безстыдство и развратъ, безчестившіе свободнаго гражданина, признавались въ рабѣ необходимостью (impudicitiam in ingenuo crimen esse, in servo necessitatem). Законъ отдавалъ вполнѣ раба въ руки господина, не вмѣшиваясь въ распоряженіе частною собственностью и только гарантируя спокойное обладаніе ею. Для раба не было спасенія. Самое неисполненное и недоказанное намѣреніе бѣжать наказывалось по всей волѣ господина. Да и куда было бѣжать рабу? Римъ не давалъ своимъ храмамъ значенія убѣжища для преслѣдуемыхъ. Укрывательство раба влекло за собою большую отвѣтственность. Жизнь и дѣйствительность не только не противорѣчили законодательству относительно рабовъ, но были полнымъ раскрытіемъ началъ, положенныхъ въ основу юридическаго воззрѣнія; онѣ довели до послѣднихъ безобразныхъ и ужасныхъ результатовъ эти начала. Почти тоже можно сказать и о представителяхъ

различныхъ философскихъ школъ въ Римѣ. Большинство среди нихъ въ вопросѣ о рабствѣ не расходилось далеко съ закономъ. Варронъ повторяетъ мнѣніе Аристотеля о естественности и необходимости рабства. Цицеронъ, не вполнѣ принимая теорію стагиритскаго философа, склоняется однакоже къ ней. Уже презрѣніемъ ко всякаго рода механическому труду, къ промышленности и торговлѣ, за исключеніемъ оптовой, условливается и его презрѣніе къ тѣмъ, кто осужденъ на этотъ трудъ, унизительный для свободнаго гражданина. Не смотря на всю природную мягкость характера, на человѣческое обращеніе съ собственными рабами, Цицеронъ не могъ возвыситься надъ общепринятыми понятіями. Признавая свободу и рабство состояніями духовными, онъ нигдѣ не возстаетъ противъ дѣйствительнаго, матеріальнаго рабства. У него самого вырываются иногда выраженія, которыя показываютъ, что его убѣжденія не стояли въ разрѣзъ съ убѣжденіями окружающаго общества. Говоря о преторѣ Домиціанѣ, приказавшемъ распять на крестѣ раба за то, что тотъ на охотѣ поторопился убить кабана, Цицеронъ замѣчаетъ только, что это можетъ показаться слишкомъ жестокимъ. Цицеронъ не смѣетъ обнаружить свою печаль о смерти любимаго раба, чтобы не показаться страннымъ или смѣшнымъ. Сердце Цицерона на этотъ разъ было лучше его головы. Презрительное воззрѣніе на раба высказывается не одинъ разъ. Школы Эпикура и Зенона, въ лицѣ ихъ римскихъ представителей, говоря очень много о рабствѣ духовномъ, почти не касаются рабства матеріальнаго, дѣйствительнаго. Свободенъ только мудрецъ. Служить противъ воли, это—несчастіе и дѣйствительное рабство. Служить добровольно, это—уже освобожденіе. А кто служитъ съ охотою, тотъ какъ будто пріобрѣтаетъ часть господства. Ни одно философское ученіе не протестовало противъ рабства, какъ противъ государственнаго учрежденія, противнаго человѣческой

природѣ и гибельнаго для матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія самого государства.

Первый протестъ противъ рабства, какъ противъ состоянія неестественнаго, высказанъ былъ громко Сенекою. Граждане античныхъ государствъ привыкли соединять требованія политической свободы для самихъ себя съ полнымъ домашнимъ деспотизмомъ. Являясь горячими поборниками свободныхъ учрежденій на агорѣ или форумѣ, Гармодіями или Брутами, они не признавали въ своемъ семействѣ и относительно своихъ рабовъ никакихъ ограниченій своему произволу. Сенека указалъ на это противорѣчіе. «Ты приходишь въ негодованіе, говоритъ онъ, если твой рабъ, или вольноотпущенникъ, или жена, или кліентъ осмѣлятся возразить тебѣ; потомъ, изгнавъ совершенно всякую свободу изъ твоего жилища, ты плачешься, что она изгнана изъ государства». Одинъ изъ славнѣйшихъ учителей римской стои, Сенека также смотритъ на рабство, преимущественно какъ на состояніе нравственной несвободы. Въ душѣ заключается источникъ свободы, тѣло влечетъ къ рабству. «Тягчайшее рабство, по его мнѣнію,—служеніе себѣ самому». Съ этой точки зрѣнія уничтожаются соціальныя различія. «Свободный духъ, говоритъ Сенека, можетъ быть и въ римскомъ всадникѣ, и въ отпущенникѣ, и въ рабѣ. Что такое римскій всадникъ, отпущенникъ, рабъ, какъ не имена, созданныя честолюбіемъ или насиліемъ?» Но Сенека не останавливается на одномъ опредѣленіи духовной свободы и рабства. Онъ не забываетъ также рабства гражданскаго, и этимъ уже выходитъ за предѣлы прежнихъ воззрѣній стоицизма. Въ его словахъ о рабахъ уже слышится вѣяніе идей, чуждыхъ древней философіи, и во многомъ онъ уже почти не принадлежитъ древнему міру. «Та же вселенная, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ и боговъ и людей, и мы всѣ—члены великаго цѣлаго. Природа создала насъ всѣхъ родными, потому что образовала насъ

изъ одинаковыхъ элементовъ и для одинаковой участи. Она вложила въ насъ любовь другъ къ другу и сдѣлала для насъ необходимою жизнь въ обществѣ. Пусть же стихъ: *Я человѣкъ, и ничто человѣческое не должно быть мнѣ чуждымъ*, будетъ во всѣхъ сердцахъ, какъ находится онъ на устахъ каждаго... Пока мы живемъ между людьми, будемъ дѣйствовать по человѣчески... Во всѣхъ насъ одни и тѣ же начала, одно и то же происхожденіе. Никто не благороднѣе другаго, если онъ не одаренъ бо́льшимъ умомъ и образованіемъ... Природа создала насъ, чтобы быть полезными людямъ, будутъ-ли то свобо́дные или рабы, природные граждане или отпущенники, освобожденные предъ властями или предъ друзьями. Повсюду, гдѣ есть человѣкъ, есть и возможность дѣлать добро». «Я узналъ съ радостію, пишетъ Сенека къ Луцилію, какъ хорошо живешь ты съ своими рабами. Это прилично и твоему уму и твоему образованію. Развѣ это рабы? Нѣтъ, это люди. Рабы? Нѣтъ, это наши сожители. Рабы? Нѣтъ, это скорѣе смиренные друзья. Рабы? Нѣтъ, это скорѣе наши товарищи въ общемъ рабствѣ, когда подумаешь, что судьба имѣетъ одинаковую власть надъ рабами и господиномъ». Повсюду у Сенеки встрѣчаемъ мы признаніе человѣческой природы и человѣческихъ правъ раба. Его нравственное ученіе объ отношеніяхъ господина къ рабу заключается въ слѣдующихъ правилахъ, проникнутыхъ духомъ не античной цивилизаціи. «Поступай съ твоимъ подчиненнымъ такъ, какъ бы ты желалъ, чтобы обращался съ тобою твой начальникъ. И когда ты думаешь о томъ, что́ позволительно тебѣ относительно твоего раба, вспомни, что тоже самое позволительно и относительно тебя самого со стороны человѣка, имѣющаго власть надъ тобою... Пусть рабы больше уважаютъ тебя, чѣмъ боятся. Но, возразятъ, ты призываешь рабовъ къ свободѣ и подобнымъ правиломъ отнимаешь у го подина всякую власть! Уважать

господина болѣе, чѣмъ бояться его, это, безъ сомнѣнія, значитъ уважать господина только такъ, какъ уважаютъ его кліенты и домашніе! Что же? Неужели для господина мало того, чѣмъ довольствуется самое божество, мало почтенія и любви?» Этимъ признаніемъ человѣческихъ правъ раба, этою симпатіей къ угнетенному рѣзко отличается Сенека отъ предшествовавшихъ мыслителей и моралистовъ. Достаточно сравнить, напр., то, что̀ говоритъ онъ о гладіаторахъ, съ тѣмъ, что̀ сказано о нихъ Цицерономъ, котораго никто, конечно, не обвинитъ въ личномъ жестокосердіи. Вотъ слова Цицерона. «Нѣкоторые думаютъ, что битвы гладіаторовъ безчеловѣчны, и я не знаю, не имѣютъ ли они на своей сторонѣ справедливости, говоря о битвахъ такъ, какъ они происходятъ въ настоящее время. Но когда въ этихъ бояхъ сражались только преступники.... тогда ни одно зрѣлище не могло такъ содѣйствовать укрѣпленію духа противъ страданій и страха смерти». «Человѣкъ, замѣчаетъ Сенека, этотъ священный предметъ (res sacra), предается смерти для потѣхи и зрѣлища... Безъ страха и гнѣва, для простаго препровожденія времени, человѣкъ убиваетъ человѣка, и агонія умирающаго составляетъ прелесть зрѣлища!» Опровергая возраженіе, приводимое Цицерономъ въ защиту битвъ гладіаторовъ, Сенека восклицаетъ съ негодованіемъ: «Положимъ, гладіаторы заслужили смерть; но какое же преступленіе совершили вы, осужденные быть зрителями убійства?... По закону природы, убить человѣка должно считаться бо̀льшимъ несчастіемъ, чѣмъ самому потерпѣть смерть».

Такихъ мѣстъ много въ сочиненіяхъ Сенеки. Рѣзкая противоположность его убѣжденій съ понятіями греко-римскаго общества уже давно подала поводъ полагать, что на немъ отразилось вліяніе христіанства, съ которымъ онъ могъ познакомиться въ Римѣ, во время своего пребыванія при дворѣ Нерона.

Такое предположеніе высказывалось еще задолго до паденія Западной Римской имперіи. «Не рѣдко нашъ Сенека» (Seneca saepe noster), говаривалъ еще Тертулліанъ; а бл. Іеронимъ, подражая ему, выражается еще положительнѣе: «нашъ Сенека» (noster Seneca). Бл. Августинъ и Іеронимъ упоминаютъ даже о перепискѣ между Сенекою и ап. Павломъ и 14 писемъ, будто бы изъ этой переписки, сохранились во многихъ рукописяхъ и изданы въ собраніяхъ апокрифическихъ сочиненій Новаго Завѣта. Хронологическія даты не противорѣчатъ возможности предполагаемаго знакомства стоическаго философа съ христіанскимъ апостоломъ. Въ 52 году по Р. Х. ап. Павелъ явился въ Ахайѣ предъ трибуналомъ проконсула Галліона, брата Сенеки. Въ 61-мъ онъ былъ въ Римѣ подъ надзоромъ префекта преторіи Бурра, товарища и друга Сенеки; въ 65-мъ являлся два раза передъ Нерономъ; а въ это время Сенека еще пользовался расположеніемъ императора и имѣлъ вѣсъ при дворѣ. Въ своихъ посланіяхъ ап. Павелъ говоритъ объ обращеніяхъ, сдѣланныхъ имъ въ самомъ дворцѣ цезаря. На эти хронологическія соображенія, въ соединеніи съ извѣстною любознательностію Сенеки, опираются защитники предполагаемаго знакомства столько же, какъ и на сличеніе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ сочиненій Сенеки, Евангелія и апостольскихъ писаній. Послѣдній пріемъ употребилъ Шампаньи въ приложеніи къ 4 тому своихъ *Цезарей*. Но указанное предположеніе вызывало и вызываетъ противъ себя много возраженій. Дошедшая до насъ переписка на латинскомъ языкѣ между Сенекой и ап. Павломъ есть, очевидно, грубая поддѣлка, по всей вѣроятности принадлежащая невѣжественному монаху IX или X столѣтія. Письма, о которыхъ упоминаютъ Августинъ и Іеронимъ, не дошли до насъ. При безчисленномъ множествѣ обращавшихся въ то время апокрифическихъ и подложныхъ сочиненій, возбуждается сильное сомнѣніе относительно

ихъ подлинности. Хронологическія даты не могутъ служить доказательствомъ ни въ пользу, ни противъ предположенія. Преданіе о сношеніяхъ Сенеки съ ап. Павломъ могло легко образоваться точно также, какъ образовалось преданіе о пророчествѣ Виргилія и т. п. При отсутствіи положительныхъ указаній въ Апостольскихъ Дѣяніяхъ, въ сочиненіяхъ Отцовъ древнѣйшей церкви, и у самого Сенеки, доказательства могутъ быть заимствованы только изъ сличенія самыхъ сочиненій Сенеки съ твореніями христіанства [1]).

При этомъ оказывается, что если разсматривать не отдѣльныя мѣста и выраженія, бросающіяся въ глаза своимъ видимымъ сходствомъ съ христіанскими убѣжденіями, а все ученіе Сенеки, то едва ли можно допустить въ немъ знакомство съ Евангельскою проповѣдью. Вся сущность ученія Сенеки тотъ же стоицизмъ, только развитый нѣсколько далѣе. Уже одна апологія самоубійству находится въ слишкомъ рѣзкой

[1]) Вопросъ о сношеніяхъ Сенеки съ христіанами, о возможности христіанскаго вліянія на его убѣжденія былъ предметомъ многихъ споровъ въ нѣмецкой и французской ученой литературѣ. Ограничимся здѣсь указаніемъ на слѣдующіе труды. *Amédée Fleury* издалъ въ 1853 году особое сочиненіе (Saint Paul et Sénèque), съ цѣлію доказать, что воспитатель Нерона лично зналъ ап. Павла, знакомъ былъ съ книгами Св. писанія и, не сдѣлавшись христіаниномъ, высоко цѣнилъ Евангельское ученіе, заимствуя изъ него убѣжденія, дотолѣ чуждыя древнему міру. Въ 1857 году *Ch. Aubertin* (Etude critique sur les rapports supposés entre Sénèque et Saint Paul) подвергъ разсмотрѣнію, вопервыхъ, всѣ доказательства, на которыхъ основывается предположеніе о знакомствѣ Сенеки съ проповѣдниками Евангелія и съ книгами Св. писанія; вовторыхъ, всѣ мѣста, въ которыхъ видятъ сходство съ христіанскою доктриной. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что у насъ нѣтъ никакихъ сколько-нибудь положительныхъ фактовъ, на которыхъ можно бы было основать это предположеніе; что самое сходство убѣжденій Сенеки съ христіанскими чисто внѣшнее, болѣе кажущееся, нежели существенное; наконецъ, что даже высказывая совершенно одинаковыя убѣжденія, философъ доходилъ до нихъ совершенно иными путемъ.

противоположности съ основнымъ убѣжденіемъ христіанства и была бы необъяснима, если бы мы признали близкое знакомство Сенеки съ ап. Павломъ, а особенно его обращеніе въ христіанство. Къ тому же разница въ направленіи, обнаружившаяся между нимъ и предшествовавшими мыслителями, можетъ быть объяснена и безъ этого. Не забудемъ тотъ поворотъ въ общественномъ сознаніи, на который мы указывали, говоря о развитіи религіозныхъ вѣрованій. Тѣ же причины, которыя, независимо отъ христіанства и до его появленія, вызвали новыя религіозно-философскія ученія, привели и къ отрицанію многихъ понятій прежней цивилизаціи. Стоицизмъ Сенеки уже потому весьма во многомъ долженъ былъ по необходимости отходить отъ первоначальнаго ученія Зенона, что между ними значительный промежутокъ времени, въ продолженіе котораго въ жизни древняго общества совершилось существенное измѣненіе. Одно ослабленіе національной исключительности, вызванное римскими завоеваніями, должно было неминуемо вести къ предчувствію, ежели не къ положительному сознанію единства человѣческаго рода; а при этомъ должно было смягчаться также горделивое презрѣніе къ рабамъ и варварамъ. Затѣмъ утрата гражданской свободы, усиленіе деспотизма должны были сильно дѣйствовать на измѣненіе воззрѣній на рабство. Гнетъ деспотизма сближалъ разстояніе, существовавшее до сихъ поръ между рабомъ и свободнымъ гражданиномъ, и долженъ былъ невольно наводить на тѣ размышленія, какія занимаютъ Сенеку въ приведенномъ мѣстѣ о внутренней несогласимости требованій политической свободы съ сохраненіемъ домашняго деспотизма. Очень часто случалось, что рабы получали особенное вліяніе, овладѣвъ волею или привязанностію цезаря или сильнаго временщика, и тогда свободные граждане, потомки знатнѣйшихъ римскихъ фамилій, принуждены были заискивать ихъ благосклонность. Вообще все, что можно

допустить съ нѣкоторымъ основаніемъ, это—посредствующее вліяніе христіанскихъ идей, которыя тѣмъ скорѣе проникали въ сознаніе общества, чѣмъ болѣе оно было приготовлено къ ихъ принятію. Но для этого не нужно непремѣнно предполагать личное знакомство и близкія отношенія между Сенекою и ап. Павломъ. Сказанное объ измѣненіи философскаго воззрѣнія на рабство можно примѣнить и къ римскому законодательству. Въ это же самое время оно начинаетъ постепенно смотрѣть все благосклоннѣе на рабовъ, въ противоположность неумолимымъ, строго логическимъ опредѣленіямъ стараго права. Въ томъ и другомъ случаѣ позволительно, даже, можетъ быть, должно допустить косвенное вліяніе христіанскихъ идей, втѣснявшихся въ языческое общество противъ его воли и во время самыхъ преслѣдованій христіанъ. Возвращаясь къ воззрѣнію на рабовъ римской философіи, укажемъ на Епиктета и Марка-Аврелія, также послѣдователей Стои. Епиктетъ зналъ христіанъ и самъ говоритъ объ этомъ. Маркъ-Аврелій долженъ былъ знать ихъ. Къ Марку-Аврелію адресована одна изъ первыхъ апологій христіанства, написанная Юстиномъ Мученикомъ. И Епиктетъ, бывшій нѣкогда самъ рабомъ, и Маркъ-Аврелій, сохранившій на тронѣ цезарей свои философскія убѣжденія, высказали много прекраснаго и благороднаго относительно рабства. Тѣмъ не менѣе оба они остались вѣрны основнымъ положеніямъ стоицизма и вообще древней философіи. Они служатъ лучшимъ доказательствомъ того послѣдовательнаго измѣненія въ направленіи, которое совершалось въ философскомъ сознаніи, *главнымъ образомъ* вслѣдствіе измѣненій въ самомъ общественномъ устройствѣ и отношеніяхъ и лишь отчасти подъ вліяніемъ христіанскихъ идей.

Послѣ нихъ мы можемъ указать еще на сочиненія Плинія и Плутарха. Достаточно прочитать опроверженіе Плутархомъ приведеннаго выше совѣта Катона Старшаго о продажѣ

престарѣлыхъ и больныхъ рабовъ, чтобы понять все различіе между воззрѣніемъ чисто римскимъ и воззрѣніемъ той переходной эпохи, къ которой принадлежитъ Плутархъ, не бывшій христіаниномъ, но уже потерявшій пониманіе прежнихъ вѣрованій, хотя и мечтавшій о ихъ возстановленіи. Если объяснять вліяніемъ христіанства всѣ отступленія отъ воззрѣній, господствовавшихъ въ древней Греціи и Римѣ, то пришлось бы говорить о вліяніи христіанства еще до его появленія. Вліянію христіанства и безъ того принадлежитъ законнымъ образомъ великая роль въ измѣненіи существующаго порядка. Мы не умалимъ ея, если отвергнемъ преувеличенія.

Мы должны обратиться теперь къ чисто христіанскому воззрѣнію на рабство, чтобы получить возможность надлежащимъ образомъ опредѣлить характеръ тѣхъ измѣненій, которыя скоро начали обнаруживаться въ римскомъ законодательствѣ, еще задолго до того времени, когда въ лицѣ Константина Великаго христіанство взошло на тронъ цезарей.

Христіанство уничтожило рабство въ его принципѣ, признавъ единство человѣческой природы и ея происхожденія. «Нѣтъ раба, ни свободнаго.... ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ.» Христіанство не обращалось къ рабамъ съ призывомъ къ политической и гражданской свободѣ. Напротивъ, оно проповѣдывало покорность своей участи, примиреніе съ тѣмъ положеніемъ, въ которое поставили каждаго рожденіе или обстоятельства. «Каждый оставайся въ томъ званіи, въ какомъ призванъ», двукратно повторяетъ ап. Павелъ (І-ое къ Коринө.). Отъ рабовъ прежде всего требуется повиновеніе къ ихъ господамъ. «Рабы! Будьте послушны господамъ своимъ по плоти, съ уваженіемъ и страхомъ, въ простотѣ сердца вашего, какъ Христу; не при глазахъ только служа, какъ человѣкоугодники, но какъ рабы Христовы, исполняя волю Божію отъ души, служа съ усердіемъ, какъ Господу»

(къ Ефесс., къ Кол). «Всѣ рабы, подъ игомъ находящіеся, должны почитать господъ своихъ достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божіе и ученіе» (І-ое къ Тим.) Въ послѣднихъ словахъ ап. Павла какъ бы проглядываетъ заботливое отклоненіе возможнаго упрека въ томъ, что новое ученіе будто бы стремится измѣнить существующія отношенія. Отцы церкви высказываются въ томъ же духѣ. «Іисусъ Христосъ, говоритъ Августинъ, не призываетъ рабовъ къ свободѣ; Онъ измѣняетъ дурныхъ рабовъ въ добрыхъ, учитъ ихъ быть привязанными къ господамъ не вслѣдствіе необходимости, вытекающей изъ ихъ положенія, а вслѣдствіе наслажденія, доставляемаго исполненіемъ долга.» Христіанскій рабъ языческаго господина не долженъ даже желать свободы. «Если ты рабъ, пишетъ св. Исидоръ, и просвѣщенъ вѣрою, не будь недоволенъ твоею участью, которая не можетъ назваться несчастною. Я даже дамъ тебѣ такой совѣтъ. Если бы ты и могъ получить свободу, то долженъ предпочесть рабство.» Такимъ образомъ, если христіанство обращалось преимущественно къ низшимъ, угнетеннымъ классамъ народа и тамъ находило себѣ многочисленныхъ послѣдователей, въ чемъ упрекали его не разъ язычники, то никто, конечно, не скажетъ, что христіанство привлекало ихъ къ себѣ обѣщаніемъ измѣненія ихъ соціальнаго положенія. Скорѣе этимъ увѣщаніемъ къ покорности своему положенію можно объяснить то обстоятельство, что значительнѣйшая часть доносовъ, направленныхъ противъ христіанъ, доносовъ въ неслыханныхъ преступленіяхъ, въ людоѣдствѣ и т. п., выходила именно отъ рабовъ. Но при всемъ этомъ христіанство было главнѣйшею причиной упраздненія рабства, этой язвы древняго міра. Дѣло въ томъ, что христіанство смотрѣло на него совершенно иначе, чѣмъ языческій міръ. По его воззрѣнію, рабство не имѣло въ себѣ ничего унижающаго, недостойнаго человѣка. Матеріальный

трудъ, которымъ, за немногими исключеніями, такъ гнушался свободный гражданинъ греческихъ и римской республикъ, былъ высоко имъ поднятъ. Во время последнихъ соціальныхъ волненій не разъ выставлялся на знамени современныхъ намъ реформаторовъ девизъ: «право на трудъ». Христіанство поставило на своемъ знамени *обязанность* труда. Правда, въ понятіяхъ христіанскихъ мыслителей трудъ есть одно изъ слѣдствій грѣхопаденія; но послѣ искупленія трудъ получилъ совершенно новое значеніе. Божественный Основатель христіанскаго ученія рождается въ жилищѣ скромнаго рабочаго; его ученики, проповѣдники Благовѣстія, жили трудами рукъ своихъ. Каждый трудъ, каждое занятіе не есть печальная необходимость для человѣка, а становится для него почетомъ, даетъ ему право на уваженіе. Только тѣ занятія, которыми растлѣвается душа или тѣло, безчестятъ человѣка въ глазахъ христіанскаго общества. Долженъ трудиться даже тотъ, кто не имѣетъ нужды въ трудѣ для поддержанія своего существованія. Обязанность труда становится общею для всѣхъ. Уже одно это должно было содѣйствовать измѣненію воззрѣнія на рабство, оправдываемое въ древности тѣми соображеніями, что механическій трудъ и черная работа не совмѣстимы съ достоинствомъ свободнаго гражданина. Но это не все. Христіанство отрицало рабство въ самомъ его основаніи. Рабъ былъ въ его глазахъ не вещью, безусловно принадлежащею владѣльцу, не однимъ изъ видовъ рабочихъ орудій, не существомъ низшей породы, а полноправнымъ гражданиномъ Небеснаго града, любимый членъ Христовой церкви. Имя раба дѣлается почти почетнымъ среди христіанъ. Члены церкви гордятся именемъ рабовъ Божіихъ (Servi Dei, ancillae Dei и др.). Люди, поставленные во главѣ христіанской общины, по преимуществу украшаются этимъ именемъ. И не только рабами Бога называютъ себя христіане, но даже рабами

своихъ ближнихъ. Признаніе духовнаго равенства между всѣми людьми прямо заявлено при первомъ появленіи христіанскаго Благовѣстія, и эту мысль постоянно развиваютъ его учители. «Нѣтъ ни кого, кто былъ бы рабомъ по природѣ», говорятъ одни. «Богъ, создавшій первыхъ людей свободными и равными, не создалъ рабовъ для ихъ услуженія», замѣчаютъ другіе. Внѣшнее положеніе человѣка не есть что-нибудь существенное, не можетъ служить препятствіемъ къ достиженію главнѣйшей цѣли, къ которой долженъ стремиться христіанинъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно даже можетъ ему содѣйствовать. Свобода и несвобода суть состоянія нравственныя. Духовная свобода можетъ существовать въ рабѣ и ея можетъ не быть въ свободномъ гражданинѣ. Въ этомъ воззрѣніи христіане отчасти сходились со стоиками. По мнѣнію Августина, точно также какъ и по убѣжденію Епиктета, мудрый свободенъ, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, ибо для него не существуетъ внѣшнихъ препятствій. Христіане, какъ и стоики, признаютъ рабство плоти и свободу духа. «Я назову благороднымъ и знатнымъ, говоритъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ ораторовъ христіанской церкви, раба, отягченнаго цѣпями, если увижу его жизнь; я назову низкимъ и безчестнымъ того, кто среди почестей сохраняетъ рабскую душу.» Но тутъ же христіанство значительно расходится со стоицизмомъ. Оно не могло довольствоваться однимъ признаніемъ безразличія внѣшняго положенія и бытія духовной свободы. Считая покорность одною изъ важнѣйшихъ добродѣтелей раба, оно въ то же время обращалось къ господину, требуя отъ него кроткаго и человѣколюбиваго обращенія съ рабами, какъ обязанности, какъ перваго долга. Въ его глазахъ рабъ, охотно исполняющій свои обязанности относительно господина, совершаетъ подвигъ; господинъ же, обращающійся съ рабомъ, какъ съ человѣкомъ, равнымъ ему по природѣ, исполняетъ не болѣе, какъ

свой долгъ. Объ этомъ можетъ всего лучше свидѣтельствовать посланіе ап. Павла къ Филимону. Павелъ встрѣтилъ бѣглаго раба Филимонова, Онисима, и обратилъ его въ христіанство. Отправляя его обратно къ господину, онъ, называя себя рабомъ и не желая приказывать, проситъ Филимона принять бѣглеца, какъ бы онъ принялъ его самого, «уже не какъ раба, но выше раба, какъ брата возлюбленнаго». Рабъ, принявшій христіанство, переставалъ быть рабомъ, кому бы онъ ни служилъ. У господина язычника онъ самъ сознавалъ себя вполнѣ свободнымъ; у господина христіанина онъ былъ такимъ и въ сознаніи своего владѣльца. Мало того. Признавая полное равенство въ лонѣ церкви, христіанство тѣмъ самымъ уже отрицало и соціальное неравенство. Оно указывало рабу на законную дорогу и на гражданское освобожденіе. Ап. же Павелъ замѣчаетъ: «Рабомъ ли ты призванъ, не смущайся; но если можешь сдѣлаться и свободнымъ, то лучшимъ воспользуйся. Ибо призванный въ Господѣ рабъ есть свободный Господа, равно и призванный свободнымъ есть рабъ Христовъ. Вы куплены дорогою цѣною; не дѣлайтесь рабами человѣковъ» (I-ое къ Кор.). Внутри христіанской общины не только совершенно измѣнялись отношенія между рабами и господиномъ, но естественно было придти и къ сознанію необходимости упраздненія самого рабства, какъ состоянія ненормальнаго. Разсматривая причины происхожденія рабства, христіанскіе мыслители приходили къ различнымъ заключеніямъ, одинаково приводившимъ къ убѣжденію въ необходимости его отмѣны. Однимъ казалось, что рабство есть слѣдствіе грѣхопаденія, злоупотребленія человѣкомъ его первоначальной свободы: съ этой точки зрѣнія рабство должно быть удѣломъ всего человѣчества. Другіе прямо приписывали его происхожденіе насилію, слабости и несчастію. Въ обоихъ случаяхъ уничтожались античныя воззрѣнія. Рабство, какъ слѣдствіе грѣхопаденія,

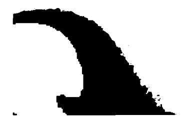

упраздняется пришествіемъ Искупителя, взявшаго на себя грѣхи міра; какъ слѣдствіе насилія, оно не мыслимо въ царствѣ мира и правды. Знаменитый Іоаннъ Златоустъ требовалъ, чтобы никто не пріобрѣталъ новыхъ рабовъ иначе, какъ съ цѣлію воспитать ихъ къ духовной и гражданской свободѣ. По мѣрѣ того, какъ росла христіанская община, отпущеніе рабовъ на волю становилось все чаще и чаще. Первый примѣръ отпущенія всѣхъ рабовъ на волю поданъ былъ Гермесомъ, префектомъ Рима при Траянѣ. Онъ принялъ христіанство съ своимъ семействомъ и съ 1250 рабами. Въ день Пасхи, когда происходило крещеніе, Гермесъ далъ всѣмъ имъ свободу и средства къ первому обзаведенію. Другой префектъ Рима, уже при Діоклетіанѣ, далъ свободу своимъ 1400 рабамъ, говоря, что тѣ, кто называются сынами Божіими, не могутъ уже служить человѣку. Мы знаемъ примѣры отпуска на волю 5 и 8 тысячъ рабовъ разомъ. Вскорѣ церковь приняла на себя организацію отпущенія на волю. Какъ въ языческомъ обществѣ отпущеніе совершалось предъ трибуналомъ претора, такъ въ христіанскомъ—въ храмѣ предъ алтаремъ, въ присутствіи духовенства и вѣрныхъ. Не ставя отпущенія рабовъ на волю необходимымъ условіемъ для каждаго христіанина, церковь однакоже всѣми силами содѣйствовала освобожденію. Нѣтъ сомнѣнія, что ея усилія не остались безплодны.

Теперь обратимъ вниманіе на то, какими путями проникало христіанское вліяніе въ древній міръ? Считаемъ нужнымъ остановиться на этомъ прежде, чѣмъ говорить о самыхъ слѣдствіяхъ новаго ученія относительно положенія рабовъ.

Разумѣется, главнѣйшимъ средствомъ для распространенія христіанства была устная проповѣдь. Христіанская церковь уже въ апостольскія времена насчитывала много послѣдователей не только въ восточной половинѣ Римской имперіи, но и въ самомъ Римѣ и въ западныхъ провинціяхъ. Вскорѣ къ

этому присоединились другія средства, направленныя по преимуществу въ защиту христіанъ противъ обвиненій, которыя взводились на нихъ язычниками и находили себѣ вѣру не только въ народныхъ массахъ, принимавшихъ самыя неестественныя и нелѣпыя обвиненія, но и среди людей образованныхъ, стоявшихъ во главѣ управленія. Въ апологіяхъ опровергались эти обвиненія и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрывалась сущность христіанской догмы и нравственности. Ихъ вліяніе было значительно. Онѣ расходились во множествѣ среди язычниковъ, проникая туда, куда не могла достигнуть устная проповѣдь. Апологіи христіанства являются довольно рано. Мы находимъ ихъ уже въ первой половинѣ II столѣтія. Большая часть изъ нихъ написана людьми, владѣвшими всѣмъ современнымъ образованіемъ и потому удовлетворяла всѣмъ литературнымъ требованіямъ, что доставляло ей доступъ въ высшіе слои греко-римскаго общества. Первыя апологіи, извѣстныя намъ, относятся ко времени Адріана, именно къ 131 году. Въ это время Адріанъ находился въ Греціи и былъ посвященъ въ элевзинскія мистеріи. Послѣднее обстоятельство возбудило религіозный фанатизмъ народа и, помимо воли императора, вызвало преслѣдованіе христіанъ. Тогда изъ Аѳинъ, центра эллинской религіи, раздались голоса въ защиту христіанъ. Квадратъ, епископъ христіанской аѳинской общины, и Аристидъ философъ, сохранившій и послѣ обращенія въ христіанство прежнія занятія и прежній образъ жизни, представили Адріану два сочиненія, которыя должны были внушить ему надлежащее понятіе о гонимомъ ученіи. Обѣ апологіи не дошли до насъ, также какъ и другія, относящіяся къ тому же времени, написанныя Мильтіадомъ, Клавдіемъ, Аполлинаріемъ епископомъ фригійскаго Гіерополиса, Иринеемъ знаменитымъ учителемъ Галліи, Мелитомъ епископомъ Сардскимъ, и, можетъ быть, еще нѣкоторыми. Апологіей Юстина Мученика открывается рядъ дошедшихъ до насъ сочиненій, направленныхъ

въ защиту христіанъ. Юстинъ родился въ самомъ началѣ II вѣка въ самарійскомъ Сихемѣ (потомъ Flavia Neapolis). По всей вѣроятности, его отецъ Прискъ, человѣкъ, кажется, довольно богатый, былъ родомъ Грекъ и поселился въ Сихемѣ вмѣстѣ съ римскими колонистами, приведенными въ этотъ городъ Флавіемъ Веспасіаномъ. Юстинъ получилъ блестящее воспитаніе. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій (разговоръ съ Трифономъ) онъ разсказываетъ о своихъ занятіяхъ философіей и о мотивахъ своего обращенія къ христіанству. До нѣкоторой степени это—повтореніе того же процесса, который мы уже видѣли въ героѣ Климентинъ и можемъ замѣтить въ жизни многихъ христіанскихъ учителей. Юстинъ требовалъ отъ философіи попреимуществу разрѣшенія тѣхъ вопросовъ о Богѣ, которые въ немъ съ молодыхъ лѣтъ требовали отвѣта. Прежде всего онъ обратился къ стоицизму и долго посѣщалъ лекціи его философовъ. Но тутъ онъ не нашелъ утѣшенія. «Стоическая философія, говорилъ онъ потомъ, не только не знаетъ Бога, но даже не чувствуетъ и самой необходимости знать Его». Точно также неудачны были его обращенія къ ученіямъ перипатетиковъ и пиѳагорейцевъ. Съ первыхъ же уроковъ знаменитый перипатетикъ, славившійся необыкновенною проницательностью, попросилъ ученика опредѣлить точнѣе плату за преподаваніе. Пиѳагореецъ прежде всего потребовалъ отъ него знанія музыки, астрономіи и геометріи, безъ изученія которыхъ душѣ трудно отрѣшиться отъ чувственности и быть приготовленной къ созерцанію благаго и прекраснаго. Только на ученіи Платона на время успокоилось пытливое стремленіе Юстина. Занятія Платономъ дали его мышленію, по его собственному сознанію, новую, неизвѣстную ему дотолѣ силу, и онъ надѣялся скоро достигнуть пониманія и созерцанія божества. Среди этого увлеченія платонизмомъ случайная встрѣча съ христіанскимъ учителемъ обнаружила передъ нимъ слабыя, неподозрѣваемыя имъ стороны его

идеала и заставила обратиться къ изученію книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Обращеніе Юстина къ христіанству относится къ 133 году, тридцатому въ его жизни. Сдѣлавшись христіаниномъ, онъ однакоже не оставилъ и своихъ философскихъ занятій. Напротивъ, онъ открылъ философскую школу въ Римѣ, будучи въ то же время, какъ кажется, священникомъ въ греческой христіанской общинѣ, образовавшейся въ этомъ городѣ. Главнымъ стремленіемъ Юстина было распространеніе христіанскихъ воззрѣній между язычниками и Іудеями посредствомъ разсѣянія ложныхъ предубѣжденій противъ нихъ. Съ этою цѣлью написаны имъ: Объ единствѣ Божіемъ, Разговоръ съ Трифономъ Іудеемъ, послѣдній въ формѣ Платоновыхъ діалоговъ. Въ оправданіе христіанъ предъ правительствомъ онъ написалъ двѣ апологіи: одну, которая посвящена императору Антонину Благочестивому и его пріемнымъ сыновьямъ, Марку-Аврелію и Луцію Веру, относятъ къ 139 или 150 году; другую, обращенную къ императорамъ Марку-Аврелію и Луцію Веру, къ 162-му. Онѣ вызваны чувствомъ негодованія противъ несправедливаго и ничѣмъ не оправдываемаго преслѣдованія, которое обрушивалось на христіанъ даже въ правленіе лучшихъ императоровъ. Онѣ написаны чрезвычайно рѣзко и смѣло и неограничиваются одною защитою христіанъ, но содержатъ въ себѣ и опроверженіе языческихъ заблужденій. Отъ правительства Юстинъ требуетъ справедливости, а не снисхожденія или помилованія. Обращаясь къ императорамъ, онъ говоритъ: «Событія должны показать, правду ли говорятъ о васъ, называя васъ благочестивыми и мудрыми, блюстителями правды и друзьями знанія. Разсмотрите наше ученіе и нашу жизнь», и тотчасъ же спѣшитъ прибавить: «вы можете убить насъ, но повредить намъ вы не въ силахъ». Изложивъ христіанское ученіе о Богѣ, показавъ, какое нравственное преобразованіе производитъ оно въ душахъ обращенныхъ

язычниковъ, сдѣлавъ очеркъ христіанской нравственности, указавъ на покорность христіанъ существующей власти, Юстинъ бросаетъ въ лицо императорамъ горькій и незаслуженный ими упрекъ, объясняемый развѣ только силою негодованія, возбужденнаго въ немъ преслѣдованіями: «Кажется, вы боитесь, что, когда всѣ сдѣлаются христіанами и научатся жить по правдѣ, вамъ некого будетъ наказывать и придется носить имя палачей, вмѣсто того, чтобы называться добрыми правителями». Такія апологіи не могли расположить правительство въ пользу христіанъ, особенно въ пользу автора, и мы видимъ, что Юстинъ скоро погибъ по доносу его ожесточеннаго врага, циника Кресценція. Обстоятельства, вызвавшія судъ и казнь надъ Юстиномъ, намъ неизвѣстны; знаемъ только, что онъ погибъ въ 167 или 168 году. Дѣйствіе апологіи Юстина не ограничивалось впрочемъ однимъ правительствомъ. Она во множествѣ распространялась между образованными классами общества и должна была значительно содѣйствовать распространенію христіанскихъ воззрѣній, изложенныхъ въ ней ясно, изящнымъ языкомъ, со всѣми пріемами человѣка, владѣвшаго всѣмъ современнымъ образованіемъ.

Вслѣдъ за Юстиномъ написалъ апологію Таціанъ, родомъ Сиріецъ, бывшій, по свидѣтельству Иринея, ученикомъ Юстина и послѣ его кончины, кажется, завѣдывавшій нѣсколько времени христіанско-философскою школой въ Римѣ, основанною его учителемъ. Подобно Юстину, Таціанъ также пришелъ къ христіанству послѣ долгаго исканія истины въ школахъ современныхъ ему философовъ. Таціанъ былъ посвященъ, кромѣ того, во многія мистеріи. Избѣгая преслѣдованій и доносовъ Кресценція, погубившаго Юстина, удалился Таціанъ на Востокъ, но кажется еще прежде, именно около 169 или 170 года, написалъ свое Слово къ Грекамъ въ защиту христіанства. Впослѣдствіи онъ увлекся ученіемъ гностиковъ и даже былъ

основателемъ гностической секты Енкратитовъ, отличавшейся аскетическимъ направленіемъ, отвергавшей бракъ, не допускавшей употребленія мяса и вина. [1]). Уже переходъ къ гностицизму показываетъ страстный, увлекающійся характеръ Таціана, и потому въ его апологіи мы не можемъ ожидать какой-нибудь сдержанности. На все нехристіанское онъ смотритъ съ глубочайшею ненавистью. Религія Грековъ кажется ему безуміемъ, философія—глупостію, греческое искусство—слугою низкихъ и порочныхъ страстей. Онъ отрицаетъ у Грековъ даже честь самостоятельнаго развитія и все, чѣмъ они гордились, считаетъ не болѣе, какъ простымъ заимствованіемъ отъ тѣхъ, кого называли они варварами. Въ сочиненіи Таціана сверхъ религіозной нетерпимости ясно обнаруживается и презрительное воззрѣніе Азіатца, гордаго своею вѣковою цивилизацiей, смотрящаго на Грековъ и Римлянъ, какъ на народы молодые, воспользовавшіеся результатами древней мудрости Востока. Сочиненіе Таціана—не столько защита христіанства, сколько ожесточенное, безпощадное опроверженіе всего языческаго, написанное только по поводу обвиненій, взводимыхъ на ученіе и нравы христіанъ. Онъ не столько занятъ изложеніемъ нравственныхъ понятій христіанскаго общества, сколько обнаруженіемъ той безнравственности, которая господствовала въ обществѣ языческомъ. Оттого трудъ Таціана можетъ служить обильнымъ источникомъ для исторіи нравовъ современной ему эпохи. Когда язычники смѣялись надъ допущеніемъ женщины въ христіанскомъ обществѣ къ занятіямъ и разсужденіямъ въ дѣлѣ вѣры, вмѣсто того, чтобы доказывать справедливость этого допущенія, Таціанъ обращается къ обвинителямъ съ запросомъ: неужели достойнѣе уваженія то общеніе публичныхъ и развратныхъ женщинъ съ философами,

[1]) Вино не употреблялось Енкратитами даже въ евхаристіи, гдѣ оно замѣнялось водою. Отсюда латинское названіе этихъ сектантовъ aquarii, водяные.

котораго примѣры такъ часто встрѣчаются въ древности? О древнихъ философахъ онъ говорилъ, что ихъ ученіе было доступно только для небольшаго числа праздныхъ и богатыхъ учениковъ, тогда какъ никакія внѣшнія условія не препятствуютъ кому-либо быть участникомъ царства Небеснаго, ибо вѣра и любовь доступны каждому. Совершенно въ иномъ духѣ написана въ то же время апологія Атенагора (165—177 гг.), о которомъ мы знаемъ только, что онъ былъ аѳинскій философъ. Главная цѣль Атенагора убѣдить императоровъ Марка-Аврелія и Луція Вера или Коммода, что христіане не заслуживаютъ преслѣдованій со стороны правительства, что въ ихъ ученіи нѣтъ ничего опаснаго для государства. Уже этою цѣлью условливалось умѣренное и осторожное изложеніе христіанскихъ воззрѣній, которое должно было расположить къ нимъ всякаго нравственнаго и справедливаго читателя. Вмѣсто того, чтобы ругаться, подобно Таціану, надъ греческою философіей, Атенагоръ съ уваженіемъ приводитъ мѣста изъ Платона и стоиковъ, въ которыхъ онъ видѣлъ сходство съ убѣжденіями христіанъ. Для послѣднихъ онъ требуетъ только того, чѣмъ пользуются всѣ другіе подданные Римской имперіи, свободы совѣсти. Онъ заключаетъ свое защищеніе мольбою къ императору: «Позвольте намъ жить спокойно, чтобы мы съ большею радостію могли вамъ повиноваться и служить вамъ». Ниже всѣхъ приведенныхъ нами апологій, и по внутреннему достоинству, и по вліянію на языческое общество, стоитъ апологія Ѳеофила, епископа антіохійской общины, изложенная въ 3 книгахъ, обращенныхъ къ язычнику Автолику (въ 170—180 гг.). Въ какомъ духѣ слѣпаго ожесточенія написана она, видно изъ тѣхъ обвиненій, какія возводитъ Ѳеофилъ на языческихъ философовъ. Не признавая за ними ничего хорошаго, онъ обвиняетъ, напр., Зенона, Діогена, Клеанта въ томъ, будто они учили людоѣдству и признавали справедливымъ, если дѣти пожирали

своихъ родителей; стоиковъ и эпикурейцевъ—въ признаніи естественною и законною связи братьевъ съ сестрами, и т. д. Къ этому присоединяется непослѣдовательность и отсутствіе единства и общаго плана изложенія. Очевидно такая защита скорѣе могла увеличить, чѣмъ уменьшить число враговъ христіанства, хотя въ апологіи Ѳеофила и встрѣчаются нѣкоторыя отдѣльныя мѣста весьма замѣчательныя. Всѣ перечисленныя апологіи написаны на греческомъ языкѣ, принадлежатъ извѣстнымъ авторамъ и относятся къ извѣстному времени. Прежде, чѣмъ перейти къ апологистамъ, писавшимъ на языкѣ латинскомъ, нельзя не упомянуть о замѣчательномъ греческомъ сочиненіи неизвѣстнаго автора, относящемся, по всей вѣроятности, также къ эпохѣ Антониновъ. Характеръ христіанскаго ученія и жизни его исповѣдниковъ обращалъ на себя глубокое вниманіе людей мыслящихъ среди язычниковъ. Естественны были вопросы такого рода съ ихъ стороны: какого Бога чтутъ христіане съ такою вѣрою, презирая все мірское, не боясь смерти и такъ нѣжно любя другъ друга? Почему не признаютъ они боговъ Греціи и отвергаютъ іудейское суевѣріе? Почему христіанство, если только оно есть истинная религія, явилось теперь, а не гораздо раньше? Съ такими вопросами обратился язычникъ Діогнетъ къ неизвѣстному христіанскому мыслителю и отвѣтомъ на нихъ было посланіе къ Діогнету, которое долго приписывали Юстину Мученику; но оно очевидно принадлежитъ не ему и, вѣроятно, даже написано нѣсколько раньше его апологіи. Это посланіе—одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ христіанской письменности. Оно отличается не только яснымъ, сдержаннымъ, чисто греческимъ способомъ изложенія, свидѣтельствующимъ о высокой образованности писавшаго, но также благороднымъ направленіемъ, чуждымъ духа партій и фанатической односторонности. Такое сочиненіе должно было разсѣять много предубѣжденій противъ христіанства въ людяхъ,

отвращавшихся отъ него главнымъ образомъ изъ боязни встрѣтить въ немъ одно изъ безчисленныхъ суевѣрій, зарождавшихся въ это время.

Изъ латинскихъ апологистовъ мы остановимся только на двухъ, на Минуціи Феликсѣ и на знаменитомъ Тертулліанѣ. Оба они были родомъ изъ Африки. О Тертулліанѣ это извѣстно положительно, о Минуціи Феликсѣ есть нѣкоторыя основанія такъ думать. Оба они считались лучшими писателями своего времени и должны были имѣть большое вліяніе на западно-римское общество. Потому, что въ сочиненіи Минуція Феликса упоминается Фронтонъ, наставникъ Марка-Аврелія, а также и по другимъ признакамъ, нѣкоторые относятъ его апологію ко времени Марка-Аврелія. Минуцій былъ риторомъ и юристомъ въ Римѣ и только въ довольно зрѣломъ возрастѣ обратился къ христіанству. Его апологія называется «Октавій» и написана въ разговорной формѣ, весьма употребительной въ древности и заимствованной многими христіанскими писателями. Мѣсто дѣйствія на морскомъ купаньѣ близь Остіи. Главныя дѣйствующія лица—Януарій Октавій, римскій юристъ, обратившійся въ христіанство, и Цецилій Наталисъ, язычникъ. Цецилій высказываетъ всѣ обычныя возраженія и обвиненія противъ христіанъ. Онъ вооружается столько же противъ ихъ вѣроученія, сколько и противъ ихъ нравственности, какъ она представлялась предубѣжденному обществу. Въ возраженіяхъ Цецилія противъ метафизической стороны христіанскаго ученія слышится, съ одной стороны, скептическое ученіе Новой академіи, убѣжденіе, что въ мірѣ нѣтъ критеріума истины, что человѣкъ принимаетъ за истину только вѣроятное; съ другой—горделивое презрѣніе философа къ людямъ, осмѣлившимся сдѣлать истину удѣломъ всего человѣчества, а не исключительнымъ достояніемъ немногихъ избранныхъ. Лицо Цецилія, по всей вѣроятности, вымышлено, но въ его рѣчи Минуцій весьма

искусно сдѣлалъ сводъ главнѣйшихъ возраженій древняго общества противъ новаго. Октавій опровергаетъ одно за другимъ всѣ эти возраженія. Его защита сама собою распадается на двѣ части: полемическую, въ которой доказывается несостоятельность языческихъ вѣрованій, и апологетическую, содержащую въ себѣ оправданіе христіанства.

Знаменитѣйшимъ изъ апологистовъ считается по праву Тертулліанъ, и едва ли кто даже изъ христіанскихъ писателей слѣдующихъ столѣтій превосходитъ его въ силѣ и энергіи слова. Квинтъ Септимій Флоренсъ Тертулліанъ родился въ Карѳагенѣ около 160 года. Его отецъ былъ центуріономъ въ римскомъ легіонѣ. Первыя его занятія были тѣже, что у Минуція Феликса. Тертулліанъ былъ юристомъ и, можетъ быть, ему принадлежатъ нѣкоторые фрагменты, сохранившіеся въ пандектахъ. Къ христіанству онъ обратился довольно поздно, не раньше 30 года своей жизни; но сразу отдался ему со всѣмъ страстнымъ увлеченіемъ своей натуры. На Тертулліанѣ всего лучше можно прослѣдить то воздѣйствіе мѣстнаго африканскаго элемента, которое обнаруживалось на людяхъ, повидимому вполнѣ подчинившихся дѣйствію римской цивилизаціи. Не говоря уже о характерѣ Тертулліана, на которомъ вполнѣ отразилось его неримское происхожденіе, самый его слогъ рѣзко отличается отъ стиля римскихъ и даже всѣхъ вообще европейскихъ писателей, употреблявшихъ латинскій языкъ. Этотъ слогъ отличается чрезвычайною сжатостью, которая иногда дѣлаетъ его темнымъ, хотя въ то же время онъ цвѣтистъ и исполненъ образности. Почти постоянно онъ пользуется гиперболами. Чувства мѣры не было въ самомъ характерѣ Тертулліана. Съ языкомъ латинскимъ, на которомъ писалъ Тертулліанъ, онъ обращается совершенно произвольно; онъ латинизируетъ греческія слова, изобрѣтаетъ новыя латинскія, или придаетъ новый смыслъ старымъ. Преобладающею стороной

въ характерѣ Тертулліана было воображеніе, развитое до чрезвычайныхъ размѣровъ. Глубиною, возвышенностію мысли онъ не отличался. Христіанство привлекло его къ себѣ болѣе практическою, нежели спекулятивною своею стороной. Онъ возставалъ противъ чисто идеальныхъ воззрѣній, имѣлъ такую же антипатію къ Платону, какъ и къ гностицизму. Умъ Тертулліана ясный, твердый, логическій; но въ немъ нечего искать гибкости. Внѣ чувственныхъ представленій онъ ничего не признаетъ, потому что дѣйствительность безъ опредѣленной формы и образа для него немыслима. Самую душу человѣка онъ не могъ себѣ представить иначе, какъ въ тѣлесномъ образѣ. Замѣтимъ еще черту въ характерѣ Тертулліана, также свойственную тому племени, къ которому онъ принадлежалъ по происхожденію, и которую не могли сгладить ни римское образованіе, ни христіанство. Страстное увлеченіе Тертулліана отличалось суровостью, носило на себѣ аскетическій, мрачный характеръ. Если онъ не былъ способенъ по натурѣ къ идеальному направленію, то это не исключало въ немъ наклонности къ мистицизму, которымъ впослѣдствіи онъ дѣйствительно увлекся, даже отступивъ отъ православія, перейдя къ ереси монтанистовъ, болѣе соотвѣтствующей его мрачной, суровой восторженности. Свои защитительныя сочиненія за христіанство Тертулліанъ писалъ впрочемъ еще до этого отступленія. Первое изъ нихъ «Liber christianae religionis apologeticus», или, какъ принято его называть, просто «Apologeticus», написано ок. 198 года (никакъ не позже 202-го) и адресовано, по всей вѣроятности, къ римскимъ правителямъ областей; по крайней мѣрѣ иначе трудно объяснить, кого могъ разумѣть Тертулліанъ подъ словами antistites populi romani. Второе—«Adversus nationes», въ двухъ книгахъ, во многомъ сходно съ апологіей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ 1-й книгѣ, представляетъ просто передѣлку ея. Главное различіе въ цѣли обоихъ сочиненій.

Второе изъ нихъ предназначалось для болѣе широкаго круга дѣйствія, что явствуетъ изъ самаго его заглавія: «Посланіе къ народамъ». Написанная наканунѣ преслѣдованія, воздвигнутаго Септиміемъ Северомъ противъ христіанъ, апологія Тертулліана протестуетъ противъ незаконныхъ поступковъ правительства относительно христіанъ. «Если всякая гласная защита истины отнята у насъ, говоритъ онъ, если вамъ страшно или стыдно публично изслѣдовать истину, да позволено будетъ, по крайней мѣрѣ, защищать ее путемъ молчаливаго письма. Истина не требуетъ отъ васъ помилованія и не удивляется своей участи. Она знаетъ, что ея отечество не на землѣ, что она должна имѣть враговъ между чуждыми ей. Она знаетъ что ея родина, жилище, надежда и величіе на Небѣ. Она требуетъ одного только, чтобы ее не осуждали, не узнавъ ея. Уменьшится ли сила законовъ, если ее выслушаютъ? Или же усилится ихъ могущество, если они осудятъ истину, не выслушавъ ея? Нѣтъ! Если они осуждаютъ ее не выслушанную, то, кромѣ заслуженнаго упрека въ явной несправедливости, они навлекутъ на себя еще подозрѣніе въ томъ, что потому и не хотѣли выслушать ее, что чувствуютъ безсиліе осудить выслушанную». Тертулліанъ спрашиваетъ, не самая ли высшая несправедливость осуждать христіанъ только за то, что они носятъ это имя, вынуждать мучительными пытками не сознаніе въ преступленіяхъ, въ которыхъ они обвиняются, а отреченіе отъ этого ненавистнаго имени? Затѣмъ онъ переходитъ къ опроверженію взводимыхъ на христіанъ обвиненій въ безнравственности, въ непризнаніи господствующей религіи и въ неповиновеніи существующей власти. И здѣсь у Тертулліана полемическая сторона занимаетъ столько же мѣста, какъ и апологетическая: защита безпрерывно обращается въ нападеніе. Отстраняя отъ христіанъ упреки въ безнравственности и въ безбожіи, Тертулліанъ рисуетъ яркими красками печальное

[redacted]

состояніе языческой морали, картину паденія древнихъ нравовъ и полную несостоятельность языческихъ вѣрованій. Его обширное образованіе, его юридическая діалектика, его страстное увлеченіе дѣлаютъ изъ него страшнаго бойца, съ которымъ тяжело было бороться ревнителямъ языческихъ заблужденій.

Мы не будемъ говорить о другихъ, позднѣйшихъ защитникахъ христіанства, какъ бы знамениты ни были нѣкоторые изъ нихъ, напр., Оригенъ, потому что время, когда дѣйствовали перечисленные нами апологисты, было самымъ тяжелымъ для христіанской церкви, было героическимъ періодомъ ея исторіи, если можно такъ выразиться. Христіанство было еще мало извѣстно въ началѣ этого періода и принуждено было бороться столько же съ невѣжествомъ, сколько и съ сознательною враждой своихъ противниковъ. Его ученіе казалось отраслью іудейскаго закона, ненавистнаго обществу по его исключительности. Его правила нравственности были совершенно неизвѣстны или выставлялись въ превратномъ видѣ. Дѣло апологистовъ было распространить, по крайней мѣрѣ въ образованныхъ классахъ общества, истинное понятіе о христіанствѣ, и этой цѣли они вполнѣ достигли. Многія изъ предубѣжденій противъ новой религіи были совсѣмъ уничтожены, и даже ея враги подверглись нѣкоторому вліянію ея идей, пущенныхъ въ оборотъ апологистами. Искуснѣйшіе и умѣреннѣйшіе изъ послѣднихъ пользовались сходствомъ, находимымъ ими между ученіемъ величайшихъ философовъ древности и Евангельскою проповѣдью. Очень часто для выраженія христіанской мысли они заимствовали самыя слова и выраженія древнихъ писателей. Греческая философія казалась имъ или заимствованіемъ изъ священныхъ книгъ еврейскаго народа, какъ давно уже доказывали и александрійскіе Евреи, или нѣкоторымъ приготовленіемъ къ христіанству, какъ выставляли ее иные христіанскіе

писатели. Такъ поступало большинство мыслителей новаго общества. Только для немногихъ греческая философія казалась совершеннымъ безуміемъ. Примѣръ христіанской философской школы мы видѣли въ школѣ, основанной въ Римѣ Юстиномъ Мученикомъ. Въ Александріи и Аѳинахъ, центрахъ греческой образованности, христіанскія школы вскорѣ стали на одну высоту съ языческими и даже далеко превзошли ихъ. Къ голосу христіанина Оригена съ уваженіемъ прислушивались языческіе ученые. Какъ измѣнилось положеніе христіанской церкви въ концѣ II вѣка, видно уже изъ слѣдующихъ горделивыхъ словъ Тертулліана въ его апологіи: «Мы явились со вчерашняго дня, и мы уже повсюду. Мы наполняемъ ваши города, ваши острова, ваши замки и деревни; мы во дворцахъ, въ сенатѣ, на форумѣ; мы оставляемъ вамъ только ваши храмы. Для какой войны мы недостаточно многочисленны, недостаточно сильны, или недостаточно вооружены? И если мы позволяемъ умерщвлять себя безъ защиты, это потому только, что наша религія позволяетъ намъ умирать самимъ, но не лишать жизни другихъ. Чтобы побѣдить васъ, намъ не нужно бы было даже прибѣгать къ возстанію или къ вооруженной силѣ: достаточно было бы простой угрозы, что мы отдѣлимся отъ васъ. Если бы, при нашей многочисленности, мы оставили васъ, чтобы удалиться въ какую-нибудь отдаленную страну, вы затрепетали бы при видѣ вашего одиночества и, замѣчая прекращеніе всякой торговли и всякой промышленности, подумали бы, что вымерло все населеніе. Тогда вамъ пришлось бы искать подданныхъ для вашего государства, и у васъ оказалось бы болѣе враговъ, чѣмъ гражданъ». Въ этихъ словахъ Тертулліана безспорно есть своя доля преувеличенія; но въ нихъ слышно въ то же время дѣйствительное сознаніе собственной силы. Въ это время церковь Христова распространилась повсюду, и ученіе Искупителя не было уже безвѣстнымъ. Оно обращало

на себя сильное вниманіе всѣхъ людей мыслящихъ, дѣлалось предметомъ государственныхъ соображеній. Его уже не проходятъ молчаніемъ. Напротивъ, самые крѣпкіе бойцы древней цивилизаціи и древнихъ вѣрованій, Фронтонъ, Цельзъ и др., считаютъ своею обязанностью напрягать всѣ силы для борьбы съ нимъ. И эта борьба была выгодна для христіанъ: они сами искали ея. Опроверженіе, написанное Оригеномъ противъ возраженій Цельза, доставило имъ новыхъ послѣдователей.

Провозгласивъ духовную свободу человѣка, Евангельское ученіе отвергло основаніе, на которомъ утверждалось античное воззрѣніе на рабство. Оно не только поставило раба наряду съ господиномъ, какъ равноправнаго члена Христовой церкви, но потребовало для него и мѣста при домашнемъ очагѣ, въ семействѣ владѣльца, подняло его въ общественномъ уваженіи. Такъ при первыхъ словахъ Божественной проповѣди для рабовъ занялась заря освобожденія, но оно долго еще не приходило вполнѣ, распространяясь лишь на отдѣльныя лица. Хотя въ значительно измѣненномъ положеніи, рабство оставалось въ самой христіанской общинѣ. Это колебаніе, нерѣшительность христіанства объясняется тѣмъ, что, повторяемъ, новое ученіе не было само по себѣ политическимъ и соціальнымъ. Подняться прямо и рѣшительно противъ рабства, какъ государственнаго учрежденія, значило бы съ перваго шага развернуть знамя возстанія противъ всей государственной системы древняго міра. Христіанскіе учители остановились передъ опасностью революціи. Провозгласивъ духовную свободу человѣка, требуя настойчиво отъ своихъ послѣдователей признанія брата въ рабѣ, они не рѣшились требовать отмѣненія рабства, какъ государственнаго института, предпочли медленное, но вѣрное дѣйствіе на совѣсть и волю отдѣльныхъ лицъ быстрому, но ненадежному перевороту, всегда почти неразлучному съ насиліемъ. И они не ошиблись. Вліяніе христіанскихъ

идей, даже и при этомъ осторожномъ, ограниченномъ способѣ дѣйствій, было чрезвычайно глубоко и обширно. Передъ ними не устояли даже строгія, неумолимыя опредѣленія старо-римскаго законодательства. Измѣненія въ юридическихъ понятіяхъ о рабствѣ, совершившіяся еще до окончательнаго торжества христіанства, лучше всего доказываютъ неотразимую силу новаго ученія. Укажемъ на эти измѣненія въ періодъ времени отъ прекращенія дома Августа до Константина Великаго.

Римское законодательство не любило безъ крайней необходимости отмѣнять древнія постановленія; но, сохраняя старые тексты законовъ, оно допускало свободу ихъ толкованія и даже требовало его. Здѣсь-то всего болѣе обнаружилось косвенное, посредственное вліяніе христіанства. Прежде всего припомнимъ, что рабы или рождаются или становятся таковыми (servi nascuntur aut fiunt). Рабство по рожденію подверглось весьма многимъ ограниченіямъ. По закону Антонина, ребенокъ, зачатый матерью рабою, но рожденный, когда она получила свободу, былъ также свободнымъ. Право отца на жизнь и смерть его дѣтей было уничтожено и предоставленіе дѣтей ихъ участи (expositio) было приравнено къ убійству. Эдиктъ Каракаллы призналъ «безчестнымъ и беззаконнымъ» продажу дѣтей родителями и строго наказывалъ заимодавца, который осмѣливался принимать ихъ въ обезпеченіе долга. Діоклетіанъ повторилъ запрещеніе продажи дѣтей. Онъ же запретилъ свободному человѣку самому отдаваться въ рабство, не смотря на его волю, скрѣпленную формальнымъ актомъ. Свободный гражданинъ, женившійся на чужой рабѣ, признанъ былъ свободнымъ, вопреки прежнему законодательству (законъ Александра Севера). Рескриптъ Діоклетіана спасъ отъ обращенія въ рабство несостоятельныхъ должниковъ. Такимъ образомъ, изъ источниковъ рабства оставались только война и

торговля. Императорское законодательство строго преслѣдуетъ обращеніе въ рабство посредствомъ разбойничества. Правительство назначаетъ смертную казнь за насильственное обращеніе въ раба свободнаго человѣка. Торговля рабами была терпима, но съ условіемъ, чтобы она довольствовалась только дозволенными источниками. За оскопленіе наказывали ссылкой и даже смертію. Императорское законодательство сдѣлало также нѣсколько ограниченій и измѣненій относительно самаго положенія раба, хотя и здѣсь оно не отмѣнило прямо древнихъ опредѣленій, а обошло ихъ. Такъ, напр., признавая раба, согласно съ старымъ публичнымъ правомъ, собственностью, вещью хозяина, оно тутъ же ставитъ опредѣленіе естественнаго права, по которому всѣ люди равны (quod ad jus naturale attinet, omnes homines aequales sunt). Въ этомъ же періодѣ видимъ мы начало признанія семейныхъ отношеній, брачныхъ союзовъ между рабами. Такъ, напр., родственныя рабскія связи принимаются въ разсчетъ по крайней мѣрѣ между отпущенниками. Точно также находимъ и начало признанія имущественныхъ правъ раба. Государственные рабы получили право располагать по завѣщанію половиною своего имущества (peculium). Императорское законодательство ограничило до нѣкоторой степени и права владѣльцевъ. Адріанъ отнялъ у нихъ право предавать смерти раба. Антонинъ за убійство собственнаго раба предписалъ наказывать точно также, какъ за убійство раба чужаго. Адріанъ запретилъ продавать раба въ гладіаторы безъ особеннаго судебнаго приговора; Маркъ Аврелій—продавать рабовъ для битвъ со звѣрями. Рабу, въ случаѣ жестокости господина, дано право искать убѣжища у подножія императорскихъ статуй. Смягченіе законодательства обнаружилось особенно въ вопросѣ объ отпущеніи рабовъ на волю. Здѣсь всего болѣе императорскій періодъ представляетъ любопытныхъ примѣровъ. Прежніе формы и способы освобожденія

.., освобожденія мужемъ
данаго жены, были или смягчен
самыя формы торжественнаго отп
justa). Этихъ формъ было главны
жезла (vindicta), или посредств
посредствомъ vindicta состояло
водилъ своего раба къ властямъ и
(говорилъ: liber esto!), а чиновн
жезла (vindicta, festuca) подт
валъ ему законную силу. Какъ
этотъ способъ, онъ представлялъ н
но было присутствіе самого господ
господинъ не могъ исполнить всѣх
законодательство отстранило и эти
го господина, требуемое закономъ
сти за него другой. Въ нѣкоторыхъ
же отсутствіе господина. Кромѣ то
правитель могъ самъ отпустить сво
образомъ, и владѣльца и чиновника.

Еще болѣе облегченій допущено
божденія по завѣщанію. Здѣсь въ
императорское законодательство
но на сторон...

то законъ давалъ самое выгодное для раба толкованіе. Такъ, по этому толкованію, свобода, данная по завѣщанію рабамъ, распространялась и на рабовъ, которые не принадлежали завѣщателю ни во время составленія завѣщанія, ни даже въ день его смерти, но которые достались ему послѣ. По толкованію знаменитаго Ульпіана, «требованія строгаго права должны были уступить требованіямъ свободы». Въ этомъ смыслѣ императорское законодательство иногда шло даже прямо противъ буквальнаго смысла завѣщанія. Если наслѣдникъ или исполнитель завѣщанія умиралъ, не успѣвъ освободить рабовъ по волѣ завѣщателя, законъ черезъ претора самъ исполнялъ ее. Также поступали въ случаѣ малолѣтства или сумашествія наслѣдника. Если наслѣдникъ или исполнитель завѣщанія уклонялся подъ разными предлогами отъ исполненія воли завѣщателя относительно рабовъ, законъ принуждалъ его къ тому. Если завѣщатель предоставлялъ освобожденіе рабовъ на волю наслѣдника, то законъ предполагалъ, что послѣдній— человѣкъ благонамѣренный (vir bonus) и непремѣнно пожелаетъ освобожденія. Если завѣщатель приказывалъ освободить рабовъ чрезъ нѣсколько лѣтъ (post annos), не опредѣляя именно черезъ сколько, законъ требовалъ, чтобы рабъ былъ отпущенъ черезъ два года. Если въ завѣщаніи находилось условіе, что три раба-трагика завѣщаются Тиціану съ тѣмъ, чтобы они служили только ему одному, а все имѣніе Тиціана отбиралось у него за долги, то законъ толковалъ его слѣдующимъ образомъ: завѣщанные рабы перестаютъ быть собственностію Тиціана, потому что все имѣніе должно быть взято отъ него за долги; но такъ какъ воля завѣщателя предписывала, что рабы могутъ служить только Тиціану, то они должны быть свободны. Законъ запрещалъ освобождать рабовъ на время. Если, напр., завѣщаніе давало рабу свободу на 10 лѣтъ, оно считалось недѣйствительнымъ, но рабъ освобождался

навсегда. Если полученіе свободы соединялось съ исполненіемъ извѣстныхъ условій, законъ старался облегчить ихъ и въ то же время требовалъ, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. относительно наказаній, рабъ считался какъ бы уже свободнымъ. «Безчеловѣчно, говоритъ Ульпіанъ, изъ денежнаго вопроса замедлять полученіе свободы». Подобное же направленіе замѣчаемъ и относительно другихъ, менѣе торжественныхъ видовъ освобожденія. Точно также заботливо старалось законодательство и о сохраненіи за рабомъ разъ полученной свободы, объ облегченіи обязанностей отпущенника относительно прежняго его владѣльца. Императорское законодательство возвышало классъ отпущенниковъ, снимало съ нихъ слѣды прежняго рабскаго состоянія. Отпущенникамъ, напр., оно давало право носить золотой перстень, прежде бывшій исключительнымъ отличіемъ сословія всадниковъ. Не будемъ говорить о многихъ другихъ толкованіяхъ императорскаго законодательства, внушенныхъ тѣмъ же стремленіемъ облегчить дѣло освобожденія и смягчить логическую неумолимость республиканскаго законодательства. Новымъ духомъ вѣетъ въ римской юриспруденціи. Старыя формы закона стоятъ еще, повидимому нетронутыя, уважаемыя всѣми; но толкованія преторовъ, мнѣнія юристовъ, императорскіе эдикты и рескрипты смягчаютъ смыслъ, обходятъ законъ, иногда прямо противорѣчатъ ему. Природное различіе между рабомъ и свободнымъ совершенно отвергнуто, и рядомъ съ гражданскимъ, народнымъ правомъ законодательство ссылается на право естественное. «Освобожденіе, говоритъ Ульпіанъ, ведетъ свое начало отъ народнаго права (jus gentium); въ естественномъ же правѣ, въ которомъ всѣ рождаются свободными, оно неизвѣстно, потому что неизвѣстно рабство. Когда же вторглось рабство вслѣдствіе народнаго права, тогда послѣдовало и благодѣяніе освобожденія. Въ естественномъ правѣ всѣ мы называемся

[redacted]

однимъ именемъ людей, въ правѣ же народномъ образовалось три класса: свободные, въ противоположность имъ рабы, и наконецъ отпущенники, т. е. тѣ, которые уже перестали быть рабами». Подобныхъ противоположеній найдемъ мы довольно много въ римскомъ законодательствѣ временъ имперіи. Замѣтимъ въ заключеніе, что отъ смягченія рабства до его уничтоженія огромное пространство. Довольно и того, что римское законодательство, подъ чуждымъ вліяніемъ, поступилось многими жесткими юридическими опредѣленіями прежняго времени. Отречься совершенно отъ своего прошедшаго оно очевидно не могло, не наложивъ рукъ на самого себя.

Такъ дѣйствовало христіанство на смягченіе участи рабовъ въ древнемъ мірѣ, начиная съ того времени, когда оно само еще подвергалось жестокимъ гоненіямъ со стороны римскаго правительства. Но не одни рабы были подавлены въ античномъ государствѣ, а всякій, не носившій имени гражданина, съ которымъ была связана полнота правъ. Сюда относилось, кромѣ рабовъ, огромное большинство всего населенія: люди, существовавшіе только трудомъ и промыслами, бѣдные и увѣчные, женщины и дѣти.

Положеніе женщины было незавидно въ древнемъ мірѣ. Не говоримъ уже о Востокѣ, гдѣ она была вполнѣ рабой, гдѣ достаточно было одного многоженства, чтобы держать ее постоянно въ этомъ униженіи. Въ Греціи и даже въ Римѣ, гдѣ уже отсутствіе многоженства было важнымъ шагомъ впередъ, она не возвышалась однако надъ тѣмъ назначеніемъ, которое указывало ей общество: 1) доставлять гражданъ государству и 2) чувственныя наслажденія мущинѣ. Даже въ эпоху высшаго развитія греческой образованности она не подымалась выше этого жалкаго уровня. Законъ признавалъ ея вѣчное несовершеннолѣтіе. Наука отрицала въ ней и волю, и даже добродѣтель; по крайней мѣрѣ, если Аристотель и считалъ ее способною

до одной высоты съ мущиной и получала въ обществѣ по праву принадлежащее ей мѣсто, когда выходила изъ предѣловъ семейной жизни, отрекалась отъ женской стыдливости и цѣломудрія. Господствующее мнѣніе греческаго общества о назначеніи женщины прекрасно сказалось въ одной изъ рѣчей Демосѳена. «У насъ есть, говоритъ онъ, гетеры для нашего удовольствія, наложницы для удовлетворенія обыденныхъ потребностей чувственности, и законныя жёны для произведенія законныхъ дѣтей да для управленія и охраненія нашего дома». Не станемъ говорить еще объ одной особенности греческой жизни, которая также много содѣйствовала униженному положенію женщины въ обществѣ, отчасти отнимая у нея даже исключительное значеніе въ чувственномъ отношеніи и оставляя за ней роль простаго орудія доставленія гражданъ государству.

Лучше было положеніе женщины въ Римѣ, хотя и здѣсь бракъ былъ попреимуществу учрежденіемъ государственнымъ. Онъ признавался только между полноправными гражданами, причемъ законъ стѣснялъ свободу выбора жены. Для всѣхъ остальныхъ въ глазахъ римскаго законодательства не было брака точно также, какъ и полныхъ семейныхъ правъ. Да и законный бракъ (matrimonium justum) собственно для Римлянъ существовалъ только при извѣстныхъ условіяхъ. Неравные браки были строго запрещены, какъ противные государственной безопасности. Извѣстно, съ какими усиліями и какъ поздно добились плебеи разрѣшенія вступать въ брачные союзы съ патриціями. Законный бракъ Римлянъ былъ двухъ родовъ: строгій и свободный. Въ строгомъ жена переходила въ полную власть мужа (in manus mariti), въ свободномъ оставалась подъ властію своего отца или опекуна и не переходила въ семью мужа. Первый отличался неразрывностію и большею частью былъ окруженъ извѣстными обрядами. Самымъ

торжественнымъ изъ его видовъ была confarreatio. Это патриціанская форма. Тутъ присутствовалъ или верховный первосвященникъ, или фламинъ Юпитера. Новобрачные съѣдали пирогъ изъ особаго рода пшеницы (far), откуда и получилъ этотъ обрядъ свое названіе. Вторымъ видомъ строгаго брака была «покупка» (coemptio), когда посредствомъ символическаго обряда мужъ какъ бы покупалъ себѣ жену у ея отца или опекуна. Третьимъ—бракъ «по давности» (per usum), когда мущина и женщина прожили въ брачныхъ отношеніяхъ цѣлый годъ. Если женщина въ теченіе этого времени не была въ отлучкѣ изъ дома сожителя трехъ ночей, то становилась законною женой и переходила подъ его власть. Во всѣхъ этихъ видахъ строгаго законнаго брака жена была подъ властію мужа, «въ его рукѣ», вступала къ нему въ то же отношеніе, въ какомъ находилась она къ отцу, становилась ему «замѣсто дочери» (filiae loco). Мужъ имѣлъ, такимъ образомъ, надъ женою отцовскія права. Жена не могла имѣть собственности, не могла ни продавать, ни завѣщать. Мужъ имѣлъ право наказывать ее и даже казнить, посовѣтовавшись только съ родственниками. Но даже и въ этомъ зависимомъ положеніи, въ строгомъ бракѣ участь римской женщины была несравненно лучше, чѣмъ греческой. Римская матрона была окружена общимъ уваженіемъ. Внутри дома она была полною хозяйкой и госпожей. Она не была осуждена на домашнее заключеніе и одиночество. Участвовала въ семейныхъ обрядахъ и праздникахъ (sacra). Внѣ дома пользовалась почетомъ, какъ нигдѣ въ древности. Государство смотрѣло на нее, какъ на свободную гражданку, сердцу которой близки были политическіе интересы. При встрѣчѣ съ нею сторонились съ дороги даже государственные сановники. Оскорбленіе, нанесенное ей словомъ или дѣломъ, даже нескромнымъ взглядомъ, наказывалось, какъ преступленіе, часто даже смертною казнью. Этого

мало: былъ еще другой родъ брака, свободный, при которомъ Римлянка могла и вовсе не быть «въ рукѣ мужа», а стоять къ нему въ равноправныхъ отношеніяхъ. Тутъ ужь не требовалось особенныхъ торжественныхъ обрядовъ: достаточно было взаимнаго согласія (consensus) брачащихся. Правда, въ этомъ случаѣ женщина не носила почетнаго имени «матери семьи» (mater familias), называлась просто «жена» (uxor); но бракъ точно также былъ законнымъ. Отъ воли супруговъ зависѣло обратить его въ строгій: стоило только заявить, что въ теченіе года жена не была трехъ ночей внѣ дома. Въ свободномъ бракѣ жена оставалась въ своемъ семействѣ и не получала доли въ наслѣдствѣ мужа, зато сохраняла въ своемъ полномъ распоряженіи собственное приданое. Разводъ при этомъ былъ легокъ. Для этого не требовалось преступленія со стороны жены, какъ въ бракѣ строгомъ; достаточно было несходства характеровъ (diversitas mentium) и несогласія. Этотъ родъ законнаго брака былъ выгоденъ, и потому, съ утратою прежней простоты и суровости нравовъ, онъ распространялся все болѣе и болѣе. Кромѣ законнаго брака, возможнаго только между равноправными гражданами, у Римлянъ былъ еще бракъ неполный (matrimonium injustum), или бракъ «по народному праву» (jure gentium), въ противоположность браку по праву квиритовъ. Онъ совершался между римскими гражданами и иноземцами, между римскими гражданами и Латинами и т. д. Онъ отличался отъ полнаго тѣмъ, что дѣти не находились подъ отцовскою властью, которая была слѣдствіемъ только полнаго гражданства. Затѣмъ слѣдовалъ еще видъ брачнаго сожитія, такъ называемый «конкубинатъ», сожительство гражданина съ женщиной низшаго происхожденія или даже и съ свободною женщиной. Конкубинатъ не былъ собственно бракомъ и только со временъ Августа признанъ закономъ. Это былъ только «неравный союзъ, терпимая привычка» (inaequale

conjugium, licita consvetudo). Но конкубинатъ не былъ также и преступною связью; по крайней мѣрѣ законъ запрещалъ имѣть нѣсколько конкубинъ разомъ, или хотя и одну при законной женѣ, и преслѣдовалъ за это, какъ за многоженство или двуженство. Неженатый же человѣкъ могъ имѣть конкубиной даже гражданку и только обязанъ былъ объявить объ этомъ, чтобы такая связь не считалась развращеніемъ (stuprum).

Такимъ образомъ, въ Римѣ мы видимъ всѣ степени брака, отъ строгаго законнаго брака до простаго сожительства. Разумѣется, древнѣйшею формою былъ первый, и собственно къ нему относился почетъ, которымъ была окружена римская матрона. Признаніе конкубината принадлежитъ уже эпохѣ нравственнаго паденія римской женщины, утраты ея гражданскаго значенія. И въ Римѣ, какъ въ Греціи, государственное значеніе женщины стояло на первомъ планѣ и подавляло человѣческое. Поэтому тамъ сплошь и рядомъ встрѣчаются явленія, возмущающія наше нравственное чувство, напоминающія положеніе женщины въ Спартѣ. Вотъ характеристическій разсказъ Плутарха о Катонѣ Утическомъ. Другъ Катона, Гортензій, желалъ какъ-нибудь породниться съ нимъ. Съ этою цѣлію онъ сдѣлалъ ему слѣдующее предложеніе. Дочь Катона, Порція, была уже замужемъ за Бибуломъ; Гортензій просилъ Катона уговорить Бибула уступить ему на время жену, обѣщая возвратить ее ему назадъ, какъ скоро она сдѣлается матерью. Причиной своего страннаго требованія Гортензій выставлялъ убѣжденіе, что добродѣтель переходитъ съ кровью и потому подобные союзы чрезвычайно полезны для государства. Когда Катонъ отказался отнять жену у зятя, Гортензій не задумался обратиться къ Катону съ просьбой уступить ему его собственную жену, Марцію, которая могла еще имѣть дѣтей. Онъ опирался на то, что у Катона уже достаточно дѣтей. Катонъ согласился и, получивъ также согласіе отца

Марціи, передалъ ее Гортензію. Онъ самъ присутствовалъ при заключеніи брака. Примѣры подобнаго рода встрѣчались все чаще и чаще, по мѣрѣ ослабленія первоначальной строгости брака и простоты жизни. Августъ взялъ Ливію у ея мужа, Тиверія Нерона, хотя она была даже беременна уже нѣсколько мѣсяцевъ. Но, не смотря на государственное значеніе римской женщины, тѣсно связанное съ строгимъ законнымъ бракомъ, послѣдній постепенно выходилъ изъ употребленія. Онъ требовалъ извѣстной формальной торжественности, пугалъ брачащихся неразрывностію союза, а женщину полнымъ подчиненіемъ власти мужа, потерею правъ на распоряженіе своимъ приданымъ. Confarreatio почти уже не употреблялась въ концѣ республики и въ началѣ имперіи. Не всегда были въ ходу и остальные виды строгаго брака. Болѣе всего распространялся свободный бракъ, по согласію, который, кромѣ правъ личности и собственности, привлекалъ еще легкостью развода. Въ строгомъ бракѣ разводъ допускался только въ чрезвычайно важныхъ случаяхъ и сопровождался торжественными формальностями. При расторженіи брака по confarreatio совершались «ужасныя и омерзительныя церемоніи», состоявшія, кажется, въ подражаніи похоронамъ. Домъ, гдѣ совершались онѣ, считался оскверненнымъ, требовалъ очищенія. При расторженіи брака «по покупкѣ» употреблялся обрядъ «выручки» (remancipatio) и т. д. Въ свободномъ же бракѣ разводъ совершался легко, просто и не считался нисколько предосудительнымъ ни для жены, ни для мужа. Разводъ, бывшій въ Римѣ дѣломъ почти неслыханнымъ въ теченіе многихъ вѣковъ, когда господствовалъ старый суровый бытъ, сталъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ въ послѣдствіи. Разводились изъ самыхъ пустыхъ предлоговъ. Плутархъ хорошо характеризуетъ легкомысленныя побужденія къ тому, разсказывая объ одномъ Римлянинѣ, котораго спрашивали, почему онъ развелся съ

своею прекрасною, богатою и добродѣтельною женой? «Взгляните на этотъ башмакъ, отвѣчалъ онъ: онъ и хорошо сдѣланъ, и совершенно новъ, а кто изъ васъ знаетъ, въ какомъ мѣстѣ жметъ онъ мнѣ ногу?» Меценатъ, извѣстный покровитель художниковъ и литераторовъ, славился своими безпрестанными браками и разводами. Современные писатели говорятъ о тысячѣ женщинъ, удостоивавшихся чести быть его супругами, о его почти ежедневныхъ разводахъ. И Меценатъ нашелъ столько подражателей, что Августъ, воспользовавшійся самъ легкостью развода, счелъ однакоже нужнымъ законодательными мѣрами противодѣйствоватъ ей. Онъ окружилъ безполезными и недостигавшими цѣли формальностями расторженіе брака. Женщины не отставали тутъ отъ мущинъ. По словамъ Тертулліана, онѣ выходили замужъ только за тѣмъ, чтобы посредствомъ развода поскорѣе получить свободу и пріобрѣсти извѣстное общественное положеніе.

При такомъ легкомысленномъ воззрѣніи на бракъ, онъ потерялъ всю свою святость и значеніе, обратился въ пустую формальность, въ средство законнымъ образомъ предаваться разврату. Въ Римѣ освобожденіе женщины изъ-подъ стѣснительной, почти неограниченной власти мужа повело только къ ея нравственному паденію. Гражданка древняго міра строго блюла свою женскую честь и стыдливость. Это была вѣрная жена и добрая мать. Теперь же, не подготовленная къ новой роли, она вполнѣ предалась влеченію ничѣмъ несдерживаемой страсти. Тацитъ и Ювеналъ мрачными красками описываютъ современные нравы женщинъ. И если прежде Римлянка очень рѣдко занимала собою общественное вниманіе, только въ исключительныхъ случаяхъ выступала на политическое поприще, зато теперь она почти не сходитъ съ него и выдается на первый планъ иногда чудовищными размѣрами своихъ увлеченій. Иначе и быть не могло. Древній міръ видѣлъ въ женщинѣ только гражданку. Если онъ

смотрѣлъ на развратъ, какъ на преступленіе, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ чѣмъ-нибудь становился въ разрѣзъ съ государственнымъ устройствомъ. Мужъ имѣлъ право убить свою законную жену, уличивъ ее въ невѣрности; но самъ не обязывался нисколько хранить супружескую вѣрность. Посѣщеніе лупанара, связь съ рабыней не должны были, по его мнѣнію, подавать повода женѣ оскорбляться или упрекать мужа въ невѣрности. Обитательницы лупанара, равно какъ и рабы, не признавались почти людьми: это были вещи. Между свободнымъ гражданиномъ и рабыней не могло быть развращенія, имѣвшаго мѣсто лишь между мущиной и женщиной свободнаго состоянія. И вотъ, вскорѣ даже свободныя гражданки, даже женщины знатнаго происхожденія стали записываться въ число публичныхъ женщинъ, чтобы тѣмъ легче, свободнѣе предаваться разврату. Подобный примѣръ былъ при Тиберіи, когда одна Римлянка весьма хорошаго происхожденія явилась къ эдиламъ съ просьбою записать ее въ число содержательницъ лупанаровъ въ Римѣ. Сенатъ долженъ былъ издать постановленіе, запрещавшее Римлянкамъ, у которыхъ дѣдъ, отецъ или мужъ былъ римскимъ всадникомъ, торговать своею красотой. Нужно ли говорить, что подобный законъ остался безсиленъ, ибо зло было въ самыхъ нравахъ общества, проникло во всѣ его слои, и примѣръ безпутства встрѣчался столь же часто вверху, какъ и внизу? Извѣстно, что у Калигулы родныя сестры занимали тоже мѣсто, которымъ пользовались его законная жена и его безчисленныя любовницы. Мессалина и Агриппина младшая не были исключеніями среди женскаго общества своего времени. Тогда исключеніемъ могли назваться развѣ женская стыдливость и цѣломудріе. Бракъ снизошелъ окончательно на степень простой гражданской сдѣлки, гражданскаго обязательства. Его нравственное значеніе было совершенно подорвано.

[redacted]

Христіанство возвысило женщину въ понятіяхъ общества и придало браку новое, неизвѣстное язычеству значеніе. Въ его глазахъ женщина равна мущинѣ, не смотря на неравенство физической организаціи и различіе въ характерѣ, въ назначеніи. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени замѣчательны слова знаменитаго учителя христіанской церкви, Климента александрійскаго. Его воззрѣніе столь же противоположно господствующимъ понятіямъ древняго міра, какъ и ложнымъ теоріямъ новаго времени объ эманципаціи женщины, въ которыхъ сглаживается всякое различіе между обоими полами и не берутся во вниманіе особыя свойства женской природы. «Между мущиной и женщиной, какъ людьми, полное равенство, говоритъ Климентъ. Оба пола имѣютъ одинаковую натуру, а слѣдственно и способны къ одинаковой добродѣтели. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что назначеніе женщины тоже самое, что и мущины? Физическая организація первой служитъ доказательствомъ противнаго. Но различіе въ назначеніи не препятствуетъ равенству». Слѣдствіемъ такого воззрѣнія было совершенное измѣненіе цѣли и значенія брака. Онъ сдѣлался свободнымъ, чего не было въ древности, когда государство смотрѣло на людей, уклонявшихся отъ брака, какъ на гражданъ, не исполнявшихъ своихъ обязанностей. Не говоря уже о Спартѣ, даже въ Римѣ мы видимъ, съ одной стороны, тяжелое положеніе вдовы, съ другой—законы противъ безбрачія. Вдовы переходили подъ опеку родственниковъ мужа. Если въ теченіе извѣстнаго срока не вступали въ новый бракъ, то подвергались штрафу, налагавшемуся на безбрачныхъ. Эти наказанія безбрачныхъ за уклоненіе отъ исполненія своихъ обязанностей относительно государства существовали въ Римѣ всегда, съ древнѣйшихъ временъ. Законы Августа противъ безбрачія хорошо извѣстны. Если женатому человѣку, имѣвшему извѣстное число дѣтей, государство давало въ

вознагражденіе льготы и преимущества, зато законодательство налагало подать на холостыхъ, а также на тѣхъ женатыхъ, которые въ извѣстныя лѣта не имѣли дѣтей, или, за неимѣніемъ собственнаго потомства, не усыновляли кого-нибудь. Эти законы были безсильны, не достигали цѣли; они только нарушали личную свободу каждаго въ одномъ изъ самыхъ естественныхъ и дорогихъ правъ. Единственнымъ средствомъ противодѣйствовать злу было возвысить женщину, придать браку цѣль болѣе чистую и возвышенную, чѣмъ доставленіе гражданъ государству. Христіанская церковь не только не предписываетъ брака, какъ извѣстной повинности, которую долженъ отбыть каждый, но явно предпочитаетъ цѣломудріе брачной жизни. Правда, нѣкоторые Отцы церкви заходятъ, кажется, слишкомъ далеко въ своемъ увлеченіи безбрачіемъ и, подъ вліяніемъ аскетическихъ понятій, готовы отчасти считать брачный союзъ какъ бы препятствіемъ, затрудненіемъ для достиженія главной цѣли христіанина—вѣчнаго спасенія. Но рядомъ съ этимъ преувеличеннымъ прославленіемъ безбрачія и дѣвства скоро устанавливается болѣе истинное понятіе о томъ, что и жизнь въ бракѣ не только не есть препятствіе къ достиженію вѣчнаго блаженства, но, напротивъ, есть средство, облегчающее путь къ нему, когда супруги взаимно помогаютъ другъ другу. Особенно замѣчательно мнѣніе, высказанное Іоанномъ Златоустомъ о людяхъ, которые, увлекшись аскетизмомъ, разрываютъ брачный союзъ для подвиговъ отшельнической жизни. Онъ указываетъ на опасность подобныхъ разрывовъ брака. Оставляя свою жену, чтобы удалиться въ пустыню, мужъ подвергаетъ ее искушеніямъ, и въ случаѣ ея паденія вся отвѣтственность падаетъ на него самого. Свобода признавалась не только относительно вступленія въ бракъ, но и относительно выбора супруговъ. Правда, подъ вліяніемъ господствовавшихъ понятій объ отцовской

власти, церковь говоритъ дѣвушкѣ, чтобы она избирала супругомъ только того, кого выберетъ и назначитъ ей отецъ; но эта родительская власть признавалась не безусловно. Одно изъ первыхъ условій христіанскаго брака—свободное согласіе брачащихся. Бл. Августинъ требуетъ даже, чтобы дѣвица, достигши совершеннолѣтія, имѣла право сама избрать себѣ супруга. Это было огромнымъ шагомъ впередъ относительно понятій древности. Выборъ супруга свободенъ. Но онъ долженъ быть весьма остороженъ, потому что супруги, по понятіямъ церкви, несутъ отвѣтственность не только каждый за самого себя, но и другъ за друга. Къ тому же бракъ считается неразрывнымъ союзомъ.

Съ перваго взгляда кажется, что въ христіанскомъ бракѣ жена должна занимать такое же зависимое, подчиненное положеніе относительно мужа, какъ и прежде. Въ Св. писаніи и въ твореніяхъ Отцовъ церкви говорится о подчиненіи жены мужу. Но дѣло въ томъ, что это подчиненіе было совершенно на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ въ языческомъ бракѣ. Оно было, во первыхъ, совершенно свободное, основанное на одной любви; во вторыхъ, женщина никогда не теряла своихъ правъ. Подчиненіе христіанской супруги не было домашнимъ рабствомъ. Жена была равна мужу и по единству человѣческой природы, и по равному съ нимъ положенію въ бракѣ. Христіанство принимало только различіе назначеній, различіе сферъ, въ которыхъ происходитъ дѣятельность мущины и женщины. Оно лишь указывало предѣлы, которые переступать не могъ безнаказанно ни тотъ, ни другая. Если для мущины назначалась публичная, общественная дѣятельность, мало доступная для слабой женщины; зато она властвовала въ сферѣ домашней. Жена—не слуга своего мужа, но его подруга и помощница, или, по прекрасному выраженію Отцовъ церкви, его необходимое допол-

ненie. Только вмѣстѣ съ нею человѣкъ становится существомъ цѣльнымъ и полнымъ, какимъ онъ долженъ быть сообразно Божественнымъ цѣлямъ. У Отцовъ церкви мы часто встрѣчаемъ великолѣпныя изображенія христіанской супруги. Церковь налагаетъ обязанности не на одну жену, но столько же, если еще не болѣе, и на мужа. Если она говоритъ той о кротости и повиновеніи, то требуетъ отъ этого уваженія и любви къ ней. Она требуетъ даже, чтобы мужъ любилъ жену болѣе, чѣмъ собственныхъ родителей; чтобы готовъ былъ пострадать за нее въ случаѣ нужды; чтобы покровительствовалъ ей, поддерживалъ ее своимъ знаніемъ и опытностью; чтобы, наконецъ, если, по несчастью, она окажется нечувствительною къ его совѣтамъ, покорился своей участи, но не оскорблялъ бы ея, а тѣмъ болѣе не покидалъ бы ея. Языческое общество только отъ жены требовало вѣрности. Христіанская церковь сильно возстаетъ противъ такой несправедливости, противъ языческой гордости, считавшей позволительнымъ для мущины то, что было преступно для женщины. Въ ея глазахъ мущина не только бываетъ виновенъ точно также, какъ и женщина, но вина его даже болѣе тяжкая, потому что онъ не можетъ представить въ свое извиненіе слабости. Какъ болѣе сильный, онъ долженъ служить примѣромъ. Для христіанскаго общества всякая связь съ женщиною, помимо законной супруги, была развратомъ. «Законы цезарей не тѣ, что законы Іисуса Христа, говоритъ бл. Іеронимъ; то, что предписываетъ Папиніанъ, разнится отъ того, чему учитъ Павелъ. У язычниковъ распутство мущины ничѣмъ не связано. За насиліе и развратъ наказываютъ только въ томъ случаѣ, когда то и другое совершается съ женщиной свободнаго состоянія; но мущинѣ не считается предосудительнымъ удовлетворять своей страсти съ рабыней или въ лупанарѣ. Какъ будто бы грѣхъ зависитъ не отъ воли согрѣшившаго, а отъ общественнаго поло-

женія того лица, съ которымъ онъ совершаетъ грѣхъ! У насъ, напротивъ, все, недозволяемое женщинѣ, недозволяется также и мущинѣ». Всякая незаконная связь, съ чьей бы стороны она ни происходила, была разрывомъ супружеской вѣрности и должна была имѣть слѣдствіемъ расторженіе супружескихъ отношеній.

Замѣтимъ при этомъ любопытную черту христіанскаго воззрѣнія. Это фактическое расторженіе брака, по общему мнѣнію Отцовъ церкви, не должно было доходить до формальнаго и окончательнаго уничтоженія брачнаго союза, до развода. Правда, нѣкоторые Отцы (Епифаній, Иларій изъ Пуату, Астерій) полагаютъ, что невинная супруга, оставленная безъ законной причины своимъ мужемъ, или сама оставившая его по причинѣ нарушенія имъ супружеской вѣрности, можетъ вступить въ новый бракъ безъ грѣха. Однакоже большинство христіанскихъ учителей, по всей вѣроятности для противодѣйствія легкости разводовъ, къ которой пріучено было римское общество, возставало противъ позволенія разошедшимся супругамъ вступать въ новые браки. Тутъ въ основаніи лежитъ все та же мысль о нерасторжимости брака. Если одинъ изъ супруговъ нарушалъ святость брачныхъ отношеній, онъ наказывался ихъ прекращеніемъ; но церковь хотѣла сохранить возможность возобновленія союза въ случаѣ раскаянія виновнаго. Соборъ эльвирскій (305 г.) запрещалъ отпускать грѣхи женѣ, оставившей своего мужа за нарушеніе имъ вѣрности и вступившей во второй бракъ. Отпущеніе давалось только послѣ смерти перваго мужа. Въ заключеніе скажемъ о воззрѣніи церкви на женщинъ, павшихъ нравственно. Христіанство высоко цѣнило цѣломудріе, какъ въ мущинѣ, такъ особенно въ женщинѣ. Во время общаго паденія нравовъ не умолкалъ его обличительный голосъ. Оно постоянно твердило, что нарушеніе цѣломудрія есть грѣхъ и преступленіе

глубоко презираемыхъ общ
женіемъ. Не разъ христіа
бины разврата и униженія
но погибшихъ нравственно,
давно забытыя и поруганныя
высокой нравственной чистоть
ковъ, пострадавшихъ за христ
чтимыхъ церковью и принадле
рода. Такъ въ Адебургѣ прет
треия своими служанками, ко
развратную жизнь и, извлеченны
повѣдью, не задумались своею
искренность своего раскаянія. Пе
актриса и куртизанка, обративш
въ немъ, не смотря на всѣ треб
зывавшей ее, на основаніи суще
къ возврату въ прежнее состо
жизни.

Рѣзкая противоположность хр
щину и бракъ съ понятіями язычес
котораго вліянія на измѣненіе пос
тельствѣ языч

Такъ Антонинъ и Александръ Северъ запретили отцу препятствовать, безъ важныхъ причинъ и изъ простаго каприза, браку своихъ дѣтей, или отказывать въ приданомъ дочери. Діоклетіанъ объявилъ, что нельзя принуждать сына къ женитьбѣ на женщинѣ, которую выбралъ ему въ супруги отецъ противъ его собственнаго желанія. Онъ можетъ жениться по своему выбору, хотя и требуется согласіе отца. Дочь можетъ отвергнуть предложеннаго отцомъ жениха, если онъ дурнаго поведенія, порочной жизни. Въ свободномъ римскомъ бракѣ жена оставалась подъ властью отца, который всегда могъ взять ее у мужа. Антонинъ впервые осмѣлился ограничить въ этомъ отношеніи отцовскую власть и изъявилъ желаніе, чтобы она не возмущала супружеской жизни по своему произволу, чтобы ею не пользовались слишкомъ сурово. Діоклетіанъ пошелъ далѣе. Онъ далъ право мужу требовать возвращенія своей жены отъ ея отца и, если нужно, прибѣгать къ посредничеству законной власти. При этомъ правительство уже принимало въ соображеніе личную волю жены, которая и рѣшала спорный вопросъ. Такъ, бракъ получалъ характеръ добровольнаго и свободнаго союза, а не простаго гражданскаго обязательства. Прежде замужняя женщина до того была лишена имущественныхъ правъ, что ея приданое вполнѣ переходило къ мужу, а послѣ его смерти къ его родственникамъ. Теперь же, въ случаѣ развода или смерти мужа, оно возвращалось женѣ. При Маркѣ-Авреліи дѣти наслѣдуютъ имущество матери предпочтительно предъ отцовскими родственниками. Далѣе, было ограничено право опеки родственниковъ надъ вдовой, которой дана бо́льшая свобода въ распоряженіи своимъ имуществомъ. Право опеки, наконецъ, совершенно вышло изъ употребленія: уже при Діоклетіанѣ оно встрѣчается весьма рѣдко. Діоклетіанъ далъ женщинѣ новыя права, дозволивъ ей усыновлять,—право, принадлежавшее прежде только отцу семейства. Діоклетіанъ же сдѣлалъ постановленіе,

что, въ случаѣ развода, чиновники должны рѣшать, у кого изъ разводящихся должны были оставаться дѣти. Развращеніе начинаетъ преслѣдоваться съ большею строгостью, чѣмъ прежде; и законъ Каракаллы, изданный, вѣроятно, по внушенію Ульпіана, лишаетъ въ этомъ случаѣ мужей безнаказанности. Мужу позволено обвинять жену въ невѣрности только тогда, когда самъ онъ безупреченъ въ этомъ отношеніи. «Слишкомъ несправедливо, прямо говоритъ законъ, что мужъ требуетъ отъ жены цѣломудрія, когда самъ его не соблюдаетъ». Впрочемъ это преступленіе продолжало имѣть мѣсто только въ связи съ женщиной свободнаго состоянія, особенно съ женой свободнаго гражданина. Наконецъ, бракъ сдѣлался менѣе аристократиченъ, менѣе исключителенъ, сравнительно съ временемъ республики и начала имперіи. Діоклетіанъ призналъ законнымъ бракъ даже между господиномъ и рабою, предварительно отпущенною на волю. Исключеніе сдѣлано было только для сенаторовъ, которымъ подобные браки запрещались. Въ послѣдствіи уничтожилось и это ограниченіе и никакая почесть не могла служить препятствіемъ къ законному браку съ честною вольноотпущенной.

Переходимъ къ характеристикѣ другихъ соціальныхъ отношеній въ древнемъ мірѣ подъ вліяніемъ христіанства. Передъ нами родители и дѣти, знаменитая отцовская власть (patria potestas).

Въ древности семья имѣла также чисто государственное значеніе. Отецъ—ея господинъ; дѣти принадлежатъ ему, какъ собственность. «Сынъ, по словамъ Аристотеля, прежде, чѣмъ сдѣлаться человѣкомъ, вполнѣ принадлежитъ отцу, хотя онъ и выше раба». Въ Римѣ отцовская власть была почти безгранична, и Римляне хвалились тѣмъ, что ни въ одной странѣ она не развилась съ такою полнотой, какъ у нихъ. Тутъ отецъ не только имѣлъ право отказаться отъ дѣтей при самомъ ихъ рожденіи, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это даже вмѣнялось ему

въ обязанность. Государство имѣло нужду только въ полезныхъ гражданахъ, и ребенка больнаго, слабаго или калѣку предоставляли его участи, бросали, если не убивали. Въ Италіи еще Ромулъ, по преданію, нашелъ обычай убивать дѣтей, существованіе которыхъ считалось безполезнымъ. Онъ запретилъ общее приложеніе этого обычая и допустилъ его только относительно больныхъ или искалѣченныхъ, при свидѣтельствѣ сосѣдей. Законъ XII таблицъ предписывалъ убивать дѣтей, родившихся съ тѣлесными недостатками. Тотчасъ послѣ рожденія ребенка приносили къ отцу и клали у ногъ его. Отъ воли отца зависѣло поднять его, обязаться воспитать его, или оттолкнуть. Этотъ варварскій обычай, бывшій также и въ Греціи, находилъ себѣ оправданіе даже въ наукѣ, въ философскихъ теоріяхъ. Платонъ не только требуетъ, чтобы больныя и слабыя дѣти были бросаемы, но думаетъ даже, что для низшихъ классовъ въ его республикѣ нѣтъ нужды воспитывать своихъ дѣтей. Аристотель убѣжденъ, что необходимо запретить сохранять жизнь больнымъ и слабымъ новорожденнымъ. Излишнее размноженіе народонаселенія, особенно низшихъ классовъ, пугало ихъ. Они дозволяютъ бракъ между бѣдными, но съ равнодушною жестокостью совѣтуютъ предупреждать рожденіе дѣтей. Обычай бросать дѣтей сохранился почти до послѣдняго времени римской имперіи. Большая часть покинутыхъ новорожденныхъ погибала отъ голода или звѣрей, нѣкоторыхъ подбирали, чтобы воспитать ихъ, какъ рабовъ, или для наполненія лупанаровъ. На пріемыша, конечно, смотрѣли уже, какъ на свою полную собственность. Въ свою очередь, ребенокъ признанный своимъ отцомъ, состоялъ въ его полномъ распоряженіи. Въ Римѣ отецъ не имѣлъ права обвинить передъ судомъ своего сына, ибо это значило бы обвинить самого себя. Сынъ не могъ имѣть отдѣльной собственности; что пріобрѣталъ онъ, то сливалось съ отцовскимъ имуществомъ. Онъ не имѣлъ и

личной воли. Отецъ выбиралъ для него жену точно также, какъ выбиралъ мужа для дочери. За отцомъ сохранялось право жизни и смерти надъ дѣтьми не только тотчасъ послѣ ихъ рожденія, но и во все время, пока они находились подъ его властью. Онъ имѣлъ право казнить непослушнаго сына, и въ исторіи сохранились знаменитые примѣры такихъ казней. Даже въ правленіе Августа встрѣчается примѣръ римскаго всадника Эриксона, приказавшаго засѣчь розгами сына до смерти. Правда, народъ возсталъ и убилъ дѣтоубійцу, но это значило только, что нравы уже разошлись съ законодательствомъ; самый же законъ еще не былъ отмѣненъ. Продажа сына въ рабство была такъ обыкновенна, что самое освобожденіе сына изъ-подъ отцовской власти совершалось съ обрядами тройной продажи и тройнаго отпущенія на волю.

Не таково было христіанское воззрѣніе на отношенія между родителями и дѣтьми. Съ тѣхъ поръ, какъ бракъ сталъ учрежденіемъ религіознымъ, таинствомъ, семейство должно было основаться на совершенно новыхъ началахъ. Христіанство съ самаго начала протестуетъ противъ варварскаго права отца отвергать ребенка и матери—лишать его жизни еще до рожденія. Оно объявило, что дѣти всегда составляютъ предметъ нѣжной заботливости, открыло имъ царствіе Небесное. Оно взяло подъ свою защиту ребенка еще до его рожденія: вытравленіе плода поставило наравнѣ съ убійствомъ. Въ апостольскихъ постановленіяхъ виновные въ этомъ, какъ убійцы, отлучаются на десять лѣтъ отъ общенія съ вѣрующими. Юстинъ Мученикъ призналъ право отца отвергать младенца однимъ изъ доказательствъ ожесточенія сердца у язычниковъ. Полтораста лѣтъ спустя, возстаетъ противъ того же Лактанцій. «Пусть никто не думаетъ, говоритъ онъ, что отцы могутъ имѣть право лишать жизни своихъ новорожденныхъ дѣтей:

это самое большое нечестіе, ибо Богъ создаетъ душу для жизни, а не для смерти. А между тѣмъ есть люди, которые не думаютъ, что они совершаютъ преступленіе, отнимая у существъ, только что получившихъ бытіе, жизнь, которую не они имъ дали. Нечего надѣяться, что тѣ, которые не щадятъ своей собственной крови, будутъ щадить кровь другихъ». Онъ возстаетъ и противъ тѣхъ, которые лишаютъ жизни дѣтей подъ видомъ ложнаго состраданія къ нимъ, или приводятъ въ свое оправданіе бѣдность, невозможность воспитать ихъ. Церковь признаетъ право на св. крещеніе за всѣми младенцами безъ различія происхожденія. Она одинаково охраняетъ какъ законныхъ, такъ и незаконнорожденныхъ дѣтей. Родители становятся отвѣтственны за спасеніе душъ своихъ дѣтей. Отецъ долженъ смотрѣть на сына, какъ на существо, равное ему по природѣ. Онъ можетъ требовать отъ него почтенія и покорности, но не долженъ обращаться съ нимъ, какъ съ рабомъ. Только научая дѣтей знать и любить Бога, онъ можетъ внушить имъ и покорность волѣ родителей. На нравственное воспитаніе дѣтей христіанство обращало серьёзное вниманіе и впервые указало на огромное значеніе матери въ этомъ случаѣ. Языческая мораль почти не касалась этого предмета точно также, какъ не требовала образованія и нравственнаго развитія женщины.

Въ исторіи смягченія древнихъ постановленій объ отцовской власти есть свое переходное время, когда дѣйствовали отчасти измѣненія въ характерѣ древней цивилизаціи, отчасти вліяніе христіанскихъ идей. Этотъ періодъ обнимаетъ время съ конца республики до Константина Великаго, когда христіанская церковь получила уже непосредственное участіе въ законодательствѣ. Право отца на жизнь своихъ дѣтей существовало въ теоріи до самаго Александра Севера, когда оно было отмѣнено актомъ законодательной власти. Но ограниченіе этого

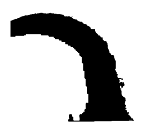
права въ его приложеніи началось несравненно раньше, благодаря протестамъ со стороны нравовъ общества. Траянъ приказалъ отцу, жестоко обходившемуся съ сыномъ, освободить его формально изъ-подъ своей власти. Адріанъ наказалъ ссылкой отца, убившаго сына, уличеннаго въ распутствѣ. Такая кара объясняется въ приговорѣ тѣмъ, что отецъ въ этомъ случаѣ поступилъ «болѣе какъ разбойникъ, нежели по праву отцовской власти». Юрисконсультъ Марціонъ присоединилъ къ этому постановленію свое толкованіе, въ которомъ уже слышится понятіе, совершенно чуждое античному воззрѣнію. По его мнѣнію, «отцовская власть должна состоять не въ жестокости, а въ родительскомъ чувствѣ (pietas)». Александръ Северъ окончательно отмѣнилъ право отца лишать жизни своихъ дѣтей и предписалъ, что непокорныя дѣти должны быть наказываемы по суду передъ обыкновенными трибуналами. Точно также юрисконсультъ Павелъ уже не задумывается назвать отверженіе новорожденнаго убійствомъ, совершаемымъ немилосердыми людьми. Правда, законъ еще не наказывалъ такихъ отцовъ, но уже приступилъ къ нѣкоторымъ ограниченіямъ. Такъ, по старому законодательству, пріемыши считались рабами. Траянъ объявляетъ ихъ свободными по природѣ. Александръ Северъ даетъ отцу право взять назадъ свое дитя, заплативъ только издержки воспитанія. Каракалла объявляетъ дѣломъ постыднымъ и безчестнымъ продажу въ рабство дѣтей свободными гражданами и подъ страхомъ наказанія запрещаетъ кредиторамъ принимать ихъ въ залогъ. По всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ наказаніе распространялось также и на отца. Запрещеніе продавать или закладывать дѣтей окончательно подтверждено Діоклетіаномъ. Императорское законодательство обратило также вниманіе и на установленіе болѣе естественныхъ отношеній между дѣтьми и родителями. Оно уже напоминаетъ отцамъ объ ихъ *обязанностяхъ* относительно

дѣтей. Право лишать дѣтей наслѣдства было также ограничено законами и стѣснено введеніемъ многихъ формальностей. Августъ, Нерва и Траянъ опредѣлили, что все, пріобрѣтенное сыномъ на военной службѣ, остается въ его полномъ распоряженіи во все время этой службы. Маркъ-Аврелій призналъ пріобрѣтенное на службѣ полною собственностью сына и послѣ его отставки. Императорское законодательство не упустило изъ виду и еще одного важнаго обстоятельства. По смыслу стараго законодательства, освобожденіемъ дѣтей изъ-подъ отцовской власти прекращались всѣ обязательныя отношенія между дѣтьми и родителями, особенно матерями. Заботиться о дряхломъ или больномъ отцѣ должны были только тѣ дѣти, которыя находились подъ его властью. Теперь не то. Съ одной стороны, во II вѣкѣ законными наслѣдниками послѣ отца признаны и дѣти, не находившіяся подъ отцовскою властью. Съ другой—юристъ Ульпіанъ, выходя изъ мысли, что эманципаціей не нарушаются законы природы и сынъ всегда остается сыномъ, высказываетъ убѣжденіе, что дѣти никогда не освобождаются отъ естественной связи съ родителями и отъ соединенныхъ съ этимъ обязанностей. Мнѣніе Ульпіана было скоро обращено въ законъ и постановленіями Валеріана и Діоклетіана предписывалось даже силой власти принуждать дѣтей оказывать должное уваженіе къ родителямъ, особенно къ матери, и наказывать ихъ за неисполненіе сыновнихъ обязанностей.

Есть еще интересный рядъ фактовъ, доказывающихъ, какъ велико было измѣненіе, совершившееся въ нравахъ и понятіяхъ языческаго общества временъ имперіи. Мы имѣемъ въ виду благотворительныя учрежденія для бѣдныхъ дѣтей, совсѣмъ неизвѣстныя республикѣ и вообще чуждыя античному міру. Одна изъ главныхъ причинъ, побуждавшихъ отказываться отъ дѣтей, была бѣдность родителей, которая обыкновенно служила

и предлогомъ. Чтобы прекратить зло въ самомъ основаніи, нѣкоторые изъ императоровъ устроили первую попытку благотворительныхъ учрежденій. Дѣтямъ бѣдныхъ родителей обезпечивалось по возможности существованіе, или насчетъ правительства, или насчетъ частныхъ благотворителей. Первый примѣръ поданъ былъ императоромъ Нервой, предписавшимъ во всѣхъ городахъ Италіи воспитывать насчетъ государства дѣтей бѣдныхъ родителей. Траянъ употребилъ огромныя суммы для устроенія и поддержанія этихъ учрежденій. Въ Римѣ онъ давалъ содержаніе 5000 бѣдныхъ дѣтей; въ городахъ Италіи и Африки основалъ подобныя же раздачи пособій для бѣдныхъ дѣтей, и память о нихъ сохранилась на многихъ медаляхъ его царствованія. Какъ были устроены подобныя учрежденія, видно изъ найденныхъ бронзовыхъ таблицъ, на которыхъ написаны распоряженія Траяна. Въ городѣ Велейѣ (недалеко отъ Пьяченцы) ежегодная сумма, употреблявшаяся на это и обезпеченная извѣстнымъ поземельнымъ имуществомъ, была въ 52,000 сестерцій (ок. 2500 р. сер.). Она распредѣлялась такъ: 245 мальчикамъ, рожденнымъ въ законномъ бракѣ, давалось вспоможенія по 16 сестерцій въ мѣсяцъ (ок. 10 р. въ годъ), 34 такимъ же дѣвочкамъ—по 12. Меньшее пособіе выдавалось ежегодно 2 незаконнорожденнымъ. Сверхъ того, назначена была еще дополнительная сумма въ 3600 сестерцій ежегодно для выдачи 18 мальчикамъ и 1 дѣвочкѣ. Примѣръ Траяна нашелъ подражателей. Плиній основалъ подобное учрежденіе въ Комо, своей родинѣ; одна богатая Римлянка учредила ежегодную выдачу денежныхъ пособій для 100 деревенскихъ дѣтей. Каждое подобное учрежденіе обезпечивалось извѣстнымъ капиталомъ, состоявшимъ обыкновенно въ доходныхъ земляхъ. Собираніемъ и распредѣленіемъ ежегоднаго дохода завѣдывалъ особый чиновникъ. Вспоможеніе давалось обыкновенно мальчику до 18 лѣтъ, дѣвочкѣ—до 14. Адріанъ увеличилъ

количество суммъ, употреблявшихся для этой цѣли при Траянѣ. При Антонинахъ устраивались новыя учрежденія, особенно для дѣвицъ. Антонинъ устроилъ одно въ честь своей супруги, Фаустины. Маркъ-Аврелій опредѣлилъ выдавать ежегодное денежное вспоможеніе извѣстному числу дѣтей обоего пола, по поводу брака своей дочери съ Луціемъ Веромъ. Онъ же основалъ новое учрежденіе для помощи бѣднымъ дѣвицамъ, въ память своей супруги. Александръ Северъ, подражая Антонинамъ, опредѣлилъ извѣстный доходъ для ежегодныхъ вспоможеній, въ честь Юліи Маммеи, своей матери. Заведеніе подобныхъ благотворительныхъ учрежденій, не могло разумѣется, уничтожить всего зла, было временною мѣрой. Самыя учрежденія удержались недолго. Лица, владѣвшія или управлявшія землями, доходы съ которыхъ назначались для выдачи ежегодныхъ вспоможеній, задерживали эти доходы или употребляли ихъ въ свою пользу. Въ общемъ разстройствѣ, царствовавшемъ въ Римской имперіи, нельзя было разсчитывать на правильность и совѣстливость администраціи, и императоръ Пертинаксъ, видя невозможность поддержать эти учрежденія, предпочелъ совершенно ихъ уничтожить. Тѣмъ не менѣе мысль объ учрежденіи благотворительныхъ, воспитательныхъ заведеній, приведенная въ исполненіе лучшими императорами, могла возникнуть только въ обществѣ, уже отрекшемся отъ многихъ античныхъ воззрѣній и находившемся подъ вліяніемъ новыхъ идей.

Императорское законодательство со временъ Константина Великаго продолжало развиваться въ томъ же направленіи, какое приняло оно еще при языческихъ правителяхъ. Права родителей бросать своихъ дѣтей при рожденіи были стѣснены или уничтожены. Константинъ (331 г.) отнялъ у родителей право требовать назадъ своихъ дѣтей отъ лицъ, принявшихъ ихъ. Валентиніанъ (374 г.) предписалъ подвергать наказанію

родителей, оставлявшихъ своихъ дѣтей. Ѳеодосій Великій объявилъ свободными дѣтей, которыя будутъ проданы отцами по бѣдности. Отецъ, убившій сына, подвергался наказанію отцеубійцы; по законамъ Константина Великаго и Валентиніана, казнь за подобныя преступленія полагалась самая жестокая. Отцу сохраняется извѣстная власть надъ дѣтьми, но она не переходитъ за предѣлы; въ особенно важныхъ случаяхъ отецъ долженъ представлять непослушнаго сына въ обыкновенный судъ. Право освобожденія дѣтей изъ-подъ отцовской власти сохранилось, но сдѣлалось болѣе религіознымъ, чѣмъ гражданскимъ актомъ. Сохранилось и право отца надъ имуществомъ неосвобожденнаго сына, но уже значительно ограниченное. Право сына на имущество, пріобрѣтенное на военной службѣ, христіанскіе императоры распространили и на имущество, вообще пріобрѣтенное на службѣ всякаго рода. Константинъ Великій даетъ дѣтямъ право распоряжаться имуществомъ, оставшимся по смерти ихъ матери. Послѣдующіе императоры распространяютъ это право на имущество, оставшееся послѣ дѣда или бабки, а также и на взятое ими самими въ приданое. Въ то же время продолжали скрѣпляться естественныя отношенія между дѣтьми и родителями. По закону Валентиніана (367 г.), сынъ, освобожденный отцомъ и нанесшій ему въ послѣдствіи важное оскорбленіе, считался недостойнымъ полученной имъ свободы и снова возвращался подъ отцовскую власть.

Такъ измѣнялся весь строй древней жизни подъ болѣе или менѣе прямымъ вліяніемъ новагѡ ученія. Христіанство пересоздало семью и основало ее на совершенно новыхъ началахъ. Прекрасное опредѣленіе брака: «онъ есть союзъ мущины и женщины, всѣхъ ихъ жизненныхъ судебъ, совмѣщеніе Божественнаго и человѣческаго права», встрѣчающееся въ Дигестахъ, перестало быть одною формулой, получило полное

приложеніе къ жизни. Христіанство возвысило женщину [1]), внушило вѣру въ ея добродѣтель—вѣру, которой до того было чуждо язычество, что даже Сенека, женою котораго была Паулина, не задумавшаяся раздѣлить съ нимъ смерть, такъ опредѣлялъ женщину: «женщина есть животное, лишенное всякаго стыда, и если не воспитать ея съ большимъ тщаніемъ, если не дать ей большаго образованія, въ ней нельзя не видѣть существа дикаго, неспособнаго обуздать свою страсть». Для христіанина женщина была идеаломъ нравственной чистоты. Изображеніе Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ въ рукахъ, изображеніе, встрѣчающееся еще въ римскихъ катакомбахъ и ставшее однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ христіанскаго поклоненія, представляетъ собою какъ бы апотеозу женщины. На мѣсто отношеній юридическихъ христіанство поставило нравственныя. Въ то же время, разрушивъ старое право отцовской власти, которымъ такъ гордились Римляне, оно тѣмъ крѣпче, неразрывнѣе привязало дѣтей къ родителямъ. Въ сферѣ семейныхъ отношеній всего полнѣе было дѣйствіе христіанства, всего рѣзче высказывалась его противоположность съ языческимъ міромъ: за это всего внимательнѣе прислушивалась къ его голосу женщина. Этотъ голосъ будилъ въ душѣ женщины невѣдомыя ей дотолѣ, хотя и постоянно присущія ея природѣ чувства. Отрекаясь отъ свободы, купленной цѣною отреченія отъ стыда и чувства собственнаго достоинства, входя въ тѣсный кругъ семейныхъ обязанностей, указанный христіанствомъ, она сознавала свое высокое назначеніе и тѣмъ беззавѣтнѣе отдавалась новому ученію. Язычники съ озлобленнымъ пренебреженіемъ упрекали

---

[1]) Какъ высоко ставило женщину христіанство, хорошо явствуетъ, между прочимъ, изъ того небывалаго дотолѣ факта, что Отцы церкви написали множество сочиненій для женщинъ и о женщинѣ. Довольно указать на Тертулліана, Кипріана, Амвросія, Августина, Іеронима и др.

христіанскихъ учителей въ томъ, что они преимущественно обращаются съ проповѣдью къ слабой женщинѣ. А между тѣмъ, когда варвары заняли области Римской имперіи, христіанство получило къ нимъ доступъ преимущественно черезъ женщинъ, раньше мущинъ отозвавшихся на Евангельскую проповѣдь. Въ Галліи, Британіи, Скандинавіи, Венгріи, Россіи супруги варварскихъ предводителей могущественно содѣйствовали распространенію новаго ученія, обративъ къ нему своихъ суровыхъ мужей, воспитавъ въ уваженіи къ христіанству молодыя поколѣнія.

Была еще одна сфера, въ которой не менѣе рѣзко обнаружилась противоположность общества христіанскаго съ языческимъ. Говоримъ объ отношеніяхъ къ бѣднымъ и безпомощнымъ. Только съ появленіемъ христіанства открылось міру человѣколюбіе (филантропія) въ полномъ его значеніи. Древній міръ зналъ цѣну гостепріимства; въ языческомъ обществѣ была раздача хлѣба бѣднымъ гражданамъ; но все это блѣднѣетъ предъ подвигами христіанскаго человѣколюбія. Притомъ языческое общество руководилось тутъ совершенно иными побужденіями, чѣмъ христіанское. У Лактанція мы находимъ осужденіе гостепріимства съ точки зрѣнія христіанскаго человѣколюбія. «Какіе гости прославляются поэтами? Князья, герои, знаменитые пѣвцы. Но къ вашему очагу должно принимать не знатныхъ, а убогихъ и оставленныхъ всѣми. Какимъ чувствомъ вызывается это гостепріимство? Послушаемъ отвѣтъ Цицерона: домы знаменитыхъ мужей должны быть открыты для знаменитыхъ посѣтителей. Назовете-ли вы гостепріимствомъ то одолженіе, за которое получите вознагражденіе, тѣ услуги, которыя вы оказываете, можетъ быть, только потому, что разсчитываете на взаимную услугу? Благотвореніе, чтобы стать добродѣтелью, прежде всего должно быть чисто отъ всѣхъ корыстныхъ побужденій. Не довольствуйтесь тѣми

услугами, которыя вы оказываете вашимъ ближнимъ, вашимъ друзьямъ. Идите на встрѣчу, на поиски неизвѣстныхъ страдальцевъ: вотъ это будетъ истинное милосердіе». Во время язвы, опустошившей Карѳагенъ, ясно обнаружилось различіе между древнимъ и новымъ мірами. Язычники оставляли больныхъ, даже близкихъ, и родственниковъ, часто выбрасывали ихъ изъ домовъ, надѣясь этимъ избѣжать заразы. Во время страшной опасности, грозившей всѣмъ и каждому, проснулись самыя низкія, грубыя побужденія эгоизма, какъ это почти всегда бываетъ въ подобныя минуты. Святой Кипріанъ, современный свидѣтель этого бѣдствія, оставилъ намъ потрясающее изображеніе. «Язычники, говоритъ онъ, имѣли столь же мало состраданія къ своимъ больнымъ, сколько обнаруживали жадности воспользоваться ихъ наслѣдіемъ послѣ ихъ смерти. Нужно ли было оказать помощь—они всего боялись. Нужно ли было завладѣть оставшимся имуществомъ—для нихъ не существовало страха. Они боялись приблизиться къ умиравшему больному и спѣшили взять имущество тотчасъ же послѣ его смерти. Можно подумать, что они оставляли несчастныхъ во время болѣзни, какъ бы изъ страха, чтобы помощь не спасла ихъ отъ смерти». Не такъ дѣйствовала христіанская община въ Карѳагенѣ. Епископъ собралъ вѣрующихъ и воодушевилъ ихъ на подвиги милосердія. Онъ говорилъ имъ, что еще не велика заслуга помогать своимъ братьямъ, что надобно думать о прославленіи христіанскаго имени, о подражаніи Отцу Небесному, о достиженіи той степени совершенства, какую предписываетъ Евангеліе. Онъ требовалъ отъ вѣрующихъ, чтобы ихъ милосердіе распространено было не на одниxъ членовъ христіанской церкви, а также и на язычниковъ. Что таково было всегда поведеніе христіанъ, это засвидѣтельствовано отступникомъ отъ христіанства, ожесточеннымъ врагомъ его, Юліаномъ, мечтавшимъ о возрожденіи древняго міра.

«Неужели вы не краснѣете, писалъ онъ языческимъ жрецамъ, оттого, что нечестивые Галилеяне, питая своихъ бѣдныхъ, кормятъ также и нашихъ, оставленныхъ нами безъ всякой помощи!» Велика заслуга христіанства, когда для борьбы съ нимъ враги должны были употреблять его же оружіе, имъ дотолѣ неизвѣстное милосердіе. То, что было въ Кароагенѣ, повторилось во время моровой язвы, опустошившей Александрію. Въ половинѣ IV вѣка въ христіанскомъ обществѣ повсюду явились госпитали для больныхъ, богадѣльни для увѣчныхъ и дряхлыхъ, гостиницы для бѣдныхъ странниковъ. Что было до того дѣломъ частной благотворительности, теперь получило характеръ общественнаго дѣла. Больницы устраивались или отдѣльными лицами, или посредствомъ сбора пожертвованій съ цѣлой общины. Самое большое изъ учрежденій такого рода было устроено св. Василіемъ, знаменитымъ епископомъ Цезареи или Кесаріи (370—379 г.). Оно основано было на добровольныя приношенія. Въ немъ были и залы для больныхъ, и пріютъ для странниковъ, и даже мастерскія для бѣдныхъ, способныхъ къ работѣ. Особое отдѣленіе было для прокаженныхъ, этихъ паріевъ, отверженниковъ языческаго общества. Еще въ V вѣкѣ это учрежденіе носило имя своего создателя, открывшаго подобные же госпитали въ каждомъ сельскомъ діоцезѣ. Св. Василій испросилъ освобожденіе больницъ и страннопріимныхъ домовъ отъ податей и повинностей. Іоаннъ Златоустъ основалъ больницы въ Антіохіи и Константинополѣ, Макарій—въ Александріи. Пустынникъ Талассій построилъ въ деревнѣ, недалеко отъ Евфрата, домъ для слѣпыхъ и самъ служилъ имъ. На Западѣ больницы основывались обыкновенно частными жертвователями, которые посвящали и самихъ себя служенію больнымъ. Среди основателей больницъ и пріютовъ мы находимъ членовъ знаменитѣйшихъ фамилій Рима, потомковъ Фабія и Павла Эмилія. Въ числѣ духовныхъ

[redacted]

должностей христіанской церкви была должность смотрителя за больными.

Особую должность въ церковномъ клирѣ занимали и тѣ, которые посвящали себя заботамъ о христіанскомъ погребеніи мертвыхъ (fossores—могильщики). Отдать послѣдній долгъ бѣдному считалось одною изъ священнѣйшихъ обязанностей христіанскаго милосердія. Для язычниковъ казалось страннымъ это уваженіе къ мертвымъ, особенно къ бѣднымъ. Изъ всѣхъ писателей языческаго міра одинъ Сенека считалъ подвигомъ благотворительности преданіе землѣ тѣла, хотя бы и преступника, на что̀ обыкновенно и указываютъ, какъ на свидѣтельство вліянія христіанскихъ идей на стоическаго мыслителя.

Для языческаго общества бѣдность была не несчастьемъ только, но почти порокомъ, безчестіемъ. Бѣдный едва-ли былъ способенъ къ мудрости и добродѣтели, по мнѣнію древнихъ (Ювеналъ). Даже Платонъ готовъ признать дѣтей бѣдныхъ родителей за незаконнорожденныхъ. Сохранился одинъ законъ уже христіанской эпохи, но повторяющій, по всей вѣроятности, старинное постановленіе, по которому браки безъ приданаго не признавались законными, и дѣти, происшедшія отъ такихъ браковъ, не имѣли гражданскихъ правъ. Оказывать помощь бѣдняку казалось не столько хорошимъ, сколько почти дурнымъ дѣломъ. Оказывая помощь нищему, человѣкъ лишаетъ себя извѣстной суммы, продолжая только несчастную жизнь бѣднаго: лучше не давать ничего, если нельзя вполнѣ обезпечить существованіе неимущаго. Даже въ лучшихъ людяхъ греко-римскаго міра не было яснаго сознанія необходимости и обязательности вспомоществованій. Если въ Римѣ и въ другихъ городахъ производилось снабженіе съѣстными припасами бѣдныхъ гражданъ, если богачь не обходился безъ своихъ постоянныхъ подачекъ [1]), то это дѣлалось лишь изъ цѣлей

[1]) Рѣчь идетъ объ извѣстной *sportula*, корзинѣ съ съѣстными припасами,

политическихъ. Раздача хлѣба черни не помогала бѣдности, а скорѣе ее увеличивала. По мѣрѣ того, какъ возрастало число римскихъ гражданъ, существовавшихъ насчетъ государства, бѣдность распространялась по провинціямъ. Благотворительность, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, впервые явилась только въ христіанскомъ обществѣ. Милосердіе — одна изъ первыхъ заповѣдей Евангелія. «Если хочешь быть совершеннымъ, говоритъ Іисусъ Христосъ юношѣ, спрашивавшему его о средствахъ къ достиженію вѣчнаго блаженства, поди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ, и получишь сокровище на Небеси, и приди, слѣдуй за мною». «Продавайте имѣнія свои и раздавайте милостыню». «Всякій изъ васъ, кто не отречется отъ всего, что имѣетъ, не можетъ быть ученикомъ моимъ». Во времена апостоловъ помощь бѣднымъ была уже вполнѣ организована, и въ ихъ постановленіяхъ ясно и опредѣленно изложены обязанности христіанина относительно меньшихъ братій. Значеніе бѣдныхъ въ христіанской жизни превосходно обозначено Іоанномъ Златоустымъ. «Какъ фонтаны устроены недалеко отъ храмовъ, чтобы омыть въ нихъ руки, прежде чѣмъ простирать ихъ къ небу, такъ бѣдные помѣщены нашими предками у дверей церкви, чтобы милостыней очистить наши руки, прежде нежели воздѣть ихъ къ Богу». Увѣщаніе Отцовъ церкви о необходимости раздавать имѣнія нищимъ, о затрудненіяхъ, какія представляетъ обладаніе богатствомъ для достиженія вѣчной жизни, такъ сильны, что они подали поводъ нѣкоторымъ думать, будто новое ученіе требуетъ раздѣла имущества и уничтоженія собственности. Но христіанство далеко отъ коммунистическихъ стремленій. Отреченіе отъ собственности представляется церкви,

---

которые знатные Римляне раздавали своимъ кліентамъ, приходившимъ пожелать имъ добраго утра. Такъ же именовалась и денежная подачка. Отсюда произошло и древнее названіе духовенства, *sportulantes fratres*, такъ какъ оно собирало добровольныя приношенія общинъ въ пользу церкви. А. Т.

какъ идеалъ, а не какъ требованіе. Она вооружалась противъ нѣкоторыхъ сектаторовъ, ставившихъ уничтоженіе собственности неизбѣжнымъ условіемъ христіанской жизни. Отреченіе отъ собственности было только въ монастыряхъ, требовавшихъ полнаго отреченія отъ міра. Но если церковь не требуетъ отреченія отъ собственности, зато она настойчиво требуетъ христіанскаго распоряженія этою собственностью, требуетъ подвиговъ благотворенія. Благотвореніе являлось въ одно и то же время и обязанностью, и лучшимъ правомъ христіанина. Церковь отвергаетъ приношенія со стороны лицъ, пріобрѣвшихъ имѣніе неправедными путями, отвергаетъ приношенія отлученныхъ отъ церкви или находящихся подъ покаяніемъ. Помощь бѣднымъ была организована съ первыхъ временъ церкви. Вѣрующіе приносили къ алтарю свои вклады, и для раздачи милостыни у духовенства были особыя лица, діаконы и діакониссы. Капиталъ для бѣдныхъ составлялся также изъ пожертвованій по завѣщанію или на поминъ души. Число бѣдныхъ, содержимыхъ церковью, было весьма значительно. Около половины III вѣка римская церковь содержала 1500 нищихъ, антіохійская во время Іоанна Златоустаго—до 3000. Когда римскій префектъ потребовалъ отъ св. Лаврентія открыть, гдѣ хранятся церковныя сокровища, тотъ собралъ бѣдныхъ, получавшихъ вспоможеніе отъ церкви, и указалъ на нихъ. Если недоставало обыкновенныхъ приношеній, а требовалась немедленная помощь, епископы не задумывались продавать церковные сосуды. Когда многіе возставали противъ этого, Амвросій миланскій счелъ своею обязанностью доказать законность подобнаго употребленія церковныхъ драгоцѣнностей. «Если церковь имѣетъ золото, говорилъ онъ, то вовсе не затѣмъ, чтобы беречь его, а чтобы употреблять на нужды своихъ членовъ. Зачѣмъ беречь то, что само по себѣ вовсе ничего не стоитъ?» Христіанскія общины не ограничивались помощью только своихъ

бѣднымъ; между ними была тѣсная связь; одна помогала другой въ случаѣ несчастія. Особенно ревностно поддерживали онѣ другъ друга во время преслѣдованій и для выкупа плѣнныхъ. Съ IV вѣка являются общественныя заведенія для вдовъ и сиротъ. Епископъ кизицкій Елевзій устроилъ пріютъ для вдовъ. Къ этому же времени относятся и первые дома для воспитанія сиротъ.

Говоря о значеніи христіанства въ судьбахъ римскаго міра, нельзя не остановиться на двухъ весьма замѣчательныхъ явленіяхъ. Среди общаго паденія умственной дѣятельности, среди молчанія, царствовавшаго на римскомъ форумѣ, при истощеніи въ язычествѣ творческой силы, только христіанское общество, особенно церковь, сохранили преданія цвѣтущей эпохи греко-римской образованности во время переворота, поглотившаго послѣдніе остатки Римской имперіи. Въ этотъ періодъ только въ литературѣ христіанской мы находимъ движеніе мысли, богатство внутренняго содержанія и дѣйствительно живые вопросы и интересы. Съ другой стороны, среди общаго разложенія государственныхъ учрежденій и общественныхъ связей римскаго міра, только христіанская церковь имѣетъ прочную организацію, способную выдержать самыя страшныя политическія бури. Можно смѣло сказать, что церковь была единственнымъ живымъ учрежденіемъ, среди обветшалыхъ формъ древняго государственнаго устройства. Мало того. Какъ литературныя преданія греко-римской цивилизаціи перешли въ средніе вѣка только чрезъ христіанскую церковь, точно также, благодаря только ей, сохранились и результаты вѣковой юридической жизни Рима. По мѣрѣ того, какъ слабѣла умственная и политическая жизнь въ свѣтскомъ обществѣ, сохранившемъ и послѣ принятія христіанства свой полуязыческій характеръ, она сосредоточивалась въ дѣятельности членовъ церкви, которая завоевывала себѣ всѣ лучшія силы, всѣ

серьёзные умы. Если не прослѣдить, то хотя указать на это чрезвычайно важно, потому что только здѣсь мы найдемъ объясненіе той великой роли, которую играла въ средніе вѣка церковь, воспитательница юнаго общества не только въ отношеніи религіозномъ, но также въ научно-литературномъ и политическомъ.

Начало имперіи ознаменовано блестящимъ развитіемъ литературы, которое иные ставятъ въ оправданіе новаго государственнаго устройства. Когда говорятъ, что процвѣтаніе литературы и искусства неразлучно съ свободой, въ опроверженіе обыкновенно указываютъ на золотой вѣкъ Августа, на итальянское искусство и литературу временъ Медичи, на классическій періодъ французской литературы въ царствованіе Людовика XIV. Вѣкъ Августа, дѣйствительно, былъ золотымъ для римской литературы. Не надобно забывать только одного: это было завершеніе цвѣтущаго періода литературы, а не начало новаго. За вѣкомъ Августа слѣдовало склоненіе къ упадку, а не дальнѣйшее развитіе, точно также какъ въ Италіи блестящимъ вѣкомъ Медичи заключился предшествовавшій періодъ Данта и началось время застоя. Умиравшая республика послѣднею вспышкой озарила начинавшуюся имперію и этотъ отблескъ стараго Рима принятъ былъ за зарю новой жизни. Знаменитѣйшіе поэты и литераторы Августова вѣка своимъ воспитаніемъ, нравственнымъ развитіемъ, принадлежатъ прежнему, республиканскому времени. Имперія только наслѣдовала ихъ отъ республики вмѣстѣ со многими политическими учрежденіями, а не создала ихъ сама. Имперіи принадлежатъ только тѣ поколѣнія, которыя выросли и воспитались уже въ то время, когда она перестала прикрываться республиканскою маской и явилась тѣмъ, чѣмъ была по своей природѣ. Тутъ-то оказалось, что имперія была временемъ медленнаго, но постепеннаго и весьма

замѣтнаго паденія древней литературы. Это паденіе началось съ самаго ея водворенія. Августъ покровительствовалъ ораторскому искусству; но съ тѣхъ поръ, какъ голова Цицерона была продана имъ Антонію, политическому краснорѣчію уже не доставало перваго условія жизни — свободы; оно замираетъ и выраждается въ самый низкій изъ своихъ видовъ, въ панегирикъ.

Хотя зачатки стѣсненія свободы мысли и слова и коренились въ переходномъ времени, отдѣляющемъ республику отъ имперіи, но все его развитіе принадлежитъ послѣдней. Шагъ за шагомъ можно прослѣдить, какъ личное убѣжденіе теряло самостоятельность или замыкалось въ молчаніе, не имѣя права высказаться даже косвенно, даже въ самой скромной формѣ. Августъ и его преемники часто заявляли полное признаніе свободы слова и убѣжденія; но рядомъ съ пышными фразами стояли слишкомъ грустные факты, ясно говорившіе, что отъ слова слишкомъ еще далеко до дѣла. Это доказалъ Августъ, бывши еще тріумвиромъ. Когда сенаторъ Сульпицій Корона осмѣлился сказать рѣчь въ оправданіе Брута, онъ сдержался отъ немедленнаго мщенія; но въ проскрипціонныхъ листахъ было занесено имя смѣлаго оратора, который и поплатился жизнью. Упрочивъ свою власть, Августъ не разъ выражалъ не столько признаніе свободы слова, сколько пренебреженіе къ его дѣйствію. «Пусть говорятъ, только бы не дѣлали!» замѣчалъ онъ, и не наказывалъ даже за насмѣшки и пасквили, направленные лично противъ него. Но Августъ же первый, по словамъ Тацита, приказалъ прилагать къ сочиненіямъ страшный законъ объ оскорбленіи величества, который прежде относили лишь къ измѣнѣ войска, къ возмущенію, къ дурному управленію республикой, словомъ, «къ дѣлу, а не слову». Первый примѣръ суда за сочиненіе былъ по поводу извѣстнаго оратора Кассія Севера, который и въ рѣчахъ, и въ сочиненіяхъ

не сдерживалъ своего языка и задѣвалъ за живое многихъ. Сенатъ присудилъ уничтожить сочиненія, а автора сослать на островъ Критъ. Впослѣдствіи, при Тиверіи, Кассій Северъ былъ вновь судимъ, потому что и въ изгнаніи продолжалъ писать свои обличительныя сочиненія. На этотъ разъ было конфисковано его имущество; а его самого перевели на пустынный утесъ о. Серифа, гдѣ онъ и умеръ на 25 году изгнанія въ ужасной бѣдности. За процессомъ Севера слѣдовало много другихъ. Преемникъ осторожнаго, лицемѣрнаго Августа, Тиверій началъ свое царствованіе великолѣпными словами: «Въ свободномъ государствѣ должны быть свободны умъ и слово» (Светоній). Но онъ же произнесъ еще болѣе торжественную рѣчь о томъ, что государь есть только слуга государства и сената. Тиверій-ораторъ и Тиверій-практикъ были несовсѣмъ похожи другъ на друга. На вопросъ претора Помпея Макра, принимать ли жалобы на оскорбленіе величества, т. е., слѣдуетъ ли сохранить свободу ума и слова, онъ отвѣчалъ: «Законъ долженъ быть исполняемъ». Какъ исполнялся законъ, видно изъ Тацита и Светонія. Пизонъ лишь посредствомъ смерти избѣгнулъ осужденія по навѣту доносчика, будто онъ тайно говорилъ противъ Тиверія, и еще за свои слова въ сенатѣ: «оставлю городъ, гдѣ нѣтъ безопасности отъ доносчиковъ и обвинителей, и поселюсь гдѣ-нибудь въ далекомъ уединеніи деревни». Всадника Приска казнили за то, что во время опасной болѣзни Друза онъ написалъ стихотвореніе на его смерть и имѣлъ неосторожность прочитать его въ присутствіи нѣсколькихъ знатныхъ женщинъ. Въ сенатѣ только одинъ членъ имѣлъ мужество высказать мнѣніе, что «надо отличать вздорное, пустое отъ преступнаго, слово отъ дѣла», и лишь одинъ товарищъ присталъ къ его мнѣнію: остальные въ угоду Тиверію потребовали немедленной казни обвиненнаго. Поэтъ Скавръ былъ принужденъ лишить себя

жизни, потому что въ его трагедіи «Атрей» Тиверію показалось, будто онъ изображенъ въ лицѣ тирана. При Тиверіи же былъ поданъ и первый примѣръ преслѣдованія историческихъ сочиненій, хотя бы они изображали событія прошлаго времени и не касались современности. «Кремуцій Кордъ, говоритъ Тацитъ, обвиненъ былъ въ новомъ и дотолѣ неслыханномъ преступленіи, въ томъ, что въ своей лѣтописи хвалилъ Марка Брута и назвалъ Кая Кассія послѣднимъ Римляниномъ». Увѣренный въ смертномъ приговорѣ по суровому виду, съ которымъ слушалъ Тиверій его оправданіе, Кремуцій уморилъ себя голодомъ, а его сочиненіе было сожжено по приговору сената. Поэты, ораторы, историки подвергались осужденію за каждое сколько-нибудь независимое выраженіе мнѣнія. Тѣмъ болѣе, конечно, наказывалось каждое слово противъ самого Тиверія. За стихотвореніе противъ императора поэтъ Требелліанъ Руфъ принужденъ былъ самъ наложить на себя руки, а Секстія Паконіана удавили въ темницѣ. Какою свободой пользовались умъ и слово при Тиверіи, провозгласившемъ ее торжественно, видно изъ того, что желавшіе безнаказанно высказать свое обличеніе помѣщали его въ духовное завѣщаніе. Такъ поступилъ Фульциній Тріонъ, лишившій себя жизни изъ страха передъ обвинителями.

Калигула также не замедлилъ горячо высказать свое уваженіе къ свободѣ мнѣнія и на практикѣ пошелъ еще дальше Тиверія. Тиверій первый посягнулъ на независимость приговоровъ исторіи, Калигула первый посягнулъ на свободу преподаванія. Профессоръ краснорѣчія, Каринъ Секундъ, былъ осужденъ за то, что произнесъ въ своей аудиторіи слово противъ тиранніи. Подобная же участь постигла и другаго профессора, Тразимаха. Оба были отправлены въ ссылку. За простое замѣчаніе въ сенатѣ, что сенатъ поступаетъ противно своимъ собственнымъ словамъ, Титъ Руфъ былъ обвиненъ

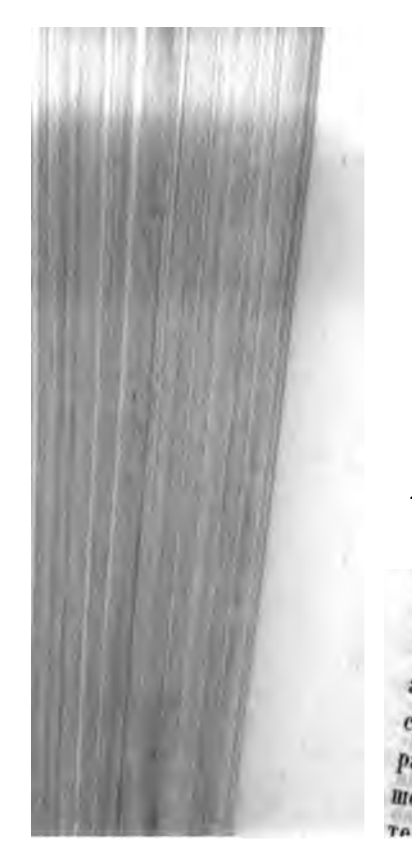

и уморилъ себя голодомъ. При Калигулѣ же началось и гоненіе на многихъ старыхъ писателей. Гомеръ былъ запрещенъ. Та же участь грозила твореніямъ Виргилія, Тита Ливія, потому что въ первомъ императоръ отрицалъ талантъ и ученость, втораго же считалъ многословнымъ и несовсѣмъ достовѣрнымъ. Отъ Клавдія нельзя было ожидать ни лицемѣрія, ни чего-нибудь хорошаго относительно свободы мысли и слова. Онъ дѣйствовалъ или безъ всякой системы, или подъ чужимъ вліяніемъ. Въ его время видимъ примѣры и полной безнаказанности, и безумной жестокости. Клавдій въ сенатѣ оправдывался въ своей глупости, доказывалъ, что онъ вынужденъ былъ при Калигулѣ притворяться дуракомъ, чтобы спасти свою жизнь. Тотчасъ же появилось сочиненіе, подъ заглавіемъ «Исцѣленіе идіотовъ», доказывавшее, что нѣтъ средствъ притворяться всю жизнь идіотомъ; и за это сочиненіе, никто не подвергся ни слѣдствію, ни суду. Но въ то же время императоръ приказалъ безъ суда бросить въ Тибръ адвоката, смѣло и свободно защищавшаго невинность своего кліента. Правленіе Нерона, по крайней мѣрѣ послѣднее его время, было не менѣе гибельно для свободы мысли и слова. Такимъ образомъ, уже въ первое столѣтіе имперіи появились одно за другимъ всѣ ограниченія свободы мнѣній, всѣ виды цензурныхъ преслѣдованій. Запрещенія и изъятіе изъ оборота сочиненій началось еще при Августѣ. Первымъ примѣромъ было сожженіе сочиненія историка Тита Лабіена. Римъ не зналъ предварительной цензуры книгъ, но ея первые зародыши можно замѣтить уже тогда. Августъ уничтожилъ «Отчеты сената» (Acta Senatus), гдѣ обнародывались протоколы его засѣданій. «Государственные Ежедневные Отчеты» (Acta populi Romani diurna) потеряли свое значеніе и сообщали только то, что правительство считало нужнымъ сообщить народу, наполнялись большею частью описаніемъ придворныхъ и религіозныхъ

церемоній, [illegible]звѣстіями о театрахъ и играхъ, и т. п. Эти «Отчеты» замѣняли для Рима наши газеты и потому на нихъ прежде всего обр[illegible]но было вниманіе правительства. Они издавались не иначе, какъ заранѣе просмотрѣнные и утвержденные. Черезъ нихъ узнавали провинціи о томъ, что дѣлалось въ Римѣ. Какъ видно изъ [illegible]еронѣ «Отчеты», даже въ этомъ жалкомъ [illegible]ь жадностью. Обвинитель благороднаго Тра[illegible]ему въ преступленіе то, что «въ Римѣ и в[illegible]илежно читаютъ Отчеты, чтобы только зна[illegible]дложеніемъ онъ не согласился». Для умс[illegible]ости не доставало перваго условія, свобо[illegible]ли времена Нервы и Траяна, «времена [illegible]а можно было, по словамъ Тацита, думать, ч[illegible]ить, что думаешь,» то это было слишкомъ рѣдкое исключеніе.

Постоянное принужденіе должно было развращать самую мысль, лишать ее всякой жизни и силы. «Постыдно, замѣчаетъ Сенека, говорить не то, что чувствуешь; но еще постыднѣе не писать того, что чувствуешь.» Стѣсненіемъ свободы убѣжденій объясняется быстрое паденіе политическаго и судебнаго краснорѣчія во времена имперіи. Оно еще высоко цѣнилось, но уже не находило себѣ прямаго приложенія къ жизни, обращалось мало по малу въ пустой наборъ звучныхъ словъ. Школы риторовъ и ораторовъ были многочисленны и полны учениковъ, но ихъ краснорѣчіе было безплодно, не могло образовать ораторовъ. Въ нихъ излагалась внѣшняя сторона краснорѣчія, объясненіе ораторскихъ пріемовъ, употребленіе фигуръ и троповъ, средства для достиженія эффектовъ, и т. д. Внутреннее содержаніе отходило на второй планъ. Можно даже сказать, что каждый успѣхъ школьной риторики былъ въ ущербъ сущности истиннаго класнорѣчія. Среди толпы риторовъ трудно, если не невозможно, отыскать хотя

одного истиннаго оратора. Въ школахъ главнымъ упражненіемъ была декламація, — сочиненія, писавшіяся на заданную тему, не столько съ цѣлью развить извѣстную мысль, сколько довести внѣшнюю форму до возможной степени совершенства. Самыя темы для нихъ выбирались преимущественно разсчитанныя на эффектъ. Содержаніе декламаціи почти не имѣло ничего общаго съ дѣйствительностью. Страстное выраженіе школьныхъ ораторовъ шло изъ головы, а не изъ сердца. Единственное и въ высшей степени вредное вліяніе декламацій состояло въ замѣнѣ истиннаго чувства фальшивою напряженностью, головною экзальтаціей. Вѣрный приговоръ школьному краснорѣчію мы находимъ у Петронія. «Я думаю, говоритъ дѣйствующее лицо въ одной изъ его повѣстей, что глупость юношей, учащихся въ школахъ, происходитъ оттого, что имъ не приходится ни видѣть, ни слышать того, что̀ дѣлается въ обыкновенной жизни. Имъ являются разбойники, стоящіе на берегу моря съ готовыми оковами; тираны, издающіе законы, предписывающіе дѣтямъ рубить головы отцовъ; приговоры оракуловъ, требующихъ для прекращенія язвы смерти трехъ или болѣе дѣвъ. Все это облекается въ медовыя, посыпанныя пряностями рѣчи... Высокое, если можно такъ выразиться, цѣломудренное краснорѣчіе не терпитъ румянъ и напыщенности; оно довольствуется естественною красотой. Недавно перешло изъ Азіи въ Аѳины надутое и чрезмѣрное многословіе; какъ гибельное свѣтило, отравило оно своимъ вліяніемъ умы юношей, стремившихся къ великому. Испорченная рѣчь остановилась и умолкла... Пропитанное ядомъ искусство умираетъ, не доживъ до старости». Не истинное краснорѣчіе имѣло теперь практическую цѣль, а панегирики, которые и сдѣлались любимымъ родомъ школьнаго краснорѣчія. Отъ Плинія до самаго конца римской имперіи тянется почти непрерывный рядъ этихъ ораторовъ. Панегирикъ — похвальное слово,

но утонченнос
Отступлені
нія истиннаго
бокое паденіе
менъ имперіи
имперіи предста
сло школъ увел
и поэтовъ было
лось быстро въ
быхъ заведеній,
рабовъ занято был
продавцы спѣшили
каждое новое прои
вали. Публичныя
распространять извѣ
ныя чтенія особенно
обыкновенный сезон
«Нынѣшній годъ, пиш
апрѣль не проходило
сильно этому радуюсь.
развивается и очищает
шое равнодушіе и лѣно

очевиднѣе. Постепенно поэзія обращается въ стихосложеніе, въ версификацію, какъ краснорѣчіе въ риторство. Манерность и аффектація, стремленіе бить на эффектъ, отсутствіе живаго, истиннаго одушевленія, — все это обнаружилось въ римской поэзіи весьма рано. Поэты цвѣтущаго времени изучались весьма прилежно; но постепенно утрачивалась способность понимать ихъ, чувствовать красоты истинной поэзіи, возможность подражать великимъ образцамъ въ ихъ духѣ и направленіи, не смотря на то, что внѣшнее подражаніе было одною изъ особенностей этого періода. Эпопея и лирика становятся не подъ силу поэтамъ. Въ ходу тѣ роды поэзіи, гдѣ всего менѣе нужно творческой силы, — описанія и дидактическія стихотворенія, что̀ уже само по себѣ ясно говоритъ объ упадкѣ вкуса. Какъ въ краснорѣчіи, такъ и въ поэзіи искусство имѣетъ мало общаго съ жизнію. Самыя публичныя чтенія много содѣйствовали этому паденію. Цѣль автора была подѣйствовать на скучающую и равнодушную толпу слушателей. Средствами для этого были эрудиція и изысканность внѣшней формы. Является множество поэтовъ, перелагающихъ въ стихи миѳологію, естественныя науки, астрономію, географію. Относительно внѣшней формы все жертвовалось мелочнымъ подробностямъ, тщательной отдѣлкѣ каждаго стиха, каждаго выраженія, почти каждаго слова. Тутъ можно найти много счастливыхъ выраженій, граціозныхъ подробностей, но ни искры истиннаго одушевленія, чувства. По мѣрѣ оскудѣванія творческой силы, плодилось число подражателей, компиляторовъ, составителей извлеченій и сокращеній изъ прежнихъ писателей. Явились даже новые роды поэзіи, немыслимые безъ школьнаго искусства версификаціи. Таковы были центоны, — стихотворенія, составленныя изъ отдѣльныхъ стиховъ, вырванныхъ у того или другаго поэта. Для составленія каждаго стиха складывали два полустишія, подобранныя изъ разныхъ

мѣстъ. [illegible]лялось иногда брать полтора стиха изъ одного мѣста и прибавить недостающее полустишіе изъ другаго. Поэзія все бо[illegible] и болѣе принимала видъ головоломнаго механическаго упражненія. Главною заслугой считалось побѣжденіе трудностей. Возникли стихотворенія, гдѣ каждый стихъ долженъ былъ ок[illegible]жнымъ словомъ и притомъ съ соблюденіемъ [illegible]ій. Явились и стихи (recurrentes, recipr[illegible] какъ съ начала до конца, такъ и съ кон[illegible]раняя одинъ и тотъ же смыслъ [1]). Р[illegible]ими панегириками идутъ стихотворные, о[illegible]е самыми признаками.

Этотъ процес[illegible]я повсюду въ языческой, свѣтской литерату[illegible]и и краснорѣчію, философія также обратилась въ рем[illegible]ъ школьную гимнастику, утратила всякое внутреннее содержаніе, всякое общественное значеніе. Саркастическій умъ Лукіана Самосатскаго достойно предалъ позору и посмѣянію безплодныя, хотя и шумныя словопренія греческихъ и римскихъ философовъ. Одинъ неоплатонизмъ былъ болѣе живою вспышкой замиравшей языческой мысли. Но и онъ палъ въ безплодной борьбѣ. Онъ сталъ искать опоры не столько въ философскомъ мышленіи, сколько въ мистическомъ экстазѣ, во вдохновеніи, въ какомъ-то наитіи свыше. Онъ скоро выродился въ демонологію, въ магію, въ теургію, и, начавъ съ отрицанія народныхъ языческихъ вѣрованій, кончилъ попыткой возстановить ихъ съ ихъ первоначальными миѳами, съ ихъ древнимъ богослуженіемъ. Но, по энергическому выраженію Сальвіана марсельскаго, языческое общество «умирало со смѣхомъ на устахъ» (moritur et ridet). Только въ сатирѣ слышался еще живой голосъ негодованія, хотя и она вскрывала наболѣвшія язвы общества, не предлагая средствъ къ ихъ исцѣленію. Скоро, впрочемъ, смолкла и

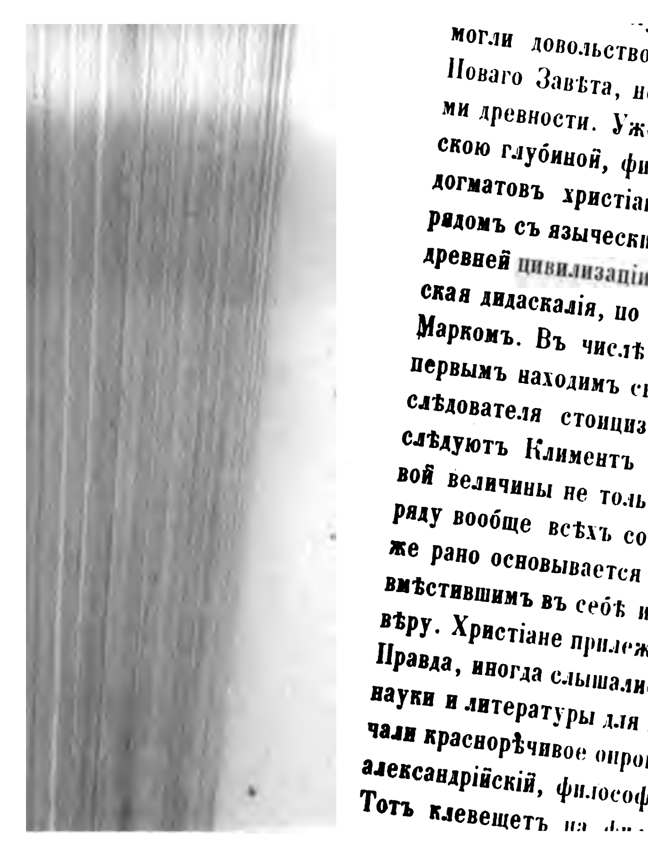
[1]) Вотъ примѣръ: Roma tibi subito motibus ibit amor.

она. Въ III, IV и V вѣкахъ имперіи слышится только голосъ панегиристовъ да самодовольное восхваленіе другъ друга безчисленныхъ риторовъ, поэтовъ и философовъ, преувеличенными похвалами заглушавшихъ сознаніе своего ничтожества. Въ исторіи умственной жизни римской имперіи замѣчательно то равнодушіе, то непониманіе важности совершавшихся событій, которое обнаруживаютъ почти всѣ писатели, начиная особенно съ III вѣка. Ихъ не поражаютъ ни разложеніе римскаго общества, ни новые элементы, вторгавшіеся въ жизнь. Немногіе изъ писателей послѣднихъ вѣковъ римской имперіи оцѣнили по достоинству роль варваровъ. Почти всѣ они какъ бы съ умысломъ не замѣчаютъ успѣховъ христіанства, овладѣвшаго всѣми лучшими силами общества. Прекрасными примѣрами такого умышленнаго или невольнаго непониманія служатъ послѣдніе языческіе поэты Рима, болѣе другихъ извѣстные: Клавдіанъ, Авзоній и Рутилій Нумаціанъ.

Не то было въ обществѣ христіанскомъ. Здѣсь настойчивая, не прерывающаяся работа мысли надъ разрѣшеніемъ самыхъ важныхъ вопросовъ; здѣсь жизнь и движеніе. Здѣсь крѣпкая вѣра въ свое будущее, дававшая силы пережить тяжкія времена вѣковыхъ преслѣдованій и презрѣнія. Здѣсь впервые является идея прогресса; чувствуется потребность однимъ взглядомъ окинуть всѣ предшествовавшія судьбы человѣчества, отыскать въ нихъ внутренніе законы; создается философія исторіи. Въ самой сущности христіанства лежитъ необходимость его духовнаго развитія. Тотъ совершенно не понимаетъ его, кто видитъ въ немъ неподвижность и неизмѣнность. Неизмѣнны и неподвижны только основныя положенія христіанской религіи; но полное раскрытіе христіанскихъ догматовъ совершалось и совершается во времени. Новое ученіе не явилось въ міръ чѣмъ-то замкнутымъ, завершеннымъ. Оставляя учениковъ своихъ, Іисусъ Христосъ обѣщалъ имъ Духа истины,

который бу[illegible]етъ дѣйствовать въ нихъ. Уже въ посланіяхъ апостольскихъ мы видимъ раскрытіе христіанской догматики, которое не прекращалось потомъ. Исторія христіанства представляетъ намъ непрерывное движеніе, постоянное развитіе данныхъ въ Евангельской проповѣди основаній. Это движеніе умѣряется только тог[illegible]ослѣ девятивѣковой работы мысли, рядомъ соборны[illegible]леній опредѣлена была почти во всѣхъ под[illegible]стяхъ [illegible]анская догма, когда отвергнуты были пос[illegible]олк[illegible]. Уже одна борьба съ многочисленными ересями, [illegible]озникавшими съ самаго начала, требовала вѣч[illegible]на[illegible]я умственной дѣятельности членовъ христіанскаго общес[illegible]реси были неизбѣжны. Въ нихъ видна извѣстная логическа[illegible]ослѣдовательность. Только въ борьбѣ съ ними могла выраб[illegible]ться христіанская догма съ полнотою и ясностью соборныхъ опредѣленій. Къ тому же Евангельское ученіе было принято людьми различнаго образованія, различныхъ народностей, въ различной степени чистоты. Сиріецъ видѣлъ въ немъ несовсѣмъ то, что̀ уроженецъ Африки, Египта, или Римлянинъ. Національные оттѣнки въ пониманіи христіанства можно прослѣдить до нѣкоторой степени, особенно въ исторіи ересей. Христіанство, по самой своей природѣ религія всего человѣчества, должно было вступить въ борьбу съ этими національными стремленіями. Кромѣ того, оно принималось людьми различныхъ цивилизацій. Одни вносили въ него идеи греческой философіи, другіе—мистическія вѣрованія Востока, преданія древнѣйшихъ религій. Гностики не только называли себя христіанами, но считали себя христіанами попреимуществу; а между тѣмъ въ ихъ мистическихъ системахъ Евангельская основа затемнѣна постороннею примѣсью, сильными отголосками ученія Индусовъ, древнихъ Халдеевъ и кабалы. Въ ереси манихеевъ дуалистическому ученію Зендавесты пожертвована чистота христіанскаго

представленія. Ученіе неоплатониковъ не осталось безъ участія въ образованіи ересей въ Александріи и на почвѣ классической Греціи. Было бы долго перечислять всѣ ереси, въ которыхъ ясно выразилось вліяніе той или другой философской доктрины или религіи дохристіанскаго міра. Противъ этого соединенія христіанства съ прежними ученіями церковь ратовала съ самаго своего основанія. Вліяніе древней философіи и религіи, въ особенности преобладаніе этого вліянія было еще опаснѣе для христіанства, чѣмъ вліяніе народностей. Наконецъ, борьба была и съ другими ересями, возникавшими вслѣдствіе различнаго пониманія того или другаго изъ основныхъ положеній Евангельскаго ученія, съ добросовѣстными уклоненіями отъ ихъ истиннаго смысла. Не забудемъ, что тогда власть еще не вмѣшивалась въ опредѣленіе догматовъ, не давала своимъ авторитетомъ перевѣса тому или другому убѣжденію, не стѣсняла свободы мысли и совѣсти. А въ рядахъ ересіарховъ и ихъ послѣдователей были люди замѣчательныхъ талантовъ, нерѣдко замѣчательной чистоты побужденій и вѣры въ свои убѣжденія. Тутъ были люди, много послужившіе христіанству, которымъ церковь не могла отказать въ своей признательности даже послѣ ихъ заблужденія. Таковъ былъ, напр., извѣстный Оригенъ, одинъ изъ первыхъ мыслителей христіанской церкви своего времени. Таковъ былъ на Западѣ Тертулліанъ, краснорѣчивѣйшій изъ защитниковъ христіанства. И эта борьба равной доблести, равнаго оружія была весьма полезна. Каждою новою ересью обозначалась извѣстная слабая сторона современной догматики. Часто ересь возникала изъ слишкомъ крайняго развитія вѣрнаго основанія, изъ односторонняго увлеченія. Такъ какъ споръ велся силою слова и убѣжденій, то безчисленныя христіанскія общины находились между собою въ безпрерывныхъ сношеніяхъ. Вопросъ, поднятый въ Египтѣ, тотчасъ же отзывался въ Галліи и Испаніи.

могли довольство
Новаго Завѣта, н
ми древности. Уж
скою глубиной, фи
догматовъ христіа
рядомъ съ языческ
древней цивилизаціи
ская дидаскалія, по
Маркомъ. Въ числѣ
первымъ находимъ с
слѣдователя стоициз
слѣдуютъ Климентъ
вой величины не толь
ряду вообще всѣхъ со
же рано основывается
вмѣстившимъ въ себѣ и
вѣру. Христіане прилеж
Правда, иногда слышали
науки и литературы для
чали краснорѣчивое опро
александрійскій, философ
Тотъ клевещетъ на ...

[redacted]

не отвращаетъ насъ отъ вѣры ложными предубѣжденіями. Напротивъ, она служитъ новою защитой для вѣры. Для насъ это—родственное знаніе, которое помогаетъ въ раскрытіи истинъ вѣры. Философія была наставницею Грековъ, подобно тому, какъ законъ былъ руководителемъ Іудеевъ. И философія, и законъ приводятъ ко Христу». Философія, наука считались даже необходимыми для христіанина. Эта мысль ясно высказана св. Василіемъ: «Подобно тому, какъ красильщики обрабатываютъ сначала разными веществами ткань, предназначенную для окраски, и потомъ уже погружаютъ ее въ пурпуръ, поступимъ и мы, чтобы мысль о благѣ осталась неизгладимою въ душѣ нашей. Прежде всего мы посвятимъ себя внѣшнему знанію; потомъ уже будемъ слушать святое объясненіе таинствъ». Лучше всего выражается эта мысль во всей жизни бл. Іеронима. Онъ любилъ науку и сдѣлавшись христіаниномъ. Въ свою виѳлеемскую пустыню онъ перенесъ библіотеку классическихъ писателей Греціи и Рима и тамъ прилежно изучалъ ихъ. Постомъ онъ сдѣлался опасно боленъ и ему снилось, что онъ поставленъ передъ престоломъ Іисуса Христа, который вопросилъ его: «Кто ты?» Іеронимъ отвѣчалъ: «Христіанинъ». «Нѣтъ, возразилъ Христосъ, ты не христіанинъ; ты-ученикъ Цицерона». Пораженный этимъ сномъ, Іеронимъ рѣшился отказаться отъ занятій языческою литературой и въ 383 или 384 году написалъ свой комментарій, посвященный папѣ Дамасію, въ которомъ громитъ епископовъ, знающихъ наизусть Виргилія, читающихъ безпрестанно языческихъ поэтовъ. «Эти стихи поэтовъ, это краснорѣчіе ораторовъ, эта мудрость философовъ, все это—праздникъ діаволу». Но это осужденіе языческой литературы было непродолжительно. Іеронимъ возвратился къ прежнимъ занятіямъ, и когда римскій риторъ, Магнусъ, упрекнулъ его въ томъ, что онъ не можетъ написать страницы, не цитуя Цицерона, Горація и

Виргилія, онъ горячо возражалъ ему. Онъ указывалъ на примѣръ ап. Павла, который, защищая передъ аѳинскимъ ареопагомъ ученіе Христа, не боялся обратить въ орудіе защиты вѣры надпись на языческомъ жертвенникѣ и сослаться на свидѣтельство поэта Арата: «Преданность вѣрѣ не помѣшала же апостолу цитовать Эпименида въ посланіи къ Титу и въ другомъ мѣстѣ привести стихъ Менандра!» Когда упрекнули Іеронима въ томъ, что онъ забылъ таинственный сонъ и свое обѣщаніе, онъ отвѣчалъ: «Кто можетъ забыть свое дѣтство? Я уже безъ волосъ, а все еще сколько разъ кажется мнѣ во снѣ, что я молодъ, что густыя кудри покрываютъ мою голову и я въ волнующейся тогѣ произношу декламацію передъ риторомъ! Чтожъ? Развѣ я могу напиться изъ рѣки забвенія? Дѣло другое, еслибы меня упрекнули въ неисполненіи обѣщанія, даннаго мною въ полномъ умѣ и памяти. Но мнѣ ставятъ въ упрекъ мой сонъ! Пусть же прочтутъ въ пророкахъ увѣреніе, что сны—ложь, и имъ не должно давать вѣры». Такъ писалъ Іеронимъ уже въ концѣ своей жизни (въ 397—402 гг.), послѣ долговременныхъ подвиговъ отшельнической жизни, уже сдѣлавшись великимъ учителемъ церкви.

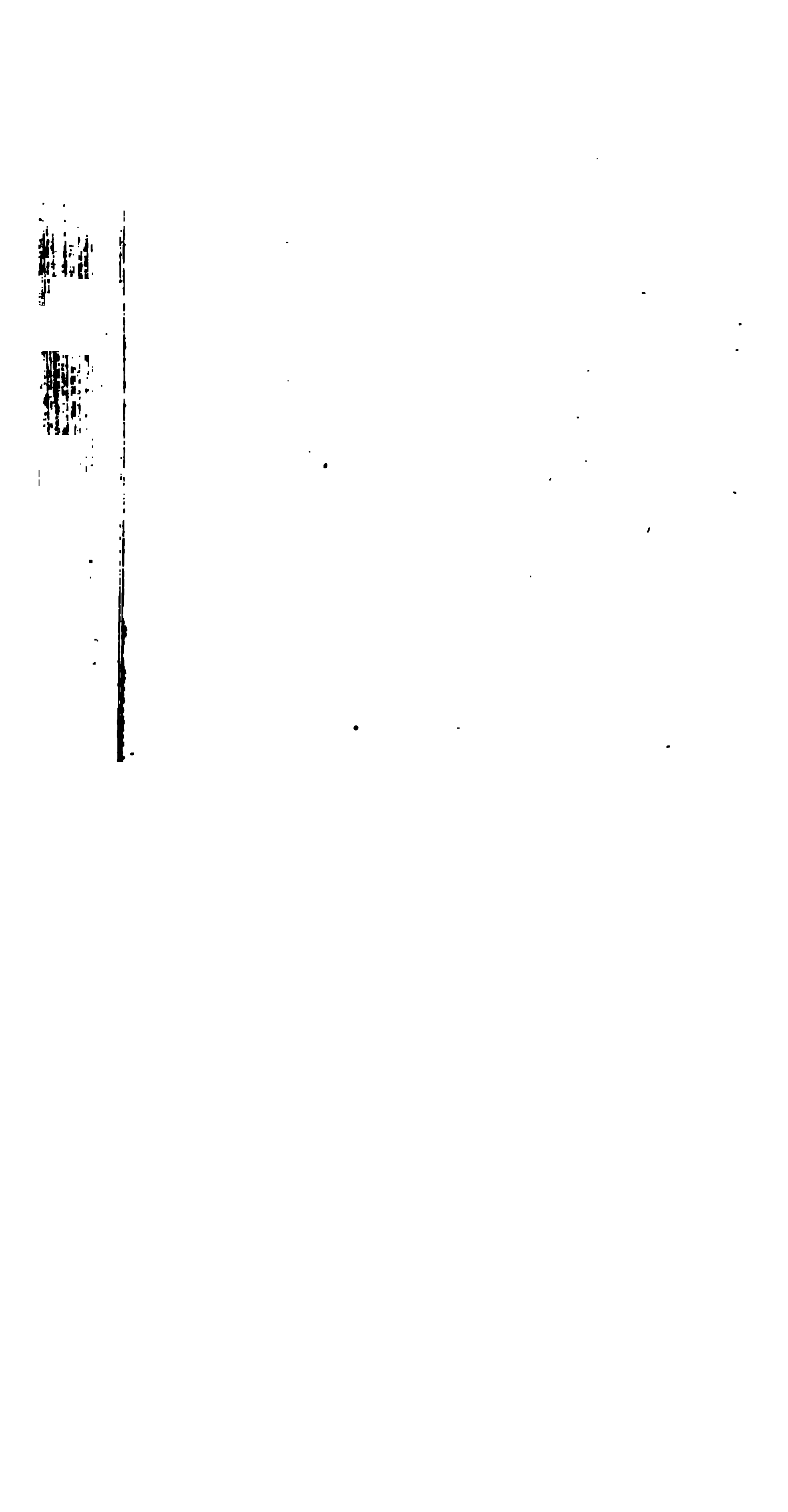
КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

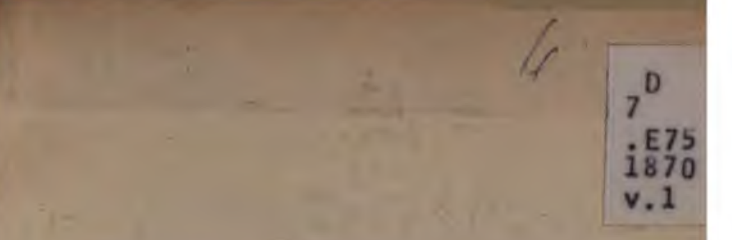

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

[redacted]

D
7
.E75
1870
v.1

Stanford University Libraries
3 6105 013 416 271

Date Due

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305